

ХУАН ГОМЕС-ХУРАДО ЛЕГЕНДА О ВОРЕ

Эпическое приключение в величественной Севилье XVI века

ПЕРЕВОД С ИСПАНСКОГО - ГРУППА „ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН“

Annotation

Будьте готовы перенестись в Севилью XVI века, удивительный мир нищих и проституток, дворян и торговцев, бретёров и воров. Любовь, страсть и месть — вот основы этого мастерского приключенческого романа о мальчишке, удивительным образом избежавшем смерти, который вырос и превратился в последнюю надежду всех обездоленных. В судьбе Санчо и его окружения скрываются тайные истоки литературы — на своем пути он сталкивается с двумя таинственными персонажами, Сервантесом и Шекспиром (в романе допускается, что оба действительно могли жить в Севилье в 1590 году). Его история изменит вас навсегда.

---

*Памяти Хосе-Антонио Гомес-Хурадо,
который научил меня ценить хорошую историю*

Жара укутывала землю своим покрывалом. На королевский тракт легли тени от копыт лошадей.

Отряд возглавлял сухопарый мужчина с острыми чертами лица, вслед за ним серые клячи тянули пару повозок. Двое парней присматривали за животными, а в повозках ехали трое мужиков, чтобы разгружать мешки с пшеницей. Замыкала процессию вереница мулов, которые стоически глотали пыль, поднимаемую колесами и подковами.

Предводитель отряда крутил в руках поводья. Ему приходилось прилагать невероятные усилия, чтобы не вонзить шпоры в бока лошади и не помчаться галопом в сторону Эсихи. Этим походом королевский комиссар по закупкам продовольствия был обязан своей должности, ему поручили собирать пшеницу для Непобедимой армады, которую готовил Филипп II для вторжения в Англию. Как бывшего солдата, это поручение наполняло новоиспеченного комиссара гордостью и чувством ответственности. Комиссар чувствовал, что вносит свой вклад в славу, которая будет завоевана в ближайшие месяцы. Пусть сам он уже не мог удерживать мушкет, поскольку благодаря одной злополучной битве шестнадцать лет назад перестал владеть одной рукой, по меньшей мере, он в состоянии накормить тех, кто может стрелять.

Впрочем, задача оказалась не из легких. Крестьяне и землевладельцы не особо расположены отдавать зерно. Комиссар имел право вершить правосудие, а также разрешение ломать засовы и опустошать зернохранилища, с единственным обязательством — оставлять в обмен королевскую долговую расписку. Вряд ли клочок бумаги с радостью приняли бы те, кто гнул спины над землей, особенно учитывая общеизвестную неторопливость короны в деле оплаты долгов, которые она так беспечно на себя брала.

Комиссар прервал свои размышления, когда на расстоянии броска камня на извилистой мощеной дороге показался полуразвалившийся домишко.

— Это таверна Грихана, господин, — сказал кто-то из сидящих в повозках с надеждой в голосе. Путь из Севильи в Эсиху был тяжелым, и люди надеялись, что им предоставится возможность прочистить горло от дорожной пыли кувшином вина.

Комиссар предпочел бы продолжить путь. Он чувствовал себя способным взвалить на спину миллион мешков пшеницы. Всего через неделю ему исполнялось сорок, но он по-прежнему был гораздо сильнее, чем казалось при взгляде на его худобу и живые, но печальные глаза.

— Остановимся отдохнуть ненадолго, — ответил он, не оборачиваясь. В конце концов, нужно было напоить животных. Под таким палящим солнцем люди и мулы могли вытерпеть еще много миль, но вот лошади — совсем другое дело.

Внезапно он почувствовал, что что-то не так.

Собаки не приветствовали прибытие процессии веселым лаем с обочин дороги. Никто не высунулся из двери хижины, привлеченный шумом людей, колес и животных. Стояла лишь липкая и тревожная тишина.

Местечко было маленьким и убогим. Квадратное, топорной работы строение, покрытое поблекшей известкой, с деревянной халупой в качестве конюшни. Чуть подалее раскинулся оливковый сад, но комиссар не смотрел вдаль. Его взгляд был прикован к двери.

— Стоять! Всем вернуться к повозкам!

Люди, уже бежавшие к колодцу, находившемуся в нескольких шагах от дома, остановились как вкопанные. Проследив, куда направлен взгляд комиссара, все одновременно перекрестились, словно бы движимые невидимой рукой.

Из хибары торчала костлявая и голая рука мертвеца. Почерневшее, всё в язвах лицо не оставляло места для сомнений относительно причин его кончины: это был характерный признак беспощадного убийцы, кошмара, внушавшего ужас любому мужчине, женщине и ребенку тех времен.

— Чума! Пресвятая Дева! — воскликнул один из грузчиков.

Комиссар властным тоном повторил свой приказ, и вся группа поспешила его выполнить, словно одно лишь простое соприкосновение с пыльной землей могло передать им болезнь. Пять дней ужасающих мучений, а потом неизбежная смерть. Мало кому удавалось выжить. Он уже собирался отдать приказ отправиться в путь, но ему помешал внутренний голос.

"А если внутри есть кто-то, нуждающийся в помощи?"

Пытаясь совладать со страхом, комиссар слез с лошади. Обходя животное, он достал из сумки платок и закрыл им лицо, завязав на затылке. Он довольно долго прожил в Алжире, в плену у арабов, и видел, как их врачи зачастую использовали такой способ, когда должны были посетить больного, зараженного этим недугом. Он медленно пошел к дому, держась как можно дальше от трупа.

— Не входите туда, господин!

Комиссар остановился у двери. На мгновение он ощутил соблазн вернуться, вскочить на лошадь и убраться отсюда. В этот миг это было бы самым разумным решением, но однажды наступил бы день, когда те же люди вспомнили бы, как их начальник поддался страху. В ближайшие месяцы он будет весьма нуждаться в своих спутниках, и не стоило с самого начала давать им повод потерять к нему уважение.

Он сделал шаг вперед.

Один из грузчиков начал шепотом молиться, другие тотчас же к нему присоединились. Даже животные встревожились, чувствуя обуявший хозяев ужас.

Зайдя в лачугу, комиссар прищурил глаза до тех пор, пока зрачки не привыкли к темноте внутри помещения. С порога ему была видна одна большая комната, которая, должно быть, служила одновременно и залом, и столовой, и спальней, как почти во всех домах бедноты. Из мебели имелся только стол, скамья и несколько соломенных тюфяков на полу. Второго этажа не было, только задняя дверь, определенно ведущая в кухню.

Несмотря на защиту платка, он почувствовал вонь. Но это не был смрад мертвеца. Комиссар отлично знал этот запах и не чувствовал его здесь.

Набравшись храбрости, он сделал несколько шагов. Стайка крыс незаметно подкралась к нему и проскользнула между ног, и он поразился, что на нем были толстые сапоги для верховой езды. Тюфяки, замеченные им еще с порога, лежали рядом с большим кувшином масла, без всякой сомнений произведенного из плодов маленького оливкового сада. Постелей было две, одна из них занята.

Даже несмотря на полумрак он понял, что лежавшей там женщине ничем нельзя помочь. Уставившиеся в потолок пожелтевшие глаза покрылись тонкой пеленой. Должно быть, она умерла всего пару часов назад.

На полу, крепко схватив покойницу за правую руку, сидел смуглый и худой ребенок. Сходство между ними было очевидно, и комиссар решил, что это наверняка ее сын. По тому,

как он прильнул к руке матери, можно было понять, что он не знал о ее смерти.

"Он остался здесь, чтобы о ней заботиться", — подумал комиссар, разглядывая чашку с водой и горшок на полу, рядом с мальчиком. Случившийся здесь ад, всё то, что ему пришлось увидеть и сделать в последние часы своей матери, заставили бы убежать любого. Мужество этого ребенка вызвало в комиссаре прилив гордости.

— Ты слышишь меня, парень?

Мальчик не ответил. Он дышал с трудом, но размеренно, глаза его были закрыты. Как и покойница, он был заражен чумой, но язвы не покрыли лицо. На шее виднелось несколько шпук, но не плотные и почерневшие, а открытые, из них исходил желтоватый вонючий гной. Комиссар хорошо знал, что это значило.

"Он будет жить".

У тех немногих, кто пережил болезнь, на четвертый день появлялись гнойные язвы. Этот ребенок, которому не могло быть больше тринадцати лет, победил зло, способное за считанные дни свести в могилу сильного мужчину. Но этот подвиг оказался бы бесполезным, останься он здесь, слабый и брошенный на произвол судьбы. Комиссар подавил приступ отвращения. Хотя это полностью нарушало все его планы, он ни мгновения не сомневался, что поможет мальчику. Очевидно, у судьбы имелись причины привести его в эту забытую Богом лачугу.

Обойдя тюфяки, комиссар приблизился к кувшину с маслом. Он достал из-за пояса кинжал и несколько раз ударил по нижней части огромного сосуда, пока в глине не образовалась большая трещина. Жидкость начала вытекать на деревянный пол с негромким бульканьем. Перешагнув растекающуюся лужу, комиссар подошел к мальчику. Он склонился над ним и взвалил его на правое плечо. Тот весил меньше, чем положено в его возрасте, но даже при этом комиссар почувствовал в спине хруст, когда выпрямлялся. Он с усмешкой вспомнил, что всего несколько минут назад ощущал себя способным перенести в одиночку всю пшеницу короля.

"Если бы эта чертова левая рука работала..."

Он направился обратно к свету, преследуемый ручейком масла, который на пороге смешался с уличным песком. Все затаили дыхание, увидев его выходящим с ребенком на руках, но комиссар держал мальчика подальше от остальных; чтобы у него был шанс, они должны оставаться в неведении относительно его болезни. Последним усилием он положил мальчика в тени колодца. Достав свою собственную флягу, он сделал пересохшими губами глоток воды.

— У ребенка нет чумы, господин?

— Нет, но его семья мертва, а сам он истощен. Я должен отвезти его в Севилью.

— А как же сбор пшеницы для короля?

Комиссар в задумчивости провел рукой по бороде. Эти люди работали скорее за жалованье, чем из патриотических чувств, но даже при этом они были отчасти правы. Поставки зерна не должны задерживаться ни на день, чтобы флот смог вовремя отправиться на завоевание Англии. От этого зависели тысячи жизней.

Он ткнул пальцем в двоих мужиков.

— Ты и ты: разведите огонь и сожгите пристройку. Остальные напоите животных водой из колодца, но сами оттуда не пейте. Затем все возвращайтесь на дорогу в Эсиху и заночуйте на первом же постоялом дворе, который найдете. Завтра в полдень встретимся около ратуши.

Не обремененный мулами и повозками, всадник мог проделать этот путь всего за полдня. Этого ему было более чем достаточно, он даже мог насладиться отличной поездкой верхом. Без его надзора отряд, скорее всего, закончил бы путь в первом же борделе, но, к счастью, он им еще ничего не заплатил. Комиссару ничего не стоило заставить их работать на следующий день.

"И кто знает... может быть, я спасаю жизнь будущего солдата его величества".

Когда повозки исчезли за первым поворотом дороги, комиссар взял пару горящих дровяшек из пристройки и швырнул их внутрь лачуги. Ему пришлось сделать несколько подходов, пока он не добился, чтобы огонь распространился, захватив в первую очередь стол, а уже под конец — пропитанные маслом половицы. Пламя нехотя разгоралось в густом масле, но уж когда разгорелось, то свирепо взметнулось до потолка. В считанные часы это место превратится в кучу почерневших и дымящихся развалин, и чума не распространится по всей округе.

Комиссару пришлось приложить немало усилий, чтобы взвалить мальчика на лошадь. Тот по-прежнему хранил молчание и находился до той поры в полубессознательном состоянии, но испустил при этом протестующий стон и приоткрыл глаза.

"Хороший знак, парень. Я рад, что ты по-прежнему хочешь бороться".

Обратный путь в Севилью не был слишком длинным, но комиссар вел лошадь шагом, боясь навредить мальчику тряской. Его охватило беспокойство, когда он осознал, что мог не успеть добраться до города до того времени, как закроются его ворота, и в этом случае он будет вынужден провести ночь вместе с больным снаружи, в чистом поле или на постоялом дворе. Это было чрезвычайно опасно в том случае, если кто-нибудь заметил бы, что мальчик болен чумой. Один врач-мусульманин однажды сказал комиссару, что выжившие не могут передать болезнь, но было бы очень трудно объяснить эти тонкости стражникам или группе напуганных горожан. Как только они заметят язвы, то скорее всего выбросят мальчика в канаву и подожгут. Он уже видел такое раньше.

Комиссар ожидал трудностей при въезде в город, но всё же вздохнул с облегчением, оказавшись в двух шагах от ворот Макарена. Солнце торопилось спрятаться за башней кафедрального собора, и прекрасный Хиральдильо [\[1\]](#) сиял оранжевым светом. У подножия окружавших Севилью стен, перед городскими воротами вилась вереница людей. Крестьяне, купцы, торговцы, продавцы воды и мясники заканчивали рабочий день и спешили под защиту стен через любые из двадцати трех ворот до того, как их запрут.

Комиссар пришпорил лошадь, пока не добрался до начала очереди, осыпаемый оскорблениями и недовольными причитаниями полусотни людей, ожидавших своего чередой войти. Он показал стражникам бумагу, подтверждавшую его должность, но те всё равно посмотрели на него с подозрением. Он выдержал осмотр, не отводя взгляд, надеясь, что таким образом уведет их взоры от мальчика.

— Кто этот паренек?

— Мой слуга.

— Выглядит больным.

— Что-то съел не то.

Один из стражников подошел к мальчику, который лежал ничком на крупе лошади. Комиссар побоялся, что тот откинёт платок, который он набросил на шею мальчику, чтобы скрыть гнойники. Однако стражник не стал его трогать.

— Вы можете проезжать свободно, сеньор, но только не ваш слуга.

Комиссар собрался было возмутиться, но стражник его прервал.

— Придется вам заплатить за проезд, как и всем прочим. Два мараведи [2].

Горько сетуя, чтобы скрыть свое облегчение, как поступил бы любой истинный идалго, комиссар потянулся к кошельку и дал стражнику медную монету.

На узкие улочки Севильи опустились сумерки, когда больной вместе со своим спасителем остановились напротив монастыря Святого младенца в квартале Ла-Ферия. Этот приют выглядел менее кошмарным, чем дюжина других, находящихся в городе, по крайней мере, так сказал комиссар Уальгвасил, который оставил там ребенка от одной из любовниц. Мерзавец этим хвастался, словно выбор места, где он избавился от собственного чада, мог послужить предметом гордости.

Комиссар спешился и трижды ударил дверным молотком. Оттуда высунулся старый монах усталого вида со свечой в руке и боязливо осмотрел стоящего перед ним незнакомца с горделивой осанкой.

— Что вас сюда привело?

Комиссар наклонился и пробормотал несколько слов монаху на ухо, показав на свою лошадь. Монах приблизился к мальчику, который моргнул, заметив, как костлявые руки монаха срывают с его шеи платок, теперь запачканный выходящим из нарывов гноем. Старик поднес свечу ближе, чтобы осмотреть действие болезни.

— Вы знаете, как он подхватил чуму?

— Его мать умерла за несколько часов до того, как я его нашел, это всё, что мне известно, — ответил комиссар. Он боялся, что монах откажется принять зараженного чумой мальчика, но тот согласно кивнул, более пристально осмотрев шею больного. Затем он поднял голову и мягко погладил подбородок. Пламя высветило на его грязном лице глубокие морщины.

— Годков-то ему много, — проворчал монах.

— Должно быть, лет тринадцать. А в каком возрасте ваши ученики покидают приют, падре?

— В четырнадцать.

— Значит, у парня есть несколько месяцев, чтобы поправиться и, может, найти себе занятие.

Монах недоверчиво засопел.

— Из всех бедолаг, что оставляют в этой святой обители, лишь двум из десяти удается выйти за ее стены в день своего четырнадцатилетия. Но к тому времени они умеют читать и писать, мы даже подыскиваем им местечко, чтобы не сбились с праведного пути. Наша работа длится годами, а не несколько месяцев.

— Я лишь прошу вас дать парню возможность, падре.

— Вы заплатите за его пребывание?

Комиссар скорчил гримасу. Ожидать от монаха милосердия, да чтобы тот не попросил ничего взамен — всё равно что надеяться, что на дубе вырастут груши, но раскошелиться ему не хотелось. Тем более, у него не было при себе собственных денег, лишь деньги короля, чтобы исполнить его поручение. Придется всё возместить, когда получит свое жалование. Он положил четыре эскудо в протянутую руку старика и, поскольку тот ее не отдернул, с недовольным вздохом добавил еще два. Этот благородный жест дорого ему обойдется.

— Шесть эскудо. Этого должно хватить.

Монах пожал плечами, словно говоря, что любых денег мало, когда их вручают слуге

Божьему. Он вернулся в приют и позвал двух монахов помоложе, которые тут же появились, чтобы заняться мальчиком.

Комиссар снова сел в седло, но когда уже готов был отправиться в путь, старик взял лошадь под уздцы.

— Погодите, сеньор. Какое имя я должен назвать мальчишке, когда он спросит о своем спасителе, чтобы он мог упоминать его в молитвах?

Мужчина немного помолчал, устремив взор на мрачные улицы Севильи. Он чуть было не отказался отвечать, но прошел в жизни через слишком много испытаний и невзгод, чтобы отвергнуть молитву в обмен на шесть эскудо. Он снова перевел печальный взгляд на монаха.

— Скажите ему, чтобы помолился за Мигеля де Сервантеса Сааведру, королевского комиссара по закупкам.

Октябрь 1588

—

март 1589

Колокольный звон начался мощно и чисто, чтобы затем превратиться в быстрый, пронзительный и радостный перезвон. Этот звук ни с чем не спутаешь.

Севильцы с раннего детства учились толковать звон колоколов кафедрального собора. Он возвещал о свадьбах и похоронах, отмечал полдень и сумерки, предупреждал о болезнях и опасностях. Песнь бронзовых ангелов руководила жизнями горожан с неизмеримой высоты колокольни, как эхо Божьего голоса.

Послание достигло каждого уголка города: вернулся флот из Индий. Бесчисленные галеоны, трюмы которых были переполнены золотом и серебром, уже проходили Бетис, или Гвад-ал-Квивир, как называли реку мориски [\[3\]](#), направляясь в порт Ареналь.

Банкиры и торговцы потирали руки, представляя товары, которые в скором времени наполнят их склады. Столяры из речной долины и корабельные плотники запрыгали от радости, ведь после опасного путешествия через Атлантику корабли нуждались в серьезном ремонте. Трактирщики, проститутки и картежники бросились в гавань со своими бочками дешевого вина, размалеванными лицами и мечеными картами. Они были первыми, но не единственными. Вся Севилья направлялась в Ареналь.

Санчо не стал исключением.

Парнишка никогда прежде не слышал звона колоколов, однако сразу же понял, что это значит, ибо в последние недели весь город не желал говорить ни о чем другом, кроме как о скором возвращении галеонов. В эти минуты он не мог даже представить, что через несколько часов подвергнет опасности свою жизнь из-за того, что прибыло на борту одного из них.

Площадь Святого Франциска вокруг него кипела от восторженных возгласов в адрес Бога и короля. Торговцы поспешно разбирали свои лотки, зная, что тем утром весь народ будет в другом месте. Мастера проклинали учеников, требуя упаковать всё как можно быстрее. Санчо подошел к оловянным дел мастеру, убравшему свои кружки в сундук.

— Вам помочь, сеньор? Я могу отнести ваш товар до Ареналья и помочь разложить его там снова, — сказал он, стараясь казаться серьезным и уважительным.

Не переставая собирать свои вещи, оловящик мельком взглянул на стоящего рядом ушастого мальчика с черными волосами и зелеными глазами. Потом сделал непристойный жест рукой.

— Убирайся, сопляк! Мне не нужна помощь, да и сомневаюсь, что от тебя будет хоть какой-то прок.

Санчо отошел, униженный. Скучный приютский завтрак в виде каши был уже много часов как переварен. Этим утром ему не везло с клиентами, так что день обещал быть голодным. Монахи не могли прокормить сотню подкидышей, переполнявших монастырь Святого младенца, поэтому старшим приходилось пошевеливаться, если они хотели иметь что-нибудь на обед.

Почти все прибегали для этого к работе носильщиков, для чего ходили по рынкам и площадям с тяжелыми плетеными корзинами и предлагали свои услуги прохожим. Сеньоры и рабыни, посещавшие рынки, давали им мараведи, чтобы мальчики донесли купленную провизию до кухонь их домов. Хорошо, если они покупали фрукты или яйца, тогда

носильщик мог положить себе немного в рот, когда клиентка останавливалась поболтать с какой-нибудь соседкой.

Но этим утром Санчо не слишком везло, и в его пустом животе слышалось урчание. Не осталось никакой надежды заполнить его чем-нибудь до окончания занятий. Каждый день работавшие снаружи сироты должны были вернуться в классы монастыря ровно в четыре. Затем три часа занятий до семи вечера, час молитвы Деве Марии и водянистый суп, служивший ужином большую часть вечеров. После этого они отправлялись спать, чтобы суметь занять хорошие места на площадях с первыми лучами рассвета.

Место имело значение. Совсем не одно и то же — находиться на скромной площади Медины или на площади Святого Франциска с богатыми покупателями, менее расположенными самостоятельно носить припасы ради экономии. Чтобы найти хорошее место, необходимо было приходить рано. Другие сироты по очереди передавали друг другу лучшие углы, но к Санчо, попавшему в приют последним, остальные всегда относились с подозрением.

Он осторожно сложил корзину, опасаясь сломать ручки. Она принадлежала приюту, и Санчо нес за нее ответственность. Ремесленник плел такую корзину неделю, поэтому они были очень дорогими. Она была привязана к спине парой веревок.

Занявшись этим ремеслом несколько месяцев назад, он едва мог поднять пустую корзину. За это время его плечи стали шире из-за тяжелой работы, и теперь он едва замечал вес огромной плетеной корзины. Несмотря на голод, он улыбнулся. Прибытие кораблей было великим событием, которого он никогда раньше не видел, и остаток дня обещал стать волнующим. В распоряжении Санчо оставалось несколько часов до возвращения в приют.

Улицы, ведущие к кафедральному собору, были забиты потоками людей, направлявшихся в гавань. Вместо того, чтобы к ним присоединиться, Санчо пошел кратчайшим путем через хитросплетение улочек, лежавших к западу от площади Святого Франциска. Мало кто проходил там в тот момент, поскольку севильцы пытались пересечь стены через ворота Трианы, Ареналь и Угольные. Там, куда направлялся Санчо, не было доступного выхода, но намерение мальчика сильно разнилось от стремлений большинства. Он ускорил шаг, желая добраться поскорее.

— Смотри, куда прешь, будь ты проклят! — крикнула на него старуха, сидевшая на камне и чистящая одеяло от блох. Санчо чуть было не налетел на нее и, пытаясь избежать этого, опрокинул корзину, откуда на землю высыпались яблоки. Старуха начала вопить и перекрестилась от сглаза, пытаясь встать.

— Простите! — сказал Санчо, испуганно обернувшись. Он хотел снова побежать, но вид слабой женщины пробудил в нем сочувствие. Он поспешил собрать яблоки в корзину. Осуждающий взгляд старухи несколько смягчился, когда Санчо остановился, чтобы ей помочь.

— Аккуратней, шельма.

Мальчик улыбнулся и снова побежал между домами до тех пор, пока чуть не врезался в стену, которая в этом месте почти касалась домов. Они стояли так близко, что Санчо мог взобраться почти на самый верх крепостного вала. Одной рукой он оперся о стену дома, а другой о крепостную стену и подтянулся. Тут же поднял босые ноги и тоже упер в стороны, чуть пониже рук, снова и снова.

Через пару минут он уже цеплялся за край зубцов стены, залез в промежуток между двумя из них и с последним усилием, задышавшись, встал, наконец, на ноги наверху.

Вид сверху открывался великолепный.

Перед ним раскинулся Ареналь, самое знаменитое место торговли в христианском мире. Эта огромная площадь, простиравшаяся между западной стеной Севильи и полноводной Бетис, поражала всех, кто посещал город. Мальчик тоже поддался ее чарам, когда прошлой зимой впервые на нее вступил. Каждый день, от рассвета и до заката, тысячи людей толпились на этом открытом пространстве.

Буквально все товары мира собирались в этом месте, где торговали мехами и зерном, специями и сталью, оружием и боевым снаряжением. В хаосе, понятном только тем, кто годами был в него погружен, кондитеры и кожевники смешивались с ювелирами и сапожниками под сотнями голубых, белых и коричневых навесов. Удары молотков и бурление в котелках сливалось с торопливой торговлей на каталонском, фламандском, арабском и английском, если назвать лишь малую часть языков. Чему можно было очень быстро научиться в Аренале, так это надуть на всех возможных языках.

Именно Ареналь превратил Севилью в столицу мира. Речной порт, защищенный от нападения пиратов благодаря расположению в глубине материка, по официальному пожеланию Филиппа II стал обязательной остановкой для всех торговцев из Индий. К этой пристани никогда не было пришвартовано менее двух сотен кораблей, а в течение ближайших недель ожидалось прибытие почти трехсот. Когда все корабли флота доберутся до места назначения, они образуют гигантский лес из мачт и парусов, которые буквально закроют из поля зрения противоположный берег, Триану.

Санчо взвыл от радости, когда увидел, как из-за южной излучины реки появляется "Изабелла", флагман флота, которому принадлежала честь прибыть в гавань первым. В тот же миг пушечная батарея на Золотой Башне издала оглушительный залп, а затем еще один, и еще, до тех пор, пока корабль не достиг пристани под дружное "ура" зрителей. Дым от пушек и запах пороха заполнили воздух над стеной, где находился Санчо, и наградили мальчика острым жжением в носу; по крайней мере, это скрыло смрад, поднимающийся от трепещущей массы людей, уже битком набившей площадь. Дворяне и простолюдины локтями сражались за место, откуда можно было наблюдать высадку.

Хотя он уже больше года жил в городе, Санчо так и не смог привыкнуть к вони на улицах. Его детство прошло в одиноком домишке, где единственной компанией ему была мать и путешественники, останавливавшиеся на пути из Эсихи в Севилью; в основном погонщики и торговцы, но от случая к случаю заезжали и люди благородного происхождения. Всех их объединяло одно: они воняли. И вонь простолюдинов была более сносной, потому что они не скрывали ее под маслами и духами, как это делали дворяне. Конечно, в их доме было достаточно выйти во двор, чтобы вдохнуть свежий воздух. В городе же с более чем сотней тысяч душ, где лучшим способом избавиться от отбросов считалось выкинуть их в окно, спастись от зловония было негде.

Остаток утра Санчо провел на стене. За каждым новым выгруженным тюком, каждым новым сундуком, поднимаемым на телегу, по толпе бежала волна, передававшая название содержимого. Специи, кампешевое дерево, кораллы, серебряные слитки. Мальчик представлял длинную дорогу, проделанную каждой из этих бочек, и мечтал однажды отправиться в обратный путь, участником этих приключений. Он так погрузился в свои мечтания, что осознал, в какой серьезный переплет попал, лишь услышав, как колокола пробили половину четвертого.

"Брат Лоренсо отдубасит меня, если я не успею на урок вовремя", думал он, снова

поспешно спускаясь в промежутки между стеной и домами.

Едва его ноги коснулись земли, он пустился бежать обратно в сторону Ла-Ферии. Однако, не успел он миновать и дюжины улиц, как завяз в толпе зевак, что сгрудились, наблюдая, как по улице тащится вереница тяжело груженных повозок в сопровождении вооруженных стражников. У Санчо от волнения замерло сердце, когда он догадался, что повозки везут золото Индий — скорее всего, на монетный двор.

Проскользнув между ног зевак, он пробился в первый ряд. У него не было времени дожидаться, пока процессия покинет улицу, а потому, выбрав две повозки, зазор между которыми был побольше, он бегом бросился через улицу. Стражники протестующе закричали, но было уже поздно.

Испуганная видом бегущего наперерез мальчика, одна из лошадей встала на дыбы, и повозка накренилась. Санчо в страхе бросился бежать, но поскользнулся и шлепнулся на задницу. Один из ящиков, стоявших на повозке, поехал вниз и рухнул бы прямо на Санчо, если бы тот не успел увернуться. Крышка ящика откинулась, и часть его содержимого рассыпалась по брусчатке. Толпа восторженно взревела, увидев сверкающий поток золотых монет, хлынувший на мостовую.

На какой-то миг ему показалось, что время остановилось. Навсегда впечатались в его память деревянный ящик с выжженной надписью "ВАРГАС" меж двух монет, одной из которых был реал, а другая была ему незнакома, звон монет, рассыпающихся вокруг, и голодный блеск в глазах людей, готовых броситься подбирать раскатившееся золото.

"Сейчас меня затопчут", — подумал он, обреченно закрыв глаза.

— Стоять! — выкрикнул один из стражников, обнажая шпагу. Пронзительный скрежет выходящего из ножен клинка разрушил чары.

Возница спрыгнул с козел и бросился собирать монеты. Рядом с ним, широко расставив ноги, стоял обнаживший шпагу стражник. На его лице с запавшими глазами и острой стриженной бородкой читался вызов всей толпе.

— Вот и всё! — сказал тот, что подбирал монеты. С огромным усилием, при помощи троих молодцов ему наконец удалось втащить на повозку тяжелый ящик. — Теперь можем трогать.

— Пока еще не можем, — ответил другой, с подстриженной бородкой. — Одна монета закатилась туда, я видел, — пояснил он, указывая пальцем на середину улицы.

Возница посмотрел в сторону канавы, служившей для стока нечистот. Такие канавы были непременной принадлежностью многих севильских улиц; шириной и глубиной в ладонь, они были до краев заполнены вонючей смесью из жидкого дерьма, мочи и кухонных отбросов.

— Ну, уж туда-то я точно не полезу, — решительно заявил возница.

— Нырять, солдатик! — крикнул кто-то из толпы.

Стражник с бородкой мгновенно повернулся. Его бешеный взгляд скользил по лицам зевак, пока наконец не обнаружил насмешника, теперь от страха прикусившего язык. Стражник расчетливо и с жестокостью ударил его в живот. Несчастный рухнул наземь, хватая ртом воздух, и наемник не упустил случая несколько раз пнуть его по ребрам тяжелым кованым сапогом. Стоявшие вокруг молча отвернулись, не желая смотреть, с какой хладнокровной жестокостью стражник избивает человека.

— Эй, ты, — сказал под конец стражник с бородкой, повернувшись к Санчо. — Опустить туда руку и достань монету.

Мальчишка пристально посмотрел на стражника. Должно быть, тот что-то заметил в этом взгляде, потому что шпага сделала взмах в воздухе и уперлась в грудь Санчо. Сирота опустил голову, с тоской глядя на вонючую жижу.

— Давай, полезай, нечего раздумывать! В конце концов, ты просто грязная скотина, — добавил стражник, брезгливо оглядев лохмотья Санчо и его босые ноги. — Эта канава для тебя — дом родной.

Спустя много лет Санчо признает, что это мгновение было одним из решающих в его жизни. Он будет спрашивать себя снова и снова, был ли причиной совершенного им безумства тревожный смех, с которым толпа приняла комментарий стражника, или голод, или унижение, или всё это вместе взятое. А может быть, последний взгляд, который он встретил перед тем, как склонить голову. Это был взгляд маленького ребенка, пяти-шести лет, не больше, который зачарованно наблюдал за ним с открытым ртом, не отпуская руку матери и почесывая покрытую ссадинами ногу. Каким-то странным образом этот сопляк возложил свою собственную судьбу на плечи незнакомого мальчишки, которого заставляли рыться в дерьме.

Но в ту минуту Санчо не в силах был думать ни о чем, кроме необходимости лезть в эту вонючую жижу. Сморщившись, он запустил руку в канаву. Удовлетворенный стражник убрал шпагу от его груди и вложил ее в ножны.

— Ищи хорошенько, братец, а не то я тебя заставлю всю канаву языком вылизывать.

У него был грубый иностранный выговор с характерным раскатистым "р", напоминавший грохот ткацкого станка, на который забыли натянуть основу.

Поначалу Санчо боялся, что так и не найдет монету, но потом его пальцы нащупали холодный металлический кружок и сомкнулись вокруг него. Затем он повернулся к стражнику.

Тот, видимо, догадался по лицу Санчо, что собирается проделать мальчик, и снова потянулся к шпаге, но было уже поздно. Мальчишка, зажав монету в ладони, запустил целую пригоршню жидкого дерьма прямо в лицо стражнику.

Черная вонючая жижа залепила всё лицо капитана, на миг потерявшего дар речи, а потом грязь потекла по его шее прямо на хубон [\[4\]](#).

Однако у Санчо не было времени любоваться на свои художества. Прежде чем стражник успел опомниться, он перепрыгнул через тело избитого насмешника, который всё еще корчился на земле. За его спиной тут же плотно сомкнулась толпа любопытствующих, и мальчишка, пользуясь этим, бросился в ближайший переулок, крепко прижимая к груди золотую монету.

— А ну стой, ублюдок!

Сам не свой от страха, Санчо перепрыгнул через кучу мусора и, резко меняя направления, пустился бежать по узенькой улочке. Он недоумевал, как его преследователю удастся бежать так быстро — с оружием, в тяжелом кожаном нагруднике, какие носят солдаты и бандиты. Всякий раз, сворачивая за угол, он менял направление, надеясь одурачить преследователя, однако тот неумолимо приближался.

— Я поймал тебя!

Мальчик почувствовал, как пальцы стражника коснулись его рубашки, но руке в перчатке не удалось схватить ткань, и Санчо увильнул. Стражник споткнулся, но тут же вскочил на ноги и продолжил погоню.

В его груди полыхал пожар, а ноги с каждым шагом весили всё больше, когда Санчо свернул за очередной угол и обнаружил, что попал в проулок настолько узкий, что мог коснуться стен домов по обеим сторонам, всего лишь разведя в стороны руки. В этот миг он осознал, что совершил ужаснейшую ошибку. В конце улицы лежала куча мусора вдвое выше его роста — беспорядочное нагромождение кирпичей и огромных кусков гипса. Мальчик понимал, что не успеет через нее перелезть.

Испуганный, он слегка повернул голову назад и вытаращил глаза. Стражник с поднятой шпагой был меньше, чем в двух метрах. Съежившись, Санчо продолжил бежать, ожидая смертельного удара.

Острый клинок описал в воздухе дугу, но прямо перед тем, как обрушиться на мальчика, задел стену, вызвав дождь желтых искр. Когда клинок добрался до Санчо, то попал ему не в шею, как намеревался стражник, а в спину. Корзина, которую он нес, сдержала удар. Она упала на землю, почти разрубленная пополам.

Сила атаки заставила стражника споткнуться, и он врезался лицом в стену. Воспользовавшись этим, Санчо взобрался на кучу мусора, ободрав об острые камни кожу на руках, ногах и коленях, и спрыгнул на другой стороне.

Перевернувшись в воздухе, он приземлился на кучу щебня, едва не потеряв сознание от удара, и в ту же секунду почувствовал, как кто-то схватил его за волосы и зажал рот ладонью.

— Дай сюда монету!

Он попытался вырваться — и тут же оказался лицом к лицу с коротконогим уродцем крошечного росточка.

— Тсс! Не говори ни слова и дай сюда монету. Я хочу спасти твою жизнь, парень!

Оглушенный голодом, болью в руках и ногах и полным истощением, Санчо больше не мог бороться. Он открыл ладонь и отдал монету человечку, который его держал. Тот бросился к свалке и положил монету на один из камней, освещенных вечерним солнцем. Солнце золотом отразилось в монетке в два эскудо и отбросило на стены проулка блестящий отблеск Иерусалимского креста.

Карлик вернулся к Санчо и толчками впихнул его в дверь какого-то дома, где оба молча сжались в комок. Как раз вовремя, потому что широкополая шляпа стражника уже высывалась из-за верха мусорной кучи. Разъяренное лицо не оставляло сомнений, что бегать ему удавалось лучше, чем лазить. Когда он увидел сияющую на солнце монету, то

понял, что Санчо удалось сбежать. Он подобрал монету и вернулся на вершину каменной кучи. Оттуда он проревел хриплым, глубоким и полным ненависти голосом, эхо которого отразилось от домов:

— Я поймаю тебя, сопляк! И ты будешь болтаться на виселице, как и все тебе подобные!

Он развернулся, спрыгнул и исчез.

— Что с тобой? Ты что, карлика никогда не видел? — спросил у Санчо его спаситель, искренне потешаясь над его ошарашенным видом.

— Один раз видел, — ответил мальчик, закашлявшись. — Помню, какие-то бродячие комедианты забрели в трактир моей матери, и с ними как раз был карлик. Я был тогда совсем маленьким, а потому принял его за ребенка — такого же, как я сам. Потом я, помнится, изводил маму расспросами, почему у меня нет бороды.

Сердце его сжалось от горя, едва он вспомнил о тех днях, когда всё было просто и понятно, одни день похож на другой, и сегодня было загодя известно, что будет завтра и послезавтра. Вся его жизнь вертелась вокруг возни в огороде, кормления кур и дойки двух коз. Теперь же, всего год спустя, вся прежняя жизнь казалась туманной и как будто ненастоящей в сравнении с суровой реальностью, с которой он столкнулся на севильских улицах. Боль и тоска стали совершенно невыносимыми, когда он понял, что не может даже вспомнить лица женщины, что произвела его на свет.

— Ну, здесь тебе не мамашин трактир, парень. И ты был на волосок от гибели, я тебе скажу. Ты хоть знаешь, кого заляпал дерьмом? Самого капитана Гроота, личного телохранителя Франсиско де Варгаса, — сказал карлик, кивая на то место, где еще недавно стоял стражник с бородкой. — Этот чертов еретик — сущий чурбан; он хладнокровнее мороженой рыбы и тверже, чем задница монашки. Я никогда еще не видел такого злобного типа.

— А ты что, там был? — прищурился Санчо. Он просто не мог поверить, чтобы карлик на своих коротких ногах мог пробежать сюда так быстро.

— А мне и не нужно там быть. У этих улиц есть глаза и уши, и если уметь слушать, очень быстро всё узнаешь. Новости летят быстрее ветра, особенно, если это новости о том, как некто обокрал самого Варгаса.

Санчо закашлялся, после отчаянного бега во рту у него пересохло. Ему совсем не понравилось, как прозвучала последняя фраза.

— Этот Варгас — настолько важный тип?

Карлик криво усмехнулся.

— Важный ли тип Варгас? Ты откуда вылез, малыш? Если ты и правда хочешь посвятить себя этому ремеслу, мне придется серьезно с тобой поработать.

— Какому ремеслу?

— А ты как думаешь? Благородному искусству воров, перераспределению богатств, захвату излишков. Ладно, воровству. С такими ногами, как у тебя, ты будешь неплох. При правильном наставнике, конечно, — быстро добавил он.

Но Санчо его уже не слушал. Единственное, о чем он мог думать, так это об опоздании в приют. И тот день меньше всего подходил для опоздания.

— Мне это не интересно.

— Как это, не интересно? — карлик вытаращил глаза от изумления.

— Послушай, спасибо тебе за помощь, но мне пора идти. Удачи!

— Если я тебе буду нужен — загляни на блошинный рынок, спроси Бартоло из Трианы.

Там все меня знают, — крикнул карлик вслед мальчику, припустившему бегом по улице.

Санчо слишком спешил, чтобы ждать, пока привратник откроет входную дверь, поэтому вскарабкался на стену дворика, намереваясь пробраться с черного хода. Если повезет, он вовремя присоединится к длинной очереди перед столовой еще до того, как закроют двери и начнется ужин.

Он подскользнулся и упал на землю, ободрав колени, а пытаясь отдышаться, ясно услышал беготню и голоса, доносившиеся из северной части здания, хотя почти все уже должны были сидеть за ужином. Проклиная грозивший ему из-за опоздания голод, он залез в здание через одно из выходящих во дворик окон и рысью побегал по коридору. Добежав туда, где длинная галерея сворачивала к часовне и столовой, Санчо ухватился за угол, чтобы повернуть без потери скорости. Внезапно он врезался в стену из плоти и упал на спину.

— Какого черта? — взревел над ухом чей-то пронзительный голос.

Санчо приподнялся. Перед ним, потирая спину в том месте, где Санчо в него влетел, стоял Монтерито, один из старших мальчиков приюта. Хотя они были одного возраста, Санчо сталкивался с ним только в коридорах, поскольку они спали в разных комнатах и ходили на разные занятия. Монтерито учился с младшими, а Санчо занимался непосредственно с братом Лоренцо, настоятелем. Мальчик был этому рад, поскольку Монтерито был крупным, толстым и драчливым. Он разжигал драки всюду, где появлялся, и был всегда окружен бандой таких же хулиганов. Их было трое или четверо, они преследовали самых слабых и отбирали у них то небольшое количество денег и пищи, которые те добывали, прося милостыню на улицах и работая носильщиками.

И сейчас они тоже находились там, окружили одного из новичков, которого Санчо не знал.

— Прости, что ударил тебя. Я уже уйду, — извинился он, подняв руки в умиротворяющем жесте.

— Ты это, убирайся отсюда, петушок. У нас тут дело, — произнес Монтерито.

Новичок бросил на Санчо отчаянный взгляд. Обычно новоприбывшие бывали одеты в простые лохмотья или вообще голыми, но на этом бедном ребенке была одна из грубых приютских рубашек, разорванная в клочья.

— Что вы с ним делаете?

— А тебе какая разница, умник? Убирайся, пока мы и тобой не занялись.

Санчо сделал шаг назад. Их было слишком много, а у него были пустые руки. Он был изнурен, голоден, и его терзала боль. Он хотел лишь добраться до столовой, а потом до тюфяка в спальне, которую разделял с двумя десятками других сирот.

Новичок дрожал, крупные капли пота склеили его волосы и стекали на выпученные беззащитные глаза, которые цеплялись за Санчо, как за последнюю надежду на спасение.

"Проклятье", — подумал Санчо, делая шаг вперед. Если и было что-то, чего он не выносил, так это смотреть, как обижают маленьких.

— Оставьте его в покое.

Монтерито, который уже повернулся было к своей жертве, обернулся с выражением изумления и недоверчивости, ясно написанными на его круглом лице.

— Что ты сказал?

Санчо устало вздохнул, стараясь казаться безразличным.

— Ты глухой? Оставьте мальчишку в покое. Вас, псов, многовато для такой маленькой голубки.

Толстяк повернулся, хрустнул костяшками пальцев и набросился на Санчо, не сказав ни слова. Мальчик, ожидавший этого, пригнулся, чтобы уклониться от удара Монтерито, который пошатнулся от силы замаха. Остальные хулиганы присоединились к драке, оставив в покое новичка, который бросился бежать, будто за ним гнался сам дьявол. Санчо попытался сделать то же самое, но ему не удалось вывернуться из рук остальных. Он смог пнуть одного из них, прежде чем упал на землю, увлекая за собой другого в мешанину рук и ног.

— Ах, Господь благословенный! Что это за безобразие!

Пронзительный голос ризничего и прут, которым он наказывал тех, кто плохо себя вел в столовой, мгновенно расцепили дерущихся. Санчо остался лежать на земле, настолько побитый и измученный, что наказание его не волновало. Монаху пришлось несколько раз на него крикнуть, чтобы он поднялся.

— А, так это ты, Санчо из Эсихи! Снова нарушаешь покой этого дома!

— Брат, я...

— Это он начал свару?

Хулиганы и Монтерито очень серьезно кивнули и, перекрестившись, призвали Бога и его мать в свидетели вины Санчо. Разъяренный несправедливостью, тот скрестил руки на груди и не произнес больше ни слова.

Брат Лоренсо стоял у окна, когда Санчо вошел в его келью. Монах не обернулся поприветствовать его, ему требовалось время, чтобы совладать с чувствами. Несмотря на свои почти семьдесят лет, брат Лоренсо никогда не терял ту сторону человеческой натуры, которую вышестоящие всегда пытались подавить, поручая самые грязные дела. В его родной Ирландии он раздавал нищим милостыню, работал в лепрозории, а в 1570 году, после отлучения Елизаветы I от церкви, его отправили в Англию.

Брат Лоренсо прожил там пять лет, на протяжении которых преследование сторонников Папы Римского лишь усиливалось. Он был вынужден проводить мессы в амбарах и пристройках, крестить детей в колодцах и ваннах, исповедовать в конюшнях и курятниках. В конце концов его лицо стало слишком узнаваемым среди правоверных англиканцев, чтобы продолжать работу в этой стране, но руководство ордена отказалось вернуть его в Ирландию. Вместо этого ему нашли самую неблагодарную работу, какую могли поручить: руководить самым большим сиротским приютом Севильи после смерти предыдущего настоятеля. Маленькая община из пяти монахов на сотню подкидышей.

Брат Лоренсо чтил свою клятву послушания и не протестовал, хотя не знал ни слова на испанском. За двенадцать лет, что он уже провел в Севилье, он так хорошо им овладел, что даже самому искушенному слушателю не было заметно, что он родился не в Кастилии. У монаха было дарование к языкам, поэтому он добавил к своим занятиям уроки английского, помимо латыни, греческого и математики. Каждый день его не покидало ощущение, что он пытается засеять каменистую почву, ведь приютские дети почти всегда были слишком голодны, больны или получали слишком много ударов по голове, чтобы семена знаний могли в ней прорасти.

Конечно, иногда встречались исключения: белые лилии, прораставшие посреди мусорной кучи. И из-за них он страдал больше всего, ведь, сколько бы монах не лез из кожи

вон ради них, он не мог предотвратить того, что они кололи палец ржавым гвоздем и умирали в ужаснейших судорогах, или лихорадка или сыпной тиф добавляли маленькие холмики на переполненном приютском кладбище в конце двора.

Брат Лоренсо уже десять лет заботился о чужих детях, о тех, кого никто не любил. Он повстречал несколько белых лилий, но ни один не обладал силой и смышленостью Санчо. Мальчик был способен за несколько дней выучить то, на что другим требовались недели. Когда он оправился от чумы и смог впервые войти в класс, то не умел ни писать, ни читать. Всего за год он превратился в лучшего ученика.

Монах повернулся и молча поглядел на Санчо, теребя седую бороду. Несмотря на худобу, мальчик был сильным и вырос почти на ладонь с тех пор, как появился здесь больным на крупе лошади. Он как обычно смотрел прямо, со спокойным и уважительным выражением, которое не обмануло брата Лоренсо. Он знал, что за этими зелеными глазами бушует страшная буря. У Санчо не было друзей, и иногда монах замечал, как мальчик защищается от оскорблений других учеников, которые его не понимали и не хотели понять. Он заметил разбитую губу и не смог сдержать неодобрительный жест.

— Подойди, Санчо.

Монах снова повернулся к окну, наблюдая, как пустой двор окутывает темнота. Санчо приблизился.

— Ты должен был прийти ко мне еще до ужина, но так и не появился. И вдобавок ризничий сказал, что ты подрался и потерял корзину.

— Простите, падре. Понимаете, утром я пошел в Ареналь...

— Хватит, Санчо. Причина твоего опоздания меня не интересует.

— Но...

Брат Лоренсо поднял палец, и мальчик нехотя замолчал. Конечно, он был смутьяном, не смирился со своим местом в приюте, ни тем более с трагедией, которая привела его сюда. Ему понадобилась всего пара недель, чтобы оправиться от чумы, не оставившей на его теле никаких отметин, кроме нескольких уродливых шрамов на шее размером с дублон. Однако монах знал, что потребуются гораздо больше времени, чтобы затянулись душевные раны мальчика, если это вообще возможно. Несколько месяцев он вообще не открывал рта, а когда сделал это, то лишь для того, чтобы поведать маленькие кусочки своей истории, которые монах терпеливо собирал вместе.

Он выяснил, что отца Санчо не знал, а мать была женщиной суровой, более склонной раздавать тумаки, чем проявлять ласку. У него не было ни братьев, ни каких-либо других родственников, насколько он знал. В своей жизни ему была известна лишь мотыга и плита. Он обладал грубыми руками крестьянина, но умом лисицы и темпераментом дикой кошки. Без материнского якоря в таком суровом месте, как этот нищенский город, он бы погиб. Он считал, что всегда прав, и отвергал любую попытку контроля.

Его необходимо было направить на путь истинный.

"Помоги мне Господь, надеюсь, что принимаю верное решение", — подумал монах.

— Мне осталось дать тебе всего несколько уроков. На следующей неделе ты покинешь приют. И как тебе известно, сегодня я собирался принять решение относительно твоего будущего.

Санчо медленно кивнул.

— Я решил, что не дам тебе рекомендацию для работы в доме Мальфини. Я посоветую им взять Игнасио, а не тебя.

Мальчик вытаращил глаза, словно получил пощечину. Он мечтал об этой работе в доме итальянских банкиров с тех пор, как брат Лоренсо заговорил о ней несколько недель назад. Торговцы поддерживали связи с Англией, несмотря на то, что официально страны находились в состоянии войны. Из Севильи товары возили итальянские и португальские суда, и Мальфини поддерживали эти торговые пути. Поначалу для Санчо это ничего не значило, пока монах не упомянул, что подмастерья могут получить место в команде на флоте. Больше всего на свете мальчик стремился к морским приключениям, отказ монаха показался ему предательством.

— Но падре, вы сказали, что я лучше всех подхожу для этого места, — ответил Санчо, с трудом удерживаясь от того, чтобы не закричать. — Я гораздо быстрее складываю числа, чем Игнасио, а кроме того...

— Да, Санчо, ты считаешь лучше, чем Игнасио. И по-английски говоришь хорошо, хотя твоя латынь оставляет желать лучшего. Но для работы в доме Мальфини требуются не только эти качества. Тебе не хватает дисциплины и ответственности. В этом ты, сын мой, провалился с треском. Опаздываешь, постоянно дерешься с остальными...

Санчо отвел взгляд, потому что не мог вот так запросто объяснить, что сегодня произошло с Монтерито и новичком. Он и сам не знал, как так получается, что каждый день он попадает в стычку с каким-нибудь хулиганом. Каждый вечер, лежа на своем тюфяке и подсчитывая синяки, царапины и выбитые зубы, он клялся, что больше такого не произойдет. Но это всё равно случалось.

— Я никогда сам не затеваю драки, падре, — только и смог он сказать.

— Как думаешь, ты нравишься своим товарищам, Санчо?

— Не знаю. Наверное, нет.

— И по какой же причине, по-твоему? — спросил монах, поднимая бровь.

Мальчик пожал плечами и не ответил. Он не понимал, почему так.

— А я назову тебе причину, — раздраженно продолжал брат Лоренсо. — Подойди к моему сундуку и открой его. Там ты найдешь шкатулку из темного дерева. Поставь ее на мой стол и загляни внутрь.

Заинтригованный, мальчик повиновался. В шкатулке оказалось полно обрывков бумаги самых разных размеров и форм, ни одна не больше ладони. Санчо вытащил один листок и прочитал вслух надпись.

— "Я это сделала, потому что нечем его кормить". Что это, падре?

— Читай дальше.

— "Оставляю его в этом святом доме, потому что честь его матери в опасности", — произнес он, вынимая бумажки одну за другой и не понимая их содержимого. — "И ради чести оставляю его". "Оставляю, пока с галеонами не вернется мой муж, что уехал уже больше года как".

— Все эти бумаги были прилеплены к одежде младенцев, которых оставляют у нашей двери. Иногда их оставляют голыми, на заре, хоть бы и в разгар зимы, чтобы не поставить под удар свою честь, если соседи увидят выходящую из дома женщину с дитем дочери или служанки. Бывает, что они даже не беспокоятся о том, чтобы позвонить в колокольчик у двери монастыря. По ночам каждый час кто-нибудь из нас выходит, но порой проходит слишком много времени, и на малышей нападают свиньи или собаки. Ты представляешь, сколько детей мне пришлось вытащить из звериной пасти? Сколько раз меня кусали за руку или за ухо?

Брат Лоренсо сжал кулаки, словно его тело вспоминало те битвы, которые он в одиночку вел против самой смерти на пороге приюта. Он глубоко вздохнул.

— Те, которых оставляют с запиской — счастливики. У многих нет даже маленького утешения, подобного этому, ни единой простой фразы. Я отдаю их им в тот день, когда они уходят, чтобы хранили хоть те воспоминания, которыми обладают.

— Вы отдаете их, когда дети уходят? Но здесь...

Он внезапно замолчал, сообразив, где сейчас находятся владельцы этих посланий. Это те, которые проиграли битву, которые так и не покинули приют.

— У тебя была мать целых тринадцать лет. Потому остальные тебе завидуют и набрасываются на тебя при первой же возможности. Понимаешь?

Санчо потупил глаза под неодобрительным взглядом монаха. Его разум несколько мгновений витал где-то далеко отсюда, в одиноком доме, где запах оливкового масла и дорожная пыль превратили жизнь в тягучую и ритмичную поэму. Потрескавшиеся женские руки ощипывали в тени сарая курицу, а в это время мальчик кидался камнями в ящериц и цикад в траве. Если бы он не расстался со всеми этими ощущениями, то никогда не понял бы, что именно это называл своим домом.

— Возможно, лучше не знать, что потерял, — грустно сказал Санчо себе под нос.

Брат Лоренсо помедлил, прежде чем ответить, потому что зрелость высказывания мальчика его озадачила. Но он не мог взять свое слово обратно. Нет, если в самом деле хочет преподать урок.

— Именно такое отношение и отдаляет от тебя остальных. То, как ты скрываешь свою боль и никому о ней не говоришь, и восстанавливает против тебя всех. От этого они начинают думать, что ты считаешь себя выше остальных. Если бы ты остался в приюте чуть дольше, возможно... Но твое пребывание здесь подходит к концу, и лучшее, что я могу для тебя сделать перед уходом, это наложить наказание.

— Наказание, — медленно повторил Санчо.

— Пусть ты не получишь ту работу, которую заслуживаешь, но это научит тебя здравому смыслу, ты будешь работать разносчиком в таверне.

Мальчик почувствовал, как краснеет от стыда. Кровь в нем вскипела от несправедливости монаха, но он не хотел, чтобы тот с удовлетворением увидел, как его потрясла новость, а потому молча понурил голову. Брат Лоренсо посмотрел на него с недоверием, потому что ожидал более бурного проявления чувств.

— Это пристойное заведение, неподалеку от площади Медины. Ты проработаешь там шесть месяцев, и если будешь неукоснительно выполнять свой долг, то, возможно, я замолвлю о тебе словечко Мальфини.

Входя во двор особняка Варгаса, капитан Эрик Ван де Гроот снял перчатки. Лежащие у ворот собаки отодвинулись при виде него, рыча и скалясь на огромные кожаные сапоги, которых они привыкли бояться. Контраст между вонью снаружи и ароматом цветущих в саду нарциссов слегка смягчил ярость, которая до сих пор в нем кипела из-за того, что он упустил мальчугана, прилюдно его унизившего.

Де Гроот послал одного из слуг за водой и полотенцем, чтобы привести себя в порядок, на его лице еще остались следы полученного оскорбления. Он закрыл глаза, слыша лишь песню журчащего в центре дворика фонтана, пока наконец-то не успокоился. Варгас был не из тех, кому нравились проявления чувств, де Гроот это понял, как только поступил к нему на службу. Шестнадцать лет назад, когда фламандец томился в темнице за то, что ударил другого офицера, Варгас вошел туда и перемолвился парой слов с тюремщиком. Тот приказал привести де Гроота и двух других громил, таких же здоровенных и безжалостных, как и фламандец. Тюремщик объяснил, что это важный купец, который ищет телохранителей, после того как последний не смог переварить добрую толедскую сталь.

Варгас не задавал вопросов, просто подошел и посмотрел им в лицо, так близко, что они чуть не столкнулись носами. Другие беспокойно переминались с ноги на ногу. Де Гроот был единственным, кто выдержал пристальный взгляд, не моргнув глазом, хотя черные глубокие глаза торговца вызывали у него мурашки. В тот же вечер он в первый раз оказался во дворе, где сейчас пытался успокоиться.

Уже тогда состояние Варгаса была весьма значительным, хотя никто этого не сказал бы при взгляде на его дом снаружи. Дом с широким фасадом построили по мавританскому обычаю, со внутренним двориком. Без окон, из голого и грубо обработанного камня, совсем не в том стиле, который нынче пользовался популярностью у знати и людей, что, как и Варгас, разбогатели на торговле с Индиями. Огромные дворцы, помпезные гербы на дверцах карет, десятки слуг. Ничто из этого не относилось к его господину, тот держал минимум челяди и вел скромный образ жизни. Однако в саду каждые три месяца сажали новые растения, а мебели в жилых покоях позавидовал бы и король, если бы соизволил бросить мимолетный взгляд на плебея.

Слуга вернулся с принадлежностями для умывания. Выйдя из задумчивости, де Гроот быстро вытер лицо круговыми движениями, пока большое белое полотенце не превратилось в грязную тряпку. Фламандец с омерзением бросил его на пол.

— Дон Франсиско у себя в кабинете?

— Да, капитан, — ответил сквозь зубы слуга. — Но у него встреча.

Должно быть, из тех, что часто проходили в особняке. Де Гроот различил в голосе слуги ненависть и заметил брошенный на него косой взгляд, когда он уронил полотенце.

— Думаешь, это меня волнует, болван? — с его фламандским акцентом это прозвучало как "болфан".

— Сеньор, я просто подумал...

— Мне начхать, о чем ты думаешь. Ступай в бордель и расскажи об этом своей шлюхе-матери, да и ей тоже без разницы.

Разъяренный оскорблением слуга чуть дернулся в сторону де Гроота, и тот

предусмотрительно положил руку на рукоять шпаги. Слуга застыл. Смущенный и униженный, он развернулся и ушел, не проронив ни слова.

Фламандец довольно улыбнулся. Единственное, по чему он скучал из армейского прошлого, так это по власти, которую давал чин над подчиненными. Теперь он оставался в стенах этого дома, за исключением считанных случаев, когда выполнял поручения Варгаса. Например, сопровождать груз золота из Индий до монетного двора, как в этот день. Тогда он мог заглянуть в таверны и бордели в поисках драки, в которой нуждался, чтобы вновь почувствовать былую гордость.

Он направился к кабинету Варгаса, находящемуся на третьем и последнем этаже. Вдоль всего обращенного во двор фасада протянулся балкон с мраморной балюстрадой, соединяющий все помещения дома. Темный первый этаж предназначался для слуг, животных и рабов, а на верхних этажах находились редко используемые жилые покои. С тех пор как пять лет назад умерла жена Варгаса, а их сын уехал учиться во Францию, жизнь купца протекала в кабинете и спальне. Он часто выходил, чтобы заключить сделки на ступенях собора или посетить верфи и, конечно, на ежедневную мессу, но когда оставался в доме, редко покидал свой рабочий кабинет.

Посреди коридора де Гроот столкнулся с Кларой, юной дочерью экономки, которая несла несколько простыней. Де Гроот не посторонился, так что девушке пришлось прикоснуться к нему плечом, когда она проходила мимо. Капитан шлепнул ее по задку, на что девушка ответила яростным взглядом.

— Смотри, куда идешь, девочка. Если несешь тяжести, то дай настоящему мужчине тебе помочь.

— Когда увижу такого, то непременно его об этом попрошу, — отозвалась Клара, удалившись и не дав Грооту возможности ответить на дерзкое замечание.

"Однажды твоему змеиному языку найдется лучшее применение, сучка", — подумал капитан, пронзая взглядом спину Клары и чувствуя, как в нем разгорается желание. Даже простая одежда девушки не могла скрыть ее прекрасную стройную фигуру. Фламандец спросил себя, осмелится ли он когда-нибудь зайти с ней дальше приставаний и намеков. Если бы не господин, который особо предупредил де Гроота, чтобы держался от Клары подальше, он давно бы уже завалил ее на конюшне или в сарае и лишил девственности прямо на бадье с кормом для лошадей. Может, когда-нибудь он так и поступит, только чтобы поглядеть, как это высокомерие превратится в мольбы о пощаде. В конце концов, это будет слово рабыни против его слова.

Он тряхнул головой, чтобы развеять эти опасные грезы, быстро прошел оставшийся путь по коридору, остановился у двери из тисненого дуба и тихо постучал.

Франсиско де Варгас задержал перо в воздухе и слегка поднял руку, когда услышал перед дверью тяжелые шаги капитана. Он терпеливо подождал, пока не услышал стук в дверь, потому что не хотел испортить почерк из-за дрожания груди во время ответа.

— Войдите.

Лишь после этого он закончил выписывать цифру в большой книге, где педантично отражал каждое движение своей обширной торговой империи. Пухлый том в кожаном переплете был шестым за этот год. Записи касались всех типов операций: железо из Вискайи, золотое шитье и парча из Флоренции, кошениль и какао из Юкатана, ртуть для рудников в Таско и рабы, чтобы сплавить ее с серебряной рудой. Каждая покупка и продажа, включая взятки чиновникам, регистраторам и таможенникам. Записи такого рода он

зашифровывал, так что прочитать мог только лично, и наедине с самим собой позволял себе удовлетворенную улыбку. Если что и доставляло Варгасу удовольствие, так это прибыль, полученная с помощью трюков и уловок.

Он нахмурился, рассматривая последние цифры, и в результате очки, которые он использовал для письма, соскользнули на кончик носа. Присутствие де Гроота напомнило ему о возникшей проблеме. Имелся способ ее решить, хотя для этого нужен был инструмент более тонкий и точный, чем фламандец.

— Проходите, капитан. С сеньором Людовико Мальфини вы уже знакомы.

Капитан обернулся к стене, где пухлый человечек нервно потирал униженные кольцами руки. Он едва сдержал гримасу отвращения, узнав толстого банкира из Генуи, что не укрылось от внимания Варгаса. Мало какие детали ускользали от этих бездонных черных глаз, даже когда казалось, что они смотрят в другом направлении. Он был красивым и статным мужчиной, несмотря на возраст, и присутствие рядом Мальфини подчеркивало его элегантность. Варгас часто этим пользовался, даже чтобы завоевать уважение подчиненных.

Торговец взял горсть самого мелкого фракийского песка, который хранил в стоявшей на письменном столе шкатулке, аккуратно посыпал им только что законченную страницу и внимательно проследил, как песчинки впитали остатки черных чернил перед тем, как высыпать их на поднос. Наконец, он закрыл большую книгу и с трудом встал. На рубеже пятидесятилетия он начинал замечать годы чаще, чем ему бы хотелось.

— Вы хотите сказать мне что-то особенное, капитан?

— Нет, господин. Груз золота из Индий зарегистрирован на ваше имя в монетном дворе, как вы приказывали. Служащий сосчитал монеты из Мексики и грубые слитки. Результаты совпадают с тем, что мы ожидали. Случилось только небольшое происшествие с одним из ящиков, который упал на землю и рассыпался, сломав королевскую печать, но его содержимое полностью собрали. Вот документы о передаче, — сказал он, извлекая из складок плаща связку документов, которые оставил на столе.

Капитан ничего не сказал о происшествии с воришкой, поскольку не хотел выставить себя в нелепом свете перед хозяином, который бесстрастно смотрел на него в ожидании, не добавит ли фламандец что-то еще, возможно осознавая, что от него что-то скрывают.

Наконец, Варгас кивнул.

— Спасибо, капитан. Великолепная работа, как всегда. Вы можете идти.

Де Гроот кивнул хозяину и вышел из комнаты. Варгас подождал, пока закроется дверь, взял со стола бумаги и протянул их Мальфини.

— Прочтите сами.

Генуэзец развязал тесемки, которыми были связаны документы, и поспешно просмотрел их. Его свиные глазки остановились на последнем.

— Вот здесь, синьоре Варгас: "На основании королевского преимущественного права, указанный груз из Индий может быть изъят при следующей оценке Казначейства его величества..."

Варгас едва обратил внимание на пронзительный голос банкира, потому что слишком хорошо знал содержание документа, включенного в реестр будто по ошибке. Он очень дорого заплатил мадридским шпионам, которые сообщили о конфискации две недели назад, что позволило ему начать планировать, как смягчить нависшую над предприятием катастрофу.

«Причина моих несчастий — слишком большой успех», — подумал Варгас с горькой

иронией. Каждое предприятие, которое он основал на протяжении этих лет, каждый заработанный золотой эскудо были посвящены новым проектам. Только год назад он осознал огромную проблему, с которой столкнулся, когда стало очевидно, что чудовищные хитросплетения его империи были настолько взаимозависимыми, что самое минимальное нарушение равновесия могло привести к краху всей структуры. Словно это открытие было пророческим, несколько дней спустя один из его невольничьих кораблей утонул в океане, а галера подверглась атаке пиратов всего в двух днях пути от берегов Гаити. Под залог прибыли от обоих кораблей он взял ссуду, которую определенно — когда дела бы наладились, и если бы наладились — не смог бы погасить. И эта пробоина, которую оставили затонувшие корабли, с каждым днем всё увеличивалась.

Варгас не накопил бы свое огромное состояние, отступая перед первой же неудачей. Напротив, его собственное скромное происхождение и детство на улицах Севильи ожесточили его, как огонь закаляет железо, оставленное рядом с костром. В результате искусного управления делами он превратил в золото значительную часть своей собственности. Он продал лавки в Индиях, мастерские в Италии, мануфактуры во Фландрии.

Он стал совладельцем шахт драгоценных металлов и направил туда свои невольничьи корабли, чтобы обеспечить их сильными рабами для извлечения богатств из земных недр. Сотни золотых и серебряных слитков с печатью Варгаса прибыли на монетный двор Мексики как раз вовремя, чтобы их расплавили перед тем, как флот вернется в Испанию. Королевская власть снизила пошлины на чеканку монет, если она осуществлялась в Индиях, но не всем удавалось дожидаться своей очереди в небольшом монетном дворе, и многим приходилось отправлять золото в слитках. С помощью подкупа и вымогательства Варгасу удалось превратить в монеты три пятых своего металла до возвращения кораблей. Огромные усилия направлялись из маленького, тускло освещенного кабинета путем написания записок и инструкций полусотне агентов, которые без колебаний подчинялись на расстоянии.

Груз был огромен. Пятьдесят миллионов реалов серебром заполняли трюмы двух лучших галеонов Варгаса. Они бороздили океан вместе с другими кораблями огромного флота, города из деревянных мачт, подчиненного прихоти ветра и волн, несущих богатство всей Европы и некоторых частей Востока. Ни один пират не смел подойти на расстояние выстрела к этому полчищу орудий, хотя некоторые поджидали вдалеке, когда какой-нибудь корабль из-за поломки или повреждения не сможет продолжать путь с остальными. Тогда они набрасывались на него, как львы на раненую газель.

В этот раз кораблям Варгаса повезло. Они избежали опасностей моря и ускользнули от пиратов, но вот их грузу предстояло оказаться в руках главного грабителя: короля Испании, его величества Филиппа II.

— Да будут прокляты ваши войны и ваши священники! — воскликнул Мальфини, смяв бумаги пухлыми пальцами. — Это они вогнали Филиппа в неслыханные долги.

— Я бы сказал, что ваши соотечественники и их двадцать три процента тоже сыграли свою роль, Людовико, — возразил Варгас, стенания генуэзца были ему противны.

Лицо банкира вспыхнуло от гнева, словно огромная и круглая сковорода, недавно сошедшая с наковальни кузнеца.

— Это ваш король размещает во Фландрии войско за войском и приходит к нам за ссудами, чтобы было чем с ним расплатиться. Не наша вина, если его безумие превосходит доходы.

— Успокойтесь, Людовико, — перебил его Варгас, не желая спорить. — Мы знали, что

так случится. Что нужно сейчас сделать, так это найти выход из положения.

Он отобрал у него бумаги, положил на стол и начал аккуратно разглаживать листы, попутно пытаясь собраться с мыслями. Жаловаться не имело смысла: короли и бури сменяли друг друга, случались шторма, пускавшие ко дну корабли, и короли, пользовавшиеся своими привилегиями. У короны было право изымать любой груз золота и серебра из Индий и возвращать его содержимое через два года с выплатой минимальных процентов, что для его величества выходило намного дешевле, нежели просить в долг у генуэзцев. Поэтому торговцы редко рисковали такими огромными суммами, как это сделал Варгас, движимый отчаянием. Они предпочитали подстраховываться при помощи специй и рабов, которые облагались повышенными пошлинами, но не подвергались опасности испариться по прибытии в порт.

— Два года — это огромный срок, синьоре Варгас. Без ликвидности ваша торговля долго не протянет.

— До этого не дойдет. Мадрид уже принял решение, но его еще должен ратифицировать чиновник Палаты по делам колоний. У нас есть четыре месяца до тех пор, пока не будут закрыты флотские счета, и конфискация станет официальной. А за четыре месяца многое может произойти.

— Если чиновник знает то, что ему положено, то он сделает всё, что продиктует Мадрид.

— Может быть, Людовико. Или, может быть, вы узнаете его имя и проинформируете его лучше.

Генуэзец побледнел, осознав истинный смысл этих слов в устах такого человека, как Варгас: подкуп, вымогательство и убийство. Всё это не слишком противоречило свободным моральным принципам Мальфини. Что его в этом беспокоило, так это субъект упомянутых действий.

— Угрожать чиновнику севильской Палаты — государственная измена, синьоре Варгас. Наказывается смертью, — почти прошептал он.

— Только в случае поимки, Людовико. А им это не удастся. Кто бы это ни был, мы дадим ему выбор между мешком золота и...

Купец прервался на полуслове, на лице его появилась гримаса боли, тело напряглось, а руки сжались в кулаки.

— Что с вами? — встревоженно спросил Мальфини. Он тяжело поднялся на ноги, а когда Варгас ничего не ответил, подошел к нему.

В тот же миг Варгас упал на пол, вцепился обеими руками в правую ногу и завопил.

Санчо несколько минут переминался с ноги на ногу перед таверной, куда его направил брат Лоренсо, не решаясь войти. Первый раз в жизни ему предстояло выполнять работу, подчиняясь незнакомцу, и поэтому в животе у него было странное ощущение, которое он неохотно признал как страх.

Заведение было не более, чем дыркой в земле, по крайней мере так оно выглядело снаружи. В темном углу на узкой улице Оружейников шесть грубых расшатанных ступенек вели в полуподвал с деревянной дверью. Сквозь замызганные стекла был слышен оживленный гул голосов, означавший, что обеденное время уже наступило. Прибитый к двери красочный плакат гласил, что это таверна "Красный петух". Санчо подумал, что художник, вместо того, чтобы нарисовать петуха, должно быть, обезглавил его прямо над бумагой.

В конце концов он решил спуститься по лестнице и пройти внутрь. Стойка недалеко от входа и семь битком набитых столов заполняли собой заведение, по которому прохаживался лысый круглолицый человек, бросивший на Санчо сердитый взгляд.

— Ты опоздал! — крикнул он, не переставая ходить между столами.

Санчо хотел извиниться, но выражение лица этого типа его остановило.

— Иди в подсобку и займись мытьем тарелок, — велел трактирщик, вручая ему тяжелый деревянный поднос, заставленный тарелками и плоскими.

Более трех часов Санчо беспрекословно работал на кухне, несмотря на зверский голод, который в нем пробудили исходящие от очага запахи. Он надеялся завладеть остатками какого-нибудь блюда, но трактирщик предусмотрительно выбрасывал отходы в спрятанную за стойкой кастрюлю. Санчо подозревал, что из ее содержимого потом получатся какие-нибудь котлеты.

Готовя суп, трактирщик забыл на разделочной доске луковую шелуху, Санчо отправил ее в рот и с трудом прожевал. Она была не слишком питательна, но по крайней мере помогла ему на несколько минут отвлечься от голода. Зрелище того, как перед ним проносили жареную, еще дымящуюся курицу и толстые ломти хлеба с салом, не делало луковую шелуху вкуснее. Чтобы подбодриться, он попытался вспомнить, что ему всегда говорила о луке мать.

— Он как жизнь, Санчо, — говорила она, пока учила сидящего у нее на коленях сына чистить и резать лук. — Сначала заставляет тебя плакать, но потом понимаешь, что он того стоит. Особенно жареный.

"Надеюсь, к работе в таверне это тоже относится", — подумал Санчо.

Наконец, посетители покинули заведение, оставив после себя легкий запах пота, лужи вина на земляном полу и пригоршню монет, которые трактирщик аккуратно спрятал в кошель на поясе.

— Иди сюда, парень.

Санчо подошел к одному из столов, за который только что уселся его новый начальник. Там стояли две тарелки и приборы на двоих, горшок с тушеным мясом и полбуханки хлеба. Мальчик жадно смотрел на еду, но трактирщик не торопился приглашать его присоединиться.

— Меня зовут Кастро, я всегда занимался этим делом, — трактирщик произнес это так, будто был самым архиепископом. — Монах, просивший за тебя, сказал, что ты хороший работник, хотя также и предупредил, что тебя следует держать на коротком поводке. Он сказал, что ты строптивый, но работал когда-то на постоялом дворе. Это так?

— Да, сеньор, — ответил Санчо, чувствуя урчание в животе.

— Сколько воды добавляют в вино из Сафры? — резко спросил Кастро.

Чистое вино нужно было смешивать с водой, чтобы посетители, не запивавшие еду ничем другим, могли утолить жажду, не пьянея при этом после первого же кувшина, иначе не могли бы потребить больше. В зависимости от происхождения, каждое вино принимало определенное количество воды. Вино из Сафры было очень слабым и поэтому принимало мало. Мальчик сразу же ответил, так как сотню раз слышал эту пропорцию.

— Треть.

— А вино из Торо, больше или меньше, чем из Мадригалья?

— Одинаково, оба наполовину.

— А как насчет Альхарафе?

— Так же, как и вино Сьеррас, на четверть.

— Как долго смесь должна отстаиваться?

— По меньшей мере, четыре часа.

— Что лучше добавлять в вино для густоты — известь или гипс?

Это была ловушка, и Санчо сразу ее раскусил.

— И то, и другое. Но моя мать говорила, что так поступают мошенники и подлецы.

Он сказал это, не подумав, и тут же пожалел. Если Кастро был из тех, кто подмешивал гипс в вино, эти слова давали ему право выбить мальчику мозги. Он встревожено посмотрел на огромные кулаки трактирщика, но тот не выглядел оскорбленным.

— Твоя мать была мудрой женщиной. По крайней мере, ты в этом не новичок. Клянусь Богом, мне нужен кто-то, кто знает, что делает, а не изнеженный ребенок, которому я должен буду все время вытирать сопли. Что скажешь о посетителях?

Тон его голоса слегка изменился, он поглаживал бороду и разглядывал мальчика серьезными глазами. Санчо понял, что предшествующие вопросы были лишь вступлением. Теперь же началось настоящее испытание.

— Было много людей, — сказал он осторожно.

Хитрый Кастро покачал головой.

— Вероятно, для сельского трактирщика это выглядит толпой. Но мы в Севилье, и сегодня был спокойный день. Ничто в сравнении с тем, что происходит в дни ярмарки, по праздникам или на Пасху. В такие дни здесь очень много народу. Если ты будешь шевелиться так же медленно, как сегодня, мне придется вышвырнуть твою тощую задницу обратно в приют.

Санчо упал духом. Он резал, жарил, взбивал и споласкивал так быстро, как только мог. В какое-то мгновение он был готов сдаться и признать, что всё это было ошибкой, но возвращаться к брату Лоренсо с поджатым хвостом он не желал. Ему нужно продержаться здесь шесть месяцев, если он хочет получить работу у Мальфини.

— Я буду стараться, — сказал он, сжимая кулаки. — Из кожи вон вылезу.

Кастро серьезно кивнул.

— Это точно, парень. Или я разобью тебе башку. А сейчас садись и ешь, а то остывает.

Франсиско де Варгас был храбрым человеком с твердыми принципами. Например, он считал, что лекари чаще отнимают жизнь, чем излечивают, поэтому больше суток отказывался звать кого-то из них, несмотря на боль. В конце концов, после второго обморока хозяина, экономка поджала губы и приняла решение. Каталина была всего лишь рабыней, но рабыней старой и с чутким слухом. Несмотря на то, что хозяин раньше никогда не нуждался в лекарях и терпеть их не мог, она всегда знала, к кому обратиться в случае беды.

— Клара, — позвала Каталина, выглянув в коридор.

Девушка вошла в комнату, держа руки за спиной, как ее научила мать. Даже при нечетком свете свечей Каталина прочитала на лице дочери беспокойство. Для рабов болезнь хозяина была временем ужасающей неопределенности. При смерти хозяина они оказывались полностью под властью его воли, изложенной в завещании, и в редких случаях с рабом поступали снисходительно. Многих продавали для расплаты с долгами или распределения наследства между потомками. Перемены редко бывали к лучшему, и лишь в немногих случаях семьям удавалось остаться вместе. Поэтому Каталина не была готова позволить Варгасу умереть той ночью без боя.

Она сглотнула, прежде чем заговорить. Чтобы отправить дочь на улицу посреди ночи, ей потребовалась вся силы воли. Но она не могла доверить это задание никому другому из прислуги.

— Нужно сходить за лекарем Монардесом, — сказала она тихо. — Это на Змеиной улице, рядом с монастырем клариссинок. Он — одинокий старик, малость не в себе, но, говорят, лучший лекарь во всем городе.

Девушка внимательно слушала указания матери. Ей было страшно, конечно, но она была храброй. Она сможет привести лекаря.

— Дон Франсиско не хочет видеть шарлатанов, — прервал их возмущенный голос, доносившийся сзади.

Экономка обернулась к двери. Один из слуг преградил выход. Он был одним из старейших в доме, поэтому его мнение имело большой вес. Каталина управляла слугами Варгаса, но положение рабыни ослабляло ее позицию. Слуги, мечтавшие о ее должности, пользовались малейшей возможностью, чтобы подорвать ее авторитет, но при этом не решались сказать что-либо хозяину дома, который внушал всем животный страх. Экономка знала, что Варгас наслаждается этой ситуацией, о которой отлично знает, и даже поощряет ее, как способ осуществлять собственный контроль над прислугой. Но это было не лучшее время для бессмысленных интриг.

— Дон Франсиско попросил меня об этом перед обмороком. Предпочтете подождать, пока он очнется или умрет?

— Хозяин не позволил бы этого, — сказал тот, при этом в его голосе послышалось колебание. — А тем более, чтобы ее отправили в такое время.

— Хотите пойти вместо нее?

Слуга отошел, напуганный предложением рабыни, и исчез из комнаты.

— Сейчас же ступай, Клара, — сказала Каталина дочери. — И без Монардеса не

возвращайся.

Набросив на плечи грубый серый плащ, Клара вышла через ворота особняка навстречу ночи. Щупальцы медно-красного тумана скользили меж булыжников, едва различимых при скудном свете огней из богатых домов. Несмотря на темноту, Клара не взяла с собой фонарь, чтобы лучше найти дорогу, ибо слишком хорошо знала, что в подъездах и темных переулках молодую одинокую девушку подстерегали серьезные опасности. С фонарем в руке она лишь привлекла бы к себе внимание.

Ей было всего пятнадцать, но она знала характер этих опасностей, поэтому спрятала лицо под капюшоном и поручила своей памяти распознавать дома и улицы. Каждые несколько минут она сталкивалась с группой пьянчуг, повозкой или даже священником в сопровождении служки. Священник был одет в белое, а служка нес свечу, так что Кларе представилось, что он шел причащать умирающего. Если Монардес не поможет ее хозяину, то совсем скоро ей, может быть, тоже придется идти за священником.

Она услышала за спиной шум, и тут же ей послышались шаги позади. С прыгающим в груди сердцем она укрылась у стены в поисках темного угла. Несколько минут она ждала, но безрезультатно: никто не появился, а звук шагов не повторился. Она почувствовала соблазн вернуться в особняк Варгаса, но не хотела дать слугам повод для насмешек.

Набравшись смелости, она решила продолжить путь по узкому проулку. Путь на площадь Святого Франциска был прегражден лежащим телом, возможно, нищего, который уснул прямо там, или какого-нибудь болвана, который слишком много выпил. Судя по кислому запаху мочи и рвоты, это был нищий. Клара не могла ни разглядеть его одежду, ни удостовериться, что он еще дышит. Фонари на площади и луна, показавшаяся над крышами домов, позволили ей разглядеть грязную руку и босую ногу. Расхрабрившись, она перепрыгнула через тело и вышла на площадь.

Она пересекла пустынную площадь с низко опущенной головой, остро ощущая опасность, теперь, когда не могла прибегнуть к защите домов. С противоположной стороны на площадь вышла группа стражников, и Клара прибавила шагу, чтобы не столкнуться с ними. Эти вооруженные люди, которым король вверил защиту Севильи, представляли для Клары такую же опасность, что и мимолетные тени, которые она видела по обеим сторонам дороги. Даже большую, так как их число и положение обеспечивали им безнаказанность в случае обвинений со стороны рабыни.

Наконец, она оказалась на Змеиной улице. Неподалеку находился монастырь клариссинок, а прямо рядом с ним стоял маленький домик с садом. На дверном косяке кто-то вырезал фигуру змеи, обвинившейся вокруг палки, и Клара поняла, что она на месте.

Она несколько раз ударила дверным молотком, но безрезультатно. Тогда она приложила ухо к двери, однако внутри дома стояла тишина. Она снова стала стучать изо всех сил, как вдруг молоток выскользнул из ее рук. Кто-то приоткрыл дверь.

— Что вам надо в такое время? — спросил сонный голос.

Девушка попыталась разглядеть говорившего, но внутри было темно.

— Мой хозяин послал за вами. У него сильные боли в ноге, он несколько раз падал в обморок.

— Ты принесла деньги?

Клара покачала головой.

— Ты будишь лекаря среди ночи, не взяв с собой полный кошель? — голос стал жестким и сердитым. — Должно быть, у твоего хозяина совсем нет мозгов.

— Мой хозяин — дон Франсиско де Варгас, — сказала Клара, пытаясь придать голосу решительности.

Внутри на несколько мгновений замолчали. Затем дверь еще немного приоткрылась, так, чтобы девушка смогла войти. Поборов страх, Клара нырнула в темноту дома. Стук за спиной показал, что дверь снова закрылась.

— Так значит, дон Франсиско послал за лекарем, — задумчиво протянул голос в темноте. — Должно быть, он действительно в отчаянии.

Клара почувствовала движение вокруг себя, хотя не могла определить, что именно происходило. Наконец, несколько искр озарили мрак и зажглась свеча, осветив огромную комнату, в центре которой господствовал большой стол. Он был покрыт пузырьками и чашками, тарелками и ступками, банками и прочей утварью, которую Клара никогда раньше не видела.

Свечу держал худой седовласый человек, с прямым носом и острой бородкой. На нем были лишь колпак и ночная рубашка. Белые и костлявые ноги торчали из-под нее, как две палочки.

— Говорят, твой хозяин никогда не обращался к лекарям. Никогда, после того, что случилось с его покойной супругой.

— Он и сейчас этого не делал, сеньор. Он потерял сознание.

Тень подозрения мелькнула в глазах лекаря, когда он это услышал.

— Может, это ловушка? Кто сопровождал тебя сюда?

— Никто, сеньор.

— Что случилось с твоим хозяином?

— У него лихорадка и ужасно болит нога.

Монардес подошел к двери и открыл в ней узкую смотровую щель. Некоторое время он вглядывался через нее, а потом повернулся обратно. Теперь он казался более спокойным.

— Одна, посреди ночи, без согласия хозяина... ты и правда должна быть особенной, — он подошел к девушке и поднял свечу. — Открой лицо, я хочу получше тебя рассмотреть.

Девушка откинула капюшон. Лекарь не смог сдержать восклицания при виде удивительной красоты девушки, подчеркнутой густыми и черными как смоль волосами. Потом он еще чуть-чуть приблизился и внимательно изучил ее лицо.

— Губы толстые, но красивой формы, миндалевидные глаза, бронзовая кожа... Ты индианка, карибка.

Клара, удивленная этим пристальным взглядом, ограничилась кивком.

— У тебя очень мягкие черты. Отец — испанец?

— Я его не знаю, сеньор, — ответила Клара с ноткой стыда в голосе. Было вполне в порядке вещей, когда рабыня беременела, хотя личность отца редко выплывала наружу. Им мог оказаться другой раб, слуга или сам хозяин. Каталина никогда не говорила Кларе об отце, сколько бы та ни просила в детстве.

Монардес осторожно взял ее за подбородок в поисках клейма рабыни, которое обычно выжигали на голове. Однако прекрасная кожа Клары не подверглась этой пытке. Девушка задрала рукав, чтобы показать обхватывающий кисть железный браслет с именем Варгаса.

— Я думал, что карибы больше не становятся рабами.

— Мою мать забрали в качестве военного трофея, — объяснила Клара, с каждым словом становясь всё беспокойнее.

Лекарь убрал руку от лица девушки. Кожа сохранила воспоминание о холодном

прикосновении тонких пальцев, но Клара устояла перед искушением почесать это место.

— И ты родилась здесь.

— Да, сеньор.

Монардес небрежно кивнул и отвел взгляд, словно прояснил загадку и потерял к ней интерес. В Испании и правда было очень мало рабов из Индий. Когда Колумб открыл Новый Свет, он так красочно описал королеве Изабелле его народы, что те были признаны подданными короны. Таким образом, испанцы не могли обращать в рабство индейцев, да и не собирались этого делать. Все полагали, что они плохие и ленивые работники, которые едва ли способны справиться с порученной задачей. Именно эта точка зрения способствовала созданию процветающего рынка рабов-негров, эта жестокая торговля брала начало у африканских берегов и перевозила живой товар на другую сторону океана, чтобы там они трудились на рудниках и плантациях.

Рабов из Индий почти не существовало, ими становились лишь те, кто поднял вооруженное восстание против испанцев. Так поступили гордые карибы, которые боролись с врагами, но не могли совладать с ними своим примитивным оружием. Выживших превратили в рабов, "военные трофеи". Клара тоже была одной из них, хотя унаследовала рабство от матери.

— Как тебя зовут, девочка?

— Клара.

— Хорошо, Клара с Карибов. Подожди здесь, пока я подготовлюсь.

Монардес вернулся через несколько минут, в черных плундрах [\[5\]](#) и хубоне по севильской моде. Пошарил в ближайшем шкафу и на столе, засовывая различные предметы в кожаную сумку с веревочной ручкой. Закончив, он вернулся к девушке и слегка поклонился.

— Боюсь, что я не представился. Николас де Монардес, лекарь и травник.

Несмотря на простоту сказанного, поклон был немислимым жестом для мужчины с положением в отношении скромной рабыни. Клара не могла удержаться от улыбки, хотя была немного встревожена. Этот мужчина был самым странным человеком, какого она только видела в жизни.

— А теперь следуй за мной, Клара с Карибов. Пойдем, глянем на твоего хозяина.

Обратный путь они проделали гораздо медленней. Старый лекарь с трудом передвигался, и через каждые несколько кварталов останавливался, чтобы передохнуть, но рядом с ним Клара не боялась. От этого человека исходил ореол власти, хотя он был безоружен. Никто их не побеспокоил, и они добрались до особняка Варгаса без происшествий. Они начались, когда лекарь появился в комнате больного, который снова пришел в себя и выл от боли. При виде Монардеса Варгас сердито запротестовал, немедленно позабыв о боли. Лекарь велел Кларе и Каталине выйти и закрыл за ними дверь. Рабыни остались неподалеку, слушая медленно затихающие крики хозяина, хотя и не могли разобрать, что именно произнес своим мягким и спокойным голосом лекарь.

Через некоторое время из двери высунулся Монардес и попросил кипяток, а когда его принесли, снова заперся с больным. Час спустя он открыл дверь. Под глазами у него пролегли темные круги, а сердце колотилось.

— На сегодня достаточно.

— Как он себя чувствует? — спросила встревоженная Каталина.

— Сейчас он спит. Приготовьте постель и для бедного старика, — велел лекарь, отказавшись дать рабыням какие-либо другие объяснения.

Работа в таверне была совершенно изнурительной.

Тем не менее, гордость не позволяла Санчо сдаться. А также неопределенное будущее, которое ждало его на улицах, без работы и без единой души, которая бы за него заступилась. Иногда он заставлял врасплох мучимых голодом уличных беспризорников, глядящих сквозь окна запавшими глазами. Все они были истощенными, бедно одетыми детьми, похожими на безвестных призраков с выпирающими костями. Как-то раз он не выдержал этих взглядов и высунулся из-за двери "Красного петуха" с корзиной хлеба, который дети в мгновение ока выхватили у него из рук. Кастро устроил ему за это приличную взбучку, но мальчика это не волновало.

Трактирщик частенько его поколачивал, обычно награждал подзатыльником или пинал под зад. Не слишком сильно, но унижительно.

— Пошевеливайся, парень, — говорил он, качая головой и глядя на посетителей, которым хотел угодить. Те обменивались с Кастро понимающими взглядами и хохотали, демонстрируя наполовину прожеванную еду во рту и проливая на пол вино.

Санчо сжимал зубы и ждал.

Не прошло и недели, как он возненавидел Кастро всеми фибрами души. Ненависть отступала лишь тогда, когда они садились за стол. Каким бы он ни был мерзавцем, трактирщик всё же оказался великолепным поваром и кормил его, не жадничая. Когда они ели в тишине, уставившись в свои тарелки и работая ложками, Санчо был настолько благодарен возможности наполнить желудок и немножко посидеть, что почти чувствовал признательность к Кастро. Но как только они возвращались к работе и вкус еды вытеснялся треском оплеух и издевательским хохотом, в его сердце снова пробуждалась злость.

Ночами он спал на полу кухни, на нескольких старых одеялах, и ему снилось море и Индии. Он воображал, как зайцем пробирается на корабль или поступает на службу юнгой, хотя давным-давно брат Лоренсо объяснил ему, что первых с корабля вышвыривали, а вторые, наоборот, никогда в своей жизни его уже не покидали. Он видел слишком много измученных моряков, блуждавших по улицам Севильи, чтобы понять, что это не лучший путь. Чтобы пересечь мир, нужно было иметь профессию или состояние, и то, и другое он мог получить в качестве ученика банкира. Его не волновало, что большая часть религиозного севильского общества с неодобрением смотрела на это ремесло, считая его формой ростовщичества.

Когда он просыпался, гнетущее зрелище хлипких столов и земляного пола перечеркивало его мечты. В конце зала находилась маленькая деревянная лестница, которая вела в покои второго этажа. Три комнаты соединял узкий коридор. Ближайшую к лестнице занимал Кастро. Средняя была свободна, там трактирщик держал всякую рухлядь. В третьей жил человек, благодаря которому жизнь Санчо изменится навсегда.

Первый раз он увидел постояльца "Красного петуха" спустя два дня после начала работы в таверне. Кастро не говорил о нем раньше и не слишком много рассказал в ответ на вопрос мальчика.

— Он ирландец, скрывается от преследования этих проклятых еретиков англиканцев. Не знает языка христиан, платит мало и с опозданием, нужно быть святым, чтобы терпеть

его пребывание здесь.

Он выпятил грудь, ожидая, что мальчик похвалит его за чувство сострадания. Но Санчо, всё тело которого было усыпано свидетельствами милосердия трактирщика, оставил эти слова без внимания.

— Думаете, он сражался против англичан? — изумленно спросил он.

— Какого дьявола ты задаешь столько вопросов? Марш мыть посуду, паршивец! — выругался в ответ Кастро, пнув ушат с грязной водой, где они споласкивали посуду.

С этой минуты в Санчо вспыхнуло любопытство, и он с огромным интересом начал изучать заморского гостя. Тот был среднего роста, молодой и красивый, хотя спереди его волосы уже начали редеть, образуя небольшой каштановый островок там, где у других обычно висела челка. Он носил простую скромную одежду светло-коричневых цветов, столь выделявшихся на фоне строгого черного, что был в моде у кастильцев и андалузцев. Он никогда не носил на виду шпагу или другое оружие, но всегда имел при себе свечи и листки бумаги, которые уносил в свою комнату. Он мог сидеть в ней взаперти пару дней или, наоборот, столько же не приходиться ночевать. Входя, он приветствовал их наклоном головы и исчезал наверху.

Каждый день, кроме одного.

Он вернулся в середине дня, когда таверна была почти пуста и Кастро дремал за стойкой. Вместо того, чтобы подняться наверх, он сел в конце зала. Заинтригованный Санчо приблизился, и чужеземец подал знак, чтобы тот принес ему выпить.

Стараясь не шуметь, Санчо открыл бочку лучшего вина из Торо. Наполняя кувшин, он внимательно прислушивался к храпу трактирщика, который запретил ему прикасаться к хорошему вину, и последствия могли быть очень неприятными, если бы он проснулся посреди этого процесса. Санчо поставил кувшин на поднос, добавил к нему чистую кружку и вернулся к столу чужеземца.

С тех пор, как Санчо начал им интересоваться, он успел придумать сотню различных теорий, которые бы объясняли, почему такой человек мог находиться в Севилье. Санчо хотел заговорить с ним и вытянуть историю при помощи хорошего вина, может быть, это был бы рассказ о сражениях против еретиков. Но гость не дал ему такой возможности. Он выхватил кувшин и стал пить прямо из него, игнорируя кружку. Кувшин довольно долго оставался в поднятом положении, а жидкость, частично проливаясь, стекала по шее и запачкала алым воротник.

Ошеломленный Санчо наблюдал, как кадык чужеземца поднимался и опускался до тех пор, пока кувшин не опустел.

"Никогда не видел, чтобы кто-то так торопился захмелеть", — пришло в голову Санчо.

Чужеземец громко рыгнул и подал мальчику знак, чтобы тот принес еще вина. Санчо заметил, что его лицо исказила гримаса, а глаза налились кровью, одежда была грязной и вообще он, похоже, не спал несколько дней.

Санчо принес второй кувшин, опасаясь, что чужеземец опустошит его с тем же отчаянием, как и первый, но гость взял его трясущимися руками и налил вино в кружку. Санчо смотрел на него во все глаза, с подносом в руке, ожидая продолжения. Он даже начал что-то говорить, но гость жестом велел ему убраться.

Спустя полчаса постоялец издал первый вопль. Какое-то время он разговаривал сам с собой тихим голосом, тем же теплым и любезным тоном, который Санчо за две недели работы в таверне уже столько раз слышал из уст пьяниц. Впрочем, лишь немногие доходили

до крика на других посетителей и влезания на стол.

— Что за чертовщина тут творится? — прогремел голос Кастро.

Физиономия хозяина таверны покраснела, а на щеках отпечатались следы деревянной стойки, на которой он дремал. Он всегда пробуждался после своего короткого полуденного отдыха в дурном расположении духа и, обнаружив стоящего на одном из столов чужеземца, который во всю глотку орет песни, немедленно разъярился.

— Ирландец слишком много выпил, сеньор.

— Если не заткнется, то я ему башку оторву! Он распугает клиентов, — заявил Кастро, уже выбравший приличного размера сковороду и взвешивающий ее в руке.

В это мгновение Санчо вспомнил о торчащей из бочонка с лучшим вином затычке и почувствовал, как забилось сердце. Как он мог быть таким придурком, чтобы решить, будто Кастро ничего не поймет? Хватит и того, что он устроит ему взбучку, когда это обнаружит, и вдобавок чужеземец даже не заплатил. Не лучше будет, если Кастро отколошматит ирландца сковородой, в этом случае тот покинет трактир, и хозяин обвинит Санчо в потере единственного постояльца.

Санчо знал, как тяжело будет справиться с яростью хозяина, но по крайней мере он мог попытаться немного смягчить положение. Может, если он заставит ирландца замолчать, то поправит дело.

— Пожалуйста, позвольте мне с ним поговорить.

— Поговорить? Но ведь этот чужеземец ни черта не понимает по-нашему.

— Сеньор, я немного говорю по-английски. Может, он меня поймет.

— Ладно, только заставь его побыстрее заткнуться, иначе я ему морду начищу!

Не сознавая опасности, гость во всю глотку орал песню, в которой Санчо с трудом мог разобрать хоть слово. Он знал, что в Ирландии говорят на собственном языке, но многие тамошние жители понимают язык еретиков.

— Сэр! — произнес Санчо по-английски, приблизившись к столу.

Он обратился к чужеземцу дважды, но тот не обратил на него внимания и продолжал петь и размахивать руками, время от времени сжимая пустой кувшин с вином и тщетно поднося его к губам. В конце концов Санчо устал ждать и схватил чужеземца за хубон, дернув его так, что тот плюхнулся задницей на стол. Песня внезапно прервалась.

— Да как ты смеешь, наглый мальчишка? Проклятая страна варваров и мавров, воняющих чесноком! — воскликнул чужеземец.

— Осторожней с теми, кого называете маврами, сеньор. Хоть вы и гость этого дома, хозяин вмиг вас насадит на вертел, и не задумается.

— Пусть попробует, если осмелится. Подданных королевы Елизаветы так просто не запугаешь, — пробормотал тот, бросив вызывающий взгляд в сторону Кастро.

Несмотря на затуманивший разум алкоголь, чужеземец осознал смысл своих слов и сообразил, что стоящий напротив мальчишка его понимает. Он побледнел и снова медленно обратил лицо к Санчо.

— Так вы англичанин! — воскликнул мальчик, повысив голос.

— Боже, заткнись, парень, — сказал тот, поднося палец к губам. Он еще боролся с опьянением, потому что несмотря на страх вытаращился на собственный палец, улыбнулся и снова стал серьезным. — Я бедный изгнанник по религиозным мотивам. Мученик!

— Вы сбежали от еретиков, сеньор?

— Еретиков? Ах да, проклятые еретики. Они хотели нас повесить, всех добрых папистов

вроде меня.

— Мы называемся не папистами, сеньор, — ответил Санчо, смущенный многословием и ослепительной улыбкой чужеземца.

— Да? А как же мы называемся, позволь спросить?

— Добрыми христианами, сеньор. Папистами нас называют только свиньи-еретики. Им нужно как-то нас обозвать.

Англичанин приблизился к Санчо с ледяной улыбкой и понизил голос.

— Значит, больше никогда не буду пользоваться этим словом, как думаешь?

Санчо со всей серьезностью кивнул.

— Лучше не стоит, сеньор, потому что иначе вы станете врагом короля и Господа.

Незнакомец сглотнул. Уже три года Испания и Англия вели войну. Прошло лишь несколько месяцев с тех пор как отплыла могучая Армада, созданная Филиппом II, чтобы смести еретиков с лица земли и свергнуть с престола сучку Елизавету. Однако силы, которые объединил под своим началом коварный пират Дрейк, оставили от флота лишь тысячи мертвецов и унизили Испанию. Атмосфера становилась всё напряженней. Комиссары по закупкам сновали по сельской местности, отнимая у голодающих крестьян последнее, чтобы снарядить новые галеоны, оправдывая мародерство злобными происками врага. Священники со своих кафедр и глашатаи со своих площадей подстрекали толпу, еще больше распаляя длящуюся веками ненависть испанцев к англичанам. Санчо достаточно было ткнуть в чужеземца пальцем, и честные жители Севильи выстроились бы в очередь, чтобы разорвать его на части.

— Вы молоды, друг мой, вам еще предстоит увидеть весь мир. Не давайте волю ложным впечатлениям.

Мальчик с осторожностью осмотрел пьяницу. Этот человек был самозванцем и явно от чего-то бежал, но походил на безвредного лунатика. Ни один шпион не надел бы такую плохую маску. Любопытство Санчо по отношению к этому загадочному человеку лишь возросло. Он не мог предать кого-то столь загадочного в руки суда или возбужденной толпы.

— Скорее всего, вы добрый ирландец, преследуемый еретиками, — произнес мальчик, притворившись, что раздумывает. — Поклянитесь, что вы не шпион.

— Клянусь Пресвятой Девой, — заверил его тот, неоднократно перекрестившись. Он был так пьян, что ни одно из крестных знамений не вышло как положено.

— В таком случае, как доброму ирландцу, вам следует вернуться в свои покои.

Чужеземец кивнул и оперся на Санчо, чтобы подняться по лестнице. Добравшись до коридора, он споткнулся и потянул вниз и мальчика. Санчо пришлось приложить большие усилия, чтобы выпрямиться и отвести пьяницу в его комнату. Он уже уходил, когда голос гостя задержал его у двери.

— Погоди, парень, ты не сказал мне своего имени.

— Я Санчо, сеньор.

— Сансо, — повторил тот заплетающимся языком.

— Санчо, сеньор.

— Так я и говорю — Сансо, — англичанин растянулся на постели. Уже лежа он прикоснулся рукой к шляпе, чтобы представиться.

— Гильермо де Шекспир, к твоим услугам. Актер, странник и поэт. Боюсь, всего понемногу и без особых успехов.

— Я не могу больше приходить лечить вас, сеньор, — голос Монардеса был очень серьезным.

Напуганный Варгас перестал пить настой. Он отодвинул фарфоровую чашку, тонкую почти до прозрачности, и поставил ее на ночной столик.

С начала его болезни, оказавшейся подагрой, прошло две недели. Известие ударило его, словно обухом по голове. Хоть он и был уже немолод, но и старым себя не считал, а подагра несомненно была недугом стариков. В конце концов, именно подагра свергла с трона могущественного императора Карла, который закончил свои дни в монастыре в Юсте, одинокий и всеми брошенный.

Падение короля тоже началось с острых болей в ноге, которая распухла и стала вдвое больше обычного размера. Император верил в целительную силу молитв и месс, но это ему мало помогло. При дворе говорили, что под конец его нога смердела так, что рабов приходилось сечь, чтобы заставляя менять ему повязки.

Устрашенный подобной перспективой, несколько последующих после известия дней купец провел в полном молчании и почти не ел. Но потребовалась бы нечто большее, чем неизлечимая болезнь, чтобы побороть человека такой колоссальной силы, как Франсиско де Варгас, привыкшего убивать или разделяться со всеми, кто преграждал ему дорогу. По мере того, как он мало-помалу свикался с этим известием, к нему также постепенно возвращалось желание сражаться. В конце концов, он мог прожить еще много лет, даже десятилетий.

При надлежащем уходе, конечно. Именно поэтому его удивили и напугали слова Монардеса.

— Вы сказали, что будете приходить столько, сколько сможете.

— Допейте лекарство, — сказал Монардес, протянув ему чашку.

— У него отвратительный вкус.

— Настойка сассафраса горькая, но помогает уменьшить воспаление. Завтра вы сможете встать.

Это оказалось правдой. Всего неделю назад он едва мог вынести прикосновение простыни к большому пальцу ноги. Сейчас опухоль почти спала, оставив покрасневшую кожу и неприятный зуд, чесаться при этом было запрещено. Применение холодных компрессов едва помогало его облегчить.

— Дело в деньгах? Я могу удвоить оплату, если хотите.

Монардес осмотрелся вокруг. Серебряное распятие, инкрустированное драгоценными камнями, делило стену с несколькими изображениями святых и Девы. Резной сундук стоял в ногах мягкой кровати с балдахинном. Она была такой большой, что могла вместить четверых и еще осталось бы место.

— Не сомневаюсь, сеньор. Для вас всё — вопрос денег, правда?

— Жизнь научила меня, что купить можно всё.

— За исключением жизни. А это как раз то, чего мне не хватает.

— Что вы хотите этим сказать, лекарь?

— Я очень старый человек, сеньор. Сомневаюсь, что переживу еще одну зиму, две не

переживу точно, — сказал Монардес, собирая тем временем свои мази и пузырьки и складывая их в сумку. — Каждый шаг и каждый вздох для меня — победа. У меня больше денег, чем я могу потратить, и единственное, чего я желаю, это вернуться в свой сад, к моим травам и папоротникам. Видеть, как они растут, до тех пор, пока я сам не стану для них удобрением. Ежедневные визиты сюда отнимают у меня слишком много времени.

Варгас тут же откинул одеяло и с трудом поднялся с постели. Ступив на больную ногу, он скривился в гримасе боли, но тем не менее смог дохромать до Монардеса, который наблюдал за ним с удивлением и страхом. Варгас не был обычным больным. Он был одним из двух самых могущественных людей в Севилье, и его слава жестокого и безжалостного человека добралась даже до тихого сада лекаря. По слухам, мало кто отваживался противиться его желаниям, а тех, кто отваживался, обычно ждал не слишком приятный конец. "Водная могила в Гвадалквивире. Плавающий труп, раздутый и неузнаваемый. Чем больше мы цепляемся за жизнь, тем меньше нам остается", — подумал Монардес.

— Сеньор, вам следует быть осторожнее...

Варгас схватил его за плечо с невероятной для его состояния силой.

— Чего же вы хотите?

— Вы можете найти другого лекаря, который о вас позаботится, — тихо сказал Монардес.

— Все лекари — шарлатаны и проходимцы, которые причиняют больше боли, чем облегчения, и кроме того, берут за это плату. Я хочу, чтобы меня лечили вы.

— Я сочувствую тому, что случилось с вашей женой, но...

При этих словах лицо Варгаса исказилось от смеси боли и гнева. Он занес над головой Монардеса кулак, и старик сжался в страхе. Но Варгас не успел нанести удар, потому что в комнату вошла Каталина с подносом в руках. Рабыня в ужасе остановилась в дверях, но ее вмешательство оказалось спасительным для лекаря.

Монардес открыл глаза как раз в то мгновение, когда с лица Варгаса исчезла ярость, словно с приливной волной, оставив вместо себя лишь печаль. Купец опустил руку и снова сел на кровать.

— Люсинда испытывала постоянные головные боли, и шарлатаны пускали ей кровь, чтобы их облегчить. Я был в отъезде, когда эти придурки выпустили больше крови, чем нужно.

Старик благоразумно молчал. Время от времени такое случалось: слишком слабый пациент и неопытный лекарь, который слишком часто пускал кровь, но это был один из немногих знакомых ему методов лечения, да и на клиентов он производил впечатление. Монардес уже знал эту историю, как и то, что случилось с тем безответственным лекарем, что оставил рану открытой слишком долго. Его обнаружили неделю спустя, повешенным вниз головой к крюку на скотобойне. Ему отрезали голову, и вся кровь вытекла в чугунный горшок.

— Повторяю, Монардес. Чего вы хотите?

— Для себя — ничего. Но, возможно, есть один способ вам помочь.

— Не томите!

— Пришлите мне карибскую девушку. Вашу рабыню Клару.

Услышав это, оправившаяся от испуга Каталина, которая расставляла завтрак для своего хозяина, задрожала. С подноса на пол соскользнула фарфоровая чашка и разбилась. Рабыня в страхе глядела на осколки, потому что за цену этой чашки можно было целый месяц

кормить семью. Но хозяин заговорил с ней совершенно спокойно.

— Ступай, Каталина.

— Хозяин, мне нужно прибраться...

— Потом приберешь.

Монардес видел, как рабыня колеблется между страхом и необходимостью узнать, что будет, понимая, что в эту минуту решается судьба ее дочери. Наконец, она потупила голову и вышла, хотя лекарь готов был поставить свою жизнь на то, что она застыла прямо за дверью.

— Я вас не вполне понимаю, — сказал Варгас, едва рабыня удалилась.

Он смотрел на лекаря прищурившись и с напряженными плечами. Когда Монардес упомянул юную Клару, что-то в поведении Варгаса переменялось.

— Сеньор, мои усталые ноги уже не могут каждый день проделывать весь путь сюда, а она молодая и сильная. Уже много лет у меня нет учеников, я живу один в большом и пустом доме. Я мог бы поделиться своими знаниями трав и микстур, и это облегчило бы мое одиночество.

— Вы считаете, из нее выйдет толк? Ведь это всего лишь женщина.

— Она смелая женщина. Не побоялась отправиться за мной — среди ночи, совершенно одна.

— Это не свидетельствует о ее уме, — с презрением бросил Варгас. — Скорее наоборот.

— Это был безрассудный поступок. Но возможно, в ту ночь она спасла вам жизнь.

Варгас некоторое время молчал, готовя почву для следующего вопроса.

— Что вы имеет в виду под "облегчило бы одиночество", а, лекарь?

— Со мной ей нечего бояться, сеньор.

— Мне об этом уже говорили. Будь она мальчиком, всё было бы иначе, не так ли? — с жестокой усмешкой намекнул Варгас.

Некоторое время, показавшееся вечностью, в комнате был слышен только треск поленьев в камине, а Варгас наслаждался хорошо различимым унижением лекаря после таких серьезных обвинений.

— Как я уже сказал, со мной ей нечего бояться, — очень медленно произнес Монардес.

Варгас пожал плечами, разочарованный, что не удалось вызвать приступ ярости, которого он добивался, но ему ничего не оставалось, кроме как уступить.

— Ну, тогда я даю свое разрешение. Можете забрать ее с собой, но с условием, чтобы каждый день она возвращалась сюда, чтобы заняться моим лечением. А когда вы умрете, она вернется в этот дом навсегда.

Расставшись с фальшивым ирландцем Гильермо, Санчо спустился в таверну, где его ждал рассерженный Кастро со сжатыми кулаками.

— Давай сюда деньги.

Мальчик почувствовал, как его охватывает страх. Он открыл вино из Торо в надежде заслужить доверие чужеземца, но должен был попросить у него деньги вперед, как они всегда делали, когда речь шла о хорошем вине. В таверне стояла полная тишина, три или четыре посетителя, сидящие в разных углах, внимательно следили за событиями.

— Должно быть пятнадцать мараведи, — настаивал разъяренный Кастро. — Если он дал тебе что-то на чай, можешь оставить себе.

Санчо бросил быстрый взгляд на дверь в поисках пути к отступлению, но трактирщик предвосхитил его намерение еще до того, как ноги мальчика начали двигаться. Он поднял руку и отвесил Санчо затрепину, сбив с ног. Мальчик попытался спрятаться под лавкой, но мощные руки трактирщика схватили его за щиколотки и выволокли обратно.

— Никчемный! Чертова бестолочь! — кричал Кастро, отвешивая ему пинки.

Санчо попытался свернуться на полу в клубок, закрывая лицо руками и стиснув зубы, чтобы не кричать. Хоть он уже не мог избежать взбучки, но по крайней мере не даст этому животному возможности насладиться. Получая удары, он пытался их считать. Потому что намеревался вернуть их вдвойне.

Он насчитал уже две дюжины, когда потерял сознание.

Придя в себя, он первым делом почувствовал боль в ребрах, словно лежал на коробке с гвоздями. Это было невыносимо, до тех пор, пока боль в голове не взяла верх и не заставила его заскучать по боли в боках. Он открыл правый глаз и обнаружил, что находился в комнате с рухлядью, лежа на одеяле. Другой глаз не открывался. Санчо испугался, что остался слепым, и ощупал глаз кончиками пальцев, боясь обнаружить пустую глазницу. Вместо этого он нашел там огромную, просто чудовищную припухлость.

— Не волнуйся, парень. Это просто фингал.

Санчо узнал голос Гильермо и сдержал гримасу. По его вине он попал в эту переделку. Англичанин был рядом и протирает раны на его лице тряпкой, смоченной в вине.

— Вино из бочки, которую ты открыл с такой смелостью. Твой хозяин заставил меня купить ее целиком. Жаль, что приходится растрачивать его таким образом.

— Днем у вас также было не много времени, чтобы им насладиться, — буркнул в ответ Санчо.

— Это было не днем, малыш. А два дня назад. Всё это время ты был одной ногой на берегу Леты, — он замолчал, сообразив, что говорит всего лишь с бедным мальчиком из таверны. — Извини. Лета — одна из рек царства Аида...

— Я знаю, что такое Лета. Вот бы мне выпить стаканчик воды из нее, чтобы я смог позабыть эту боль.

Гильермо посмотрел на него с недоумением, пораженный тем, что Санчо знает такие вещи. Но парень ничего не заметил, поскольку закрыл глаза.

— Забвение, — прошептал англичанин. — Мне это знакомо. Я тоже пытался его найти.

— Вы поэтому напивались, словно хотели утопить в вине свою жизнь?

— Женское пренебрежение, полное плохих воспоминаний прошлое и будущее, в котором больше тени, чем света. Какие еще нужны причины? Просто бывают дни, когда слишком больно пребывать в сознании.

Санчо снова открыл здоровый глаз. Англичанин отвел взгляд с явным смущением и погрузился в длительное молчание.

— Чем вы занимаетесь в Севилье, дон Гильермо?

— Не могу тебе этого сказать, — со всей серьезностью ответил тот.

— Но вы ведь не шпион.

Англичанин не ответил. Он снова макнул тряпку в вино и отжал ее. Уже смеркалось, и в комнате было почти темно, но Санчо мог разглядеть руки Гильермо. Они были чистыми и ухоженными, с аккуратно подстриженными ногтями. Но под ногтями виднелась траурная черная полоска. "Чернила, — решил Санчо. — Глубоко под ногтями, словно впитались в кожу".

— Ты меня не выдал, — наконец произнес Гильермо.

— О чем это вы?

— Ты мог бы это сделать и избежать взбучки. Ты стал бы героем, а я попал бы в лапы инквизиции.

"Или еще чего похуже, — с горечью подумал Санчо. — Мой друг Кастро со своими завсегдатаями обеспечили бы его нежным вниманием еще до появления стражи".

Печальная правда заключалась в том, что избежать затрещин хозяина всё равно не удалось бы. Он спрашивал себя, как бы поступил, приди ему в голову подобная мысль. Жизнь другого человека в обмен на собственную боль. Еретика, англичанина, врага. Он бы выдал его? "Возможно, — сказал он себе. — Возможно".

— Я не хотел, чтобы ваша смерть отягчала мою совесть, — заявил Санчо, отчасти чтобы добиться расположения англичанина, а отчасти чтобы убедить самого себя.

— Благодарю, юноша. Я перед тобой в долгу.

— Правда? Ладно, может, вы и сумеете мне отплатить. Вы случайно не знаете какое-нибудь хорошее место работы?

Гильермо смущенно прикусил губу.

— Вообще-то нет. Я и сам надеюсь найти место.

Санчо охватило глубокое отчаяние. На мгновение он было решил, что его судьба изменится, но с того рокового дня прибытия галеонов всё шло наперекосяк.

— Что ж, тогда мне от вас никакого проку, дон Гильермо. Буду работать в "Красном петухе", пока это животное Кастро меня не прибьет.

— Ты всегда можешь уйти.

— Как же! — презрительно фыркнул Санчо. — И что я буду делать? Побираться? Стану презренным вором?

— Не стоит говорить так о ворах, дорогой Санчо. Это такая же профессия, как и любая другая.

— Вы часом не выжили из ума?

Гильермо потушил голову, а когда снова ее поднял, то его взгляд был совершенно другим, глубоким. Он отвернулся к стене и произнес очень серьезным тоном:

— Король и раб равны, Санчо. Их отличают только маски, а их так же легко сменить, как старую рубаху.

— Хотите сказать, что священник ничем не отличается от вора?

— Кто я такой, чтобы говорить тебе подобное? Я лишь знаю, что оба они люди, которые ищут хлеб насущный. А что ищешь ты, Санчо?

При этих словах мальчик приподнялся, и его лицо оказалось вровень с лицом Гильермо. В здоровом глазу засияли огоньки.

— Хочу пересечь океан.

— И работа здесь поможет тебе этого добиться?

Санчо вспомнил об обещаниях брата Лоренсо. Теперь, когда всё тело ныло от ударов, это казалось мальчику дурной шуткой.

— Раньше я думал, что да. Считал, что поступаю правильно.

— Правильно, — повторил англичанин с кислой миной. — Много веков назад жил один мой соотечественник. Звали его Роберт Хантингтонский, но все знали его под именем Робин Гуд по характерной одежде. Он дрался за далекие земли, а когда вернулся домой, то обнаружил, что порядок подменили продажностью и тирания. В его городке шериф и многие другие выжимали из крестьян всё до последнего пенни для пополнения своих бездонных карманов. Робин отказался платить излишние подати, которыми его обложили, и увел маленький отряд в лес. Знаешь, в кого он превратился?

— В вора, — пробормотал Санчо, впитывая каждое слово.

— Он нападал на богатые караваны и самодовольных сборщиков податей. Всё отнятое у них он распределял среди голодающих крестьян. Рыцари тоже говорили тогда о том, что нужно поступать правильно. Священник объявил Робина Гуда демоном со своей кафедры. Шериф назвал его преступником и назначил выкуп за его голову.

— И что произошло?

Гильермо поразмыслил, прежде чем ответить. Он мог бы рассказать, что произошло с Робин Гудом на самом деле. Как его разлагающийся труп много дней провисел на стенах города, а тяготы народа лишь удвоились. Но это был бы печальный финал для подобной истории, и самый худший из тех, что он мог поведать бедному парнишке из таверны, избитому по его вине. Гильермо жалел этого грустного и умного мальчика, которому предстояло провести всю жизнь, обслуживая клиентов в таверне. Он предпочитал придумать красивую версию, которую в Англии матери рассказывали сыновьям с незапамятных времен. В конце концов, это всего лишь история. А что плохого может произойти в придуманном рассказе?

— Его окружило войско шерифа, но Робин Гуд был на редкость хорошим лучником...

— Я не буду этого делать. Хозяин прислушается ко мне, если я его попрошу.

Каталина посмотрела на дочь, по-кроличьи сморщив нос. До чего же она плохо знает, как делаются в мире дела! Для Клары рабство было неудобным, но эфемерным ярмом. Она жаждала получить свободу, как рожденная в клетке обезьянка хочет схватить фрукт, который видит через решетку. Деликатес, в который никогда не погружались ее зубы.

Клара не проделала тот же путь, что ее мать. Она не познала гордости от того, что она дочь короля карибов. Ее не выхватили из охваченного пожаром родного дома, солдаты не ломали ей пальцы прикладами мушкетов, чтобы она выпустила из рук тела братьев, убитых испанскими солдатами.

Ее не погрузили на борт плавучего монстра, не приковали цепями в сыром и темном трюме вместе с сотнями других вонючих тел. Не заставляли терпеть страшную жажду и есть гнилые сухари. Она не плескалась в блевотине больных многие недели подряд. Не рыдала в отчаянии, увидев, как остальные пятеро, скованные с ней вместе, умерли, и белые черви выплскиваются из их ртов, как вода из фонтана. Не зажмурилась, когда снова увидела солнце, впервые взглянув на Севилью и оплакивая судьбу отца и братьев. Не была подвергнута унижению публичного мытья и аукциона на ступенях собора.

Не знала она и того, что произошло после. Что пришлось делать, чтобы выжить, как низко пришлось пасть, чтобы их не разлучили.

— Ты подчинишься, — проговорила Каталина тихим голосом.

— Но, мама...

Рука старой рабыни надвинулась темным пятном, влепив Кларе звонкую пощечину. Та застыла с открытым ртом. Уже многие годы мать и пальцем ее не трогала, а когда шлепала в детстве, то это не было похоже на то, что произошло сейчас, и дело не в боли, а в намерении, которое читалось в ее темных глазах.

Клара приложила руку к щеке. Этот участок нежной кожи, покрасневший от пощечины, всегда их разделял. В том же месте на лице ее матери были выжжены буква S и изображение гвоздя ^[6]. Было обычной практикой выжигать на щеке раба раскаленным железом эту проклятую анаграмму, к которой многие добавляли полное имя господина на плече или заду. Мало кого миновал этот варварский обычай, а некоторые даже умирали в процессе. Клара знала, что ее мать втайне завидовала удаче дочери, чего обе стыдились. Девушка не раз видела, как та, думая, что никто за ней не наблюдает, задумчиво поглаживала этот уродливый шрам, выступающий на коже подобно зловещему белесому холмику.

— Я сказала, что ты подчинишься! — крикнула Каталина. — Ты пойдешь и научишься у этого чокнутого старика всему, чему сможешь. И потом, когда-нибудь, возможно, возможно...

Старая рабыня зажала себе рот руками, неспособная продолжать. С тех пор, как родилась дочь, Каталина страстно желала, чтобы Клара однажды освободилась от бремени рабства. Чтобы она пересекла море и вернулась на землю, откуда вырвали ее мать. Чтобы оставила этот пестро-бурый ад и вернулась в изумрудно-кобальтовый мир, которому принадлежала. Она нашептывала эти желания на ухо Кларе при любой возможности с самого ее детства, так что для рабыни они превратились в конце концов в мягкую,

убаюкивающую колыбельную перед сном.

Сейчас же, когда Клара уже почти превратилась во взрослую женщину, всё это казалось ей детской фантазией. Вечной, прекрасной и недостижимой, как луна. Она не понимала упорства, с которым мать заставляла ее учиться у старика Монардеса накладывать повязки. Она предпочла бы продолжать жить в особняке Варгаса, незаметно бегая в библиотеку при любой возможности. Хозяин редко ходил туда после смерти жены, а там хранилось больше двухсот книг. Клара обожала блуждать по их страницам, хотя при появлении других слуг ей приходилось поспешно закрывать читаемый том и притворяться, будто она стирает с него пыль.

Мечты Клары, ее ожидания от будущего лишь в одном совпадали с желаниями Каталины. Она знала — просто знала, с уверенностью, подобной той, что над нашими головами небо, а под ногами земля, что однажды будет свободна. И тогда ей придется работать, чтобы зарабатывать себе на пропитание. Из прочитанного ей запомнились несколько ремесел, привлекавших ее благодаря героям книг, но мало какие из них существовали в реальной жизни. Она никогда не смогла бы стать магом, рыцарем или прорицателем. Она также сразу же поняла, что ни одним из этих ремесел не занимались женщины, за исключением благородных дам, герцогинь и принцесс, которые зачастую нуждались в помощи со стороны мужских персонажей романов. Несколько раз она пыталась поговорить об этом с Каталиной, но та тут же с недовольством в голосе приказывала ей замолчать.

С ранних лет Клара поняла, что не может разговаривать с матерью на некоторые темы. Ей едва исполнилось четыре года, когда по пути на рынок они увидели женщину в открытом экипаже с навесом от солнца.

— Мама, возможно, было бы лучше, если бы мы поехали в одном из этих экипажей. Так нам не пришлось бы идти пешком.

Каталина посмотрела на неё и нервно рассмеялась, как обычно это делала, когда малышка задавала один из своих каверзных вопросов.

— Мы всего лишь бедные рабыни, Кларита.

— А кто такая рабыня, мама?

— Человек, который работает на другого, потому что сам не является хозяином своей судьбы.

Девочка пожалала плечами, так как работа для неё была чем-то мимолетным и легким — например, помочь принести дров или очистить стручки фасоли. Пройдут годы, прежде чем она осознает ту боль и усталость, которая разламывает спину матери каждый вечер, или горький вкус поражения и отчаяния, с которым она встаёт каждое утро.

— А эта женщина из экипажа не работает?

— Нет, Кларита. Она богатая.

— А где она нашла деньги? Мы могли бы тоже там немного взять.

— Она их не находила. Её муж или отец наверняка богаты.

— А мой отец не богат, мама?

И каждый раз, когда малышка спрашивала Каталину о виновнике своего существования, лицо той искажалось, она расстраивалась и отдалялась от дочери, а глаза ее наполнялись одиночеством. Девочка ненавидела это выражение лица матери и быстро научилась избегать этой темы в разговорах. Несмотря на все ее усилия, на лице Каталины всегда оставалась темная пелена, которая слетала лишь в редких случаях.

И это мгновение, когда она просила дочь пойти учиться у лекаря, было одним из этих немногочисленных случаев. Неистовое желание, страстная надежда, которая зажглась в глазах старой рабыни, была столь несчастным и чудесным явлением, что лишь она одна могла убедить Клару надежнее, чем любой разумный аргумент.

— Я пойду туда, мама, — сказала девушка после напряженного молчания.

Вот так и вышло, что однажды утром Клара снова оказалась у двери Монардеса. При свете дня дом снаружи выглядел так же, как и его владелец: дряхлое отражение бывшего величия, ободранное и лишенное части черепицы. Рабыня осмотрела саму себя. На ней было коричневое платье из грубой шерсти и рубашка в заплатках, доставшаяся ей от матери. Башмаки тоже были очень старыми, и хотя в свое время они были ей велики, теперь же натирали ноги, когда приходилось далеко ходить. Поверх всего серый плащ защищал ее от дуящего с реки влажного и холодного ветра.

Она постучала в дверь молотком, почти боясь того мгновения, когда она откроется. Чувство, очень далекое от испытанного здесь в первый раз, той тревоги и страха темноты, что сжимали ей тогда горло.

— Ты войдешь наконец?

Глубоко погружившись в свои мысли, она не заметила, что лекарь открыл дверь и строго смотрел на неё из-под густых седых бровей.

— Доброе утро, хозяин.

Обстановка внутри изменилась и казалась почти домашней. При дневном свете дом уже не выглядел логовом колдуна, как те, о которых она читала в рыцарских романах, столь любимых Варгасом. Солнце, врывавшееся сквозь маленькое боковое окошко, придавало комнате Монардеса вид странной пыльной кухни. Запах был необычным, кислым и сильным, но не слишком неприятным.

— Не называй меня хозяином. С сегодняшнего дня ты будешь Кларой, а я учителем. Так больше подходит в нашем случае.

— Да, хо... учитель.

— Думаю, нам следует начать с основ. Хотел бы я, чтобы ты умела читать, потому что...

— Я умею читать, учитель, — произнесла Клара с гордостью.

— Ты? Рабыня? Прости, но я очень в этом сомневаюсь.

Девушка подошла к большому столу, на котором располагался ворох пожелтевших бумаг, исписанных мелким, вытянутым, как паучьи лапы, почерком.

— Рецепт настойки. Возьмите три части порталака...

Монардес раздраженно вырвал бумагу из её рук.

— Это портулак. Признаю, что у меня ужасный почерк и что ты очень хорошо умеешь читать. Кто тебя научил?

— Один из слуг нашего дома. Он умер много лет назад.

— Какие книги ты читала?

— Об Амадисе, Флоринсео, Пальмерине.

Клара ощутила легкий трепет, произнося эти имена вслух. Это произошло впервые, несмотря на то, что владельцы имен были для нее так же реальны, как утреннее солнце. Каждый слог воскрешал в ее памяти битву с чудовищем, плавание на зачарованном корабле или обещание вечной любви. И тем не менее, ей было запрещено их произносить. Она слышала разговоры об этих приключениях — даже о тех, про которые еще не читала, — на

площадях и рынках. Она слышала разговоры писарей и зеленщиков, погруженных в жаркие неразрешимые споры о том, кто из рыцарей лучше и отважнее. Но рабыня не имела права вмешиваться в разговоры свободных.

— Ясно, — сказал лекарь, пренебрежительно махнув рукой. — Можешь не продолжать, вкусы твоего хозяина вполне понятны. Значит, ты не слышала о брате Бартоломе де лас Касасе?

— Нет, учитель.

Лекарь закурил пестик, заставив его катиться по столу, пока тщательно подбирал слова.

— Этот слуга, научивший тебя читать... Он сделал это по собственной воле или по просьбе Варгаса?

— Я не знаю, — ответила Клара, пожимая плечами и повышая голос. Она не понимала, почему этот старый брюзга задавал ей столько вопросов. — Спросите его сами.

Дерзость рабыни пришлось лекарю по душе, он отвернулся, чтобы девушка не увидела улыбку, проступившую на его бледно-желтом лице.

— Знаешь, почему ты здесь?

— Моя мать сказала, что я буду учиться ухаживать за хозяином.

— Так и есть, по меньшей мере, отчасти. Варгас страдает неизлечимым и очень болезненным недугом, который будет постепенно развиваться в течение всей его оставшейся жизни. Твоя забота не изменит этого, но может сделать его жизнь более сносной. Ты этого бы хотела?

Клара неуверенно кивнула.

— Думаю, да.

На несколько мгновений эти слова повисли в воздухе, а лицо Монардеса окаменело, так что девушка решила, что совершила ошибку,

— Ты так думаешь? — гаркнул лекарь. — Будь ты проклята, девочка, я вступаю в соблазн вернуть тебя хозяину, чтобы ты драила полы до самой смерти. Вот кем ты хочешь стать? Заслуженная холуйка, мечтающая о странствующих рыцарях с поднятыми копьями, пока соскребает голубиное дерьмо во дворе?

Девушка залилась краской стыда от внезапного яростного нападения Монардеса, и у нее были на то причины.

— Нет, учитель!

— Возможно, я ошибся с тобой. Может быть, твой хозяин прав, и ты слишком тупоголова, чтобы учиться. В конце концов, ты всего лишь женщина. Рабыня.

Сомнения, страх и неуверенность Клары, охватившие девушку перед лицом задачи, на которую мать заставила ее согласиться, внезапно исчезли. Она почувствовала ненависть к этому старику с иссохшей пятнистой кожей, к его пожелтевшим зубам и рукам с жесткими и грязными ногтями. Девушка была высокой для своего возраста, а старик — маленьким и сгорбленным. Ей захотелось встряхнуть его, поскольку, вопреки стараниям выглядеть спокойной, чтобы избежать проблем, ее характер был горячим и страстным. Она никогда не выпускала наружу эти чувства, ибо с детства усвоила, к чему это могло привести.

Вместо этого она взмолилась.

— Пожалуйста, учитель. Не возвращайте меня Варгасу.

— И почему я не должен этого делать? — серьезно спросил Монардес, рассматривая ее в упор, как человек, который считает само собой разумеющимся, что ответ не будет

правильным.

— Потому что это разбило бы сердце моей матери. Она хочет, чтобы я у вас училась. И однажды выкупила бы свою свободу у хозяина.

Старик испустил глубокий, долгий вздох. Казалось, воздух вытягивал за собой из его тела весь гнев, оставляя лишь серую дырявую оболочку, подобно сильному ветру, обнажающему одуванчик. То, о чем его просила девушка, было практически невозможно. Тем не менее, если для учебы ей нужна была именно эта бессмысленная цель, лекарь был согласен.

— Что ж, будет лучше, если ты начнешь стремиться к знаниям, которые я буду вкладывать в твою голову, — проворчал он. — Если, конечно, отважный Белианис Греческий еще не высушил твои мозги, ей-богу. Сегодня ты проходишь испытание, и если не убедишь меня в своем отношении... вернешься к метле.

Жестоко избитый Санчо провалялся четыре дня, прежде чем смог встать. Кастро, у которого были, очевидно, довольно своеобразные взгляды относительно воспитания слуг, во время болезни кормил его на удивление хорошо. Видимо, он считал, что жирный соус или похлебка из бобов являются достаточным возмещением за те синяки, что покрывали тело работника. Он ставил поднос с едой прямо на пол возле убогого ложа Санчо, а иногда даже приносил четверть кувшина разбавленного вина.

— Надеюсь, ты выучил урок, ворюга, — сказал он с устрашающей ухмылкой на бородатой физиономии. — Оплата всегда вперед. Если не хочешь снова получить взбучку.

Санчо молча кивал, хотя едва ли мог в то время прожевать хоть кусок. Ему довольно долго больно было даже наклониться над тарелкой и поднести ложку ко рту, так что он ограничивался тем, что размачивал хлеб в соусе и лежа его проглатывал, глядя в потолок. Он не чувствовал ни голода, ни холода, несмотря на сгнившие ставни на окне, через которые задувал ветер, колотя древесиной о штукатурку. Мальчик слушал ритмичные удары и скрежет ржавых петель и размышлял об истории, которую ему рассказал Гильермо.

Робин Гуд, Робин с капюшоном, справедливый вор. Слова англичанина, когда тот рассказывал эту историю, словно обладали невероятной магической аурой. Санчо упустил кое-какие тонкости и с трудом понял некоторые слова, но не осмеливался прервать Гильермо, чтобы уточнить их значение, пока тот говорил. Он боялся, что рассказ собьется с ритма. Вернее, рассказы, потому что постоялец таверны развлекал его многочисленными историями про Робина в капюшоне. Этот Гуд мастерски владел мечом, но с луком управлялся просто со сверхъестественной ловкостью.

— Он попадал в глаз воробью за сто шагов. На лету!

— А из мушкета он тоже умел стрелять? — рискнул спросить Санчо, поняв, что сейчас как раз выпал один из тех редких случаев, когда он может подать голос.

— То были лучшие времена, Сансо, — сказал Гильермо, который использовал вино не только для ухода за ранами мальчика и снова начал запинаться, произнося его имя. — Не такие беспокойные. Тогда не было ни мушкетов, ни пистолетов, никакой плебей не смог бы уложить короля в могилу тремя граммами пороха.

Санчо посмотрел на него, и в его глазах мелькнуло нечто странное.

— Не понимаю, почему из-за этого времена были лучше.

— Будешь меня постоянно прерывать, я никогда не закончу, — пожаловался Гильермо, тут же приступив к рассказу о том, как Робин Гуд победил в турнире по стрельбе из лука в Ноттингеме.

Мальчик не сомневался, что половину историй англичанин просто придумал. Время от времени он поглаживал рукой начинающую лысеть голову или играл с завязками хубона, на несколько мгновений замолкая, а потом с новой силой принимался за рассказ. Словно внезапно вспомнив о тех многочисленных девушках, которых Робин Гуд спас на перепутьях судьбы, Гильермо компенсировал забывчивость детальным описанием. Туманные, но захватывающие образы будили воображение Санчо. Мальчик никогда не видел обнаженных женщин, но часто фантазировал о них в приюте. Эти ночные фантазии обычно заканчивались тем, что Санчо совершал деяние, которое клеймил в своих проповедях брат

Лоренсо, и на следующее утро со стыдом признавал свою вину на исповеди.

По мере того, как Гильермо поглощал вино, он говорил всё громче, а язык начинал заплетаться. Финал истории он посвятил сражению, где Робин Гуд со своими веселыми товарищами покончили со злобным сборщиком податей, после чего потащился в свою комнату, чтобы завалиться спать.

Слова англичанина пробудили в душе Санчо нечто доселе скрытое. Он описывал персонажей так, что они словно вставали перед глазами, подражал их голосам, в нескольких словах очерчивая их личные качества. Но дело было и в значении самой истории.

Прикованный к постели и не имея другой компании кроме стучащих ставень, Санчо погрузился в размышления. Он вспомнил, что чувствовал, когда тот мерзавец, фламандский капитан, заставил его сунуть руку в канаву с дерьмом, чтобы вытащить золотую монету. Вспомнил свою радость, когда бросил дерьмо ему в лицо, возбуждение бегства с прижатой к груди монетой. Голос где-то в глубине разума пытался напомнить, что он чуть не расстался с жизнью, когда шпага фламандца уткнулась ему в спину, но эту деталь заглушали ликующие звуки труб, которые вызвали слова Гильермо.

"Один раз мне это удалось. Смогу проделать это снова".

Когда он прислушивался к этой музыке, то понимал, что она всегда там звучала, в ожидании, пока Санчо соизволит ее услышать.

"Я мог бы остаться здесь, — говорил голос разума. Трусливый голос. — Мог бы попробовать пережить порку хозяина, вытерпеть еще полгода".

"Не выйдет, — отвечали ревушие трубы. — Если это животное снова начнет меня бить, то прикончит. Даже если я останусь здесь и выживу с этим сукиным сыном, то откуда мне знать, что брат Лоренсо сдержит свое слово?"

"Вот оно. Брат Лоренсо. Я должен повидаться с братом Лоренсо".

"А что этот высокомерный священник для меня сделал? Отправил другого на работу, которую заслуживал я. Похоронил меня в этом притоне у Кастро".

"Он не знал, что..." — голос труса был слабым, но хранил нежность к старому монаху, искал способ его оправдать, чтобы Санчо снова спрятался за его спиной. Но выдержать натиск он не смог.

"Он посмеется надо мной и закроет перед моим носом двери монастыря. Он мне не поможет".

"Но куда мне идти?" — жаловался голос труса, почти уже затихший.

"Бежать, как только смогу подняться. Найти карлика Бартоло. Он знает улицы и научит, как сделать так, чтобы получилось лучше, чем в прошлый раз, когда пришлось оставить монету капитану. А брат Лоренсо будет в ярости, когда поймет, что не смог со мной совладать".

Трусливый голос молча вызвал в памяти последний образ. Мимолетное видение — мать бьет его по правой руке, когда Санчо пытается дотянуться до колбасы, висящей на веревке в кладовой. Ее губы произнесли "воровать грешно", а потом образ растворился, остался лишь рев труб.

Кровь забурила в венах Санчо, пока он строил планы.

На пятый день Санчо поднялся с постели за два часа до рассвета. Он впервые встал на ноги, и это было мучительно. Его руки слушались, но ноги окостенели, а грудь болела при каждом вздохе. Он знал, что там что-то сломано, потому что слышал хруст ребер при ударах Кастро, но не мог ничего с этим поделать. Он прижал к телу левую руку, и это немного

облегчило боль, так он вышел в коридор.

Санчо прошел отделяющий от лестницы десяток шагов, страх стучал в висках. Он был босиком и припал к стене, чтобы доски не скрипели под его весом. Каждую ступеньку он преодолевал целую вечность, наступая на внешний край доски. Земляной пол таверны позволил двигаться быстрее. Он уже добрался до двери, но тут вдруг остановился.

"Я не могу так просто уйти, ничего не сделал".

Боль в боку напомнила, что он еще не расквитался с тем, кто причинил ему столько страданий. Вместо того, чтобы направиться к выходу, он завернул на кухню. За стойкой находился прикрытый платком ящик со столовыми приборами. Он погрузил в него руку, нащупывая знакомую форму. Пальцы двигались медленно, в глубине ящика раздавался легкий металлический звон, который напуганному Санчо казался грохотом. Наконец, указательный палец наткнулся на что-то твердое и грубое. Он осторожно вытащил находку.

Это был большой нож с костяной ручкой и металлическими заклепками. Треугольное лезвие было больше ладони в длину и гораздо лучше наточенным, чем можно было предположить после сотен нарезанных овощей.

Санчо вернулся к лестнице. Теперь он двигался еще медленнее, с такой силой сжимая рукоятку ножа, что пальцы побелели. В коридоре, перед комнатой Кастро, он задержался на последнее мгновение сомнений. Если он войдет, и хозяин таверны его заметит, то пути назад не будет. Ему не хватит времени, чтобы добежать до двери, открыть задвижку и смыться. Придется его убить.

"Для этого я и вернулся наверх".

Он спросил себя, как вонзить нож в хозяина таверны. Если тот закричит, то тут же появится англичанин, узнать, что случилось.

Он толкнул дверь, не слишком хорошо понимая, что делает. Дверь открылась почти бесшумно, но Санчо тут же сообразил, что об этом нужно меньше всего беспокоиться. Кастро размеренно дышал, комнату наполнял густой смрад перегара и пота, как в любом жилище пьяницы. Санчо приблизился к постели, где камнем лежал хозяин. Голова свесилась на бок, и в тусклом свете, просачивающемся из окна, была видна беззащитная шея.

"Это было бы так просто, — подумалось ему. — Он бы даже не проснулся".

Он поднял нож и на мгновение задержал его в воздухе. Робин Гуд так бы не поступил. Но злодей заслуживал наказания. А настоящая жизнь отличается от сказок, с их дуэлями и правосудием, где герои восстанавливают справедливость лицом к лицу с врагом. В реальной жизни герои пользуются случаем.

Нож быстро опустился.

Без тени страха, стараясь не шуметь, Санчо снова спустился вниз. Открыв ящик, где хранились приборы, он обнаружил еще один инструмент, в котором остро нуждался. Он схватил колотушку и направился в заднюю часть кухни, где, стоя одна на другой, выстроились до самого потолка бочки с вином. Точными ударами он выбил днища у всех. Правда, добраться до самой верхней бочки ему стоило немалых усилий, поскольку сломанные ребра еще не позволяли свободно действовать правой рукой.

Забрызганный вином с головы до ног, он подошел к двери. За его спиной по глиняному полу всё быстрее растекалось багровое море вина, до жути похожее на кровь.

Санчо невольно улыбнулся, представив себе физиономию трактирщика, когда тот проснется и увидит возле самого лица лезвие лежащего рядом ножа. Сначала он, конечно, не на шутку испугается. Потом спустится вниз и вот тут-то увидит настоящую рану, нанесенную

ему работником. Правда, из этой раны лилась отнюдь не кровь, но для Кастро такая рана окажется куда болезненнее, чем если бы из нее текла кровь из его собственных жил.

Первый день в обществе лекаря оказался для Клары весьма беспокойным и насыщенным. Первым делом Монардес провел рабыню в заднюю часть дома, к которой примыкал большой огород с видом на улицу. Черный ход дома как раз выходил в этот самый огород. Каждая грядка здесь была как будто вычерчена по линейке. Десятки самых разных растений сидели во влажной, хорошо удобренной почве, орошаемые при помощи хитроумных дождевальных установок, разных для каждой группы растений, для которой требовался свой режим полива. Металлические трубы со множеством мельчайших отверстий, из которых вода разбрызгивалась мириадами крошечных капель, кожаные бурдюки, откуда тянулись бесчисленные тросы непонятного назначения, канавки и водостоки, выложенные керамической плиткой. На первый взгляд эти сооружения могли показаться хрупкими и ненадежными, однако все они исправно работали, издавая несмолкаемое журчание и бульканье.

Клара, не зная иных приспособлений для полива растений, нежели старое ведро, стоявшее во дворе Варгаса в дальнем углу, любовалась этим зрелищем, раскрыв рот от изумления. Проследив за ее удивленным взглядом, Монардес впервые улыбнулся и сделал глубокий вдох, наслаждаясь ароматами цветущего сада.

— Вода, моя дорогая карибка — это жизнь. Она изливается на нас с неба, словно дар богов, и наполняет нас. Мы все состоим из воды, — сказал он, постукивая пальцем по руке Клары.

Девушка подняла руку и поднесла ее к самым глазам. Она всё еще никак не могла поверить, что ее рука действительно состоит из воды, и честно призналась в этом Монардесу.

— Твоя кровь, мускулы, даже глаза — всё это наполнено влагой. Если не будешь пить — ты просто умрешь, потому что твое тело не сможет восполнить запасов жидкости, потерянных с мочой и потом.

— Как тот кот, — пробормотала про себя Клара.

— Какой кот?

Рабыня прикусила губу, с опаской глядя на Монардеса. В конце концов она всё же решилась заговорить, хоть и рисковала навлечь этим на себя гнев учителя. Но тот поторопил ее нетерпеливым жестом, и ей ничего не осталось, как ответить.

— Когда я была маленькой, кто-то запер в дровяном сарае кота на целое лето, и никто его не хватился. В сарай за дровами долго никто не ходил, на кухне их было достаточно, и бедный кот так там и умер. Когда слуги его нашли, от него остались лишь кожа да кости.

Монардес одобрительно улыбнулся Кларе, но она, казалось, этого не заметила. Она смотрела вдаль, поверх стены сада, на высвеченный утренним солнцем четкий контур собора.

— У бедного кота были до крови искусаны все лапы, он сам себя за них кусал. Тогда я не могла понять, зачем он это делал, а теперь понимаю. Он пытался пить свою кровь, — произнесла девушка таким тоном, словно слова лекаря помогли ей разгадать некую загадку, над которой она уже давно ломала голову. Она не сказала, что этот кот был ее любимцем, что она плакала от горя, и потом ей несколько недель снились кошмары. Ни о чем таким она

ему не сказала, потому что боялась, что лекарь плохо о ней подумает. Ей было известно, что мужчины вообще, а ее хозяин в особенности презирают женщин, не умеющих скрывать свои чувства, и ей вовсе не хотелось оправдываться перед Монардесом за свою вчерашнюю ошибку.

— И как ты думаешь, Клара, почему кот это делал?

— Потому что инстинкт ему подсказывал, где находится ближайший источник воды.

Лекарь одобрительно улыбнулся.

— Воистину так. Природа мудра, намного мудрее нас с тобой. Посмотри вокруг. Все эти растения, как и твоя мать, прибыли из дальних стран. Многие из них происходят из Индий, — при этих словах глаза Клары удивленно расширились, — из тех мест, где совершенно иной климат, и влажность очень отличается от нашей. Там все эти красавицы растут сами собой, совершенно не нуждаясь в нашей помощи. Но здесь необходимо вмешательство человека, чтобы обеспечить им необходимую меру влаги. Ни больше, ни меньше.

— Я думала, что вода дает им жизнь.

— Да, это так, однако во всем необходима умеренность. Если еды слишком много, то можно заболеть.

— Я не понимаю, как может быть слишком много еды, — сказала Клара, качая головой.

Несмотря на то, что Севилья была самым большим и богатым городом того времени, на каждый богатый особняк, построенный за счет золота из Индий, приходились сотни бедных лачуг, где царили нужда и голод. Правда, сама Клара никогда не знала настоящего голода, поскольку выросла в доме богатого купца, который славился своей кухней. Безусловно, самые роскошные яства предназначались для хозяина и его гостей, однако слугам ежедневно полагались хлеб и овощи, два раза в неделю — мясо, а по пятницам — рыба, в соответствии с предписаниями церкви. Тем не менее, Клара насмотрелась на голодных и истощенных детишек, что рылись в мусорных кучах, и привыкла к тому, что для них это самое обычное дело. В их глазах виднелась черная бездна, которую они тщетно старались заполнить. И это была еще одна тема, которую она предпочитала ни с кем не обсуждать.

— Очень даже может быть, Клара. Посмотри на своего хозяина. Болезнь, которая его терзает — как раз и является следствием всего того, что он ел и пил на протяжении своей жизни.

— Откуда вы это знаете? Откуда вы вообще знаете, чем кто-то заболел?

— Потому что этой болезнью страдают только очень богатые люди, причем, именно те, что потребляют слишком много мяса и кое-чего еще.

— И вы всегда с первого раза видите, кто чем болен, учитель?

— Иногда вижу. Однако знания мы получаем не только из личного опыта, но и из прочитанных книг. Таким образом, каждый ученик встает на плечи своего учителя, а потом на его плечи поднимается новый ученик, так и развивается наше ремесло.

Клара медленно кивнула, представив себе огромную башню, составленную из множества людей, стоящих друг у друга на плечах. А что он имел в виду, когда говорил о книгах? Она никак не могла разобраться, что же, собственно, Монардес о них думает. То он говорил, что она вывихнет мозги, если будет слишком много читать, а теперь расписывает, как важны книги для учебы.

Однако ей не пришлось об этом долго раздумывать, поскольку лекарь заявил, что сейчас они займутся садом. Всё утро они провели в прополке и починке канав, кое-где

поврежденных порывами ветра, а также собирая в компостную кучу гнилые плоды и пересыпая их черноземом.

— Почву необходимо удобрять, растения нуждаются в этом даже больше, чем в солнце и влаге, — наставлял лекарь.

— Зачем вам их столько, учитель?

Монардес в это время, стоя на коленях прямо на земле, привязывал к шпалере стебель какого-то вьющегося растения. Покончив с этим занятием, он сделал широкий жест, призывая ее посмотреть вокруг.

— Посмотри: вот это — кникус, он незаменим при астме и лихорадке. А вот эти длинные, уродливые стебли — черный паслен. Нет ничего лучше для смягчения сухой шелушащейся кожи. А вот здесь — чеснок, кассии, тысячелистник... Каждому из них можно найти по меньшей мере одно, а то и несколько применений, что немало облегчает нам жизнь. Сколько раз крестьяне пускали огонь по сжатому полю, полагая, что уничтожают лишь бесполезные сорняки; а ведь сколько при этом гибнет полезных растений, которые могли бы спасти жизнь их детям. Если бы они только знали...

Неожиданно он споткнулся и чуть не упал; Клара едва успела его поддержать. Ей это стоило немалых усилий, поскольку старик, несмотря на кажущуюся хрупкость, оказался невероятно тяжелым.

— С вами всё порядке? — спросила девушка, обеспокоенная, не случился ли у лекаря солнечный удар.

— Такому старику, как я, уже тяжело работать в саду, — заметил он. — Теперь каждое утро это будешь делать ты — под моим руководством. А после обеда мы начнем наши уроки.

На обед у них был суп и вареные речные раки, которые вскоре после полудня принес разносчик. Но настоящая работа началась для Клары после обеда, когда Монардес велел ей сесть на стул и прилежно внимать всему, что он будет рассказывать о различных видах медицинской практики. Для Клары здесь обнаружилось немало интересного — скажем, вводная лекция о строении человеческого тела, которую учитель сопровождал красочными рисунками. Другие предметы — такие, как история медицины или основы человеческой психологии — показались ей малопонятными и откровенно скучными. Самым же полезным для нее оказался урок, во время которого Монардес объяснил, как при помощи пестика выжимать сок из листьев папоротника Венерин волос, который потом надлежало смешать с жиром и некоторыми другими компонентами, чтобы в итоге получить мазь для лечения подагры. Объяснив ей всё на словах, лекарь потребовал, чтобы она приготовила мазь своими руками.

Рабыня долгое время колдовала в поте лица, пока, наконец, не представила весьма довольному старику результат своих упорных трудов.

— Неплохая работа, — одобрил Монардес, поднося пузырек к своему длинному носу и принюхиваясь. — Для первого раза совсем даже неплохо. Хотя, пожалуй, многовато солей меди.

— С вашего позволения, учитель, мне пора идти, — сказала Клара, всё еще не решаясь задать вопрос, который готов был сорваться с ее губ. Она набросила на плечи плащ, собираясь уходить. На улице уже сгущались сумерки.

Однако Монардес догадался обо всем сам и протянул ей пузырек.

— Каждое утро и каждый вечер набери немного этой мази в ладонь, примерно

размером с крупную миндалину. Нанеси ее на ногу хозяина легкими круговыми движениями, пока не впитается. Но не забудь сначала вымыть и вытереть ему ноги, чтобы подготовить кожу.

— А ему не будет больно? Он всегда стонет от малейшего прикосновения.

— Ах, девочка моя. Он будет вопить, как сам дьявол, и требовать, чтобы ты прекратила. Но ты не слушай.

Клара кивнула, хотя понятия не имела, как ей это удастся. Она направилась к двери, но прежде чем выйти, повернулась к старику. Тот сидел за большим столом и, похоже, был занят разжиганием угольков под стеклянной ретортой с зеленоватой жидкостью. Клара поколебалась, прежде чем заговорить, тщательно подбирая слова.

— Учитель, я могу прийти завтра?

Настала длительная тишина, прерываемая лишь бульканьем варева, которое как раз закипело. Этот звук, похоже, поглотил всё внимание лекаря, и, не отрывая взгляда от реторты, он произнес:

— Приходи прямо с утра. Будет много работы в саду. И еще, Клара...

— Да, учитель?

— Ты ещё не прошла испытание.

Санчо мчался по пустынным улицам прочь от "Красного петуха", промокший до нитки, источая нестерпимый винный дух. Когда его возбуждение и страх немного улеглись, уже забрезжил холодный рассвет. Парнишка прошмыгнул в переулок Наковальни, где кузнецы уже встречали первый свет зари многоголосым перезвоном.

Он недоверчиво косился на местных кузнецов, и они отвечали ему столь же угрюмыми взглядами, а то и грозили тяжелыми молотками. Но его всё это не слишком беспокоило: в тепле от кузнечных горнов промокшая одежда высохнет в мгновение ока. Да и сейчас было совсем не холодно, но промокшая ткань никак не хотела сохнуть и, пропитанная кислым вином, прилипала к коже, отчего та начинала неприятно зудеть.

"Единственное, что принадлежит мне в этом мире — вот эти промокшие тряпки", — уныло думал он, бесцельно бродя по улицам. Эти улицы, на которых в течение многих месяцев протекала вся его жизнь, теперь казались чужими, враждебными. Только теперь Санчо ощутил, что у него больше нет ни куска хлеба, ни угла, чтобы преклонить голову.

— Эй, смотри, куда прешь! — рявкнул кто-то над самым ухом.

Оказалось, что Санчо, задумавшись, столкнулся нос к носу с каким-то малолетним носильщиком, искавшим работу. Ему было не более восьми или девяти лет, и Санчо, налетев на малыша, сбил его с ног. Корзина мальчишки оказалась как раз между ними, и Санчо вцепился в нее обеими руками.

"Так просто убежать с ней и затеряться среди переулков. Это быстрый заработок, всего через несколько часов у меня была бы горячая пища".

Мальчишка уже поднялся, вцепился в корзину обеими руками и пытался отнять ее у Санчо, отчаянно стиснув губы. Его костлявые руки дрожали от напряжения. Для носильщика нет греха хуже, чем вернуться без корзины. Брат Лоренс устроил бы Санчо за это серьезный нагоняй, а менее понимающий работодатель мог бы спустить с неосторожного шкуру. Тельце в синяках и наполовину разорванное ухо мальчика указывали, что хозяин его корзины не был слишком терпелив.

— Отдай! Она моя, козёл! — крикнул он, почти плача.

"У него даже нет сил, чтобы отобрать у меня корзину. Он всего лишь вшивый и голодный сирота с разодранными коленками и покрасневшими от холода руками. Как и я".

— Возьми, и не отпускай ее больше так запросто, — сказал Санчо, разжимая пальцы. — Иди на площадь герцога де Аркоса. По средам там ярмарка канатных мастеров, и свертки будут не слишком тяжелыми. Самое то для мальчонки вроде тебя.

Мальчик, чуть не свалившийся на задницу, когда Санчо разжал пальцы, ударил его ногой в голень и убежал.

— Я всё равно сильнее тебя, придурок!

Потирая ноющую ногу, Санчо улыбнулся. Мальчик убежал в направлении, которое он ему указал. Может быть, для этого смельчака все-таки еще оставалась надежда.

Когда солнце поднялось над крепостными стенами, юноша решил, что для него наступила пора перебраться через них и исчезнуть из Севильи на несколько часов. Он боялся, что Кастро заявит на него альгвасилам за разгром погребца. Вероятность того, что стражи порядка будут усердно его искать или смогут узнать, была просто смехотворной, но

Санчо казалось, что преступление буквально написано на его лице, вдобавок к окрашенной красным вином одежде.

Санчо выбрался из города через Зубчатые ворота. Недалеко от стен Бетис образовывала несколько тихих заводей, где он мог постирать свои лохмотья, не боясь, что его заметят. Раздетый, окоченевший от холода и голодный, он прятался в камышах, пока рубашка и штаны сохли на ветвях. Он попытался поймать одну из плававших близко к берегу рыбешек, но без сети и удочки они лишь проскальзывали у него между пальцев. В конце концов он одним махом выхватил из воды одну, размером меньше большого пальца. Рыбешка упала, прыгая по камням, и Санчо накинулся на нее. Он проглотил ее в два укуса, ощутив косточки и вкус ила. От убогого обеда живот свело.

Ему было нечем больше заняться, кроме как думать, а единственную компанию ему составляли квакающие лягушки, поэтому в голове теснились мысли о недавних происшествиях. Считанные недели отделяли безопасный сон в приюте и ежедневный заработанный хлеб от бесконечных побоев и, наконец, побега без какого-либо будущего, при первых осенних холодах, принесенных ветром с гор.

Он подумал о брате Лоренсо, которого ненавидел за то, что отправил в трактир к этому животному Кастро, и ему стало стыдно при мысли, что монах мог увидеть его таким, голым среди камышей. Он вспомнил о Кастро и ощутил легкие угрызения совести за уничтожение его средств к существованию. Вспомнил о Гильермо Шекспире и истории про Робина Гуда, и раскаяние испарилось, ведь он, как и герой рассказа, оплатил преступнику по заслугам. Вспомнил о Бартоло, предложившем обучить его воровству, и пожалел о безумстве, к которому его подтолкнули обстоятельства.

— Лучше спать под открытым небом, чем терпеть побои, — сказал себе Санчо, пытаясь взбодриться, и стал растирать руками тело, чтобы согреться.

Оттуда ему был виден монастырь Святой Марии, стоявший на противоположном берегу. Незадолго до полудня перед его укрытием проехало несколько закрытых карет с богатыми сеньорами внутри, направлявшимися к мессе. Санчо не мог отвести взгляд от ярких экипажей и всеми фибрами души пожелал уравновесить чаши весов, как это делал Робин Гуд. Вырвать из рук тех, у кого было в избытке то, в чем другие отчаянно нуждались.

Он провел ночь в водостоке у крепостной стены, едва сомкнув глаза. Находиться снаружи в темноте было очень опасно. Немало одиноких путешественников прибывали в Севилью после заката, они находили все двери закрытыми и им негде было переночевать. Многие заканчивали раздетыми в канаве или плавающими в Бетис с перерезанной глоткой.

Санчо удалось поспать пару часов, когда его разбудило блеяние отары овец на другом берегу реки. Он вылез из ямы, цепляясь пальцами за землю, сломанные ребра болели. Снова зажав бок рукой, он побрел к Ареналю. На противоположном конце гигантской площади, рядом с верфью Атарасанас, каждый день размещался блошинный рынок.

Пришло время найти Бартоло.

Санчо никогда раньше не был на блошином рынке. Брат Лоренсо запрещал ему искать там работу, поскольку рынок славился как место, где воры избавлялись от краденого, и можно было столкнуться с чем угодно. Он ожидал, что это будет опасное место, полное мрачных лиц и шпаг, с легкостью выскакивающих из ножен, но обнаружил лишь еще одно место торговли, каких в Севилье имелось множество, всего лишь продолжение Ареналя, только жалкое и нищенское.

Разочарованный, он бродил среди лотков, наполненных старым хламом, поношенной одеждой и жалкой едой. Покупатели глазели на товары, редко спрашивали, а покупали еще меньше. Сидевшие же сложа руки продавцы не торопились помочь Санчо.

— Я ищу карлика Бартоло. Вы его не знаете? — спрашивал он у каждого прилавка.

Продавцы показывали на него пальцами, громко смеясь.

— Слепая курица!

— Ну и дурак!

Один из них крикнул "Пошевеливайся!" и швырнул в него гнилой салат, Санчо отпрыгнул назад, чтобы от него уклониться. От толчка он упал на задницу, от чего швырявший расхохотался, хватаясь за живот со слезами на глазах. Разъяренный Санчо собирался подняться, когда вдруг почувствовал на спине чью-то руку.

— Пусть это будет твоим первым уроком, малыш. Помни, самое первое, чем тебе необходимо обзавестись — это еще одна пара глаз, только на затылке.

Санчо обернулся — и встретил веселый и умный взгляд знакомых глазенок Бартоло, смотрящего на него с доброжелательным любопытством.

***

Эта жизнь началась для карлика в те далекие дни, когда ему было примерно столько же лет, сколько теперь Санчо.

С самого раннего детства он знал, что не похож на других. Его воспитывала мать, любившая его беззаветно, что, согласитесь, нечасто встречалось в те времена. У него было два младших брата — оба вполне нормальные — с которыми он играл на улицах Кадиса, своего родного города. Отец был гончаром, и это ремесло позволяло семье жить безбедно. Бартоло, как мог, помогал отцу в мастерской, хотя в его коротких ручках было слишком мало силы, чтобы вылепить большую амфору, какими славилась мастерская отца. Однако его силенок вполне хватало для того, чтобы делать изящные вазы и кувшины.

Бартоло чувствовал себя счастливым, даже несмотря на то, что еще в раннем детстве перестал расти, и стало понятно, что больше он и не вырастет. Когда средний брат, Симон, будучи моложе на год, перерос его на две головы, Бартоло не слишком огорчился. Они по-прежнему часто болтали и поверяли друг другу свои сердечные тайны, покуда месили глину. И вот однажды Бартоло доверил брату величайшую тайну на свете.

— Я люблю Люсию, дочку водоноса, — признался он.

Эта девушка жила через два дома от них; она была очень красива и простодушна, словно колыбельная песня.

Когда брат услышал его слова, он лишь посмеялся над ними.

— Не видать тебе ее, как своих ушей, — заявил он. — Ни одна нормальная женщина даже не взглянет на такого уроду.

Бартоло жил в окружении насмешек соседей и ходил по улицам, не обращая внимания на то, что на него показывали пальцем. Но это было уже слишком. Разъяренный, он взял шмат глины, вертевший на гончарном круге, и швырнул его в Симона.

— Ты считаешь, что лучше меня? Однако на тебя она обращает еще меньше внимания.

Брат не сказал ничего отцу, лишь очистил волосы от комков грязи и промолчал. Несколько недель спустя он попросил Бартоло прийти в мастерскую на закате, пока отец сидел в таверне с друзьями.

— У меня есть для тебя маленький сюрприз, братишка, — сказал он. — Спрячься среди кувшинов и жди меня там.

Бартоло, весьма заинтригованный, так и сделал. Вскоре он услышал, как в замке мастерской повернулся ключ, а затем до него донесся чей-то приглушенный смех. Его терзали смутные подозрения, а потом раскаленный клинок пронзил его сердце. На гончарном столе сидела Люсия, а брат шарил у нее под юбкой и всё ниже опускал вырез платья. Ее белые груди были большими и округлыми и казались еще белее рядом с темной от загара кожей шеи и плеч. Под задранной юбкой на миг мелькнул островок волос между ног. Несмотря на горечь измены, эта картина возбудила его до крайности.

Люсия блаженно стонала, прикрыв глаза. Симон взгромоздился сверху, потом оглянулся и посмотрел в сторону амфор, среди которых скрывался Бартоло. Симон, конечно, не мог его видеть, но знал, что Бартоло там, и довольно улыбнулся, не прекращая своей дикой скачки верхом на девушке.

И подлое торжество в этом взгляде ранило Бартоло больше всего.

В ту же ночь он собрал свои вещи и ушел из дома, задержавшись лишь на минуту, чтобы поцеловать спящую мать. Бедная женщина беспокойно ворочалась во сне, и Бартоло впервые подумал, сколько она страдала по его вине. Сколько раз ей приходилось жалеть, что он родился на свет, когда невежественные соседи и пьяницы в таверне возводили на нее напраслину, обсуждая, был ли этот уродец Божьей карой за ее грехи или плодом греховной связи с самим дьяволом.

Он ни секунды не сомневался, куда направится, поскольку слышал, что король Филипп проводит несколько недель в году в королевском дворце в Севилье. Все короли охочи до шутов.

"Хуже мне уже не будет", — думал он по пути, хотя сердце до сих пор сжималось.

Как же сильно он ошибался.

Прибыв в Севилью, он приложил все усилия, чтобы заполучить должность. Разгуливал перед дворцом многие недели, выучив по именам всех, кто в него входил. По ночам побирался, чтобы выжить, постоянно ожидая, что на него обратит внимание какая-нибудь важная персона. Наконец, над ним сжалился один из придворных и приказал остановить карету, проезжая мимо.

— Король прибудет через несколько дней. Хочешь стать одним из придворных шутов?

Растроганный Бартоло кивнул. Наконец-то он извлечет пользу от наложенного на него

Господом проклятья. Он последовал за каретой и впервые очутился в великолепных внутренних покоях. Ему приказали пройти через кухню, где его уже ждали.

— Мы оденем тебя соответственно, — сказал один из слуг, сморщив нос, увидев Бартоло и учуяв его вонь.

Ему отдали костюм, принадлежащий умершему несколько месяцев назад карлику, из черного шелка, с оборками и расшитый золотом. Бартоло никогда не видел ничего подобного, даже не мог представить, что когда-нибудь наденет такую роскошь.

— Тебе впритык, — сказал слуга, — но это всё равно не имеет особого значения. Ты ведь не вырастешь, правда?

Бартоло пропустил мимо ушей жестокую шутку. Он знал, что высокие люди думают, что становятся еще выше, когда окружены более низкими, и потому нуждаются в карликах.

Он познакомился с королем, станцевал для него, даже ел с его тарелки. Видел, как могущественные люди следуют за ним, как хвост за равнодушной кометой, унижаясь так, как никогда не унижается шут. Когда Филипп уехал, он забрал Бартоло в Мадрид. Там карлик увидел больше разложения, лжи и предательства, чем мог себе представить, а потом вместе с двором вернулся в Севилью. Он заработал состояние, а потом проиграл его в карты. Наслаждался женским теплом и считал, что не имеет значения, что путь к их лону проходит через кошелек, а не через сердце. Прошло шесть лет.

И однажды тот же придворный, что его нанял, выбросил Бартоло на улицу.

Ему швырнули те же тряпки, в которых он явился во дворец, и позволили оставить кошель с небольшими сбережениями, что он еще не растратил, но только не черный костюм, копию того, что носил сам Филипп. Бартоло спросил, почему он больше не нужен королю.

— Может, я его чем обидел? — спросил Бартоло, смущенный и испуганный.

Придворный бросил на него печальный взгляд и не ответил. В его глазах Бартоломо увидел безразличие и отстраненность, которые часто замечал во взгляде Филиппа. А также жалость, хотя карлик не знал, относится ли она к нему или к тому, кто правит судьбами Испании.

Вот так Бартоло оказался на улице. В двадцать лет и с шестью эскудо. Никто не хотел нанимать гончара, не отработавшего всего срока подмастерьем и не имевшего рекомендаций мастера. И больше не было поблизости королей, к которым можно было бы податься.

Однажды ночью Бартоло наткнулся на типов, которые проделывали дыру в стене лавки. Он тут же сообразил, что это воры, потому что работали они молча и почти впотьмах, обернутыми тряпьем ломami, чтобы приглушить звук.

Один из них уставился на карлика и вынул нож, чтобы избавиться от назойливого свидетеля, но другой его остановил.

— Эй, ты! Хочешь заработать несколько эскудо?

Бартоло протиснулся в маленькую дыру, избавив воров от большей части работы. Так он сделал первый шаг в новой профессии, той самой, которой теперь учил стоящего перед ним измученного парнишку с жесткими черными волосами.

Бартоло и Санчо забрались в самую отдаленную часть города, чтобы поговорить, в конец пристани на берегу реки. Поднялся легкий бриз, шелестящий в парусах кораблей, и разогнал вонь гнилых фруктов, поднимающуюся от нескольких лотков. Карлик уселся на один из громадных деревянных столбов для швартовки, так что его голова оказалась вровень с головой Санчо.

— И ты всё время был там? — спросил его мальчик.

— Шел за тобой с той минуты, как ты появился на барахолке. Добро пожаловать на воровской рынок, — Бартоло сделал широкий жест рукой.

— Не сильно впечатляет, — язвительно ответил Санчо, раздосадованный приёмом, который ему оказали карлик и торговцы.

Бартоло скорчил гримасу, оставив комментарий без внимания.

— Ты хоть ел сегодня?

Он достал из котомки пару сморщенных яблок, Санчо набросился на них без церемоний. Карлик терпеливо ждал, пока мальчик доест, и затем указал ему на лотки за спиной.

— Днем эти почтенные торговцы предлагают второсортные товары. Стражники не приближаются, да и покупателей, скажем так, немного. Однако, когда наступает ночь и солнце садится за Трианой, торговля преобразается. Зажигаются светильники, и сделки заключаются при свечах. Появляются покупатели с тугими кошельками, не склонные к излишней добропорядочности. На столах стоят старые медные подсвечники, но в свертках, которые уносят покупатели, завернуты канделябры из совершенно другого металла.

— Альгвасилы это тоже знают?

Бартоло лишь посмеялся над этим наивным вопросом. Смех у него был утробный и добродушный — такой же, как и голос. Если не смотреть на него, можно было подумать, что этот смех принадлежит великану.

— Как тебя зовут, парень?

— Санчо.

— Вся Севилья об этом знает, Санчо. Даже те, кого ограбили, приходят сюда в надежде выкупить украденное по сходной цене. Некоторым везёт.

— А если нет?

— Тогда начинается самое интересное, — карлик хитро улыбнулся, показав удивительно белые зубы. — Если не находят украденное, покупают что-то другое. Красивую картину Батисты на замену "Благовещения", которое испарилось из спальни; серебряные чётки с жемчугом вместо янтарных, которые таинственно исчезли. Словом, тут находят друг друга покупатель и товар.

Санчо медленно кивнул.

— Я всё ещё не могу понять, как такое возможно, что альгвасилы всех не арестуют.

— Дублоны заглушают их совесть. Все они получают свою долю с торговли.

— Но... А те, кто над альгвасилами?

— Ты говоришь о городских советниках, алькальде, короле?

— Это они командуют альгвасилами?

— Разумеется.

— Тогда о них.

Бартоло обернулся и указал на Золотую Башню на расстоянии броска камнем от блошиного рынка, где хранились золотые слитки из Америки, а затем на королевский дворец по соседству, кровля которого проглядывала над крепостной стеной.

— У них и там местечко пригрето.

Прячась накануне в течение долгих часов среди камышей, Санчо обдумывал, что же он скажет Бартоло, но не было похоже, чтобы карлика особо интересовали причины, заставившие сироту принять предложение и присоединиться к нему.

— Ты здесь, чтобы заработать себе на жизнь, это всё, что меня волнует. Однако тебе

придётся многому научиться. Эта ферма, где ты вырос...

— Постоялый двор.

— Как скажешь. Постоялый двор где-то в горах, так?

— На дороге в Эсиху.

— Сколько времени ты провел в Севилье?

— Несколько месяцев. Жил в приюте, но теперь я уже взрослый.

— Монахи нашли тебе тяжкую работу, учеником столяра или носильщиком. И из этого ничего не вышло. Хозяин тебя избил, и ты сбежал с пустыми руками.

Санчо удивленно кивнул.

— Кто тебе это сказал?

— Никто, парень. У тебя нет ни котомки, ни узелка с вещами, ты босиком, а лицо покрыто синяками. А на рубахе застиранные следы крови, хотя и немного. Я хочу знать о тебе лишь одно, парень. Ты прибил его, перед тем, как удрать? Не ври мне, я всё равно узнаю.

Карлик пристально на него смотрел, улыбаясь, но взгляд его был твердым. Санчо осознал, что теперь от его слов зависело, возьмет ли Бартоло его под свою защиту, и ощутил пустоту в желудке, смесь страха и тревоги. Он вспомнил нож, воткнувшийся рядом с Кастро, и растекающееся по земляному полу таверны вино. Впервые он обрадовался, что не убил этого мерзавца трактирщика, хотя сомневался, что Бартоло ждал именно такого ответа.

— Нет, я этого не сделал, — хрипло признался он. — Бог свидетель, я хотел этого, но не решился.

— Тебя остановил страх или сострадание?

Санчо пожал плечами, не зная, что ответить на этот вопрос. На самом деле, именно сострадание отвело острие ножа от горла Кастро, но признаться в этом карлику ему было стыдно.

Бартоло какое-то время продолжал его рассматривать и, кажется, нашел, что хотел, потому что улыбка на его губах распространилась и на глаза. Он неловко прыгнул со столба для швартовки и направился к пристани.

— Следуй за мной, Санчо.

— Куда мы идём?

— На твой первый урок.

Они шли молча, огибая плотников и конопатчиков, занимающихся кораблями. Добравшись до ворот Ареналь, они влились в вереницу поднимающихся к городу людей, и Санчо заметил, как мало-помалу их шаги становились всё медленнее и тяжелее. Меньше чем за пятьдесят шагов до входа, где вооруженная стража осматривала всех входящих через ворота, юноша вдруг застыл. Все, кто шел позади, многие с тюками или тянущие за собой животных, стали его толкать и осыпать ругательствами, проходя мимо.

— Что случилось, Санчо? Боишься? — спросил Бартоло, остановившись рядом.

Тот кивнул, вперив взгляд в ворота.

— Успокойся, тебя не узнают. Ты просто еще один крысеныш, который хочет прошмыгнуть в город. О, конечно же, Кастро заявил на тебя альгвасилам, но арестуют они тебя, только если ты сам явишься в тюрьму и будешь орать во всю глотку, чтобы тебя схватили.

Санчо сдержал возглас удивления.

— Как...? Черт бы тебя побрал, Бартоло, ты это знал с самого начала!

— Конечно, — подтвердил карлик, отвесив шутовской поклон. — Ты только что получил первый урок. Гляди по сторонам, ври напрапалу и знай все ответы заранее.

— Но как ты узнал про Кастро?

— Говорят, что многие клиенты "Красного петуха" вчера ушли из таверны, потому что Кастро хотел заставить их запивать еду водой. Нездоровая привычка, помимо прочего. Конечно, после того, как ты, парень, разбил все бочки, прежде чем сбежать, у тебя не осталось другого выбора. Сомневаюсь, что твой бывший хозяин к весне останется владельцем своего питейного заведения.

— Мне жаль...

— Нет! Не сожалей. Порадуйся, потому что ты как следует ему всыпал, он навсегда это запомнит. И еще потому что ты его не убил, в таком случае я не стал бы иметь с тобой дела. Мне не нравятся люди, которые чуть что пускают в дело нож.

Несмотря на обнадеживающие слова Бартоло, Санчо весь съёжился, пока они не пересекли городские ворота. Они не были торговцами и имели вид людей, которые не в состоянии заплатить и мараведи, так что стражники и взглядом их не удостоили. Бартоло свернул направо, на площадь Святого Франциска, ни на секунду не прекращая болтать. Он называл боковые улочки, лавки, монастыри и дворцы.

— Севилья — это основа всего, Санчо. Ты должен ее изучить.

— Я знаю улицы.

Карлик закатил глаза и пробормотал:

— Ты знаешь, как они называются, и наверняка еще кой-какие трюки носильщика: когда открываются лавки и что продается в каждой из них, знаешь хороших клиентов, кто дает лучшие чаевые и кто просто из себя исходит, если сунешь в карман хоть одно яйцо, пока несешь покупки. И ты думаешь, что это важно, но эти знания — это как тискать за сиськи полностью одетую шлюху. Я научу тебя, как ей засунуть.

Бартоло наскоро перекрестился, когда они проходили мимо собора, и Санчо засмеялся над несоответствием этого жеста и слов, но карлик, похоже, не видел ничего странного в своем поведении.

— Что за смешки, парень, мы в святом месте.

Через пару минут они добрались до площади Святого Франциска, в самый полдень, и Санчо показалось странным находиться здесь. Он много месяцев работал в этих местах, однако ему показалось, что прошла целая вечность. Лавки торговали как обычно, вокруг стоял шум и гам, люди давали поручения и что-то обсуждали. Зато он изменился.

— Давай, Санчо. Скажи, что видишь.

— Люди, покупатели.

— Что еще?

— Здания, фонтан, куры. Что еще я должен увидеть?

Карлик наклонил голову с едва заметной улыбкой.

— Чтобы стать севильским вором, ты должен кое-что знать, но прежде всего научиться видеть. Ты перечислил несколько предметов, на которые смотрел, как сделал бы любой пастух, задай я ему тот же вопрос. Ты пастух, Санчо?

— Нет.

— Ну тогда взгляни еще раз!

Санчо с уязвленной гордостью огляделся по сторонам, но не смог увидеть ничего, кроме двигающихся людей. Нужно найти местечко, откуда люди не будут заслонять зрения, так что он забрался на кучу деревянных ящиков, которые кто-то поставил у восточного входа на площадь. Так он приподнялся над остальными и долго стоял, наблюдая.

— Молодец.

Голос Бартоло из-за спины его напугал. Лицо карлика покрывала испарина, а сам он тяжело дышал. Ему явно было непросто залезть до самого верха ящиков.

— Ты о чем? Я еще ничего не сказал.

— О том, что забрался сюда, и не только чтобы осмотреться. Люди никогда не поднимают головы, Санчо. Они слишком заняты тем, что глядят под ноги, чтобы не

вляпаться в дерьмо, или прямо перед собой, воображая титьки под платями. Так что подняться — это лучший способ спрятаться. А теперь скажи, что ты обнаружил.

Санчо начал перечисление, как и в прошлый раз. Обескураженный, он уже собирался сдаться, когда что-то неподалеку от того места, где они находились, привлекло его внимание.

— Там! — воскликнул он, показывая пальцем на прилавок гончара. — Кто-то только что стащил миску!

— Да будь ты проклят, парень, не показывай пальцем и не ори! Хочешь устроить товарищу по профессии неприятности?

Мальчик пристыженно понурил голову, хотя карлик продолжил свою речь.

— Справа от тебя, рядом с южным входом, где находятся свечники. Видишь человека в фетровой шляпе с желтым пером? Посмотри на его спину.

Санчо увидел человека, который выглядел так, будто только что сошел с одного из кораблей из Индии. Несмотря на опасности путешествия, многие крестьяне записывались во флот, которому постоянно требовались люди, да и жалование предлагалось неплохое. По возвращении в Севилью, нагруженные золотом, они становились излюбленной мишенью воров. Тот тип в изумлении крутил головой по сторонам. В шаге за спиной простака какая-то женщина возилась с корзиной и столкнулась с проходящим мимо мужчиной. Когда тот, что в шляпе, наклонился, чтобы помочь ей собрать фрукты, из ниоткуда вынырнул сообщник и ловким движением срезал тесемки кошель, который жертва привязала к карману. Всё случилось так быстро, что Санчо засомневался в увиденном. Если бы Бартоло его не предупредил, он бы ничего не заметил.

Вот так мгновенно целое состояние поменяло хозяев. Возможно, этот ни о чем не подозревающий моряк совершил плавание туда и обратно понапрасну. Но происходило не только это. У прилавка серебряных дел мастера кто-то покупал нечто вроде серебряного распятия, которое на самом деле было, скорее всего, из свинца. У фонтанчика двое влюбленных притворились, что спорят, чтобы привлечь внимание простаков, как и в случае с мужчиной в красной шляпе, который вскорости обнаружил, что его пояс полегчал. Рядом с прилавками писцов некий сеньор в плундрах продавал плебею из провинции грамоту на дворянский титул, такую же, что продал вчера такому же глупому плебею.

Санчо слушал с открытым ртом, переводя глаза от одного места к другому. Слова Бартоло, казалось, осветили двигающуюся перед его глазами толпу, показали ту Севилью, где Санчо прожил последние несколько месяцев и которую так хорошо знал, с совершенно новой точки зрения. Он почувствовал, словно очнулся после долгого сна.

— Все вокруг крадут, — зачарованно произнес он.

— С первого до последнего человека, Санчо. Продавцы обвешивают и утяжеляют гири, короли изобретают подати, а священники — грехи, за которые им подают. Говорят, что в Севилье еще остались честные люди, хотя я до сих пор не встречал ни одного. Когда ты научишься видеть, научишься и жить. И я тебя этому научу.

В этот миг в центре площади возникла какая-то суэта, и карлик прервал свою речь, оба поняли, что там что-то происходит.

— Пошли туда, парень. Суматоха — это благословенная почва для людей вроде нас.

Спустя несколько минут после прихода на площадь Святого Франсиска Клара пожалела, что попросила мать сопровождать ее. В течение последних недель они проводили вместе не слишком много времени, поэтому, когда Монардес попросил ее пойти на площадь купить нужные ему травы, рабыня без колебаний сообщила об этом матери. То, что началось как приятная прогулка под мягким октябрьским солнцем, вмиг испортилось, когда Каталина ступила на площадь. Экономка пришла со своей корзиной. Она оттаскивала Клару от лотков, к которым та хотела подойти, и критиковала ее покупки.

— Зачем ты покупаешь эти незрелые апельсины? В них едва ли есть сок.

— Они нужны для изготовления мази. Учитель Монардес говорит, что мякоть незрелых апельсинов помогает при ссадинах.

Каталина нахмурила брови и сделала вид, что внимательно изучает кучу моркови. Для Клары не прошло незамеченным недовольство матери, и она заинтересовалась причиной. Интуитивно она чувствовала, что это связано с ее ученичеством в доме Монардеса, хотя именно мать на нем настояла. Первые дни она даже гордилась дочерью, но со временем эта гордость превратилась в холод. Каждый раз, как Клара входила в спальню Варгаса, чтобы провести назначенные Монардесом процедуры, Каталина пыталась зайти вместе с ней. Но хозяин приказывал ей удалиться и закрыть дверь, и когда Клара выходила из комнаты, то всегда обнаруживала мать онемевшей от ярости.

Изнуренная долгой ежедневной работой в огороде лекаря, Клара едва находила силы, чтобы упасть в постель и проспать до рассвета. Она надеялась, что во время этих утренних покупок им удастся снова сблизиться, но старая рабыня не была расположена упростить ей задачу.

— Матушка, я знаю, что вас что-то беспокоит.

— Идем к тому лотку, я хочу взглянуть на перец.

Расстроенная, Клара последовала за матерью, тем временем украдкой рассматривая каштаны, которые расхваливал неподалеку другой продавец. Их оставалось уже немного, так как севильцы очень любили добавлять эти орехи в десерты и к жареному мясу. Монардес использовал только скорлупу, но ей нужно было купить довольно много, и если она не отделается от матери, то не сможет выполнить поручение. Девушка решила сделать последнюю попытку разузнать, что же беспокоит Каталину.

— Матушка, уже несколько дней вы очень не приветливы со мной.

— Эти перцы очень мягкие. Нам нужно поискать в другом месте, я хочу сделать гаспачо.

— Пожалуйста, матушка...

Старая экономка с силой отшвырнула перец, заставив шататься весь лоток и получив в ответ проклятия от продавца. Она повернулась к дочери с горящими глазами.

— Что ты делала с этим мерзавцем?

— Вы имеете в виду лекаря? Уверяю вас, он мужчина очень воспитанный, хотя иногда несколько сухой...

— Не строй из себя дурочку, девочка, — сказала Каталина, размахивая пальцем под носом у Клары.

— Матушка, я клянусь вам...

— Я говорю о хозяине!

Мгновение Клара не знала, что ответить, слишком потрясенная тем, на что намекала мать.

— Я занималась лишь его лечением.

— Всегда за закрытой дверью?

— Я не знаю, почему он всегда приказывает мне закрыть ее, матушка. Думаю, ему стыдно, что могут услышать его стоны...

— Я всегда стою по другую сторону двери и не слышу его стонов, девочка. И мне кажется, что ты проводишь внутри слишком много времени. Он засовывает руку тебе под юбку?

— Мама!

— Я заботилась о нем все эти годы до твоего появления. И теперь не позволю, чтобы...

— Это было бы столь ужасно, если бы хозяин выбрал меня? — внезапно сказала Клара. Слова упали, как гигантские камни в мелкую лужу. Она произнесла их, не подумав, и тут же пожалела, увидев вмиг побледневшее лицо матери. Ужасный шрам с буквой S на ее щеке окрасился алым.

— Никогда, слышишь меня? Никогда не смей больше так говорить, — произнесла она.

Клара хотела попросить прощения, но именно в этот миг что-то на полной скорости ударило об ее ноги. Она обернулась и увидела маленького чернокожего раба. Ему было не больше пяти-шести лет, темные глаза наполнял ужас. В отчаянии он прижался к ногам Клары.

— Откуда ты бежишь? — спросила девушка, глядя его по щеке в тщетной попытке немного успокоить.

— Уберите руки от того, что принадлежит мне, женщина.

Сквозь толпу пробирався мужчина в богатых одеждах. На шее у него висела толстая золотая цепь, а рукоятку шпаги украшали драгоценные камни, что выдавало в нем дворянина, хотя потное лицо и тычки, которые он раздавал, чтобы добраться до Клары, не прибавляли достоинства.

— Что он натворил?

— Не ваше дело. Немедленно верните его мне!

Мальчик с еще большей силой прижался к Кларе, ей пришлось приложить усилия, чтобы его оторвать. Она наклонилась и приподняла его голову за подбородок. Губы мальчика кровоточили, зубы окрасились красным.

— Привет, малыш.

Маленький раб поглядел на нее непонимающими глазами. Клара обняла его и прошептала на ухо что-то утешающее. Хотя мальчик не говорил по-испански, она надеялась, что тон голоса его успокоит. Мало-помалу грудь малыша стала вздыматься реже, но в это мгновение его хозяин, что-то нетерпеливо пробурчав, схватил его за плечо и вырвал из рук Клары.

— Хватит уже разыгрывать спектакль! Только что купленный, и уже такие выкрутасы? Уж будь уверен, я тебя усмирю, паршивый черномазый!

Он поднял руку и ударил мальчика в ухо, свалив того наземь. Обезумев от страха, малыш пошатываясь поднялся, посмотрел по сторонам и бросился бежать.

— А ну вернись, чтоб тебя!

Схватившись за шпагу, дворянин ринулся вслед за беглецом и плоской стороной клинка стукнул того по лодыжке. Мальчик потерял равновесие и упал, да так неудачно, что ударился головой об один из камней, которыми закреплялись деревянные ножки лотка. Раздался отвратительный глухой звук, а потом вся толпа погрузилась в молчание.

Внутри у Клары всё похолодело. Она медленно подошла к маленькому комочку, растянувшемуся на земле, и осторожно подняла его руку. Когда Клара ее выпустила, рука безжизненно упала.

— Что здесь произошло? — раздался из толпы голос, и та расступилась, чтобы пропустить алыгвасила с группой стражников. Предводитель группы остановился перед телом мальчика.

— Я Хайме Кастильо, алыгвасил его величества. Кто это сделал?

Клара поднялась и дрожащим пальцем показала на дворянина.

— Вот кто это сделал. Этот человек только что убил ребенка.

Алыгвасил перевел взгляд на мужчину, который всё еще держал в руках шпагу и сохранял невозмутимый вид.

— Дон Феликс де Монтемайор, доброго вам дня, — обратился к нему алыгвасил, поклонившись и взмахнув шляпой. — Можете объяснить, что здесь произошло, сеньор?

— Единственное случившееся здесь преступление совершил этот чертов Руи Барсим, продавший мне негодный товар, — нехотя ответил дворянин. — Предполагалось, что этот раб будет смирным. К несчастью, он надумал сбежать, а попытка это предотвратить плохо кончилась. Мне бы не помешало, если бы вы прошли со мной к работорговцу, чтобы он немедленно вернул мне деньги.

Снова надевший шляпу алыгвасил долго смотрел на труп ребенка, не двигаясь с места. На его лице не проступило никаких явных эмоций, но Клара видела, как рука в перчатке с силой сжала рукоять шпаги.

— Теперь я понимаю, что случилось, — сказал алыгвасил нейтральным тоном. — Я распоряжусь, чтобы убрали тело, сеньор. Сожалею, что пришлось вас допрашивать.

Дворянин уже развернулся, чтобы уйти, когда голос Клары заставил его остановиться.

— И всё? Больше вам сказать нечего?

Алыгвасил сделал два шага в ее сторону. Клара увидела на его лице множество шрамов, результат долгих лет на королевской службе.

— Вы, случаем, не утверждаете, что было что-то еще?

Клара ощутила, как мать схватила ее рукой за плечо, и рывком высвободилась. Она уже не ребенок, хотя мать по-прежнему считала ее таковой. Слезы ярости хлынули из ее глаз.

— Этого ребенка много раз избивали.

Ропот пробежал по толпе. Алыгвасил оглянулся вокруг, а затем склонился к Кларе.

— Хозяин этого раба — дон Феликс де Монтемайор, маркиз де Альхарrafe и городской советник.

Клара вздрогнула. Городские советники были самыми могущественными людьми в Севилье, две дюжины дворян, ответственных за исполнение королевского правосудия. Эта битва была проиграна. Она тут же болезненно осознала, что вокруг толпятся люди и стражники, а также совершенную ошибку. Но, несмотря на то, что от страха кожа покрылась мурашками, еще теплое тельце ребенка по-прежнему лежало рядом. Она не могла промолчать.

— Это нехорошо, — ее голос неожиданно стал тонким. — Это неправильно. Только Бог

решает, кому жить и кому умереть.

Уже более слышимый, по толпе снова пробежал ропот. Передние ряды повторили слова Клары тем, кто стоял сзади, и все без исключения были с ней согласны. Люди встали на сторону храброй девушки. Дворянин, раздраженный этим вызовом своей власти, повысил голос.

— Вы позволите какой-то простолюдинке публично меня унижить, альгвасил?

Услышав это, мать Клары с трудом подавила крик. Даже такой прозрачный намек, как этот, со стороны дворянина, подобного Монтемайору, означал смертный приговор для дочери. С бешено стучащим в груди сердцем она перевела взгляд на альгвасила.

Опытный вояка спокойно крутил усы. Просьба дворянина была ему отвратительна, но у него не было другого выхода, кроме как подчиниться начальнику. Он уже собирался отдать своим людям приказ задержать Клару, когда в толпе возник долговязый парень в лохмотьях и с черными как вороново крыло волосами.

— Если позволите, я знаю, почему она защищает этого раба, альгвасил. Посмотрите.

Он взял левую руку Клары и откинул рукав платья. На ее запястье был железный браслет с выгравированными буквами.

— Как видите, она тоже рабыня, — сказал парень, поднимая руку ошеломленной Клары, которая не знала, как реагировать.

Она посмотрела на парня и увидела на его шее странные отметины. Тот, в свою очередь, молча замер, не открывая взгляда от надписи на браслете, где можно было прочесть фамилию Варгаса. Мгновение он смотрел на нее с изумлением. Его глаза горели зеленым пламенем и вспыхнули молнией, когда встретились с глазами девушки. Клара почувствовала, как внутри всколыхнулось какое-то очень сильное чувство.

— Рабыня! — в толпе начали глумиться.

— Тем более, раз она рабыня. Она заслуживает сурового наказания, — сказал дворянин ледяным тоном. — И пусть это послужит уроком для тех глупцов, которые не знают своего места.

— Эй, вы не можете задержать эту бедняжку, сеньоры, — сказал Санчо, изо всех сил придумывая оправдания. — Она просто безвредная сумасшедшая.

— Я не безумна. Я работаю у лекаря, — запротестовала оскорбленная Клара.

— Вот как? И это принадлежит вашему хозяину? — сказал Санчо, подойдя к корзине, брошенной на землю вверх дном. Две дюжины незрелых апельсинов рассыпались по земле. — И это так вы лечите больных, лекарша? Боюсь, если вы дадите им это, то вызовете лишь несварение желудка.

Общий хохот сотряс окружающую их толпу. Напряжение тут же исчезло, сменившись на издевательские выкрики непостоянного простонародья.

— Вот так лекарша!

— Средоточие мудрости!

— Если она так хороша, пусть вылечит мертвого негритенка!

Униженная, Клара убежала, закрыв лицо руками. Никто не стал мешать. Когда альгвасил обернулся, неизвестный парень уже исчез, так же загадочно, как и появился.

— Так значит, ты спас рабынечку, — задумчиво протянул Бартоло, когда Санчо вернулся к нему. — Как отвлекающий маневр, сработало неплохо. Хотя меня чуть не поймали, когда ты засомневался, подняв ее руку. Я же сказал, чтобы ты не прекращал говорить ни в коем случае.

— Мне жаль, Бартоло.

— Успокойся, парень. Ты дал мне возможность срезать пару кошельков и стянуть три платка.

Он удовлетворенно похлопал по карману и снова отправился на блошинный рынок. Это он, глядя снизу вверх, заметил блеск браслета Клары и объяснил Санчо, как с его помощью отвлечь толпу.

— Если бы я знал, кто ее хозяин, позволил бы альгвасилам ее забрать, — сказал Санчо, вспоминая день, когда груз золота богатого торговца рассыпался посреди улицы и тот капитан преследовал его из-за золотой монеты. Именно тогда началась цепочка происшествий, в результате которых он спит на улице и превратился в вора.

— Мне понравился трюк с безумием, — прервал его размышления карлик. — Думаю, эта девушка может и правда оказаться ученицей лекаря, и не какого-нибудь, а лучшего в Севилье. Говорят, Монардес недавно взял новую помощницу, рабыню-карибку.

Санчо ничего не ответил, и карлик украдкой на него взглянул.

— Было бы жаль, если бы ее забрали, — продолжил Бартоло, притворяясь наивным. — Девчонка уж больно хороша. Индейские глаза, кастильское тело — идеальное сочетание. И вела себя очень достойно, защищая этого бедного мертвого раба...

— Я и не обратил внимания, — сказал Санчо глухо, взгляд его блуждал.

— Над этим нам тоже придется поработать, — задумчиво ответил карлик.

— Над чем?

— Над тем, как ты плохо врешь, дружище Санчо.

Хотя он наотрез это отрицал, юноша вынужден был признать сам себе, что карлик прав. Девушка прекрасна, в ней есть нечто особенное. Дело не только в красивом личике и длинных густых волосах цвета полуночи. Нет, дело еще в сосредоточенных и умных глазах, полных справедливого негодования. На мгновение, когда их взгляды встретились, Санчо почувствовал внутреннюю дрожь, которую никогда прежде не ощущал, и глубоко пожалел о том, что пришлось унижить девушку, чтобы ее спасти.

"Наверное, я смог бы ее найти и попросить прощения".

Он тряхнул головой, чтобы разогнать эти мысли. Всё это было ошибкой. Конечно, он никогда больше ее не увидит. Но всё равно Санчо не мог выкинуть ее из головы.

В ту ночь Бартоло отвел Санчо туда, где обычно ночевал. Увидев это место, Санчо испытал глубокое разочарование. Это была всего лишь лачуга, дыра в стене, в которую карлик притащил пару тюфяков. Чтобы туда добраться, пришлось пролезть по узкому двухметровому проходу. Пара свечей, ящик и ночной горшок — вот и вся обстановка.

— Это место было частью городских оборонительных сооружений во времена мавров, хотя кое-кто говорит, что стену построил сам Юлий Цезарь. Тут была галерея, соединяющаяся с караульной башней, и шла до самой верфи, но теперь она разрушена, —

сказал Бартоло, махнув на грудь камней в глубине своего скудного жилища. Заметив, как вытянулось лицо Санчо, карлик хлопнул его по спине. — Да ладно, взбодрись. Здесь сухо и чисто, и достаточно высоко, чтобы сюда не дошел речной паводок. А кроме того, ты еще не видел самого интересного.

Короткими неуклюжими шажками он взобрался на ящик, который служил обеденным столом и лестницей. Вытащил из груди камней один поменьше, к которому кто-то ловко прикрепил металлическую петлю. Когда Бартоло откинул камень, Санчо увидел в дыру звезды.

— Можно по-быстрому сбежать из Севильи, если однажды придется улепетывать отсюда.

Санчо высунулся в дыру, которая находилась на склоне. Плохо держащийся камень скатился на куст розмарина. Юноша подтянулся наружу, оказавшись лицом к Ареналю, а спиной к блошиному рынку. В этот час воровской рынок бездействовал, и лишь бродящие собаки рыскали в горах мусора при свете луны.

Пораженный этим ловким устройством, Санчо снова приладил камень обратно. Хотя и тяжелый, он легко встал на место, так что никто снаружи ничего не смог бы заподозрить.

— Вернись обратно, парень, — услышал он голос Бартоло из убежища. — Приступим к твоему обучению.

В последующие месяцы Санчо понял, что ловкость карлика в воровстве и обмане не знает границ. Войдя в лавку под видом слуги обычного клиента, он исчезал с двумя фунтами мяса, изображал слепоту и прочие заболевания, чтобы попрошайничать на площадях и перекрестках. Санчо научился одним движением срезать кожаный ремешок, так что обладатель кошелька ничего не замечал, используя маленький нож, настолько остро заточенный, что мог рассечь на лету волос. Бартоло научил его мастерски лгать, не выдавая себя гримасой, притворяться безумным или раненым, изменять голос и изображать чувства.

— Удивление должно быть мгновенным, быстро вскинь брови и открой пошире рот. Потом нужно нахмуриться или улыбнуться, в зависимости от обстоятельств. Но осторожней, нет лучше способа попасться, чем симулировать удивление дольше, чем произносится "аминь". Веселость тоже наступает неожиданно, но длится дольше. А потом она медленно стихает, будто каждый раз пьешь всё менее полный стакан воды. И ты должен уметь мгновенно расплакаться, прибегая лишь к помощи воспоминаний.

Последнее у Санчо получалось легко. Ему лишь нужно было вызвать в памяти образ матери на смертном одре, покрытой чумными язвами. Он не мог даже представить, что она бы о нем подумала, если бы увидела, как он подбегает в церкви к кружке для подаяний и одним точным боковым ударом ее опустошает.

Это было не так-то легко, однако приходилось выполнять приказы Бартоло. Карлик был хотя и замкнутым, но добродушным. Однако время от времени Санчо выводил его из себя, когда на пару часов исчезал, чтобы раздобыть фиников.

— Ты мог бы купить сто фунтов фиников, если бы посвятил это время краже кошельков!

— Это не то же самое, — отвечал юноша, запихивая в рот приличную горсть, так что подбородок стал липким. — Эти вкуснее.

Бартоло возмущался сквозь зубы, потому что с появлением Санчо ежедневная добыча карлика невероятно возросла. Как ученику, Санчо причиталась шестая часть украденного, и хранилась она под камнем в убежище в стене. Он потратил деньги лишь на покупку хубона и

пары рубах.

— Ты должен за пару минут научиться принимать личину дворянина. Большинство людей смотрят только на одежду, потому что она такая дорогая, что сложно притвориться тем, кем не являешься. Но самое важное — это поведение. Когда как следует им овладеешь, то сможешь пройти по улице хоть нагишом, и тебя примут за герцога де Альбу.

Бартоло оплачивал пропитание обоих и время от времени наносил визиты в "Компас", крупнейший публичный дом Севильи, где периодически отдыхал, никогда не приглашая Санчо под тем предлогом, что он слишком молод, чтобы заполучить триппер. Но помимо этого он ничего не тратил и, похоже, не припрятывал деньги, так что юноша не понимал, почему он всегда на мели. Каждый вечер четверга карлик оставлял Санчо в убежище и отправлялся неизвестно куда. Несмотря на то, что он решительно запретил следовать за собой, однажды Санчо ослушался и подсмотрел, как Бартоло входит в картежный притон неподалеку от Мясницких ворот.

Тогда он понял, чем объясняется злость и вытянутая физиономия Бартоло по утрам в пятницу. Когда на постоялом дворе матери собирались два или три путешественника, рано или поздно это заканчивалось тем, что один из них вынимал свежую колоду карт. Мать Санчо тут же переставала подавать вино, а если клиенты начинали возмущаться, говорила им, что игру и выпивку лучше не смешивать, это приводит к ссорам и неприязни. Санчо спрашивал себя, сколько терял Бартоло в этих ночных походах.

— Хорошо сегодня развлекся? — спросил карлик, возвратившись в убежище в тот день, когда за ним следил Санчо.

— Не знаю, о чем это ты, — отозвался Санчо, глядя ему в глаза.

Карлик разразился хохотом.

— Глаза неподвижны, плечи расслаблены, голос спокойный. Если бы я не видел, как ты превратился в мою тень у монастыря Босоногих, то поверил бы, ни минуты не сомневаясь. Мы уже сделали из тебя превосходного вралю.

— Научишь меня играть в карты? — неожиданно спросил Санчо. Раз уж карлик его застукал, то они, по крайней мере, могли бы заниматься этим вместе. Ему хотелось узнать, что в этом такого, что так нравится учителю.

Бартоло рухнул на постель и накрылся по самую шею одеялом.

— Конечно. Но завтра, парень. Сегодня вечером меня преследовали неудачи, чуть последних штанов не лишился.

На следующее утро Санчо разбудил раскатистый храп карлика. В убежище смердело вином, словно кто-то раздавил на полу виноград, и юноша проскользнул через проход наружу. Выпив лишнего, Бартоло мог проспать до полудня, и Санчо не хотел столько времени оставаться взаперти в тесном пространстве, в таком огромном и полном открытий городе.

С тех пор, как Санчо стал учеником опытного вора, он в первый раз располагал таким количеством свободного времени. Он наслаждался прогулкой, предоставив ногам брести без цели. Юноша миновал запутанные переулки рядом со стеной и погрузился в суету основных артерий, ведущих к собору. Некоторое время он шел за человеком с огромной корзиной зелени, только лишь посмотреть, куда тот направляется. Затем поспешил за нагруженной клетками с курами повозкой, воображая, что произойдет, если он запрыгнет на нее сзади и начнет выпускать птиц. Народ с ума сойдет.

Где-то на краю сознания уже некоторое время кружилась мысль, что аптекари хранят в подсобке самые опасные и могущественные снадобья. Каким-то образом он очнулся от раздумий и остановился у лотка с провизией, чтобы съесть жареной колбасы с только что испеченным хлебом. Жир окрасил в красный цвет хлебные крошки и оставил красные следы на кончиках пальцев. Санчо с удовольствием их облизал, прежде чем отдать продавцу пару мараведи.

— Маловато денег, дружок, — сказал тот, протягивая немытую руку с черной каймой под ногтями.

— Я с удовольствием дам вам еще, сеньор, если плеснете из бурдюка, что висит вон там.

Продавец поначалу отказывался, но потом протянул Санчо бурдюк. Парнишка поднял мех и приоткрыл губы. В рот Санчо потекла тонкая струйка кларета, он сделал большой глоток, не против ни капли.

— Хорош уже! Хочешь меня разорить что ли?

Санчо засмеялся и бросил еще три медные монеты — на одну больше, чем уже дал — на большую бочку, служившую трактирщику прилавком, столом и кладовкой. Тот тут же спрятал деньги в карман и одарил Санчо невыразительной улыбкой.

— Вы очень любезны, молодой человек.

— Скажите, не могли бы вы оказать мне услугу?

— Теперь меня не удивляет ваша щедрость. Если хотите ещё вина, придётся заплатить, — ответил трактирщик, и улыбка моментально исчезла с его лица, за что Санчо был почти благодарен.

— Нет, собственно говоря, мне нужен один адрес.

Трактирщик почесал голову и забрал глиняную миску, на которой подал Санчо еду. Он с неохотой протер ее жирной тряпкой, а потом убрал внутрь бочки. Один из ее боков отсутствовал, позволяя рассмотреть полки, которые превращали нутро бочки в место хранения посуды и снеди.

— Это совсем другое дело. Адреса и сплетни мы раздаем за так, это часть профессии. Хотите услышать последние дворцовые новости? Говорят, что одна из инфант беременна, и

наверняка близнецами. Интересно, кто же залез под эти хрустящие шелковые юбки, — произнес трактирщик, понижая голос до непристойного шепота.

— Мне было бы достаточно, если бы вы показали мне дом лекаря Монардеса.

— Если у вас проблемы с очищением кишечника, здесь неподалеку есть другие, гораздо лучшие лекари, и у них дешевле. Я, например, обычно хожу...

— Мне нужен Монардес, спасибо, — перебил его Санчо, не желая выслушивать дальнейшие подробности.

— В таком случае, слушайте внимательно.

Следуя указаниям трактирщика, Санчо без труда нашел дом лекаря. Приближаясь к нему, он спрашивал себя, чего в действительности хочет. Может, увидеть ее снова? Как верно догадался Бартоло, эта рабыня с бронзовой кожей и черными глазами произвела на него глубокое впечатление. В ней было нечто особенное, и все прошедшие дни Санчо воображал, как снова с ней встретится, и, может быть, попросит прощения за то, что публично унизил.

"Уверен, она поймет, что это было необходимо. Что альгвасилы ее забрали бы, не вмешайся я".

Санчо не заметил, как добрался до дома, и на этом все планы, о которых он размышлял, закончились. У него почти не было опыта общения с женщинами, в таверне он почти и не встречал никого, кроме матери, а она не считалась. Женщины путешествовали гораздо реже, чем мужчины, и когда это делали, то выбирали не такие скромные места, как постоянный двор по дороге в Эсиху.

Уже живя в Севилье, Санчо встречал лишь дам, которым носил покупки, если говорить о людях противоположного пола. Его товарищи по приюту хвастались другим, вообще-то, они только об этом и болтали. Несколько раз они рисовали на земле во дворе детальные рисунки, из которых Санчо заключил, что мужчины и женщины наедине занимаются примерно тем же, что и овцы на лугу. Эти неуклюжие рисунки его будоражили, и он всегда старался как следует их рассмотреть, прежде чем авторам приходилось их стирать. Монахи не терпели подобных непристойных художеств, как и сопровождающих их разговоров, и каждый раз, хватая одного из авторов, жестоко его наказывали.

Санчо несколько раз прошелся перед домом лекаря и изучил прилегающие переулки, пока не обнаружил ведущую в дом заднюю дверь, окруженную не слишком высокой стеной. С одной стороны стена выходила в такой узкий переулок, что туда едва смогла втиснуться одна из шныряющих по городу бродячих собак. Неопределенного цвета пес выглядел усталым и голодным, но Санчо не хотел прогонять его камнями, потому что никогда не обращался дурно с животными, если те не нападали первыми. Но и зайти в переулок, где лежала собака, тоже было не лучшим вариантом.

Он порылся в карманах и вытащил корку от хлеба, который купил у трактирщика и запасливо приберег на всякий случай. Санчо протянул псу хлеб, однако тот лишь оскалил зубы и глухо зарычал. Сглотнув, Санчо протянул руку к самой его морде, молясь, чтобы собака не цапнула его за пальцы. Однако, пес, приподнявшись на задних лапах, всё же решил понюхать предложенный кусочек, а затем порывистым движением, чего никак нельзя было ожидать, судя по его обманчиво-сонному виду, схватил хлеб и исчез в темноте переулка, чтобы втихую съесть свою добычу.

"Тот, кто кормит чужую собаку, попусту тратит время и хлеб", — подумал Санчо, вспомнив одну из любимых поговорок покойной матери.

Теперь путь был свободен. Санчо огляделся по сторонам, но никого вокруг не было. Место было не слишком людным, так что вероятность встретить здесь стражников казалась не слишком большой, но осторожность всё равно никогда не бывает лишней. Он взобрался вверх по стене, цепляясь пальцами за щели, и, наконец, повис, ухватившись руками за верхний край. По верху стены кто-то терпеливо выложил острые осколки и черепки, застывшие в глине — очевидно, чтобы не лазали кошки. Но Санчо был достаточно опытен, чтобы предусмотреть подобные вещи и не опираться сразу всей пятерней на битые черепки.

Он уже собирался перелезть через ограду, однако тут же вынужден был распластаться на стене. По залитому солнцем саду шли двое. Одним из них был старик в халате; он то и дело указывал своей спутнице на ту или иную грядку. За ним двигалась рабыня, чей взгляд подчинялся каждому движению костлявой руки лекаря.

"Значит, она и вправду служит в доме лекаря, — подумал парнишка. — Тогда почему у нее на запястье написано имя другого хозяина?"

Осторожно заглянув через ограду, он в изумлении наблюдал за царившей внутри неразберихой. Этот сад был совсем не похож на сад его матери, который навсегда остался в прошлом вместе с постоянным двором. Здесь было много невиданных растений и самых удивительных приспособлений, которые, судя по тому, как злился и раздражался старик, то и дело ломались. До ушей Санчо доносились лишь отдельные слова, поскольку старик говорил очень тихо, а рабыня лишь молча кивала. И от этого окружавшая девушку тайна казалась еще более волнующей.

— Давай, Клара. Займись этим, пока мои старые кости немного отдохнут, — совсем близко послышался голос лекаря.

— Клара... Так значит, ее зовут Клара, — прошептал Санчо, счастливый уже тем, что ему удалось хоть что-то о ней узнать.

Монардес явно собирался сесть на каменную скамью, которая располагалась как раз напротив того места, где прятался Санчо. Руки у него устали, пальцы ног, которыми он цеплялся за щели между камнями, онемели. Он поспешил спуститься, чтобы выбрать более удобную позицию, с небольшим углублением в стене, куда можно было поставить ногу. Затем, уже в более удобной позиции, он снова принялся наблюдать, как Клара трудится в огороде.

На плече девушки висела сумка с множеством удобных карманов, из которых она то и дело вытаскивала тот или другой инструмент — то мотыгу, чтобы рыхлить грядку, то ножницы, чтобы обрезать растущий не в том направлении побег, то кусок бечевки, чтобы подвязать стебель. Ее руки двигались быстро и ловко, отвлекаясь от работы лишь для того, чтобы поправить падающую на глаза прядь волос. Как зачарованный любовался Санчо, как меняется ее лицо, когда она смотрит вдаль, плотно сжав губы, словно о чем-то размышляя. В такие минуты, полагая, что ее никто не видит, Клара была особенно хороша. Санчо, однако, нуждался в зрителях, в тех, кто смотрел бы на него восхищенными глазами, как это случилось на площади, когда он заступился за девушку.

Тем временем по другую сторону стены, в саду, старый лекарь захрапел, и Клара, пользуясь этим, решила передохнуть. Несмотря на то, что стояла глубокая осень, день был очень жарким. От зноя и тяжелой работы девушка вспотела и перепачкалась, и теперь решила подойти к колодцу, чтобы выпить воды и умыться из ведра. Какое-то время она старательно плескалась, потом, поглядев на Монардеса и убедившись, что тот спит, повернулась к нему спиной и принялась расстегивать платье.

Санчо не мог отвести взгляд от этого зрелища. Клара распустила шнуровку корсажа. Ничем более не удерживаемые, сорочка и платье сползли вниз, обнажив тело до самых бедер. Набрав в ладони воды, она поспешно обмылась. Ее распущенные черные волосы рассыпались по плечам, наполовину скрыв девичью грудь — небольшую, но высокую и округлую. Пока Клара ее намыливала, соски затвердели, а плечи покрылись гусиной кожей.

По ту сторону стены парню стало не по себе от этой картины, но он никак не мог отвести глаз от прекрасного девичьего тела. Он ощутил болезненную тяжесть в штанах, и перед глазами встали все муки ада, которыми страшали монахи. Сердце бешено колотилось, его толчки барабанной дробью отдавались в ушах.

Когда Клара вновь набрала воды, чтобы смыть с груди мыло, Санчо забыл, что за стену нужно держаться обеими руками, и правой рукой схватился за отвердевший ком между ног. Из-за этого он потерял равновесие, и ноги соскользнули. Ему удалось удержаться на стене, однако произведенный шум потревожил девушку, и она посмотрела вверх. На миг их глаза встретились, и Санчо почувствовал, как кровь прилила к лицу. От испуга он сорвался вниз, приземлившись весьма неудачно. Удар о землю отозвался резкой болью в лодыжке, и Санчо едва сдержался, чтобы не закричать.

— Кто там? Я тебя видела! — окликнул его из-за стены женский голос.

Санчо поспешно захромал прочь — насколько позволяла больная нога. На сердце у него лежало тяжкое бремя стыда и чувства вины.

Если Бартоло и заметил, что Санчо дня два прихрамывал, то ничего не сказал. Парнишка был этому рад, ибо всякий раз, вспоминая случай в саду, сгорал от стыда и даже помыслить не мог о том, чтобы рассказать об этом Бартоло, который, конечно же, поднял бы его на смех. Он поклялся, что больше и близко не подойдет к Кларе, поскольку не смог бы перекинуться с ней даже словом, не покраснев при этом до ушей.

Чтобы забыть о ней, Санчо погрузился в изучение карточных игр, это была самая интересная часть его обучения воровскому делу. Овладение хитростями двух самых популярных у картежников игр — "Стой" и "Замри" заняло у него всего пару часов. Но у Бартоло всё было связано с обманом, так что он также продемонстрировал, как ловко устраивать ловушки. Он мазал карты сажей, чтобы узнавать их со стороны рубашки и раздать как надо, делая вид, что перетасовывает.

Когда Санчо ловким движением руки заменил одну карту другой прямо перед носом Бартоло — самостоятельный трюк, который паренек придумал по ходу дела, — карлик восхищенно присвистнул.

— У меня слишком толстые пальцы для таких фокусов, — пожаловался карлик, выставляя напоказ свою руку.

— Поэтому ты всегда и проигрываешь? — спросил Санчо, немного опасаясь, что учитель может рассердиться. Однако тот всё понял правильно.

— Я проигрываю, потому что не могу обманывать людей, с которыми играю.

— Видимо, они знают все эти уловки?

— Нет, просто если поймают на мухлеже, то утопят. Обоих разом.

Санчо подумал, какими же скотами должны быть те люди, с которыми играл Бартоло, если способны из-за нескольких реалов убить человека. Еще больше его удивляло, почему друг так стремился к общению с этими людьми. Ответы на оба эти вопроса он получил очень скоро — к большому для себя несчастью.

Случилось это в воскресенье; они как раз собирались проникнуть в церковь Святого Сердца, чтобы пошарить в корзинах с пожертвованиями. Санчо придумал некую хитрость, состоявшую в том, чтобы привязать к руке длинную палку и с ее помощью пододвинуть корзину поближе. Бартоло что-то одобрительно проворчал по этому поводу, гордясь сообразительностью ученика.

Они стояли в толпе прихожан, ожидавших у дверей церкви начала полуденной мессы, когда неподалеку послышался резкий неприятный голос, окликнувший Бартоло по имени. Услышав его, карлик сразу нахмурился. Взяв Санчо за руку, он потащил его за собой. В соседнем переулке, прячась за углом, их дожидался какой-то человек. Подойдя к нему, Санчо вдруг ощутил безотчетный страх. На нем была шляпа из потертой коричневой кожи и полурасстегнутая рубашка, открывавшая волосатую грудь, на ногах — тяжелые крестьянские сапоги, а на поясе висел кривой мавританский ятаган без ножен. Обнаженный клинок покрывали выщерблины и зазубрины — верный знак, что он часто бывал в деле.

Но даже зазубренное лезвие ятагана внушило Санчо меньший страх, нежели лицо этого человека. Лицо его сплошь закрывала черная косматая борода, в ее густой поросли выделялись лишь толстые красные губы, похожие на кровавую рану. Темные, глубоко

посаженные глаза прятались в тени нависающих черных бровей. Каждая черта этого лица говорила о неумолимой жестокости обладателя.

— Маэсе Бартоло, — произнес бородатый, глумливо усмехаясь. — Я хотел бы с вами побеседовать. Наедине, если не возражаете.

— У меня нет секретов от моего ученика, — ответил Бартоло, указывая на Санчо.

— Не сомневаюсь, друг мой. Вот только у меня они есть.

С большой неохотой Бартоло повернулся к Санчо.

— Подожди меня у дверей церкви, пока я побеседую с маэстро Мониподио.

— Мониподио!

Разумеется, Санчо и прежде слышал это имя — имя самого прославленного севильского разбойника — задолго до того, как Бартоло рассказал ему о знаменитой воровской гильдии. Он обитал в трущобах Трианы, в самой глубине ее лабиринтов и переулков, и организовал самую настоящую гильдию воров, способную на такие подвиги, какие и не снились одинокой парочке вроде карлика с учеником. У него на службе состояли самые разные умельцы — от виртуозных карманников, способных извлечь ценности или деньги из самых недоступных мест, до взломщиков, умеющих открыть любую дверь, которых на воровском жаргоне любовно именовали апостолами. Все эти сомнительные личности постоянно навевались в его дом, чтобы заплатить дань. Он же взамен обеспечивал им защиту и выплачивал некую мзду алыгвасилам, чтобы те не трогали его подопечных. Бартоло в их число не входил — в силу каких-то причин, которые он предпочитал никому не объяснять.

Бандит и карлик углубились в самые дебри глухого переулка, подальше от ушей Санчо. Однако тот, притворившись, будто возвращается к дверям церкви, свернул за угол и пустился бегом по другому переулку, идущему параллельно тому, где скрывались собеседники. Он очень хотел узнать, о чем же они говорят. По пути ему попала лестница, ведущая на второй этаж. Он вскарабкался по ней, как кошка, взобрался на крышу, опершись на ящик с геранью, который опасно зашатался под рукой. Ноги его заскользили по крыше, и кусок черепицы с трехметровой высоты загремел на мостовую.

"Не мешало бы быть поосторожнее, — подумал он. — Не хватало еще, чтобы они меня услышали".

Он шел, пригибаясь, тщательно выбирая, куда поставить ногу, изо всех сил стараясь не шуметь. Добравшись до угла дома, он мог наблюдать, как в соседнем переулке беседуют Бартоло и Мониподио. Бандита он не видел, однако карлик беспокойно переминался с ноги на ногу и выглядел крайне взволнованным.

— У вас найдется чем мне заплатить? — осведомился Мониподио.

— Припас пару тумачков.

— Опустошая кружки с подаванием, трехсот эскудо не соберешь, маэсе Бартоло.

— Речь идет о кое-чем более существенном.

— Вам стоит либо не быть таким безрассудным в картах, либо воровать ловчее. А то ваш должок кое-кого начинает раздражать, слишком многим о нем стало известно. А я не могу допустить, чтобы меня считали слабаком, маэсе Бартоло.

— Вот это вряд ли, — саркастически заметил карлик.

Мониподио рассмеялся каким-то неприятным, безрадостным смехом, от которого по спине Санчо поползли мурашки.

— Да, пожалуй, — согласился Мониподио. — Вы мне нравитесь. Вы остроумны, а я питаю слабость к таким вот веселым ребятам. Пожалуй, я мог бы даже простить вам долг.

— Что вы хотите этим сказать, маэсе Мониподио?

— Поступайте ко мне на службу. Говорят, этот парень — настоящий неограниченный алмаз. Такая ловкая парочка мне бы пригодилась.

"Нет, Бартоло. Скажи ему, что нет", — взмолился про себя Санчо.

— А иначе бросите меня этим псам на углу, верно?

Санчо посмотрел направо. На углу, напротив церкви, две темные фигуры не спускали глаз с происходящего в переулке. Сверху Санчо видел лишь пару шляп и плащей, но его охватил страх.

— Зоркий и Железнодорожный — настоящие добряки, как вы прекрасно знаете. Они не причинят вам никаких проблем, когда вы вступите в нашу гильдию. Как только присягнете мне в верности.

Бартоло провел рукой по щеке, как никогда встревоженный.

— Дайте мне пару дней на размышления.

— До ближайшего четверга. В этот день либо принесете мне триста эскудо, либо поступите ко мне на службу.

В переулке гулко зазвучали удаляющиеся шаги Мониподио. Бартоло, однако, несколько минут понуро стоял на том же месте.

— Ладно, спускайся, — сказал он наконец, подняв глаза на Санчо, который всё это время не осмеливался пошевелиться. — Пока ничего не сломал. А в следующий раз, когда полезешь на крышу, сними башмаки, а то устроил больше шума, чем турки во время abordaжа. Теперь ты всё знаешь, парень, — добавил Бартоло, когда Санчо, слегка смущенный тем, что только что обнаружил, оказался рядом с ним. — Нужно проявить смекалку и за пару дней раздобыть денег, или придется работать на эту тварь.

— А меня с какой стати касаются твои долги? — Санчо раздраженно пнул ногой камень, который подпрыгнул и исчез в луже мочи.

— Потому что ты мой ученик, а таков обычай. Иначе тебя вышвырнут из Севильи пинком под зад. Но ты ведь не оставишь старика Бартоло, правда?

Воцарилось неловкое молчание.

— А почему ты не хочешь поступить к нему на службу? — спросил Санчо, чтобы снять напряжение.

— Однажды я уже был на придворной службе, довольно давно, — ответил карлик со смущенной улыбкой. — В другой жизни, в другом месте.

Санчо некоторое время молчал. Он боялся, что карлик как обычно ответит уклончиво, однако, к его удивлению, тот продолжил:

— Не хочу иметь ничего общего с Мониподио, потому что он превратил благородное воровское искусство в предприятие. Сидит у себя дома в Триане, пока другие рискуя жизнью делают грязную работу, в страхе перед его громилами.

— А разве теперь воры не живут лучше? Не получают защиту от альгвасилов?

Все в городе знали, что альгвасилы получают от Мониподио дополнительное жалование, чтобы смотрели в другую сторону, когда его люди творят бесчинства. Немногие вроде Бартоло осмеливались воровать сами по себе, не отдавая Королю воров часть добычи.

— Мониподио не устает повторять, что он главный наш защитник, — фыркнул карлик. Прямо до тошноты повторяет, что за шесть лет в Севилье не повесили ни одного вора. Только он не говорит, сколько его подданных очутились с отрезанной головой в канаве. Я предпочту гнев альгвасилов, чем милосердие Мониподио, — он презрительно сплюнул перед тем, как

продолжить. — Хуже того, многие наши товарищи по профессии превратились в бессовестных убийц. Кто угодно в Севилье может прийти к Мониподио и попросить, чтобы тот избавился от любовника жены или слишком настойчивого кредитора. Оставить шрамы на чьем-то лице на всю жизнь стоит семь эскудо, девять, если объект хорошо владеет шпагой. Убийство стоит от пятнадцати до тридцати. Жизнь положили на весы, взвесили и измерили. Как и удар ножом, спаси Господи.

— Понятно, — ответил Санчо, склонив голову и припоминая, как карлик расспрашивал его о том, как он поступил с Кастро перед побегом из таверны. Он ощутил прилив уважения и сочувствия к Бартоло, такому маленькому и одинокому, но твердо придерживающему принципов.

— Жизнь — драгоценный дар, мальчик. Это единственное, что мы не вправе украсть.

Сон Варгаса начался мирно, как и всегда, и его лицо озарилось мальчишеской улыбкой.

Сон был чрезвычайно ярким. Каждая деталь старинной севильской улицы Корзинщиков было точно воссоздана — булыжники, вязкое и смердящее дерьмо по центру, улыбки детишек. Франсиско тоже составлял часть этого четкого хора, невежественного и беспечного. Страх, сомнения и беспокойство о том, где взять еду, были принадлежностью его старшего брата Луиса. Ему было десять, на два года больше, чем Франсиско, и тот восхищался умным и статным братом.

— Луис, поиграем в конкистадоров? — настойчиво просил он.

— Давай, Пакито! И вы тоже! — крикнул Луис, забираясь на груды бочек, призывая брата вместе с остальными уличными мальчишками и заостряя ивовый прут, изображающий шпагу. — Попробуйте бросить вызов могуществу конкистадора Писарро!

Все немедленно бежали к нему. Почти нагие, одетые в тряпье, все в ссадинах и искусанные вшами. Голодные и беззубые, но они всё равно были детьми. Они изображали подвиги конкистадоров, в этой игре Луис всегда играл роль Писарро, того героя, с которым их отец отправился покорять Перу, пообещав сыновьям, что вернется с золотом и славой, и оставив их с дальними родственниками. Но единственное, что вернулось из Индий, так это известие о том, что в джунглях отца убили индейцы. В тот же день родственники выставили их на улицу, заявив, что больше не могут содержать.

Прошло уже пятнадцать месяцев, и они выжили. Луис знал, как раздобыть еду, где устроиться на ночлег в тепле и сухости, как миновать алыгвасилов. Луис знал всё. И лучше всех играл в конкистадоров.

— Почему я никогда не могу изображать испанца, Луис? — ворчал младший брат.

— Потому что слишком мелкий, как эти безбожные индейцы.

— А почему ты никогда не изображаешь нашего отца?

На лицо Луиса Варгаса легла тень, которую младший брат не смог разглядеть.

— Потому что наш отец погиб. Не будь неудачником, Пакито.

— Отец был героем!

— Ты его не знал. Как и мать.

Этим аргументом завершался каждый спор. Луис знал мать, хотя никогда не говорил брату, что ее помнит, потому что ему исполнилось три года, когда та умерла в лихорадке. Да и отца Луис почти не видел, перед тем как лихорадка другого рода увлекла его на край света, который не слишком ему понравился.

И маленький Франсиско Варгас умолкал, ничего не понимая. Потому что Луис всё знал.

Когда в его сне группа ребяташек, вооруженных воображаемыми шпагами из прутьев, забиралась на бочки, всё начинало происходить медленнее. Безмятежность быстро превращалась в беспокойство, а время словно сгущалось. Чувства усиливались, делая более четкими каждую влажную щель между бочками, каждый волосок в соединяющих их веревках, каждый волдырь на тощих ногах, которые изо всех сил старались взобраться на бочки. И тут он ощущал болезненный удар и понимал, что сейчас произойдет, а с этим пониманием приходила и тоска.

Маленький Варгас пытался поднять руку в предупреждении, но воздух был слишком

густым. Он едва мог пошевелить рукой, а из горла не вырывался и сдавленный крик. Ноги казались прикованными к мостовой. Лишь у страха выросли крылья, и на них бешено бьющееся сердечко мальчика взмывало вверх.

Потом время ненадолго снова ускорялось, связывающие бочки веревки разъединялись и словно кнутом стегали Франсиско по лицу. Он ждал эту боль и желал ее, но этого было недостаточно, чтобы его разбудить. Ему приходилось оставаться там, против своего желания смотреть на то, о чем он уже знал.

Куча бочек рассыпалась и разлеталась по сторонам. Мальчишки падали с проклятиями и синяками. Луис, который стоял выше всех, падал навзничь. Ужас охватывал его брата, он пытался еще громче крикнуть и еще быстрее побежать. Но всё без толку.

И вскоре приходило облегчение. Луис приподнимался с земли, кашляя и смеясь. Бочки прикатились ему под бок, не причинив вреда. Луис вставал, и через мгновение Франсиско уже снова бежал к брату, чтобы воровать во дворах апельсины и смеяться в переулках. Эта дверь в счастье и жизнь резко захлопывалась одновременно с конским ржанием.

Тогда Франсиско уже понимал, что это кошмарный сон, но это не смягчало его страданий. Он слышал топот огромного животного, которое на всей скорости приближалось к брату. Видел, как угрожающе поднимаются руки седока, видел темные глаза герцога де Осорио, не обращающего внимания на растянувшегося под копытами лошади мальчика, вонзающего шпоры, чтобы промчаться дальше. Видел, как копыто опускается на голову брата, слышал хруст костей. Ноги сами несли его к брату, он обнимал его, а тем временем кровь и мозг стекали в сточную канаву посреди улицы.

Варгас с криком проснулся и поднялся с постели. Не обращая внимания на боль в распухшей ноге, он проковылял до одного из кресел из дерева и тисненой кожи, стоящих рядом с камином. Дрова почти догорели, лишь под слоем пепла проглядывали оранжевые угольки. Купец поежился от холода, но ему не хватало сил, чтобы раздуть мехи камина, а суетящихся рядом слуг он видеть не хотел. Он так и сидел, схватившись за подлокотники, проклиная свой повторяющийся кошмар.

Уже несколько месяцев он его не видел, но когда начались боли от подагры, сон вернулся. Он неизбежно появлялся, когда в жизни Варгаса возникали проблемы. Просыпался он усталым, напряженным и злым, каждый раз всё больше встревоженным.

Повторяясь уже много ночей, искаженные кошмаром воспоминания становились более реальными, чем настоящие. Происшествие случилось четыре десятка лет назад и длилось лишь мгновение. Брат упал с бочек на пути лошади, которая скакала слишком быстро и наступила на лежащую в канаве голову. Остальные играющие на бочках мальчишки в ужасе разбежались, оставив его в одиночестве. Всё случилось ненамеренно, никто не был виноват, просто несчастный случай. Однако в мозгу маленького Франсиско всё происходило по-другому. Когда он поднял взгляд от трупа своего брата, то заметил ботфорты и суровое лицо, на котором не отразились никакие чувства.

— Твой брат?

Франсиско не помнил, ответил ли он. Наверняка что-то ответил, раз уж герцог обернулся к своим сопровождающим, один из которых спешил и подошел.

— Возьми это, парень. Милостыня от герцога де Осорио, чтобы спасти тебя от нужды.

Франсиско непонимающе посмотрел на него, не отпуская руку Луиса. Помощник герцога пожал плечами и положил на еще теплое тело брата кошель с монетами. Потом они отправились своей дорогой, ни разу не обернувшись.

В тот день внутри мальчика что-то оборвалось. Глядя на скачущую группу всадников, которая только что убила его старшего брата, Франсиско ощутил, как его захлестывает ураган чувств. Среди них были ненависть, вина и страх, но главным из всех — странное восхищение. Герцог де Осорио символизировал всё, чем он не обладал: власть, деньги, неуязвимость. И Франсиско помнил, что первыми словами, которые он произнес над трупом своего брата были те, что определяют цель всей его жизни:

— Я стану герцогом.

Сорок лет Франсиско де Варгас совершал преступления, творил несправедливости и бесчинства, не испытывая ни малейших угрызений совести. С тех пор, как на тело брата бросили последнюю лопату земли, Франсиско начал работать над тем, чтобы добиться цели и превратиться в того, кто отнял у него всё.

Путь от маленького лотка на площади Энкарнасьон, в который он вложил полученные от герцога деньги, до того состояния, которым владел ныне, был вымощен жертвами — теми, что пали из-за его алчности или мести, столь же ледяных и неумолимых, как февральские холода. Убитыми, как это было заведено, зарезанными в темном переулке и выброшенными на улицу двумя нанятыми Франсиско головорезами, которые служили ему теперь уже одиннадцать лет. Или разоренными — как тот первый торговец оружием из Вискайи, которого Варгас обманул и обчистил еще до того, как у него начала пробиваться борода. Несправедливо обвиненными и заключенными в тюрьму, как альгвасил, который обвинил его в контрабанде вина, а закончил тем, что вину свалили на него, причем он так и не понял, каким образом какой-то мальчишка сумел подкупить тех самых свидетелей, что должны были выступить против него самого.

Ни один из них, ни те, кто был после, не вызывал у Варгаса чувство вины или стыда. Угрызения совести остались в том дне, когда он в последний раз попросил брата поиграть в конкистадоров, из-за чего мальчик и залез на бочки. Франсиско де Варгас сожалел также о том, что не смог устроить охоту на герцога де Осорио. Тот умер в своей постели, окруженный священниками и плакальщицами, гораздо раньше того времени, когда мальчик, которого он хотел купить своим мешочком с золотом, достаточно подрос, чтобы встретиться с ним лицом к лицу.

Варгас поднял руки и разочарованно застонал. Они всё еще были сильны и способны держать шпагу, но на них уже проступили синие вены, а кожа стала дряблой на сгибах. С тех пор как у него начались приступы, каждый раз он становился всё беспокойнее и не мог заснуть. Впервые он почувствовал, что кое-что в жизни может ускользнуть из-под его контроля, и краем глаза уже видел смерть.

Варгас поднялся и взялся за кочергу и меха, с помощью которых раздул угли. Несгоревшее полено занялось, выбросив оранжевое пламя, Варгас с горечью на него взирал.

Пока пламя не погасло, комнату наполнили грозные тени его воспоминаний, тех лет, что прошли с тех пор как лошадь размозжила голову его брата. Он по-прежнему считал неудачей, что не получил герцогство, хотя достиг многого, гораздо большего, чем позволяло его положение. Он построил торговую империю, охватывающую девять стран, женился на прекрасной и мечтательной женщине, которую так и не научился понимать. С ней он прожил двадцать лет и стал отцом уже взрослого, но довольно тусклого сына, с которым говорил в жизни всего пару десятков раз; теперь тот предпочитал учиться за пределами Испании, уткнув нос в книги, лишь бы не сталкиваться с отцом, никогда не выказывавшим к нему нежных чувств.

"И когда у него кончаются деньги, он бежит ко мне каждый раз, как услышит о моем приезде, на этих своих тощих ногах, похожих на палки. Я хотел сделать его сильным, а получился плакса и маменькин сынок".

Он спрашивал себя, подозревает ли сын о том, что на самом деле случилось с его матерью. Вполне возможно, он ведь вечно цеплялся за ее юбки. Она всегда использовала сына в качестве предлога, с самого его рождения, чтобы отказаться спать с мужем в одной постели, не сопровождать его в деловых поездках в Индии и Фландрию, чтобы отравить ему жизнь. Варгас женился на ней, потому что она была дочерью идальго, и с этим браком он и сам получил каплю дворянства, став из просто Франсиско Варгаса известным купцом, доном Франсиско де Варгасом.

"Проклятая бессердечная шлюха. После всего, что я для нее сделал".

Варгас по-своему любил Люсинду. По крайней мере так, как он понимал любовь: дарил подарки и оказывал знаки внимания, но никогда по-настоящему с ней не разговаривал и не открыл ей сердце, потому что ему нечего было ей предложить. Когда она поняла, что за человек ее муж, Люсинда стала отдаляться от него, не давала ему к себе прикоснуться. Он стал искать утешения с другими женщинами. Поначалу Люсинда молча терпела это унижение, как диктовало ей ханжеское севильское общество. Лишь когда он завел связь с рабыней, жена больше не могла молчать. Сначала она сделала завуалированные намеки женам других торговцев, потом призналась священнику, который пожурил Варгаса за его поведение. Тот, больше всего ненавидящий быть предметом сплетен, принял радикальное решение.

С тех пор прошло уже тринадцать лет, но он помнил все подробности. Как сделал вид, что уезжает из города по делам. Как нашел беспринципного лекаря, чтобы занялся этим делом за соответствующее количество эскудо, тех денег он так никогда и не получил, потому что жестокая месть лекарю составляла часть изначального плана. Не имело смысла посвящать капитана де Гроота во все детали. Этот человек был кровожаден по натуре, его варварство покрывал лишь тонкий налет цивилизации, который его хозяин мог смахнуть лишь парой слов.

Все вокруг знали, кто приказал выпустить кровь из некомпетентного лекаря, по вине которого умерла жена Варгаса. Мутная репутация купца после этого случая стала еще более зловещей, торговля процветала. Больше не стало никаких подмоченных бочек с корицей, никаких невольничьих судов с заболевшим грузом, никаких партий недобродившего вина. После этого случая никто не осмеливался с Варгасом на грязные трюки.

А мальчик оказался в руках нянек и наставников, державших его подальше от взоров отца, пока он не подрос достаточно, чтобы отправиться на учебу во Францию. Варгас так и не понял всю иронию: он причинил сыну именно то, за что Луис презирал их отца.

Он ощутил поток холодного воздуха. Пламя на несколько мгновений задрожало и погасло. Купец разочарованно выдохнул, подумав о том, что его состояние поглотило море и налоги. Ни король, ни природа не боялись мести Варгаса, вот он и оказался на перепутье. Теперь всё зависело от того плана, который он составил вместе с Мальфини. Если он сработает, и Варгас вернет нетронутым груз золота, его империя выживет, а он станет еще на шаг ближе к покупке герцогского титула. В противном случае через несколько месяцев его ждет банкротство и бесчестье. Он не сможет держать при себе де Гроота и головорезов, выполняющих для него грязную работу. А вокруг куча шакалов, прячущаяся в тени, готовые отплатить за те обиды, что нанес им Варгас, ожидая того, что произойдет, с собственными

наемными убийцами на жаловании. Лишившись щита своего богатства, через несколько недель купец станет мертвецом.

Не в состоянии больше выносить холод, он встал и вернулся к ночному столику у кровати. Там стоял серебряный колокольчик. Когда Варгас поднял его, чтобы вызвать слуг, он тихо звякнул. Купец не успел позвонить, потому что в тот же миг дверь спальни со скрипом открылась.

— Ты была снаружи, — сказал торговец, обернувшись к Каталине. Как и хозяин, экономка была в одной ночной рубашке.

— Слышала, как вы кричали, довольно долго, хозяин.

— И осталась за дверью, подслушивая. Ты опять за мной шпионила. Я уже говорил, что это должно прекратиться.

— Очень холодная ночь. Я разожгу вам огонь.

Варгас взял трость и опираясь на нее направился к креслу рядом с камином. Экономка ушла и вернулась с парой сухих поленьев. Через несколько минут огонь снова горел ярко и весело.

— Хотите позавтракать, хозяин?

— Нет, Каталина. Оставь меня.

Но рабыня не удалилась, оставшись стоять рядом со креслом Варгаса, опираясь рукой о спинку.

— Вы чем-то озабочены, хозяин. Я могу что-нибудь для вас сделать?

Варгас заметил перемену в голосе рабыни, но не обернулся. Рука Каталины упала со спинки кресла на плечо купца.

— Я могу разжечь и другой огонь, хозяин, — ее голос не был голосом рабыни, он звучал совсем по-другому. — Ты уже несколько месяцев об этом не просил.

Она медленно опустилась к груди Варгаса, лаская его живот, а потом пах, сначала через ночную сорочку, а затем под ней. Варгас закрыл глаза, ощущая, как пальцы рабыни сжимают его еще вялый, но чувствительный член, потихоньку начинающий отвечать на ласки. Он раздвинул колени, а Каталина прошептала ему что-то на ухо, вызвав дрожь удовольствия.

— Вы будете чувствовать себя лучше. И сможете поспать.

Дыхание обоих участилось, но в то же мгновение волосы рабыни соскользнули с плеча на лицо торговца. Почувствовав это, Варгас открыл глаза и увидел седые волосы Каталины. Он повернул голову, и морщины рабыни стали для его страсти ушатом холодной воды. Член тут же стал мягким и сморщенным, а все усилия женщины лишь причиняли боль.

— Оставь меня! — буркнул он, оттолкнув Каталину. Рабыня упала на пол и застонала. Поднявшись, она увидела в лице хозяина презрение. — И больше не смей меня трогать. Больше ты не доставляешь мне удовольствия, — добавил он, отворачиваясь.

— Не то что в былые времена, — ответила Каталина. Она остановилась на краю отбрасываемого из камина пятна света, ее дыхание превращалось в облачка пара. В этом углу комнаты было очень холодно.

— Ты превратилась в старуху. Такая ни одному мужчине не интересна!

— Предпочитаешь ее, Франсиско? С такими совершенным личиком и грудью? Это сделал ты! — она шагнула вперед, показав на уродливый шрам на щеке с буквой S и гвоздем.

Варгас взглянул на шрам. Он купил Каталину, женщину необыкновенной красоты, хотя и не столь молодую, двадцать лет назад. Он решил не узнавать, сколько ей лет, хотя наверняка было около сорока. В первую же ночь, когда Варгас завалился в ее постель, она

боролось как тигрица, чтобы не позволить ему собой овладеть, но не преуспела в этой борьбе. Варгас вошел в нее, вдыхая запах горелой плоти, поскольку тем же утром ей поставили на лице отметину.

— Не знаю, о чем это ты.

— Ты вызываешь ее сюда каждое утро и каждый вечер.

— И никогда ничего ей не делал.

— Однажды тебе взбредет это в голову. Думаешь, я плохо тебя знаю? Она твоя дочь, Франсиско!

"И причина, по которой мне пришлось убить жену, сучка. Кто мог подумать, что ты забеременеешь, в таком-то возрасте?"

Варгас заерзал на стуле. Вот что в последние несколько месяцев беспокоило Каталину.

— Перед лицом Господа она мне не дочь, лишь незаконнорожденная метиска. Я позволил тебе оставить ее здесь, а не сдавать в приют, как поступил бы любой в моем положении. И сделал тебя экономкой.

— После того как изнасиловал.

— Я принимал тебя в своей спальне все эти годы, и мне не приходилось тебя заставлять.

Лицо Каталины зажглось яростью и злобой, она пригрозила Варгасу пальцем.

— Не вздумай ее трогать, слышишь? Даже пальцем не тронь, иначе я тебя убью. Подсыплю яд в пищу или спущу с лест...

Варгас не дал ей закончить. Он вскочил, как пружина, и вlepил Каталине пощечину, от которой она свалилась на пол с открытым ртом. Купец поставил ей ногу на горло и надавил. Рабыня вонзила в ступню ногти, пытаясь оторвать ее от своей шеи, но не могла справиться с силой и весом противника.

— Ты не сделаешь ничего подобного, потому что я сегодня же разрешу Грооту в день моей смерти развлечься с Кларой, а потом разделать ее на кусочки. Так что придется тебе вернуться к своим обязанностям, обращаться со мной уважительно и молиться о том, чтобы я прожил долгую и счастливую жизнь. А я тем временем, как твой хозяин и хозяин твоей дочери, буду поступать с вами как мне заблагорассудится. Тебе всё ясно?

Он чуть приподнял ногу, и рабыня, закашлявшись, кивнула, с горящими от ненависти и страха глазами. Варгас с улыбкой вернулся к своему креслу, едва опираясь на трость. Уже много лет он так прекрасно себя не чувствовал. Он наблюдал, как рабыня встает и ковыляет к двери.

— Ах, Каталина...

На пороге женщина остановилась, тяжело дыша, но не оглянулась. Снаружи раздалось кукареканье петухов.

— Пришли мне свою дочь. Время для утренних процедур.

— Поднимите ногу еще чуть-чуть, господин.

Варгас неохотно подчинился. Нужно было держать ногу поднятой, пока Клара ее массировала и втирала мазь, что обычно приносило ему боль и раздражение. Тем не менее, недавняя стычка с Каталиной открыла новые перспективы этого процесса, созерцая Клару, купец на какое-то время отвлекся от забот. Девушка была так красива, что внутри у него всё замирало только от одного взгляда на нее. Он поразился, как не замечал этого раньше, и как случилось, что именно старая экономка невольно привлекла его внимание к красоте Клары. До этого утра ему в голову не приходило ни одной похотливой мысли о девушке, которую он вот уже много лет опекал, находясь на отдалении, всегда еле ощутимо осознавая, что на нем лежала ответственность за ее появление в этом мире. Но запрет Каталины изменил положение вещей. Варгас не выносил, когда ему говорили, что он может делать, а чего не может.

Однако в конечном счете купец погрузился в размышления о более насущных делах. Он попросил Клару провести процедуру в его кабинете, поскольку ждал посетителя, несмотря на ранний час. Он не мог дождаться, когда наконец появится Мальфини.

— Достаточно, Клара.

Рабыня не обратила внимания на его окрик, продолжая массировать.

— Нет, пока мы не закончим.

— Мне кажется, что с тех пор, как ты начала учиться у Монардеса, ты слишком стала задаваться, — проворчал Варгас, которому эта ситуация перестала нравиться. Вместе с волнениями к нему вернулись и неприятные ощущения, всегда сопровождавшие массаж распухшей ноги.

— Матушка тоже так говорит, сеньор.

Пальцы Клары дотронулись чувствительного места на ноге Варгаса, и тот взвыл от боли, а потом пнул скамеечку, на которой стояла его нога.

— Проклятье, я же сказал, хватит уже!

Свалившаяся на пол Клара обиженно поднялась.

— Я лучше пойду, сеньор.

— Да, так будет лучше, — откликнулся Варгас. — И не забывай, кто здесь отдает приказы.

Он смотрел, как девушка собирает вещи и выходит из комнаты твердой и изящной походкой.

"Скоро придет время сбить с тебя спесь и поставить на место".

Он спрашивал себя, осмелится ли совершить грех, овладев собственной дочерью, хотя и незаконнорожденной. Варгас боялся кары Господней, но, по счастью, существовало множество священников, готовых освободить его от этого и других грехов за соответствующее число золотых эскудо.

"Нет, — сказал он себе. — Гораздо веселее продолжить эту игру еще несколько месяцев. Поглядеть, как Каталина скрипит зубами о ярости каждый раз, когда впускает дочь в мою комнату и закрывает дверь".

Его мысли прервал один из слуг.

— Прибыл банкир Мальфини, сеньор Варгас.

Купец подвинул босые ноги к огню, чтобы подсушить остатки мази, и ощутил дрожь в спине.

— Пусть войдет. Но сначала подбрось еще дров в камин.

Мальфини, как всегда, был похож на гору жира, пота и нервов. Толстый генуэзец рисковал в этом деле не меньше Варгаса. Даже больше, так как именно он должен был устроить подкуп служащих Палаты по делам колоний. Последние четыре месяца после временного ареста груза золота из Индии оказались очень трудными. Сначала нужно было разузнать, кто обладал необходимой властью, чтобы избежать присвоения груза придворными, которые могли воспользоваться привилегиями Палаты. Затем пришлось порыться в грязном белье, чтобы объединить подкуп с давлением и таким образом сломить упорство достаточного числа чиновников.

— Добрый вечер, сеньор Варгас. С вашего позволения, вы прекрасно выглядите, — любезно поприветствовал его банкир.

— Садитесь, Людовико, — ответил тому Варгас, не отводя взгляда от огня.

Слуга подал каждому чашку с горячим шоколадом и печенье, банкир тут же на них набросился. Когда слуга вышел, Мальфини заговорил тихим голосом заговорщика.

— У меня отличные новости. Мы связались с Родольфо Лопесом де Геварой, как вы приказали.

Варгас медленно кивнул. Оказалось не так легко выбрать, на кого из служащих Палаты надавить посильнее, чтобы тот помешал конфискации груза. Все они были продажными в большей или меньшей степени, и именно это было их лучшей защитой. Все были настолько запачканы, что вряд ли кто-либо из них согласился бы двигаться в направлении, противоположном интересам Палаты или короля Филиппа. Но у Лопеса де Гевары вдобавок к набиванию карманов имелись и иные пристрастия. Ему нравилось развлекаться с безбородыми мальчиками на лугу Игуалада — занятие, сильно осуждаемое инквизицией.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Слабое место обнаружилось, остальное становилось лишь вопросом подкупа несколько свидетелей и пары показаний под присягой. Варгаса не волновало, говорили свидетели правду или нет. Значение для него имел только результат, и он собирался его достигнуть. Чиновник любыми средствами постарается избежать огласки, ведь наказанием за мужеложество была смерть на костре, в страшных муках.

— Он принял условия?

— Примет, синьоре Варгас. Я обещал передать ему улики завтра вместе с чеком на полторы тысячи эскудо в качестве поощрения. Кнут и пряник, — сказал толстяк, размахивая жирной рукой в воздухе.

Варгас повернулся к банкиру, нахмутив брови. Что-то в поведение того казалось ему убедительным.

— Вы что-то скрываете от меня, Людовико?

— Есть одно маленькое неудобство, — признался генуэзец, откашливаясь и ежась под пристальным взглядом купца. Единственная лазейка, которой можно воспользоваться, чтобы предотвратить прямой захват имущества короной.

"Маленькая закорючка. Мне следовало это подозревать".

— И что же это?

— Вы должны объявить, что деньги пойдут на нужды короны.

После этих слов лицо Варгаса стало красным, как свекла.

— Черт побери, нет! — проревел он, швыряя в камин драгоценную чашечку, из которой пил шоколад. Чашка упала в камин и со звоном разбилась, ударившись о полено. — Это мои деньги! Мои! Или королю недостаточно, что он забирает пятую часть доходов? И что мы вынуждены чеканить наше золото на его монетных дворах и платить за это подати? Что он дерет с нас три шкуры, а платит за это лишь пустыми обещаниями?

Банкир съёжился на стуле, словно таким смешным способом пытался заставить всю свою огромную тушу исчезнуть, пока Варгас взмахнул тростью в воздухе.

— Успокойтесь, синьоре Варгас. Я придумал решение, и весьма ловкое, — похвастался он без малейших сомнений.

Он сделал эффектную паузу, и Варгаса охватило желание его придушить, но он заставил себя успокоиться и опустил трость. Ничего не оставалось, как только лишь выслушать эту кучу отбросов в виде человека.

— Вам следует помочь короне вести войну. И лучшее решение — вложить большие средства в рынок зерна, чтобы обеспечить продовольствием нашу Армаду и флот в Индиях. На такое предложение Палата по делам колоний посмотрит одобрительно, а сейчас эта торговля заброшена и распылена. В деле снабжения кораблей провизией Испания слишком сильно зависит от Португалии и Франции. Если человек вашего положения займется такой торговлей, то это будет как манна небесная.

На лице Варгаса появилась улыбка. Это уже совсем другого рода музыка. Учитывая огромную нехватку зерна в Испании в последние годы, на этом рынке можно было бы заработать состояние, если вести дела с умом.

— Так что вы продадите королю Филиппу пшеницу, купленную на те деньги, которые у вас собирались забрать, чтобы купить пшеницу, синьоре Варгас.

— Неплохой план, Людовико. Коварный и опасный, но блестящий, — сказал купец, которого уже наводнили идеи. Это был вызов, что делало предприятие еще более привлекательным.

— Завтра же я займусь договором, — отозвался Мальфини, громко и поспешно отхлебнув шоколада.

Клара спустилась вниз, вытирая руки тряпкой, чтобы избавиться от остатков мази, которую она каждый день втирала Варгасу. Смесь, рецепт которой дал ей Монардес, ужасно воняла, рабыня не могла выносить этот запах. По вечерам было хуже всего, потому что Клара любила спать, положив руки под голову, а из-за этой вони ей было трудно заснуть, несмотря на то, как она каждый день выматывалась. Клара постоянно просила Монардеса, чтобы позволил использовать шалфей и мяту — скрыть дурной запах.

— Лекарство и не должно пахнуть хорошо. Оно должно излечивать, — возражал лекарь.

— Но больные тоже ощущают запах, учитель, и приятный аромат мог бы помочь им чувствовать себя лучше и быстрее выздоравливать, — возразила Клара, стараясь казаться смиренной.

Услышав это, лекарь пробурчал что-то неразборчивое, странно взглянул на нее, но дал разрешение. Девушка загордилась, когда обнаружила, что Монардес тайком добавил немного розмарина в особенно вонючий настой от кашля. Розмарина не было в первоначальном рецепте — Клара проверила это дважды — и он, без сомнений, сделал отвар более сносным. То, что лекарь счел ее идею толковой, пусть даже и ничего не сказав, доставило ей огромное удовлетворение.

Она торопливо спустилась на нижний этаж. Уже через несколько минут ей нужно было находиться в доме учителя, но она хотела немного поесть перед уходом, поскольку Монардес всегда загружал ее кучей дел сразу же, как только она появлялась в дверях.

Территория слуг находилась по другую сторону роскошного центрального двора, который в столь ранний час выглядел серым и туманным. Когда рассвет вырвется из-за крыш, цветы в саду начнут играть главную роль, которая сейчас принадлежала одинокому бормотанию фонтана. Одна из спящих под аркадой собак испуганно подняла голову, опасаясь, возможно, что это Варгас, который терпеть не мог, когда к нему приближались животные, или де Гроот, который обожал их пинать. Увидев Клару, пес обрадованно подбежал к ней.

— Тише, Брео, спокойно. Хороший пес! — сказала Клара, глядя собаку по голове, та в ответ облизала ей руку. Она жалела, что не принесла собаке кусок хлеба или остатки еды, потому что с тех пор, как она все дни проводила в доме Монардеса, беднягу Брео никто толком не кормил, и он исхудал до костей. Ей нужно было добыть что-нибудь на кухне после завтрака.

Она вошла в зону слуг, состоявшую из нескольких комнат с более чем аскетическим убранством. Многие занимались своими повседневными делами, и Клара приветствовала их при встрече наклоном головы. Почти все отвечали ей улыбкой, ведь в отличие от старой Каталины, юная Клара была приветливой и внимательной. В конце узенького коридора находилась огромная кухня, где экономка раздавала указания повару. Девушка обрадовалась, что та была занята, потому что в этом случае она сможет поесть одна, а мать будет еще какое-то время заниматься делами. Нужно было приготовить еду для сеньора, обычно она состояла из нескольких блюд из рыбы и мяса, которые Варгас неохотно поклевывал. Еда всегда готовилась на несколько человек, на случай, если у сеньора будут гости. Это происходило редко, купец не любил заниматься делами во время обеда.

Клара налила себе немного молока из огромной кастрюли, стоявшей на столе. Оно было еще теплым, должно быть, разносчик молока его только что надоил. Девушка облизала губы, она обожала резкий и сладкий запах только что надоенного молока. Она отрезала толстый кусок хлеба и попыталась проскользнуть к выходу, пользуясь тем, что мать была всё еще погружена в свои дела, но до того, как она смогла сбежать, ее задержал оклик.

— Клара, подойди. Мне нужна твоя помощь.

Открыв заднюю дверь кухни, она направилась в подвал по крутой лестнице. Девушка следовала за матерью, стараясь избегать ее сердитого взгляда. Несмотря на то, что формально у неё теперь не было в этом доме других обязанностей, кроме ухода за Варгасом, в действительности всё обстояло иначе. Каталина не сводила с нее глаз и не упускала ни малейшей возможности, чтобы загрузить работой. Она требовала, чтобы вернувшись домой от лекаря, Клара немедленно являлась к ней и не смела даже заглядывать в библиотеку. Последнее, впрочем, не слишком ее огорчало, ибо после книг из библиотеки Монардеса рыцарские романы стали казаться ей детскими сказками. Но что действительно ее угнетало, так это неусыпный материнский надзор.

— Может быть, нужно что-нибудь купить? — спросила Клара. — У меня, правда, не так много времени, но я могла бы улучшить минутку, чтобы сбежать на базар...

— Помолчи и послушай меня. Я позвала тебя, чтобы кое о чем предупредить.

— Предупредить? — удивилась Клара. — А что случилось?

— Хозяин положил на тебя глаз.

Клара раздраженно посмотрела на нее. Ну вот, началось! А впрочем, не так всё и ужасно. Гораздо больше она боялась, что мать примется ее распекать за ту историю на базаре.

— Опять о том же? Я ему уже сказала, чтобы он не смел меня трогать, и не верю, чтобы он на это решился. Это было бы страшным грехом.

— Дочка, ты хорошо разбираешься в травах и зельях, но понятия не имеешь о том, что такое мужчины, — процедила Каталина, презрительно стиснув зубы. — Неужели ты не понимаешь, что даже если сеньор изнасилует тебя и обрюхатит, он не совершит никакого греха? Все священники закроют на это глаза, потому что рабы для них — всё равно что скотина. Для них изнасиловать рабыню — всё равно что покрыть кобылу или свиноматку и тем самым увеличить свое богатство! А плод этой связи станет еще одним рабом, чтобы разгребать хозяйское дерьмо, так что...

Старая рабыня внезапно прервалась, и Клара внутренне содрогнулась. Во взгляде матери, сверкавшем при сиянии свечи, с которой они спустились в подвал, было что-то странное. Она мгновенно поняла правду с полной ясностью, и всё тут же встало на свои места.

— Он мой отец, ведь так?

Каталина ничего не ответила, да в этом и не было необходимости.

— Я не могу в это поверить, мама. Почему вы ничего не сказали мне раньше? Почему вы молчали всё это время? Ведь я столько раз спрашивала вас об отце...

Мать отшатнулась, и на миг свет лампы высветил ужасную отметину на ее лице. Голос ее зазвучал совсем тихо, опустившись до хриплого шепота.

— У себя на родине я была женой короля. Испанцы убили его, а меня привезли в этот ад, в этот знойный зловонный ад... Они заставили меня выучить свое варварское наречие, заставили поклоняться этим раскрашенным деревянным болванам, таким же нелепым, как

они сами. У меня ничего не осталось — даже меньше, чем ничего... Мне пришлось бороться за свою жизнь.

— Каким образом? Соблазнив хозяина?

— Я позволила ему поверить, что он взял меня силой, но на самом деле это я всё подстроила. А потом появилась ты.

Клара даже не пыталась скрывать своего презрения.

— А вы стали экономкой, получили самую лучшую должность в доме. Поздравляю, вы добились своей цели, мама.

— Не смей меня судить! — прикрикнула Каталина, грозя ей пальцем. — Ты знаешь, сколько детей умирают от голода в этом городе? Я сделала то, что должна была сделать, чтобы защитить тебя. Чтобы защитить нас...

На одно мгновение у Кларыхватило дух от чудовищной нелепости этих слов. Ей пришлось приложить усилие, чтобы сдержаться, пытаясь всё это усвоить. Всё, что она знала, во что верила до этого дня, оказалось не более, чем дешевой комедией, сошедшей со страниц рыцарского романа. Она хотела понять свою мать, понять те страшные трудности, через которые та прошла, но в то мгновение чувствовала лишь злость.

— Вы использовали меня, чтобы упрочить свое положение. Вся моя жизнь — сплошная ложь.

— Хватит, Клара! Я вижу, ты совсем меня не уважаешь. В любом случае, мы здесь не для этого.

— Он знает, что он мой отец?

— Разумеется, знает.

— Но тогда... как же он может помыслить о таком?

Каталина плюнула на пол и сделала на плевке крест ногой, это был способ защититься от сглаза, Клара иногда видела подобное на улицах.

— Ты думаешь, его это волнует? — фыркнула старая рабыня. — Нашего хозяина? Дочка, да ты еще глупее, чем я думала. Ты даже не представляешь, какое чудовище наш хозяин — человек, от которого зависит твоя жизнь. И если я не приму мер, ты очень скоро поймешь это на собственной шкуре.

Оттолкнув дочь, она вновь поднялась по лестнице, ведущей на кухню, и трижды ударила по дверному косяку. Дверь открылась, и в подвал начал спускаться кто-то еще.

— Что вы собираетесь сделать?

В испуге девушка посмотрела вверх и, увидев мужские ноги, попыталась подняться, но Каталина дернула ее за платье, удержав.

— Это для твоего же блага, Клара. Когда-нибудь ты отблаговодишь меня за это.

В дверной проем с трудом втиснулось огромное тело Браулио, одного из слуг. Клара не любила этого злобного и угрюмого человека, чьи обязанности состояли в колке дров и уходе за лошадьми. Браулио набросился на нее, сдвинул за плечи обеими руками и швырнул наземь. Клара попыталась подняться, но навалившийся на нее слуга был слишком тяжел. С огромным трудом ей удалось высвободить руку и ударить его по шее. Слуга вздрогнул от боли, но хватки не ослабил. Мозолистой рукой, покрытой трещинами и шрамами, он вцепился ей пощечину. Клара не смогла сдержать крика паники и боли.

— Осторожней! — крикнула экономка.

— Не извольте беспокоиться, — прорычал слуга, снова хватая девушку за плечи.

— Поверни ее. Проверь лицом вниз.

Слуга перевернул Клару вниз лицом, крепко держа за плечи, отчего она ощутила себя совсем беспомощной. Мать присела рядом и выхватила нож, который всё это время прятала за спиной. Увидев нож, Клара замерла от ужаса. Она не могла поверить, что всё это происходит в действительности. Да, ее мать была властной и в чем-то даже жестокой, но Клара и помыслить не могла, что она способна на такое...

— Тсс! Тихо! — прошипела та, поднося лезвие к самому лицу Клары. Оно было очень острым, тускло светилось и издавало легкий запах жира.

Старая экономка схватила дочь за волосы и с силой оттянула ее голову назад. Клара почувствовала, как обнажилось ее незащищенное горло, и на миг подумала, что мать хочет ее зарезать. Затем она ощутила рывок и сильную боль. Ее голова мотнулась, и девушка упала, ударившись лицом о влажную землю. Еще не придя в себя от удара, она подняла глаза и увидела в левой руке матери огромную шелковистую прядь черных волос.

— Это для твоего же блага, — повторила Каталина, торжествующе улыбаясь.

Бартоло и Санчо многие часы размышляли, как собрать деньги, которые с них потребовал Мониподио. Эти триста эскудо равнялись жалованью какого-нибудь работника за пять лет, эту сумму нельзя было добыть так просто.

— У меня припрятано в убежище двадцать эскудо, — сказал своему учителю Санчо.

— Вот и придержи их, парень. На случай, если с нами что-то произойдет, — ответил Бартоло, массируя виски. — Разве что...

— Что такое?

— Я подумал, что на улице Ремедиос есть один игорный притон, где обычно не так много шулеров. Если повезет...

— Бога ради, Бартоло, — возмутился Санчо. — Я тебе помогу, но только если поклянешься, что больше в жизни не притронешься к картам.

— Ладно, ладно! Не стоит так-то уж, — обиженно отозвался Бартоло.

Они отправились бродить по улицам, но ни один из обычных трюков не увенчался успехом. А кроме того, прибывшим из Индий морякам уже хватило времени, чтобы растратить жалованье на шлях в "Компасе" и разбавленное вино. В разгар севильской зимы в карнизах домов завывал ветер, и лишь немногие пешеходы выходили на холод. Закутанные в плащи, даже когда шли на рынок, они делали задачу по срезанию кошельков тяжелой даже для самых опытных карманников. Не потеряй они всё, что заработали за прошедшие месяцы, Санчо и Бартоло провели бы приятную зиму, жаря каштаны и цыплят в своем убежище, занимаясь резьбой по дереву, до которой карлик был страстным охотником, да и Санчо начинал получать от нее удовольствие. К сожалению, теперь их возможности были весьма ограниченными.

Проходили часы, а решение так и не появилось. Если бы не одна неожиданная встреча, пока они шатались по кварталу Триана, судьба обоих пошла бы по совершенно другому пути.

Повернув за угол, Санчо столкнулся с монахом, который, похоже, спешил. Юноша собирался извиниться и пойти своей дорогой, когда тот вдруг заговорил.

— Ну надо же, кого я вижу, Санчо.

Юноша обернулся и немедленно узнал своего бывшего наставника. Он на секунду задержал дыхание, одновременно обрадовавшись встрече с монахом, ради которого в свое время приложил столько усилий, чтобы ему понравиться, но и почувствовав раздражение, встретившись с человеком, которого считал ответственным за все свои беды.

— Брат Лоренсо, — сухо произнес Санчо.

Священник стал еще более тощим, чем раньше. То ли потому, что Санчо со времени их последней встречи вырос на целую пядь, или потому, что юноша многое пережил за эти месяцы, брат Лоренсо показался ему гораздо менее внушительным. Его пальцы покраснели от холода, а на плече висела полупустая котомка с милостыней.

— Мне жаль, что ты не смог выдержать испытательный срок в доме Кастро, — пожурил его монах.

— Это животное лучше обращается с собаками, чем с людьми.

Брат Лоренсо непонимающе покачал головой.

— Мы явились на эту землю, чтобы трудиться и исполнять волю Божью.

— Сомневаюсь, что Господь желал, чтобы кто-то постоянно получал затрещины.

— Ты всегда был смутьяном, Санчо. И, как я вижу, нашел себе дурную компанию, — сказал монах, махнув рукой в сторону Бартоло, с удовольствием созерцающего эту сцену. — Какие дьявольские силы в тебя вселились, что ты завел дружбу с ворами и плутами?

— Для вас всё делится на черное и белое, — ответил Санчо, почти крича. — Вы дальше носа своего не видите.

— Мне нужно продолжить собирать еду для сирот. Хочешь сделать подаяние тому дому, который вырастил тебя, когда ты в этом нуждался? — отозвался брат Лоренсо, открывая котомку.

Санчо уставился на него, стиснув зубы. Ему казалось несправедливым, что монах поставил его в такое положение.

— Держите, брат. Уверен, что для сирот не имеет значения, что милостыню им дает плут и вор, — вмешался Бартоло, бросая в котомку пару реалов.

— Иногда Господь ведет нас по таинственным дорогам, — ответил монах, снова вешая котомку на плечо. — Вижу, что не ошибся, рекомендовав на работу в дом Мальфини Игнасио вместо тебя. Ты никогда не доберешься до Индий и не достигнешь в жизни ничего, навсегда останешься лишь блудным псом.

Он исчез на соседней улице, оставив Санчо кипящим от злости. С его губ готово было сорваться множество ответов, хотя и поздновато. Он должен показать брату Лоренсо, что тот в нем ошибся.

— С тобой всё хорошо, парень? — поинтересовался Бартоло, взяв его за плечо.

— Лучше не бывает, — отозвался юноша сквозь зубы и со странным блеском в глазах. — Вообще-то мне пришла в голову идея, которая спасет нас от Мониподио.

***

Дом был большим и роскошным, хотя и не слишком — генуэзец владел банком среднего размера по сравнению со многими другими севильскими банкирами. Он нажил состояние на нескольких клиентах с признанной всеми платежеспособностью. Малый риск, постоянные прибыли и твердая позиция являлись принципами Мальфини, в чьей жизни не было других целей кроме как поглощать пищу и заказывать портреты обнаженных нимф художникам из его родной страны. Однако в последнее время банкир сконцентрировался на операциях Варгаса, что поставило его в опасное положение.

Бартоло и Санчо этого не знали, когда на заре четверга пробрались к дому Мальфини, да их это всё равно не интересовало. Они думали лишь о том, как воспользоваться знаниями Санчо, чтобы получить те деньги, в которых они нуждались.

— Думаешь, ты узнаешь этого Игнасио? — спросил Бартоло, притоптывая ногами по мостовой, чтобы не замерзли пальцы. — Парни твоего возраста очень быстро меняются.

— У него рожа, как у крысы, — мрачно ответил Санчо.

От росы им стало холодно, оба чувствовали себя некомфортно и воняли мокрой шерстью. Санчо хотел зайти в какую-нибудь таверну, пропустить стаканчик вина, но боялся, что его былой товарищ по приюту появится именно в это мгновение. Он также не верил, что

карлик вернется из таверны, если его там оставить, потому что притащить его сюда стоило больших усилий.

— Это ведь не связано с тем тощим монахом, — спросил Бартоло в сотый раз.

Санчо не ответил. Конечно же, связано. Ему надоело быть жертвой чужих планов. Тех, кто хотел, чтобы он подчинился их воле и воле Господа, собиравшего мертвецов в саду приюта. Тех, кто хотел, чтобы он облегчил их разочарования, чтобы стал слугой за крохи со стола. Тех, кто хотел, чтобы он стал частью платы за пари, которое не он заключал.

Он всех их ненавидел, включая Бартоло. Карлик больше всех походил на его отца, обращался с нежностью, но закончил тем, что воспользовался его чувствами, использовал, как и все прочие.

— Сегодня мы раздобудем денег, Бартоло. А потом я уйду из Севильи навсегда, — сказал Санчо, глядя вдаль.

Он почувствовал, как глаза карлика впились в его затылок.

— Ты действительно этого хочешь?

Санчо не спеша кивнул.

— Я постараюсь попасть на один из галеонов, если понадобится, то проберусь "зайцем". И умчусь на другой край земли.

— Зачем ты тогда пришёл ко мне? Чтобы я терял время на твое обучение? — спросил карлик дрожащим голосом.

— Мне больше некуда было идти. А ещё потому, что как-то раз один пьяный английский поэт сказал мне, что вор тоже может стать героем.

Начался дождь, и некоторое время на пустынной улице был слышен лишь звук барабанищих по крышам капель.

— Ты был прав, Санчо, — сказал Бартоло, указывая вглубь улицы, откуда приближалась фигура, согнувшись, чтобы защититься от дождя. — У него рожа, как у крысы.

Когда Игнасио, сирота, который занял место Санчо в доме Мальфини, несколько часов спустя вышел из банка, чтобы выполнить поручение своего господина, он не заметил, что за ним по пятам крадучись следуют две фигуры. Пока он держался главных улиц, ничего не произошло, но как только свернул в пустынный переулок Анима, пара рук схватила его и повалила на землю. Игнасио пытался сопротивляться, вслепую нанося удары и попав Санчо по ноге. Юноша не обратил внимания на боль и вмазал Игнасио в челюсть, вложив в удар всю душу.

— Чего вы от меня хотите? — пролепетал перепуганный Игнасио. — У меня нет денег!

Санчо схватил того за грудки и поднял, резко прижав к стене. Игнасио был чуть выше и, судя по пухлым щекам, хорошо питался, но ему не хватало силенок и решительности Санчо. Тот придвинул лицо ближе к старому приятелю.

— Посмотри на меня хорошенько, Игнасио. Ты меня помнишь?

Ученик Мальфини поначалу его не узнал, пока не встретился с зелеными глазами нападавшего, которые невозможно было с кем-либо спутать.

— Санчо! Но разве ты не...

— Тсс! Посмотри вниз.

Игнасио опустил взгляд. Бартоло держал между ног Игнасио остро наточенный нож, который использовал для срезания кошелеков.

— У меня нет денег!

— Но ты знаешь, где они есть. Скажи нам, как до них добраться.

— Нет!

Игнасио попытался вырваться, но затих, когда нож разрезал ткань его панталон. Он вытаращил глаза, открыл рот и не мог вздохнуть.

— На твоём месте я бы был осторожнее, Игнасио. Это лезвие режет толстые шкуры, как масло.

— Вы не понимаете! — в отчаянии ответил тот. — Мальфини почти не держит золота, всё только в бумагах, которые ходят туда и обратно. В доме не бывает больше одной или двух тысяч эскудо.

— Нам этого хватит, — ответил Бартоло и сделал движение вверх ножом, разрезая ткань ещё немного.

— Вы не сможете войти! Внутри всегда находятся два стражника, а главная дверь — единственный вход в дом.

На мгновение Санчо почувствовал прилив разочарования. Это была его последняя возможность спасти Бартоло и одновременно плюнуть в лицо всем власти имущим. Почему же, черт побери, это решение не сработало?

— Деньги привозят, — внезапно сказал Санчо. — Значит, должны и увозить.

— Я знаю, что сегодня пришёл важный груз, но больше не могу вам ничего сказать! А то потеряю своё место...

Ученик банкира почувствовал в паху нажим и скривился от страха. Санчо ощущал вину за то, что делает, но овладел собой, чтобы Игнасио этого не заметил.

— Ты хочешь когда-нибудь стать отцом, Игнасио?

— Хорошо, хорошо, — ответил парень в слезах. — Я вам всё скажу, если пообещаете ничего со мной не делать.

— Говори.

— Господин должен сегодня повидаться с кем-то на ступенях собора, с чиновником из Палаты по делам колоний. Я должен отнести папку. Не знаю, что в ней, но слышал, как он разговаривал с другим служащим банка и сказал, что внутри целое состояние.

Санчо несколько ослабил давление на грудь парнишки и осмотрел его с головы до пят. Ему в голову пришёл рискованный план.

— Очень хорошо, Игнасио. А теперь раздевайся.

Если Ареналь в Севилье был наиболее важным в христианском мире торговым местом, а площадь Святого Франциска — нервным центром города, то ступени кафедрального собора являлись эпицентром всего мира. На этих ступенях принимали самые важные решения, обменивались сплетнями и заключали сделки. Дворяне, торговцы, дипломаты и шпионы короны вращались вокруг своих позиций в танце власти, у которого имелись собственные правила.

Те, кто приносил новости, направлялись прямо к своим хозяевам, как волки в человеческом лесу. Гонцами обычно служили одни и те же люди, так что собиравшиеся на ступенях знали, что кто-то только что получил важные известия.

Желавшие послушать пересуды, приблизиться к могущественному человеку или просто попросить об одолжении собирались в нижней части и время от времени поглядывали на объект интереса. Если власть имущий считал уместным принять их, он подавал знак рукой или просил помощника их позвать.

Наконец, те, кто управлял судьбой Испании и Индий, собирались наверху лестницы, в зависимости от высоты собственного положения. Чтобы поговорить с себе подобным они подходили к ним, словно хозяева этого места, кем и были в действительности. На стенах собора над их головами висел потрясающий барельеф с евангелическим сюжетом, где Христос выгонял менял из храма. Ирония не оставалась незамеченной теми, выше кого стоял только король, рассматривавшийся ими всего лишь как препятствие для карьеры.

Варгас находился на предпоследней ступени. Он был всего лишь торговцем, так что даже будучи одним из самых богатых людей в Севилье, не мог занимать самую высокую ступень, подобно другим купцам, менее важным, но обладавшим дворянством по праву крови или получившим его. В Андалусии дворян по происхождению было меньше, чем в остальной Испании, богатой на обедневших идальго. Обладавшие дворянским титулом в Андалусии обычно имели огромные доходы благодаря своим землям, хотя экономическая ситуация постепенно ухудшалась. Общество запрещало им работать, и лишь некоторые дворяне снисходили до торговли. И наоборот, простолюдины по происхождению, сделавшие состояние подобно Варгасу, страстно мечтали добиться титула маркиза или барона, чтобы возвысить свою фамилию.

Купец не был более скромным в своих мечтаниях. Покойная жена всегда призывала его купить любой титул, но Варгас отказывался. Он хотел стать герцогом или никем, как поклялся над телом мертвого брата четыре десятка лет назад.

"Посмотрите-ка, как пыжатся Мендоса, де лас Эрас и Табоада. В следующем году вы будете здесь, внизу, смотреть на меня снизу вверх, — думал Варгас. — Если бы не потонули мои корабли..."

Последние превратности судьбы отдалили его от величия, которое он надеялась в скором времени завоевать. Но для этого должен был удалиться столь тщательно составленный им с Мальфини заговор, иначе его империю ждала гибель. Поэтому этим утром он пришел на ступени, опираясь на трость, которая, как и боль в ноге, была теперь его пожизненным спутником.

Слушая вполуха продавца шелка из Фландрии, говорившего о необычном повышении

цен на краски, Варгас пытался найти в толпе Мальфини.

"Куда, черт подери, подевался этот жирный генуэзец? Он уже должен был прийти".

— Вы в порядке, сеньор? Я нахожу вас сегодня несколько отсутствующим, — спросил торговец шелком.

— Я в полном порядке, мастер Ван дер Берг. Продолжайте, прошу вас.

— У вас снова проблемы с ногой?

Шагах в двадцати правее Варгас увидел чиновника Палаты по делам колоний. Это был бледный, низкорослый и тщедушный человек. Он находился среди людей в нижней части ступеней, на нем была шляпа с голубым пером, как они условились. Он уже начал проявлять признаки нетерпения и, несмотря на холод, не прекращал вытирать платком пот со лба.

"Проклятый Мальфини, настоял на обмене у всех на виду. "Так не будет риска, что этот мерзавец устроит нам ловушку, и это будет менее подозрительным", — заявил он. Только бы этот трусливый педик не разнервничался в разгар операции", — подумал Варгас, прикусив нижнюю губу. Замысловатая логика банкира, столь превосходно звучавшая накануне, теперь казалась полнейшим безумством.

— Спасибо за вопрос, добрый друг. Нога уже лучше... будьте добры, расскажите мне о тех новых оттенках красного, которых вы, по слухам, добились в ваших мастерских.

Торговец шелком пустился в счастливые разглагольствования, на которые Варгас не обратил ни малейшего внимания. Купец продолжал вглядываться в толпу в поисках своего партнера. Он не смог сдержать вздоха облегчения, когда наконец увидел Мальфини в сопровождении одного из охранников банка. В руках его была тонкая кожаная папка. Генуэзец жестом велел своему спутнику остановиться, а сам погрузился в толпу.

Варгас собирался снова повернуться к торговцу шелком, когда в паре метров от Мальфини появилось лицо, которое он раньше никогда не видел. Это был худощавый парень в классическом черном одеянии, какое носили ученики и помощники в банках и лавках ростовщиков. Купец не обратил бы на него внимания, если бы, когда Мальфини повернулся к служащему Палаты, парень не взглянул мельком в их сторону. Напряжение в его глазах заставило Варгаса похолодеть. Он уже видел подобный взгляд раньше на собственном лице. Это были глаза хищника.

"Что-то не так".

Мальфини был всего в паре шагов от служащего Палаты, когда вдруг поскользнулся и упал на землю всем своим жирным телом. Началась неразбериха, десятка два рук протянулись на помощь генуэзцу, который выл от боли, будто упал на раскаленные угли вместо керамической плитки. Но Варгаса это не волновало. Он следил только за молодым учеником, который тоже наклонился помочь генуэзцу.

А затем исчез.

Варгас захромал вперед, по пути сметая в сторону торговца шелком, но было уже слишком поздно. Он еще не добрался до Мальфини, когда крики последнего возвестили о том, что его обокрали.

Таверна в Триане была темной и полной дыма дырой. Снаружи не имелось даже вывески, здесь не останавливались на стаканчик вина прохожие.

Капитан де Гроот навещался сюда несколько раз, и всегда из-за темных делишек. Его не пугали головорезы с мрачными взглядами, вынимающие сталь из ножен и не позволяющие войти внутрь, прежде чем он не объяснял, кто такой и по какому делу явился. Сильный как вол и заправский фехтовальщик, де Гроот мало кого боялся в этом мире. Он не был смелым человеком с общепринятым смыслом слова, поскольку чтобы быть храбрецом, необходимо знать, что такое страх. Отсутствие у него страха происходило от нехватки воображения. Во многих смыслах Гроот был просто животным, которое не в состоянии видеть дальше, чем на день вперед, или находить радость в чем-либо кроме удовлетворения примитивных инстинктов.

Варгас никогда не спрашивал Гроота, за что его поместили в тюрьму, откуда купец его вытащил. Фламандец с удовольствием бы ему об этом рассказал, если бы не был уверен, что его господин и так прекрасно осведомлен о его истории, потому что никогда ни шагу не ступал, не выяснив, сколько тараканов скрывалось под камнем, на который собирался поставить ногу. По этой причине капитан слепо ему подчинялся, поскольку крайне не любил самостоятельно определять свою судьбу. Хватало доказательств того, что случалось, когда он сам принимал решения.

Он вырос на ферме в предместьях Роттердама в компании одной лишь кукурузы и занимаясь лишь заточкой кос об оселок. Он ловил мелких животных, вроде крыс и енотов, и пробовал на них остроту ножей, наблюдая, как они умирают с пустым, как у вола, взглядом, и спрашивал себя, чтобы он почувствовал, вонзив железо в человека.

Его семья заметила, что в голове у маленького Эрика что-то не в порядке. Хотя они никогда не говорили этого открыто, мальчик их пугал. В двенадцать с половиной лет, уже будучи ростом метр восемьдесят, он мог поднять и поставить на ось мельничное колесо, когда то соскакивало. Не зная, как с ним совладать, родные предпочитали держать его подальше от соседей. Живя в десяти милях от самого большого горда Фландрии, мальчик никогда не бродил по его улицам.

В тринадцать лет одним августовским вечером он сбежал с фермы и отправился в Роттердам, взяв с собой лишь краюху хлеба и два фунта сыра. Выглядел он лет на пять старше, и поэтому ему не составило труда получить работу портовым грузчиком, разгружать тюки с шерстью, в два раза превышающие его размером. Там он столкнулся с преступниками всех мастей и начал пить вино и ходить к проституткам в том возрасте, когда большинство детей ходят в школу. Гроот научился драться своими огромными ручищами и с яростью сломал руку грузчику, который назвал его нищим, но так и не смог заполнить пустоту внутри.

В шестнадцать кто-то рассказал ему о фехтовальных школах, которые как грибы после дождя возникали в центре города. Он накопил денег, чтобы поступить в одну из них, но когда оказался лицом к лицу с учителем фехтования, тот был потрясен физической силой де Гроота и предложил давать ему уроки бесплатно, в обмен на небольшую работу для школы. Через несколько месяцев он превратился в лучшего ученика, а через пару лет стал известным

всему Роттердаму фехтовальщиком. Нехватку техники он заменял яростью и жестокостью, так что никто не хотел столкнуться с ним даже в тренировочном бою. Этот этап его судьбы закончился трагически, когда он наконец исполнил свое желание. Несмотря на то, что дуэли были запрещены под страхом смертной казни, де Гроот смог спровоцировать кого-то, чтобы тот бросил ему вызов.

Труп убитого де Гроотом молодого человека еще не остыл, когда тот вступил в армию короля Филиппа, чтобы избежать наказания. Жизнь в армии казалась ему тяжелой, но война была естественной средой для человека вроде него, миром, в котором исчезали установленные богом и людьми нормы. Командиры принимали это за храбрость и повысили до капитана, после чего де Гроот попал в тюрьму, из которой его вытащил Варгас.

Туда его заперли, когда выяснилось, что он насадил на шпагу испанского капитана за то, что тот отказался сопровождать его в ночном набеге. В тюрьме он снова почувствовал себя таким же разбитым и пустым, как и на ферме, где родился. Когда Варгас его выбрал, де Гроот сначала решил, что это временный выход из той ситуации, в которой он оказался, но вскоре обнаружил, что под руководством купца мог бы вести приятную жизнь и время от времени выпускать наружу свои инстинкты хищника. Варгас, в свою очередь, находил весьма полезным человека без моральных принципов и страха.

Однако тот человек, с которым Эрику де Грооту предстояло сегодня встретиться, вызывал страх даже у него. Он никогда не видел его своими глазами, хотя в прошлом не раз заключал сделки. Этот человек редко удалялся от своего логова, и лишь немногие могли дать его точное описание.

Гроот подошел к стойке и тихо перемолвился несколькими словами с трактирщиком. Тот покачал головой. Капитан бросил на стойку пару серебряных монет, но мужчина всё равно покачал головой, на сей раз медленнее. Де Гроот добавил еще две, и трактирщик отвел его к свободному столу, подал кувшин вина и отправился переговорить с головорезами у двери. Один из них покинул заведение.

Еще через час и два кувшина вина рядом с капитаном появилась фигура в закрывающем лицо плаще, видны были лишь два темных глаза, похожие на бездонные колодцы.

— Добрый вечер, капитан де Гроот, — хрипло произнес он.

Фламандец, не спускавший глаз с двери, подпрыгнул от удивления. Этот человек появился из ниоткуда. Должно быть, в трактире имелся еще один секретный выход — весьма удобно, чтобы Мониподио мог сбежать от врагов. Или чтобы отделаться от трупа, если до этого дойдет.

— С кем имею честь? — спросил Гроот, подозревая ловушку.

— Вы уже знаете мое имя, — ответил Мониподио и сел напротив Гроота, откинув капюшон и показав лицо.

Трактирщик подал еще вина, которое бандит медленно отхлебнул, поглядывая на собеседника. Фламандец барабанил пальцами по столу, с трудом выдерживая взгляд Мониподио. Как два волка, столкнувшиеся на лесной поляне, бросая друг другу вызов, даже не оскалившись, оба ждали, пока другой сделает первое движение. Наконец, Гроот разорвал тишину.

— Рад наконец-то познакомиться.

— Я не привык лично заниматься делами, о которых обычно просит ваш сеньор Варгас, капитан.

— На сей раз речь идет кое о чем другом, — ответил Гроот. — Не нужно ни от кого

избавляться, только найти одну пропажу.

— Дело дрянь. Севилья — очень большой город.

— Сделайте ее поменьше.

Гроот суну руку под хубон и бросил на стол кожаный кошель, такой тугой, что трещали швы. Мониподио осторожно взвесил его в огромной ручище с поломанными черными ногтями и вернул на то же место.

— Я весь внимание, капитан.

— Сегодня днем на ступенях собора произошла кража. Исчезла кожаная папка с очень важными документами.

Мониподио подтолкнул кошель обратно к де Грооту.

— Это были не мои люди. Они прекрасно знают, с кем нельзя связываться. Мне жаль, но я не смогу вам помочь.

Бандит начал подниматься, но де Гроот его остановил.

— Ученик из банка Мальфини рассказал одним воришкам, что на ступенях должен произойти важный обмен. Это были две уличные крысы, просто мелочевка. Похоже, им нужны были лишь деньги. Они раздели ученика, и тот в испуге побежал в приют, где его вырастили.

"Завтра он вернется на службу к Мальфини, а потом произойдет несчастный случай", — подумал Гроот, хотя не было необходимости произносить это вслух. Мониподио прекрасно знал, какая судьба ждала тех, кто подводит Варгаса, поскольку во многих случаях купец нанимал его головорезов, чтобы разделались с неугодным.

— Он хорошо разглядел нападавших?

— Говорит, что одним был мальчишка, а другим — карлик.

Мониподио расхохотался над чем-то, что понимал лишь сам. Он протянул руку к кошельку и пододвинул его к себе.

— Вероятно, я смогу вернуть вашу папку, капитан. Завтра здесь в это же время.

— И кое-что еще. Хозяин хочет, чтобы этих воров убили. Самым жесточайшим образом.

Бандит покачал головой, снова отодвинув кошель в сторону Гроота. Он почувствовал запах крови и готов был сожрать капитана и обглодать кости.

— К сожалению, эти мерзавцы мне должны. Так что сначала им придется расплатиться со мной.

— В таком случае, назовите сумму, — ответил капитан, сразу же пожалев о своих словах.

— Триста эскудо, — очень серьезно заявил Мониподио.

— Это слишком много! — проворчал де Гроот, поразившись такой необычной сумме. Она равнялась жалованию альгвасила за пять лет. — Это в десять раз больше обычного!

— Соглашайтесь или нет. Триста.

Капитан слотнул, несколько мгновений поколебавшись. Мониподио просил в десять раз больше того, что лежало на столе, хотя эта сумма и так была достаточно щедрым предложением, чтобы лично заинтересовать Мониподио. Варгас разъярится, когда де Гроот расскажет ему об этом. Но в то же время хозяин ясно дал понять, чтобы фламандец не возвращался без папки и без голов всех, кто видел ее содержимое. Без помощи громилы невозможно было найти воров, исчезнувших с теми доказательствами, которыми собирались шантажировать чиновника, что для Варгаса было равнозначно полной катастрофе. Грооту не оставалось ничего другого, кроме как проглотить гордость и согласиться.

Он что-то пробормотал по-фламандски. Когда он нервничал, то всегда забывал кастильский.

— Простите, капитан, но это наречие поймет только ваша святая мамаша, а я нет, — весело произнес Мониподио.

— Я сказал, что согласен. Принимаю предложение.

Мониподио поднялся и взял кошель, учтиво прикоснувшись к полям шляпы.

— Завтра к вечеру эти двое будут мертвы, капитан.

Тот первый четверг марта не мог начаться для Санчо и Бартоло лучше.

У обоих побаливала голова, потому что накануне вечером они до отвала наелись жареной козлятины, сдобренной щедрой порцией вина, праздную удачу, позволившую им украсть кожаную папку. Добравшись до убежища, они почувствовали разочарование, увидев ее содержимое, ибо там лежала лишь стопка показаний против чиновника Палаты по делам колоний. Но между бумагами они обнаружили долговую расписку севильского банка стоимостью в полторы тысячи эскудо. Хотя они этого и не знали, Мальфини взял ее в чужом банке, и она была безотзывной. Владелец бумаги мог законным образом потребовать деньги, и выдавший ее не мог отказать, если у банка имелись средства.

При виде бумаги Бартоло подпрыгнул от радости.

— Я знаю одного обращенного еврея, живущего в Ла-Ферии. Он даст нам за это триста эскудо, не задавая вопросов. Мы свободны, Санчо!

Юноша обрадовался и с удовольствием отпраздновал удачу вместе с Бартоло, хотя мысленно уже решил покинуть Севилью, как только настанет хорошая погода, до которой оставалось еще несколько недель. Однако он не хотел на этом настаивать, чтобы не омрачать праздничное настроение карлика. Оба вспоминали всё хорошее, что произошло с начала ученичества Санчо, и Бартоло клялся и божился, что больше не будет играть.

— С завтрашнего дня всё будет по-другому, вот увидишь. Теперь тебе не нужно никуда уезжать. Ты ведь останешься со мной, дорогой Санчо?

Санчо не мог выдержать тоску в глазах своего маленького учителя воровскому делу, улыбнулся и ничего не ответил. Он не поменял решение, но не хотел ранить Бартоло без нужды.

Проснулись они поздно, незадолго до полудня, и в отличном настроении отправились в квартал Ла-Ферия. То ли из-за похмелья, то ли от переполнявшего их оптимизма, они не заметили первых признаков беды. Нищий поднялся, как только они прошли мимо, и бросился бежать в обратном направлении, группка старых мулатов сделала им знак пальцем, когда они остановились, чтобы купить хлеба с грецкими орехами у разносчика на улице Суконщиков, носильщик несколько минут их преследовал, а через некоторое время его сменил другой. Сеть доносчиков Мониподио была начеку и прекрасно функционировала, и вскоре новость о том, что Санчо и Бартоло направляются в Ла-Ферию, достигла таверны на площади дона Педро Понсе. Эту новости ожидали там двое, они тут же выбежали, ускорив шаг.

Бартоло понял, что за ними следят, за пару минут до этого.

— Оглянись-ка, парень.

Санчо услышал нотки тревоги в голосе карлика. Он обернулся и как раз вовремя, чтобы заметить спрятавшегося за углом мальчугана.

— Кто?

— Не знаю, но он идет за нами уже довольно долго. Чую беду, Санчо. Лучше вернемся в убежище.

Они снова повернули на восток, в сторону порта. Улицы стали практически пустынными, и эхо шагов отдавалось между покрытыми выцветшей побелкой домами.

Вскоре они различили за спиной другие шаги.

Бартоло быстро обернулся, и его глаза расширились от ужаса.

— Быстрее, парень. Беги и не останавливайся, во имя всего святого.

Оба ускорили шаг, но у карлика были слишком короткие ноги, он не мог поспевать за Санчо. Он бежал с высунутым языком и вздымающейся, как воздушные мехи, грудью.

В конце улицы находилась стена, а за ней — монастырь доминиканцев. Если бы они смогли перелезть через нее до того, как их настигнут преследователи, то спаслись бы.

— Я забегу вперед и заберусь на стену, — сказал Санчо. А потом подниму тебя.

— Вперед, вперед! — подгонял его карлик.

Санчо добежал до стены высотой около двух метров, подпрыгнул и ухватился за верхнюю часть, но подметки фетровых башмаков скользили, когда он попытался забраться наверх. Он попробовал снова, чуть правее, где в стене была трещина, и смог найти место для упора. Подтянувшись на руках, Санчо сел верхом на стену.

Бартоло был чуть менее чем в двадцати шагах. Чуть дальше в их сторону бежали двое мужчин, которых Санчо узнал.

"Зоркий и Железнодорожный!"

Головорезы Мониподио бежали по переулку, путаясь в длинных плащах и шпагах. Один из них остановился и протянул руку к поясу.

Не имея времени, чтобы разобраться, чем занимается громила, Санчо боролся с пуговицами хубона, чтобы его расстегнуть. Ему нужно было что-то протянуть Бартоло, чтобы тот мог уцепиться и подняться на стену.

— Санчо! — крикнул карлик, задыхаясь после гонки. Он добежал до подножия стены и смотрел вверх. Его лицо было воплощением ужаса.

Юноша наконец-то стащил хубон и наклонился вниз, протягивая его Бартоло. Карлик сжал ткань в охапку обеими руками.

— Поднимай меня, парень, Бога ради! — закричал он.

Санчо потянул изо всех сил, и ноги карлика оторвались от земли. Пядь за пядью. В это мгновение он поднял взгляд и понял, что именно делает тот мужчина, что остановился посреди улицы. Ствол пистолета был нацелен точно ему в голову.

Грянул выстрел, испугнув стаю голубей из сада монастыря. Пуля со свистом пролетела перед лицом Санчо. Он дернулся и наклонился в сторону монастыря, потеряв равновесие.

И упал в пустоту.

Он не выпустил из рук хубон, и тем спасся от разбитой головы, но несмотря на это Санчо стукнулся лицом о стену и остался висеть по ту сторону стены. Карлик, который под весом Санчо взмыл вверх, до самого края, был почти спасен.

В этот миг стягивающие рукав хубона тесемки порвались.

Бартоло медленно поднялся. Зоркий находился уже рядом. Громила смотрел на него, скосив глаза, чем и заслужил свое прозвище.

— Друзья мои, — сказал карлик. — Как раз сегодня вечером я собирался повидать вашего господина.

— Слишком поздно, выродок.

Он отвел назад ногу и с силой ударил. Бартоло перекувырнулся и стукнулся о стену. Послушался чудовищный треск, когда сломался нос карлика, а лицо залила кровь.

— Погодите, прошу вас, — взмолился тот, выплюнув несколько зубов. У нас есть деньги, чтобы заплатить Мониподио... Вот...

Он показал туда, где оставил папку, когда Санчо забрался на стену.

— Ага, ясно, — отозвался Железнодорожник, поднимая ее с земли. — Похоже, ты украл кое-что, что не должен был. Вмажь-ка ему, Зоркий.

Тот поднял ногу и со всей силой опустил ее на ребра карлика. А потом еще раз, разъярившись.

С другой стороны стены Санчо упал на кусты азалий, которые немного смягчили удар. Несмотря на это левая рука ужасно болела, а лоб и нос кровили из-за удара о стену. С этой стороны стена была на полтора метра выше. Он в отчаянии попытался на нее вскарабкаться, но снова и снова падал.

Санчо слышал все удары, которыми осыпали Бартоло, ощущая свое полное бессилие.

— Оставьте его в покое, сукины дети! — взвыл он со слезами на глазах.

— Достаточно, Зоркий, — сказал Железнодорожник, схватив товарища за локоть. — После того выстрела тут скоро будет полно стражников.

— Только еще разок, — ответил тот.

— Сказал же — хватит. Он и так уже мертв.

— А до тебя мы еще доберемся, сопляк, — рявкнул Зоркий, подойдя к стене.

— Забудь про мальчишку. У меня есть идея получше. А теперь пошли.

И они поспешили скрыться.

Санчо понадобилось несколько минут, чтобы найти выход из монастыря. Он забрался на дерево и вернулся на улицу, подбежав к Бартоло. Вокруг карлика собралась толпа любопытных. Один из них даже рассмеялся. Санчо, рассвирепев, толкнул его.

Вид Бартоло разрывал ему сердце.

Карлик лежал на земле в лохмотьях. Одна рука находилась под телом под неестественным углом. Лицо превратилось в кровавое месиво.

Санчо упал на колени рядом с ним и зарыдал. Вскоре он заметил, что тело шевелится, и Бартоло открыл один глаз.

— Санчо, — пробормотал он.

Юношу охватило чувство радостного облегчения. Учитель жив!

Санчо напрягся и взял его на руки.

— Разойдитесь! — рявкнул он зевакам, и они бросились в сторону, испугавшись юношу с окровавленным лицом.

Санчо нужно было найти человека, который поможет карлику, и он знал лишь одно подходящее место.

Когда Монардес увидел, что лицо Клары покрыто синяками, а голова замотана обрывком тряпки, он попытался расспросить девушку о случившемся, но ничего не добился. Клара отказывалась говорить и весь день бродила по саду, выдергивая сорняки. Она заколебалась, лишь когда пришло время возвращаться домой и снова встретиться с матерью, но все равно не решилась рассказать.

На следующий день утром она снова появилась у двери лекаря, как и всегда, но в этот раз в глазах ее стояли слезы, а всё тело болело. Она спала не в комнате, которую делила с матерью, а на кухне, на клочке взятой с конюшни соломы. Она всё рассказала старику, это заняло больше часа, в течение которого голос Клары ни разу не дрогнул.

— Я догадывался, что могло случиться что-то подобное, — обеспокоенно сказал Монардес. Выражение его лица не изменилось, когда Клара назвала Варгаса отцом, и она почувствовала себя полной дурой. Видимо, это знали все, кроме нее?

— Я боюсь возвращаться. Когда я вернулась домой вчера вечером и хозяин увидел меня в таком виде, у него сделалось лицо, как у собаки, у которой из пасти вырвали кость.

Она боялась посмотреть на себя в зеркало, ей хватило и того, что чувствовали ее пальцы, ощупывая голову. Вместо прекрасной гривы черных волос на ней осталось лишь несколько неровно выстриженных прядей. У самого лба волосы были сострижены почти наголо, в других местах сохранились чуть лучше, но все — разной длины, неровно обкромсанные, и всё вместе составляло жуткое и нелепое зрелище. Там, где рука старой рабыни дрогнула, голову Клары покрывали мелкие порезы, уже затянутые подсохшей коркой. Клара использовала вместо платка рваную тряпку, чтобы скрыть этот ужас, но голова под ней зудела и чесалась.

— Он что-нибудь сказал тебе сегодня утром?

— Нет, учитель. Даже не взглянул на меня.

Монардес вздохнул.

— Ты должна постараться сохранять спокойствие и быть сильной, Клара. Опасная и разрушительная игра Варгаса и твоей матери — это нечто слишком глубокое, запутанное и крепкое, чтобы ты могла понять ее или позволить, чтобы она тебя затронула.

— Это затронет меня, если Варгас исполнит угрозу, которую дал моей матери, — сказала Клара, раздраженная тем, что восприняла как недостаток понимания со стороны лекаря. — Я всё еще не могу поверить, что он хочет...

— Дело не в похоти, девочка. Речь идет о силе, борьбе воли двух людей.

— Это не слишком меня утешает.

— Знаю, но я рад, что ты мне все рассказала, потому что мне кажется, я могу тебе в этом помочь.

Девушка последовала за Монардесом в лабораторию. Лекарь взял чистый сосуд и налил туда немного воды.

— Открой ящик, где хранятся опасные снадобья, и передай мне пузырек с пометкой «safavium», — сказал он, передавая Кларе ключ. Она открыла ящик и протянула ему небольшой глиняный пузырек, запечатанный воском, которого никогда раньше не видела.

— Это мне доставили из Святой земли — из тех мест, где плещется загадочное море,

что образовалось на месте Содома и Гоморры. Про него говорят, что это волшебное море, что в нем невозможно утонуть, однако я не слишком этому верю. Отойди-ка в сторонку, пары могут быть опасны.

Ногтем мизинца, который он всегда оставлял длинным и острым, Монардес сломал восковую печать и налил несколько капель содержимого в сосуд с чистой водой. Клара взяла большую толстую свечку и восстановила восковую пробку, заново запечатывая флакон. Монардес с одобрением следил за ней и улыбнулся, увидев ее инициативу.

— Подготовь железные опилки, как можно более тонкие, — сказал он, помешивая жидкость и помещая ее на небольшую жаровню.

Четвертью часа позднее он приказал ей бросить мелкие черноватые опилки в сосуд. При контакте с горячей жидкостью опилки испускали маленькие искрящиеся пузырьки. Клара еще какое-то время следила за варевом, постоянно помешивая, пока не вернулся лекарь и не приказал добавить ложку розового порошка, который они раньше не использовали.

— Что это? — спросила Клара, помешивая снадобье.

— Никто не знает. Арабы используют его в качестве тайного компонента для изготовления индиго, вместе с золой растений и другими элементами. Он не опасен, но также никому не известно о его благоприятном влиянии на людей. У него слегка солоноватый вкус, — ответил Монардес, облизнув губы.

Клара поразилась, как лекарь осмелился проглотить неизвестное, потенциально смертельное вещество, но затем она поняла, что в конце концов это было еще одним делом лекарей: выходить за пределы известного, чтобы суметь расширить границы знаний. Даже если это предполагало риск. В тот же миг она ощутила прилив восхищения своим учителем.

Внутри сосуда тем временем происходили изменения. Красноватый оттенок состава исчез, оставив вместо себя белесый цвет. Мало-помалу содержимое сосуда становилось похоже на молоко и скапливалось на дне емкости, отделяясь от жидкости в верхней части, которая была бесцветной, но более густой, чем вода. Клара уже видела раньше этот эффект, похожий на поведение масла в воде, но никогда не переставала ему изумляться.

— Возьми фильтровальную ткань и вычерпай ложкой жидкость сверху, — указал ей лекарь.

Девушка подчинилась и вычерпала содержимое в плоскую глиняную посудину. Лекарь поставил ее на маленькую жаровню, и жидкость вскипела за считанные минуты.

— А она не может загореться из-за такого небольшого количества жидкости, учитель?

— Да, поэтому ты должна следить за огнем в жаровне. Если заметишь, что она слишком горячая, уменьши огонь. Когда она охладится, поставь заново. И так до тех пор, пока вся жидкость не испарится.

Через некоторое время Клара принесла сосуд Монардесу. В плоской посудине остались только белые твердые комки, которые рассыпались от прикосновения ложки. В результате остались крошечные кристаллы, похожие на соль.

— Ты должна класть пол-ложки этого вещества в вино или воду каждые три или четыре дня, но не в еду, от этого не будет проку.

— Для чего оно? — спросила Клара, сглотнув.

— Благодаря этому средству твой хозяин не будет испытывать полового возбуждения, как бы ему ни хотелось. Только будь осторожна с дозировкой: слишком большая доза сделает его агрессивным и невнимательным.

Девушка усталилась на крошечные кристаллы с отращиванием. Она противилась использованию подобного метода, но в то же время не хотела оказаться в постели Варгаса. Этого она боялась больше. Она еще оставалась девственницей и хотя ощущала временами порывы желания, встречая на улице парня своего возраста, у нее еще не было опыта в этой области. Среди книг лекаря она нашла один маленький томик в черной обложке, на первой странице которого не было разрешения, официальной печати церкви, позволяющей издание. Простое обладание подобной книгой наказывалось отлучением от церкви или чем-нибудь похуже, если нарушитель попадал в руки инквизиции. Книга была наполнена картинками, описывавшими в деталях отношения мужчин и женщин. В ней разъяснялось, что это приносило огромное удовольствие, но девушка была неспособна представить себе, что имелось в виду. Она была четко уверена только в том, что когда решит это сделать, то только с тем, кого сама выберет, а не по принуждению.

— Откуда вы узнали об этом средстве? — спросила Клара у Монардеса, вспомнив, что никогда не видела у него этого рецепта.

— Один из моих наставников в университете рассказал мне о нем много лет назад. Это не те сведения, которые можно хранить в записях: за такие вещи могут запросто обвинить в колдовстве.

Девушка всё еще колебалась.

— Но я не хочу причинить кому-то зло, — сказала она.

— Не бойся, девочка. Уверю тебя, это не опасно.

— Вы уже использовали его? — изумилась Клара.

— Сейчас возраст гасит пламя в моем котле, но когда я учился в университете, всё было иначе. А жизнь может быть очень опасной людей вроде меня.

Девушка уже некоторое время знала, что Монардесу нравятся мужчины, поскольку заметила, как вспыхивали его глаза, когда какой-нибудь привлекательный юноша заходил в аптеку, и ощутила, что ее сочувствие к старику усилилось.

Однако у нее не было времени подумать над этим, потому что в это время в дверь постучали.

Клара бросилась открывать, встревоженная настойчивостью стука. Хотя иногда они принимали больных с неотложными вопросами, таких было меньшинство. Лекари обходились слишком дорого, и мало кто мог позволить себе к ним обращаться. Как ни странно, но в самых тяжелых случаях простые люди обычно прибегали к помощи намного более доступных костоправов-цирюльников. В глубине души все верили, что если смерть кружит над кем-то из родных, то даже самый дорогой лекарь не сможет отсрочить неизбежное, зато точно оставит их в долгах вдобавок к мертвецу.

Открыв дверь, Клара увидела молодого человека с ранами на лице. На руках он держал маленькое, избитое в кровь тело, которое Клара сначала приняла за ребенка, когда же глаза юноши встретились с глазами рабыни, он смутился, словно ожидал увидеть кого-то совсем другого.

— Это дом Монардеса? — спросил он. — Нам срочно нужна помощь.

— Учитель! — позвала Клара.

Монардес тут же взял всё в свои руки.

— Скорее носи его в дом! Клади на стол! Клара, расчисти место на столе!

Клара отодвинула сосуды и склянки, освобождая часть поверхности, и парень осторожно положил тело на стол. Он дрожал от нервного возбуждения и чрезмерных

усилий, которые ему пришлось приложить, чтобы донести туда больного.

— Принеси бинты и нож, Клара, быстро! — приказал Монардес. — А ты расскажи, что произошло.

Клара быстро достала чистые повязки из ящика под столом и положила их рядом с лекарем.

— Двое головорезов избили его до смерти. Я не смог ничего сделать, — ответил юноша, сжимая кулаки.

— Сядь там и не мешай. Клара, подай нож!

— Уже иду, учитель, — ответила Клара, взяв с полки лоток, в котором Монардес хранил ножи. Лекарь взял один из них и разрезал одежду раненого. Скрытые в складках ткани металлические предметы посыпались на пол, но лекарь даже не взглянул на них. Клара не знала, что это.

— Встань рядом и начинай резать бинты, десять или двенадцать, длиной с руку. Потом принеси горячей воды.

Пару часов Монардес боролся, пытаясь вернуть раненого к жизни. Клара никогда не видела лекаря таким сосредоточенным и внимательным. Его глаза блестели, он отдавал сухие и точные распоряжения. Она восхищалась, с какой твердостью он приподнимал кровоточащие конечности и прощупывал переломы. Обычно он не занимался такими ужасными ранами, его пациенты были богатыми и знатными, с привычным набором заболеваний, так что Клара впервые наблюдала результаты избиения.

Когда Монардес осторожно вымыл лицо раненого смоченной в воде с каплей уксуса губкой, девушка удивилась, разглядев лицо карлика. Она видела такого в доме одного знатного дворянина, служившего там шутком, — единственная роль, которую севильское общество предназначало людям, имевшим несчастье родиться такими.

— Возьми, Клара, — сказал Монардес. — И займись этим мальчиком. Он тоже ранен.

Клара присела возле юноши, который выглядел совсем подавленным.

— Не беспокойтесь за меня, — запротестовал он. — Занимайтесь лучше моим другом.

— Не мешай ей заниматься своим делом, — ответил врач, даже не повернувшись. — Я свое уже закончил.

Очень осторожно Клара подняла подбородок Санчо и стала пристально вглядываться ему в лицо, изучая полученные раны.

— Где-то я тебя уже видела, — пробормотала она.

И вдруг подскочила, узнав его. Теперь она поняла сконфуженный взгляд, которым он ее окинул у двери. Из-за косынки и синяков на лице он выглядел по-другому.

— О чем это ты? — спросил юноша.

— Ну конечно, я тебя знаю! — догадалась она. — Ты тот самый парень с площади!

Юноша осторожно кивнул, и рабыня различила в его глазах вспышку облегчения. Там было что-то еще, нечто скрытое, но Клара не знала, что именно.

— Прости, что пришлось так с тобой обойтись в тот день, — произнес он, пожимая плечами.

— Ты унижил меня перед всей Севильей, — заявила Клара, с силой прижимая губку к лицу юноши. Ей было всё равно, что она делает ему больно, наоборот, ей хотелось его как следует тряхнуть.

— Я спас тебя от альгвасилов.

— Я вполне могла бы защитить себя и сама.

— Но у меня это получилось лучше.

Возмущенная Клара бросила губку в миску и ощупала лицо юноши, не глядя на него. На нем было несколько порезов, а нос кровоточил, но не сломан. Она сжала сильнее, чем было необходимо, но юноша не стал возмущаться. Клара на мгновение задержала взгляд на его глазах, не в состоянии уклониться от их призывной силы.

— Хватит об этом, — Клара резко отвернулась, чтобы он не прочитал чувства по ее лицу. На мгновение она ощутила себя словно обнаженной и незащищенной, будто эти зеленые глаза проникли в самую глубину ее мыслей. Она дернула головой. Просто какая-то глупость.

Юноша встал на ноги и подошел к столу, где Монардес занимался его другом. Лекарь повернулся к нему.

— Ты переболел чумой, ведь так? — спросил Монардес.

Юноша провел по шее кончиками пальцев, и Клара заметила оставшиеся там отметины — полдюжины темных шрамов размером с монету.

— Да, пару лет назад.

— Тебе повезло, дружок. Ты посмотрел прямо в лицо смерти и сумел ее обмануть. Боюсь, у твоего друга не так много шансов.

Клара увидела, как по лицу юноши прошла волна грусти, он едва сдерживал рыдания. Ей захотелось положить руку ему на плечо, но она подавила порыв. Монардес не одобрил бы этого, он всегда говорил, что Клара слишком сближается с пациентами. К тому же она была зла на этого мальчишку.

И тут раненый слегка пошевелил рукой.

— Смотрите! — воскликнул молодой человек.

— Ты не слишком-то радуйся, — предупредил Монардес. — Его душа вот-вот расстанется с телом. Простись с ним, пока есть время.

Юноша встал на колени рядом с карликом. У того была перевязана челюсть, он не мог толком разговаривать.

— Дать тебе твою котомку? — спросил юноша, наклоняясь к самому его уху. — Вот она, Бартоло. Держи.

Карлик протянул руку в последних усилиях. Наконец, он вытащил какой-то маленький предмет, Клара его не разглядела, и вложил в руку товарища. Тот взглянул на него и больше не мог сдержать рыданий.

— Бартоло. Друг мой. Спасибо, спасибо.

И тут Монардес отозвал Клару в сторонку.

— Отправляйся на рынок и поищи ингредиенты для этого рецепта, — сказал он, протягивая листок бумаги.

Девушка собралась было спросить: "Сейчас?", но в последний миг выражение лица лекаря ее от этого удержало. Она взяла свой шерстяной плащ и пожала плечами. Выйдя на улицу, Клара прочла записку лекаря, почерк выглядел неровным и нервным.

"Эти люди — воры, при них отмычки и другие инструменты этого ремесла. Умиравшего кто-то жестоко избил. Мы не можем быть замешаны в подобном. Ступай на площадь Святого Франциска и приведи альгвасилов. М".

Клару охватила смесь страха и возбуждения. Воры! По пути к площади в ее голове роились беспорядочные мысли. Ей казалось несправедливым, что этого юношу, который несколько месяцев назад спас ее от альгвасилов, призовут к ответственности. Вскоре ее озарила ужасная мысль. А что если юноша поступил так, только чтобы отвлечь внимание,

пока его сообщник будет грабить? Каталина как-то рассказывала о подобном трюке, на который попадают лишь полные дураки да приезжие. Бывалые жители Севильи прижимают к себе ценности, когда проходят мимо толпы людей.

Она почти добралась до площади, когда заметила группу стражников, делавших привычный обход. Альгвасил остановился поговорить с человеком странного и малоприятного вида. Он послушно кивал, словно получая приказы от начальства, что удивило Клару, поскольку тот мужчина не был похож на судью, а больше на головореза в грязном плаще и с заляпанными жиром усами. Когда он повернулся, чтобы уйти, Клара заметила, что мужчина косит глазом.

Поскольку ей не было никакого дела до этого типа, она отвернулась. Сейчас важнее всего было выполнить поручение Монардеса.

— Альгвасил! Сюда, это срочно!

— Что случилось, сеньора? — спросил тот, пользуясь случаем покрасоваться перед женщиной.

Клара всё ему объяснила. Когда она закончила, альгвасил радостно вскричал:

— Мне только что сообщили, что эта парочка разыскивается за кражу важных бумаг у банкира Мальфини. Покажите, где они.

"Мальфини, — испуганно думала Клара, пока сопровождала их к дому Монардеса. — Этот человек ведет дела с моим хозяином. Что у него украли эти воришки?"

Она открыла ключом дверь, и альгвасил оттолкнул девушку в сторону. За ним последовали четыре стражника, слышался шум борьбы.

— Держите его!

Клара не могла ждать снаружи с остальными людьми альгвасила и вошла в дом. Карлик лежал на столе, уже мертвый. Кто-то уважительно закрыл его лицо платком. Монардеса прижали к стене, он был в ужасе от царившего в его аптеке насилия, угрожавшего разбить драгоценные флаконы.

Юноша стоял на коленях на полу, и альгвасил надевал на его запястья оковы. При виде Клары на лице молодого человека отразились разочарование и упрек.

Рабыня тут же пожалела о том, что делает, но было уже поздно.

— Подождите! — крикнула она.

— Что случилось, сеньора?

— Вы не можете его забрать, — сказала она, не в состоянии объяснить причину.

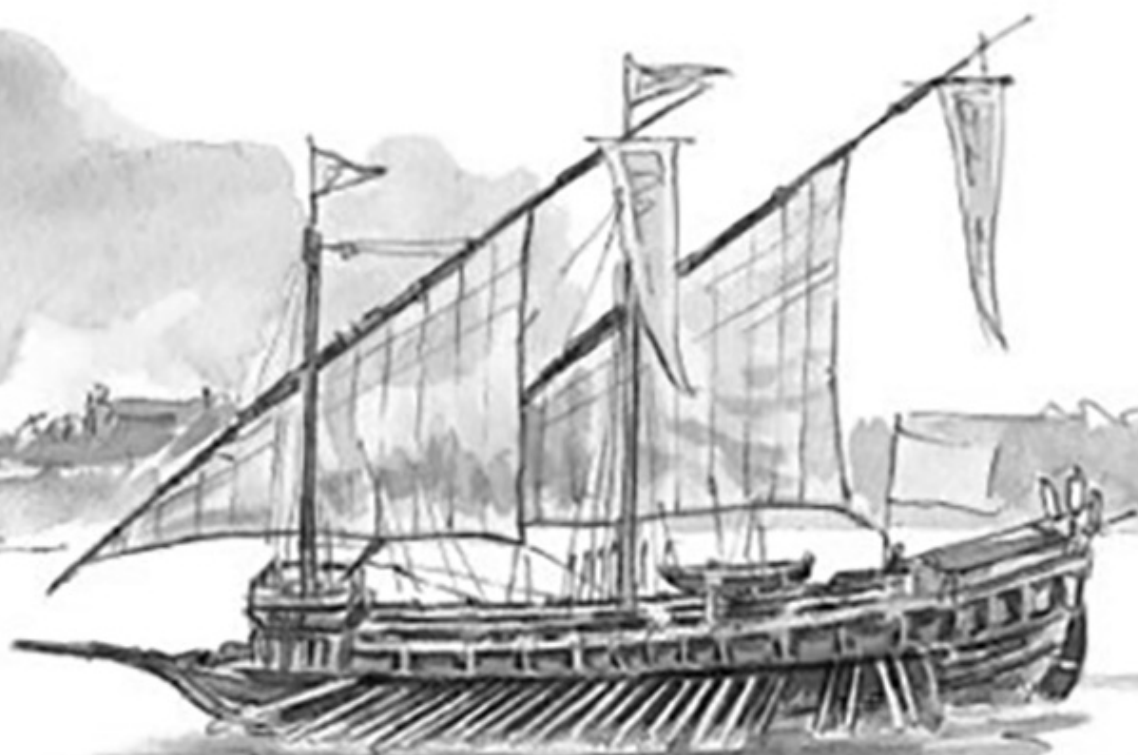
— Это не в вашей компетенции. Отойдите, будьте добры, — заявил альгвасил, не обратив внимания на ее просьбу. И повернулся к Санчо. — Ты обвиняешься в краже и нарушении спокойствия короля, мерзавец. Как тебя зовут?

— Меня зовут Санчо из Эсихи, — сказал молодой человек, глядя Кларе прямо в глаза, прежде чем стражники выволокли его на улицу.

Апрель 1589

—

август 1590

Хуже всего был этот голос.

Он мог стоически вытерпеть любую порку, адскую жару, запах дерьма и пота. Он готов был терпеть и непосильный труд, и голод, и полчища роящихся кругом мух, но что было для Санчо совершенно невыносимым — это голос надсмотрщика.

— На-ва-лись, на-ва-лись, на-ва-лись!

Постоянно звучащий в голове голос другого человеческого существа, управляющего его мыслями, приводил его, непокорного духом, в отчаяние. Только когда надсмотрщик уставал, эта назойливая песня сменялась звуком барабана, и для Санчо наступал покой. И тогда он начинал снова и снова перебирать в памяти события, которые привели его к этому положению.

Когда стражники схватили его в доме Монардеса в роковой день смерти Бартоло, то отправили в севильскую тюрьму. Никогда раньше он не бывал в таком огромном и многолюдном здании. Заключенные ютились во дворе и коридорах, шум голосов и драки никогда не прекращались. Несмотря на это, юноша едва помнил это место, поскольку сам находился внутри темной камеры вместе с еще тремя осужденными. Санчо забился в угол и не отвечал, когда те к нему обращались, и не притронулся к еде, которую стражники передавали им через окошко. Один из заключенных пощупал его одежду, чтобы проверить, нет ли при нем чего ценного, но Санчо ударил его по голове плоской, и тогда его оставили в покое.

Он тосковал на убогом тюремном ложе, душа его окаменела от боли утраты. Он не находил утешения и в том, что всё равно хотел покинуть Севилью. В любом случае, это делало конец карлика еще более горьким.

Шесть дней спустя тюремщики поставили его в длинную очередь вместе с другими заключенными — а было их около полусотни. Он видел страх на лицах своих товарищей по несчастью, пока очередь медленно двигалась в направлении стола, за которым расположился один из тюремщиков, доставая из ящика какие-то странные штуковины коричневого цвета. Когда подошел черед Санчо, он увидел, что это были широкие железные ошейники. Один из них тюремщик надел ему на шею и запер на ключ.

— Что вы собираетесь со мной делать? — спросил Санчо у своего тюремщика.

— Отправим тебя на галеры, парень, — ответил тот, примеряя ему то один, то другой ошейник. Лишь после нескольких попыток ему удалось подобрать тот, что оказался впору. — Погода как раз подходящая, корабли скоро выйдут в море.

Парнишка с трудом сглотнул, когда холодный ржавый металл коснулся его шеи. Бартоло нередко говаривал у костра темными ночами, что рано или поздно он окажется на галерах, но для Санчо это было не более чем страшной сказкой, ему казалось, что подобное может случиться с кем-то другим, но никак не с ним самим. И теперь перед его внутренним взором встали во всей красе все те пытки и казни, о которых рассказывал ему карлик.

— Не может быть! — выкрикнул он в бессильном отчаянии. — Меня даже не судили!

— Суд состоится через несколько месяцев. К тому времени ты успеешь вдоволь намахаться веслами на галерах.

— А потом меня вернут в Севилью — для того, чтобы судить?

— С какой это радости? — спросил тюремщик, глумливо усмехаясь. — Тебя в любом случае признают виновным.

Прошло немало времени, прежде чем до Санчо дошел истинный смысл этих слов. Да, разумеется, он был виновен. Но ему не пожелали дать ни единого шанса оправдаться, объяснить причины и обстоятельства... Именно это чудовищная несправедливость заставляла его сердце закипать от ярости.

— Это несправедливо.

Тюремщик пожал плечами. Он души потешался над растерянностью Санчо и его страданиями.

— Раньше надо было думать, прежде чем воровать. Следующий!

Заклоченных сковали общей цепью на расстоянии около метра друг от друга. В полдень караван покинул Севилью через ворота Херес в сопровождении троих верховых стражников, которые то и дело подгоняли заключенных и следили, чтобы те не переговаривались. Где бы ни проходил караван, повсюду над ними потешались и тыкали пальцами. Женщины смеялись, дети с швыряли в них камни и гнилые фрукты. Санчо пытался представить, как бы он сам вел себя на их месте. В эти минуты он дал себе клятву никогда не смеяться над чужим несчастьем.

Однако намного хуже, чем сами камни, было то, что они сбивали с ног. Всякий раз, как один из каторжников падал на землю, он увлекал за собой еще несколько человек. Когда это впервые случилось с Санчо, железный ошейник поцарапал ему кожу, после чего он решил принять меры предосторожности, придерживая цепь обеими руками, чтобы она не так сильно дергала.

В первую же ночь парнишка сумел отпереть замок при помощи прутика. Это оказалось не так и сложно. Разумеется, будь при нем отмычки Бартоло, он бы это сделал и вовсе в одну минуту, но все инструменты карлика так и остались в доме Монардеса, в беспорядке разбросанные по полу. Санчо утешал себя тем, что ему едва ли удалось бы уйти далеко от вооруженный стражников верхом на быстрых конях.

Утром четвертого дня они прибыли в Кадис. Тюремщики отвели их в гавань, где стояли в ожидании десятки кораблей. Увидев море, Санчо на миг забыл об усталости. Никогда прежде не видел он ничего прекраснее. Рокот волн и соленые брызги на миг подарили ему счастье.

"Там, по другую сторону — Индии... — думал он. — Быть может, когда-нибудь..."

Его галера называлась "Сан-Тельмо". Она лишь на пару метров возвышалась над водой, и ее корпус угрожающе поскрипывал при каждом ударе волны.

Матросы оставили свои дела, глядя, как тюремщики снимали с заключенных цепи, и те один за другим поднимались на борт. В отличие от большинства людей, попавшихся им по пути, жители Кадиса сочувствовали несчастным.

Санчо, поднявшийся на борт одним из первых, едва мог рассмотреть палубу корабля или остановить взгляд на гигантских желтоватых парусах, на которых был грубо вышит королевский герб.

— Пошел, скотина! Это не твое место. Вниз!

Люк вел к нижней палубе галеры. Пока он спускался по трапу, в нос ударило зловоние. Санчо несколько раз моргнул, чтобы глаза привыкли к темноте, но кто-то дернул его за кольцо, всё еще висящее на шее, и заставил встать на колени.

— Имя? — спросил чей-то тихий голос.

— Санчо из Эсихи, — ответил тюремщик.

— Ни с места, скотина! Стой, пока тебе уши не обкорнали!

Он увидел, как возле самого его лица сверкнуло лезвие ножа, и почувствовал, как его рывком дернули за волосы, оттянув голову назад. Сперва он подумал, что его хотят зарезать, но оказалось, что собираются всего лишь побрить.

Он оказался на большой площадке на носу, где стояли скамья и огромный кожаный барабан. Эту площадку делил пополам узкий проход, конец которого терялся где-то во тьме. Над проходом торчали ряды чьих-то голов. Несмотря на многолюдность, не слышно было ни единого голоса.

"О Боже милосердный! Куда я попал?"

— Встань и повернись, — приказал тот, что брил ему голову, когда закончил свое дело.

Санчо повернулся и оказался лицом к лицу с крепким седеющим человеком, который с минуту молча его рассматривал. Его глаза напомнили Санчо глаза ящерицы.

— Возьми камень, что лежит у твоих ног, и держи его в руке, — сказал он. — Не отпускай, пока я не скажу.

Санчо повиновался. Камень был размером с изрядную дыню и весил немало. Седой человек очень медленно принялся считать вслух; Санчо казалось, что его напряженные мускулы вот-вот лопнут. Когда незнакомец досчитал до двадцати, Санчо не выдержал и повалился лицом вперед, но камня не выпустил.

— Не могу больше... — простонал он.

Седой размахнулся и ударил его.

— Будешь говорить, когда тебе скажут, — пояснил он всё тем же тихим голосом. — А сейчас начнем сначала.

Он снова принялся считать, и на сей раз Санчо готов был поклясться, что перед каждой цифрой он успевает прочитать "Отче наш". Время тянулось со скоростью черепахи, напряженные мышцы предплечий превратились в сплошную боль. Парнишка закрыл глаза, напрягая всю свою волю, чтобы удержать камень.

— Хватит, — сказал наконец седой. В голосе его звучало неподдельное удивление. Но Санчо как будто не слышал; казалось, он и сам окаменел и даже не понял, до скольких на этот раз досчитал седой. — Я сказал, достаточно.

Санчо медленно опустил камень на настил. Он тяжело дышал, и глаза его казались остекленевшими. Казалось, он вот-вот рухнет, однако всё же держался на ногах.

Седой поглядел на него в последний раз. С минуту он помедлил, но в конце концов всё же обратился к тюремщику, который привел его на корабль.

— Шестое весло. Третье место на скамье.

Схватив за плечи ошеломленного Санчо, тюремщик толкнул его в узкий проход. Сквозь царившую в трюме непроглядную темноту лишь иногда пробивались сквозь щели в палубе тонкие лучи света, порой слышался чей-то кашель.

— Сюда!

Тюремщик дернул Санчо за ошейник и толкнул его вниз по трапу. В потемках Санчо на что-то наступил — кажется, это были чьи-то ноги. Он почувствовал, как его толкнули, заставив сесть на скамью. Затем с него стащили сапоги и застегнули вокруг правой ноги железный браслет.

Потом он остался в одиночестве, в полной темноте. Никогда еще ему не было так страшно.

Его звали Габриэль Саутиньо, однако каторжники называли его просто Ворон.

Но, разумеется, только за глаза. Ни один гребец не осмелился бы назвать надсмотрщика в лицо этим прозвищем. В лицо они обращались к нему со всем уважением, в ложном смирении подняв руки, что его очень сильно раздражало. Когда эти отбросы общества с почтением и подобострастием заглядывали ему в глаза, он прекрасно понимал, что куда с большим удовольствием они загнали бы ему в почку острый обломок весла. А такое случалось нередко, ибо все гребцы ненавидели своих надсмотрщиков и мечтали отправить их на тот свет, видя в них главных виновников своих страданий.

Но сам Габриэль любил своих гребцов — всех вместе и каждого в отдельности.

Он состарился на этой службе. Совсем не об этом он мечтал, когда двадцать пять лет назад поступил в Королевскую Армаду юнгой. Сейчас ему было года сорок два или сорок три — он и сам точно не помнил — и он успел послужить на одиннадцати кораблях, прежде чем попал на "Сан-Тельмо".

Начинал он с того, что драил палубу и чинил паруса, как и все новички на флоте. Ему нравилось ощущать бьющий в лицо ветер и солнечный зной на своих плечах. Настоящей карой стал для него приказ капитана в тот день, когда корабельный надсмотрщик внезапно свалился с поносом и лихорадкой.

— Эй, ты, галисиец, — окликнул капитан, указывая на него своей позолоченной тростью.

Габриэль тут же встал перед ним навтыяжку, с нетерпеливой готовностью ожидая приказа. Этот человек в красном хубоне и плундрах, с золотым галуном на груди, казался ему равным если не Богу, то, по меньшей мере, королю. Он крайне редко снисходил до разговоров со своими подчиненными, отдавая все распоряжения через помощника.

— Слушаю, ваше превосходительство, — ответил Габриэль, со склоненной головой приблизившись к капитану.

— Сколько лет ты провел в море?

— Три года, ваше превосходительство.

— Умеешь бить в барабан?

— Да... Да, ваше превосходительство.

— Вот сейчас и посмотрим, как тебе это удастся.

Эта работа отнюдь не была почетной, совсем наоборот. Работа надсмотрщика была крайне неприятной, грязной и опасной, никто из матросов по доброй воле за нее бы не взялся. Никому не хотелось проводить бесконечный часы в вонючем трюме, в нестерпимой духоте, истязая кнутом других людей. Габриэль почувствовал, что отныне его жизнь переменилась навсегда.

Через два дня Габриэль уже и сам не мог понять, почему же согласился. Знал только, что причиной тому было вовсе не золото, не вино, не слава и не женщины, которых он и вовсе не находил привлекательными. Просто, задавая гребцам ритм своим бархатным голосом, он вдруг понял, что нашел свое призвание. Он молил Бога, чтобы прежний надсмотрщик не оправился от лихорадки, и даже подмешал ему в вино изрядную порцию ртути, чтобы он уж точно никогда не поднялся.

И теперь Ворон являлся самой важной персоной на королевском флоте. Бесспорно, флотом командовал монарх, а непосредственные приказы отдавал капитан, однако скорость корабля, которая в конечном счете всё и решала, зависела именно от него. Именно от него зависело, успешной ли будет атака, сможет ли корабль занять удобную позицию для абордажа. В то же время он был вынужден постоянно быть начеку, прислушиваться к каждому скрипу, отслеживать малейшее нарушение дисциплины. Узкий проход, разделяющий два ряда гребцов, мог стать для него смертельной ловушкой: один неверный шаг, скольжение, удар морской волны — и он мог, потеряв равновесие, упасть на одну из скамеек, в самую гущу разъяренных гребцов... и навсегда попрощаться с жизнью.

А ведь они только и ждали, когда это случится. Они прятали обломки под обтягивающей скамьи кожей, под своими лохмотьями, даже в собственных задницах. Каждые два или три дня ему приходилось делать обыск, чтобы изъять эти куски дерева, утыканные гвоздями, оторванные от бортовой обшивки или с палубы, или переданные им гребцами-добровольцами, когда те возвращались с палубы. По ночам они точили эти обломки о собственные кандалы, пока не получалось тонкое острие в шесть или семь пальцев длиной. Вполне достаточно, чтобы пронзить горло или продырявить почку — даже "Аминь, Иисусе" сказать не успеешь.

А ведь это была не единственная опасность. Эти сукины дети и без шила могли отправить на тот свет. Они могли задушить своими цепями или вытолкнуть к корме, передавая из рук в руки, а по пути разрывая зубами. Уже у мачты он был бы мертв, в особенности, если первые нападавшие перегрызли бы шею или прокусили подмышки.

На рассвете, когда все спали, Габриэль любовно поглаживал свои старые шрамы. За двадцать лет службы надсмотрщиком он падал на скамью с гребцами всего трижды. Первое такое падение оставило память в виде двух прекрасных белых полос на ребрах — след от деревянного острия, с которым встретилась его грудная клетка, чудом избежав проникновения внутрь. После второго случая осталось несколько укусов на руке, которые очень долго не заживали. Из-за них он несколько недель провалялся в горячке, в самый разгар сражения с турками, так что его койка на носу постоянно раскачивалась. В утешение корабельный лекарь сказал, что человеческие укусы убивают вернее, нежели укусы собаки или змеи, и посоветовал приготовиться к переселению в лучший мир. Рука у него распухла и почернела, однако он выжил.

Капитаны галер никогда не наказывали гребцов за нападение на надсмотрщика, если оно не кончалось убийством; в этом случае виновных надлежало вздернуть на рее. Если виновных было более трех, бросали жребий. Капитан не мог себе позволить потерять слишком много гребцов, иначе корабль утратил бы свою быстроходность и сделался бесполезным. Заполучить новых гребцов становилось всё труднее, и судьям пришлось даже ужесточить кару за мелкие прегрешения, чтобы обеспечить гребцами королевский флот. Некоторые оказались здесь за то, что украли полмешка пшеницы, чтобы прокормить семью.

Попасть на галеры было хуже смертной казни, и гребцы это знали, так же как и то, что у них будет больше возможностей освободиться, если они нападут большой группой. Поэтому надсмотрщики обычно не задерживались на своем посту, а капитаны никогда не наказывали нападавших. Они поручали это самому заинтересованному лицу, с особой рекомендацией — постараться не слишком изувечить гребцов.

Несколько недель Габриэль придумывал для них подходящее наказание.

Когда он поднялся на ноги, то первым делом велел установить в центре прохода

горящую жаровню. Взяв железный прут, он поместил его в самую середину тлеющих углей, с удовлетворением наблюдая, как на лицах гребцов проступает ужас. Отрядив нескольких солдат, он велел привести тех троих гребцов, что его укусили. Медленно, очень медленно извлек он из жаровни раскаленный прут и поднял его вверх, чтобы всем было видно. Затем поднес этот прут к самым глазам виновных, не прикасаясь к коже. Они зажмурились, но это не помогло: роговицы все равно были выжжены.

— А теперь — всем грести, — как ни в чем не бывало произнес он своим мягким голосом, когда стоны преступников перешли в приглушенные крики. — А не то следующими окажутся ваши яйца!

Когда он упал в третий раз, никто не поднял на него руку.

На протяжении долгих лет он всё совершенствовал и совершенствовал свою методику.

В первый же день вновь прибывшие гребцы оказывались в трюме, в полной темноте, куда их стлкаливали по трапу, как скотину. На помосте надсмотрщик тут же брил их наголо — чтобы не заводились вши и чтобы гребца легче было опознать, если кто-то из них, паче чаяния, исхитрится сбежать. Только маврам, когда они попадали ему в руки, он оставлял клочок волос на макушке, что казалось Ворону фантастической находкой. Нет, дело было вовсе не в том, что он заботился об этом дерьме Аллаха, что именуют себя его сынами: чтобы, дескать, после их смерти Аллаху было за что ухватить своих верных сынов, чтобы втащить их в рай; просто эти оставленные длинные пряди предоставляли ему немало интересных возможностей.

Например, он в любую минуту мог обрезать у них эти пряди — если мавры начинали плохо себя вести или при столкновении с турецкой галерой. Именно это более всего приводило в бешенство этих свиней, которые тешили себя надеждой, что братья по вере захватят ненавистный корабль, ворвутся в трюм и их освободят. Однако всем и каждому было понятно, что без этих пучков волос в темноте трюма братья по вере их не узнают и вместе со всеми прочими отправят в ад, или как там он у них называется, у этих неверных.

А еще можно было ухватить со всей силы за конец этого пучка волос и заговорить с ними своим тихим бархатным голосом, который вполне мог принадлежать самому Аллаху.

Именно это больше всего любил Ворон в своей работе: упоение властью над более чем двумя сотнями несчастных заключенных, что послушно ворочали веслами под его удивительный голос. Что там все эти глупые барабаны и трубы, наводившие на него тоску, к которым он прибегал лишь в тех случаях, когда у него болело горло.

Обрив новичка, он приказывал ему поднять огромный камень и держать на весу, сколько хватит сил. Это давало ему возможность оценить, насколько силен новичок, и на какую позицию его следует определить. Из пяти позиций на скамье самой важной была первая. Таких гребцов называли "омарами": первая позиция требовала от гребца огромной силы и мастерства, поскольку именно он направлял весло и на него приходился наибольший вес. Рядом с "омаром" помещался "апостол", этим достаточно было одной лишь силы. Третья позиция была самой удобной, поскольку этот гребец не испытывал такой нагрузки, как первые двое, и ему не приходилось наклоняться так низко, как тем, кто сидел на четвертой и, тем паче, на пятой позиции; эти последние оказывались прямо-таки притиснутыми к борту.

Но не только поэтому он заставлял их держать камень. Меньше всего его интересовало, сколько времени тот или иной новичок его продержит; в конце концов, при гребле работают совершенно иные мышцы. Нет, Ворон прежде всего хотел заглянуть им в глаза в минуту

напряжения, ведь за долгие годы он научился читать в душах людей. Например, случалось, что у широкоплечего, грозного с виду детины оказывался взгляд обиженного ребенка. Такими глазами смотрит агнец перед закланием, и Ворон знал, что такой человек долго не протянет.

Как и те, кто пытался с ним заговорить, как этот тощий зеленоглазый мальчишка из последней партии. Он сначала собирался посадить его на четвертую или пятую позицию, поскольку у него были слишком тонкие руки. Он был совсем юным, почти ребенком, но чем-то неуловимо отличался от сверстников. Он просил пощады, но просил лишь губами, а не сердцем. В голосе его отчетливо звучала сталь. А когда Ворон начал новый отсчет, парнишка продержался вдвое дольше.

Именно этим он приглянулся Ворону. Этот мальчик подойдет для его гребного механизма.

После бритья головы и испытания силы Ворон отправил мальчишку на его место, где он в полном молчании должен был ожидать, пока все новички будут должным образом обожены и прикованы. Ворон прекрасно знал, как они томятся неопределенностью, и никогда не упускал случая добавить масла в огонь, произнеся перед ними свою знаменитую приветственную речь. Перед этим он всегда выдерживал эффектную паузу, чтобы полюбоваться выражением страха и тоски на их лицах, прежде чем начать вещать...

— Открыть люки!

Моряки на палубе подчинились. Шесть гигантских столбов света внезапно ворвались на нижнюю палубу, и все гребцы подняли руки перед глазами, чтобы защититься от яркого света.

К Санчо быстро пришло осознание, что собой представляло место, где он должен отбывать наказание. Бартоло несколько не преувеличил: это был ад. Юноша был прикован к деревянной лавке, обтянутой кожей, той же самой цепью, что и три других гребца. Двое слева, унылые и голодные, злобно смотрели на него. Испуганный, он обернулся направо и обнаружил там гиганта.

Юноша уже видел негров раньше, в Севилье их были сотни, если не тысячи. Но никогда таких чудовищных размеров. Его руки были вдвое толще ног Санчо и походили на кожаные мешки, наполненные огромными дынями. Как и у остальных гребцов, его голова была выбрита налысо, и юноша с любопытством ее разглядывал. У великана было приветливое лицо с огромным лбом, а на его подбородке можно было колоть орехи.

— Внимание! — крикнул надсмотрщик.

Сооруженный на огромных ящиках помост, очертания которого угадывались в темноте, доходил Санчо до подбородка. Он делил нижнюю палубу пополам, а сверху стоял надсмотрщик с широко расставленными ногами и скрещенными руками. На нем были плундры и сапоги, торс покрывал жилет из черной кожи. В руках надсмотрщик вертел короткий кожаный хлыст, невозмутимо поглаживая его.

— Мое имя Габриэль Соутиньо, но все зовут меня Вороном. Вы будете называть меня сеньором, — он сделал несколько шагов вперед. — Вы находитесь на борту "Сан-Тельмо" из-за ваших грехов. Король соизволил не вешать вас, чтобы вы послужили движущей силой его кораблей. Когда закончится этот день, вы будете проклинать его за это. Когда закончится эта неделя, вы будете проклинать свою мать за то, что вас родила. Более половины из находящихся здесь умрет в течение двух лет, так что не о чем излишне беспокоиться.

С дальних скамеек донесся легкий гул голосов, Ворон прекратил его, щелкнув хлыстом в воздухе.

— Тихо! Первое правило — никаких разговоров во время гребли. Я хочу полную тишину, что бы ни происходило. Скажете всего слово, и эта штука приласкает вашу спину. Во время гребли здесь не слушают ничей голос, кроме моего, чтобы удержать ритм. Есть и другая причина. Посмотрите на пол.

Санчо подчинился и не смог удержаться от гримасы отвращения. Вонючая грязь, которую он ощущал под голыми ногами, была человеческими испражнениями.

— Вы, омерзительный сброд, не покинете эту скамью в течение ближайших семи месяцев. Вы будете спать на своем месте, есть на своем месте и срать на своем месте. Каждый день двое из вас будут выливать на пол несколько ведер воды, но результат всегда будет одинаковым. От галер несет дерьмом за много миль. Чертовы мавры со своими острыми носами чувствуют их, англичане с их белесыми носами тоже их чувствуют. К счастью, дерьмо неверных и еретиков воняет так же плохо, как и наше, так что в итоге всё зависит

лишь от того, в какую сторону дует ветер, — надсмотрщик сделал театральную паузу, широко раскинув руки. — А теперь представьте, что кто-нибудь из вас, сукиных детей, пожалуется посреди ночи на ноющую мозоль при попутном ветре. Любой мавр сможет прийти и пустить нас ко дну. Так что с отбоя и до утра тоже должна быть полная тишина. Вы меня поняли?

Никто ему не ответил.

— Это мне нравится. А теперь вы узнаете, для чего служит бревно перед вам, — сказал он, указывая на одно из весел. — Вы полюбите его безумно и еще долго не прекратите его обнимать. Снять одежду!

Ошеломленный, Санчо смотрел, как все закаленные галерники без колебаний разделись. Было легко определить новичков, подобных ему, которые не решались избавиться от одежды на людях.

— Второе правило — подчиняться! — произнес Ворон. Он прошелся между скамьями, раздавая жестокие удары хлыстом направо и налево. Санчо быстро стянул с себя рубашку, пока тот до не добрался до него, и тут же пожалел, что не начал со штанов. Кнут ударил его между голыми лопатками, и боль была такой мощной, неожиданной и короткой, что на мгновение он засомневался, был ли удар в полную силу. Но страшное жжение тут же освободило его от этого заблуждения.

— Быстро! Когда атакуют турки, у вас не будет столько времени!

Санчо связал вместе рубашку и штаны, хотя и не знал, куда их положить, и на мгновение испугался, что ему придется положить их на этот мерзкий пол. Затем он увидел, что остальные наклонялись под скамью, и там обнаружил небольшое пространство, куда смог впихнуть одежду.

Совершенно обнаженный, он поднял взгляд и увидел спины гребцов на скамье впереди, от чего тут же совершенно упал духом. Все они были снизу-доверху испещрены длинными шрамами, которые складывались в картину настоящей жестокости. Едва ли были места, избежавшие хлыста надсмотрщика.

"Я уже получил свой первый шрам, — подумал он. — Хотя еще даже не начал грести."

Ворон приказал им схватиться за весло в нижней его части. Удивленный Санчо обнаружил, что, в отличие от маленьких лодок, которые он видел на Бетисе, гигантские весла галеры нужно было не тянуть, а поднимать изо всех сил, вставая на ноги, а затем что есть мочи шлепаться задом на скамью. За каждым веслом обычно было закреплено пятеро гребцов, но чудовищная мощь негра, нажимавшего с медвежьей силой, позволило уменьшить это число до четырех.

— Гребите, отребье. Гребите, пока из вас дух не выйдет! — взревел Ворон. — Даже эта северная шляха Елизавета Английская делала бы это охотнее вас!

Первая тренировка длилась два часа, что для гребли было обычной продолжительностью. Два часа гребли, два отдыха и всё заново, и так четырежды за день. Ко времени отдыха у Санчо все ладони покрылись волдырями, спина и плечи разрывались от боли, а мягкое место было разбито от стольких ударов о скамью.

Пока заключенные заново одевались, издавая жалобные стоны, юноша заметил на своем плече огромную ручищу. Это был негр, схвативший его за рубаху. Санчо возмутился, но тот покачал головой и оторвал от края рубахи длинную полосу ткани, а потом протянул ее Санчо.

— Почему ты это сделал?

Негр поднес руку ко рту и помотал головой.

— Ты не можешь говорить?

Тот кивнул и показал себе между ног. Санчо уставился на огромный член негра, и заметил, что тот обмотан привязанной к ноге кожаной тесемкой, выполняющей роль бандажа. заключенные не носили одежду во время гребли, потому что та тут же превратилась бы в лохмотья от трения со скамьей. Но подобная система предотвращала натертости в разных частях тела.

— Спасибо, — Санчо попытался улыбнуться. — Как тебя зовут?

— Его зовут Хосуэ, — прошепелявил слева чей-то противный голос. — Он нем, как мул, и так же туп.

Юноша обернулся. Двое других, с которыми он был скован на скамье, не сводили с него глаз.

— Откуда вы тогда знаете его имя?

— Его имя назвал альгвасил, который доставил его сюда год назад. Кстати, меня зовут Антонио Оканья, а это — Франсиско Камара.

— Лучше называй Мертвяк и Сраль! — раздался голос с задних рядов.

Мертвяк обернулся и бросил назад яростный взгляд, но ничего не ответил. Он выглядел жутковато, и не понравился Санчо с первого взгляда. Сраль, сидящий правее, был мелким и шумным существом, хихикающим над каждой шуткой своего приятеля.

— Как видишь, кое-кто наградил нас мерзкими кличками, — сказал Мертвяк.

— А он? — поинтересовался Санчо, махнув в сторону надсмотрщика, который, похоже, дремал на носу, на помосте. — Почему его называют Вороном?

— Потому что выклеывает глаза врагам. Опаснейший мерзавец. Сейчас он там, притворяется спящим. А на самом деле никогда не закрывает глаза, вечно за нами наблюдает. Однажды я его прибыю, — заявил он, почесав затылок.

— Ну конечно, все, кто тебе не по душе, помирают! — послышался всё тот же насмешливый голос с задних рядов. Санчо понял происхождение прозвища Франсиско Мертвяка.

— А ты, новичок? — спросил Сраль.

— Меня зовут Санчо из Эсихи, я здесь, потому что был вором.

— Как и все, — откликнулся Мертвяк. — Хотя ты понравился Ворону, новичок.

— Да уж, конечно.

— А почему тогда он поставил тебя третьим?

— Это лучшая позиция на скамье, — объяснил Сраль.

— Никто не получает место третьего, не заплатив, — заверил его Мертвяк. Не сомневаюсь, что однажды ночью он позовет тебя на свой тюфяк. Ему нравятся симпатичные мальчики.

— В этом вы похожи, Мертвяк! — откликнулся голос из-за спины. — Присматривай за своей задницей нынче ночью, новичок!

Мертвяк обернулся, и на сей раз в его глазах зажегся огонек настоящего убийцы, хотя Санчо этого не заметил. Он перестал обращать внимания на Мертвяка, потому что слишком болели руки. Ладони и кончики пальцев кровоточили, и он не знал, как остановить кровь. Он собирался поплевать на ладони, но тут Хосуэ остановил его и протянул нечто, что вытащил из-под одежды.

Это был мешочек из свиной кожи, наполненный густой мазью. Санчо поднес его к носу

и тут же отворотил лицо. Пахло землей, уксусом и мочой. Он вернул мешочек негру, покачал головой в отказе, но Хосуэ не собирался принимать такой ответ. Он взял руки Санчо в свои и выдавил мазь на раны. Юноша пытался протестовать, но тут же почувствовал, как боль утихает, почти исчезнув.

Когда в первую ночь объявили отбой, заключенные расположились на скамьях, как могли. Чернокожий Хосуэ был слишком огромным, ему пришлось поднять ноги и вытянуть их в сторону прохода.

Обессиленный Санчо свернулся калачиком и закрыл глаза. Несмотря на усталость, он долго не мог заснуть, страдая от невыносимой жары и безутешных рыданий одного из заключенных, которые мрачным эхом отражались от бортов. Юношу охватила тоска, но сон одолел его прежде, чем хлыст надсмотрщика утихомирил плаксу.

Через некоторое время он проснулся, почувствовав, что на него навалилось чье-то тело. Сумеречные тени сменились полной темнотой, и он не понимал, что происходит. Санчо ощутил у щеки зловонное дыхание и собирался уже поднять тревогу, когда услышал едва различимый шепот в ухо.

— За крик во время отбоя тебя повесят. Хотя до этого не дойдет, потому как я убью тебя раньше.

Он почувствовал прикосновение острого предмета к шее, прямо под челюстью, ощутил, как по коже бежит струйка крови, а страх сжал ледяной хваткой легкие.

— Не шуми, парень. Это не займет много времени, — шептал голос. — Потом я о тебе позабочусь. Вот увидишь, я щедрый.

Санчо хотел бороться, но другой человек держал его руки за спиной. Он резко откинул голову назад с намерением сломать нос обидчику, но тот предусмотрел удар и подставил плечо.

Внезапно Санчо услышал глухой удар, за ним последовали еще два. На короткий миг настала тишина, а потом Санчо заметил, что державший его человек исчез.

Он с трудом заснул снова, страшась возвращения насильника, но под конец усталость взяла свое. На следующее утро у Мертвяка обнаружился фингал под глазом и разбитая бровь. С этой минуты они больше не обменялись ни словом, и Санчо понял, что нажил смертельного врага. Но также и неоплатный долг перед чернокожим Хосуэ, который рос день ото дня, и Санчо не знал, как сможет расплатиться.

В первые недели они не вышли за пределы гавани и ее тихих вод. Новым гребцам предстояло научиться своему ремеслу, прежде чем капитан "Сан-Тельмо" отважится выйти в открытое море, и это была на редкость сложная задача. К концу дня Санчо полностью изматывался и ночью едва находил силы одеться, прежде чем рухнуть на скамью и заснуть.

К прочим лишениям добавилась еще и крайне скудная кормежка. По утрам каждому гребцу выдавали на целый день килограмм сухарей. Собственно говоря, это был дважды испеченный хлеб, очень соленый и твердый, словно камень, их приходилось размачивать в воде, чтобы не сломать зубы. Причем, если поначалу они были хотя бы относительно чистыми, то в последующие долгие месяцы Санчо приходилось очищать их от плесени и червей. При этом он с отвращением наблюдал, как иные гребцы не только их не выбирают, но даже сами ловят этих самых червей, ползущих по их пальцам, и съедают. Санчо не хватало решимости последовать их примеру.

Кроме сухарей гребцам давали две миски варева на обед и ужин. Сегодня это были бобы, завтра — горох-нут, и так — каждый день, в их бесконечной унылой чередой. Кстати, до Санчо очень скоро дошло, почему приятеля Мертвяка прозвали Сраль, и он не раз облегченно вздыхал, когда надсмотрщик оставлял соседа без ужина. Бывали дни, когда гребцы работали не столь споро, как требовал от них Ворон, и тогда он превращал трюм в огромную отхожую яму. Он вызывал парочку матросов, и те выплескивали под ноги гребцам целые ведра воды, чтобы смыть продукты жизнедеятельности гребцов, которые были вынуждены делать свои дела прямо под себя. Эта коллективная пытка, которой подвергались гребцы, казалась еще невыносимее по сравнению с аппетитным запахом жареной ветчины, который доносился с палубы. У Санчо живот сводило от голода, когда он наблюдал за обедом матросов и гребцов, работающих за жалованье.

К этим последним относились бывшие каторжники, у которых закончился срок, но они так и не смогли найти другого средства заработать на жизнь. Поэтому они возвращались на галеры гребцами-добровольцами и получали жалованье. Кроме того, они не носили оковы, спали на палубе и питались вместе с матросами. Каторжники их презирали, ибо они являли собой как раз то, что могло ожидать их в будущем. И, разумеется, каторжникам было мало радости любоваться образцами столь черной судьбы — и это еще если удастся выжить.

Смерть была, к сожалению, обычным явлением на борту корабля. Еще до того, как галера вышла в открытое море, Санчо увидел смерть двух каторжников — таких же новичков, как он сам, и оба не выдержали чудовищных усилий. В конце апреля, когда капитан решил, что большинство гребцов годятся для мореплавания, "Сан-Тельмо" взял курс на Менорку с приказом патрулировать воды рядом с островами. Еще по пути они потеряли еще двоих. Однажды один из гребцов вытаращил глаза с ужасной гримасой на лице, не в силах вздохнуть. В ту же ночь он выгнул дугой спину и заорал, что не может пошевелиться. Корабельный хирург послал за больным пару человек, а тем пришлось воспользоваться веревкой, чтобы поднять его через люк, настолько он окостенел и скрючился.

— Столбняк, — сообщили ветераны, глядя на него, Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы по тону их голосов понять, что этот человек скоро станет покойником.

Второй умер, потому что оказался не в силах выдержать темпа. Он сидел пятым на

весле и, когда надсмотрщик повернулся к нему спиной, сунул руку в бронзовую уключину. Послышался ужасный хруст ломающихся костей, и несчастный взвыл, как безумный. Ворон тут же повернулся и приказал остановить греблю. В люк немедленно просунулась голова разъяренного боцмана.

— Что, черт возьми, происходит?

Ворон, едва взглянув на стонавшего на полу человека, тут же смекнул, что произошло. Печальными глазами он посмотрел на боцмана.

— У нас дезертир, сеньор.

Боцман побледнел. Это был еще совсем молодой парень, недавно назначенный на эту должность, и сейчас он должен был впервые отдать жестокий приказ, столь претивший его натуре. Иногда гребцы нарочно калечили себя, наивно полагая, что если станут бесполезными, король освободит их от каторги. Увы, кара для этих бедолаг была только одна, и боцман не решался объявить ее вслух.

— Вы уверены, что он нарочно? — спросил он, опасно свесившись из люка. Люк находился прямо над Санчо, который боялся, что еще чуть-чуть, и тот свалится прямо ему на голову.

Ворон снова бросил взгляд на пятого гребца, который ни на мгновение не прекращал стонать и взывать к Пресвятой Деве и всем святым с просьбой о милосердии. Надсмотрщику тоже не хотелось отдавать этот приказ. Он терпеть не мог терять винтики в своем механизме.

— Боюсь, что да, сеньор, — ответил он, презрительно сплевывая в проход. Он хотел побыстрее покончить с этим. Еще больше он ненавидел прерывать греблю. Потом потерянный темп не наверстаешь.

— Мне нужно посоветоваться с капитаном.

Боцман исчез.

Санчо спрашивал себя, неужели никто не поможет несчастному страдающему гребцу, но для этого всё равно не хватило бы времени — снова появилась голова боцмана.

— Капитан высказался яснее ясного, надсмотрщик, — сказал боцман, несколько успокоенный тем, что не ему пришлось взять на себя столь тяжкую ответственность. — Сказал, вы и сами знаете, что надлежит сделать.

Ворон кивнул и приблизился к цепи на первой скамье. Он уже держал в руке ключ и вручил его соседям пятого гребца.

— Расковать. Всех пятерых.

Пока с гребцов не сняли оковы, он не спускал с них глаз, и тут же забрал ключ назад.

— Тащите его к мачте.

Соседи пятого гребца встали. Тот огляделся вокруг затуманенным слезами взглядом, прижимая поврежденную руку другой рукой. На месте левой осталась лишь бесформенное месиво, распухшее и покрытое багровыми пятнами.

— Где костоправ? — пробормотал он.

— Для дезертиров — никаких костоправов.

Гребец вытаращил глаза.

— Что? Я не дезертир! Это был несчастный случай, господин!

— Тебе пришлось слишком далеко протянуть руку, чтобы произошел этот несчастный случай, подонок.

Остальные подтащили его к мачте, несмотря на сопротивление. Люк остался открытым,

и оттуда кто-то бросил веревку с петлей на конце.

— Нет! Бога ради! Пощадите!

Ворон не обратил на него ни малейшего внимания. Он надел петлю на шею и отдал команду. Веревка резко натянулась, и тело гребца немного приподнялось. Его ноги еще касались помоста, а ногти заскрежетали по дереву.

— Поднимите повыше, а то никак не помрет!

Веревку тут же рванули еще раз, и гребец оказался в ладони от пола. Он еще дергался, когда Ворон обратился к каторжникам.

— Это украшение поболтается здесь еще пару дней, чтобы напомнить вам, как мы не любим несчастные случаи. А теперь — навались.

Последующие дни стали для гребцов кошмаром. Некоторые поговаривали, что четыре смерти за такое короткое время — это уж слишком, корабль наверняка проклят. К тому же Ворон после казни дезертира стал особенно злобным и постоянно пользовался хлыстом, прибегая к нему по малейшему поводу, дух каторжников упал как никогда.

И тут случилось нечто, что потрясло гребцов, и на борту "Сан-Тельмо" всё изменилось.

В определенном смысле случившееся было неизбежно, поскольку надсмотрщик задал слишком быстрый темп гребли, без всякой необходимости удлиняя вахты и в качестве наказания время от времени лишая гребцов порции бобов. Люди находились на пределе.

Гребцы нередко совершали ошибки. От них требовалась не только сила, но и умение. Им приходилось действовать очень внимательно, чтобы раз за разом доводить весло до нужной позиции. Они должны были погружать его в воду под правильным углом и поворачивать, когда оно оказывалось внизу, именно это движение и толкало корабль вперед. А потом в том же темпе повторять маневр, отводя весло назад.

Когда им это не удавалось, то случалось множество мелких неприятностей. В один особенно жаркий день Хосуэ вспотел, и пот на мгновение затуманил его взор. И в тот же миг гребец перед Санчо неловко дернулся, прищемив ему ногу. Два новичка начали наваливаться на весло в самый неподходящий момент, и в результате оно застыло под странным углом.

Весла столкнулись, двигаясь в противоположных направлениях. Весло Хосуэ упало на другое, расщепив его лопасть пополам.

— Выше! Выше весло, мать вашу!

Разъяренный Ворон несколькими огромными скачками пробежал по проходу. Выглянув из носового иллюминатора, он понял, что произошло, и его лицо стало багровым.

— Да будь вы прокляты!

Он добрался до пятой скамьи, где случилась поломка, и начал избивать гребца, по чьей вине она произошла.

— Это он виноват, господин! — прорыдал тот, показывая на Хосуэ и загордившись от ударов рукой, хотя и без особого успеха. — Умоляю, не бейте!

Надсмотрщик повернулся к Хосуэ. Тот на него и не взглянул, уставившись на свои руки и протянув их ладонями вверх, словно не мог понять, как такое произошло. Ворон посчитал это признанием вины. Он отвел хлыст назад и с яростью обрушил его на шею Хосуэ. На несколько мгновений кнут застрял в толстых складках кожи на горле раба. Глаза Хосуэ наполнились ужасом, он не мог вдохнуть, но так и не повернулся и не поднял руки, чтобы защититься. Когда надсмотрщик потянул кнут обратно, в лицо Санчо полетели тысячи кровавых капель, и он решил, что с него довольно.

— Хватит! — крикнул он.

В трюме воцарилась тишина. Надсмотрщик застыл с поднятой рукой и посмотрел на Санчо, не понимая, что происходит.

— Что ты сейчас сказал? — ледяным тоном спросил он.

Молчание каторжников переросло в напряженный гул. Санчо охватил страх, но он уже зашел слишком далеко, чтобы пожалеть о своих словах или дать задний ход. Всю жизнь вышестоящие заставляли его следовать по тому пути, что, по их мнению, был неизбежным и неминуемым. Непочтительность они считали непростительным преступлением, но Санчо просто не мог больше молчать.

— Хосуэ не виноват, господин, всему виной неправильные движения передних гребцов. Но если вам непременно надо кого-то наказать на этой скамье, то накажите меня. Я, по крайней мере, понимаю, что наказание будет несправедливым.

Услышав подобное, Ворон улыбнулся, хотя Санчо это не особо успокоило. Надсмотрщик очень медленно наклонился и заглянул юноше в глаза всё с той же сардонической улыбкой.

— А, новичок. Вряд ли твоя спина выдержит причитающиеся удары.

Перед лицом Санчо возникло темное пятно, и он не успел отодвинуться. Кожаная плетка хлестнула его по брови и скуле, глаз тут же закрылся.

Надсмотрщик смотрел на него с усмешкой.

— Кажется, промахнулся. Попробуем еще разок.

— Эй, надсмотрщик! — вдруг послышался за спиной чей-то неуверенный голос.

Ворон обернулся, весьма раздраженный тем, что его побеспокоили. Прямо перед ним стоял боцман, и его лицо не предвещало ничего хорошего. Левой рукой он держал возле самого носа кусочек лимона, как всегда делал, когда ему приходилось спускаться в трюм, что, надо сказать, случалось нечасто.

— Да, сеньор, — буркнул надсмотрщик. Он ненавидел людей моложе себя, занимающих более высокое положение.

— Что происходит, черт бы вас побрал? Капитан в ярости! Мы опаздываем на несколько часов.

— Я должен приструнить этих каторжников, сеньор, — ответил надсмотрщик, бросив взгляд на боцмана. — Почему бы вам не вернуться наверх к своему обожаемому капитану?

Обычно Ворону удавалось отстоять перед боцманом свою точку зрения, лишь бросив на того взгляд и погрозив кнутом. Однако прозвучавшее в последней фразе презрение что-то всколыхнуло внутри у моряка. Он посмотрел вниз и встретился глазами с Санчо, чьи неблагоприятные слова в защиту негра услышал, пока спускался. Боцман решил, что стоит последовать мужественному примеру парнишки.

Он бросил лимон на пол и заговорил уже другим тоном, более решительно.

— Вы не должны истязать их, как делали все эти дни. Немудрено, что они совершают ошибки.

— Сеньор, я вас не понимаю, — ответил Ворон, весьма обескураженный подобным обвинением.

— Думаю, что очень хорошо понимаете. От того, что вы будете их избивать, корабль не пойдет быстрее.

— Но гребцы должны слушаться! — тон Ворона стал почти умоляющим.

— Одно дело непослушание, а другое — ошибка, совершить которую вы сами же их и вынудили, — заявил боцман, понизив голос, так что услышать его могли только Санчо и

гребцы рядом с ним. — Я прикажу матросам, чтобы поменяли сломанное весло. Распределите гребцов, чтобы везде хватало рук, и забудем об этом происшествии.

Не дожидаясь ответа, он удалился. Ворон устался на проход, в то место, куда упал лимон, оставшись единственным напоминанием о стычке. Надсмотрщик крутил в руках хлыст, и когда повернулся, на лице у него застыло выражение, предвещавшее смертельную опасность. Санчо опустил голову, чтобы больше его не провоцировать, но почувствовал, что уже достаточно наломал дров. В том взгляде читались только два слова.

"Шесть лет, — думал Санчо. — Целых шесть лет".

Месть Ворона настигла Санчо не сразу. Надсмотрщик был слишком умен, чтобы наброситься на него немедленно после происшествия. Он выждал благоразумное время, а потом заставил юношу заплатить за то унижение, которому подвергся, действуя жестоко и хладнокровно.

Порт Махон был стратегически важным пунктом Средиземноморья для патрулирующих христианские воды кораблей, охотящихся на турецкие и берберские галеры, которые пытались смыть позор поражения на Мальте и при Лепанто. В последние годы пиратов стало больше, не только турков и мавров, но и еретиков англичан. И те, и другие совершали набеги на испанские берега, нападая на ничего не подозревающие поселения в разгар ночи, угоняя скот и рабов, в особенности детей, которых потом могли обратить в веру своего Пророка. После себя они оставляли только трупы и обугленные руины.

"Сан-Тельмо" прибыл туда через несколько дней. Сломанное весло заменили, бочки наполнили хорошей водой, а моряки провели пару ночей на земле. Каторжникам не позволялось покидать свои места, хотя, по крайней мере, в это время им не приходилось грести. Со своей скамьи Санчо видел лишь полоску земли через отверстие для весла рядом с пятым гребцом, да и к нему не мог приблизиться, потому что это была привилегия Мертвяка и Сраля. Он не мог созерцать ни прекрасную реку между двумя невысокими холмами, ни выбеленный арсенал, откуда снабжались все корабли Армады. Он замечал лишь проблески нормальной жизни, которую вели другие люди на пристани, хотя они не слишком его утешали.

Те два дня оказались особенно тоскливыми. Он слышал быструю речь с чужеземными акцентами, скрип шкивов, когда на галеру грузили тюки, мычание скота и визг колес. Все портовые звуки навевали на него горькие воспоминания о блошином рынке, о многих часах, которые он провел рядом с Бартоло, перепродавая платки и серебряные пуговицы, украденные на оживленных сеvilских улицах.

Поскольку Санчо некуда было смотреть, кроме как в себя и свои воспоминания, он понял, как многое значил для него карлик, вероятно, он был единственным знакомым ему человеком, так напоминавшим отца. Некоторое время он пытался приписать эту роль брату Лоренсо, но холодный и отстраненный монах не проявлял по отношению к мальчику ни малейшей ласки. Однако Бартоло, которого все презирали из-за внешности, наградил Санчо удивительной мудростью. Не теми грубыми и стерильными знаниями, которыми наполнил его голову монах, не механическими проявлениями религиозности, которые он не понимал. Бартоло научил его ценить самого себя, быть собственным судьей и брать у других всё, что они могут дать. Любить жизнь — единственное, что у него отняли.

Душу Санчо разрывало кошмарное преступление, совершенное против Бартоло. Сидя на веслах, он пытался найти объяснение тому, что произошло, но так и не мог этого понять. Эта смерть вновь и вновь возвращала его к Мониподио, по какой причине тот послал своих головорезов, чтобы разделаться с теми, кто собирался выплатить ему долг. Было лишь одно объяснение — содержимое папки, которую они украли накануне. Не долговая расписка, а другие бумаги, на которые они едва обратили внимание. Кто-то, видимо, заплатил Мониподио, чтобы их вернуть. Если Санчо хотел добиться справедливости, то ему придется

встретиться с этим бандитом, одним из самых опасных и хорошо охраняемых людей Севильи, и заставить того рассказать правду, перед тем перерезать глотку.

Грандиозность задачи могла погрузить в уныние любого человека, более слабого духом, чем Санчо. Однако для юноши это стало необходимым толчком. До этого мгновения он занимался лишь тем, что зализывал раны и жаловался на судьбу, не видя ничего за пределами шести лет каторги, которые ему предстояло отбыть. Теперь он впервые получил причину и цель, чтобы выжить.

В вонючем трюме, изгрызенный вшами и клопами, он начал разрабатывать план. Пока это был лишь зародыш меняющейся идеи, как языки пламени, дрожащие в темноте.

Когда они вернулись в открытое море, Ворон приступил к выполнению собственных планов. Было бы очень просто покончить с Санчо точным ударом хлыста по трахее, юноша умер бы через несколько минут. Он несколько раз так делал, когда какой-нибудь из гребцов становился слишком своенравным или слишком медленным. Но извращенному разуму этого животного подобное решение казалось слишком простым. Вместо этого он начал бить Санчо всякий раз, когда награждал пятью ударами остальных. Это распределение ударов никогда не менялось, дошло до того, что Санчо закрывал глаза, как только слышал пятый удар, зная, что следующий предназначен ему.

— Это сдача для нашего особого гостя, — бахвалился Ворон каждый раз, проходя мимо юноши.

Вместо порки пару раз в неделю, как обычно случалось, Санчо получал удары два или три раза в день. Он с трудом засыпал, ложась на бок, чтобы раны не так ужасно болели.

Можно было бы пережить несколько дней в таких условиях, но если бы наказание продлилось слишком долго, Санчо знал, что не имеет шансов выжить.

— Я уже видел, как он это проделывает, когда по-настоящему кого-то возненавидит, — сказал ему Мертвяк со злобным блеском в глазах. — С каждым днем ты будешь становиться всё слабее и начнешь давать реальные причины для порки. В таком темпе тебя отправят за борт уже через месяц, новичок.

— Через месяц! Через месяц! — поддакнул Сраль с блуждающей улыбкой.

Санчо хотелось его придушить.

Постепенно его спина превращалась в кошмарный пейзаж со шрамами, которых не было даже и у бывалых гребцов, и юноша совсем пал духом, однажды особо тяжелой ночью мечтая о том, чтобы наконец-то встретить смерть, которая позволит ему отдохнуть. Лишь регулярные припарки Хосуэ немного облегчали страдания, хотя его раны нуждались в более частом лечении. Негр рассчитывал на помощь гребцов на жаловании, потихоньку приносящих ему землю, из которой Хосуэ делал свою микстуру, смешивая ее с мочой. По окончании дня гребец передавал ему горсть земли, утащенную из бочек с балластом или выторгованную у одного из матросов. Он делал Хосуэ жест, и тот пристально и беззвучно смотрел на гребца, протягивал руку и забирал землю.

Санчо с любопытством наблюдал за этим коротким обменом, но никогда не задавал вопросов. Хотя гребцы-добровольцы не были закованы, им запрещалось разговаривать с каторжниками, так что Санчо и не ожидал получить ответ, как и остальные. С тех пор как Ворон объявил ему войну, другие заключенные даже не смотрели в его сторону, словно вина Санчо была заразной. С ним разговаривали лишь двое соседей по скамье, и только чтобы оскорбить или посмеяться над ним.

Санчо отчаянно хотелось с кем-нибудь поговорить, и несколько раз он обратился к

Хосуэ, но тот либо притворялся, что не заметил, либо качал головой. Юноша пытался придумать, как найти способ с ним поговорить. Он попробовал выписывать в воздухе простые буквы, но без толку. Хосуэ не умел читать, а без бумаги и пера его невозможно было этому научить. Он почти сдался, когда вдруг вспомнил, что Бартоло показал ему ряд знаков, которые воры использовали по ночам, когда забирались в дом и хотели общаться бесшумно. Карлик прибавил к ним несколько собственного изобретения, к которым они с Санчо прибегали при свете дня, чтобы грабить на рынках и площадях. Хотя юноша сомневался, что знаки "хозяева проснулись" или "отвлеки его, пока я краду кошелек" могут пригодиться, это подсказало ему идею.

— Послушай, Хосуэ, — сказал он во время передышки. — А что если я научу тебя говорить?

Негр поднял голову от тарелки с бобами, которые только что разнесли, и повернулся к Санчо. Он нахмурился и смотрел на него с укором, словно решив, то юноша насмехается, что он считал несправедливым. Хосуэ медленно приоткрыл рот и продемонстрировал Санчо отрезанный язык. Тот подавил гримасу отвращения при виде той жестокости, которую кто-то совершил с бедным рабом, но не отвел взгляд.

— Не обязательно иметь язык, чтобы разговаривать, Хосуэ. Хватит и рук. Ведь руки-то у тебя есть, правда?

Хосуэ поднял две огромные, похожие на окорока ладони, которыми заканчивались его руки. Они были очень светлыми, почти белыми, и твердыми, как дерево, из-за постоянного трения о весло. У Санчо тоже начали появляться подобные мозоли.

— Я покажу тебе, как говорить с помощью рук, Хосуэ. Смотри внимательно, хорошо?

Санчо показал на себя пальцем.

— Это означает "я". Повтори.

Хосуэ несколько секунд не двигался, и Санчо боялся, что он не захочет выполнить его просьбу или, что еще хуже, умишко у него, как у пасущегося на полях скота, он часто слышал подобное мнение о представителях этой расы. Лицо негра оставалось всё таким же спокойным, но он подчинился, повторив жест Санчо.

Тот призадумался, прежде чем показать следующее слово, а потом схватил левую руку с тыльной стороны правой.

— Это означает "иметь".

Хосуэ повторил жест, на сей раз сразу же.

Следующее слово можно было изобразить по-разному, хотя Санчо предпочел сделать это по-своему, не так, как это обычно показывали. Он положил первую фалангу указательного пальца правой руки на третью того же пальца левой, подняв обе руки.

— Шпага.

Потом он раздвинул ладони напротив друг друга, оставив между ними расстояние примерно в половину ширины плеч.

— Большая. А теперь повтори всё вместе.

— Этот придурок никогда тебя не поймет, — расхохотался за спиной Мертвяк. — Ты просто теряешь время. А у тебя его и так осталось мало.

Санчо проигнорировал его и посмотрел на Хосуэ. Что-то в лице раба изменилось, его выражение уже не было прежним. В нем был страх или, может быть, ожидание. Санчо не мог различить. Он снова подумал, что ничего не получится, но негр вдруг без запинки показал все знаки:

"У меня есть большая шпага".

— Видишь, Хосуэ? Ты только что заговорил.

Хосуэ смотрел на Санчо с удивлением и восхищением. В это мгновение Ворон свистнул, и каторжникам снова пришлось раздеться и налечь на весла.

Тогда-то и начали происходить приятные вещи.

Во-первых, Ворон перестал воспринимать Санчо как основную мишень, и всё потому, что кто-то совершил еще больший грех, чем неповиновение юноши. Один из новых каторжников, которых погрузили на борт в Махоне, получил пару ударов и вместо того, чтобы молча их снести, повернулся и схватил хлыст, вырывая его из рук Ворона. Это были машинальные действия, чистый инстинкт самосохранения, и он тут же выпустил хлыст, но подобного надсмотрщик совершенно не переносил. Он замахнулся, найдя новый объект для холодной и жестокой мести, каким раньше был Санчо. Юноша почувствовал облегчение, хотя его мучило чувство вины и сострадания к несчастному, занявшему его место.

Во-вторых, Хосуэ принял изобретение Санчо со всей серьезностью. С той секунды, когда негр смог изобразить с помощью знаков первую членораздельную фразу, его охватила своего рода лихорадка. Каждую свободную минуту он посвящал овладению основами нового языка. Поначалу дело продвигалось медленно, поскольку многие слова ни на что не были похожи, и относительно них еще нужно было прийти к общей точке зрения. Как обозначить слово "жизнь" или "рассвет"? С расширением словаря ему стало не хватать рук.

Несколько уроков они не могли сдвинуться с места, пока Хосуэ не пришла в голову идея прибегнуть к другим частям тела. Например, ласково провести по лицу, чтобы обозначить красоту или нарисовать круг на груди, чтобы обозначить доброту. Шли дни, и Санчо начал понимать, что в громадном черепе негра таился глубокий и мудрый ум, придавленный, как и его собственный, грузом тоски и одиночества.

Фундаментом их нового языка стала история жизни Хосуэ. Им понадобилось несколько недель, чтобы полностью ее выяснить, поскольку многие слова требовали уточнений с помощью двух-трех других, но они добились своего, и Санчо никогда в жизни не ощущал такую гордость. Ни когда правильно отвечал на вопросы брата Лоренсо, ни когда впервые срезал кошелек. Эти прочерченные в воздухе знаки были настоящим восстанием против тех, кто вырвал у негра язык и сковал его цепью.

"Я родился далеко отсюда".

— В Африке, — уточнил Санчо, когда негр составил первую фразу, но Хосуэ лишь пожал плечами. Для него это название ничего не значило, хотя он многократно его слышал из уст испанцев. Он знал свою землю, хотя Санчо так и не понял, как она называлась, потому что не знал, как передать с помощью рук имена.

"Я жил с родителями и четырьмя братьями. Тогда я был маленьким. Теперь высокий", — объяснил он, показал высоту, которую Санчо интерпретировал как мальчика лет девяти, хотя в случае такого громадного человека, он мог быть и гораздо моложе.

Запинаясь и оставляя много прорех в рассказе, Хосуэ поведал, как ночью в его деревню вошли работоторговцы. Их было много, с гораздо лучшим оружием, чем у его родных. Его отец был великим воином и смог убить двух или трех захватчиков, но следующий пустил ему пулю в спину. Хосуэ оказался в деревянной клетке. Потом его заковали в кандалы, посадили на корабль и продали в доках Севильи, как и многие тысячи рабов до него и тысячи после. Негр рассказывал об этой части своей жизни холодно и отстраненно, включая то, как в первую же ночь ему отрезали язык, потому что он не прекращал плакать.

На его лице отразились какие-то эмоции лишь когда он рассказывал о том, как оказался в этих стенах. Больше одиннадцати лет он работал водовозом у одного севильского торговца, занимавшегося тем, что покупал рабов и отправлял их по городу с мулом и несколькими кувшинами воды.

Санчо ежедневно сталкивался на улицах с водовозами, а иногда даже бросал мараведи в жестяную кружку, которую все они носили, и делал пару жадных глотков приятной на вкус жидкости. В городе вроде Севильи, где многие работали на жаре, а летняя температура напоминала адские котлы, это было прибыльное дело, особенно если не приходилось платить работникам.

Когда те становились слишком стары или больны для работы, хозяин освобождал их "из христианского милосердия", что на практике означало, что он больше не отвечает за их жизнь. Только что получившие свободу рабы умирали на тех же улицах, где собирали монеты, обогащавшие их хозяина. Однако иногда судьба давала сдачи тем, кто играет в подобные игры. Хозяин Хосуэ столкнулся с тем, что пятеро из восьми его рабов разом заболели. Негр не сумел объяснить Санчо, чем именно, но за несколько дней все они умерли.

Оставшись без наличных и слуг, чтобы ухаживать за мулами, хозяин Хосуэ был вынужден продать негра на королевские галеры.

"Он сказал, что я ем больше остальных. Сказал, что за деньги, которые за меня получил, сможет купить троих".

Санчо представил физиономию чиновника, когда тот увидел в своей конторе у городских стен этого гиганта. Юноша не сомневался, что тот немедленно захотел его купить, посчитав, что рабу около двадцати лет и он находится на пике своих сил. Это была хорошая сделка и для короля, и для хозяина Хосуэ.

Для негра же это была перемена от терпимой жизни к настоящему аду.

"Мне нравились улицы и мулы, нравилось продавать воду. Люди пили и чувствовали себя лучше. И там было солнце. Здесь только темнота", — закончил Хосуэ.

Тогда настала очередь Санчо рассказать, как он сюда попал, и он сделал это только с помощью жестов, прибегая к голосу лишь для уточнения или чтобы добавить к словарю новые слова. Хосуэ кивал и прерывал его лишь чтобы задать отрывочный и грамматически неправильный, но разумный вопрос, показывающий Санчо многие события, произошедшие с ним за последние месяцы, совершенно в новом свете. Они подружились, и это было третье приятное событие тем летом.

Но хотя Санчо рассказал всю свою жизнь с самого раннего детства и произошло несколько приятных событий, это еще не означало, что в дальнейшем они не наткнутся на подводные камни. Именно это и случилось 17 августа 1589 года.

Было три часа пополудни, только что закончилась вторая смена гребли, когда в люке появилась голова боцмана, чтобы отдать роковой приказ, который привел к настоящей катастрофе. Не было никаких сомнений, что если бы не гордыня капитана, всё сложилось бы совсем по-другому.

Уже некоторое время моряки находились на взводе, и их состояние передалось всему кораблю. Заключение подслушивали их разговоры через люки и трещины в палубе, и им совсем не нравилось услышанное. Боялись, что в этом году "Сан-Тельмо" впервые встретит праздник Успения, не захватив никакой добычи. Прошли уже две трети охотничьего сезона, и для военного корабля, привыкшего к победам, было позором оставаться к такому времени пустым. Не говоря уже о бесчестье, грозящем офицерам корабля из-за потери доходов за захват груза и продажу выживших пиратов в рабство.

Казалось, "Сан-Тельмо" настигла настоящая полоса невезения. Четырежды они подплывали к прибрежным деревушкам, чтобы найти лишь дымящиеся после чужого нападения руины. Капитан галеры наметил круговые маршруты вблизи мест на побережье Леванта, до которых врагам было легче всего добраться, но, хоть его догадки и были точны, времени им не хватало. Каждая рыболовная лодчонка, с которой они встречались, каждая сторожевая башня, подававшая им сигналы, сообщали одно и то же: они опоздали совсем ненадолго.

За неделю до Успения на горизонте появились треугольные паруса шебеки, и левый борт галеры просел под весом возбужденной команды, которая бегала, выкрикивая непристойности и радуясь, что им наконец-то улыбнулась удача. Корабль опасно накренился, капитан приказал всем вернуться на свои места и начал погоню.

Мавры оказались превосходными противниками. Осознавая, что не могут соревноваться с галерой, которая вдвое крупнее их корабля и обладает намного большей огневой мощью, они держались вне досягаемости "Сан-Тельмо" за счет лучшей маневренности. Погоня длилась восемь дней, не раз шебека исчезала из поля зрения, и ее снова находили лишь благодаря чистой случайности и упрямству капитана. Наконец, утром 17 августа благодаря сочетанию ветров и приливов тунисская шебека оказалась между побережьем и пушками преследователей. Без единого дуновения воздуха паруса были бесполезны, а восемьдесят толкавших шебеку гребцов неизбежно проигрывали двум сотням испанских.

Первая утренняя вахта гребли наполовину сократила разделявшую их дистанцию. Шебека остановилась первой, было около одиннадцати часов. Она находилась чуть более, чем в пятистах саженьях, следуя вдоль береговой линии и пытаясь поднять паруса, чтобы сбежать, но безуспешно. Грязно-зеленый флаг безжизненно висел на грот-мачте. Вынужденные полагаться лишь на греблю, тунисцы затеяли очень опасную игру со своим преследователем. Следовало очень бережно распоряжаться силами гребцов.

"Сан-Тельмо" тоже остановился. Капитан корчился от нетерпения, но знал, что шебека уже у него в руках. Если они не доберутся до нее за вторую вахту гребли, то сделают это за третью. На каждом борту тунисский корабль нес десять пушек меньшего калибра, чем пятнадцать испанских, хотя едва ли у пиратов хватило бы времени больше, чем на один залп. До abordaja они успеют выпустить не больше семи-восьми ядер. А потом в игру вступят

шпаги, которых на галере было втрое больше, чем у противников.

Они отдыхали всего полтора часа. Был час пополудни, когда шебека снова пришла в движение.

— Они боятся, сеньор, — сказал боцман капитану.

Тот помолчал, прежде чем ответить. Во время последней остановки пришлось высадить в порту старшего помощника, которому раздробила ногу плохо закрепленная неосторожным моряком пушка — еще одно событие, истолкованное командой как плохое предзнаменование. Хотя боцман сейчас был вторым по значимости на борту, капитан всегда относился к нему с определенной долей высокомерия из-за простонародного происхождения и фламандской фамилии.

— Правильно боятся. Продолжаем погоню.

Два часа спустя вражеский корабль остановился. Он по-прежнему двигался вдоль побережья и вот-вот должен был обогнуть мыс Марсан, когда снова сделал остановку. Капитан обрадовался.

— Чертовы идиоты. Если бы они миновали мыс, то смогли бы использовать течения, чтобы выиграть дистанцию.

— Это лишь отсрочило бы неизбежное, сеньор.

— Конечно, конечно. Пусть гребцы получают порцию вина и мяса. Им нужно восстановить силы.

— Сию минуту, сеньор.

— Через два часа мы уже будем отправлять мавров в ад, — сказал капитан, не отрывая взгляд от шебеки. Она находилась менее, чем в двухстах саженях. Еще шестьдесят, и они окажутся на расстоянии пушечного выстрела, хотя расположение не позволит тунисам лечь в дрейф перед испанцами, это означало бы для них верную смерть. В таком случае "Сан-Тельмо" нужно было лишь продолжить идти прямо и протаранить их борт. Удар на нужной скорости потопил бы вражеский корабль за несколько минут.

Боцман быстро и решительно отдал приказы. Моряки начали спускать вниз бурдюки с вином, а солдаты приготовили мушкеты и пистолеты. На всей палубе царила суета и нервозность. Угрозы и молитвы смешивались с лязгом затачиваемой стали.

На палубе противников, наоборот, царила полная тишина. Людей не было видно, а члены экипажа, появившиеся на бортах и мачтах, не производили ни малейшего шума. Боцман заметил это с растущей тревогой, но у него совсем не было времени поразмыслить, потому что шебека внезапно пришла в движение. Боцман взбежал на мостик к капитану, который склонился над картой, прикусив губу.

— Сеньор! Они двигаются!

— У меня тоже есть глаза, боцман.

Тень шебеки уже вырисовывалась на фоне мыса, образованного в большей своей части гигантской каменной скалой тридцати метров в высоту. Волны вспенивались, со свирепой силой разбиваясь там, где камень погружался в море.

— Не понимаю, сеньор. Они не дали отдохнуть гребцам. Они сразу же выдохнутся. В этом нет смысла.

— Может быть, они осознали, что находятся в считанных саженях от течения к северу от мыса, — сказал капитан, лицо его внезапно стало встревоженным. — Возможно, они думают, что если мы будем ждать, то поднимется ветер и они смогут поднять паруса.

— Но это просто смешно, сеньор.

— Я не собираюсь рисковать. Прикажите начать греблю, боцман. Мы последуем за ними хоть в самый ад, если понадобится.

— Но, сеньор...

Суровый взгляд капитана оборвал все протесты молодого моряка, униженный, тот отправился выполнять приказ. Если бы решал он, то дал бы шебеке час форы, а затем пустился в погоню. На небе не было ни облачка, ни следа хотя бы малейшего движения воздуха, которое помогло бы преследуемым. Получить свой пост капитану помогло благородное происхождение, а не его способности как моряка. К несчастью, он был еще и высокомерным человеком, который никогда не внимал доводам здравого смысла, и у боцмана не оставалось другого выхода, кроме как исполнить приказ, который вне всякого сомнения был ошибочным.

Моряки едва успели разнести треть дополнительных порций еды, когда им пришлось прервать свое занятие и взбежать по трапам вверх с бурдюками вина и горшками с мясом. Это вызвало бурный взрыв протеста. Гребцам так редко удавалось попробовать мясо и вино — за исключением Рождества и Успения — что объявить об раздаче еды и затем прервать ее было худшим из возможных вариантов. Тут же возникли драки между последними, кто получил свои порции, и теми, кто остался ни с чем. Остальные просто обезумели и начали вопить.

Ворон утихомирил бы протесты на корню, но вместо этого замер, подняв голову вверх с выражением крайнего изумления на лице.

— Они не продержатся более получаса, — пробормотал он, указав хлыстом назад.

— Это приказы капитана. Мы уже очень близко. Могли бы догнать их, миновав мыс, — сказал боцман, не сумев скрыть, что сам же ни капли не верил в эти слова.

Надсмотрщик раздраженно цокнул языком, поскольку ему тоже не дали доесть, и щелкнул хлыстом в воздухе.

— Одежду прочь, сучьи дети! У нас мавры на мушке!

За его словами последовало гробовое молчание. Заключение не были в курсе происходящего, но приказывать им трогаться снова, когда они уже дважды гребли по адской жаре, было безумием. Многие даже не успели натянуть обратно штаны. Другие массировали ноющие руки и, как могли, пытались хоть немного отдохнуть на скамьях. Несмотря на весь их страх перед Вороном, мало кто пошевелился, чтобы взяться за весло.

— Я сказал — прочь одежду, — надсмотрщик понизил голос до ледяного шепота, почти выплевывая слова между сжатыми зубами. — Мы в бою, сукины дети. Первого же, кто даст мне повод, я даже вешать не буду, а всажу ему в брюхо шесть дюймов.

Он щелкнул пару раз по абордажной саблей, которую тем утром прицепил на пояс. Прикованные к нему взгляды гребцов наполняла столь лютая и примитивная ненависть, что Ворон почувствовал укол страха. Ему придется быть особенно осторожным, чтобы не споткнуться во время столкновения с врагом, или его не спасет даже беспощадная репутация. Только не от того, что отражалось в четырех сотнях глаз.

— Скоро вы вдоволь нажретесь и напьетесь. А сейчас — всем грести, а не то я перережу вам глотки. И начну с тех, кто меньше всех мне нравится.

При этих словах он взглянул в сторону Санчо. После короткой паузы надсмотрщик снова щелкнул кнутом в воздухе, и несколько каторжников начали занимать позиции для гребли. Остальные тут же последовали их примеру, и "Сан-Тельмо" снова сдвинулся с места, медленно, но уверенно.

Через четверть часа галера уже маневрировала рядом с мысом, так близко, что моряки могли разглядеть яйца в гнездах чаек. В тот же миг дозорные оповестили, что шебека остановилась и подняла весла. Боцман был занят наблюдением за глубиной и рифами, поэтому не следил за перемещениями противника. Увидев же происходящее, он не поверил своим глазам.

На борту галеры все взревели от радости. Было очевидно, что шебека собиралась сдать. Капитан уже смаковал победу, на лице его отразилась лихорадка жадности. Захват неповрежденного корабля с полным экипажем сулил им добычу намного большую, чем они воображали. И теперь он замер не более, чем в ста сажнях от мыса, при поднятых веслах.

— Словно девственница с раздвинутыми ногами в первую брачную ночь, — пробормотал капитан. — Боевая скорость, боцман! Покажем этим безбожникам, на что мы способны. Когда мы до них доберемся, они будут целовать кресты.

— Да, сеньор! — ответил боцман, воодушевленный настроением командующего. Он даже чуть не упал, стремительно спускаясь с мостика. Скрепя сердце, он признался себе, что нарастающее в нем в течение всего дня беспокойство было связано с необходимостью вступить в бой. Капитуляция шебеки высвободила это напряжение и превратила его в эйфорию, и с остальной командой произошло то же самое. Он заглянул на нижнюю палубу и прокричал:

— Боевая скорость! Последнее усилие!

Ворон ускорил темп, хотя ему пришлось для этого прибегнуть к свистку, так как поддерживать ритм на боевой скорости только при помощи голоса было невозможно. На лавках уже не осталось мужества для сопротивления, даже перед лицом этого нового, совершенно невыполнимого требования. Гребцы погрузились в работу, пот и прерывистое дыхание размыли и задушили коллективное сопротивление. Они двигались с такой скоростью, какую многие показывали только во время тренировочной недели. Многие сбивались с ритма и разбивали носы и зубы, потому что опускали голову, когда весло поднималось. Ворон не обращал внимания на эти раны, сосредоточившись на тех, кто слабел. Определить таких было очень легко, потому что их соседи по скамье тут же начинали возмущаться, заметив, что тяжесть на их плечах увеличилась. Надсмотрщик бегал туда-сюда по проходу между скамьями, не глядя раздавая удары направо и налево. Недостаток точности компенсировался его повсеместным присутствием.

Поднимавшиеся из трюма завывания и крики от усилий и боли заглушили веселье, что слышалось наверху. "Сан-Тельмо" развил почти максимальную скорость, его нос уже пересекал мыс. Радостный боцман запомнил это мгновение для своего отца. Как он будет горд через несколько недель, когда сын вернется домой с добычей, со своей первой победой и с шебекой на буксире.

Вдруг что-то на борту шебеки привлекло его внимание. Тунисец на мачте энергично размахивал красным флагом. Боцман не понял, какого черта там делает этот человек, пока не обернулся в ту сторону, куда сигналил мавр. По его спине пробежали мурашки, а волосы на затылке зашевелились. Он хотел закричать, предупредить окружающую его возбужденную команду, которая смотрела в противоположном от опасности направлении, но его горло сковал страх, как в кошмарном сне, он потерял голос. Боцман протиснулся сквозь толпу моряков, и один из них возмущенно повернулся, увидев то же самое, что и боцман, и отчаянно взвыл.

— Капитан! Враг на горизонте!

— Нас атакует корабль, сеньор, удалось выговорить боцману, однако его голос прозвучал тускло и вяло.

Оказалось, что в бухте скрывалась вторая шебека, защищенная с севера мысом, пока "Сан-Тельмо" весь день преследовал первую. Теперь эта шебека на полной скорости бросилась им наперерез. Свежие, отдохнувшие гребцы работали споро, и на "Сан-Тельмо" стало ясно, что столкновения не избежать, как бы они ни старались наддать ходу. Шебека неслась на всех парусах, а на носу у нее был установлен огромный бронзовый таран, покрытый зеленой патиной.

Боцман ошеломленно застыл, пораженный коварством тунисцев. Прекрасно зная, что им никогда не одолеть "Сан-Тельмо" в открытом бою, они несколько дней маячили на горизонте, заманивая галеру в смертельную западню. В то время как одна шебека выступала в роли приманки, изображая позорное бегство, вторая караулила в укромном месте, выжидая, покуда самодовольные испанцы ринутся в атаку, предвкушая легкую добычу. И в нужное время с первой шебеки подали своим товарищам сигнал к нападению.

Команду охватила паника, парадоксальным образом вернув боцмана к жизни, и он попытался возвратиться на мостик. Ему пришлось протискиваться, раздавая тычки, потому что для подготовки к абордажу нужно было расчистить пространство.

— Стоп! Сушить весла! — закричал он, подбежав к люку.

Капитан стоял в съехавшей набок шляпе и с дурацким удивленным выражением на лице, словно ребенок, которого лишили обещанной конфетки. Он выкрикнул приказ рулевому, и тот совсем запутался.

— Лево руля, парень! Лево руля!

— Сеньор, я приказал сушить весла!

— Черт возьми, нет! Сменить курс! Мы не можем допустить столкновения!

— Тогда они атакуют с кормы, сеньор! — ответил боцман, перед лицом близкой смерти забывший о своей обычной боязни вызвать неудовольствие капитана. — Прикажите бросить якорь!

Пока на капитанском мостике шел этот спор, первая шебека перестала изображать пугливую жертву, и на палубу высыпали десятки берберов, сверкая обнаженными саблями и завывая, словно одержимые. Некоторые из них, зарядив аркебузы, открыли огонь по "Сан-Тельмо". Хотя они были слишком далеко, чтобы попасть, однако цели своей достигли. Охваченные паникой матросы заметались во все стороны, мешая остальным.

Но было уже слишком поздно, потому что нос вражеской шебеки неумолимо надвигался.

Тем временем в трюме Санчо разминал натруженные мышцы, положив локти на весла и свесив голову между плеч. Когда поступил приказ остановиться, все пали духом, и даже у Ворона сбежала с лица неизменная полуулыбка, с которой он всегда орудовал кнутом. И тут один из пятых гребцов левого борта, на стороне Санчо, в ужасе закричал, вскочил на скамью и попытался отодвинуться от борта, однако ему помешала цепь, и он упал за весло, обхватив его руками. Надсмотрщик застыл, настолько ошеломленный, что забыл даже про свой кнут. Сраль тоже выглянул в отверстие для весла, и началась паника.

— Корабль! Нас атакуют!

— Мы все погибнем!

Мертвяк и Сраль тоже поднялись и стали требовать, чтобы с них сняли кандалы, рыдая и дергая за цепи. Санчо, охваченный ужасом, как и все остальные, едва не бросился бежать, однако Хосуэ удержал его за руку.

"Нет. Помоги мне втащить весло".

Ничего не понимая, парнишка послушался и стал помогать другу затаскивать внутрь весло, конец которого уже показался над настилом. Ворон, еще не успевший прийти в себя после всего пережитого, наконец-то увидел, как они тащат весло, и бросился к ним.

— Эй, хватит! Что вы, черт возьми, вытворяете, шлюхины дети?

Размахнувшись, он со всей силы хлестнул Хосуэ по спине. Однако негр, даже не дрогнув, продолжал тащить весло внутрь. Санчо обернулся как раз вовремя, чтобы встретить взгляд надсмотрщика, полный торжествующей ненависти — охваченный этим безумным торжеством, он даже не заметил нависшей над ними опасности.

— А теперь, дружок, разберемся с тобой, — произнес он, улыбаясь. Недолго думая, он заткнул кнут за пояс и выхватил саблю.

Санчо понял, что сам дал Ворону повод расквитаться с ним за свое унижение перед боцманом, и что спасения нет. Он повернулся к надсмотрщику лицом; теперь он, по крайней мере, мог больше не скрывать, что думает об этой гнусной скотине. Пусть знает, что Санчо его не боится.

Маневр боцмана не полностью достиг цели, но всё же не дал второй шебеке ударить прямо по центру корпуса, как она собиралась. Удар тарана пришелся ближе к носу "Сан-Тельмо". Сами корабли столкнулись несколько мгновений спустя. Некоторые испанцы прыгнули на вражеский корабль, хотя их было слишком мало, чтобы представлять реальную опасность для тунисцев, которые тотчас же всех перерезали. Затем на шебеке снова опустили весла, которые вытащили прямо перед атакой, она дала задний ход и отошла, чтобы понаблюдать, как гордая, смертельно раненная галера постепенно погружается в Средиземное море.

Всё происходило так спокойно, словно кто-то рассказывал о столкновении кораблей, сидя на мысе Марсан. Однако для тех, кто находился в жарком и вонючем брюхе "Сан-Тельмо", эти краткие минуты перед смертью превратились в неопикуемый ужас.

Ворон занес над головой Санчо саблю, и мир развалился пополам. Галера резко дернулась, послышался оглушительный треск, когда в трюм ворвался огромный зеленый таран с кованным наконечником в форме сокола, убив или покалечив всех гребцов первого и

второго ряда у левого борта, врезавшись в доски помоста и приподняв их. Когда корабли столкнулись бортами, таран протасил мертвецов наружу, разрывая отделяющие трюм от палубы доски и носовую переборку.

Однако резня на этом не закончилась, ибо, когда борт вражеской шебеки ударился о галеру, разбитые в щепу весла брызнули во все стороны тысячей острых осколков, ранив многих гребцов. Санчо в ужасе подумалось, что, если бы Хосуэ не втянул внутрь весло, сейчас бы им не поздоровилось. В любом случае, хитрый трюк негра помог им выгадать лишь несколько лишних минут жизни, поскольку через огромную дыру, пробитую тараном, уже неукротимым смерчем хлынула вода. Но даже ужасающий рев этого потока не смог заглушить стоны раненых гребцов, крики уцелевших, требовавших, чтобы с них сняли цепи, и ржание лошадей, которые помещались в кормовом отсеке трюма. Почуввав опасность, животные принялись бить копытами в стену, лишь усиливая переполох.

Но надсмотрщик ничего этого видеть уже не мог. От столкновения он потерял равновесие и свалился на одну из скамей, в самую гущу гребцов. В него тут же вцепилась дюжина рук, а их владельцы, даже позабыли о своем страхе, чтобы наконец-то отвести душу и расквитаться с ненавистным надсмотрщиком, который не заслуживал ничего иного. Ворон отчаянно боролся, пытаясь высвободить руку, в которой сжимал саблю, но противников было слишком много. Первый удар острой деревяшки пришелся в шею, второй — в правую руку. Последнее, о чем он успел подумать, прежде чем на всех обрушился водяной смерч, было то, что умирать, оказывается, намного больнее, чем он предполагал.

— Хосуэ! Мы должны разбить цепь!

Негр яростно закивал и тут же наклонился вперед, стараясь ухватить обломок весла. Однако длины его рук не хватало; Санчо оказался ближе к обломку, но и ему, чтобы дотянуться, пришлось забраться под переднюю скамью и проползти под ней, извозившись в дерьме, чтобы подвинуть его поближе к негру. Обломок весла был ростом с самого Санчо и весил немногим меньше; Хосуэ удалось его закрепить между цепью и скамьей. Он наступил правой ногой на конец цепи и жестом велел Санчо сделать то же самое; но для того, чтобы разорвать цепь, было нужно, чтобы Мертвяк и Сраль подвинулись, освободив место.

— Эй, вы, — повернулся Санчо к презираемым соседям по скамье. — Вы хотите выбраться отсюда или нет?

Оба каторжника, сидевшие на скамье с побелевшими от ужаса лицами, молча кивнули.

Когда цепь оказалась достаточно длинной, чтобы обернуть ее вокруг весла, негр навалился всем весом на импровизированный рычаг резким толчком. Хотя она и была закреплена, все почувствовали, как кандалы впились с лодыжки, сдирая кожу, но никто не возмущался. Хосуэ попытался снова, и на сей раз одно звено цепи слегка разошлось. С третьей попытки оно окончательно сломалось, и все гребцы дернули за цепь, освободившись. Сраль и Мертвяк помчались к дыре, которая теперь уже полностью находилась ниже уровня моря. Вода втекала уже не с такой силой, но всё равно безостановочно, так что корабль накренился к носу и разворачивался с мрачным скрипом.

Санчо уже собирался последовать за ними, когда Хосуэ коснулся его руки и принялся быстро жестикулировать. Последнее слово в их безмолвном языке отсутствовало, однако юноша прекрасно понял его значение.

"Я не умею плавать".

Санчо вырос в половине лиги от реки Хениль, он и помыслить не мог, что кто-то не умеет плавать. Мысленно выругавшись, он огляделся, ломая голову, где найти предмет,

который поможет другу удержаться на поверхности. Наконец, он увидел кое-что на носу, рядом с помостом надсмотрщика.

— Неважно. Иди за мной!

"Я боюсь утонуть".

— Думаешь, если ты останешься здесь, сможешь этого избежать? За мной!

Уверенный, что друг последует его примеру, он перепрыгивал со скамьи на скамью, проталкиваясь между ранеными. Теперь наклон галеры стал таким значительным, что ему пришлось спускаться как по лестнице, чтобы добраться до последней. Другие гребцы, увидев, что они освободились, отчаянно молили о помощи, чтобы разбить оковы. Санчо мгновение поколебался, взглянув на Хосуэ, но потом понял, что если они останутся на корабле еще хоть минуту, то он утащит их на дно. Возможно, даже для них было уже слишком поздно. Скрепя сердце, он не обратил внимания на призывы о помощи.

Когда они добрались до пробоины, Санчо обнаружил, что помост надсмотрщика полностью затоплен, и больше сотни крыс возятся на поверхности воды, расплываясь во всех направлениях. Некоторые инстинктивно нашли путь к палубе через люк, и Санчо испытал искушение последовать за ними, но тут же понял, что это не годится, поскольку люк оказался полностью заблокирован.

Не раздумывая, Санчо нырнул в гущу крыс, погрузившись, пока не достал ногами до помоста, пока не нащупал узел веревки, связывающей бочки с переборкой. Он потянул, три большие бочки всплыли, и Санчо схватил одну из них, которая с силой вынырнула на поверхность.

— Поторопись, Хосуэ! — крикнул он, подняв голову в сторону друга, который зубами и ногтями вцепился о скамью. — набери воздуха, а потом изо всех сил прыгай на бочку, когда я дам команду!

Он приблизился к борту галеры, как можно ближе к пробоине. С гримасой отвращения Санчо заметил, что по всему телу ползают крысы, пытаясь взобраться по нему повыше.

— Сейчас!

Негр глубоко вздохнул, вытаращив глаза и раздувая щеки, и бросился на бочку, притопив ее. Санчо вслепую толкнул ее в сторону, как он надеялся, пробоины. Он почувствовал, как его отталкивает поток воды, а потом течение сменило направление, и они начали со всей скоростью подниматься к поверхности.

Санчо и Хосуэ всплыли, держась за бочку, на небольшом расстоянии от галеры, кашляя и чихая, хотя, по счастью, без отвратительной компании крыс, которые не выдержали скорости подъема.

Корма "Сан-Тельмо" уже поднималась над водой, обнажив тысячи присосавшихся к корпусу моллюсков. Передняя часть корабля продолжала погружаться в водоворот из розоватой пены, и Санчо с ужасом понял, что цветом она была обязана крови всех тех, кого переломало при столкновении. На палубе прозвучал единственный печальный выстрел, а потом раздавались лишь крики умирающих и тех, кто цеплялся за борта и высокую палубу, в отчаянии пытаясь спрыгнуть в воду. Многие моряки не умели плавать, так что могли с таким же успехом остаться на борту галеры, потому что падая в воду, камнем шли ко дну и больше не появлялись на поверхности. Для тех, кто смог удержаться на плаву или найти предмет, за который они могли удержаться, будущее выглядело ненамного лучше. Мавры уже маневрировали, чтобы отрезать "Сан-Тельмо" от берега и выловить рабов, которых прибавили бы к своей добыче.

Санчо тут же понял, что там их не ждет спасение. Одна из шеек огибала галеру, ее команда уже спускала на воду шлюпки, снабженные большими жердями, чтобы вылавливать из воды выживших и всё остальное сколь либо ценное.

— Давай, Хосуэ, — прошептал Санчо. — Нужно постараться доплыть до берега раньше, чем нас заметят.

Это было легче сказать, чем сделать. Сколько бы они ни старались, но не могли управлять бочкой. Внутри оставалось еще немного жидкости, что придавало бочке большую плавучесть, но оставляло их на милость течений, толкавших точно в руки пиратов. Санчо посмотрел в сторону берега, который практически весь состоял из отмелей и скал, еще более опасных, чем пираты. Лишь в одном месте, примерно в сотне саженой, была зона с более привлекательным побережьем и маленьким пляжем — их единственная надежда на спасение.

Они гребли изо всех сил, но бочка то и дело вертелась, и они кружили вместе с ней.

— Проклятье, это не работает. Мы только отдаляемся от берега.

Хосуэ окинул его серьезным взглядом, и несмотря на боязнь расстаться со своей шаткой опорой, показал два знака.

"Плыви один".

Санчо понял, что будет гораздо проще добраться до побережья вплавь, отпустив бочку, но Хосуэ не сможет последовать за ним, а он не собирался бросать друга.

— Не бойся, мы доберемся туда вместе или пойдем ко дну.

Вскоре ему пришла в голову идея. Он набрал полные легкие воздуха и нырнул под бочку в поисках пробки или отверстия. Ему пришлось проделать это пару раз, пока он, наконец, ее не нашел, чуть выше нижнего обруча. Пальцы несколько раз соскальзывали, но в конце концов он ухватился за пробку, потянул и смог открыть. Но не раньше, чем поднырнул к самому дну.

— Помоги ее развернуть, — сказал он Хосуэ, показавшись на поверхности.

Они повернули ее так, чтобы отверстие размером с небольшое яблоко оказалось на одном уровне с поверхностью воды. Мало-помалу они начали заполнять бочку водой, и Санчо задавался вопросом, сколько понадобится жидкости, чтобы придать бочке равновесие. Повинуясь чутью, он прекратил наполнять бочку, когда вода дошла до половины.

— Лучше больше не наливать воду, а то наше путешествие закончится.

В то же мгновение они услышали крики и заметили, как команда одной из шлюпок, спущенных на воду, чтобы схватить выживших, машет руками в их направлении, направляя лодку так, чтобы отрезать им путь. Они начали грести изо всех сил, хотя теперь бочкой стало гораздо проще управлять, и дистанция до пляжа потихоньку сокращалась. Санчо уже представлял, как встает на ноги на песке, когда услышал звук выстрела и отскочившей от скалы пули. Один из мавров встал на ноги на носу шлюпки с аркебузой в руке. Первый выстрел не попал в цель, но тунисский пират уже засыпал в ствол порцию пороха и проталкивал его шомполом.

— Скорее, Хосуэ!

Вторая пуля подняла небольшой столб воды слева от них. С каждым разом Санчо всё больше ощущал вес оставшейся на ноге скобы, черпая энергию из собственного страха. Когда они оказались от берега на расстоянии броска камня, течение начало оттаскивать бочку в противоположном направлении, к бурунам слева. Санчо уже не воображал, как поставит

ноги на песок пляжа, а видел лишь их тела, разодранные об острые скалы.

Тунисец в лодке отчаялся попасть в головы беглецам, которые то поднимались, то опускались на волнах, и выбрал более простую цель. Он загнал шомполом пулю в ствол аркебузы и поднес ее к плечу. Глубоко вздохнув, он подождал, пока шляпка на секунду замрет, и спустил курок.

Тяжелая пуля вошла в заднюю стенку бочки, расщепив древесину. Санчо и Хосуэ продолжали за нее цепляться, но дыра от пули была слишком большой, и через несколько мгновений бочка пошла ко дну. Хосуэ вытаращил глаза и отчаянно забарахтался.

"Черт побери! — подумал Санчо. Обидно было бы утонуть в двадцати шагах от берега".

— Спокойно! Посмотри на меня! Посмотри на меня, я тебе говорю!

Хосуэ так испугался, что не в силах был прислушиваться к Санчо. Тот положил ему руку на плечо, а другой ударил по физиономии. Это было как влечь пощечину камню, но юноша почувствовал, что Хосуэ немного успокоился и обратил на него внимание.

— Двигай ногами, как раньше. Вот так! А теперь руками — вот так и вот так!

В конце концов Хосуэ смог держаться на плаву и последовать за Санчо. Шляпка прекратила их преследовать, без сомнения, тунисцы опасались, что кто-то на земле услышит выстрелы и придет испанцам на подмогу. Освободившись от бочки, беглецы в считанные минуты добрались до того места, где смогли встать на ноги. Спотыкаясь и еле волоча ноги, совершенно вымотанные, оба растянулись на пляже.

Санчо не знал, сколько времени они провели в таком положении, лежа на песке, настолько уставшие, что не знали, вернутся ли к жизни. Должно быть, долго, и даже наверняка они заснули или потеряли сознание, потому что очнулись уже вечером. Придя в сознание, Санчо подумал, что в первый раз за многие месяцы видит над головой небо.

Он так и лежал на песке и с трудом мог рассмотреть какие-то камни, чахлый кустарник и странного вида краба, едва волочившего свой панцирь. Краб пытался взобраться на камень, но всякий раз срывался и падал. Санчо изумленно глядел на малиновый панцирь краба, на жемчужную россыпь крошечных песчинок; он никак не мог поверить, что на свете существует такая красота. После долгих месяцев, проведенных во мраке трюма, окружающий мир казался ему насыщенный яркими красками и удивительными формами. Это место казалось ему теперь самым прекрасным на свете, прекраснее любого из тех, что он так и не увидел, томясь в трюме галеры.

Вокруг царило безмолвие.

Он закрыл глаза, желая, чтобы этот миг никогда не кончался, охваченный безмятежным спокойствием. И тогда реальность снова постучала в дверь, сделав это мерзким голосом, который он надеялся никогда больше не услышать.

— Я тебе говорю, что нужно сначала его раздеть, а потом уже прикончить. Я не хочу пачкать кровью такую одежду.

— А как ты собираешься его прикончить?

— Да хотя бы при помощи камня. Проломим башку — и вопросов нет! Только найди подходящий камешек..

— Почему это я должен искать?

— Может ты, Сраль, собираешься сам его убить? Нет? Вот то-то. Так что ступай, поищи камень побольше.

— Можно было бы окунуть его башкой в воду и утопить.

— Да что там утопить... Я мечтаю собственными руками прикончить хотя бы одну из этих свиней.

Выглянув из-за дюн, Санчо увидел, что подтвердились худшие его опасения. На другом конце пляжа расположились его соседи по скамье — один дьявол ведает, как они исхитрились сюда добраться. Море было пустынно, и никто, похоже, их не преследовал. Вражеские шебеки давно скрылись за горизонтом, а "Сан-Тельмо" исчез под водой. Об ужасном сражении, что разыгралось здесь несколько часов назад, теперь напоминали одни лишь обломки дерева и обрывки канатов, во множестве разбросанные на песке, принесенные сюда уже отступающим приливом. И тело человека, который лежал на спине недалеко от кромки воды, его руки двигались словно сами по себе.

Юноша стиснул зубы и глубоко вздохнул. Он не мог оставаться на месте, глядя, как эти подонки убивают беспомощного человека. Но всё же он понимал, что едва ли сможет с ними справиться без посторонней помощи. Оба каторжника были совершенно голыми, как и он сам, и никакого оружия у них не наблюдалось. Санчо огляделся вокруг в поисках чего-нибудь подходящего и обнаружил у подножия дюны толстый сук длиной ладони в четыре. Но для того, чтобы до него добраться, ему пришлось бы покинуть свое убежище, показаться

на глаза каторжникам. Если он не успеет первым добраться до вожделенного сука, им ничего не стоит сбить его с ног. Их же двое, один займется Санчо, а другой тем временем прикончит лежащего на песке человека.

"А то и что-нибудь похуже могут сотворить", — подумал Санчо, вспомнив свою первую ночь на галере, когда Мертвяк набросился на наго, шепча угрозы и обдавая зловонным дыханием. И только неожиданное заступничество Хосуэ помешало злодею осуществить свои порочные желания.

Вспомнив о своем друге. Санчо обернулся, но там, где он оставил его несколько часов назад, на песке виднелась только громадная впадина. Вероятно, он убежал, пока Санчо спал. Это опечалило юношу, потому что хотя они и решили, что каждый пойдет своей дорогой, ему хотелось бы проститься с Хосуэ. Но теперь не было времени, чтобы об этом думать, по крайней мере, для лежащего на песке человека. Сраль уже приближался к нему, неся в обеих руках камень, его плечи согнулись под тяжестью. Санчо воспользовался тем, что Мертвяк отвернулся, и пополз по вершине дюны. Занятый камнем Сраль не видел его, пока Санчо не оказался перед самым его носом. Привлеченный криком своего приятеля Мертвяк обернулся, его глаза зажглись зловещим огоньком.

— Стой где стоишь! — крикнул Санчо.

Он встал и подошел к лежащему на песке человеку. Мертвяк тоже поднялся, протянув одну руку к Санчо, а другую спрятав за спину.

— Ух ты, а новичок-то умеет плавать. И где же твой черномазый?

— Рядом, — ответил Санчо, прикусив губу. — Не двигайся, Мертвяк!

— Ну а если двинусь — что тогда? Уж не думаешь ли ты, что я испугаюсь какой-то палки? — ответил тот, делая шаг в сторону Санчо. — Ты что же, в самом деле собрался защищать эту свинью? А то можешь присоединиться к нам и проломить ему черепушку.

Санчо шагнул ему навстречу — и тут увидел лицо лежащего человека, который наблюдал за этой сценой широко раскрытыми глазами, полными страха. Санчо тут же узнал его, несмотря на кровь, залившую ему половину лица.

Это был боцман.

Санчо еще сильнее стиснул в руках сук, заметив, что под воздействием влаги темно-коричневая кора уже начала отделяться от древесины. Распластанный на земле человек заступился за него, когда никто больше этого не сделал, поспорив с Вороном, избивавшим Санчо в тот день, когда Хосуэ сломал весло.

— Если вы хотите его убить, вам придется сначала убить меня, — сказал Санчо пересохшими губами. Голос его дрожал.

— Ну, за этим дело не станет, новичок.

Мертвяк сделал шаг вправо, пытаясь обойти Санчо, тот тоже сдвинулся с места. Он не хотел терять из вида другого каторжника, который удивленно взирал на стычку, не выпуская из рук камень.

— Чего ждешь? Заходи с тыла, придурок!

Сраль наконец-то пошевелился, бросив камень и двинувшись в их сторону, Санчо совершил ошибку, обернувшись к этой новой угрозе, что дало Мертвяку возможность броситься в его сторону. Он вытащил руку из-за спины, и в ней оказалась острая деревяшка, нацеленная Санчо в бок. Юноша сделал шаг назад, увернувшись лишь чудом. Кончик деревяшки промелькнул в воздухе всего в пальце от тела Санчо, который выбросил вперед правую руку, ударив Мертвяка кулаком по физиономии.

— И это всё, на что ты способен? — издевался тот, глядя ему куда-то за спину.

"Они пытаются отвлечь меня", — подумал Санчо, отступая еще на шаг влево. Теперь он не видел Сраля, который в любую минуту мог напасть со спины, и тогда всё будет кончено.

— Давай! — крикнул Мертвяк, вновь бросаясь на Санчо.

Санчо пригнулся и снова схватил сук обеими руками, резко пырнув его концом Мертвяка в живот в то самое мгновение, когда тот ринулся вперед. Каторжник согнулся пополам, хватая ртом воздух. В тот же миг Санчо почувствовал, что сзади его пытаются схватить Сраль. Он дернул руками, чтобы высвободиться, и нападавший решил перепрыгнуть через боцмана, но раненый приподнял ногу, и второй каторжник растянулся на песке.

Не имея времени, чтобы оглянуться, Санчо тверже встал на ноги, занес сук над левым плечом и со всей силы обрушил его на голову Мертвяка. Тот еще не оправился от удара в живот, но уже поднимал свою острую деревяшку, чтобы вонзить ее в Санчо, как получил удар по голове. Раздался треск и брызнула кровь, когда палка разбила ему нос и выбила несколько зубов, он закатил глаза и упал на колени.

— Слушай, ты, — сказал Санчо, указывая на Сраля, который, распластавшись на песке, смотрел на него полными паники глазами. — Забирай это дерьмо и проваливай отсюда.

Каторжник медленно поднялся на ноги, и Санчо попятился, подозревая подвох, потому что Сраль смотрел куда-то за спину. Он чуть повернул голову, но за ним стоял никто иной как Хосуэ. Негр встал рядом с Санчо со скрещенными руками, и этого оказалось достаточно для двух других каторжников. Сраль и Мертвяк поднялись и прихрамывая поковыляли прочь. Хосуэ некоторое время шел за ними, чтобы убедиться, что они действительно исчезли.

Санчо между тем опустился на колени рядом с боцманом. Лежащий на песке моряк казался немногим старше его самого, от силы на четыре или пять лет. Его рука шарилась по песку в поисках руки Санчо, и тот выпустил свой сук, чтобы взять моряка за руку. Боцман прижал ее к сердцу.

— Спасибо за помощь, — прошептал он.

— Вы тоже мне помогли, — ответил Санчо.

Боцман не сразу понял, что имеет в виду Санчо, но через некоторое время в затуманенном взгляде затеплился огонек понимания.

— Ах, да. Ты тот самый парень, что сцепился с Вороном. Ты проявил себя настоящим храбрецом, боюсь, ты оказался смелее меня. Если бы я осмелился возразить капитану...

— Вы не должны сейчас об этом думать. Вас нужно доставить в безопасное место.

— О Господи... Столько людей погибло... — начал боцман, но его речь оборвал внезапный приступ кашля. Санчо увидел, что его зубы окрасились кровью, и встревоженно спросил:

— Вы ранены?

— Когда я прыгнул с корабля, пуля попала мне в спину. У меня едва хватило сил уцепиться за обломок мачты. Кто-нибудь еще спасся?

— Несколько человек, сеньор, но всех забрали мавры. Остались только мы с Хосуэ.

Моряк ненадолго замолчал, прикрыв глаза, и дыхание его стало еще более прерывистым.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Санчо, сеньор.

— Помоги мне подняться, Санчо. Я хочу взглянуть на море в последний раз.

Санчо помог ему, осторожно поддерживая, чтобы тот не упал. Неожиданно он

почувствовал, что его руки испачкала какая-то вязкая жидкость; взглянув на боцмана, он увидел, что вся спина моряка залита кровью, которая уже успела пропитать песок в том месте, где он лежал, Так что зря каторжники надеялись, что одежда боцмана достанется им в целости.

Моряк некоторое время созерцал поверхность воды в том самом месте, где утонула галера, а потом поднял глаза к небу, где в сумерках начали проступать первые звезды. Он с трудом мог держать голову, и Санчо пришлось прислонить ее к своему плечу.

— Вон там — Плеяды, Санчо. А за ними, дальше — Альдебаран, путеводная звезда. С ней говорят, что ее свет — это души погибших моряков, которые освещают нам путь.

Санчо кивнул, а боцман повернулся лицом к другим созвездиям, что поднимались на востоке.

— Наклонись поближе, — прошептал боцман. — Я хочу кое о чем тебя попросить.

Юноша наклонился к его губам и несколько минут слушал угасающий шепот. Потом боцман замолчал, и голова его упала на плечо Санчо. Тот заботливо уложил тело на землю и закрыл умершему глаза.

Когда Хосуэ вернулся, он увидел, как Санчо вытирает кулаком покрасневшие от слез глаза. Вдвоем с негром они оттащили тело подальше от берега, куда не достигал прилив. Там они выкопали могилу: Санчо — при помощи толстой ветки, а Хосуэ — прямо своими огромными ручищами. Луна стояла уже высоко в небе, когда они наконец опустили в могилу тело боцмана. Санчо уже собирался засыпать его землей, но Хосуэ остановил его.

"Ты должен помолиться за него".

— Я никогда не верил во всю эту чепуху, — ответил Санчо. — Вот скажи: где был Господь, когда неверные напали на "Сан-Тельмо"?

"А я молился — и посмотри, мы ведь спаслись".

— Другие гребцы тоже молились — и где они теперь? А кстати, почему ты сам за него не помолишься?

"Я не могу разговаривать. А ты можешь".

— Что толку от молитвы, если она идет не из сердца?

Хосуэ помолчал, пожал плечами и указал на могилу.

"Ему всё равно, что ты не веришь".

Санчо склонил голову и выполнил желание Хосуэ. Тот уже показывал свою крайнюю религиозность на борту галеры, но Санчо это не помогло примириться со смердящим адом, каким была жизнь на борту "Сан-Тельмо". За несколько минут Санчо простился с боцманом, произнеся выученные в другом мире слова, которые не говорил уже несколько лет. Вопреки ожиданием, они не показались пустыми и бездушными. После этого боцман остался один, лишь в компании шепчущих волн и под куполом небес.

Потом они засыпали могилу и недоуменно посмотрели друг на друга, размышляя, что делать дальше.

— Где, черт возьми, ты пропадал? — поинтересовался Санчо.

"Изучал окрестности. Хотел узнать, куда мы попали. И есть ли поблизости люди".

— Мне бы пригодилась твоя помощь с этими типами, — попрекнул его Санчо, вспомнив, как близко он оказался к тому, чтобы присоединиться к боцману с размозженной головой.

"Прости. Не волнуйся. Они ушли и больше не вернутся. Но я должен тебе кое-что сказать".

Санчо остановился, озадаченный. При свете луны лицо негра казалось вырубленным из той же скалы, что обрамляла бухту, в нем появилось что-то новое, отличное от того фатализма и покорности, которые он демонстрировал с тех пор, как они познакомились. В Хосуэ была какая-то темная и непонятная сторона, которая приоткрывалась лишь в определенные мгновения, как, например, когда ночью он спас Санчо от Мертвяка.

"Я не могу никого убить".

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Санчо, совершенно ничего не понимая.

"Я дал обет перед Богом. И ты должен знать, что отныне я буду повсюду следовать за тобой".

— Ты вовсе не обязан этого делать. Ты свободен.

"Я раб. У меня клеймо на лице. Я пропаду, если останусь один, без тебя".

Санчо тут же понял, что если покинет своего друга, то приговорит его к смерти. Без вольной грамоты Хосуэ попадет в руки правосудия, как только войдет в любое поселение. Его снова отправят на галеры или казнят гарротой ^[7] за побег. У него не было другого выхода.

"А кроме того, ты спас мне жизнь, — продолжил Хосуэ, медленно и четкими жестами, словно хотел подчеркнуть важность своих слов. — По правилам моего народа, теперь мы братья. Я последую за тобой повсюду".

Смущенный таким проявлением любви, Санчо кивнул. Слова Хосуэ тронули его до самого сердца, что делало положение еще более сложным.

— Но я даже не знаю, что теперь буду делать, по какому пути пойдет моя жизнь. Но один из них приведет... — он не мог произнести это вслух, так что показал пальцами, так же медленно и отчетливо, как Хосуэ клялся ему в верности:

"Я собираюсь забрать несколько жизней. По меньшей мере одну, но наверняка больше".

Хосуэ кивнул и пожал плечами, словно давно это знал.

"Я буду тебя защищать и помогать. Отдам за тебя жизнь, если понадобится. Но эти руки не будут убивать. Такова воля Господа. Ты должен сделать это сам".

Санчо сделал глубокий вздох и закрыл глаза, пытаясь запомнить всё, что его окружало, как учил Бартоло. Поднялся легкий бриз, наполнивший легкие ароматом ладанника. В кустах стрекотали цикады, ночь была тихой и прекрасной, словно мир затаил дыхание в предвкушении того, какое решение он примет.

Правосудие быстро бы их настигло, когда море начнет возвращать тела мертвецов или когда галера не покажется с ближайшем порту. Рыбаки найдут остатки кораблекрушения, бочки с водой, на которых выжжено название "Сан-Тельмо", останутся на плаву. Через несколько дней, может, через неделю, но рано или поздно обитатели этой местности встревожатся, заметив беглых каторжников.

Они должны были начать новую жизнь, бежать в Кастилию или на север. Путь был труден, особенно поначалу, потому что рассчитывать было не на кого. Оба оказались совершенно голыми, у них не было денег или друзей, у которых укрыться, но в то же время это означало новую жизнь.

Лучшую для Хосуэ. Негр оказался порядочным и умным человеком, и только что вручил свою судьбу в руки Санчо.

"Есть ли у меня право втягивать его в безумные планы, что он вынашивал в трюме, в битву, которую невозможно выиграть, в городе, где его могли узнать и снова приковать к веслу? Как только оба освободятся от тяжелых оков на лодыжке, они смогут начать всё

сызнова, написать жизнь с чистого листа. Раздобыть одежду, потом деньги, выждать достаточно времени, чтобы их сочли мертвыми. А затем, наконец, исполнить его мечту, пересечь океан и добраться до Индии".

Санчо слегка пошевелил правой ногой, ржавое кольцо звякнуло, и он сделал глубокий вздох. Он может снять кандалы, но никогда не сотрет из памяти воспоминания, которые раздирают его, как тяжелые звенья цепи. Волчья ухмылка Мониподио, жестокие звуки избиения Бартоло, взгляд Клары, когда альгвасилы тащили его из дома Монардеса.

Он повернулся к Хосуэ.

— Как думаешь, где мы находимся? И нет ли поблизости хоть какой-нибудь завалящей деревушки?

"Я видел дым вон в той стороне, — сказал негр, указывая на запад. — Там, далеко"

— Хорошо, пойдём туда. Нам нужно раздобыть одежду и еду.

"А потом?"

— Первым делом я должен исполнить последнюю волю умершего. А потом собираюсь отомстить одному мерзавцу.

Хоачим Дрейер потянулся, услышав ободряющий хруст шейных позвонков. Ему перевалило за пятьдесят, но когда он напряг мышцы рук, ткань ночной сорочки едва выдержала. В этих мышцах еще остались силенки.

На улице еще было темно. Он не взял ничего на завтрак, ему нравилось начинать работу ни свет ни заря, пользуясь утренней свежестью. Он снял ночную сорочку, оставшись в панталонах, и сунул голову в бадью с водой, чтобы промыть слезящиеся глаза и очистить нос от запахов конского волоса, селитры и серы. Капли еще стекали по могучему торсу Дрейера, когда он вошел в кузницу. В ней было всего три стены, на месте четвертой стены из маленькой мастерской открывался вид на гору, как с наблюдательной площадки. Сейчас там была лишь чернота, но всего через час вид станет потрясающим.

Дрейер не хотел этого пропускать и двигался быстро. Бросив взгляд в корзину, он понял, что там маловато мелких дров, и потому снова вышел и отколол щепки от пары оливковых поленьев. Дерево было старым и сухим. Дрейер сложил дрова в горне, а сверху высыпал древесного угля на три пальца толщиной. С помощью огнива он высек искру и зажег факел с задней стороны горна, а потом щепки в нескольких местах, поскольку поверхность должна была гореть ровно.

Кузнец подождал несколько минут, чтобы щепки показали свою магию, затем снял с крюка на двери толстый кожаный фартук и рукавицы. Поверхность фартука, когда-то коричневая, теперь превратилась в смесь черных и серых пятен. Дырки отмечали те места, где кожа спасла Дрейера от вылетающих из горна кусков раскаленного металла и искр, которые отскакивали, когда он обрабатывал заготовку огромным молотом. Однако на его предплечьях виднелись многочисленные белые точки — там, где их не покрывали рукавицы и фартук. Кузнец чертыхался, когда получал ожоги, но в таверне любил закатывать рукава и гордо демонстрировать шрамы.

Не то чтобы он их частенько посещал. Он по-прежнему был здесь чужаком, несмотря на то, что прожил в Кастильеха-де-ла-Куэсте пятнадцать лет. Это поселение представляло собой лишь кучку домов, разбросанных на горе, что возвышалась к северо-востоку от Севильи. Дрейер приехал сюда, спасаясь от прошлого, которое предпочел бы забыть, но оно терзало его каждый день. Лишь когда его слишком переполняли воспоминания, он поддавался искушению и направлялся в местное питейное заведение, где соседи обращались с ним без любви, но почтительно. Не зря он был уважаемым оружейником, к которому напрямую приходили дворяне и солдаты, нуждавшиеся в шпагах не слишком роскошных, но качественных. Тех, что не для обучения, а лишь для убийств.

Заказ, над которым он работал последние недели, был особенно сложным из-за роста клиента. "Весьма необычная вещь в мире мелких ублюдков", — подумал Дрейер, в первый раз дернув за цепь, раздувающую мехи. От потока воздуха угли заалели, и кузнец вознес молитву, чтобы огонь не потух, прежде чем снова потянуть за цепь привычным жестом. Он продолжал заниматься этим несколько минут, пока не раскалилась вся поверхность.

Клинок лежал, завернутый в тряпье, чтобы предохранить его от влаги. На этом этапе процесса любое незначительное изменение могло затронуть самое сердце металла, потому что еще он еще не достиг той стадии, когда словно запечатается сам в себе. Дрейер

осторожно взвесил его в руке и сдержал ругательство, готовое сорваться с губ. Он заметил небольшой дисбаланс, который мог принести проблемы во время закаливания. Он уже ковал клинок дважды, и не мог повторить это в третий раз, не рискуя сделать его слишком мягким.

Длина хорошего клинка вместе с рукой должна равняться росту владельца. В том-то и заключалась проблема его нынешнего клиента — капитана с такими длинными руками и ногами, такого высоченного, что он казался больше выходцем из родной страны кузнеца, Фландрии, которую тот покинул ради новой страны.

"Возможно, его мать покувыркалась с добрым фламандцем за спиной мужа. Такое частенько происходит с людьми, живущими у моря. Но ежели так, то всё вышло ловко, раз ребенок получился смуглым и черноволосым".

Он высыпал на раскаленные угли слой пепла, чтобы предотвратить прямое соприкосновение, отчего на металлической поверхности могли образоваться пузырьки. Или еще хуже, придать ей черноватый цвет, которым обладали клинки плохих кузнецов, не беспокоящихся о качестве и внешнем виде.

"Конечно, ведь мой Хоакин пошел в мать — смуглый и низкий, а от меня ему не досталось ни капельки", — с грустной улыбкой подумал Дрейер, со всей осторожностью кладя клинок на пепел. Его жена умерла уже много лет назад, а сын стал моряком. Он вернется через несколько месяцев, когда зимой нельзя будет воевать, и они сядут рядом с камином, выпьют и молча сыграют в шахматы, пока ветер будет свистеть в ставнях. В такие минуты он не был счастлив — это состояние он позабыл со смертью жены и не рассчитывал когда-либо снова испытать, но ощущал безмятежность и спокойствие, достаточно похожие на счастье, так что разница уже не имела особого значения.

Через несколько минут жар начал придавать металлу легкое свечение, но кузнец смотрел не на дело своих рук, а на произведение более могущественного кузнеца. Перед отсутствующей стеной мастерской разыгрывалось представление, которым Дрейер наслаждался каждое утро. Солнце только что появилось на горизонте, высветив очертания монастыря Святой Троицы. Медленно, почти лениво, свет растекался по долине реки Бетис, окрашивая золотом стены Севильи и в алый — тысячи ее крыш. Солнце поднялось и над Кастильехой, просыпались Ринконада и Сантипонсе. Солнечные лучи едва коснулись римских развалин — того города, что римляне защищали ударами гладиусов, мечей, что совершили самое большое число убийств в истории человечества, — а потом добрались до вершины горы, и первые лучи ворвались в кузницу. Дрейер встретил их с поднятым и дымящимся клинком, его сияющие острые края соперничали с блеском солнца.

На мгновение кузнец подумал, что древние правы — клинки проникнуты магией стихий. Раньше он делал оружие в полнолуние или заворачивал его в свежие травы, собранные на закате. Дрейер обманывался, считая себя человеком практичным, больше верящим в посыпанную на раскаленный металл серу, чем в мистические огни. Однако он трижды перекрестился, прежде чем снова положить клинок на наковальню. Нужно исправить этот дисбаланс в клинке, возникший из-за его слишком большой длины, и сделать это одним ударом.

Он поднял молоток, тоже купающийся в солнечных лучах, его грубый тупой наконечник дрожал в напряженной руке кузнеца. Он сосредоточил взгляд на том месте, которое хотел исправить, и приказал инструменту направиться именно туда, и никуда более. На мгновение его рука стала на пятнадцать, а то и двадцать лет моложе, не имея ни сомнений, ни колебаний, и молоток опустился по идеальной дуге. Раздался гулкий звон, раскатившийся по

деревне вместе с кукареканьем петухов.

Нельзя было терять ни секунды. Взяв клинок клещами, кузнец погрузил его в бадью с водой. На ее поверхности появилась вспышка, а потом поднялся столб пара, но Дрейер быстро вытащил клинок. От первого купания он хорошо охладился, но теперь нужно было подвергнуть шпагу специальной процедуре, придававшей его оружию особую гибкость и сделавшей его великим мастером.

Он быстро кинул взгляд через плечо, ревниво охраняя свой секрет, а потом погрузил клинок в стоящее у наковальни ведро. Это ведро, наполненное ослиной мочой, являлось основой этой процедуры. По какой-то причине непременно нужно было брать мочу ослиц, еще лучше — беременных. Два десятка лет назад Дрейер заплатил старому толедскому мастеру десять эскудо, чтобы открыл ему этот и другие секреты мастерства, когда закончился первый этап его жизни, и он решил поменять профессию. То, чем он занимался сейчас, не так уж сильно отличалось от того, что делал раньше, и этот хорошо оплаченный секрет помогал зарабатывать на жизнь.

Клинок зашипел при контакте с мочой, и от испарений желтой жидкости глаза кузнеца начали слезиться. Вонь стояла отвратительная, но он не отвернулся. Через минуту он вытащил клинок и окунул его в последний раз — в бадью с маслом.

Кузнец вернулся в дом и отправился на кухню, взял сковороду, колбасу и сыр, тщательно завернув их в тряпицу. Прихватил и яблоко позднего урожая, немного сморщившееся, но очень сладкое. Дрейер связал четыре кончика тряпицы, который тут же покрылись сажей с его пальцев, и направился обратно к кузнице. Неподалеку от нее, у подножия горы, он присел, засунув ноги в куст розмарина, и следующий час без спешки завтракал, прихлебывая из меха с вином.

Еще ощущая вкус еды, кузнец начал полировать шпагу. Сначала он вытер масло той же тряпкой, в которую заворачивал еду на кухне, а потом взял оселок, чтобы обработать края. В тех местах, где рука встречала хоть малейшее сопротивление или неровность, он проводил по несколько раз. Особенное внимание Дрейер уделил острию, которое на следующий день собирался подвергнуть последнему нагреванию в горне, чтобы придать особую твердость, напрямую погрузив в угли, пока дважды не прочтет "Символ веры" и трижды "Аве Мария".

Он закончил полировать металл щеткой из грубой кабаньей щетины, и чуть помедлил, прежде чем провести последнее испытание. Теперь он узнает, был ли точным нанесенный чуть раньше удар молотом. Он проверил баланс, держа клинок на расстоянии восьми пальцев от черенка рукоятки — он чуть качнулся, а потом застыл в превосходном равновесии. После того, как он приделает рукоять, нужно будет повторить это испытание на половине расстояния.

Дрейер улыбнулся, как гордый мастер, удовлетворенный, что произвел на свет нечто прекрасное, преодолев все трудности. Он поставил клинок перед самым носом, направив острием к долине, чтобы убедиться, что он идеально прямой, когда на дороге показались две фигуры.

Поначалу он плохо их рассмотрел, потому что солнце стояло еще низко, но они не показались знакомыми. Оба человека шли пешком, ни в руках, ни за спиной они ничего не несли. Очевидно, что это были мужчины, из-за манеры двигаться, но больше кузнец не смог ничего разглядеть, пока несколько минут спустя незнакомцы не подошли ближе. Они походили на мужчину с ребенком, хотя Дрейер тут же сообразил, что это не ребенок, а довольно высокий юноша, а второй — огромный негр. На некоторое время он потерял их из

вида, когда они скрылись за апельсиновой рощей, но потом совершенно ясно понял, что это чужаки. Он с первого взгляда узнавал всех жителей Кастильехи и большую часть добравшихся до нее лоточников и торговцев. Королевский тракт поднимался только до подножия горы, так что никто не проходил мимо деревни, если не направлялся именно сюда.

Когда незнакомцы приблизились к развилке, они немного поколебались, хотя юноша залез на скалу и поднес ладонь к глазам, чтобы оглядеться. Посмотрев в направлении кузницы, он подозвал другого и показал ему прямо на нее.

Это удивило Дрейера. Дом кузнеца находился в самой высокой части деревни, в двух бросках камня от скопления остальных домов, так что любой, выбравший тропу наверх, наверняка искал именно его. Пока они приближались, кузнец разглядел, что оба одеты в лохмотья. Это точно не клиенты. Но и опасными они не выглядели, под этим тряпьем оружие не скроешь. На всякий случай он взял в руку молоток и вышел на дорогу встретить незнакомцев.

Они сделали последний поворот, когда их окликнул Дрейер, высунувшись из-за угла.

— Кто вы такие и что вам надо?

Чужаки остановились, и юнец поднял на него взгляд. Он был больше чем в тридцати варах ^[8], но и на таком расстоянии кузнец заметил серьезное выражение лица.

— Я — Санчо из Эсихи, а это — Хосуэ. А вы, должно быть, кузнец Дрейер, сеньор?

— Допустим, — ответил тот с некоторой с опаской.

— У нас есть для вас новости, маэсе Дрейер, но нам хотелось бы подойти поближе.

Кузнец пристально оглядел странных гостей. Их лица казались добрыми, но он был слишком старым стреляным воробьем, чтобы купиться на подобные вещи. Оба были очень коротко острижены, парень загорел дочерна и цветом кожи почти не отличался от своего спутника. Ноги обоих были замотаны грязными тряпками до середины икр, несмотря на палящую жару в это время года. А у негра вдобавок на щеке было выжжено клеймо — всем известный знак рабства. Не иначе как бандиты, бежавшие с галер каторжники. Люди, доведенные до отчаяния, и потому весьма опасные.

— Если вам есть что сказать, говорите оттуда, — велел он, потрянув молотком.

Юноша поколебался, посмотрев на спутника, и тот кивнул. Наконец, он сунул руку под рубаху и пошарил там. Опасаясь, что там окажется кинжал, кузнец с силой сжал молоток. Что-то блеснуло, но паренек вытащил не оружие, а золотой медальон. Дрейер прищурил глаза и немедленно его узнал. Он тут же понял, что здесь делают эти незнакомцы. Руки его, казалось, лишились всякой силы, и молоток, что выковал превосходный клинок, которым его мертвый сын уже не сможет полюбоваться, упал в пыль.

Кузнец упал на колени, закрыл лицо руками и зарыдал.

Санчо и Хосуэ неподвижно стояли, с почтением наблюдая скорбь кузнеца; в конце концов он поднялся, взял из рук Санчо золотой медальон и, не сказав ни слова, направился в дом. Тогда они решились подойти ближе и устроились в тени кузницы. Хосуэ извлек из своих лохмотьев пару персиков, которые раздобыл прошлой ночью в чьем-то саду, и оба принялись неторопливо их поедать, тщательно смакуя каждый кусочек, а потом еще долго обсасывали косточки, чтобы хоть как-то утолить жажду. Санчо догадывался, что с другой стороны дома есть колодец, но не хотел переступить порог без разрешения кузнеца.

С тех самых пор, как они двенадцать дней назад выбрались на берег, их терзала невыносимая жажда. В первую ночь, пока они ползали по горам, пытаясь определить, куда попали, им не удалось найти ни капли воды. Повезло лишь на следующее утро, когда они добрались до деревушки, притулившейся возле устья небольшой реки. Они не решались показаться людям на глаза, поскольку с первого взгляда было件нятно, что они — беглые каторжники с галеры. Их бы просто затравили собаками или поймали, чтобы сдать властям, поскольку за поимку беглого каторжника полагалось вознаграждение в семь эскудо. Для этих бедняков, в жизни своей не видевших золотой монеты, семь эскудо были целым состоянием, они бы их нипочем не упустили.

Весь этот долгий, невыносимо жаркий день они прятались в зарослях раkitника, дожидаясь темноты. Заросли кое-как скрывали их от посторонних глаз, но не спасали от палящего зноя. После долгих месяцев, проведенных в трюме, кожа Санчо отвыкла от солнца, и к вечеру его шея и плечи покраснели и покрылись волдырями. Несколько раз он терял сознание от зноя и жажды, и, когда пришел долгожданный вечер, Хосуэ пришлось тащить его к реке почти волоком. Добравшись до воды, оба принялись хлебать ее, как одержимые, до судорог, а Хосуэ даже стошнило. Потом Санчо, еще пошатываясь от слабости, оставил огромного негра в укрытии, а сам побрел в сторону деревушки, где ему удалось стащить несколько репок и простыню, прежде чем его почуяли собаки и подняли лай.

Из этой простыни они смастерили себе некое подобие одежды, которую теперь и носили. Санчо также попытался сделать из тряпок что-то вроде башмаков, но эти, с позволения сказать, башмаки годились лишь на то, чтобы скрыть следы кандалов, отчетливо заметные у них на лодыжках, но оказались совершенно непригодными для ходьбы по твердой каменистой земле.

В этой скверной экипировке они и продолжили свой путь, решаясь выбраться на свет и расспросить дорогу, лишь когда встречали одиноких путников, не представлявших большой опасности, и прячась в придорожных кустах, едва заслышав грохот копыт по дороге. Когда на пути попадалось большое селение, они скрывались где-нибудь поблизости. до захода солнца, а глубокой ночью обходили его как можно дальше по широкой дуге. Этот переход занял у них втрое больше времени, чем у обычных путешественников, и всё это время их терзали жажда, голод и страх. Только однажды Санчо ощутил что-то вроде облегчения; сердце радостно забилося у него в груди, когда вечером десятого дня перед ним предстала знакомая вершина холма, пробудившая в нем смутные воспоминания детства. Сначала он ничего не сказал Хосуэ, однако, когда тот, заслышав чьи-то шаги, попытался, как всегда, увести его с дороги, Санчо удержал его на месте.

— Погоди. Я должен кое-что выяснить.

Негр выглядел озадаченным, но не стал спорить. Санчо сел на камень у обочины, не скрывая своего беспокойства. Через несколько минут появилась группа странников, которым предшествовала туча пыли и звон колокольчиков, доносившийся до них ветром. Санчо прищурил глаза и поднял руки, привлекая внимание. Один из путешественников остановился, чтобы с ним поговорить, и показал куда-то за спину.

Когда караван прошел, Хосуэ увидел, что его друг по-прежнему сидит на камне, а его сияющую улыбку не может скрыть даже запорошивший лицо слой пыли.

— Просто не могу поверить, — признался Санчо другу, едва не пускаясь в пляс. Сердце его, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди от радостного волнения. — Прямо за этими холмами — Хениль. А чуть дальше — наш постоянный двор, где я родился и вырос.

И не прибавив больше ни слова, он заставил Хосуэ срезать путь напрямик, со всей скоростью, что позволяли их ноги после стольких дней пути и тяжелых трудов. Вода в реке стояла низко, едва доходя Хосуэ до живота. Несмотря на это, Санчо пришлось взять его за руку, чтобы помочь пересечь реку, потому что его друг по-прежнему боялся утонуть. Он шел мелкими и боязливыми шажками, как едва научившийся ходить малыш, ощупывая носком ступни скользкое дно. Когда они перебрались на другой берег, Хосуэ глубоко вздохнул, словно долго задерживал дыхание. Раб боялся, что Санчо бросится бежать, но сейчас, когда они находились так близко, он снизил темп, словно опасаясь того, что найдет по другую сторону холмов, что виднелись вдали.

Когда они наконец добрались до того места, где Санчо родился и вырос, подтвердились самые худшие его опасения. На месте славного маленького домика с белеными стенами они обнаружили лишь почерневшие развалины. Хосуэ взглянул на Санчо, но тот ничего не сказал. Он принялся копаться в груде мусора на том месте, где прежде стоял сарайчик с инструментами. Протянув руку, он поднял обугленный кусок дерева, которым было удобно разгребать мусор. Ветра и дожди занесли пепел толстым слоем пыли и сухих листьев, однако ему потребовалось не более пяти минут, чтобы найти то, что искал. Это оказался некий длинный и хрупкий предмет, уцелевший после пожара.

Это была кость. Человеческая кость.

Большая, дочерна обгоревшая берцовая кость, принадлежавшая, несомненно, взрослому мужчине. Хосуэ не был из племени каннибалов, однако в его роду трупы врагов всегда сжигали, устроив огромный костер, а обгоревшие кости так и бросали. Лишь останки женщин и детей было принято предавать земле.

Санчо тяжело вздохнул и сглотнул. Хосуэ сочувственно положил руку ему на плечо, однако тот отвернулся и взял в руки ужасную находку.

— Он пришел к нам однажды вечером, весь дрожа. Сказал, что ему холодно, хотя на дворе стояла жара. Мама потрогала его лоб и уложила в постель. Она даже принесла ему чашку бульона, хотя мы никогда не видели его раньше и не были уверены, что он заплатит за проживание. Он был хорошо одет, но едва мог говорить, охваченный лихорадкой, а в кармане у него болталось лишь несколько мараведи. Наутро мама увидела у него чумные бубоны и попросила меня помочь перенести его в сарайчик, чтобы он не заразил всех в доме. Ну что нам стоило перерезать ему глотку и бросить в канаву!

В отчаянии Санчо стиснул кость с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

— Через два дня мама заболела. Сначала она почувствовала рези в желудке, потом у нее начался жар. Никто из гостей не послал за помощью, а я боялся отойти на нее даже на шаг. Я

ухаживал за ней, как мог, но не в силах был ей помочь. Я ничего не мог для нее сделать. Ну почему эта сволочь не нашла другого места, чтобы подохнуть...

Он снова схватил кость, собираясь сломать ее о камень, однако Хосуэ остановил его. Санчо в ярости повернулся к нему и ударил в плечо, но негр, ничуть не испугавшись, протянул руки ему навстречу. В конце концов Санчо сдался и безутешно зарыдал, обняв его и уткнувшись лицом в грудь.

Им потребовалось несколько часов, чтобы разыскать среди руин останки матери Санчо. Хосуэ хотел их забрать, но парнишка ему не позволил. Он так старательно и с таким терпением собирал ее косточки, что можно было только удивляться. Они похоронили ее в старой горделивой оливковой роще, ныне заброшенной и печальной. Несколько деревьев были выкорчеваны и украдены алчными соседями, у других были сломаны ветви. Тем не менее, Санчо знал, что именно здесь его мать хотела обрести вечный покой.

Хосуэ заметил, что надо бы похоронить и останки незнакомца, но Санчо наотрез отказался хоронить причину всех своих злоключений в той же земле, что и мать. Тогда Хосуэ собрал его кости и отнес их на дальнее поле, в то время как Санчо демонстративно отвернулся, скрестив руки на груди. Однако вскоре он сдался и помог своему другу выкопать третью за последние несколько дней могилу, чем заслужил одобрительный взгляд черного великана. Когда они похоронили останки этого несчастного, на душе у Санчо полегчало, хоть он и не желал себе в этом признаваться.

Когда они снова двинулись в путь, Санчо даже не оглянулся на старое пепелище. Он знал, что в любом случае никогда сюда не вернется. Судьба ждала его на другом краю света, если, конечно, смерть не рассудит иначе.

Санчо выплюнул персиковую косточку, и она шлепнулась в пыль возле входа в дом кузнеца. Хосуэ встал и заботливо закопал свою косточку на обочине дороги. Санчо грустно улыбнулся: вероятность, что косточка сможет прорасти в таком месте, была ничтожной, но такая наивность была вполне в характере его друга.

В эту минуту послышался шум, и они увидели, что Дрейер снова вышел из дома. Кузнец взял молот и брошенный на землю клинок, а затем поднял глаза и увидел, что незнакомцы, которые принесли ему столь ужасную новость, никуда не ушли.

В течение нескольких минут он задумчиво рассматривал их покрасневшими глазами.

— Вы всё еще здесь? — произнес он наконец.

Санчо выдержал этот осмотр молча.

— Хотите что-то получить взамен? Будь вы прокляты, зачем бы еще вы сюда притащились?

— Нам ничего не нужно взамен, маэсе Дрейер.

— Тогда чего вы хотите?

— Ваш сын говорил со мной перед смертью, сеньор. Он лежал на песке на берегу, раненый, и другие каторжники, такие же как мы, хотели размозжить ему голову камнем. Мы с Хосуэ им помешали.

— Откуда мне знать, что это не вы его убили? Мне стоит немедленно позвать альгвасила! — прорычал Дрейер, в его голосе смешались и ярость, и боль.

— Ниоткуда, сеньор. Но последние слова вашего сына предназначались вам. Он сказал, что любит вас, несмотря на то, что произошло в Антверпене. Что он не винит вас в ее смерти и просит о последней милости.

Плечи кузнеца задрожали, он словно разом постарел на несколько лет и чуть снова не

разрыдался. Прикусив губу, чтобы сдержать слезы, он повернулся к Санчо.

— Какую милость?

— Чтобы вы забыли о призраках и приняли меня своим учеником.

Кузнец засопел и уставился на Санчо. Когда он снова заговорил, то произносил слова очень медленно.

— И он сказал тебе, что это за призраки, парень?

— Нет, сеньор, да я и не хочу этого знать. Мне и своих достаточно, и мне не нравится выставлять их напоказ.

— Ты знаешь, кем я был? Как смешно выглядит, что крыса из сточной канавы вроде тебя приходит ко мне с подобной просьбой?

— Ваш сын сказал мне, что вы знаете о клинках гораздо больше, чем как колотить по ним молотком. Что вы были лучшим. И это он обратился к вам с просьбой, а не я.

Дрейер подошел к ним, и Хосуэ попятился, оставив Санчо рядом с кузнецом, хотя и не сводя с них глаз.

— Сколько тебе лет, парень?

Мгновение Санчо раздумывал, не соврать ли, но он не мог лгать человеку, заслуживающему уважения, а Дрейер был из таких. Несмотря на всю свою искусность во вранье и мошенничестве, перед человеком вроде кузнеца, способным вот так горевать о потере близких, Санчо чувствовал себя словно голым.

— Шестнадцать, сеньор, — ответил он, сглотив.

— Ты слишком молод и неопытен, — презрительно отозвался Дрейер.

— Сеньор, шестнадцать — это всего лишь цифра. Позвольте дать вам еще некоторые. Когда мне было тринадцать лет, моя мать умерла от чумы. Четырнадцать месяцев я провел в приюте, пытаясь выучиться для получения места, в котором мне в итоге отказали. Пятнадцать дней я проработал у трактирщика, который меня постоянно избивал. Четыре фута — таков был рост моего учителя Бартоло, которого избили до смерти. Пять месяцев я провел на галерах. На шесть лет меня приговорили.

Санчо разорвал лохмотья, покрывавшие его тело, повернулся и показал прочерчивающие его спину шрамы. Красные, желтеющие или побелевшие — по ним можно было прочесть календарь, отмечающий каждый день, когда юноша встречался с хлыстом Ворона.

— Пятьдесят три — столько я получил ударов. Вам хватит этих цифр, сеньор?

Дрейер прикусил губу, не зная, что ответить. Его потрясли не шрамы, он внезапно осознал, как непросто было двум каторжникам добраться до него, одетыми лишь в эти клочья ткани, которые юноша только что бросил на землю.

— Я задам тебе два вопроса, и хочу услышать правду. Если соврешь, я это пойму. Ясно?

Санчо кивнул.

— Почему ты не забрал одежду моего сына?

— Потому что он спас мне жизнь и жизнь Хосуэ, когда надсмотрщик хотел с нами разделаться.

— Тебе было бы гораздо проще сюда добираться.

— Но это было бы недостойно.

Он произнес это, будто подводя итог сказанному, словно больше не о чем было говорить, и подождал следующего вопроса, который, казалось, прозвучал через целую вечность.

— Чего ты хочешь от жизни, парень? — наконец спросил Дрейер.

Глаза Санчо блеснули. Он почувствовал, что пробил брешь в окружающей кузнеца стене, и потому очень тщательно выбирал слова.

— Справедливости, сеньор. Для тех, кто был добр ко мне. И для себя.

— Когда кто-то сам начинает себя судить, то справедливость перестает быть таковой.

— Что ж, тогда назовите это мстью, если хотите, сеньор. Но научите меня обращаться со шпагой.

Санчо и Хосуэ спали в ту ночь там же, где провели день — у стены кузницы. Когда Санчо попросил Дрейера стать его учителем, тот развернулся и без единого слова вошел в дом. Он так и не появился, и юноша не знал, чего от него ждать. В конце концов он решил потерпеть. Еще не начали петухи, когда Санчо проснулся. Дрейер расталкивал его ногой, и юноша тут же поднялся, вытерев лицо рукой. Кузнец окинул его пустым взглядом. За ночь на его лбу пролегли глубокие морщины, а под глазами — темные круги. В тусклом предрассветном свете он казался скорее призраком, чем человеком.

— Я буду твоим учителем в течение года — в память и моему сыну и в благодарность за то, что ты для него сделал. А потом можете убираться.

Санчо уже открыл было рот, чтобы что-то ответить, однако передумал и лишь молча кивнул.

— Но его я ничему не буду учить, — прохрипел кузнец, кивая на Хосуэ. — Не терплю неверных.

Парень улыбнулся, поглядев на спящего черного великана.

— Могу поручиться, что он куда более ревностный христианин, чем вы или я, сеньор.

— Называй меня маэстро Дрейер, — сухо поправил тот. — А этот ревностный христианин умеет драться?

— Нет, маэстро. Он никому не причиняет зла. В детстве он видел слишком много крови, а когда христиане захватили его в плен и окрестили, поклялся никого не лишать жизни.

Слушая, с какой теплотой Санчо говорит о Хосуэ, Дрейер нахмурился.

— А вы часом не педерасты?

— А что это такое, маэстро?

— Вы сожительствуете друг с другом? В смысле, имеете друг друга в задницу? — высказался Дрейер еще яснее.

Санчо покраснел и покачал головой.

— Вот и хорошо. Я, знаешь ли, не люблю педерастов. Но еще меньше я люблю бездельников, так что нечего ему валяться. Уж мы-то найдем ему дело.

Едва Хосуэ открыл глаза, как кузнец лающим голосом продиктовал ему целый список поручений, которые он должен был сделать. Хосуэ надлежало наколоть дров, убрать золу из очага и натаскать воды для полива огорода. Выслушав указания, негр молча кивнул в ответ.

— Что это с ним? — спросил кузнец. — Он что, немой?

— Да, маэстро. Работоторговцы отрезали ему язык.

Дрейер закусил ус. Позднее Санчо узнал, что кузнец это делает, когда хочет скрыть свой гнев или недовольство. Особенно, когда изо рта сами рвутся некие слова, которые он хотел бы загнать обратно внутрь.

— Крепкий тип, — сказал он, дернув рукой, словно пытаясь стряхнуть тот ужас, который сотворили с Хосуэ много лет назад. — От него наверняка будет прок в кузнице и в саду.

— И готовит он отлично.

— Поглядим. Еще не родился человек, который мог бы меня удивить стряпней. Ладно,

вели ему делать, что говорю, — указал он на Хосуэ, который кивнул и ушел. — А что до тебя, то давай начнем.

Дрейер пощупал ноги и руки Санчо, тыкая большим пальцем в предплечья и бедра. По его требованию Санчо несколько раз согнул конечности и несколько раз присел.

— Сила у тебя есть, но от гребли руки и ноги у тебя испортились, ученик, — вынес свой вердикт Дрейер. — Мышцы у тебя — как одеревеневшие узлы, фехтовальщик из тебя выйдет не лучше, чем из камня. Сомневаюсь, что из тебя что-то получится, по крайней мере, пока не станешь гибче. Видишь ту тополиную рощу?

Санчо обернулся. В пятидесяти шагах вниз по склону располагалась группа деревьев, которую он скорее угадал, чем разглядел в предрассветном свете. Он кивнул.

— Беги к ней. Собери горсть листьев и возвращайся. И чтобы был здесь раньше, чем дюжину раз повторишь "Отче наш", а не то пожалеешь. Давай!

Санчо в мгновение ока бросился к тополям. Хотя руки и ноги повиновались ему немного с трудом, он тут же почувствовал, что просто летит вниз. Он перепрыгнул через ручей и осознал, сколько времени уже не двигался с такой скоростью, и как по этому скучал. Он вспомнил, с какой радостью бегал по переулкам Севильи, спасаясь от жертвы более сообразительной, чем остальные, или от стражника, более неподкупного, чем другие. Каждый поворот, каждая боковая улочка, которые он замечал краем глаза, знавали победы и интересные истории. Всё это разом пронеслось у него в голове, в порыве, которого нельзя было избежать, и Санчо ускорил бег, словно его ноги обрели собственную жизнь, помчавшись с риском сломать шею.

Когда он добежал до тополиной рощи, ему пришлось встать на цыпочки и вытянуть руки, чтобы добраться до нижних ветвей. Он смог сорвать горсть листьев и со всей скоростью помчался обратно. Возвращение — в гору — не было столь приятным. Оказавшись рядом с Дрейером, он бросил горсть листьев ему под ноги, прерывисто дыша и упав на колени.

— Я прочитал "Отче наш" пятнадцать раз, ученик. Попробуй еще разок.

Санчо поднял голову, не веря своим ушам.

— Маэстро Дрейер!

Кузнец поднял громадную ручищу, и Санчо решил, что тот собирается его ударить, но Дрейер ограничился тем, что показал на зарю, встающую над Севильей.

— Будешь бегать, пока солнце не встанет высоко. Когда принесешь сюда приличную кучку листьев, сможешь позавтракать. Вперед!

Санчо помчался вниз по склону во второй раз и уже без радости.

Полчаса спустя Санчо начал седьмой подъем, с каждым разом ноги становились всё тяжелее, а взгляд затуманивался, и в конце концов он упал на колени и начал блевать. Поскольку он почти ничего не ел, желудок не произвел ничего, кроме желчи и болезненных спазмов. Хосуэ видел его с холма, бросил охапку дров, которую нес, и побежал к Санчо. Но Дрейер преградил ему путь.

Хосуэ пытался его оттолкнуть, но не смог. Сила кузнеца была подстать мощи Хосуэ, несмотря на то, что Дрейер был на две ладони ниже гиганта. Негр пораженно повернулся, потому что никогда не сталкивался с человеком, способным задержать его лишь одной рукой.

— Ты ему друг? — спросил его Дрейер.

Хосуэ кивнул, больше для себя, чем кузнецу, потому что, похоже, тот уже знал ответ и

даже не глядел на негра, а смотрел лишь на распростершуюся на дороге фигуру.

— Тогда наблюдай за ним. Если в нем что-то есть, то он поднимется и добежит досюда. А если нет, то я выкину вас обоих взашей. Что бы ни случилось, с этой минуты он должен пройти эту дорогу сам. Ты не можешь ему помочь.

Санчо поднялся, так медленно, что казалось, что он почти не двигается. Сначала он поднял одну руку, а потом другую. Чуть погодя он чуть ли не на четвереньках вполз в дом кузнеца.

Каждое утро Дрейер повторял всё тот же ритуал, гоняя его к тополиной роще.

После этого он позволял ему перекусить хлебом и мясом, прежде чем нагрузить новыми упражнениями. Однажды Санчо пришлось с завязанными глазами взбираться на дерево, чтобы отыскать колокольчик, который Дрейер повесил на ветке, а потом спускаться вниз, не снимая повязки. В другой раз он должен был набрать полную корзину желудей, а потом бросать их по одному то правой, то левой рукой, стараясь добросить как можно дальше. Но самым жестоким испытанием для него стало, когда его заставили снова и снова ложиться и вставать, держа в руках кувшин, до краев наполненный водой.

— Десять раз. Прольешь хоть одну каплю — и можешь начинать сначала, — повторял Дрейер безразличным тоном.

Для Санчо это оказалось непосильной задачей. Он концентрировался как мог, пытаясь не пошевелить ни одним лишним мускулом, но результат был всегда один и тот же. Он испробовал сотню способов, но в одну из попыток жидкость неизбежно проливалась, впитываясь в песчаную почву перед домом кузнеца. Весь их мир ограничился этим пространством у стены кузницы, поскольку Дрейер не позволял им заходить в дом.

— Будь он проклят, — бормотал Санчо и яростно и разочарованно сопел, наблюдая, как сухая земля впитывает воду, оставляя на ее месте высохшую коричневую корку. — Это невозможно!

Каждый день Дрейер смотрел, как Санчо повторяет это упражнение, открывая рот лишь для того, чтобы приказать ему начать снова. Прошли две недели, и юноша уже мог пробегать большие расстояния, не падая постыдно в обморок, как когда приехал. Его ноги больше не кровоточили, и скудная, но регулярная пища, которую готовил кузнец вместе с Хосуэ, придала похудевшему лицу Санчо сходство с покойником.

Но потом Дрейер заговорил, и впервые не для того, чтобы раздать указания, произнося слова четко и монотонно.

— Фехтование, ученик — это не искусство. Это битва, в которой ты должен одолеть врага, только когда ты поймешь, каков этот враг, ты сможешь по-настоящему владеть шпагой.

Растянувшись на земле с кувшином в шатком равновесии, Санчо не видел лица учителя, но ощутил в голосе кузнеца мимолетный оттенок тепла и человечности, которые до сих пор отсутствовали.

— Маэстро Дрейер...

— Десять раз, ученик. И чтобы ни одной капли на земле, — сухо заявил тот, сожалея о том, что сделанном промахе.

Санчо подошел к большому ведру, которое каждое утро наполнял Хосуэ, и погрузил в него кувшин. На поверхности плавали мертвые комары. Он наполнил кувшин и вернулся обратно, почти не отдавая себе отчета, что теперь несет его идеально ровно, словно это превратилось для него в такое же привычное действие, как дыхание. Он поставил ноги вместе и посмотрел на землю, где за его спиной исчезала короткая полуденная тень.

И тогда он наконец понял, что должен сделать.

Он посмотрел на Дрейера, затем, по-прежнему не сводя с него глаз, поднес кувшин к

губам и сделал три больших глотка. Потом он спокойно лег и встал десять раз, не пролив ни капли воды.

Глаза кузнеца загадочно вспыхнули, но Санчо так и не смог понять, что же он думает о его проделке.

— Пойдем со мной, — сказал кузнец.

Таким образом Санчо впервые был допущен в дом кузнеца. Обстановка в доме была простой, но добротной. В глубине комнаты, служившей гостиной, располагались две двери; за одной из них помещалась, очевидно, спальня Дрейера, за другой — коридор, ведущий в заднюю часть дома. Именно туда кузнец и повел парнишку, и вскоре они оказались на большом дворе, посреди которого Хосуэ с завидным усердием что-то выпиливал. Услышав их шаги, негр поднял голову и от души улыбнулся Санчо.

— Достаточно, неверный, — сказал Дрейер. — Потом продолжишь.

Хосуэ двумя точными движениями закончил с поленом и удалился, даже не хлопнув друга по спине. Юноша едва обратил на него внимание, поскольку заворуженно разглядывал всё вокруг. Это место было совершенно не похоже на внутреннюю часть дома. Под беседкой с высохшим виноградом, накрывающей мощеную поверхность причудливой смесью света и теней, имелось пространство двадцати шагов в ширину и тридцати в длину. В некоторых местах мощеное, а в некоторых виднелись остатки земли с темными пятнами влаги, откуда выкорчевали растения. Теперь эти места занимали гротескные деревянные куклы, недавно вырезанные и похожие на ту, над которой работал Хосуэ. Когда они вошли. Санчо понял, чем занимался его друг, пока он выполнял упражнения кузнеца.

На стенах висели несколько щитов, отклоняясь от стены под весом прикрепленного к ним оружия. А между ними — несколько деревянных панелей с круглыми рисунками, казавшиеся недавно написанными. А на булыжниках пола кто-то — Санчо полагал, что Дрейер — изобразил сложные геометрические узоры, похожие на паутину.

Кузнец неслышными шагами приблизился к щитам на стене, испугав Санчо. Он задумчиво провел пальцем по шпагам, саблям и арбалетам, пока не остановился на огромном боевом луке, который взял в руки.

— Жизнь наших сыновей — как стрелы в наших руках, ученик. Чтобы от них была польза, их нужно отправить как можно дальше, — его голос чуть дрогнул, а потом он продолжил. — Мой Хоакин не знал, о какой жертве меня просит, когда замарал мою честь и свою, заставив вульгарного каторжника дать подобное обещание.

— Но вы же совсем меня не знаете, — воскликнул молодой человек, не в силах сдержать укор.

— За что тебя осудили, ученик?

— За воровство.

— И ты говоришь об этом безо всякого стыда?

— Я не раскаиваюсь в том, что воровал ради выживания. Стыд — это лишь балласт, как и та гордость, из-за которой вы отказываетесь меня принять, — сказал Санчо, поднимаясь на ноги.

— Сын прислал мне редкостного мошенника, — заявил кузнец, покачав головой.

— Может, он просто хотел дать вам причину, по которой вы не вышибли себе мозги одним из этих пистолетов.

Кузнец снял со стены стрелу и зарядил лук, нацелив его на Санчо. Тот смотрел Дрейеру в лицо некоторое время, показавшееся вечностью, пока мошки как безумные жужжали в

жаркой беседе.

— Да как ты смеешь, скотина! Мне стоило проткнуть тебя насквозь этой стрелой. Может, ты решил, что знаешь, кто я?

Юноша тяжело дышал, ноздри его раздувались, он решил, что с него хватит.

— Вы были великим учителем фехтования в Роттердаме. Который совершил ошибку, и она стоила жизни самому дорогому для вас человеку, матери вашего сына. Могу поклясться, что вы обучили своему искусству не того человека, и он восстал против вас, — Санчо помедлил, хладнокровно читая по лицу кузнеца, как учил его Бартоло, в то время как тот подходил всё ближе, пока конец стрелы не уткнулся в шею Санчо. — Нет-нет, теперь я понимаю. Вас подвело ваше искусство. Ваш ученик погиб на дуэли, а она покончила с собой. Это был... ее брат?

Дрейер заревел, отвел стрелу от шеи Санчо и разрядил лук в один из манекенов за своей спиной, стрела прошла насквозь. Он размахнулся и вlepил Санчо пощечину, из губ брызнула кровь. Санчо медленно вытер ее, разъяренный, но сохраняя хладнокровие.

Кузнец смотрел на него какое-то время, прерывисто дыша, а потом снова заговорил.

— Обо всём этом тебе рассказал мой сын перед смертью?

— Нет, маэстро. Я сам это вычислил, наблюдая за вами, составляя историю по кусочкам и учитывая, как долго вы пытаетесь от этого убежать, — Санчо обвел рукой вокруг себя.

— Выдающийся дар.

— Это искусство, которому научил меня достойный уважения человек, за чью смерть вы можете мне отомстить.

Кузнец одарил его печальной улыбкой.

— Ты совсем не такой, как я сначала подумал. Быть может, мой сын и впрямь понимал, что делает, прислав тебя ко мне.

Он отошел от Санчо и снова аккуратно приладил лук на прежнее место.

— Ты заслужил право войти сюда, когда выпил воду из кувшина. Скажи, почему ты это сделал?

— Потому что вы мне сказали, что я должен одолеть врага, чтобы научиться фехтованию.

— И кто же, по-твоему, этот враг?

— Я сам.

Дрейер вздохнул и опустил смущенный взгляд.

— Если бы ты знал, сколько человек смогли верно ответить на этот вопрос.

— И сколько же?

— Ни одного, — признался Дрейер.

Кузнец снял мокрую от пота рубаху и повесил ее на один из щитов, оставшись обнаженным по пояс. Затем вынул деревянную шпагу и бросил ее Санчо, тот поймал ее на лету.

— Это учебное оружие, предназначенное для неуклюжих и беспомощные новичков, обучающихся основам искусства, чтобы не порезать ухо или задницу. Я хочу, чтобы ты ее сломал.

— Что вы имеете в виду, мастер?

— Сломай ее, потому что ее назначение — унижить ученика. В этом больше нет необходимости. Ты заслужил это право.

Санчо послушно взял шпагу обеими руками и сломал о колено. Хруст дерева воскресил

в памяти жуткие минуты абордажа "Сан-Тельмо" тунисцами, он снова услышал крики умирающих. Санчо тряхнул головой, чтобы избавиться от этих воспоминаний, и сконцентрировался на словах Дрейера, который уже шел с настоящей шпагой. Он держал ее за клинок, протягивая Санчо рукоять. Тот пораженно созерцал ее несколько мгновений, с вытянутыми по бокам руками и смущенный. Наконец, он поднял правую руку и собрался уже взять шпагу, как его удержал голос Дрейера.

— Ты когда-нибудь прежде держал шпагу?

— Нет, маэстро.

— В таком случае запомни эту минуту, сохрани ее, потому что в жизни таких будет мало. Как когда ты впервые посылаешь лошадь в галоп или погружаешь свой член в женское лоно.

Пальцы Санчо сомкнулись на обхватывающей рукоять коже. Взмахнув клинком, он почувствовал, как по телу разлилась странная сила, словно между ним и остальным миром возникла стена. Когда он поднял шпагу и выставил ее перед лицом, то поразился, как мало она весит.

— Какая она легкая!

— Это тебе сейчас так кажется, ученик. Вот увидишь, что будет после того, как полдня помашешь оружием. Подними ее. Согни колени. Голова прямая, не наклонена ни вперед, ни в стороны, шея и спина в одну линию, чтобы придать силу плечам. Вот так.

— А сейчас?

— А сейчас останешься в таком положении, чтобы шпага не казалась тебе легкой.

Санчо подчинился, стоя с выставленной вперед шпагой. Однажды он уже проходил через похожее испытание, в вонючем трюме галеры, где ему дали в руки груз. Он знал, как тяжело долго оставаться неподвижным в одной позе. Он слегка раздул ноздри и мысленно приготовился к боли.

— Думаешь, что упражнения, которыми ты занимался эти две недели, были трудными, ученик? Сейчас ты узнаешь, что такое страдания.

День, когда Дрейер ударил Санчо, был странным с самого начала. Он слишком много раз колотил молотком по железу, словно решив, что оно уже никуда не годится. Лучшие заготовки, из закаленной и прочной стали, превращались в шпаги низкого качества, если ковать их слишком долго.

В этом парнишке — Дрейеру с трудом удавалось не считать его ребенком — было что-то особенное.

Первое указание, подтвердившее Дрейеру то, о чем он и так уже догадывался, он получил в тот день, когда Санчо начал испытание на полу. Нарисованные на брусчатке сложные геометрические формы предназначались для обозначения движений фехтовальщиков. Самая большая трудность для них заключалась в том, что делать с ногами.

— Схватки выигрывают ноги, ученик. Один шаг вперед, носок развернуть в обратную сторону. Снова назад!

Санчо проворно двигался по гипсовой сетке, занимая только свободное пространство и не наступая ни на одну линию. Он запомнил сложные рисунки почти сразу же, и Дрейер видел, как он повторял эти мелкие схемы на песке перед домом. Если юноша замечал кузнеца, то быстро стирал все следы, словно боялся, что Дрейер рассердится на него за то, что вынес эти тайные знания из зала для тренировок. Кузнец мысленно улыбался и притворялся, что ничего не заметил.

Он начал с тупой шпаги, чье острие заканчивалось бляшкой, управляясь с ней твердо, совершенно без той зажатости и неуверенности, с которой сталкивались все новички, не привыкшие к какому-либо элементу.

— Рукоять — как птица, ученик. Не сжимай слишком сильно, а то задушишь, но и не слишком мягко, а то выпустишь.

Дрейер приблизился к Санчо и вытянул шпагу, велел ученику сделать то же самое, а потом повернуться вокруг своей оси.

— Представь себе круг, радиус которого равен длине твоей руки плюс длина шпаги. Так вот, весь этот круг — твоя священная и неприкосновенная территория. Ты обязан знать обо всем, что происходит на территории этого круга. О том, какая там земля, есть ли там какие-либо предметы, которые могут представлять опасность, о которых ты можешь споткнуться. И когда твой круг пересечется с кругом противника, когда ваши шпаги соприкоснутся — вот тогда ты поймешь, что такое — почувствовать сталь, — с этими словами он коснулся своей шпагой острия шпаги Санчо. — Ты чувствуешь? Ощущаешь ту вибрацию, что идет через клинок к твоему запястью? Ты можешь очень многое узнать о своем противнике исключительно по его оружию, по технике ведения боя. Умеет ли он использовать эффект внезапности? Привык ли они надеяться на свою силу, как делают все неудачники, или больше полагается на технику и скорость? Я научу тебя оценивать всё это даже с закрытыми глазами, мальчик мой. Это как раз то, что и называется чувством стали.

— А что в это время делает левая рука?

— Она помогает держать равновесие, а также может служить дополнительным оружием. Ты можешь использовать ее как блок или набросить на нее плащ, чтобы защититься. Когда ты научишься пользоваться правой рукой, я покажу тебе приемы с

бискайским кинжалом, который ты сможешь держать в левой.

— Выглядит ерундовым, — Санчо взглянул на маленький клинок размером в полторы ладони, который кузнец держал почти параллельно ноге.

— Ты в этом уверен, парень? А вот попробуй достать меня шпагой.

Санчо бросился вперед, но Дрейер отскочил в сторону и отразил сталь лишь при помощи кинжала. Другой рукой он вlepил юноше пощечину, больше унижительную, чем болезненную. Глаза парнишки загорелись яростью, но ему пришлось о ней забыть, как и о только что произнесенных словах.

— Вопрос не в размере, ученик. Важно то, что ты с ним делаешь.

Каждый день Санчо хладнокровно рубил воздух неопытной рукой. Он также атаковал развешенные на стенах мишени и манекены, всегда медленнее, чем хотелось бы, и Дрейер спрашивал, почему так. Почти всегда ученики наносили удары направо и налево, словно от этого зависела их жизнь, в результате быстро уставали и всё тело начинало болеть вскоре после начала занятий.

Однако Санчо старался двигаться как можно меньше. Он явно осознал вес шпаги в тот первый раз, когда его заставили держать ее в боевой позиции несколько часов. С тех пор он не растрчивал ни грамма усилий без необходимости. Такое поведение было очень необычным, как и его уверенная манера, так что Дрейеру пришлось изобрести новые способы, чтобы юноша разбил окружавший его щит спокойствия. Он оскорблял его, атаковал сзади, бил, пока тот спал, отправляя на пробежку еще до зари. Но этих трюков оказалось недостаточно. Лишь когда Дрейер упоминал его мать, юноша становился просто безумным и начинал драться скорее яростно, чем разумно, открывая огромные бреши в своей защите.

А потом вопрос был уже только в том, кто начнет первым.

Поначалу юноша беспрекословно исполнял все приказы Дрейера. Когда тот велел ему сделать филигранный удар или заниматься работой ног, он тотчас же всё это делал. Но по прошествии недель Дрейер заметил некоторые перемены в том, как ученик откликается на указания. Движения шпаги, которые он принимал как должное, шаги в защите, которые казались ему невыносимыми, позы, не предполагавшие споров. Всё, чему он посвятил свою жизнь — выстроенное, измеренное и оцененное — едва заметно менялось перед его глазами. Каждое крошечное новое знание использовалось для экономии и упрощения. В разуме у юноши не было никаких сложных и вычурных идей. Он хотел лишь найти самый короткий путь между кончиком шпаги и сердцем противника.

— Сколько частей у клинка? — рявкнул Дрейер, пока Санчо выписывал фигуры на бульжниках.

— Слабая треть, средняя и сильная!

— Как остановить высокий выпад?

— Парировать в средней трети.

— А если противник сцепит шпаги?

— Зависит от обстоятельств, маэстро, — ответил Санчо, часто вдыхая через рот. — Вы научили меня, как левой рукой воткнуть кинжал в почки. Но чтобы помешать ему сделать то же самое, быстрее пнуть по яйцам.

В тот день, когда они впервые скрестили настоящие шпаги, Дрейер просто дотронулся своей до шпаги Санчо и стал ждать, когда тот его атакует, но Санчо лишь пристально уставился на него своими зелеными глазами и не двигался. Учитель неловко переминался с ноги на ногу, и тут ученик сделал быстрый, как молния, выпад. Дрейеру пришлось отразить

его, слегка приоткрыв защиту своего правого бока, специально оставив брешь, который любой бы воспользовался. Санчо дернул рукой в сторону пустого пространства, и Дрейер с невинным видом заглотил приманку, машинально отведя удар. Когда он опомнился, острие шпаги Санчо находилось уже в полудюйме от его волосатого предплечья.

— Ты что творишь, черт бы тебя побрал, ученик? Можно узнать, почему ты остановился?

— Не хочу ранить вас на тренировке, маэстро, — смущенно ответил Санчо.

— Какого черта? Ты что, решил, что мы тут играем? Здесь учатся убивать. В следующий раз когда сможешь чиркнуть мне по руке, то сделай это, тем самым ты меня только подстегнешь.

Санчо усмехнулся, и острие его клинка опустилось на пару пальцев. В это время Дрейер исполнил комбинацию из трех выпадов сверху и одного снизу, так что юноша вынужден был попятиться, споткнувшись об один из двух тренировочных манекенов. Растянувшись на земле, он обнаружил, что к его горлу прижимается сталь клинка учителя. Кузнец поставил отметину ровно в центре одного из оставшихся после чумы шрамов. По шее Санчо потекли капельки крови.

— А это я оставляю тебе, чтобы запомнил урок.

Мало-помалу Дрейер перестал рассматривать занятия с Санчо как обязанность. Через шесть месяцев, ровно половину того времени, которое юноша собирался провести в качестве его ученика, кузнец не просто наслаждался каждым уроком, но и каждую ночь с нетерпением ожидал наступления нового дня, чтобы начать работать с учеником. Когда появлялись клиенты, чтобы заказать новое оружие, он чувствовал раздражение, что приходится тратить время в кузнице, а не на занятиях. В этих случаях он втайне завидовал Санчо, который в такие дни практиковался в одиночестве.

Маэстро понял наконец, какой материал попал в его руки. Этот парнишка был настоящим гением, бравшим лишь те уроки, которые ему подходили, отвергая те, что не нравились, и находя собственные пути для всего остального, часто после бурной дискуссии. Дрейер придерживался убеждения, как и другие испанские и итальянские учителя фехтования, что научить мастерству ранить и убивать можно только путем долгих и монотонных повторений.

— Единственная цель острых краев шпаги — это чтобы никто у тебя ее не вырвал из рук.

— Но тот, кто хорошо ей владеет, может и причинить много вреда. К примеру, один хороший порез на спине...

— Ты знаешь, сколько слоев отделяют мягкие ткани тела от шпаги, ученик? Сначала ты должен прорезать хубон, что довольно сложно, если он кожаный. Потом идет сорочка, а под кожей слой жира, обычно в палец толщиной. Даже если ты сделаешь самый быстрый удар, клинок вряд ли дойдет до внутренних органов или сердца. Это если не наткнешься на ребра. Используй острие.

— Но всегда ведь есть шея и запястья. И локтевые вены. И дело не только ранах, но и в боли. В том, что чувствует противник. Что происходит у него в голове, — упрямо настаивал Санчо. Потом он пробовал наносить глубокие режущие удары манекенам, несмотря на очевидное презрение учителя, который внутренне тем не менее восхищался простой и блестящей техникой юноши. Но он скорее бы умер, чем признался в этом вслух.

"Всю жизнь я ждал подобного ученика. Всю жизнь, и вот теперь он наконец появился.

Когда я уже стар и вымотан, когда перестал верить".

По вечерам, в полном изнеможении закончив тренировки, они набрасывались на то, что приготовил Хосуэ. Весной, когда они только прибыли, кузнец считал немислимым сидеть за одним столом с двумя каторжниками в лохмотьях, тем более с негром. Но по прошествии времени предрассудки Дрейера ослабевали с каждым новым блюдом, которое ставил перед ними Хосуэ.

В конце концов он неохотно признал, что гигант — сносный повар.

— Он кладет везде слишком много лука. Вкус жаркого почти не ощущается. Но есть можно.

Однажды зимой кузнец без церемоний пригласил обоих присоединиться к нему на скамейке у кухонного стола. Неловкость первых дней испарилась. С приближением весны ужины в доме кузнеца стали олицетворением духа товарищества. Дрейер напевал военные марши своей родной Фландрии, те песни, в которых говорилось о поражении испанцев и обретении гордости за родину. Санчо и Хосуэ слушали, не понимая слов, тронутые глубиной и тоской по родине, слышавшимися в голосе кузнеца. Однако Дрейер никогда не рассказывал о себе, как бы им ни хотелось узнать причины, которые привели бывшего учителя фехтования в изгнание, так далеко от родной земли. Не более того, что Санчо смог выяснить в тот день, когда началось его обучение.

Санчо всегда выскальзывал из-за стола раньше всех под каким-нибудь предлогом и выходил наружу. Иногда кузнец следовал за ним на расстоянии. Юноша всегда направлялся в кузницу, где садился на каменное возвышение, выходящее в долину. В том самом месте, где кузнец впервые его увидел, Санчо внимательно вглядывался в темноту. В ясные ночи, когда луна придавала крышам Севильи синеватый оттенок, он проводил там по несколько часов. Дрейер задавался вопросом, какие мысли бродили в голове парнишки в это время.

Однажды летним утром кузнец подозвал юношу к горну и приказал поставить ногу на наковальню. Через несколько минут он освободил его от остатков оков, кольцо упало на пол с гулким металлическим звоном. Санчо провел кончиками пальцев по коже, где только что было кольцо, она выделялась белым и была слегка влажной. Больше на этом месте у него никогда уже не росли волосы.

— А с твоего друга я сниму кольцо чуть позже. Лучше, чтобы никто не видел на ваших ногах эти отметины, Санчо, будет не слишком сложно сложить два и два.

Юноша удивленно поднял взгляд на Дрейера. Впервые кузнец назвал его по имени. А потом он понял.

— Год прошел.

— И ты больше не ученик.

— Ведь таков был наш уговор, — сказал Санчо с легкой дрожью в голосе.

— Но я хочу, чтобы ты остался. Вернее, хочу, чтобы остались вы оба: и ты, и этот неверный.

— Мне бы и самому этого хотелось, — ответил Санчо.

— Тебе еще многому нужно научиться. Я лишь показал тебе самые основы владения одним видом оружия, но если ты встретишься с пистолетом, это приведет к катастрофе.

Санчо смущенно кивнул. Действительно, он так погрузился в фехтование, что совсем не занимался другим оружием. В отличие от шпаги, огнестрельное оружие казалось грубым, медленным и неточным инструментом. Санчо не любил его, а оно отвечало взаимностью.

— Я хотел бы спросить, вы считаете, что я уже готов встретиться с кем-нибудь еще?

Дрейер почесал затылок и осмотрел юношу с головы до пят. Он вырос на пару дюймов, спина распрямилась, а плечи стали шире. После стольких пробежек под палящим солнцем розоватая бледность, с которой он предстал перед дверью кузницы, исчезла. Под смуглой кожей перекачивались длинные и сильные мышцы.

Кузнец отвел взгляд, поскольку не был уверен в том, что собирался сказать. Главная сложность в обучении Санчо заключалась в том, что юноша всё время дрался лишь с учителем. В отличие от академии, где у него было много учеников, которых он мог испытать, в доме кузнеца был лишь один соперник, хотя и грозный. Парнишка нуждался еще в нескольких месяцах обучения и схваток с жестокими противниками, перед тем, как достигнет истинного потенциала. Но он обладал проворными руками, еще более скорым умом и в особенности ледяным хладнокровием.

— Тебе необходимо продолжить обучение.

— Но...

— Я вижу, что ты способен себя защитить, если ты об этом спрашиваешь. Если не наделаешь глупостей, то доживешь до старости. Помнишь, что я тебе рассказывал о легендарных фехтовальщиках?

— Для того, чтобы стать живой легендой, необходимо совершить какую-нибудь ужасную глупость.

— Вот именно. В памяти потомков остаются те, кто сумел выстоять в одиночку против семи и более противников. Но, в то же время, каким бы отменным фехтовальщиком ты ни был, и какими бы скверными ни были другими — никто и не вспомнит о тебе, если кто-то из них сумеет пронзить твою печень коварным ударом. Уясни себе это, Санчо.

Молодой человек улыбнулся.

— К сожалению, я должен покинуть вас, маэстро. Я должен исполнить свой долг.

— Прежде, чем ты уйдешь, я бы хотел, чтобы ты уяснил одну вещь, Санчо. Пойми, твой друг погиб не по твоей вине.

Санчо удивленно посмотрел на Дрейера, потому что не рассказывал ему свою историю и до сих пор тот не делал ни единого комментария на этот счет.

— Но ведь это была моя идея — выкрасть документы из банка. Если бы я этого не сделал, он был бы жив.

Дрейер закашлялся и, подняв бесформенный кусок железа, начал устанавливать его над раскаленной жаровней.

— Есть уроки, которые не выучишь в школе фехтования, Санчо, лишь в школе жизни. Что сложнее всего простить самого себя.

— Это не воскресит Бартоло.

Кузнец кивнул: он не сомневался, что Санчо скажет именно так. Между собеседниками повисло неловкое молчание.

— Скажите Хосуэ, пусть собирается в дорогу, — сказал наконец Санчо, повернувшись к дверям мастерской.

— Подожди минутку.

Дрейер пошарил на полках под ящиками с инструментами и вытащил продолговатый тюк, завернутый в мешковину. Он вложил его в руки Санчо, который тут же узнал предмет по весу.

— Маэстро...

— Помолчи. Просто открой.

Санчо потянул за веревки нетерпеливыми пальцами. Когда он снял первый слой, то обнаружил более мягкую ткань.

— Не хочу, чтобы ты слишком выделялся, когда будешь идти по дороге.

Юноша положил тюк на рабочую скамью и снял второй слой ткани. В простых кожаных ножнах лежала рапира с витой гардой. Что навершие рукояти, что крестовина были лишены каких-либо украшений. На ее полированной поверхности виднелись сотни крошечных выщерблин, показывающих, что оружие побывало во многих сражениях. Рукоять недавно заменили новой кожей, составляющие ее тончайшие полоски слегка потемнели. Санчо вытащил рапиру из ножен, которые были так хорошо смазаны маслом, что она не издала ни малейшего скрипа. Клинок был твердым и гибким, таким уравновешенным, что Санчо почти не ощутил его вес, словно это было продолжение его руки. Это было потрясающее оружие, стоимостью в жалованье простого человека за семь или восемь лет.

Санчо повернулся к Дрейеру, который делал вид, что складывает инструменты на другом конце скамьи.

— Это была моя шпага, — сказал тот, не оборачиваясь, чтобы не выдать свои чувства. — Я сам ее сделал. На ней нет украшений или гравировки, зато она превосходно закалена. Мне никогда не нравилось оружие со всякими завитушками и драгоценными камнями.

Юноша вложил шпагу обратно в ножны почти с благоговением. Дрейер отошел еще чуть дальше, наклонившись над горном, чтобы разжечь огонь. Он хотел избежать взгляда Санчо, но когда обернулся, тот обвинил его руками за шею и прижал к себе, и кузнец робко ответил, похлопав Санчо по спине.

— Хватит, парень. Давай, уходи, мне нужно работать. Железо само не расплавится.

Через час Санчо и Хосуэ отправились в путь. Дрейер простился с ними, пожав руки у двери кузницы, и тут же вернулся внутрь, наблюдая, как они идут в сторону города, пока не превратились в две малюсенькие точки в долине.

Когда они исчезли, Дрейер бросил клещи и вышел из кузницы. Он прошел мимо персикового деревца, цепляющегося за жизнь на обочине, высотой почти с Дрейера. Хосуэ каждый день заботился, чтобы оно получало достаточно воды, и привязал его к палке, чтобы росло сильным и прямым, чтобы его не сломал ветер. Теперь все эти заботы легли на плечи кузнеца.

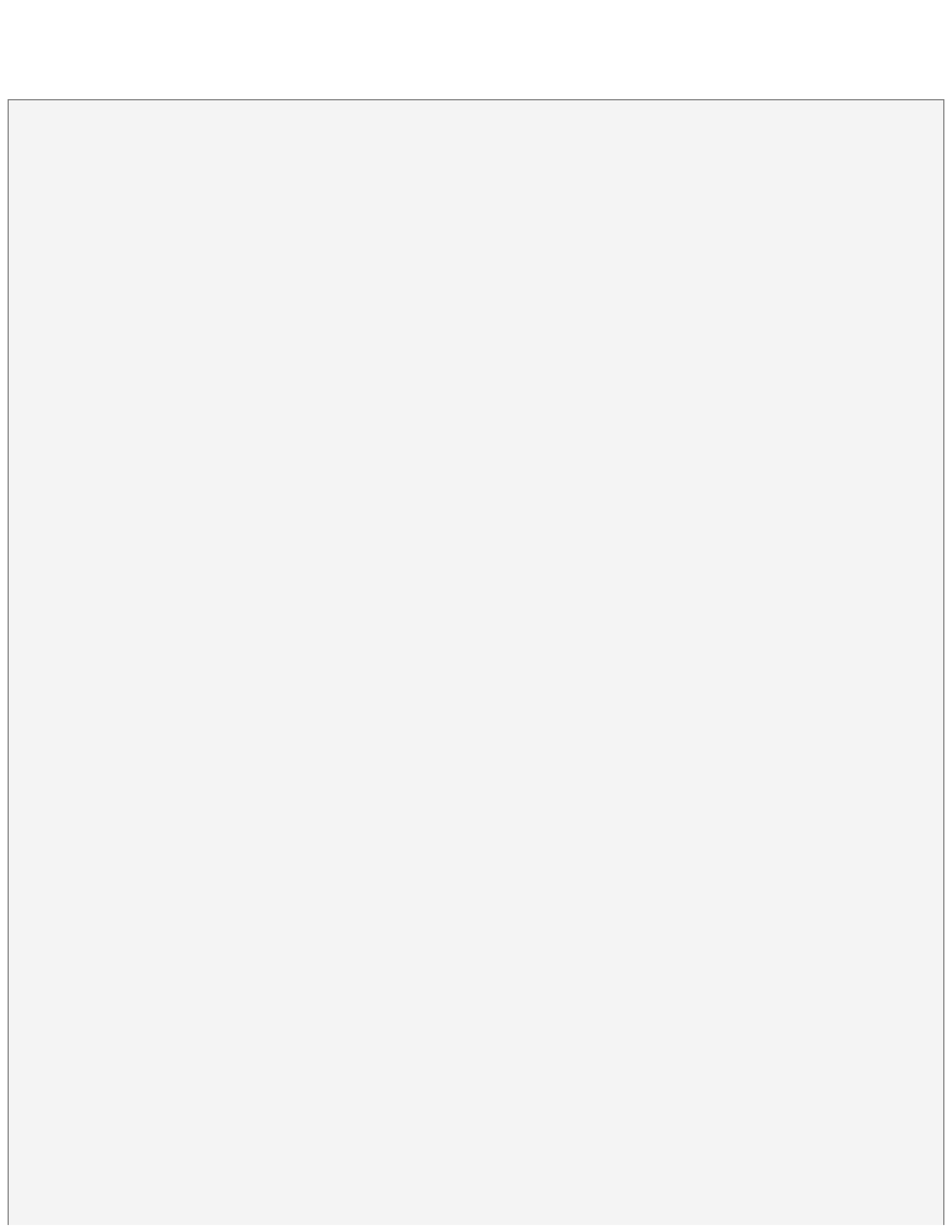
"Кто бы мог подумать, что дерево вырастет на столь невозделанной почве", — в который раз поразился он.

Он вошел в зал для тренировок. Под навесом он снова почувствовал тепло. Дрейер подобрал одну из двух повязок, с помощью которых предохранял манекены, когда они практиковались с луком, и повесил их на прежнее место, на щит. На расстоянии вытянутой руки находился один из пистолетов, которым он хотел вышибить себе мозги в тот день, когда узнал о смерти сына год назад. Санчо это вычислил, и благодаря его присутствию, его ученичеству, Дрейер смог этого избежать. Наверное, именно такова и была последняя воля сына.

Он снял пистолет и долгое время смотрел в его ствол, раздумывая над последним советом, что дал Санчо — простить самого себя. Он закрыл глаза и представил, что слышит еще не утихшие звуки скрещенных шпаг.

"Может быть, еще осталась надежда. Может быть, жизнь еще не потеряла смысл".

Когда он вернулся в кузницу, по щекам его катились слезы.

Сентябрь 1590

—

апрель 1591

Монардес прожил на целый месяц больше, чем предполагал.

Лекарь с самого начала распознал симптомы своей болезни и понял, что не выздоровеет. Он начал приводить дела в порядок. Вызвал адвоката и нескольких свидетелей, чтобы отредактировать завещание. Написал письма лекарям, ботаникам и другим своим коллегам, с которыми ни разу не встречался лично, но называл друзьями. Он поблагодарил всех за плодотворный обмен знаниями и сердечность писем, которые проделали сотни лиг по морю и суше, спаслись от пиратов и бандитов с большой дороги, пережили войны, чтобы раздвинуть границы медицины.

Он заказал мессы за спасение своей души, хотя лишь для видимости, потому что всегда скептически относился ко всему сверхъестественному. Однако боялся, что инквизиция после его смерти запретит написанные им книги при первом же подозрении в ереси, и потому предпочитал притвориться истинно верующим.

Он также провел немало времени в саду, прикасаясь кончиками пальцев к любимым растениям, распрямляя корни и подвязывая побеги. Лекарь видел смерть сотен людей, хороших и плохих, всех возрастов и положения. Уже много лет назад он перестал чувствовать что-либо, когда жизнь покидала человеческое существо. Однако, находясь в одиночестве в саду, с темной и влажной землей под ногами и с припекающим лицо солнцем, он начинал жалеть самого себя. Он больше не увидит цветущими эти прекрасные создания, и это разрывало сердце старика.

И наконец, однажды, ровно за восемь дней до той минуты, когда в деревушке неподалеку от Севильи некий молодой человек окончил свою учебу у маэстро фехтования, лекарь призвал к себе Клару.

Девушка тут же подошла к нему. Дело было вскоре после полудня, и Монардес сидел на своем любимом месте — на каменной скамье, освещенной солнцем.

— Если ты была хорошей ученицей, то и сама уже знаешь, что я собираюсь сказать.

— Вы скоро умрете, — произнесла Клара дрожащим голосом. Она уже давно догадывалась, что близится срок его кончины, но лишь догадывалась о том, в чем он сам был уверен.

Лекарь кивнул, полный спокойного достоинства. Он пребывал в мире с самим собой, и единственной его заботой оставалась юная ученица.

— Я успел передать тебе изрядную часть своих знаний, но есть некоторые вещи, о которых я до сих пор не рассказывал. Вряд ли я протяну больше, чем пару недель. Так вот, знания, которые я собираюсь вложить в твою голову, очень опасны, и ты должна держать их в тайне. Используй их, только когда будешь совершенно уверена.

— В чем уверена?

— В тех, к кому будешь их применять. Ты ведь хочешь стать лекарем, не так ли, Клара?

Девушка энергично кивнула. Она пришла в этот дом по принуждению матери, но теперь горевала, что придется его покинуть. Перед старым лекарем она ощущала почти благоговение.

— К сожалению, тебе никогда им не стать. Лишь те, кто прошел учебу в университете, могут быть удостоены этого звания, а туда принимают только мужчин. Из-за своего пола ты

никогда не сможешь работать даже цирюльником — эскулапом самого низкого пошиба, способного лишь драть зубы да пускать кровь. Так что твоя дорога — в аптекари; эта публика еще ниже классом, хотя с твоими знаниями и умениями ты могла бы стать хорошим лекарем.

— Это так несправедливо, — заметила Клара.

— Знаю, но таков уж мир. Там, в домах бедняков, женщины в ответе за здоровье всей семьи, они лечат ожоги, если дети дотронутся до оставленного без присмотра горячего котла, промывают волдыри мужей, когда те возвращаются домой с мозолями на руках от мотыги, помогают сестрам и кузинам, когда те рожают. И где же тут лекари? — Монардес замолчал. От волнения у него перехватило дыхание, а бок чудовищно болел. Может быть, ему осталось даже меньше времени, чем он предполагал. — Ты станешь аптекаршей. Будешь составлять лекарства и раздавать бесплатные советы, такова традиция. Но всё равно тебе следует быть осторожной. Если ошибешься в диагнозе, кто-нибудь донесет в инквизицию, и тогда ты отправишься на костер. Чтобы обвинить женщину в колдовстве, много доказательств не нужно. Ты готова к такому риску?

— Да, учитель, — убежденно ответила Клара, хотя и понятия не имела, как сможет это исполнить.

— Ах, дочка, надеюсь, что ты и правда добьешься того, о чем пообещала. Желаю удачи.

Он довольно долго молчал, прикрыв глаза, и Клара решила, что он задремал. Наконец, Монардес пошевелился, чтобы отогнать комара, и рабыня осмелилась снова задать вопрос.

— Вы сказали, что хотели бы чему-то меня научить.

Монардес моргнул и посмотрел на него, словно не знал, кто она такая и что здесь делает, а потом его взгляд снова просветлел.

— Если повторишь что-либо из того, что я скажу, не тому человеку, то тебе признают еретичкой и ты умрешь. И не записывай это. Запомни всё и повторяй про себя по ночам, пока не запомнишь наизусть. А если однажды встретишь того, кому можно это поведать, действительно ценного человека, то сделай это. Ты меня поняла?

Клара почувствовала, что ее словно накрыло теплым и ободряющим покрывалом чести и ответственности.

— Я сделаю как вы сказали.

Монардес откашлялся и начал говорить, поначалу осторожно, потому что впервые произносил это вслух, хотя по мере того, как рассказывал, голос его оживлялся.

— Ты помнишь, как я смеялся над твоим пристрастием к рыцарским романам, когда ты впервые пришла в этот дом?

Клара кивнула. Она прекрасно запомнила унижение, через которое прошла в тот день, и до сих пор чувствовала эту боль.

— Что ж, тогда я научу тебя настоящему колдовству. Возьми немного серы, деревянную доску и зажженную свечу.

Девушка направилась в лабораторию и принесла то, о чем просил лекарь, заметив его всё возрастающую тревогу. Монардес поставил доску на скамью и взял из пузырька щепотку серы. Очень осторожно он нарисовал желтым порошком на доске пентаграмму. Закончив, лекарь обернулся к Кларе.

— Ты знаешь, что это такое?

— Магический символ, — ответила та. Она видела несколько иллюстраций в прочитанных романах. Там всегда появлялся старик в острой шляпе или морщинистая

старуха рядом с кипящим котлом с зельем.

— Прекрасно. В таком случае, подожги ее.

Клара послушно зажгла серу свечой, и она тут же занялась зеленоватым пламенем.

— О, Князь Тьмы, темный бог бездны, — принялся глухим голосом декламировать Монардес. — Приди к нам, мы призываем тебя. Возьми наши бессмертные души в обмен на твои услуги. Приди, о Сатана!

Рабыня в испуге отпрянула и закрыла лицо руками. А Монардес вдруг схватился за живот и зашелся скрипучим хохотом, похожим на скрежет ржавых дверей.

— В вас нет никакого милосердия, — обиженно пробормотала она.

Монардес продолжал смеяться, пока смех не прервал жесточайший приступ кашля. Клара принесла из колодца стакан воды, и старик отхлебнул.

— Прости. Но дело того стоило, хотя бы ради удовольствия поглядеть на твое лицо, — добавил он уже спокойнее. — Но я сделал это не только для того, чтобы тебя подразнить. Скажи, ты когда-нибудь видела у меня в саду хоть одного демона?

— Нет, — призналась Клара, еще не успевшая прийти в себя.

— Вот суди сама. Ты умная девушка — и всё равно поверила, что достаточно поджечь кучку какого-то порошка и произнести несколько слов, чтобы вызвать дьявола. Однако на самом деле это не так.

Он поднял деревяшку, где осталась спаленная пентаграмма, и потихоньку смахнул ее пламенем свечи, продолжив:

— Люди очень доверчивы, Клара. Всей душой они жаждут разных вещей, которых не могут получить, и наивно полагают, что при помощи магии и каких-то сверхъестественных сил сумеют завладеть тем, чего не могут добиться собственными силами. К сожалению, это тоже не так. Ты не сможешь вылечить человека при помощи одних лишь слов, пусть даже самых мудреных. Ни магии, ни колдовства на самом деле не существует.

— Но святая инквизиция считает иначе, учитель...

— Инквизиции просто нравится время от времени сжигать на костре одиноких старух из отдаленных мест, морщинистых и покрытых бородавками. Так она укрепляет свою власть над невежественными людьми. Но ты выше этого. Ты знаешь, что если не сделаешь чего-то реального, то ничего реального и не добьешься.

— Если не примешь лекарство, то с телом больного не произойдет никаких улучшений, — задумчиво произнесла Клара.

— Именно так. А теперь вспомни, о чем мы с тобой говорили, и поклянись никому не сообщать о том, что я собираюсь тебе поведать. Никому, кроме тех, кому можешь доверять, как себе самой, или в крайнем случае, под угрозой костра на площади Святого Франциска. Поклянись собственной жизнью.

Он коснулся руки девушки и взял ее в свои ладони. Ее рука была холодной и дрожала.

— Клянусь, учитель.

— Первое, что тебе следует знать, касается телесных соков, о которых ты читала в книге Гиппократата. Ты должна говорить о них и притворяться, что они имеют значение. А потом действуй в соответствии с истиной: они не существуют.

— Почему бы просто не обращать на них внимания?

В глазах лекаря вспыхнул ехидный огонек.

— Потому что католическая церковь в своей бесконечной мудрости считает, что священники, имеющие власть над духом, также чудесные лекари. Традиционно принято

полагать, что нашим телом владеют четыре духа, называемые соками, и мы заболеваем в результате их дисбаланса. Учитывая, что женщины теряют кровь и испытывают боль каждый месяц, наука считает, что полезно пускать кровь пациенту. Никогда, никогда не делай этого, пока тебя не попросят.

— А меня на заподозрят?

— Нет, если сделаешь вид, что боишься обращаться с ножом, поскольку ты женщина, никто тебя не заподозрит. Теперь тебе придется использовать многие суеверия. Также не верь, что люди заболевают, потому что злой дух переселяется от одного человека в другого. Мы не знаем, почему бодем, но некоторые лекари считают, что чистая вода помогает предотвратить заражение. И еще гигиена и свежие фрукты.

Лекция длилась несколько дней. Клара с большим удивлением узнала, что популярное верование в то, что лучшие лекарства похожи на болезни, совершенно неверно. Люди считали, что когда болят зубы, нужно принимать растолченный мрамор, потому что зубы похожи на мрамор. Или что салат, как холодное растение, хорош для излечения лихорадки.

— Сходство вещей не имеет отношения к их функциям, Клара, — сказал Монардес, и тут же поднес руку к груди, задыхаясь. Почти мгновенно он упал на пол в обмороке.

Пришлось продолжить урок в комнате Монардеса. В последние часы лекарь провел в чередовании минут острой боли, когда он едва мог говорить, и полной ясности ума. Клара хотела дать лекарю настойку сонной травы, но тот отказался ее принимать, чтобы не заснуть. Он предпочитал терпеть страдания, чтобы дать ей последние уроки, в которых рассказал девушке о фальшивых лекарях и как их избегать.

— Никогда не давай больным рвотное, если речь идет не об отравлении или запущенном состоянии. Используй травы мудро и ври при необходимости. Разузнай о человеке, которому предназначается лекарство. Если ему назначали мирабилис слабительный от лихорадки, дай ему кассию, потому что требуется именно это. Растолки ее и высуши, тогда никто не заметит разницы, а ты спасешь жизнь.

Клара несколько раз принималась плакать, когда думала, что Монардес этого не замечает. Лекарь, однако, всегда это обнаруживал и хмурил брови, пока они не превращались в густую белую линию.

— Не плачь, Клара с Карибов, — сказал он, вспомнив то прозвище, которым окрестил ее в тот вечер, когда они впервые встретились, от этих слов на ее лице сквозь слезы проступила улыбка. — Ты была мне почти что дочерью. У меня было много учеников, но ни один не доставил мне столько радости. Ты оказалась настолько храброй, что отважилась отправиться ко мне ночью через весь город, и я сразу понял, что твои достоинства не ограничиваются одной только храбростью.

— Я буду так по вам скучать.

— Успокойся. Я все устроил...

Он внезапно замолчал, и больше уже не говорил. В ту же ночь Монардес умер, и Клара спрашивала себя, что он хотел ей сказать в самом конце.

— Подайте бедному слепому на пропитание!

Закариас звякнул монетами в металлической миске, и характерный перезвон поднялся над суетой площади Святого Франциска. Он никогда не оставлял в миске больше пары медяков, чтобы какой-нибудь проворный мальчуган не опустошил ее на бегу. Как только кто-нибудь опускал в нее милостыню, он хватал монету и засовывал под одежду. Его слух стал таким острым, что он мог с легкостью различить достоинство монеты лишь по звуку, который она производила, ударяясь о металл, и тут же в соответствии с этим благодарил прохожего. Один мараведи он едва сопровождал кивком головы. Два вызывали благодарности. В редких случаях проходящая мимо дама кидала серебряный реал, и бурная благодарность слепого слышалась и по другую сторону городских стен.

— Скажите, слепой, вы ведь можете предсказывать будущее? — послышался справа от него женский голос.

— Конечно, сеньора, — ответил тот, повернувшись к источнику звука. Он осторожно снял повязку с глаз, которые были лишь двумя белыми шарами на обтянутом кожей морщинистом лице, и наслаждался запахом страха, исходившим от женщины. — Господь лишил меня дара зрения, но научил разгадывать тайны сущего. Я могу прочитать вам стихи или вознести молитву, если требуется.

— И вы можете сказать, кто у меня внутри? — с тревогой спросила женщина.

— Подойдите поближе, чтобы мои старые руки могли ощупать ваш живот.

Женщина сделала несколько шагов навстречу и вздрогнула, когда Закариас положил свои костлявые руки поверх ее раздувшегося живота. Слепой принялся осторожно его ощупывать, неразборчиво что-то бормоча на латыни. Ткань ее платья была хоть и мягкой, но всё же далеко не лучшего качества. Руки женщины, которых слепой тоже успел коснуться, прежде чем ощупать живот, тоже были несколько огрубевшими. Из этого слепой сделал вывод, что женщина была домохозяйкой и не знала по-настоящему тяжелой работы, но при этом ее дом отнюдь не был полной чашей. Однако ему нужно было узнать о ней несколько больше, чтобы сказать именно то, что она хотела бы услышать.

— Это ваш первый ребенок?

— Нет, второй. Первой была девочка.

Закариас улыбнулся и еще усерднее забормотал на латыни. Собственно, это было всё, что он хотел знать.

— Сеньора, у вас в животе — чудесный мальчик, который вырастет и станет таким же сильным и доблестным, как ваш муж. У него будут темные волосы, и он появится на свет в день святого Криспина.

Женщина с трудом сдержала крик радости и крепче стиснула руку слепого.

— У меня нет для вас денег, но прошу вас, примите этот серебряный медальон. Помолитесь за моего малыша?

— Сеньора, я посвящу вам пятьдесят молитв Деве Марии. В Севилье не будет более долгожданных родов. Все святые на небесах будет рядом с вами, помогая этому счастливому событию. Да благословит Господь вашу щедрость!

Довольная женщина удалилась, и Закариас начал повторять обещанные молитвы,

прервавшись только когда был уверен, что клиентка отошла на приличное расстояние. Он ощупал медальон опытными пальцами, даже поднес к носу, чтобы понюхать, и лизнул кончиком языка. Он был небольшим, размером с большой палец, и из дрянного серебряного сплава, но наверняка стоил половину реала. Это была неожиданная удача после просто катастрофической недели. Этим вечером он поест хорошего горячего супа.

Он провел на площади еще полчаса, пока не решил закончить рабочий день. В конце концов ему надоело трясти миской по дуге перед собственным носом, чтобы звон следовал за его шагами. К этому трюку он прибегал, когда находился в отчаянии, но в этот вечер, похоже, толку всё равно не будет.

Он потянулся, выгнув тело назад, чтобы облегчить боли в пояснице, которые превращались в пытку после стольких часов на ногах. Наступило время, чтобы подобрать посох, на который он всегда опирался, и направиться к дому Сундучника, скупщика краденого. Конец посоха был обит железом и служил слепцу как средством защиты, так и картой города. Закариас прекрасно знал каждый бульжник, каждую сточную канаву и каждый угол любой улицы. Этот кусок дерева был словно оставшимся у него зрением.

Он подумал о создании, которое шевелилось в животе женщины. Когда этот ребенок начнет бриться, Закариас давно уже протянет ноги. Он не надеялся прожить еще много лет, ему и так уже перевалило за шестьдесят. Он хотел лишь немного спокойствия, миску еды и чистую постель. Но ничему из этого, похоже, не суждено было случиться, по крайней мере, пока Мониподио будет на него злиться.

Играя пальцами с медальоном, слепой снова вернулся мыслями к беспокойной матери, которая его подарила. Он спрашивал себя, как она будет обращаться с ребенком. Наверняка у ребенка будет лучшая жизнь, чем у него, с горечью подумал Закариас.

Он не родился слепым, как любил говорить. История о том, что Господь наградил его даром пророчества вместо зрения, завораживала легковерных жителей Севильи и снижала подозрения инквизиции. Истинные причины слепоты лежали лишь в бедности и эгоизме. Когда Закариусу исполнилось три года, его отец понял, что кормить его нечем, как и двух старших сыновей. Он был канатчиком, чьи руки прошлой зимой начали непроизвольно дрожать, и он больше не мог работать. В отчаянии он придумал единственное решение — попрошайничать, но для здоровых и взрослых людей это было совершенно непозволительно. Однако слепые дети могли просить на улицах милостыню и получали достаточно благодаря жалости, вызванной их состоянием.

Канатчик вызвал старую повитуху, которая заверила, что дети не будут страдать. Он оставил мальчиков с ней наедине, как следует связав малышей, а она проткнула им глаза раскаленной иглой. Отец отправился в отдаленную таверну, чтобы не слышать криков детей.

Двое мальчиков не пережили боли и увечий. Их раны воспалились, и через месяц они умерли. Закариас выжил, и ему пришлось попрошайничать на улицах с трехлетнего возраста, чтобы содержать и себя, и отца. Это была долгая и тяжелая жизнь, пока он не повстречал на своем пути бандита по имени Мониподио.

"Хоть бы эта крыса никогда не выходила из живота матери".

Узор брусчатки под посохом Закариаса немного изменился, и тот свернул за угол на улицу Оружия. На мгновение он остановился, поскольку ему послышались шаги за спиной, когда он менял направление. Это были осторожные шаги, человек шел спокойно, но старался не слишком шуметь, в отличие от большинства жителей города.

Он снова остановился, но шаги за спиной пропали. Уже увереннее он опять сменил

направление в сторону улицы Крестов. Пощупал стену слева, чтобы убедиться в правильности пути, но больше по привычке. Он ходил этой дорогой сотню раз, она запечатлелась в его феноменальной памяти. Слепой едва помнил свет или форму предметов. Капли дождя на карнизах домов, апельсиновые деревья в цвету или прекрасный изгиб женской груди — этих образов не осталось в его памяти. Вместо этого он развил способность запоминать и считать, чем и накликнул беду.

Когда почти двадцать лет назад он познакомился с Мониподио, молодой бандит был главарем небольшой банды воров, которые вскрывали замки и крали сохнувшие на веревках рубашки. Они работали между воротами Макарена и воротами Солнца и едва набирали на полуголодное существование. Но Мониподио хотел большего. Он мечтал о единой банде с одним главарем.

У Мониподио хватало терпения, хитрости и жестокости для выполнения этой задачи. С годами он смог потихоньку объединить воров, попрошаек, контрабандистов и сутенеров. Сталкиваясь с противостоянием, Мониподио разделялся с противниками так, чтобы весь преступный мир Севильи знал, с кем не стоит шутить.

Чего не хватало бандиту, так это ума, чтобы править разросшейся криминальной империей. Севилья была городом с населением около ста пятидесяти тысяч душ, к которому как гигантские пиявки присосались около тысячи преступников всех мастей. И с каждой капли крови Мониподио требовал свою долю. Расположившись в центре огромной паутины, бандит нуждался в человеке, кто вел бы счета. Сколько заработали проститутки, сколько должны заплатить шулеры в "Компасе". Какую долю брать с мелких скупщиков краденого на блошином рынке за каждый лоток. Как организовать выплаты альгвасилам, чтобы избежать правосудия. Куда направить каждую неделю банды воров, чтобы они не слишком примелькались.

В тот день, когда в его штаб-квартире появился слепой нищий по имени Закариас, который, по слухам, обладал даром предвидения, Мониподио окинул его внимательным взглядом, а потом засмеялся.

— И какую ерунду собирается рассказать этот тип? Он же и под носом ничего не разглядит! Выкиньте его взашей.

Громилы схватили слепого под руки и потащили к выходу, но Закариас успел сказать кое-что, прежде чем его выкинули.

— Банда с улицы Аркебузирова вас надувает!

Заинтригованный бандит сделал знак головорезам, чтобы те остановились.

— Откуда ты знаешь, оборванец?

Закариас не видел лица Мониподио, но что-то в его голосе подсказало ему, что если он не даст верный ответ, то выйдет отсюда не просто с парой синяков. Он назвал банду с улицы Аркебузирова, потому что только ее и знал, хотя и понятия не имел, обманывает она Короля воров или нет. Ему пришлось придумывать на ходу.

— Скажите, сеньор, сколько они вам выкладывают каждый месяц?

— Семь эскудо, ни больше ни меньше.

— И какую долю от их заработка это составляет?

— Восемьдесят мараведи за каждый заработанный эскудо.

Один золотой эскудо составлял четыреста медных мараведи или двенадцать серебряных реалов. Закариас в мгновение ока подсчитал процент.

— То есть они зарабатывают тридцать пять эскудо каждый месяц. Скажите, раз уж вы

были главарем банды воров: вы всегда зарабатывали одинаково?

— Нет, не всегда. Иногда получали лучшую добычу, а в некоторые месяцы — похуже.

— Однако они отдают вам одинаковую сумму каждый месяц. Точно ту же.

У Мониподио рот открылся от изумления, с какой скоростью Закариас провел подсчеты и какую хитрость только что проявил. Он призвал главаря банды с улицы Аркебузирова к ответу и уличил в том, что тот занижал сумму, которую должен был платить Королю воров. Главарь отделался лишь парой сломанных пальцев, поскольку Мониподио был необычайно доволен. Он нашел оружие, в котором нуждался. Слепой, для которого закончилось попрошайничество, голод и холод, тоже был доволен.

Закариас наконец-то добрался до места. Он помедлил, прежде чем постучать в дверь торговца краденым. Если сегодня тот будет не в духе, то все пойдет не так и ему придется выпрашивать каждый мараведи. Сундучник был жадной свиньей, но, к несчастью, слепой не мог обратиться к другому после случившегося с Мониподио. Наконец он пару раз стукнул посохом в деревянную дверь. Другого выхода у него не оставалось.

— Ты мне дверь поцарапаешь этой своей палкой, Закариас, — сказал голос по другую сторону. Слепой вошел и сделал четыре шага, отделявших его от прилавка.

— Бог с тобой, Сундучник.

— Да покоится с миром твоя мать. Что ты мне принес?

Закариас достал серебряный медальон и положил на прилавок. Он прислушался, как торговец копался в сундуках позади него. Именно благодаря этим сундукам он и получил имя, под которым был известен в преступном мире. Сундучник был главным торговцем краденым у Мониподио. Он был мастером по переплавке и подделке драгоценностей, именно через его дом проходили все значительные изделия, прежде чем пересечь Бетис и оказаться на стороне Трианы, если не находили свое место на блошином рынке. Для остальных горожан он был всего лишь выживавшим за счет продажи дешевых безделушек скромным ювелиром на грани разорения, чей порог мало кто переступал.

Сундучник поставил на прилавок маленькие весы и положил медальон на одну из чашек. Та качнулась с едва слышным звуком.

— За это дерьмо я дам тебе десять мараведи. Скажи спасибо за мою щедрость.

— Он стоит по меньшей мере половину серебряного реала, — оскорбился нищий.

— Это деньги, слепой. Ты их берешь или нет.

Закариас с трудом сглотнул, его выступающий кадык задвигался вверх и вниз по худой шее. Он не мог видеть, но отлично знал, что Сундучник насмешливо улыбается, наслаждаясь этим ненужным унижением. Разумеется, это было частью наказания, которое наложил на него Мониподио, но торговец воспринимал его как нечто личное. Он бессовестно крал у слепца семь мараведи, которых не хватало до половины реала. Закариасу срочно нужны были тридцать для оплаты гостевого дома, где он спал и откуда его выкинули бы без жалости, не принеси он деньги. Он утешил себя тем, что, по меньшей мере, у него были остатки милостыни. Несмотря на голод, он хотя бы сможет дать отдых разбитой спине.

— Хорошо.

Сундучник положил монеты на прилавок. Закариас протянул руку и заметил, как торговец отодвинул от него часть, оставляя ему один единственный мараведи. Одна восьмая стоимости буханки хлеба.

— Это твоя доля, слепой. Остальное пойдет на оплату твоего долга Королю.

Разъяренный Закариас развернулся, чтобы уйти, когда что-то втащило его обратно. Кто-

то вышел из подсобного помещения, обогнул прилавок и схватил его за одежду. Судя размеру и запаху пота, он был похож на одного из головорезов Мониподио.

— Подумай хорошенько, слепец... по-моему, ты слишком старый. В таком темпе тебе придется прожить еще пару десятков лет, чтобы выплатить долг. Обыщи его, Хромой.

Рука пригвоздила Закариуса к стене. Он почувствовал во рту горький вкус гипса, смешанный со кислым страхом, поднимающимся из желудка. Этого не должно было случиться.

— Прошу вас, сеньоры. Мне нужны эти деньги. Пожалуйста.

Рука головореза продолжала шарить по телу, не обращая внимания на мольбы. Пару раз во время мерзкого обыска она проходила по тайному карману, где хранилась милостыня, и Закариас задержал дыхание. Может, ему еще удастся этого избежать.

— У него больше ничего нет, — произнес над ухом неприятный голос.

— Не верю. Он день деньской торчит на площади Святого Франциска и не стал бы так нервничать, если бы ничего не припрятал. Обыщи еще раз.

Закариас мысленно обругал себя за то, что притащился сразу сюда, вместо того, чтобы сначала зайти в свой постоянный двор. Те мараведи, что он хранил в секретном кармане, были всем его имуществом. Если эти мерзавцы их найдут, то ночью ему придется спать на ступеньках церкви, вместе с самыми несчастными нищими. А на следующий день снова начнется отсчет долга.

— Неужели Мониподио столько вам платит, чтобы вы обращались со мной подобным образом? — простонал слепой.

— Мониподио плевать, распеваем мы с тобой псалмы или раздаем затрещины. Ему нужны лишь девяносто эскудо, которые ты взял у него взаймы. Вежливость за счет заведения.

С триумфальным ревом головорез нащупал что-то под рукавами туники Закариуса. Там находилось нечто более твердое, ловко скрытое рядом со швом. Слепой заметил, как стальное острие разорвало ткань менее чем в пальце от его подмышки, и монеты посыпались на пол.

— Видал, Хромой? — сказал скупщик краденого с жестоким смехом. — С дерева всегда можно снять плоды, если как следует тряхнуть. А теперь выкинь его отсюда.

Закариас почувствовал, как его схватили за одежду и бросили вперед. Он приземлился в сточную канаву посередине улицы, промок и потерял ориентацию. За спиной он услышал хлопанье двери, которое для бедняги слепого прозвучало как символ поражения и отчаяния. Растянувшись на мостовой, со ссадинами на коленях и унижением в душе, он желал смерти.

Вскоре он почувствовал, как его поднимают огромные руки, с легкостью, словно пушинку. Закариуса охватил ужас, поскольку он не знал, что это за новая угроза, он едва мог дышать. Похититель держал его в воздухе так долго, что Закариусу это время показалось вечностью, хотя на самом деле прошло не больше пары минут. Наконец они остановились, и слепой снова оказался на ногах. Коленки у него дрожали, он чуть не падал в обморок. Кто-то снова всунул ему в руки посох и чуть прижал к его телу.

— Оставь его, Хосуэ. Похоже, наш новый друг не очень хорошо себя чувствует, — раздался голос напротив. Он был юным, с металлом и проникновенным, в нем ощущалась необычная твердость. Хотя Закариас был уверен, что никогда раньше не слышал этот голос, что-то в нем внушало доверие.

Огромная рука поддерживала его за плечи, на сей раз гораздо деликатнее.

— Кто вы такие?

— Друзья, маэсе Закариас, — ответил молодой человек. — И судя по всему, вы в них нуждаетесь.

Санчо и Хосуэ добрались до окраин Севильи за четыре дня до встречи с Закариасом. Оба отправились из дома кузнеца в одежде Хоакина, сына Дрейера. Санчо она была маловата, тогда как для Хосуэ пришлось распороть несколько вещей, чтобы сшить из них одежду по размеру. С обувью ничего нельзя было сделать, поэтому Санчо поставил себе целью решить этот вопрос как можно раньше. Правда, для этого им нужно было добраться до города и воплотить в жизнь свой план.

Благодаря более пристойному внешнему виду, нежели год назад, после бегства при крушении "Сан-Тельмо", им уже не нужно было прятаться при встрече с другими путниками. К обеденному часу они добрались до монастыря Святой Марии. Можно было продолжить путь, пересечь мост Трианы и присоединиться к путникам, стоявшим в очереди на входе в город, но Санчо опасался, что стражники на воротах спросят его про Хосуэ. Без документов на право владения рабом и денег на подкуп они рисковали разоблачением. При первых же сомнениях стражники бросили бы Хосуэ в тюрьму на Змеиной улице до выяснения его личности. Санчо не был готов пойти на такой риск. Правда, взамен он собирался рискнуть не меньше.

Они остановились в тени высоких стен монастыря, чтобы немного поспать. Этой ночью им нужно было быть сильными и отдохнувшими.

"Мне страшно", — сказал ему Хосуэ.

Луна была уже высоко в небе, поэтому Санчо мог с легкостью видеть выражение лица друга. В серебряном лунном свете сильные и мужественные черты лица негра казались призрачными и зловещими.

— Я знаю, — сказал Санчо шепотом. Его руки были заняты, поэтому он не мог использовать знаки. — Но другого выхода нет, ты же знаешь. Я не могу оставить тебя здесь одного.

Хосуэ пожал плечами, и они направились к берегу реки. Ранее у одного из близлежащих домов они украли лодку. Хозяин наверняка ловил на ней крабов и продавал их в городе. Она была столь крошечной, что Санчо с легкостью нес ее в руках, поэтому его не удивляло, что гигант, со всей серьезностью боявшийся утонуть, был напуган. Санчо с задумчивостью уставился на беспокойную поверхность воды, движения которой походили на судороги умирающей змеи. У него тоже были сомнения, что хрупкое суденышко выдержит вес его друга.

Когда они спустили лодку на воду, Хосуэ стиснул зубы и покачал головой, но в конце концов решил в нее залезть. Он поджал руки и ноги, черное тело, казалось, переполнило суденышко. На мгновение Санчо одолели сомнения. Если Хосуэ сделает хотя бы одно лишнее движение, когда они доберутся до центра реки, то они точно пойдут ко дну. Он залез в воду и начал толкать лодку. Хотя в середине августа уровень воды в Бетис был ниже обычного, сила течения пару раз чуть было не потопила лодчонку. Хосуэ с такой силой вцепился в деревянные борта, что дерево затрещало под его пальцами.

Когда они добрались до другого берега, Хосуэ поспешил спрятаться в кустах, как было договорено. Санчо чувствовал усталость, но, тем не менее, не хотел бросать там лодку. Скорее всего, для ловца крабов она была единственным источником средств к

существованию, и если оставить лодку на этом берегу, рыбак никогда ее не вернет. Юноша залез в лодку и вернулся на другой берег, гребя на этот раз руками. Когда он оставил лодку там же, где ранее взял, из дома донесся храп рыбака. Санчо мысленно улыбнулся. К утру лодка высохнет, и хозяин даже не заметит, что кто-то ее позаимствовал.

Санчо приложил огромные усилия, чтобы снова переплыть реку. Когда он коснулся дна ногами, ему пришлось остановиться на некоторое время, не выходя из воды, чтобы отдышаться. Взгляд его был прикован к звездам, а в ушах стоял шум реки. Наконец, Санчо добрался до кустов, где его ждал Хосуэ.

— Жди здесь. Я вернусь до рассвета.

Хосуэ сжал его руку, чтобы пожелать удачи. Санчо отправился в путь, зная, что она ему пригодится. Ему предстояло пересечь пространство вне крепостных стен и добраться до ворот Ареналь, на ту территорию, где преступные банды бродили в поисках ничего не подозревающих путников, не сумевших войти в город до закрытия ворот. Он поправил пояс, на котором висела шпага Дрейера. "Моя шпага", — подумал он с гордостью. Он еще никогда не сходил ни с кем в настоящем бою и не знал, что могло произойти. Не знал, как поведет себя вне привычного порядка тренировочного зала.

Он обошел дома Колумба, где теперь жили потомки адмирала, и спустился, прижавшись к стене. Внезапно его сердце замерло. В тридцати-сорока шагах перед ним виднелись несколько притаившихся в темноте фигур. Они разговаривали шепотом, а у одного в руках была маленькая горящая жаровня, определенно, чтобы поджигать фитили аркебуз. Их было слишком много для простой банды грабителей. Мгновение он обдумывал вероятность, что это стражники, притаившиеся в засаде на кого-нибудь, но Санчо в этом сильно сомневался. Правосудие никогда не рисковало высовываться из-за городских стен ночью, если этого можно было избежать.

Он не мог вернуться и попытаться пробраться с другого берега, потому что это сильно бы его задержало. Ночь заканчивалась, а с наступлением рассвета ненадежное укрытие Хосуэ будет обнаружено. Он не мог попытаться и залезть в воду, потому что в этом месте, самом дальнем от излучины реки в северной части города, течение ночью было слишком опасным. Единственным выходом оставалось прошмыгнуть мимо них под прикрытием темноты.

Он упал на землю и начал ползти, стараясь не высовываться из безопасной тени под стеной. Этой ночью свет луны был очень ярким, и Санчо бранил себя, что этого не учел. Казалось, он двигался со скоростью улитки, по спине стекал густой пот. Он прополз так близко к сидящим в засаде, что мог почувствовать в их дыхании запах того, чем они ужинали накануне вечером.

— Что-то коснулось моей ноги, — прошептал голос справа от Санчо.

Тот замер, чувствуя, как на высохшей земле отдаются движения тела говорившего, беспокойно ворочавшегося в поисках того, что его встревожило.

— Замолкни, старик. Наверное, это лягушка. Не будь трусом, — голос другого звучал чуть дальше.

— А если это змея?

— Тихо! Хотите, чтобы нас услышала стража на стене? Поднимись и ляг чуть дальше, если тебе так страшно.

Ближайший к Санчо человек поднялся на ноги, и его сапоги коснулись ног юноши. Тот прижался к основанию стены и тут же почувствовал сильнейшую боль. Меж камней рос

колючий кустарник, его шипы прокололи рубаху и вонзились в спину Санчо. Ему пришлось впиться зубами себя в плечо, чтобы не закричать.

Когда человек начал двигаться, наступая на своих товарищей и вызывая их возмущение, Санчо воспользовался этой суматохой, чтобы отойти от них подальше. Оттуда он продолжил двигаться без серьезных неприятностей. Несколько минут спустя он отважился подняться и продолжил идти согнувшись, благодаря чему смог двигаться так быстро — по сравнению с тем, чего ему стоило ползком покрыть предыдущий участок, — что чувствовал, будто летит. Только рядом с воротами Трианы ему снова пришлось лечь на землю, чтобы избежать света фонарей, освещавших Корабельный мост. На этой огромной и шаткой деревянной площадке, соединявшей Триану с Севильей, всегда находился отряд стражников, патрулировавший территорию между замком инквизиции и гаванью. И эти солдат больше заботились о том, чтобы никакой враг не разрушил дорогостоящий и хрупкий мост, чем следили, чтобы никто не пробрался в город под покровом ночи. В любом случае, Санчо не хотел, чтобы что-то встало между ним и его целью, особенно когда он был уже так близко к ней.

Когда он добрался до противоположного края Ареналя, то услышал вдалеке выстрелы, к северу от того места, где находился. Он остановился, наклонив голову и напрягшись, но схватка происходила где-то далеко. Раздались еще несколько отдельных выстрелов, и через некоторое время настала тишина. Санчо был уверен, что это имело отношение к той группе, которую он видел рядом с Королевскими воротами.

"Интересно, что за чертовщина происходит в Севилье. Тут что-то не в порядке", — подумал он, возобновляя шаг.

В конце концов он оказался перед небольшим холмом, который так хорошо помнил, прямо позади блошиного рынка. Впотымах ему понадобилось несколько минут, чтобы найти вход в убежище, где они жили с Бартоло. Когда его пальцы обнаружили ловко замаскированную щель, служившую для того, чтобы вытащить закрывавший вход камень, он немного поколебался, прежде чем вытащить его. На мгновение его охватили страх и тревога. Если кто-либо еще знал об этом месте, а Мониподио, похоже, владел всеми секретами этого города, то наверняка убежище обыскали после смерти карлика.

Найти тайник под его постелью не слишком сложно. В таком случае мешочка с золотыми монетами, на который Санчо возлагал все надежды, там не окажется. Ему придется вернуться к Хосуэ с пустыми руками, снова заставить его переправиться на северный берег реки, в опасении прихода неизбежной зари. Если он ошибся, если был так глуп, что вообразил, будто это место осталось для всех в секрете, они с Хосуэ опять окажутся прикованными к веслу на галере.

Он глубоко вздохнул, тряхнул головой, чтобы разогнать дурные предчувствия, и потянул на себя камень. Поначалу он не поддавался, потому что с тех пор, как его последний раз двигали, прошло уже много времени, и снизу камень зарос мхом и сорняками. Санчо успокоился. По крайней мере с этой стороны, похоже, никто не входил.

Наконец, он с неприятным скрежетом вытащил камень и засунул внутрь голову и плечи. Ему пришлось приложить больше усилий, чтобы протиснуться внутрь, чем он помнил, и он с тоской сообразил, что больше уже не ребенок, каким был в тот первый раз, когда перебирался через этот участок стены. Он напряг ноги, чтобы оттолкнуться, оставшись лицом к камню, не в состоянии пошевелить руками. Санчо на мгновение застрял, почувствовав, как по лицу проползло множество липких лапок, и во второй раз за ночь вынужден был сдерживать крик.

Санчо терпеть не мог насекомых, и застряв вот так в темноте, почувствовал приступ паники. Он часто задыхался и стиснул зубы, представив, что слышит, как сотни черных лап царапают камень рядом с ним. Когда ему удалось успокоиться, Санчо начал извиваться туда-сюда, опираясь на кончики ног. Через некоторое время открытые раны на спине от шипов кустарника, к которому он прислонился у стены, дьявольски болели, но Санчо смог высвободить одну руку. Он схватился за камень с другой стороны, с силой подтянулся и свалился внутрь убежища, ударившись обо что-то головой.

Он с трудом встал на ноги и ощупал окружающие предметы, пытаясь сориентироваться. В сумраке проступали знакомые очертания, хотя всё казалось каким-то развороченным. Он спрашивал себя, является ли причиной тому падение или кто-то здесь побывал. Он протянул руки к тому месту, где Бартоло всегда хранил трут, кремль и огниво, но отверстие в стене оказалось пустым. Санчо не помнил, положил он всё на свое место в тот день, когда они покинули убежище в последний раз, в тот день, когда погиб карлик. Если так, то это точный признак, что кто-то нашел укрытие и ограбил его.

Санчо в отчаянии ощупал пол и обнаружил что-то блестящее и твердое. Это был кусок кремня, отколовшийся при падении. Трут тоже лежал рядом, но огнива нигде не было. Санчо в нетерпении воспользовался намершим шпаги, чтобы высечь кремнем искры и поджечь трут. Когда робкое, но устойчивое оранжевое пламя осветило помещение, юноша погрузился в воспоминания.

Всё, что произошло за последние два года, испарилось, как бесконечный сон. На мгновение он подумал, что Бартоло снова вот-вот появился у двери, пахнувший перегаром и проклинаящий всех святых за неудачи в картах. Но пламя дрогнуло, вернув Санчо к реальности. Он нетерпеливо подошел к своей постели и перевернул ее, откинув на середину комнаты. Там лежал плохо пригнанный камень, скрывавший тайник. Санчо вытащил его, всё больше нервничая, и запустил руку в дыру. Когда кончики его пальцев коснулись кожаного мешочка со знакомыми твердыми и округлыми формами внутри, он вздохнул с облегчением. Юноша вытащил мешочек из углубления, развязал тесемки и высыпал содержимое на ящик, служивший им с Бартоло столом.

Там были золотые и серебряные монеты, которые он скопил, участь у карлика, и которые предлагал Бартоло, чтобы тот выплатил долг Мониподио, но он благородно отказался. Двадцать эскудо, составлявшие часть его плана мести убийце карлика и основу лучшей жизни для них с Хосуэ.

Санчо покинул убежище через проход, выходивший на внутреннюю сторону стены, и побежал по переулкам квартала конопатчиков в северном направлении. Небо уже начало светлеть, и Санчо всё больше беспокоился о Хосуэ. Он боялся, что кто-нибудь его обнаружит. Ему пришлось поменять изначальный план — выбраться за городские стены и найти Хосуэ.

Когда незадолго до рассвета сонные стражники открыли Королевские ворота, они обсуждали друг с другом стычку, произошедшую несколько часов назад по ту сторону стен. Хотя Санчо горел желанием узнать, что же там произошло, у него не было времени на болтовню. Он выбежал наружу вместе с группой крестьян, ожидавших открытия ворот. У всех в руках были рабочие инструменты и корзины или мешки с едой на весь тяжелый трудовой день. Санчо, не без опаски оставивший шпагу в убежище, был единственным с пустыми руками, он опустил голову и принял покорный вид, так что никто не обратил на него внимания при выходе.

Группа крестьян направилась к Корабельному мосту, на дорогу к садам и фермам, где они работали поденщиками. Санчо покинул центр группы и отстал, чтобы оказаться последним. Перед тем, как добраться до моста, он задержался около пары работников, похожих на отца с сыном.

— Простите, сеньоры, но я хотел бы вам кое-что предложить.

Старший крестьянин недоверчиво взглянул на Санчо и жестом велел продолжить, но младший осмотрел его с головы до пят.

— Что вы хотите?

— Я хотел бы купить ваши инструменты.

Мужчины переглянулись и посмотрели на старые мотыги в своих руках. В ржавые зажимные кольца набилась земля, а ручки перекошились.

— Зачем тебе наши инструменты, малец? — спросил старший.

— Мне предложили работу поденщика, но я не могу явиться без инструментов.

— Сколько предложишь? — спросил молодой.

— Не понимаю, зачем тебе две мотыги, — заявил старый почти одновременно.

Санчо изобразил самую милейшую улыбку, переводя взгляд с одного на другого.

— У меня есть друг, он ждет в огороде. Я заплачу вам реал серебром.

— Это слишком высокая цена за два инструмента. За эти деньги ты мог бы купить с десяток мотыг. В чем подвох? — спросил старший, нахмутив брови.

— Отец, я могу поговорить с вами минутку? — спросил молодой, взяв отца под руку.

Санчо тревожно смотрел, как те разговаривали, отойдя на несколько шагов в сторону. Молодой много жестикулировал, а его отец качал головой. Через некоторое время молодой приблизился с двумя мотыгами в руке.

— Отец сказал, что вы не похожи на поденщика. И если можете заплатить один серебряный реал, то можете заплатить и два.

Санчо удивленно присвистнул в ответ на столь наглое требование. Это было безумие, но он не мог терять времени. Вскоре тот берег, где он оставил Хосуэ, наполнится рыбаками, и если кто-то из них наткнется на огромного негра, прячущегося в кустах, могут возникнуть неприятности. Санчо должен был вернуться к другу до того, как его найдут.

— Я дам вам два серебряных реала, если получу еще и эту торбу.

— Это наш обед, — сказал молодой крестьянин, прижимая к себе котомку.

Санчо протянул ему ладонь, где блестели две сияющие монеты. Он подбросил их в воздух со звоном и поймал в кулак.

— Сможешь купить на это гораздо больше еды. Ты согласен или мне поискать кого-то еще?

Крестьянин посмотрел Санчо за спину, где приближалась новая группа работников, и потом на своего отца, нетерпеливо ждущего со скрещенными на груди руками.

— Ладно, — ответил он, протягивая мотыги и котомку и быстро схватив из руки Санчо монеты, словно боялся, что тот поменяет решение.

Без дальнейших церемоний Санчо со всей скоростью пустился бежать к берегу реки. Прошло уже полчаса после рассвета, а ему предстояло еще проделать длинный путь до того места, где ждал Хосуэ. По дороге он встречал группы рыбаков, нагруженных сетями и вершами, и валяльщиков, направляющихся к своим мельницам. Всего несколько часов назад здесь была пустынная и темная местность, а теперь — полная жизни и людей.

Затаив дыхание, он добрался до кустов, где оставил негра, сердце стучало в груди, как

барабан. С улыбкой на губах он метнулся в кусты.

— Хосуэ, у меня получилось!

Но улыбка замерла на его лице, когда он понял, что Хосуэ там нет. Он беспокойно озирался по сторонам, но негр исчез.

По-прежнему тяжело дыша и обезумев от беспокойства, Санчо задумался о том, что могло произойти. Хосуэ не стал бы сопротивляться и тем более не смог бы объяснить, кто он такой. Гигант был беззащитен, как овечка, перед любым, кто стал бы ему угрожать, если кто-то осмелился бы. Санчо огляделся, но заметил рядом только водовозов, наполнявших свои амфоры и кувшины. Только в это месте реки разрешалось это делать, поскольку за изгибом у Королевских ворот сера и другие химические вещества, которые валяльщики использовали на своих мельницах, придавали воде дурной вкус.

Он прошел до берега, озираясь по сторонам и пытаясь догадаться, что случилось, когда почувствовал, что из ила поднялась гигантская рука, схватила его за лодыжки и повалила наземь. Санчо замахнулся одной из мотыг, чтобы ударить нападавшего, но тут понял, кто его схватил.

— Хосуэ!

Его друг поднялся рядом, словно ожил сам берег реки. Негр был в грязи с головы до пят и улыбался во весь рот. Не боясь запачкаться, Санчо крепко его обнял.

— Что случилось?

"На заре я услышал шум и испугался, — объяснил Хосуэ, и с каждым жестом от него отваливались кусочки засохшей грязи. — Я вспомнил уловки, которыми пользуются животные на моей родине. Они зарываются в грязь, если видят хищников, которые хотят их съесть".

Хосуэ обрадовался, что Санчо вернулся с триумфом, и перестал улыбаться лишь когда юноша заявил, что они оба должны войти в воду, чтобы смыть с себя грязь.

После купания они сняли одежду, чтобы высушить ее, и голыми растянулись на солнце, подкрепившись снедью из котомки поденщиков.

— После полудня мы войдем в город с мотыгами в руках. Веди себя как ни в чем ни бывало, и всё будет хорошо.

Туда они и направились. Стражники в Королевских ворот едва обратили внимание на Санчо, но при виде Хосуэ один из них встал навтыжку, преградив ему путь своей пикой.

— Ты чей будешь, раб?

— Моего сеньора, маркиза де Альхарафе, — ответил Санчо, назвав одного из крупнейших землевладельцев города. Тем самым уменьшалась возможность, что они его узнают, поскольку маркиз нанимал множество поденщиков для работы на своих землях. — Его купили недавно, и он пока не говорит по-нашему.

— Я его ни разу тут не видел.

— Это его первый рабочий день, сеньор.

— А где бумага о собственности? — подозрительно спросил стражник.

Закон гласил, что рабы должны иметь при себе документ с указанием хозяина, храня его в жестянке, прикрепленной к поясу. Хотя в пределах городских стен к этой норме относились спустя рукава, всё было по-другому, если рабу приходилось в одиночестве покидать город. Часто владельцы большого числа рабов сдавали их внаем мелким фермерам в те дни, когда было много работы, и в этом случае также прилагался документ.

— Писарь ее еще редактирует, сеньор.

Стражник нахмурился, раздумывая, стоит ли арестовать негра и отправить его в тюрьму, куда помещали всех неопознанных рабов, поскольку такова была его обязанность. Он обернулся к своим товарищам, занятым осмотром только что прибывшей повозки, нагруженной многочисленными бочками. Судя по исходившему от нее по запаху, в них находилось молодое вино или сусло. Учитывая ужасную жару под ярким солнцем и тяжелый вес доспехов стражников, со шлемами и поножами, скорее всего эти бочки въедут в город немного похудевшими.

Стражник расстроено покачал головой. Путь к тюрьме был долог. Если он поведет туда негра, то потеряет бесплатную выпивку.

— Ладно, проходите. Но чтоб завтра без документа не возвращались, или негр отправится напрямик на Змеиную улицу, откуда хозяину придется его востребовать. Ясно тебе?

Санчо покорно кивнул, хотя внутренне ликовал. Маскировка и жара сыграли в его пользу. В любом случае, юноша не собирался повторять этот неприятный опыт. Он должен добиться того, чтобы Хосуэ передвигался по городу, когда захочет.

Забрав в убежище шпагу, они направились в квартал Ла-Ферия, поднявшись по улице Оружия до площади герцога Медины, а потом завернули на восток. Миновав самые богатые городские районы, Санчо заметил в лицах жителей Севильи нечто странное. В атмосфере появилось что-то необычное, и не только из-за удушающей жары, в результате которой воздух превратился в обжигающий легкие огонь. Везде растекалась угроза, словно жара нагревала булыжники мостовой и поднималась по босым ногам.

— А я-то думал, что никогда не буду скучать по сумраку галеры, Хосуэ.

"Ты сошел с ума, — ответил негр. — Лучше эта жара, чем весла и хлыст".

Они остановились, чтобы попить и окунуть головы в фонтанчик. Нужно было пересечь город, потому что необходимую Санчо работу не могли выполнить ремесленники западной части города, не только потому что гораздо дороже брали, но и потому что в восточной части имелось больше нужных специалистов. Санчо помнил несколько имен из своих разговоров с Бартоло, но когда они попробовали их найти, то оказалось, что один закрыл дело, а другой умер. Наконец, с третьим им повезло больше.

— Аурелио Фансон, портной, — прочитал Санчо вывеску на мастерской. Дом был маленьким, каменным и без шпукатурки. Колокольчик на двери звонко зазвенел, когда они пересекли порог. Помещение тоже было небольшим и погруженным в сумрак по сравнению с улицей, так что они несколько раз моргнули, прежде чем смогли разглядеть собственные ноги.

— Добрый день, сеньоры. Чем могу помочь? — спросил появившийся из подсобки продавец. Это был низкорослый раб с медной кожей.

— Мы ищем Фансона, — ответил Санчо.

Раб окинул их внимательным взглядом. Мотыги и поношенная, сшитая из клочков, как в случае Хосуэ, одежда, не выдавали в них хороших клиентов.

— Маэстро сейчас занят, заканчивает заказ. Но я могу вам помочь вам уточнить...

Санчо подошел в прилавку и положил на него золотой эскудо.

— Мы будем разговаривать только с Фансоном, — резко заявил он.

Раб поглядел на монету с таким удивлением, словно изо ртов двух оборванцев вдруг начали выпрыгивать жабы [\[9\]](#). Но несомненно, он хорошо знал свое дело, поскольку тут же забрал монету, кивнул и провел их в подсобку.

Лестница вела на второй этаж, где находилась большая и светлая швейная мастерская. На стенах висели ткани и парча всех видов, скатанные на больших деревянных рейках. В высоком и широком шкафу стояли десятки ящичков, на каждом сверху был приклеен образец того, что хранилось внутри — пуговицы из перламутра, слоновой кости и всевозможных металлов, мерные ленты, иглы и другие инструменты портного. Солнечные лучи, пробивающиеся через высокое окно, придавали всему этому разноцветное сияние. В центре этого необычного королевства потный и сосредоточенный Фансон, зажав в зубах несколько булавок, боролся с зеленым муслиновым платьем. Оно было надето на манекен вроде тех, что использовал для тренировок Дрейер.

Портному явно не понравилось вторжение, и он обернулся к слуге с недружелюбным видом, который не стал лучше при взгляде на клиентов. Мавр приблизился к хозяину, прошептал ему что-то на ухо и аккуратно вручил золотую монету. Фансон вынул изо рта булавки и воткнул их в подушечку, выражение его лица немного смягчилось.

— Добрый вечер, сеньоры. Слуга сообщил мне, что вы желали меня видеть.

Санчо сделал шаг вперед.

— Нам необходимо хорошее платье, мастер Фансон — для меня и моего друга.

— Я так понимаю, что вам срочно нужен портной. Понятное дело, что ходить одетыми лучше, чем голыми, — сказал он, с пренебрежением оглядывая одежду посетителей. Но боюсь, что я не смогу вам помочь. Видите ли, я очень занят, я должен к сроку выполнить заказ герцогини Альбы.

— Один из моих друзей говорил, что вы берете срочные заказы... особые заказы, так сказать.

Фансон удивленно поднял бровь. В растерянности он постоял возле муслинового платья, а затем направился в сторону Санчо.

— Пожалуйста, продолжайте, — сказал он.

— Мне необходим особый хубон с потайными карманами внутри и еще одним в левом рукаве, где можно было бы спрятать дополнительный клинок. Мне говорили, что у вас даже имеется особое название для этой модели.

Портной не дал юноше договорить. Он с силой сжал его запястья, радостно вскричал и начал крутить Санчо в каком-то странном танце.

— Полный наряд карманника! Из-за короля Филиппа я уже больше десяти лет не получал подобных заказов! Я вам сделаю к нему еще и сапоги, тоже с карманами. Черт с ним, с этим костюмом герцогини! Фаруд!

Мавр, словно по волшебству, вновь появился в дверях.

— Хозяин?

— Убери это отсюда, и немедленно! — кивнул портной в сторону муслинового платья. — Тащи сюда шесть... — тут он на секунду задумался, оглядывая Хосуэ, — нет, тащи сюда девять ярдов черной материи! И кожи побольше! И буйволовых ремней!

Он отдавал распоряжения, словно охваченный безумием, в то время как раб носился по лестнице вверх и вниз.

— Думаю, лучше бы темно-коричневый... — заупрямился было Санчо.

— Молодой человек, вы явно не в своем уме. Черный цвет — это последний писк моды, весь мадридский двор носит только черное. Хорошая выделанная кожа, нарезанная вдоль и выкрашенная в черный матовый цвет — будет любо-дорого посмотреть! Так что никаких больше разговоров, и не стоит благодарности! — воскликнул портной, размахивая руками

перед лицом Санчо, словно разгонял невидимых мух.

Молодой человек повернулся к Хосуэ, который искоса посматривал на портного, и взгляд его был таким, что можно было подумать, будто негру передалось его безумие.

"Это очень странный человек, — сказал Хосуэ. — Нам бы поскорее отсюда выбраться".

Внезапно Фансон замолчал, в задумчивости разглядывая трещины на потолке поверх головы Санчо. Так он простоял некоторое время, совершенно неподвижно; казалось, он спит с открытыми глазами. Обеспокоенный Санчо тронул за плечо раба, что как раз бежал вниз по лестнице в поисках новых образцов материи.

— Что это с ним? — прошептал он.

Мавр приложил палец к губам и указал на несколько керамических кувшинов, стоявших на более высоком столике рядом с кусками фетра и разными скребками. Санчо бросилось в глаза одно слово, написанное на этикетках сосудов: ртуть. Он припомнил, как брат Лоренцо рассказывал им на занятиях, что портные и шляпники, работавшие со ртутью и другими материалами, в итоге сходили с ума.

Внезапно портной будто пришел в себя. Он тряхнул головой и огляделся вокруг широко раскрытыми глазами, словно не помнил, кто он и что здесь делает. Сознание мало-помалу к нему вернулось, и он всплеснул руками в сторону гостей.

— Ваши милости, поднимитесь сюда! — потребовал Фансон, пнув ящик, наполненный катушками ниток, который стоял на маленьком табурете. Катушки рассыпались по полу, и Фаруд, который как раз возвращался, по макушку нагруженный тканями, наступил на них. Он смешно взмахнул руками, и ткани взлетели на воздух, а Хосуэ пришлось схватить мавра, чтобы тот не сломал шею о лестницу. Раб рассыпался в благодарностях, прижимая руки ко лбу и сердцу. Повеселевший Хосуэ повторил его жесты, после чего Фаруд начал смотреть на него с восхищением..

Санчо отдал шпагу другу и забрался на табурет. Портной тут же принялся снимать с него мерки, используя для этого странный инструмент, сделанный из соединенных между собой кусков дерева. При этом он записывал мелом на полу какие-то каракули, приговаривая себе под нос:

— Ну-ка, поднимите немного руку. Отлично, отлично, просто великолепная фигура, вне всяких сомнений! Теперь встаньте прямо... вот так. Ну что ж, пусть ваше сложение и нельзя назвать богатырским, как у вашего спутника, но зато ваша фигура гораздо более пропорциональна.

— Спасибо, — в растерянности пробормотал молодой человек, послушно выполняя все указания портного.

— Будет полный комплект карманника, не больше ни меньше... Поднимите немножечко голову. Не скрою, для меня будет огромным удовольствием это сделать... Теперь этим мало кто пользуется в вашем кругу. Все полагаются на грубую силу, а о настоящем мастерстве, как в старой школе, никто и не вспоминает. Мне прямо-таки не терпится начать работу, право, я сделал бы ее даже бесплатно. Но, к сожалению, не могу. Материал слишком дорог, да вы и сами понимаете. Так что волей-неволей встает неприятный вопрос о гонораре...

— Без вопросов, мастер Фансон. — Сколько вы хотите?

— Давайте подсчитаем... Итак, я могу сшить по две пары панталон и по три рубашки для каждого. Кстати, вашему другу тоже нужен такой хубон?

— Нет, ему, конечно, нужен хубон, но самый обычный. Мы решили, что будем выдавать

его за раба из богатого дома.

— И, конечно, мы сделаем для него туфли — такие добротные, устойчивые туфли, — Фансон остановился в задумчивости, постукивая себя по подбородку указательным пальцем. — Таким образом, всё вместе вам обойдется в двадцать эскудо.

Услышав это, Санчо аж подскочил на своем табурете.

— Пойдем, Хосуэ, — сказал он.

Негр, который, казалось, только и ждал этих слов, тут же направился вниз по лестнице, ступеньки которой закрипели под его огромным весом.

— Постойте, постойте, сеньоры! В чем, собственно, проблема?

— Исключительно в цене, — ответил Санчо, следуя за Хосуэ.

— Но, сеньор, вы должны понимать, что ваш заказ требует большого расхода материи. Вы представляете себе объем грудной клетки вашего друга?

— Один ярд хорошего сукна стоит половину эскудо, мастер, — крикнул Санчо, успевший спуститься на этаж ниже.

— Хорошо, хорошо! Пожалуй, мы могли бы уложиться и в девятнадцать эскудо.

Серьезное лицо молодого человека вновь показалось на лестнице.

— Десять эскудо — и ни мараведи больше.

— Ах, сеньор, — ответил Фансон, улыбаясь. — Сразу видно настоящего вора. — Давайте-ка поднимайтесь обратно, и мы с вами обсудим цену, как порядочные люди, пока я буду снимать мерки с того титана, что вас сопровождает.

Молодой человек торговался с портным около получаса. А надо сказать, что одежда в те времена стоила немисливо дорого, причем в Севилье много дороже, чем где-либо еще, поскольку оживленная торговля с богатейшими индийскими колониями и растущее богатство города наложили свой отпечаток на цены. Особенно дорого стоили ткани, поскольку зачастую кастильская шерсть отправлялась из Севильи на кораблях во Фландрию, а оттуда возвращалась в виде цветного сукна, будучи уже в двадцать, а то и тридцать раз дороже своей первоначальной цены. Это обстоятельство приводило в отчаяние испанских купцов, однако бесполезно было убеждать короля потратить свое драгоценное индийское золото на создание собственной текстильной промышленности в Кастилии. Уж скорее Филипп готов был тратить деньги на усиление армии, чтобы разделаться с еретиками.

Это обстоятельство способствовало росту сословной пропасти между сильными мира сего и обычными смертными. Одежда стала главным признаком принадлежности к тому или иному сословию. Большинство взрослых людей могли себе позволить лишь один или два хубона за всю жизнь, а рубашек — менее, чем пальцев на обеих руках. Детям же низших классов приходилось довольствоваться жалким подобием одежды, скверно перешитым из родительских лохмотьев. На большее просто не было денег, да бедняки и помыслить не могли ни о чем подобном, ибо все их мысли были сосредоточены на том, чтобы хотя бы раз в сутки обеспечить семью горячей пищей. Таким образом, всякий, кто мог позволить себе тратить время, силы и деньги на такую роскошь, как приличная одежда, сразу мог быть причислен к господствующему классу.

В конце концов Фансон и Санчо сошлись на четырнадцати эскудо. Молодой человек признавал, что это — справедливая цена, но в то же время беспокоился, что подобные траты нанесут сокрушительный удар по их финансам, тем более, что им еще нужно было позаботиться о куда как более серьезных вещах, чем одежда.

— Приходите послезавтра, всё будет готово, — сказал портной, пожимая Санчо руку.

— Прежде чем уйти, я хотел бы вас попросить об одном одолжении. Нам нужен грамотный человек, который помог бы нам сострять одно тайное дельце.

— Советую вам остановиться в пансионе — в том, что в конце этой улице. Завтра я кого-нибудь туда к вам пришлю.

Добравшись до дворца Феликса де Монтемайора, маркиза де Альхарафе, Франсиско де Варгас едва подавил проклятие, так и рвущееся с языка.

Ему пришлось оставить карету в доброй половине лиги от дверей, ибо для того чтобы добраться до этого внушительного строения, пришлось миновать целую череду улочек, слишком узких для того, чтобы в них могла втиснуться карета. При этом он не обращал внимания на враждебные взгляды пешеходов, которыми они его награждали, когда он выбирался из кареты. Севильцы от всей души ненавидели конные экипажи и их владельцев, поскольку те частенько загромождали узкие улицы, мешая пешеходам, и нередко кого-нибудь сбивали. А впрочем, те, кто мог позволить себе подобное средство передвижения, были слишком богаты и эгоистичны, чтобы их беспокоили неудобства, причиняемые ими разным плебеем. Франсиско де Варгас был как раз одним из богачей, а посему нисколько не смущался этими взглядами, с такой же неприязнью поглядывая направо и налево.

По мнению купца, причина беспорядка на улицах Севильи — особенно в той ее части, которая окружала монастырь кармелиток, где находился дом маркиза, — была в переизбытке простолюдинов. Он бы предпочел, чтобы все дома бедняков снесли, а кривые переулки заменили на широкие проспекты с прочной булыжной мостовой.

"Достаточно было бы выкинуть из города десять-пятнадцать тысяч человек. Чего в Севилье в избытке, так это бедняков. Мы бы с легкостью нашли им замену", — думал он.

Он довольно долго мучительно брел по плохо замощённым и грязным улицам, остро чувствуя презрение со стороны всех, с кем сталкивался. Нагруженный книгами студент с целой жизнью впереди, шатающийся пьяница, который, похоже, шагал тверже самого купца, шляха, открывшая перед ним грудь, что показалось ему насмешкой и унижением. В каждом из них Варгас видел для себя повод почувствовать себя еще более несчастным. Пройдя пешком путь до дворца маркиза, Варгас начал сыпать проклятиями, потому что прямо перед ним находилось то, что с недавних пор стало злейшим врагом.

Девятнадцать мраморных ступенек. Полированных, скользких, смертельно опасных.

Несмотря на все старания рабыни, подагра с каждым днем мучила его всё сильнее, а в последние месяцы сделалась совершенно невыносимой. Сидя он чувствовал себя прекрасно, однако ходить ему с каждым днем становилось всё больнее. Ему приходилось поднимать ноги, чтобы не споткнуться, поскольку это стало бы для него настоящим кошмаром. Когда же ему приходилось иметь дело с крутыми и скользкими лестницами, Варгасу становилось по-настоящему страшно.

— Обопритесь на мою руку, сеньор, — сказал Гроот, который сопровождал его, чтобы защищать от нищих и грабителей.

Однако Варгас оттолкнул его руку. Меньше всего он желал показать свою слабость в доме маркиза.

— Вы что, считаете меня калекой? — бросил он сердито. — Подождите здесь, капитан.

Фламандец отпрянул с раздраженным ворчанием. Варгас повернулся боком и начал подниматься, стараясь по очереди опираться на трость и здоровую ногу. К несчастью, пораженная подагрой конечность тоже участвовала в его неуклюжей битве с лестницей. С каждым новым шагом ему приходилось на несколько мгновений опираться на больную ногу,

отчего ее пронзала боль, захватывая мошонку и впиваясь в затылок, как будто под кожей у него поселилась лютая змея.

Стиснув зубы, Франсиско де Варгас не показывал свои страдания. Он бы скорее умер, чем продемонстрировал эту пытку дворецкому маркиза, который уже ожидал его наверху лестницы с приветственной улыбкой, настолько же фальшивой, как и невозмутимое выражение лица посетителя.

— Добро пожаловать, маэсе Варгас, — приветствовал его дворецкий, намеренно употребив тот единственный титул, на который Варгас официально имел право. "Маэсе" или "маэстро торговли" — самое большое, на что мог рассчитывать простолюдин, выбившийся в люди собственными силами. И если в здании купеческой гильдии этот титул звучал уважительно, то в роскошных дворцах вроде этого он казался жалким и ничтожным.

— Жарко сегодня, — только и смог ответить Варгас, настолько обессилил его подъем по лестнице.

— В таком случае, вам сейчас подадут освежающие напитки. Надеюсь, вам не слишком трудно было найти этот дом, ведь квартал так разросся за последние десятилетия.

Варгас обладал особым чутьем на оскорбления, даже самые скрытые, а это было одним из самых тонких и жестоких, с которыми ему довелось сталкиваться. Дворецкий бросил ему в лицо тот факт, что дворец был очень древним, как и благородное происхождение семьи Монтемайор. Да, может, в этом районе и отиралась беднота, но лишь потому, что эта часть города была самой старой и гордой. Более современный и упорядоченный квартал вокруг собора и королевского дворца, где жил Варгас, пришелся больше по вкусу новым богачам, пытавшимся приблизиться к величию короля географически.

Прохромав мимо слуги во дворец, купец утвердился в своих подозрениях. Они прошли по нескольким пустым залам, где маркиз мог принимать визитеров со всем комфортом. В этом же случае он предпочел выбрать самый отдаленный уголок дома, чтобы Варгас имел возможность увидеть семейные портреты и картины на религиозные темы, тисненые кресла, гобелены со сценами охоты и охотничьи трофеи. Роскошная и бесконечная демонстрация, столь же неприятная Варгасу, как и неутихающая боль в ноге.

Наконец, они проследовали в гостиную, где, глядя в окно, дожидался маркиз.

— Я вижу, вы привязали вашего пса возле входа, — заметил маркиз, указывая на Гроота, что переминался с ноги на ногу у дверей. — Ну что ж, отлично! — он хлопнул себя по колену и от души рассмеялся над собственной удачной шуткой.

Варгас заставил себя улыбнуться, воображая, что может сделать огромная широкая шпага де Гроота с брюхом маркиза. Тот был одет без затей, в простую сорочку и роскошные зеленые плундры, без сапог. Его тонкие, словно палки, руки и ноги составляли контраст с торчащим животом и румяным лицом.

Всё в нем раздражало Варгаса, начиная с презрительного поведения и до места обитания, не говоря уж об огромном состоянии. Как и многие дворяне, он унаследовал его, в основном в землях, урожаях и ренте, которую выплачивали крестьяне. Монтемайор родился богатым и знатным и жил, не зная тревог и не сделав ничего, чтобы преумножить состояние, лишь растрачивая его на охоту, искусство и бочонки с дорогим токайским вином. В глазах человека, который всего добился сам, вроде Варгаса, маркиз был презренным паразитом. Но купец не обманывал себя. Он прекрасно знал, что и дворянин думает о нем в похожих терминах: для него он был жалким выскочкой, поднявшимся из грязи. По этой причине он плохо понимал, зачем маркиз пригласил его нынче вечером. Возможно, чтобы над ним

посмеяться.

— Садитесь, маэсе Варгас, — сказал маркиз, указывая на место рядом с собой. — Освежитесь немного.

Появился слуга с серебряным подносом в руках, на котором стояло несколько вазочек и большая чаша, накрытая крышкой. Когда крышку открыли, внутри оказалась целая гора свежего снега; слуга разложил его по вазочкам и посыпал сверху сахаром и корицей. Увидев это, даже Варгас, которого трудно было удивить роскошью, был потрясен. Снег в конце лета стоил вдесятеро дороже золота. Варгас посмотрел на свою вазочку, которую ему протянул слуга. Хотя он и не собирался ничего здесь есть, однако пересохшее горло не позволило ему противостоять искушению, и он принял угощение, не глядя на слугу.

— Пятнадцать эскудо за одну такую вазочку — но оно того стоит, не правда ли, маэсе Варгас? Мы ведь всё равно не унесем наше богатство в могилу.

— Это превосходно, маркиз.

— Я человек простой, но время от времени люблю потакать своим капризам, признаю. Не то что вы. Вы всегда так серьезны, так осмотрительны. Вы забрались так высоко из такой ямы и, похоже, этим не наслаждаетесь.

Варгас сделал усилие, чтобы проглотить последнюю ложку снега, потому что из-за оскорбления стиснул зубы. Он спрашивал себя, что если вскочить и разможить этому маркизу череп тяжелым набалдашником трости. Без сомнения, это было бы приятно. Но оставался риск, что маркиз станет защищаться, и слуги это увидят. Смерть дворянина и члена городского совета — это нечто совершенно невыносимое, не то что по-тихому уничтожить конкурента. Он запоминал каждое оскорбление и тщательно их запишет, вернувшись домой. И найдет способ вернуть их сторицей.

— Господь благословил меня, маркиз, — выдавил он ответ.

— То есть вы заявляете, что вам этого достаточно? Больше вам ничего в жизни не надо? Для купца это оказалось уже слишком.

— Ваша светлость, если вы хотите мне что-то сказать, так говорите, — прорычал Варгас, поднимаясь на ноги. — В противном случае, с вашего позволения, у меня есть другие дела.

— Я хочу сказать, что могу предложить вам дворянский титул.

Варгас повернулся к нему, не в силах скрыть своего изумления. Между тем маркиз, выдержав эффектную паузу, резко откашлялся, прежде чем продолжить.

— Я получил это предложение лично от его величества. Король Филипп готов пожаловать вам титул барона в награду за вашу многолетнюю службу на благо испанской короны, и так далее, и тому подобное — короче, обычная чушь. Ну, что скажете? Неплохо для лавочника, не правда ли?

Когда Варгас справился с первоначальным замешательством, шестеренки в его мозгу завертелись с максимальной скоростью. Он тут же понял, что все оскорбления и презрение были тщательно подготовлены, всё это было спектаклем, расчетливым и довольно грубым планом.

"Ах, Монтемайор, жирная пивка, ты не знаешь, с кем имеешь дело. Решил сначала макнуть меня в грязь, чтобы потом протянуть единственную в городе чистую рубашку. Вот ведь дурачок. Я играл в эти игры еще до твоего рождения", — подумал Варгас.

Подчеркнуто медленно он вновь опустился в кресло, вытащил платок и вытер невидимое пятно на хубоне, затем сложил его и опять убрал в карман. И всё это — не глядя

на собеседника, который начал уже беспокоиться, что торговец молчит.

— Маэсе Варгас, мне бы хотелось, чтобы вы меня поняли...

— И сколько?

— А сколько по-вашему?

— Я спросил: сколько? Сколько его величество хочет из меня вытянуть за подпись на маленькой бумажке, после которой моя кровь тут же поголубеет, как по мановению волшебной палочки.

— Ах, но едва ли у вас получится купить один лишь титул, к титулу вам придется приобрести еще и поместье.

— Какой-нибудь дрянной клочок земли с десятком овец и полудюжиной крестьян. Ничего заслуживающего внимания. От этих земельных угодий одни убытки. Я повторяю, сколько?

Теперь настала очередь маркиза проглотить свою гордость. Ему не оставалось ничего другого, как ответить на вопрос. Он с легкостью назвал цифру, словно говорил о приобретении пары новых перчаток.

— Миллион эскудо.

Купцу в своей жизни доводилось ворочать поистине баснословными суммами, но со столь огромной цифрой он никогда прежде не сталкивался.

Ему пришлось приложить большое усилие, чтобы взять себя в руки и всё обдумать.

— Разумеется, если такая цена слишком для вас высока... — тут же пошел в наступление маркиз, ехидно улыбаясь.

— Нет-нет, как раз цена не слишком высока. Вот только сам товар меня не устраивает.

— О чем вы говорите, позвольте спросить?

— Я хочу стать герцогом.

Маркиз сухо и коротко рассмеялся, выразив этим лающим хохотом свое изумление.

— Вы, очевидно, шутите.

Варгас помолчал, не сводя с маркиза пристального взгляда, как можно дольше не моргая, пока противник не сдался. Маркиз явно нервничал, вскочил на ноги и начал кругами расхаживать по комнате.

— Нет, я вижу, что вы вполне серьезны. Но вы хотя бы представляете себе, что такое титул герцога, маэсе Варгас? И что было бы довольно странно вот так сразу пожаловать простолюдину столь высокий титул?

Купец прекрасно знал, что это означает. Уже четыре десятилетия он жаждал получить этот титул и прекрасно понимал связанные с ним привилегии. Герцогский титул поставил бы его выше маркиза Альхарафе и сделал бы одним из высших дворян Испании. Он получил бы право не преклонять колени и оставаться с покрытой головой в присутствии короля и презрительно смотреть сверху вниз на всех, кто стоит на коленях. Его совершенно не удивило, что маркиз не воспринял эту просьбу с радостью.

— Я прекрасно обо всем осведомлен, сеньор. Королю нужен миллион эскудо. А я хочу стать герцогом. С моей точки зрения всё довольно просто.

— Титул барона для такой выскочки, как вы — это более чем достаточно!

— Короне не придется тратиться на чернила, ваша честь. В конце концов, в слове "герцог" лишь на одну букву больше, чем в слове "барон".

Маркиз сердито оперся руками о консоль камина, на которой висел щит с богато украшенным оружием, которое никогда не использовалось в битвах. Как и хозяин, это

оружие не привыкло с кем-либо состязаться лицом к лицу. Ему приказали позвать купца, и он хотел произвести на того впечатление богатством своего дворца, чистотой крови и древностью титула. Несомненно, маркиз полагал, что как только озвучит предложение, купец бросит деньги к его ногам, благодарный, что вошел в привилегированный мир. Увы, он столкнулся с превосходящим противником.

Он откашлялся и предпринял последнюю отчаянную попытку.

— Вы не единственный богатый плебей в этом городе.

Варгас пожал плечами. Он предусмотрел подобный ответ.

— Но я, похоже, единственный, кто может заплатить такую сумму. В последние два года страну преследовали неудачи — и в войне, и в торговле. Если король хочет найти деньги, чтобы заплатить драконовские проценты генуэзским банкирам, ему придется принять мои условия.

— Вы смеете торговаться с его величеством? — воскликнул маркиз, с угрозой глядя на купца.

"Нет, я осмеливаюсь торговаться с напыщенным ослом, который получил задание, оказавшееся ему не по зубам".

— Пожалуйста, простите меня, ваша светлость. В конце концов, я — всего лишь лавочник, и манеры у меня соответствующие. Не всем посчастливилось с рождения обладать столь изысканными манерами, как у вас.

Маркиз долго не сводил с Варгаса глаз, не зная, чем ответить на сарказм, но так и не придумал подходящей реплики. В конце концов он удрученно упал в кресло.

— Я должен посоветоваться с его величеством. А сейчас прошу вас удалиться.

Он протянул купцу руку для прощания, намереваясь по крайней мере сохранить остатки достоинства.

— Уж будьте добры, сделайте это, маркиз. И когда вы утрясете этот вопрос, уведомите меня письмом, где будут обговорены все условия, — заявил Варгас и, прихрамывая, медленно направился к двери...

***

— Да вы просто белены объелись! — завизжал Мальфини, размахивая зажатými в толстых пальцах бумагами.

— Я вас не об этом спрашивал, — упрямо твердил Варгас.

Они препирались уже более часа. Письмо от маркиза де Альхарафе пришло в конце недели, и купец немедленно послал за банкиром. Было слишком жарко, чтобы принимать гостя в собственном кабинете, поэтому они сидели на скамье во внутреннем дворике. Вечер выдался душным; свинцовые облака ползли низко — похоже, надвигалась гроза.

— Король дал всего восемь месяцев рассрочки. У вас на счету немногим более шестидесяти тысяч эскудо. Даже если вы продадите все ваши корабли и владения в Индиях, вы не выручите и трехсот тысяч.

— Но это предприятие принесет куда большие выгоды!

— В долгосрочной перспективе — возможно, но сейчас король осваивает новые земли в

Юкатане, а они не приносят таких доходов, как ваши. Так что для Филиппа это единственный способ добраться до ваших капиталов. И если вы купились на его посулы...

— Не буду спорить, — проворчал Варгас.

— Продав другое ваше имущество здесь и там, вы сможете выручить еще тысяч сорок. Это не считая вашего дома и торговли пшеницей, которая останется вашим единственным средством к существованию после того, как вы купите этот злосчастный титул. Так что амбары вы ни в коем случае не должны трогать.

— Добавьте к этому сто тысяч эскудо с моего личного счета.

Банкир неодобрительно нахмурил брови.

— Даже если вы решитесь на подобное безумие, вы сможете выручить не более полумиллиона. Где вы возьмете вторую половину этой суммы?

— Я могу взять кредит.

— Никто не даст вам такую сумму без соответствующего обеспечения, — ответил Мальфини, обмахиваясь письмом маркиза, словно веером. — И я тоже не дам. Я не намерен давать деньги на ваши авантюры. Вы разорите и мой банк тоже.

— Но подумайте о том, какие выгоды принесет торговле этот титул!

— В любом случае, этого окажется недостаточно, чтобы окупить вложение в миллион скуди. А если даже и окупит, то очень и очень нескоро.

Варгасу просто необходимо было вытрясти деньги у жирного банкира. Сейчас Мальфини был ему нужен, как никогда прежде. Если бы предложение короля поступило три года назад, собрать деньги было бы намного легче. В то время его предприятия были весьма разнообразны и многочисленны, и он мог бы взять кредиты одновременно в нескольких банках, и ни одному из банкиров не пришло бы в голову, что он по уши залез в долги. Однако после 1587 года, когда от него отвернулась фортуна, его авторитет среди банкиров резко упал. Дело в том, что он имел неосторожность поставить всё на одну карту, сосредоточив все силы и средства на торговле золотом и серебром — и всё, как оказалось, лишь для того, чтобы в один прекрасный день обнаружить, что король захватил весь его груз. После этого, то шантажируя, то умасливая, купцу всё-таки удалось этого избежать в обмен на обещание наладить торговлю пшеницей. Тем не менее, доходы от этой торговли были всё же не столь высоки, чтобы Варгас мог себе позволить заплатить ту сумму, которую теперь запрашивал король.

Потому Варгас нуждался в Мальфини, ведь он был настолько же бессовестным и в десять раз более хитроумным.

"Будь он не таким трусливым, уже бы владел половиной Севильи, как я несколько лет назад. Мое состояние втрое превышало имущество маркиза де Альхарафе, будь он проклят. Но я еще смогу всех их унижить. Нужно лишь найти способ склонить на свою сторону эту жирную свинью".

Он решил изменить стратегию. Варгасу всегда удавалось убедить Мальфини с помощью смеси уговоров и нажима, но на сей раз он в этом не преуспел, просто потому, что всё дело было настоящим безумием. Единственный способ заставить Мальфини ему помочь, это сказать правду.

Конечно, это была далеко не вся правда. Варгас никогда не признался бы даже себе самому, что спит и видит, как станет герцогом. Спит и видит с тех давних пор, как пережил тот далекий кошмар, когда его брат попал под копыта лошади, и она раздавила ему голову. Никогда бы не признался он себе и в том, что, несмотря на все свои достижения, он никогда

не был счастлив и никогда не чувствовал себя в безопасности.

Нет, Варгас не мог сказать ему правду. Но при этом мог сказать что-то на нее похожее.

— Я давно плачу подати короне. В последний раз, когда этот святоша Филипп забрал у меня груз золота, я чуть не потерял всё.

— Значит, вы слышали мои доводы, синьоре Варгас!

— Совсем напротив, Людовико. Настало время, чтобы получить хоть что-то за свои деньги.

— За большие деньги, вы хотите сказать? За очень большие деньги. Настолько большие, что у вас их просто нет, — напомнил банкир.

— Филипп возмечтал стать святее папы римского. Лично я считаю, что тратить каждый золотой, добытый в Индиях, на порох и наемников — просто идиотизм. Да за половину тех денег, что он извел на эту бессмысленную войну, можно было бы построить дороги и возвести мосты, и тогда Испания стала бы не только самой могущественной державой в мире, но и втрое увеличила бы свои доходы.

— И чего вы хотите добиться, таская каштаны из огня? — недоверчиво поинтересовался Мальфини.

— Вы что, считаете меня патриотом, Людовико? Я бы продал эту страну по кусочкам маврам и англичанам, если бы получил за это хоть на мараведи больше, чем заплатил.

Банкир издал отвратительное кудяхтанье, которое считал смехом, и Варгас воспрянул духом. Он идет в верном направлении.

— Это уже больше на вас похоже.

— Филипп погубит Испанию, Людовико.

— Что вы такое говорите? — удивился тот, покачав головой. — Могущество терций...

[10]

— Могущество терций оплачивается, а король не может платить вечно. Когда деньги закончатся, мы проиграем, как в свое время проиграл Рим. Возможно, не при этом короле и не в этом столетии, но это произойдет.

— Куда вы клоните, синьоре?

— Вы по-прежнему ничего не поняли. Когда Испания однажды проиграет, на следующий день то же самое произойдет и со мной. Я пережил все бури и дал обет Господу, что больше не буду грешить, Людовико. Я еще стою на ногах, но этого недостаточно. Я еще не бросил якорь в порту. Если я сейчас всё потеряю, то что у меня останется? Чего я добился, не считая денег?

Варгас замолчал, лишь монотонное журчание фонтана и отдаленный гам готовящих ужин слуг прерывали тишину. Прошло несколько долгих минут, во время которых Варгас почти слышал, как Мальфини напряженно раздумывает, ощущая, как его внутреннее беспокойство всё растет.

— Может быть, и существует способ. Но грязный и сложный.

— Так чего вы ждете? Говорите же! — нетерпеливо воскликнул купец.

Людовико поднял перед ним руку.

— Нет, синьоре Варгас. Прежде всего я хочу кое-что прояснить. На сей раз вы не используете меня, как поступили в случае шантажа чиновника Палаты по делам колоний. Тогда у меня не оставалось другого выхода, кроме как принять ваше предложение, потому что на кону стояло будущее моего банка. Но теперь вы ставите на кон мою шею. Это единственный способ. Если кто-то узнает о том, что я вам предлагаю, то мы с вами будем

болтаться на виселице, как только пропоет петух. Это если нас раньше не растерзает толпа.

Варгас не ответил. Он терпеть не мог лично заниматься самыми темными делишками своего предприятия, предпочитая переложить ответственность на своих помощников — Гроота или Мальфини. На короткий миг он подумал, что мог бы просто оставить всё как есть. Отклонить предложение короля и остаток жизни посвятить развитию торговли. Монарх примет это как оскорбление и больше никогда не предложит такую честь или любую другую награду, но Варгас тем самым не поставит на кон всё. И пока он рассматривал такую возможность, с его уст сорвались следующие слова:

— Сделаем по-вашему, Людовико. Я лишь надеюсь, что вы меня не подведете и что нас не настигнет правосудие, потому что иначе я лично вырву у вас сердце.

Банкир побледнел, но отступать было уже поздно, а потому он решил идти вперед до победного конца.

— Ради получения этого титула вы готовы на всё?

— Я готов отправить в ад весь этот город, всех детей, женщин, всё на свете — лишь бы только получить этот титул, — ответил Варгас, уставясь на него неподвижным взглядом..

Губы Мальфини слегка скривились, словно он собирался улыбнуться.

— Любопытно, что вы это говорите, синьоре... Потому что весьма вероятно, что именно это вам и придется сделать.

На следующий день в комнатушку, которую сняли Санчо и Хосуэ неподалеку от мастерской Фансона, явился тщедушный сторбленный человечек. Хотя оба они сомневались, что рассеянный портной вспомнит об их просьбе, тем не менее, он явился со своим объемистым саквояжем, стопкой бумаг и бронзовыми пузырьками с разноцветными чернилами.

Едва Санчо объяснил, что ему нужно, писарь тут же расположился напротив единственного узкого окошка и принялся за работу. Он достал перо, починил его крошечным ножиком и принялся выписывать буквы изящным уверенным почерком. Хосуэ был так очарован этим процессом, что не мог отвести глаз, глядя через плечо, как он выводит строчки, так что в конце концов писарь раздраженно обернулся.

— Действительно необходимо, чтобы ваш раб пыхтел мне в ухо?

— Он не раб, он мой друг, — ответил Санчо, откровенно забавляясь. — Но вы не беспокойтесь, он просто любит вашу работу.

Три часа спустя писарь разогнул спину и облегченно вздохнул. Затем достал песочницу и посыпал песком бумаги, с которыми только что работал. Песок сыпал осторожно, дожидаясь, пока он впитает чернила, прежде чем передать бумаги Санчо.

— Вот, пожалуйста. Безупречная работа, должен признать.

Юноша тщательно осмотрел первый документ. Скрепленный печатью Палаты по делам колоний, которую писарь прекрасно изобразил красными чернилами, документ гласил, что негр Хосуэ, черной расы, был куплен Санчо из Кастилии у работорговца за сто эскудо, это фальшивое имя Санчо предпочел использовать вместо "Санчо из Эсихи", как всегда себя называл. Не зная отца и потеряв мать до того, когда стал достаточно взрослым, чтобы поговорить с ней на серьезные темы, лишь это имя он и мог использовать.

— Я записал документ под номером, выпущенным семь лет назад, так что если кто-нибудь решит проверить регистрационные книги и не найдет там записей, то припишет это ошибке в бумагах. Хотя весьма сомневаюсь, что кто-нибудь решит это проверять.

— Спасибо, сеньор писарь.

"Что здесь написано?" — спросил Хосуэ.

— Здесь написано, что ты мой раб, что ты принадлежишь мне, и что я купил тебя за сто эскудо.

Услышав эти слова, Хосуэ сердито раздул ноздри и протестующе замотал головой.

"Мне это не нравится".

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Это просто липа, Хосуэ. Камуфляж, так сказать — вроде того, как ты измазался грязью, чтобы тебя не нашли.

"Грязь можно смыть. А то, что написано на бумаге, никуда не денется, бумага имеет силу. Я не твой. Я никому не принадлежу".

— Слушай, Хосуэ, — сказал Санчо, пытаясь его успокоить. — Обещаю, что как только мы сделаем то, для чего сюда приехали, то сожжем эту бумагу. И тогда лишь этот документ будет иметь значение.

Он показал Хосуэ вторую бумагу. На ней не было печати Палаты, это был фальшивый

персональный контракт.

— Здесь говорится, что негр Хосуэ выкупил свободу у Санчо из Кастилии и является освобожденным рабом, хозяином самому себе.

Хосуэ взял в руки второй документ с таким почтением, словно держал бабочку, которую мог умертвить одним движением пальцев. Он смотрел на бумагу, казалось, бесконечно, а потом перевел глубокий взгляд на Санчо.

— Спрячь обе эти бумаги, — сказал Санчо. — Если со мной что-нибудь случится, ты сможешь...

Негр не дал ему закончить. Для этого не существовало ни знаков, ни слов. Он просто опустил голову, пока не коснулся лбом Санчо, и положил громадные руки на плечи друга. Взгляд был переполнен чувствами.

Обе бумаги они поместили в небольшой металлический цилиндр, так что вольная Хосуэ была теперь надежно спрятана на дно этого цилиндра. Таким образом, Хосуэ мог свободно разгуливать по Севилье, но увы, цена, которую им пришлось за это заплатить, оказалась непомерно высокой. Писарь запросил шесть эскудо за обе подделки, хотя Санчо надеялся уложиться в четыре. Как бы то ни было, они остались почти без денег, а всё еще только начиналось. И сейчас как раз наступало время, когда план Санчо должен был начать приносить плоды.

Когда они явились на примерку к Фансону, он как раз делал последние стежки на хубоне Санчо, который теперь занял на манекене место зеленого муслинового платья. Молодой человек тут же его примерил, проверил все тайные карманы и другие приспособления, которые прилагались к этому костюму. Все потайные отделения были расположены весьма удобно и остроумно, однако необходимые инструменты, которые должны были занять место в этих карманах, требовалось еще раздобыть.

Фансон подал знак своему рабу, который тут же принес огромное овальное зеркало и поставил его перед Санчо. Молодой человек уставился в него, как завороченный. Он с трудом узнал человека, смотревшего на него из отражения. Черты его лица еще более обострились, отчетливее выступили скулы и подбородок. Волосы отросли, а борода, которую он всегда старательно стриг, оказалась густой и курчавой. Он подумал, что надо будет зайти к брадобрею, как только выйдет из мастерской.

Однако ниже шеи все выглядело совершенно иначе. Фансон создал настоящий шедевр. Хубон был сшит из черной кожи, с пуговицами и заклепками из вороненой стали. Санчо, никогда не имевший хорошей обуви, не смог сдержать улыбки, глядя на панталоны свободного кроя и высокие сапоги до колен с роскошными отворотами

— Вы превосходно выглядите сеньор, — заверил портной. — Просто, но элегантно. Если позволите, я мог бы сделать для вас перевязь, а также ножны для вашей шпаги — совершенно бесплатно.

Санчо бросил взгляд на предлагаемые портным предметы, и то, и другое, в тон к остальному костюму, и покачал головой.

— Перевязь я возьму, господин портной. Но ножны не променяю ни на какие другие. Это подарок друга.

Фансон кивнул, несколько раздосадованно. Настала очередь Хосуэ, для которого Фансон приготовил одежду, похожую на костюм Санчо, но попроще, как предполагала его роль. Когда негр увидел свое отражение в зеркале, он отпрыгнул, словно увидел привидение. Но тут же радостно улыбнулся. Больше всего ему понравился пояс, на котором висела

коробочка с документами.

В тот же вечер Санчо и Хосуэ отправились на площадь Святого Франциска в поисках ключевой части их плана. Они тут же наткнулись на слепого Закариуса, за которым наблюдали несколько часов. Когда тот пошел к дому скупщика краденого, они следовали за ним на расстоянии, хотя слепой, похоже, пару раз их заметил. Переулок, где находился дом, куда вошел Закариас, был слишком узким, чтобы ждать слепого в нем, так что они спрятались за углом напротив, немного опасаясь, что Закариас проведет внутри всю ночь. К счастью, через некоторое время нищий распластался на мостовой.

— Возьми его на руки, Хосуэ, — прошептал Санчо.

Хосуэ вошел в переулок и бросив осторожный взгляд, чтобы убедиться, что никто его не видит, взвалил слепого на плечи с той же легкостью, как поднял бы ребенка. Испуганный и сбитый с толку Закариас попытался с ним бороться, но поняв, что не сможет противостоять силе Хосуэ, смирился с неизбежным.

Слепой почувствовал себя лучше, когда его привели в таверну неподалеку от площади герцога Медины и поставили перед ним стакан вина и тарелку яичницы с колбасой.

— Откуда вы знаете мое имя? — спросил нищий с набитым ртом.

— Мой учитель однажды сказал, что никто в Севилье не обладает столь острым зрением, как слепой Закариас, способный сосчитать все лапки у ползущего муравья. А еще он сказал, что вы не питаете большой любви к Мониподио.

Лицо Закариаса помрачнело.

— На свете был лишь один человек, который мог бы сказать такое, но он уже мертв. Если только... если ты не ученик Бартоло?

— А вам известно, что случилось с моим учителем?

— Мальчик мой, весь преступный мир Севильи знает, что случилось с Бартоло. Зоркий и Железнодорожный отправили его прямой дорогой к Всевышнему. Насколько я его знаю, сейчас он, должно быть, просит Господа объяснить, почему он не сделал его на три ладони выше ростом.

Санчо от души рассмеялся, представив, как карлик пытается выпытать у Господа его замысел. Все трое выпили в память почившего великого мастера воровского дела.

— Так значит, ты и есть ученик Бартоло. О тебе говорили, что у тебя поистине волшебные руки, а бегаешь ты так, что и сам черт не догонит.

На мгновение Санчо поразился, что его пробежки стали известны в народе.

— И что вы еще обо мне знаете?

— Что ты закончил каторжником на галерах. Мониподио позаботился о том, чтобы эта история стала всем известна, как пример, что случается с теми, кто переходит ему дорогу.

— Я и правда махал веслом на галере, но покинул ее. Мы со моим другом Хосуэ решили, что с нас хватит, — ответил Санчо в качестве объяснения.

— И чего ты хочешь от меня, парень? Я не могу тебя научить ничему интересному.

— Прежде чем сказать, чего я от вас хочу, я кое о чем должен спросить. Как случилось, что Мониподио отверг своего самого ценного советника?

Слепой заерзал на скамье. Он вертел головой из стороны в сторону, пытаясь прислушаться к разговорам за соседними столами. Таверна была наполовину пуста, лишь пара торговцев обсуждала свои дела в другом конце помещения. Трактирщик давил колотушкой чеснок на прилавке и, хотя и посматривал на них, находился слишком далеко, чтобы в этом шуме различить, о чем они разговаривают.

— Нас никто не слышит, — сказал Санчо.

— С этим человеком осторожность никогда не лишняя, парень. Мне эта наука далась тяжело.

— Вы ведь вели его счета, верно?

— Вел счета, давал советы и был администратором. Удобная работенка для моих старых косточек, но некомфортная для совести. Бартоло при каждом удобном случае мне на это указывал. Мы познакомились давно, еще до того, как я поступил на службу к этому мерзкому безумцу. Мы иногда выпивали вместе — два человека, которым Бог или жизнь, называй как хочешь, сдали самые отвратительные карты.

— Бартоло любил играть в карты, — кивнул Санчо.

— Он думал, что удача поможет ему чего-нибудь добиться. Я так и не смог выбить из его головы эту идею. Я говорил ему: "Бартоло, в курятнике дерьмо повсюду... не думай, что найдешь чистенькое местечко". Но он никогда меня не слушал. Молодежь никогда не слушает.

— И чем же вам так не нравилась ваша работа?

— Тем, что помимо прочих темных делишек я вел счета наемных убийц. Вот так я и напоролся на неприятности. Особенно много таких дел случалось весной, Еще бы, ведь в эту пору все женщины цветут, словно апельсиновые сады, а их прелести так и манят, выглядывая из кружев, словно спелые персики. Понятное дело, это прямо-таки распяляет неразумных юнцов, что разгуливают по площади в поисках удовольствий. А потом разъяренные мужья и отцы, которым не хватает духу самим отомстить за поруганную честь, нанимают тех, кто делает это вместо них.

— Ударом ножа, — продолжил Санчо, потрясенный цинизмом старого слепца.

Закариас говорил о жизни и смерти с одинаковой легкостью, и Санчо спрашивал себя, насколько ему можно доверять. После того, как он несколько дней назад шарил впотьмах в убежище, юноша лучше понимал слепого. Он ощутил к нему прилив сочувствия, насколько несправедливо лишить человека самого прекрасного из чувств. Для многих это было равносильно смертному приговору, особенно для солдат, потерявших зрение на поле битвы, в результате чего им приходилось попрошайничать на улицах, их мучили дети и собаки. Закариас преодолел превратности судьбы как человек, который умеет выживать. Но хотя Санчо его понимал, он не ослаблял бдительность.

— Я вел учет всех подобных заказов. Исключительно в уме, не записывая ни единого слова, потому что не умею ни читать, ни писать. И вот из-за одного такого заказа мы с Мониподио и разругались.

— Вы забыли о каком-то из дел?

— Где мясо, там и червяки. А уж где женщины — там и подлость, где деньги — там и пороки. А где вино — там памяти конец, милейший дон Санчо. Этого парня звали Эстебан Родригес, и он добивался руки дочери одного фламандского ткача — знаете ли, одной из этих чопорных холодных блондинок, похожих на крысиный помет. Но ткач хотел выдать ее замуж за другого — уже немолодого сеньора, но зато имевшего процветающее дело в Индиях. Короче, всё как обычно: он собирался продать свою дочь, чтобы получить лицензию на торговлю в Индиях, ведь всем известно, что иностранцам эти лицензии стараются не выдавать, чтобы не сбивали с толку туземцев. А звали этого замшелого старикашку Родриго Эстевес — вот ведь совпадение, мать вашу за ногу!

— Просто не могу поверить! — в ужасе ахнул Санчо. — Вы перепутали имена, ведь так?

— Сдается мне, что в твоей голове побольше мозгов, чем было в моей, когда ко мне явились эти головорезы, и я назвал им имя одного человека, хотя должен было назвать имя другого. Короче говоря, старику в темном переулке выпустили кишки, парень смылся, потому что убийство приписали ему, ткач отказался платить за работу, а меня Мониподио вышвырнул на улицу.

Санчо перехватил стакан поудобнее.

— Из-за вашей ошибки убили человека.

— Придержи лошадей, парень. Если поразмыслить, то всё это только к лучшему. Старикан и так долго не протянул бы, зато парень избежал безвременной гибели, а девица по-прежнему свободна и может кружить юнцам головы. И все довольны, кроме разве что одного меня, ведь я-то из-за них уже два года мыкаюсь, не имея крыши над головой. Да еще за мной должок королю воров, который мне и до смерти не выплатить, его головорезы забирают у меня почти всю милостыню. И кстати, не могли бы вы объяснить наконец, чего же вы от меня хотите?

Юноша глубоко вздохнул. Пришло время принять решение. Он не одобрял то, чем слепой занимался в прошлом, но тот был ему необходим. Вопросы не в том, нравится ли ему аморальность Закариаса, а в том, собирается ли он использовать слепого, и достаточно ли тот зол, чтобы помочь Санчо в задуманной безумной затее.

Он наклонился вперед и тихо прошептал:

— Я вернулся, чтобы сбросить Мониподио с трона. Чтобы разрушить его порочное королевство и вытрясти из него имя человека, который убил Бартоло.

Закариас рассмеялся.

— У тебя есть собственное войско?

— Нет. Нас только двое — Хосуэ и я. Ну, теперь еще и ты, если захочешь к нам присоединиться.

Руки слепого задрожали, и вино из его стакана выплеснулось на стол.

— Подойди ближе, мальчик. Я хочу прикоснуться к тебе.

Санчо удивленно повиновался. Он обошел стол и встал рядом со слепым. Тот протянул к лицу юноши костлявые пальцы, ощупывая каждый изгиб.

— Должно быть, тебе не больше двадцати весен, я бы сказал, что меньше. Как ты собираешься разделаться с самым зловещим и могущественным человеком в Севилье? С человеком, на которого сейчас работает дюжина телохранителей, убивающих с той же легкостью, с какой подтирают зад? С человеком, живущим в неприступном доме с многочисленными тайными проходами, который он редко покидает?

Санчо снова сел и улыбнулся. В голосе Закариаса не было ни осуждения, ни недоверия. Лишь страстное желание.

— Разрушу его организацию и поверну его же людей против Мониподио. Бартоло как-то сказал мне, что скорее предпочел бы королевское правосудие, чем сострадание Мониподио. Если найдется группа людей, которые думают так же, то мы сможем с ним разделаться.

Слепой снял закрывающую глаза повязку и помассировал себе виски, обнажив свои бесполезные белесые глазные яблоки.

— Среди всего севильского сброда не найдется такого безумца, который решился бы выступить против Мониподио.

— Мне и не нужна ничья помощь. Лишь чтобы они были на него обижены. Разве никто

не ставит под сомнение его лидерство?

Слепой кивнул.

— В последнее время сукин сын совсем потерял контакт с реальностью. С каждым днем становится всё сложнее грабить, особенно с тех пор, как война с Англией увеличила число голодающих и нуждающихся. Месяц вслед за возвращением из Индий флота оказывается неплохим, но в остальное время года можно едва сводить концы с концами. Однако Мониподио требует той же доли, что и всегда, и из-за долга в четыре мараведи присылает банды убийц. Все перед ним в долгах как в шелках.

— Несколько дней назад, когда мы с Хосуэ прибыли в Севилью, я слышал перестрелку из аркебуз, — сказал Санчо, вспомнив, как он пробирался в потемках за стенами, чтобы избежать этих незнакомцев.

— То была банда Кармоны, они на ножах с бандой у Кладбищенских ворот, с тех пор как те нанесли им сильнейший удар. Я слышал, что за две ночи обе банды многих потеряли, а это лишь одно из многих подобных происшествий. Атмосфера с каждым разом всё накаляется, и не только между ворами, но и между обычными людьми. Зима будет тяжелой.

— В особенности для тех, кому приходится ночевать под открытым небом.

Санчо больше ничего не прибавил. Он предпочел оставить вопрос висеть в воздухе. Слепой, умевший различать оттенки молчания, возбужденно заерзал.

— Да, парень, я ненавижу этого подонка и был бы счастлив на него помочиться, когда он упадет с трона. Но я боюсь. Что я от этого получу?

— Освободишься от долга. Отомстишь тому, кто использовал тебя столько лет. И деньги, много денег. Ты это поймешь, когда я расскажу о своем плане.

— Последней причины было бы достаточно.

— Значит, ты с нами?

Слепой показал на свою тарелку, теперь опустевшую, стоящую перед ним на столе.

— Друг мой, одно дело — принять участие, а другое — увязнуть. В яичнице с колбасой курица лишь принимает участие, зато свинья увязла по самые уши. Понимаешь, о чем я?

Санчо расхохотался и протянул слепому руку.

— Не волнуйся, Закариас. Мы не допустим, чтобы с тобой обошлись, как с простым поросенком.

Клара окунула в ведро тряпку, которой она мыла лестницу, проклиная свою несчастную судьбу. Неделю назад она вернулась в дом Варгаса, и эта неделя показалась ей поистине бесконечной и полной безмерной горечи. Она едва успела закрыть глаза своему учителю. Как только она вернулась в дом Варгаса, чтобы сообщить ему о смерти лекаря, купец приказал ей вновь приступить к своим прежним обязанностям.

Мытье полов для Клары было настоящим мучением по сравнению с тяжелой, но приятной работой в саду и в лаборатории. Ежедневная монотонная рутина становилась еще более невыносимой, когда она вспоминала о брошенных растениях, чахнувших в доме лекаря.

Была и другая, более серьезная причина, по которой Клара горько жалела, что не может вернуться в дом Монардеса. Пару дней назад у нее кончились заветные кристаллы, угнетающие мужское естество Варгаса. Она была от всей души признательна лекарю за то, что он приготовил это снадобье, ибо вскоре после того, как мать так безжалостно обкромсала ей волосы, Варгас впервые начал к ней приставать.

Некоторое время он пожирал ее глазами, не прекращая крутить в руках трость. Девушка втирала в его ногу мазь, стараясь держаться подальше, чтобы Варгас ее не замечал, что явно было невозможной задачей.

— Иди сюда! — хрипло позвал он.

Клара не смотрела на него. Ей и так было известно, о чем он думал. Дыхание его стало тяжелым, и в комнате повисло опасное напряжение. Она принялась поспешно собирать свои вещи.

— Мне нужно идти, — сказала она.

Варгас не ответил. Вместо этого он вдруг поднялся на ноги, схватил Клару за запястье и рванул на себя, прежде чем она успела хоть что-то сообразить. Девушка попыталась вырваться, но купец притянул ее к себе, прижимаясь к ее спине всем своим телом.

— Как долго я мечтал об этом! — прошептал он ей в самое ухо, его дыхание пахло луком и вином. — А теперь молчи, как тебе и полагается! Или твоя мамаша думала, что, если она обрежет тебе волосы, ты станешь для меня менее желанной? Да этого просто не может быть! Что с тобой ни сделай, ты все равно останешься маленькой сучкой, такой прелестной и сладкой сучкой.

Толстая рука Варгаса крепко обхватила девушку, прижав ее руки к бокам. Лево́й рукой он принялся тискать ее грудь через платье, одновременно пытаясь распустить пояс панталон. В конце концов ему это удалось, и штаны упали вниз, до самых щиколоток. Теперь дело стояло за Клариным платьем, которое ему, несмотря на отчаянное сопротивление, удалось-таки задрать до талии. Девушка закричала, когда хозяин раздвинул ей ноги своими голыми коленями, она пыталась царапаться, однако ногти ее были острижены настолько коротко, что подушечки пальцев лишь беспомощно скользили по коже насильника.

— Молчи! Заткнись, черт бы тебя подрал!

Клара сопротивлялась изо всех сил, однако Варгас был намного сильнее. Но, к счастью, удача была не на стороне купца, он вдруг сунул руку в пах. Клара почувствовала, как он пытается оживить свое внезапно ослабевшее мужское орудие. Напрасно он тискал его рукой, напрасно даже попытался всунуть ей между бедер — злополучный орган так и оставался

кусочком дряблой, мягкой и бесполезной плоти.

"Действует, — подумала Клара. — Мое средство действительно сделало его бессильным". Она едва сдержала торжествующий крик, что так и рвался из ее груди, полной ужаса и отвращения. Купец ни за что на свете не должен был узнать о том, что она сделала.

— Пошла вон! — рявкнул Варгас, обезумевший от ярости и унижения.

С этими словами он отшвырнул ее с такой силой, что она упала. Впрочем, Клара тут же встала и поспешно бросилась к двери, но прежде чем она успела уйти, до нее вновь донесся грозный рев хозяина:

— Завтра ты получишь то, чего заслуживаешь!

Этот день так и не настал, хотя купец предпринимал новые попытки. Потные, мерзкие и унижительные сражения, которые всегда заканчивались яростью Варгаса. В последний раз он влепил Кларе пощечину, и с тех пор она каждый раз со страхом приступала к лечению. Дважды в день, нескончаемые месяцы, каждый раз опасаясь, что Варгаса переполнит разочарование и ярость, и он не сможет сдержать желание ее убить. Давать купцу отвар, подавляющий его мужскую силу было единственным для нее выходом, но очень опасным, она буквально шла по канату.

И теперь, вернувшись в дом Варгаса без драгоценного снадобья и не имея возможности его приготовить, она почувствовала, что канат под ее ногами охвачен огнем.

Клара закончила мыть лестницу и опорожнила ведро над одной из больших клумб во внутреннем дворике. По крайней мере, за этими растениями она могла ухаживать. При такой жаре, что выдалась в этом году — несмотря на то, что на дворе уже стоял сентябрь — она всё равно мало чем могла им помочь, даже этой грязной водой, которая моментально впиталась в пересохшую землю.

— Привет, Брео, — сказала она псу, который тут же принялся к ней ласкаться, обнюхивая лодыжки. — Ты тоже хочешь пить, мой хороший?

Под лестницей стояла щербатая миска, из которого поили скотину. Она наполнила ее холодной водой из фонтана и поставила посреди двора на каменные плиты. Пес тут же принялся весело лакать и вскоре выпил всю воду до дна. Девушка потрепала его по спине, радуясь, что хоть кто-то в этом доме может чувствовать себя счастливым и беззаботным. Да, его положение было намного лучше, чем ее собственное. Она боялась думать, что неизбежно случится через несколько дней, когда действие снадобья закончится и Варгас заметит, что его мужская сила восстановилась. Ужас перед чудовищем, обитающим на втором этаже этого дома, всё сильнее охватывал сердце девушки. С этих пор, с каждым разом, когда она поднимается в его спальню или кабинет, чтобы заняться лечением, будет расти вероятность, что она станет жертвой насилия.

Клара никак не готова была с этим смириться. Чтобы избежать этой участи, она готова была даже обратиться к матери, чтобы та ее снова остригла. Но это ведь всё равно не поможет, он сам ей об этом сказал. Клара машинально провела рукой по волосам. Теперь у нее снова была густая роскошная грива, успевшая отрасти ниже плеч.

"Я могла бы избавиться от него, дав ему яд. Для этого мне не нужна лаборатория. Мне нужны лишь семена клещевины, а их я могу набрать в садах Аламеды, там растут кое-какие дикие растения. Эти семена не нужно даже нагревать, чтобы выделить яд, достаточно просто выжать из них масло, а потом подмешать его в какие-нибудь сладости — во что-нибудь душистое, чтобы он не почувствовал горечи и постороннего запаха. Для этого хватило бы всего трех — четырех дней".

Монардес детально описал процесс получения касторового масла, прекрасного слабительного средства. Изготовленное неправильно, оно становилось смертельным ядом. К сожалению, учитель также совершенно точно описал, что случается с теми, кто его принимает. Понос, тошнота, кровавая рвота, высокая температура и смерть через два-три дня после мучительной агонии. Клара покачала головой — эта дилемма затуманила ей разум. Одно дело — дать хозяину снадобье, чтобы он не смог ее изнасиловать, и совсем другое — его убить. Если Монардес что и вбил ей в голову, так это запрет приносить людям страдания. Убийство Варгаса с помощью знаний, которые Клара приобрела у Монардеса, стало бы оскорблением памяти лекаря.

Она всё еще размышляла о своей несчастной судьбе, когда в дверь постучали. Отперев дверь, Клара обнаружила перед собой лысого мужчину средних лет с огромными усами.

— Я дон Хавьер Нуньес, поверенный. Я пришел повидаться с доном Франсиско Варгасасом.

Прежде чем впустить в дом, Клара окинула его взглядом. Он был одет элегантно, хотя кожаная обувь потрескалась, а поношенная ткань хубона блестела на плечах и локтях. Без сомнения, он являлся очередным чиновником, живущим на пределе возможностей, как диктовали честь и странные традиции Испании, где люди жили, пытаясь произвести впечатление на других.

— Я доложу о госте, Клара. Возвращайся к своим делам, — сказала только что появившаяся во дворе Каталина.

Почувствовав облегчение от того, что не придется встречаться с хозяином, девушка удалилась, забыв о посетителе.

— Речь идет о вашей рабыне, сеньор, — заявил поверенный, как только представился Варгасу.

— О моей рабыне? Какое отношение вы имеете к старой Каталине?

Посетитель вытащил бумаги и надел на нос поцарапанные очки, прежде чем продолжить.

— Нет, дон Франсиско. Я говорю о юной Кларе. Насколько я понял, в течение почти двух лет она находилась на службе у Николаса де Монардеса, родившегося в этом городе, весьма известного лекаря и ботаника. Правильно?

— Да, верно. Но если его наследники думают передать какое-либо имущество рабыне...

— Я действительно пришел повидаться с вами из-за наследства, но это не то, о чем вы подумали.

— Так чего же вы хотите, черт возьми?

— Монардес упомянул вас в своем завещании, дон Франсиско. Вы — его основной наследник.

На лице Варгаса отразилось не меньше удивления, чем если бы Монардес лично восстал из могилы, чтобы прочесть свою последнюю волю. На нем также мгновенно отразилась и жадность, поскольку он знал, что лекарь был человеком состоятельным. Он задал свой излюбленный вопрос.

— Сколько?

Поверенный не ответил. Во время своей работы он неоднократно видел реакцию, подобную этой, и привык к проявлениям алчности. Он лишь взглянул на свои бумаги.

— В золоте, положенном на банковский счет на имя покойного, чуть менее пяти тысяч эскудо. Также вы наследуете право собственности на земли неподалеку от Лебрихи,

виноградники в Марчене и оливковые рощи в предместьях Кордовы, находящихся под управлением арендаторов. В целом сумма составляет более шести тысяч эскудо.

Варгас почувствовал, как участился пульс. Эти деньги еще несколько лет назад не были бы для него значительной суммой, но учитывая отчаянную нужду в наличных, чтобы заплатить по требованию короля, все деньги, которые он мог бы добыть, были просто манной небесной. Он довольно улыбнулся, кое о чем вспомнив.

— Вы говорите, что я — главный наследник. А кто другой? — нетерпеливо спросил он.

— Не совсем наследник. Вашей рабыне Кларе он оставил свой дом и сад неподалеку от площади Святого Франциска.

Варгас сделал мысленный подсчет. Это хорошая собственность. Участок внутри крепостной стены Севильи с каждым годом дорожал. Город, прижатый к берегу Бетис, не имел возможности для роста. Дом Монардеса стоил примерно тысячу эскудо, может, и больше, и купец уже решил, как с ним поступит. Небольшое неудобство заключалось в том, что старый идиот оставил дом рабыне, наверное, выжил из ума на смертном одре. Другого объяснения Варагас придумать не мог. Но это всё равно не имело особого значения, ведь имущество будет принадлежать ему.

— Имеется только одно условие, — продолжал поверенный, откашлявшись. Рабыня должна получить свободу.

Купец захлопал глазами, ничего не понимая. Потом решительно замотал головой.

— Это невозможно.

— Тогда я боюсь, что вы не сможете получить наследство, дон Франсиско, — ответил тот, помахивая в воздухе бумагами.

— Что вы несете? Эти деньги — мои! Старик оставил их мне.

— Разумеется, но лишь в том случае, если будут выполнены все условия завещания. Если вы нарушите волю умершего, вы ничего не получите.

Варгас ощутил, как внутри нарастает горечь, подкатывая к горлу. Это не может быть правдой. Он не отпустит свою рабыню. Не подарит такое удовольствие Каталине, не утратит над ней власть. И тем более, не потеряет возможность исполнить то, чего так давно жаждал. А если даже он этого не добьется, хотя бы отведет душу, наблюдая, как Клара проведет остаток жизни, моя полы во дворе. Он скорее умрет, что позволит этим двум шлюшкам нарушить его волю.

— Поверенный, то о чем вы меня просите, невозможно по причинам личного характера, которые никого не касаются. Я этого не допущу.

— Боюсь, что в таком случае мне больше нечего здесь делать, — ответил тот, вставая и собирая свои бумаги.

— Сядьте, пожалуйста!

Его голос был таким сухим и не терпящим возражений, что поверенный остался стоять, удивленный этой переменной тона. Варгас прикусил губу, намереваясь говорить мягче. В конце концов, этот человек обладал определенной властью и, как все мелкие чиновники, наслаждался тем, что использовал ее, чтобы подчеркнуть собственную значимость.

— Простите, поверенный. Это всё проклятые нервы. Вы должны понять, что эта рабыня очень мне дорога. Я не могу ее отпустить.

— Таковы условия завещания, — ответил тот, всё еще продолжая стоять.

— Вы выглядите человеком чести и понимающим. Человеком, способным помочь несчастному вдовцу, который не хочет терять единственное в жизни утешение. Я мог бы

быть очень щедрым с таким человеком.

Поверенный снова сел, очень медленно, и посмотрел на Варгаса из-под очков, словно хотел убедиться, что тот поймет его слова.

— Закон есть закон, дон Франсиско. Однако...

С другой стороны двери кабинета Варгаса стояла на коленях экономка, делая вид, что вытирает пыль с лепнины. На самом деле она внимательно подслушивала, склонив голову, с напряженными плечами и сжатыми кулаками. Она тут же встала на ноги и спустилась по лестнице, чтобы найти дочь.

Клара занималась своими делами у входа на кухню и, увидев мать, немедленно насторожилась. Они почти не разговаривали, но с тех пор, как Клара вернулась к ежедневным заботам по дому, им приходилось работать вместе, и совместное существование стало неприятным и раздражающим. Они пытались пореже встречаться, и огромный дом казался маленьким. Девушка жила в настоящем кошмаре.

— Мне нужно поговорить с тобой, — сказала Каталина.

— Я уже сказала вам при возвращении: дайте мне задания, и я их выполню. А помимо этого нам не о чем говорить.

Она хотела уйти, однако мать схватила ее за руку.

— Послушай меня! Человек, который только что приходил — поверенный; он говорит, что Монардес оставил хозяину много денег в обмен на твою свободу. А тебе он оставил свой дом.

Услышав подобное, Клара ошеломленно застыла. Как такое возможно? Конечно, лекарь на смертном одре сказал, что обо всем для нее позаботился, но она не представляла, что он способен направить всё свое наследство на то, чтобы купить ее свободу. И оставил ей дом и сад! Лишь от перспективы возвращения к любимым растениям сердце Клары забило сильнее, а чувства волнами прокатывались по телу.

— Не спеши радоваться, — предупредила мать. — Хозяин не позволит тебе получить это наследство. Ни за что и никогда. Скорее он прикажет Грооту свернуть тебе шею.

— Это невозможно.

Клара чувствовала, что земля уходит из-под ног. Это была чудовищная несправедливость. Она два года тяжело трудилась на службе у лекаря, и он решил что-то для нее сделать. Она это заслужила! Никто не может быть так жесток, чтобы лишить ее наследства, поступить против последней воли человека такого высокого положения и достоинств, как Монардес.

— Ты не знаешь хозяина. Сейчас он наверху, пытается манипулировать тем человеком, составляет бумагу, по которой ты останешься ни с чем. И заставит тебя ее подписать.

В эту минуту у них над головами послышались шаги Варгаса и постукивание его трости.

— Клара!

Экономка оттолкнула дочь к стене и велела ей молчать. Сама же поспешила выйти на середину двора.

— Что вам угодно, мой сеньор?

Варгас перегнулся через мраморную балюстраду; выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

— Я тебя не звал. Куда запропастилась твоя дочь? Скажи ей, пусть немедленно идет ко мне.

— Она ушла на базар, мой сеньор. За зеленью для ужина.

— Когда она успела уйти? — подозрительно спросил Варгас.

Клара затаила дыхание. Несмотря на то, что со своего места Варгас не мог ее увидеть, однако, если бы он направился в другой конец галереи — скажем, в библиотеку или в свою спальню, он моментально бы ее обнаружил. Она не могла выйти из дома, не пройдя через

двор.

— Она только что вышла, но скоро должна вернуться, — ответила старая рабыня, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно более равнодушно.

— Хорошо. Но как только она вернется, пусть немедленно явится ко мне. Если через час ее не будет, ты мне дорого за это заплатишь. Ясно тебе?

Не дожидаясь ответа, Варгас скрылся у себя в кабинете. Девушка, сама не своя от страха, теперь облегченно перевела дух. Каталина повернулась к ней.

— У тебя всего лишь час на раздумья, — сказала она.

Клара посмотрела на мать со смешанными чувствами. Она понимала, что та с трудом приняла возвращение дочери, которое усложнило ее собственное положение. Клара презирала Каталину за то, что она много лет ее обманывала, но сейчас мать стремилась сделать для нее что-то хорошее, хотя бы по собственным неясным причинам. Несмотря на то, что червь сомнений продолжал грызть ее изнутри, Клара хотела простить мать и не осуждать ее за прошлые поступки. Но это было нелегко.

Она скрестила руки, пытаясь сосредоточиться. Наверху находились два могущественных и умных человека, опирающихся на свои деньги и преимущества мужского пола. Она же была лишь незаконнорожденной рабыней, женщиной без денег и без фамилии, которую могли изнасиловать, убить и лишиться собственности, так что никто и пальцем не пошевелит в ее защиту. Она стояла на последней ступени социальной лестницы, где законы церкви и мужчин давали всякому право ее растоптать.

Ей нужно было найти того, кто сможет выступить в ее защиту. И для этого оставалось меньше часа.

— Кажется, я знаю, что должна сделать, мама.

Каталина удивленно посмотрела на дочь, поскольку та впервые ее так назвала за этот год. Но теперь не было времени обращать внимание на такие детали.

— Беги! Беги, что есть силы.

Она и прежде сотни раз видела эту деревянную вывеску, прибитую к дверям домика, что находился неподалеку от площади Святого Франциска, по как раз пути от дома Монардеса к особняку Варгаса. Она видела эту вывеску каждый день, но при этом не замечала ее, как люди часто не замечают привычных и обыденных вещей. Вывеска разбухла от дождя, выцвела на солнце, и теперь ее даже украшала крошечная паутина, сплетенная пауком всего несколько часов назад.

На этой вывеске, сделанной из ореховой доски, была вырезана надпись, гласившая:

МАНУЭЛЬ ДЕЛЬ ВАЛЬЕ

АДВОКАТ

И для Клары эти слова никогда ничего не значили, она лишь скользила по ним глазами, перед тем как посмотреть, развесил ли жестянщик, живущий в следующей лавке, новый товар на ставнях своих окон. Однако теперь они означали всё. Она не знала других адвокатов и не имела времени на их поиски. Так что придется поставить всё именно на этого.

Она собиралась позвонить в дверь, но только дотронулась до нее, как дверь открылась, и на потолке зазвенел колокольчик. Кабинет адвоката был просторным и пыльным, завален книгами и бумагами, сложенными в стопки на каждом свободном пятчке, как на большом столе в центре помещения, так и на полу. За столом сидел мужчина довольно преклонных лет, с вытянутыми на скамеечке ногами и склоненной набок головой. Услышав колокольчик,

он поднял взгляд и потер глаза.

— Чем могу служить?

— Мне нужен адвокат. Мой учитель оставил мне наследство, а хозяин хочет, чтобы я подписала какие-то бумаги, чтобы он мог его у меня отнять. Дело в том, что...

— Постой, постой, девочка, давай по порядку. Так ты, говоришь, рабыня?

— Именно так, сеньор. Я принадлежу Франсиско Варгасу. Он отдал меня в обучение к лекарю Монардесу, который умер на прошлой неделе.

— Я слышал об этом, — ответил тот.

— Учитель завещал мне дом, в котором жил, а хозяину — много денег в обмен на мою свободу. Но хозяин хочет подкупить поверенного, чтобы я осталась ни с чем. Мне нужна ваша помощь.

— Насколько я понял, ты хочешь, чтобы я представлял тебя, рабыню, что уже само по себе... скажем так, весьма необычно. К тому же ты хочешь, чтобы я выступил против одного из самых могущественных и мстительных людей Севильи.

— Вы боитесь моего хозяина, сеньор?

Тот приосанился и выпятил грудь с видом оскорбленной гордости.

— Я никогда не избегал схваток. Я лишь боюсь не получить оплату. У тебя есть деньги, чтобы меня нанять?

— Денег нет, — огорченно вздохнула Клара. — Но я обещаю, что заплачу вам.

— Обещаниями сыт не будешь.

В эту минуту огромный иссиня-черный кот пригнул на колени адвоката, который тут же принялся ласково его поглаживать.

— Какой красивый котик! — восхитилась Клара, видя, что адвокат перестал обращать на нее внимание. — Так вы мне поможете?

— Его зовут Лукулл. Тебе известно, откуда происходит это имя?

Девушка отрицательно покачала головой, и адвокат с большим удовольствием принялся вещать.

— Рассказывают, что в Древнем Риме был один полководец по имени Лукулл, который обожал устраивать пиры и праздники. Так вот, однажды вечером ему довелось ужинать в одиночестве, и слуги подали ему простой ужин. Лукулл принялся их бранить за столь скудную трапезу. Слуги стали оправдываться, что нынче нет гостей. Полководец ответил так: "Разве вам не известно, что сегодня у Лукулла ужинает Лукулл?"

Прежде чем продолжить, адвокат почесал кота под подбородком.

— А это — мой маленький Лукулл. Он тоже прежде всего заботится о себе самом. Очень мудрое правило, которое мало кто соблюдает на практике.

— Вы хотите сказать, что не станете мне помогать?

— А что уж такого плохого в том, чтобы быть рабыней? — ответил тот, покачав головой. — Тебя будут кормить, одевать до конца твоих дней — всего лишь за выполнение самой простой работы. Зачем тебе нужна свобода? Ты даже не будешь знать, что с ней делать, скорее всего, ты просто умрешь с голоду.

— Я разбираюсь в травах, умею лечить. Я вполне способна заработать себе на жизнь.

— Не сомневаюсь. Ступай, девочка, и дай мне спокойно поспать после обеда.

Клара внезапно почувствовала себя полной дурой. Она собралась вручить свою судьбу в руки человека, которого никогда в жизни не видела, почему-то решив, что он должен ей помочь уже потому, что она каждый день пробегала мимо его двери. Совершенно забыв при

этом, что просто так, за бесплатно, никто ради нее и пальцем не шевельнет.

Пальцы. Пальцы адвоката.

Клара тут же поняла, что ее беспокоило с той минуты, когда она вошла, и повернулась обратно.

— Скажите, ведь вас мучают головные боли по вечерам? И сердцебиение, когда вы, усталый, возвращаетесь с прогулки, особенно если на улице жарко?

Адвокат удивленно раскрыл глаза.

— Откуда ты знаешь? Тебе рассказали мои слуги?

Клара покачала головой и указала на его руки. Пальцы адвоката были весьма примечательной формы: их фаланги были тонкими, а подушечки опухли, словно наверхия барабанных палочек.

— Ваши пальцы всегда были такими? — спросила она.

— Всегда ли они были такой странной формы? Да, хотя в последнее время я стал замечать, что с каждым днем опухают всё больше. Думаю, возраст берет свое.

— Нет, сеньор. Просто у вас имеется некое заболевание, которое так и называется: "пальцы Гиппократата". Его так называли в честь Гиппократата. Это был...

— Я знаю, кто такой Гиппократ, девочка.

— Он был первым, кто описал это заболевание, которым, видимо, страдал также ваш отец. Изменения в суставах оказывают воздействие на циркуляцию крови.

— Это опасно? — встревожился адвокат.

— Со временем может стать опасным. Вы должны ежедневно принимать мятный отвар с медом, есть поменьше мясного и избегать кровопусканий, сеньор.

Глубоко задумавшись, адвокат долго рассматривал свои пальцы.

— Мой отец тоже был адвокатом, — признался он наконец. — Он умер, когда я был совсем еще молод, схватившись за сердце во время судебного разбирательства. Я хорошо помню, как это произошло, потому что всегда принимал участие в его судебных делах. Тогда я, конечно, мало что понимал, но очень любил слушать, как он цитирует классиков и разит противников наповал своими блестящими аргументами. Я помню, как он рухнул на пол, протягивая ко мне руку. Эта рука до сих пор стоит у меня перед глазами. Я никогда не смогу забыть этих пальцев. Они имели такую же форму, как у меня, но их кончики были совершенно синими.

С этими словами он поднялся, взял свою шляпу, лежавшую поверх стопки книг, и подтолкнул Клару в сторону двери.

— Пойдем, девочка. Расскажешь мне всё по дороге.

Дверь им открыла Каталина. У нее была разбита губа, и по подбородку струилась кровь.

— Ты опоздала, — укорила она. — Он зовет тебя, не умолкая ни на минуту. Совсем обезумел...

Клара взглянула на адвоката, испугавшись, что сейчас он передумает и уйдет, однако тот остался невозмутимым. Экономка наконец его заметила.

— Кто это? — спросила она.

— Я потом вам всё объясню, — ответила Клара. — А сейчас нам нужно поговорить с хозяином.

Когда Клара и адвокат вошли в кабинет купца, тот сидел бок о бок с поверенным. Склонив головы над каким-то документом, мужчины почти касались друг друга щеками. Увидев вошедших, купец поднялся на ноги, и лицо его исказилось гримасой боли.

— Где ты была? И, черт возьми, кто это с тобой?

— Молчи, предоставь это дело мне, — шепнул адвокат Кларе. — Разрешите представиться: Мануэль дель Валье, адвокат. Как сказала моя клиентка, существует некое завещание, в котором упоминается ее имя.

Настала долгая пауза, во время которой лицо купца четко отражало, как он пытается примириться с реальностью. От ощущения почти неминуемой победы он перешел к довольно комичному удивлению, которое тут же сменилось едва сдерживаемой яростью.

— Ах, адвокат! — произнес он наконец, и в голосе его прозвучало холодное презрение. Казалось, он прямо-таки выплюнул это слово, как если бы оно было худшим из оскорблений. — И ты посмела привести в этот дом адвоката? Ты? Поломойка, рабыня, грязная безмозглая сука!

Клара оцепенела от ужаса, не в силах ответить на эти слова, и лишь смотрела на хозяина испуганными глазами. А тот между тем ткнул своей тростью в сторону адвоката.

— А вы, милейший — такой же грязный предатель. Вы предаете свою кровь и свое сословие, если собираетесь защищать эту индианку. И не сомневайтесь, я сделаю все, чтобы об этом стало известно и в гильдии купцов, и в сообществе адвокатов.

— Ну разумеется, об этом станет известно, дон Франсиско. Это весьма необычное завещание, которое, вне всяких сомнений, прославит мое имя. Я и сам уже думаю, что стоит сходить на ступени собора, но прежде следовало бы решить один маленький вопросик. Так что, если вы не возражаете, я взгляну на завещание.

Он уже протянул руку, чтобы взять бумагу, которую держал в руках поверенный. Адвокат испытующе взглянул на Варгаса, и тот в ярости ухватил его за хубон.

— Ну уж нет, вы его не получите!

— Дон Франсиско, в суде имеется копия этого завещания, и эта копия окажется в моих руках в течение получаса. Вы действительно хотите затянуть это дело на такое короткое время?

Варгас засопел, но понял, что выбора нет, и сделал знак поверенному, который протянул бумагу адвокату. Тот изучал ее несколько минут, отмечая каждую прочитанную строчку пыхтением, словно содержимое документа было самым большим счастьем, которого только мог желать клиент. Кларе эти звуки напоминали кота из кабинета адвоката.

— Ага... Так я и думал... Ну, это понятно. Скажите, поверенный, список имущества у вас с собой? — спросил под конец адвокат, возвращая завещание.

— Да, и дон Франсиско сможет с ним ознакомиться, как только подпишет кое-какие бумаги, которые я тоже принес.

— Вы намерены отказаться от наследства, дон Франсиско?

— Я не намерен отказываться от того, что принадлежит мне, — ответил купец, глядя на Клару полными ненависти глазами.

Адвокат проигнорировал явную угрозу и продолжил говорить столь же радостным тоном, словно комментировал бой быков.

— Ну вот вопрос и решен. В таком случае, я забираю с собой свою клиентку, которая отныне станет свободной женщиной. Завтра я займусь оформлением для нее вольной, а вы, дон Франсиско, ее подпишете. А сейчас, с вашего позволения...

Адвокат взял Клару под руку, и радостная дрожь пробежала у нее по спине. Он этого добился!

Поверенный пожал плечами за ее спиной и покорно посмотрел на Варгаса, но тот не

собирался так легко сдаваться. Он вырвал завещание из рук поверенного и лихорадочно перечитывал его, пытаясь найти, к чему прицепиться. Вскоре в его глазах загорелся зловещий огонек.

— Минуточку!

Клара и адвокат остановились у самых дверей. Девушка затаила дыхание.

— Да, дон Франсиско...

— Поверенный, прочтите вслух условия моего вступления в наследство.

— "Оставляю вышеперечисленное имущество дону Франсиско Варгасу при условии, что он позволит освободить свою рабыню Клару".

— Слышите, что там написано, — сказал Варгас, указывая на Клару рукой. — Она не свободна.

— Условия завещания делают ее таковой, дон Франсиско.

— Отнюдь. В завещании ведь не сказано "в обмен на свободу этой рабыни". Там сказано лишь, что я лишь должен позволить ей получить свободу. И я готов это сделать. Я позволяю ей купить свою свободу.

— Но ведь вы получите шесть тысяч эскудо! — воскликнул адвокат, вконец теряя терпение. — На эти деньги можно купить дюжину рабов!

Варгас хитро усмехнулся.

— Но, увы, недостаточно, чтобы купить одну мою Клару. Ее свободу я оцениваю в десять тысяч эскудо.

— Это просто безумие!

— Возможно. Но это цена, которую я назначил. Эта рабыня — мое имущество, и я могу запрашивать за нее столько, сколько хочу. Как только она выплатит мне оставшиеся четыре тысячи эскудо, она сможет покинуть этот дом.

— Но это не отвечает духу документа, — возразил адвокат.

— Если хотите говорить о духе, то обратитесь к колдунье, пусть вызовет дух Монардеса и спросит его. А пока что написано — то написано.

Мануэль дель Валье недовольно почесал бороду и отвел Клару в сторонку.

— Он в самом деле может это сделать? — ахнула девушка.

— Боюсь, что да. И, честно говоря, даже не знаю, девочка, чем тут можно помочь.

— И как я выплачу ему четыре тысячи эскудо, если даже не смогу отсюда выйти?

Клара в отчаянии потрянула головой, но адвокат лишь улыбнулся, услышав эти слова.

— Так и есть, Клара! — и обернувшись к остальным, добавил: — Поверенный, мы признаем справедливость требований дона Франсиско Варгаса. Действительно, он должен позволить Кларе получить свободу. Таким образом он признает справедливым, что она унаследует свою часть и будет исполнять обязанности аптекаря, живя в доме лекаря в качестве его владелицы. Таким способом она сможет выплачивать дону Франсиско ежегодную сумму в счет покрытия долга.

— Но для этого потребуется целая вечность! — воскликнула Клара, которая успела произвести в уме кое-какие подсчеты и понять, что ей потребуется несколько десятилетий, чтобы собрать необходимую сумму.

Адвокат слегка потрепал ее по руке, стараясь успокоить.

— Ни в коем случае! — выкрикнул Варгас. — Она должна заплатить мне четыре тысячи эскудо прямо сейчас!

— И как же, дон Франсиско, она сможет это сделать, не имея ни денег, ни средств,

чтобы их заработать? Или вы позволите ей получить свободу на описанных мною условиях, или обращайтесь в суд и послушайте, что вам там скажут.

Купец рухнул на стул, исчерпав на борьбу все силы. Он знал, что проиграл. Он не мог позволить себе обратиться в суд и проиграть там, сделавшись предметом публичных насмешек. А кроме того, пока будет тянуться тяжба, он не сможет распоряжаться деньгами, которые помогли бы заплатить за титул герцога. Как бы ни болезненно это было для его гордости, придется дать выкрутить себе руки.

— Проваливай, сука! — прорычал он сквозь зубы, глядя в землю. — Но, клянусь святыми небесами, ты никогда не получишь свободу!

— Мне очень жаль, что так получилось, — сказал адвокат, едва они вышли на улицу. — Я не знаю, что ты думаешь по этому поводу, но боюсь, что он победил. К несчастью, закон на его стороне, хоть это и крайне несправедливо.

Она указала на свое запястье, на котором по-прежнему блестел браслет с надписью, гласившей, что она является имуществом Варгаса.

— Вы помогли мне вырваться из его когтей, однако я по-прежнему должна носить это. Но теперь у меня хотя бы есть шанс, пусть и небольшой. Большое вам спасибо. Вы поступили, как настоящий кабальеро.

— Правда? Мне всегда казалось, что я похож на Амадиса Гальского [\[11\]](#), — заявил адвокат, втянув живот и выпятив грудь.

— Скажите, сколько я вам должна?

— С любого другого я запросил бы пять эскудо, однако я считаю, что на тебя сегодня и так навесили слишком большой долг. Право, стоило побывать в этом доме, хотя бы для того, чтобы увидеть физиономии этих двоих.

Клара кивнула адвокату на прощание, еще раз поблагодарив. Она успела отойти довольно далеко, когда он снова ее окликнул.

— Кстати, девочка...

Она обернулась, и адвокат помахал ей рукой. Перед ее глазами мелькнули его пальцы с суставами в форме барабанных палочек.

— Скажи, сколько стоит отвар мяты, который ты мне прописала?

В ответ девушка мило улыбнулась.

— Для настоящих кабальеро — бесплатно, — ответила она.

План с самого начала был обречен на провал, но Санчо не желал этого понимать — до той самой минуты, пока не почувствовал лезвие ножа у самого своего горла. Если он и остался жив и увидел рассвет, то лишь по счастливой случайности, а вовсе не благодаря своей хитрости и уму. Несмотря на острый ум, Санчо всё же слишком полагался на удачу, чтобы четко продумывать все детали. Он дал себе слово, что такое случилось в последний раз, однако за этот урок ему пришлось заплатить слишком дорого.

Идея ограбить дом скупщика краденого по кличке Сундучник принадлежала Закариасу. Из этой истории Санчо сделал вывод, что идеи слепого сами по себе весьма неплохи, однако нуждаются в тщательной проработке и проверке, прежде чем претворять их в жизнь.

Они дождались ночи, чтобы их никто не заметил, а также чтобы забрать добычу пожирнее. Несмотря на прибыльность предприятия и количество хранящегося золота, охранялся дом слабо. Все знали, кто хозяин этого места, и этого было достаточно.

Закариас, как ни в чем не бывало, постучал в дверь. Согласно их плану, никто не должен был знать о его причастности к этому делу. Слишком уж известной личностью он был в Севилье, а Санчо было нужно, чтобы он по-прежнему имел возможность свободно передвигаться по городу. Так что когда Сундучник, ни о чем не подозревая, как всегда встретил слепого своими обычными шуточками, Санчо не составило труда проскользнуть в дом за спиной у Закариаса. Шпагу он вынул из ножен заранее.

— Не двигаться! — приказал он Сундучнику, который оказался в ловушке, прижатый к прилавку.

Хосуэ проследовал за ним, и лица Сундучника и головореза, который всегда караулил у двери, побледнели от страха. Они никак не могли поверить, что в это место, которое они всегда считали неприступной цитаделью, вдруг проникли посторонние.

— Что, черт возьми, вы здесь делаете, болваны? — спросил скупщик краденого, отклоняясь назад — подальше от острия шпаги.

— Мы всего лишь собираемся ограбить эту мирную обитель, сеньор, — ответил Санчо. — С вашего разрешения, конечно.

Бандит сделал шаг вперед, однако Хосуэ удержал его на месте, уперев руку ему в грудь. Бандит застыл на месте, сам не свой от страха; он принадлежал к той самой породе трусливых подонков, которые проявляют себя храбрецами лишь против беззащитных. Одно дело — ударить слепого старика, и совсем другое — столкнуться с гигантом на две головы выше ростом.

— Да вы хоть понимаете, где находитесь? — продолжал возмущаться Сундучник. — Вы же понятия не имеете, кого хотите ограбить, правда?

— Спасибо, мы знаем, кто такой Мониподио.

Сундучник в растерянности захлопал глазами.

— Неужели вы такие идиоты, что верите, будто вам это сойдет с рук? Да он вам выколлет глаза!

— Для этого придется сначала нас поймать.

— И ты туда же, Закариас? Ты тоже с ними?

Слепой в ответ покачал головой, но Сундучник не обратил на это внимания.

— Ну, разумеется. Ты всегда норовил связаться со всяким дерьмом. Вот поглядим, что сделает с тобой Король, когда узнает, что ты его предал.

В эти минуты Санчо пришлось усвоить еще два урока: второй заключался в том, что прежде, чем пускаться в авантюры, необходимо как следует изучить обстановку, поскольку может оказаться, что в доме не один вход. А третий — в том, что ни в коем случае нельзя оставлять спину незащищенной, кто-то непременно должен ее прикрывать. Обе эти мысли озарили его в то самое мгновение, когда из задней комнаты выскочил второй головорез, держа в каждой руке по заряженному пистолету. Первым делом он выстрелил в Санчо, который едва успел увернуться от пули, перекатившись по полу. Хосуэ тоже успел уклониться от следующей пули, и она попала в голову бандита, которого он держал. Посреди его лба внезапно расцвел алый цветок. Головорез закатил глаза и рухнул.

— Хосуэ, держи его! — крикнул Санчо.

Негр в мгновение ока очутился возле Санчо. Чудовищным усилием он попытался удержать Сундучника, который, воспользовавшись суматохой, пустился бежать, перепрыгнув через прилавок. Санчо схватил было его за ногу, однако скупщик краденого пнул его в лицо другой ногой, и в руке у Санчо остался пустой башмак.

Мгновение он колебался, прежде чем погнаться за Сундучником. Пускай головорез, простреливший голову собственному товарищу, и оказался плохим стрелком, но, каким бы он ни был косоруким или пьяным, едва ли он промахнется с двухметрового расстояния. Будь у него еще один заряженный пистолет, Санчо неминуемо получил бы пулю. И нет сомнений, что пока Санчо будет гоняться за скупщиком краденого, второй успеет перезарядить оружие.

Он решил рискнуть и вскочил на ноги. Сундучник упал по другую сторону прилавка и попытался совладать с пистолетом и мешочком с порохом. Головорез делал то же самое, хотя был ближе к цели. Шомпол протолкнул пулю вниз, и Санчо услышал металлический стук курка, опустившегося на свое место. Не имея времени, чтобы воспользоваться шпагой, юноша оперся обеими руками на прилавок и перепрыгнул его, приземлившись ногами на головореза и ударив того в живот. Пистолет упал на пол и выстрелил, пуля попала Сундучнику в руку. Это была лишь царапина, но скупщик краденого взвыл, словно умирающий.

Увидев это, бандит, которого Санчо сбил с ног, вскочил и бросился в заднюю комнату. Молодой человек погнался за ним, Сундучник попытался было удержать его за хубон, однако Санчо ударом в челюсть свалил его на пол.

— Держи его, Хосуэ! — крикнул Санчо, бросаясь вдогонку за головорезом.

В сумраке темной и узкой подсобки, освещенной лишь скудными лучами света, просачивающимися из лавки, Санчо не сразу заметил головореза. Он испугался, что бандит прячется в засаде, но обнаружил его укрывшимся в куче одежды на постели, где он, видимо, спал, когда они ворвались в лавку. В конце концов головорез развернулся с ножом в руке, и Санчо получил четвертый урок: всегда будь готов действовать в узком пространстве, где нельзя воспользоваться шпагой. Когда Санчо сделал выпад, клинок наткнулся на мебель и застрял там, оставив юношу беззащитным. То, что казалось Санчо неравной схваткой и легкой победой, превратилось в ожесточенную борьбу, когда головорез набросился на него с ножом, пытаясь проткнуть живот.

Санчо бросил шпагу и отпрянул, схватив головореза за руку, не обращая внимания на удары, которыми тот осыпал его лицо и шею второй рукой. Он сконцентрировался только на том, чтобы отвести от своего живота чернеющее стальное острие, в удар которого

беспощадный тип вложил все силы. Нож задрожал в воздухе, на несколько мгновений прекратив двигаться, поскольку силы были равны, но по-прежнему был нацелен на живот юноши. Когда уже начало казаться, что ничто не нарушит это равновесие, Санчо точным ударом головы боднул головореза в нос, который сломался с отвратительным хрустом. Руки бандита тут же обмякли, и острие ножа изменило направление, воткнувшись в его же собственную грудь. Головорез в страшных судорогах завалился на Санчо, а тот стряхнул его, как сумел, парализованный страхом.

Посреди темной подсобки Санчо получит пятый урок. Война и месть предполагают убийство, а убийство — это дело грязное и мерзкое. С покрытыми кровью головореза руками и с трясущимися ногами он прислонился к стене, чтобы не упасть. В животе у него бурлило, словно кишечник протестовал против ножа, который чуть в него не воткнулся.

Он больше не в силах был сдерживаться, и его вывернуло наизнанку.

Когда закончились спазмы и дыхание вернулось к прежнему ритму, Санчо поглядел на неподвижное тело на полу. Лишь правая рука трупа освещалась проникающим из другой комнаты светом. Он заставил себя внимательно ее рассмотреть. К этому он готовился целый год в доме Дрейера.

Санчо говорил себе, что не хотел убивать, что это была самозащита, но он всё равно нес ответственность за смерть этого человека. Он говорил себе, что это головорез, живущий ради насилия, и совершенно точно убийца, но в конце концов именно он, Санчо, объявил войну человеку, который злоупотреблял силой.

Он спросил себя, что бы подумал Бартоло, если бы видел его в эту минуту. Если он сейчас смотрит на него с небес, качает ли он головой от жалости или, напротив, сжимает кулаки, радуясь и торжествуя?

Санчо вернулся в основное помещение лишь через пару минут после того, как вышел в сумрачную подсобку, но был уже другим человеком. Он чувствовал, как голова отяжелела, и ощущал свое дыхание. Края предметов перед его взором приобрели более резкие очертания. И эти ощущения нельзя было назвать приятными.

"У тебя из носа идет кровь", — сказал Хосуэ, бросив Сундучника и кидаясь к нему. Увидев Санчо, негр облегченно вздохнул.

"Ничего страшного", — ответил молодой человек, тоже на языке знаков.

Хосуэ посмотрел ему через плечо.

"А тот, другой?" — спросил он.

"Я его убил. Но я не хотел этого делать".

Гигант сжал его плечо, Санчо так и не понял, означал ли этот жест нежность или жалость. Он вздрогнул и хотел обнять своего друга, но чувство вины и стыда ему этого не позволило. И кроме того, предстояло еще разобраться с Сундучником.

Тот по-прежнему находился на полу, что-то невнятно бормоча, еще не придя в себя от полученного от Санчо удара. Тот заставил его подняться, так и не сообразив толком, что предпринять дальше, когда сзади появился Закариас, вцепившись скупщику краденого в спину, ошупав его, чтобы найти, где шея. Сундучник слабо отмахнулся, пытаясь высвободиться.

— Нет! — крикнул Санчо, поняв намерения слепца, когда было уже слишком поздно. Тот завел вперед нож свободной рукой и перерезал Сундучнику глотку, слева направо, словно дыню. С бульканьем выступила густая и темная кровь, и скупщик краденого с глухим звуком упал на прилавок.

— Да что ты с ума сходишь? — спросил Закариас. — Ты радоваться должен. Этот козел получил то, чего заслуживал.

— Совсем необязательно было его убивать. И он был безоружен, черт возьми!

— Слушай, парень, может, для тебе это и было необязательно. Но этот говнюк столько раз заставлял меня ночевать под открытым небом, что мне потом приходилось платить два мараведи, чтобы снять всех клещей. Настало время заплатить по счетам.

Санчо смотрел, как по прилавку расплывается алое пятно, и его голову наводнили темные мысли.

"Во что же я превратился?" — подумал он в ужасе.

Капитан де Гроот заерзал в седле, устраиваясь поудобнее. Он терпеть не мог ночную езду, которая ввергала его в самое скверное расположение духа.

Огромная гнедая кобыла, похоже, ощущала беспокойство седока. Она чуть дернулась в сторону, и фламандец яростно потянул за поводья, чтобы осадить ее и заставить остаться на месте. Железный мундштук впился в лошадь до крови, ей, вероятно, придется пожертвовать по возвращении в Севилью. Гроот сожалел об этом, потому что несколько недель назад заплатил за кобылу из собственного кармана и даже не имел возможности проехаться на ней по городу. Он покорно пожал плечами. Последние дни стали тяжелыми для всех участников операции, и он выместил свое раздражение на кобыле. К счастью, Варгас обещал ему компенсацию за усилия, которой с лихвой хватит на нового коня. Гроот уже точно знал, где и с кем потратит остальное. Некоторые проститутки из "Компаса" разрешали лупить себя за двойную плату. Когда кто-нибудь из них исчезал, никто не задавал лишних вопросов.

Мягкое покачивание в седле вывело его из задумчивости. Он взглянул на небо. Судя по положению луны, сейчас, должно быть, между тремя и четырьмя часами ночи. Самое подходящее время, чтобы привести в исполнение последнюю часть плана.

Почти сразу же после этого последняя повозка свернула за поворот дороги и направилась к складу, сейчас пустующему. Они не успели добраться до цели, когда колесо одной из повозок наткнулось на камень и соскочило с оси. Возница натянул вожжи, чтобы остановить лошадей, и спустился осмотреть повреждения.

— Хорошо еще, что это случилось лишь под конец, — сказал возница, повернувшись к Грооту.

— Гони ее к складу, — коротко приказал фламандец.

— Но, сеньор, у нее может сломаться ось. Эта повозка никуда не годится.

— Я плачу тебе деньги не за то, чтобы ты тут рассуждал, а за то, чтобы делал, что велено.

Возница, едва сдержав проклятие, приказал сидевшим в повозке грузчикам сойти.

— Скажи всем, чтобы шли в амбар, — распорядился Гроот. — Скажи, что им будет заплачено вдвое против условленного.

Услышав эти слова, работники, хоть и были измучены, радостно загомонили.

— Когда нам заплатят?

— Сейчас прибудет хозяин вместе с деньгами.

Воодушевленные грузчики дружно принялись толкать повозку. Вскоре, хоть и с огромным трудом, им удалось закатить ее внутрь помещения.

Гроот между тем спешил и подошел к закрытой карете, ожидавшей на обочине. Карета не имела ни гербов, ни каких-либо других опознавательных знаков. Он постучал в окошко, закрытое шторами, и они колыхнулись в ответ. Мгновение спустя окошко приоткрылось.

— Перевозка закончена, сеньор, — доложил Гроот.

— Наконец-то. Вы подсчитали мешки?

Фламандец просунул в окно бумагу. Она исчезла внутри, а вскоре послышалось одобрительное ворчание.

— Подождите минутку.

Внутри кареты Варгас повернулся к Мальфини, темные круги под глазами которого были хорошо различимы даже в тусклом свете единственной свечи. В этой карете они провели последние три ночи, спали урывками, следя из-за штор за погрузкой. Оба вконец извелись от беспокойства: ведь затеянное ими дело было связано с огромным риском.

— Вы застраховали пшеницу? — спросил Мальфини у Варгаса, когда тот изложил ему свой план.

— Застраховал, причем по минимальной ставке.

— Отмените договор страхования под предлогом того, что вскоре продадите зерно его величеству и потому не нуждаетесь в страховке. Это, безусловно, развеет все подозрения в том, что мы собираемся совершить.

Варгас внимательно слушал банкира, поначалу его план пришелся купцу не слишком-то по душе, но с каждой минутой он всё более воодушевлялся, осознавая, какие выгоды принесет ему эта авантюра.

— Вам нужно купить какой-нибудь склад — или другое столь же просторное помещение поблизости от ваших амбаров. Ночью мы перевезем пшеницу туда. Несколько человек, несколько повозок, провернем всё быстро и по-тихому. Король отчаянно нуждается в поставках зерна, чтобы снабжать провиантом свои корабли. Через три или четыре месяца, когда в королевских амбарах не останется ни единого зернышка, мы якобы организуем доставку зерна, скажем, с Сицилии или из Польши, но в любом случае издалека, так что никто и не спросит, откуда оно взялось, а вы сможете продать его всемерно дороже.

— И тем самым я смогу продать ту пшеницу, что осталась в Андалусии. Просто блестяще!

— Кроме того, зная заранее, как пойдут дела, вы сможете диктовать свои условия и устанавливать цены. Вот только есть одна маленькая проблема.

Варгас отмахнулся. Он не желал больше слушать Людовико, прекрасно зная и так, что он скажет. Больше половины той пшеницы, что хранилась в его амбаре, должна была остаться в Севилье. Варгас вынужден был бы продать ее по установленным короной ценам мельникам, хлебопекарям и мелким лавочникам, а уж те продавали бы ее непосредственно горожанам.

Пшеничный хлеб составлял в те времена основу питания. Большинство людей из народа довольствовались в день небольшим хлебцем, слегка намазанный свиным смальцем или, в лучшем случае, сливочным маслом. И если бы город лишился запасов зерна, которым должен был питаться на протяжении всей зимы, это стало бы для населения тяжелым ударом. Купцам пришлось бы ввозить его извне, что подняло бы цены до недостижимых высот. Бедняки остались бы без хлеба, ибо он стал бы для них просто недоступен. На Севилью обрушился бы страшный голод, как это случилось в 1565 году во время осады Мальты, совпавшей по времени с величайшим за весь век неурожаем. Нынешний же, 1590 год, также оказался крайне неурожайным: засуха и вредители погубили хлеб по всей Европе.

В Севилье народ уже голодал.

Так что Варгасу и Мальфини необходимо было соблюдать крайнюю осторожность, ибо то преступление, которое они собирались совершить, называлось спекуляцией и каралось смертью. Поэтому они наняли людей за пределами города, не объяснив при этом, в чем же будет состоять их работа, а лишь велев сказать родным, что отправляются на заработки на целый год. Амбар, где Варгас хранил зерно, находился в шести лигах от Севильи; туда

свозили зерно из Марчены, Осуны, Утреры и других деревень, этот амбар был огромной кладовой, призванной накормить сто пятьдесят тысяч голодных ртов, населяющих столицу мира.

Единственным местом, где Варгас мог спрятать зерно, оказалась старая лесопилка, заброшенная много лет назад. Она таилась в сосновом бору в полулиге от амбара. Мальфини приобрел ее через нескольких посредников, а нанятые им люди в мгновение ока освободили помещение от каких бы то ни было следов предыдущей деятельности.

— Совершенно неподходящее место для хранения зерна, — проворчал Варгас, оглядывая помещение. — Оно здесь может испортиться.

— Не извольте беспокоиться. Это всего лишь на несколько месяцев, а потом хлеб станет такой редкостью, что у вас оторвут с руками даже гнилое зерно.

Они заколотили все окна и укрепили двери еще до начала перевозки, которую провели в соответствии с планом Мальфини — глубокой ночью и в великой тайне. Они заставляли работников надрываться сверх сил и спать прямо на складе, обещая заплатить втрое больше обычного. Перевозка зерна заняла целых три ночи, но теперь наконец была успешно завершена.

И оставалось только одно: самое последнее и самое главное.

Не должно остаться никаких свидетелей.

Варгас выглянул в окошко и подал Грооту знак.

— Приступайте. Вы знаете, что делать.

Капитан кивнул, вынул шпагу и взмахнул ею, давая подчиненным знак, что пора начинать. В ту же секунду от дальней стены амбара послышался свист, и из темноты вышли четверо мужчин. Двое из них держали зажженные факелы.

Двое других, чьи руки были свободны, бросились к воротам амбара и навалились на тяжелые створки, пока они не сомкнулись.

— Кто вы? — встревоженно спросил один из работников, заслышав странный шум. — Что это вы делаете?

Увидев, что к дверям приближается Гроот с обнаженной шпагой в руке, он вконец растерялся.

— Что происходит, дьявол вас побери?

— Закрывай! Скорее! — рявкнул Гроот. В эту минуту он проклинал себя за то, что отдал приказ слишком рано. Работников было слишком много и, даже будучи безоружными, они вполне могли вырваться.

Между тем, работник, заметивший неладное, громко закричал и ринулся на злодеев, пытавшихся закрыть ворота. Одного из них он саданул по голове кулаком, и тот, оглушенный, упал на землю. Работник попытался было вырваться наружу, благо между створками еще оставалась щель шириной около четырех ладоней.

— На помощь! — крикнул он. — Они хотят нас...

Но отчаянный призыв о помощи превратился в предсмертный хрип... Капитан подошел к воротам и хладнокровно вонзил ему в горло шпагу сверху вниз. Сталь пронзила шею и застряла между ключицами. Используя шпагу как рычаг, Гроот перевернул убитого так, что он упал лицом к дверям. Затем ударом ноги отшвырнул тело внутрь, одновременно выдернув шпагу.

— Бревно, олухи! Тащите сюда бревно! — крикнул он, всем телом наваливаясь на створки ворот.

Изнутри послышались удары и крики: запертые внутри люди пытались открыть ворота. — Мне не удержать эти двери!

Двое нанятых головорезов подняли тяжелую балку, с трудом оторвав ее от земли. Кто-то снова толкнул дверь изнутри, и Гроот всей тяжестью навалился на косяк.

— Сюда! Нас заперли! — заорал кто-то из-за дверей.

— Поберегись! — крикнул один из головорезов, тащивших бревно, и Гроот подался в сторону, покуда они пытались продеть балку в стальные пазы. Это была одна из тех балок, что служили для того, чтобы запирали изнутри двери амбаров. Гроот заранее распорядился перенести крепления наружу, но никто из поденщиков не обратил на это внимания, как не заметили они и других перемен.

Конец балки уже почти удалось продеть в паз, но тут один из бандитов промахнулся, и бревно, соскользнув, упало на землю. К несчастью, как раз в эту минуту запертые внутри работники все вместе навалились на ворота, приоткрыв створки на несколько ладоней. Множество пальцев в отчаянии ухватились за края створок.

— Выпустите нас!

Гроот отбросил шпагу, выхватил из-за пояса кинжал и безжалостно рубанул по чьей-то руке. Несколько отсеченных пальцев упали на землю, изнутри послышались крики боли.

— Держите дверь, болваны! — взревел он. — А вы — пихайте бревно в пазы! Да скорее, черт вас подери!

Тот, который уронил балку, сумел ее поднять, при этом саданув Гроота по руке. Тот огрызнулся, но не отошел от щели и продолжал толкать, в конце концов сумев снова закрыть дверь. Наконец, балка попала на свои крепления, и толчки изнутри превратились в глухие и бесполезные удары.

— Простите, что ударил вас, сеньор, — сказал тот, что стукнул капитана, видя, как тот держится за пострадавшее плечо.

— Брось, не до того сейчас! Кладите бревно!

Мужчины обогнули строение с обеих сторон, открывая охапки сухих поленьев и соломы, спрятанные под тряпками, и поджигая их факелами. Через несколько минут пламя уже вздымалось высоко и яростно. Гроот тем временем остался на месте, присматривая за тем, чтобы дверь держалась крепко. Натиск запертых поденщиков становился всё отчаяннее, поскольку они унюхали дым, проникающий через узкие оконца на самом верху амбара, где хранились инструменты.

— Срочно ищите лестницу! Мы выберемся через окно!

Гроот самодовольно усмехнулся. Приставную лестницу, которая всегда лежала на втором этаже амбара, тоже заранее убрали, пока работники везли на склад последнюю партию мешков, так что теперь у них не было никакой возможности выбраться из запертого снаружи амбара. Теперь надо было позаботиться о том, чтобы никому не удалось прорваться наружу во время пожара, и чтобы никто со стороны не заметил огонь и не поспешил на помощь.

Однако радовался он недолго: запиравшее двери бревно вдруг надломилось посередине, не выдержав напора изнутри. Гроот не на шутку забеспокоился: что если им удастся вырваться наружу прежде, чем рухнет горячая крыша? Если она успеет рухнуть, все неминуемо погибнут. Дело в том, что бандиты Мониподио, сопровождавшие его в эту ночь, как и в две предыдущие, заранее подпилили деревянные столбы, на которых держалась вся конструкция. Как только огонь охватит крышу — она тут же рухнет вниз, похоронив под

собой и людей, и лошадей, которые уже принялись тревожно ржать, почуяв запах дыма.

Обеспокоенный Гроот выглянул из-за угла амбара и увидел, как пламя пожирает его стены, но как ему показалось, слишком медленно. Ему придется их убить до того, как они выломают дверь, но как? Их было слишком много, да и пристрелить всех через верхние окна тоже не удалось бы, потому что у них имелось только короткоствольное оружие, а внутри было слишком темно.

Внезапно его осенила новая идея.

— Тащите лестницу! — крикнул он.

Один из бандитов тут же подчинился, притащив унесенную из амбара лестницу. Капитан немедленно приставил ее к передней стене строения, над дверью. Там же наверху находилось высокое круглое окошко. Оно было настолько мало, что едва ли удалось бы протолкнуть сквозь него крупный арбуз, однако для фламандца и его плана это было как раз то, что нужно.

— Эй, вы там, построиться в цепочку и передавайте мне горящие поленья, — приказал он. — Да смотрите, чтобы они горели только с одного конца. Ну поджигайте их сами с одного конца, если они еще не занялись, только чтобы поленья были!

Бандиты тут же подчинились, а Гроот взобрался вверх по лестнице, которая так и застонала под его огромным весом. Первое полено оказалось выше всех похвал: с одной стороны оно пылало ярким пламенем и даже успело обуглиться, зато с другой не успело еще даже заняться. Человек, передавший его, обжег руки и разразился проклятиями, но де Гроот оказался достаточно предусмотрительным, чтобы надеть толстые кожаные перчатки, несмотря на стоящую в тот вечер жару. Уж ему-то, побывавшему в стольких битвах, было хорошо известно, что руки должны быть надежно защищены, если ожидаются неприятности.

Гроот просунул в окошко охваченный огнем конец полена, а затем изо всех сил толкнул его ладонью внутрь. План его состоял в том, чтобы огонь охватил деревянный пол чердака, и тот рухнул бы вниз, на головы обреченным. Он затаил дыхание, выжидая. Вскоре он услышал полные ужаса крики поденщиков и понял, что план удался. Гроот рассмеялся коротким сухим смешком. Уж теперь-то запертым в амбаре будет чем заняться.

— Давайте еще поленьев! — крикнул он. — Скорее!

Для большей уверенности он бросил внутрь еще три или четыре полена. Одно из них упало на повозку, которую тут же охватило пламя. Это значительно упростило ему задачу. Отчаянное лошадиное ржание смешалось с воплями гибнущих людей, и Гроот догадался, что, видимо, кто-то уже попал в огонь. Он бросил еще несколько горящих деревяшек, однако все они остались на чердаке. В скором времени вся крыша уже была охвачена огнем, и всё затянуло дымом. Они задохнутся еще до того, как рухнет крыша.

Сотрясавшие двери толчки прекратились. Людские крики и лошадиное ржание разом оборвались. Гроот, вполне удовлетворенный содеянным, спустился по лестнице вниз. Ему до смерти хотелось выпить стаканчик вина.

Он уже собирался дать приказ уходить, когда к нему приблизился один из бандитов. Лицо его было черно от сажи, и капитан подозревал, что и сам выглядит немногим лучше. Бандит тащил за собой мальчика не старше двенадцати или тринадцати лет.

— Мы поймали его сегодня ночью, во время одной из перевозок.

Гроот почесал в затылке, не зная, что и сказать. Двое головорезов Мониподио каждую ночь сопровождали грузчиков, пробираясь вдоль обочины дороги и хоронясь в тени, на расстоянии броска камня впереди обоза. Единственной их задачей было отслеживать тех,

кто имел несчастье оказаться на пути, слишком рано проснуться и заметить вереницу повозок. Никаких свидетелей не должно было остаться — ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах.

Двоих они обнаружили в первую же ночь. Один из них был мужчиной средних лет — очевидно, торговцем. Бандиты его убили, раздели догола и бросили в канаву, как если бы он оказался жертвой грабителей. Другой оказался солдатом в отпуске, скорее пьяным, нежели сытым. Его постигла та же участь. На другую ночь бандиты не встретили никого, а на третью попался только вот этот мальчик.

Гроот пристально оглядел мальчишку. Он был крепко связан, а изо рта у него торчал кляп, в его больших блестящих глазах застыл ужас. По травяным пятнам на его штанах и клочкам шерсти, застрявших в нечесаных вьющихся волосах, нетрудно было догадаться, что это, скорее всего, пастушок. Очевидно, он разыскивал пропавшую овцу, когда, на свою беду, наткнулся на зловещий караван. Ну что ж, тем хуже для него.

"И тем лучше для нас", — добавил про себя Гроот, выдергивая из-за пояса кинжал, который заранее приобрел специально для этой операции. Это был кинжал не слишком хорошего качества, однако имел некий опознавательный знак, который как раз должен был послужить цели: запутать следы и навести подозрения на людей, к этому делу совершенно непричастных. Благодаря этому кинжалу, ни у кого не возникнет ни тени сомнения, что это совершили злобные враги. Для чего ему и понадобится этот ни в чем не повинный пастушок.

Одним ловким движением Гроот извлек кляп изо рта мальчика. Глаза парнишки изумленно расширились, лицо озарилось доверчивой улыбкой.

— Спасибо, ваша светлость, — сказал он. — Спасибо!

Гроот улыбнулся в ответ — и тут же вонзил кинжал в грудь мальчика. Тот упал на спину, открыв рот в немом изумлении.

— Внимание всем! — рявкнул капитан. — Уходим!

Он еще не закончил что-то бормотать по-фламандски, как первая повозка тронулась в путь. Гроот и остальные головорезы побежали туда, где оставили своих лошадей, которые нервно гарцевали из-за пожара. Животные галопом помчались на каретой, чтобы как можно быстрее удалиться от бушующего пламени.

Крыша рухнула через несколько минут. Единственными свидетелями этого события стали три льва, выбитые на лезвии кинжала, который Гроот вонзил в грудь пастушка.

Три льва, грозно поднявшиеся на задние лапы. Символ Англии.

Санчо и Хосуэ пришлось отодвинуть труп, чтобы получить доступ к сундукам, из-за которых скупщик краденого и получил свою кличку. Они обнаружили там приличную сумму — около тридцати эскудо, эти деньги могли бы сослужить им неплохую службу в ближайшие месяцы. Еще там было много дешевых драгоценностей, особенно браслетов, медальонов и серебряных ожерелий. Лишь один предмет оказался действительно ценным — тонкая золотая диадема с маленькими изумрудами, которая, должно быть, стоила целое состояние.

— Не повезло. Наверняка этот проклятый Сундучник только что отправил товар главарю. Хотя бы эта драгоценность осталась. Но за нее мы получим четыреста или пятьсот, — сказал Закариас, упросив Санчо описать ему диадему во всех подробностях.

— Мы не сможем продать ее в Севилье, Закариас. Честные ювелиры знают, что она краденная, а скупщики работают на Мониподио. С таким же успехом мы могли бы украсть камень, — заметил Санчо, находящийся в дурном расположении духа после случившегося накануне ночью.

Эта беседа протекала на следующий за нападением вечер, в комнате пансиона, где обитали Санчо и Хосуэ, где они закрылись в страхе, что кто-нибудь их видел. Закариас продолжил привычные занятия, чтобы не возбудить подозрений и выведать, что болтают о событиях минувшего дня.

— Успокойся, парень. Когда всё уляжется, у тебя будет достаточно времени, чтобы съездить в Толедо или Мадрид и избавиться от диадемы. Но пока мы должны переждать бурю.

— Неужели поднялся такой переполох?

— Эх, парень, да вся Севилья только об этом и говорит. Честные горожане рассказывают о грабеже, а весь преступный мир уверен, что его учинила шайка недовольных тиранией Мониподио.

"Спроси, не видел ли нас кто-нибудь", — вмешался Хосуэ, которого это беспокоило гораздо больше, чем стоимость награбленного. Санчо так и сделал.

— Говорят, сосед описал грабителей альгвасилам. Пятеро высоких сильных мужчин с огромными усами, бесшумные, как призраки.

Санчо облегченно вздохнул.

— Ну, тогда это точно не мы!

— А кто, по-вашему, разносит слухи, нашептывает нужные слова в правильные уши? Достаточно повторить историю десятков раз, и она распространится со скоростью пожара.

— Но тебя могут связать с нами.

— Ты думаешь, парень, что я с дуба рухнул? Я всегда говорю, что "мне это только что рассказали". Не такой же я идиот. Так что предоставьте это дело мне, а сами пока отдохните.

— Ничего подобного, Закариас, — твердо произнес Санчо. Мы не можем прекратить преследовать Мониподио, если хотим настроить его людей против него.

Они еще довольно долго спорили, Закариас призывал всех святых, чтобы те повлияли на решение Санчо. Поскольку те не помогли изменить мнение юноши ни на йоту, слепой

сдался и предложил другой вариант.

— В таком случае, вам нельзя здесь оставаться. Сегодня нас никто не заметил, но рано или поздно поползут слухи об огромном черном рабе и молодом человеке, которого он сопровождает. Этого никак нельзя допустить.

"Никакой я не раб," — заявил Хосуэ, бурно жестикулируя. Санчо жестом попросил его умолкнуть.

— Нам нужно найти место с прямым выходом на улицу, а не как это. Место скрытное, где не ходит много народу.

Закариас кивнул.

— Думаю, что знаю подходящее место. Оно пусто, не считая одного полусумасшедшего, который там живет. С украденными деньгами мы можем попытаться его купить. Но нам нужно не только это. Нам нужны еще люди.

— Я не хочу больше никого вовлекать.

— Мне тоже не хочется делиться добычей, парень.

— Я не об этом говорю.

— Значит, ты собираешься убедить своего друга начать использовать свои ручки, чтобы проламывать черепа?

Закариас ощупал грудь, лицо и руки Хосуэ — похоже, таков был его способ знакомства с людьми, и поразился той силе, которая таилась под шершавой эбеновой кожей. Когда Санчо объявил, что Хосуэ поклялся не причинять физического вреда другим людям, слепой сказал, что тот сошел с ума, и чуть их не покинул. В свете произошедшего в доме скупщика краденого Санчо пришлось изменить изначальные планы не привлекать никого другого. Либо так, либо ему самому придется убить Мониподио, когда до этого дойдет. Как и предупреждал несколько месяцев назад Дрейер, "убить человека, а потом ограбить его — просто и безопасно, оставить его в живых и заставить молчать, пока грабишь, — чертовски опасно".

— Я должен обсудить это с Хосуэ.

— И поговори с ним сам, парень. Но уж лучше уговори ко мне прислушаться, иначе я сматываюсь. Я не создан для таких дел, как прошлой ночью.

Слепой ненадолго прилег на одну из кроватей, потому что почти не спал прошлой ночью. Прошло совсем немного времени, как послышался раскатистый храп, как будто терлись друг о друга два огромных бревна. Воспользовавшись этим, Санчо обратился к Хосуэ на языке жестов, потому что говорить им пришлось в основном о Закариасе.

"Что ты об этом думаешь?"

"Теперь тебе стало интересно мое мнение? — спросил Хосуэ, обиженный на то, как Санчо его прервал.

Юноша, который долгое время сидел на полу, вскочил и подошел к своему другу, занимающему единственный в комнате стул. Ему пришлось прикусить язык, чтобы с него не сорвалась какая-нибудь резкость. Он понял, что Хосуэ приревновал к появлению в их превосходной компании Закариаса, но он не мог и не хотел оставить эту тему.

"Вообще-то да, интересует".

Несколько секунд Санчо поколебался. Даже на языке жестов было два слова, которые ему трудно было произнести.

"Прости. Прости за то, что произошло".

Хосуэ кивнул и одарил его своей обычной широкой улыбкой, которая напоминала

Санчо клавиатуру клавесина, имевшегося у брата Лоренсо в приюте. Гигант быстро обижался, но так же быстро и прощал.

"Я думаю, что нам не по силам проделать это в одиночку".

"Я даже не знаю, хочу ли это сделать, Хосуэ".

"Думаю, что ты не хочешь, — ответил тот, пожимая плечами. — Но всё равно сделаешь, потому что это должно случиться".

Санчо не ожидал такого ответа. С прошлой ночи он боялся того мгновения, когда останется наедине с Хосуэ и должен будет поговорить о том, что случилось в подсобке. Смерть головореза тяжким грузом висела на его совести, как только он смыкал глаза, так перед ним возникал образ неподвижного тела. Он приходил в ужас просто от мысли, что ему придется предстать перед судом друга.

"Я не хочу, чтобы вчерашнее повторилось", — объяснил он Хосуэ, сглотнув.

"Не в твоей власти этого избежать. Я много думал о том, что мы совершили. Человек, приказавший убить твоего друга, был плохим. Те, кто его сопровождают, тоже плохие. Ты должен продолжать".

"Я боялся, что ты не согласишься",

Хосуэ покачал головой.

"Я тебе не ровня".

"Не говори так, — ответил Санчо, которого до глубины души ранили его слова. — Мы — братья".

"Мы братья, но мы разные. Тебе предначертана одна цель, а мне другая. Тебе кажется, что твоя цель — отомстить за друга, но на самом деле она — лишь первый шаг по той дороге, по которой тебе предстоит идти".

Санчо ничего не ответил. Вместо этого он принялся разглядывать свои руки. Под ногтями запеклась кровь, пролитая им минувшей ночью.

Санчо всегда поражала глубокая вера друга, такая же огромная, как и его могучее тело. Ему гораздо сложнее было верить в Бога, возможно, потому что он не верил, что существует некто столь жестокий, чтобы не слышать страдания, которые каждый день происходят в мире. Он взывал к нему на смертном одре матери, когда и самого его пожирала чума. Он молил сохранить жизнь Бартоло, когда нес тело карлика к дому Монардеса. Молил его после каждого удара кнутом на галере.

И ни разу не получил ответа, однако вот он здесь, живой и здоровый, со шпагой из доброй стали. На мгновение юноша поразился, подумав о том, что, возможно, был эгоистом, когда хотел бросить всё это, только чтобы не запачкать рук.

Освобождение мира от такой пиявки, как Мониподио, должно быть чем-то большим, чем просто личной мстью.

Не только он молил об этом небеса. Возможно, он, Санчо — это и есть ответ на молитвы других. Как тот разбойник Робин Гуд, о котором рассказывал чудаковатый англичанин Гильермо Шекспир.

А может, как сказал Бартоло, всё это лишь дурацкая шутка.

"Ты уверен, что мы можем ему доверять? — спросил наконец Санчо, кивая на Закариаса.

Вместо ответа Хосуэ начал рассказывать о чем-то, казалось бы, совершенно постороннем.

"Когда я был маленький, духи рассердились на моего отца..."

"А мне казалось, что ты не веришь в духов", — заметил Санчо.

При этих словах Хосуэ закатил глаза, словно не мог поверить в невежество своего друга.

"Сейчас я — добрый христианин, но духи от этого не перестали существовать".

"Разумеется, — ответил Санчо, стараясь сдержать улыбку. — Продолжай".

"Мой отец случайно наступил на могилу предка, и духи страшно разгневались. Они высушили вымя у наших коров и сгноили рис на полях. И тогда отец решил обратиться за помощью..."

Здесь Хосуэ замялся, не в силах подобрать нужное слово; да его и не было в их языке жестов. Хосуэ попытался при помощи жестов и мимики изобразить человека, к которому обратился за помощью его отец.

— Колдун, — догадался наконец Санчо, глядя на Хосуэ. А тот очертил руками круг вокруг головы, изображая, видимо, капюшон, какие носят маги в театре. Хосуэ никогда не был в театре, но где-то слышал, будто бы маги в пьесах именно так и одеваются.

"Да. Отец ненавидел колдунов, но он был умным человеком. Он отдал этому колдуну двух коз. Когда ты вступаешь в мир духов, рядом с тобой должен быть кто-то, знающий законы этого мира. То же самое касается и мира воров".

Санчо задумчиво почесал бородку. Сложно было выразиться более определенно.

"И что же было дальше с этим колдуном, Хосуэ? — спросил Санчо. — Он смог избавить вас от несчастий?"

"Этого мы так и не узнали. На другой день после того, как отец отдал ему коз, пришли белые люди и сожгли нашу деревню".

Проснувшись через некоторое время, Закариас обрадовался решению Санчо и Хосуэ. В предрассветных сумерках они отправились на поиски нового места, которое могло бы послужить им убежищем, опасаясь, что кто-нибудь может их узнать.

— Вот увидите. Это старая таверна, наверху есть помещения для ночлега. Улица тихая, войдя в дверь, нужно спуститься по нескольким ступенькам. Идеальное место, чтобы незаметно входить и выходить.

Когда они пришли, Санчо едва сдержал восклицание. Подробности из описания Закариаса явно наводили на определенный след, но погруженный в мысли о разговоре с Хосуэ, он едва обращал внимание на слепого. Однако оказавшись на месте, он почувствовал, что это имело особый смысл, хотя и не мог понять, в чем он заключается.

Закариас привел их к дверям "Красного петуха".

Отвратительно нарисованная вывеска, о которой в свое время Санчо думал, что художник вместо того, чтобы рисовать петуха, просто обезглавил его над бумагой, была еще на месте, хотя в нижней части не хватало приличного куска. Лестницу покрывала грязь и пыль — нечто немислимое в те времена, когда он здесь работал.

— Что тебе известно об этом трактире? — спросил Санчо.

— Его владелец разорился, и дело пришло в упадок. Такое случается каждый день.

Закариас толкнул дверь, и она тут же открылась. Санчо это удивило, но он сразу всё понял, когда зажег трут, который всегда носил в котомке.

Внутри таверна походила просто на навозную кучу. Мебели не было, вместо нее всё было засыпано щепками — знак того, что кто-то превратил ее в дрова. Лишь таким способом удалось бы избавиться заведение от громадных столов, за которыми когда-то сидело множество завсегдатаев. Земляной пол представлял собой вонючую помойку, у стен высились кучи мусора.

— Ну как тебе, парень? — спросил Закариас. — Выглядит не слишком привлекательно, да?

Санчо удивился, до чего Закариас был доволен, что привел их сюда. Даже если он не мог видеть жуткое состояние трактира, то уж учуять запах гнили точно был способен. Он уже собирался ответить, когда скрип ступеней заставил его положить руку на рукоять шпаги.

— Кто там? — послышался чей-то голос.

— Это я, Закариас. Видишь, привел кое-кого, кто вытащит тебя из нищеты.

Лестница заскрипела еще громче, и Санчо охватила дрожь: он вспомнил, как сам спускался по этой самой лестнице, перед тем как хозяин избил его до полусмерти.

— Черт бы тебя побрал, слепой, надеюсь, оно хоть стоит того? — вновь послышался тот же голос — низкий, грубый, очень знакомый.

В этот миг спустившийся по лестнице человек вошел в круг света, и у Санчо екнуло сердце, когда он его узнал. Даже в тусклом пламени свечи лицо старого трактирщика выглядело ужасно. Его лысина была покрыта струпьями — очевидно, следы падений в пьяном виде. Его бороду, которая теперь казалась больше, покрывали пятна рвоты. Он был обнажен до пояса.

— Кастро? — ахнул Санчо.

Тому понадобилось несколько мгновений, чтобы узнать бывшего работника, который уничтожил все его запасы вина. На миг его глаза сверкнули, когда он различил лицо Санчо через винные пары, а потом немедленно стали излучать ярость.

— Так это ты, шлюхино отродье!

Кастро поднес к лицу пустую бутылку, которую держал в руке, и Санчо отпрянул, но со стороны трактирщика это был лишь отвлекающий маневр. Он тут же опустил голову и ринулся на юношу, как бык на корриде. Санчо отскочил в сторону, а в это время Хосуэ подставил трактирщику подножку, и тот полетел лицом прямо в отбросы. И замер там неподвижно.

— Давайте-ка его поднимем, пока он не задохнулся.

Трут вспыхнул и погас, так что в потемках Санчо не мог увидеть, что же ответил Хосуэ. На ощупь они подняли лежащего Кастро и усадили возле стены, прислонив к ней спиной. Санчо снова попытался зажечь трут, а трактирщик тем временем пришел в себя и снова засопел.

— Будь ты проклят... Тебе мало, что ты сломал мне жизнь? Теперь явился, чтобы меня убить?

— Успокойся, Кастро, — сказал Закариас. — Эти ребята хотят купить твое дело. Они дадут тебе достаточно денег, чтобы ты смог вернуться в родную деревню. Ты ведь давно хочешь пустить корни на родной стороне, не так ли?

— Никуда я отсюда не поеду, — заявил трактирщик. С этими словами он начал заваливаться вправо, и Хосуэ пришлось удержать его за плечо, чтобы он не рухнул в грязь. — Я здесь как в раю.

— Что с тобой случилось, Кастро? — спросил Санчо. — Как ты докатился до такого?

— Я занял денег, чтобы восстановить то, что ты разрушил. Думал, что смогу выкарабкаться, но потом дела пошли совсем худо. Так что это всё, что у меня осталось.

— Я мог бы купить твое дело.

— Да ну? И сколько ты мне заплатишь? Ты же беден, как церковная крыса.

Молодой человек полез в котомку, висевшую у него за плечами, и вынул оттуда золотую

диадему.

— Эта вещица стоит по меньшей мере пятьсот эскудо.

Он отдал диадему в руки Кастро, и тот недоверчиво осмотрел драгоценность. Даже в скудном свете трута, она так блестела, что отсветы наполнили всё помещение. Услышав предложение Санчо, Закариас схватил молодого человека за плечо.

— Ты что творишь? Это уже слишком, — прошептал он ему на ухо напряженным от жадности голосом. — Это место так много не стоит.

— Я виноват перед ним, Закариас.

— Но это и моя добыча.

— Ты получишь гораздо больше.

Санчо вырвался из цепких рук слепого. Между тем, трактирщик, не обращая внимания на спорящих, долго любовался сияющей диадемой, но в конце концов с нескрываемым отвращением швырнул ее Санчо.

— Ну и что прикажешь с этим делать? — возмутился он. — Я всё равно не смогу продать эту штуку: меня тут же схватят и повесят как вора. К тому же я не отдам свою таверну. Я хочу здесь умереть.

— Если ты и дальше будешь столько пить, этого не придется долго ждать, — раздраженно бросил Закариас.

— Хватит уже, — прервал его Санчо. Он хотел убедить Кастро, но в то же время чувствовал свою вину за то, что с ним произошло.

— Может, вы уйдете уже и дадите мне спокойно выпить?

Внезапно Санчо осенило.

— Кастро, кто дал тебе деньги, чтобы восстановить твой винный погреб?

Трактирщик отвел взгляд, злясь на самого себя.

— Один ростовщик по имени Карбахаль, — признался он. — Потом я узнал, что эта жирная свинья работает на главаря всех севильских бандитов. И с тех пор, стоило мне чуть-чуть задержать выплату, как он присылал ко мне своих молодчиков, и те начинали меня трясти. В конце концов мне пришлось продать всё, что у меня было. Сейчас весь долг уже выплачен, но и клиенты ко мне не идут, — закончил он с кривой усмешкой, разводя руками. — И всё это по твоей милости.

Санчо кивнул. Теперь он принял окончательное решение.

— Ты прав, — сказал он. — Я теперь и сам понимаю, что поступил нехорошо. Поэтому я хочу предложить тебе сделку. Мы поможем тебе отстроить таверну, а ты предоставишь нам убежище на ближайшие месяцы. Есть у нас тут в Севилье одно дельце.

— Что еще за дельце?

— Мы собираемся покончить с Мониподио.

Закариас раздраженно вздохнул, а Хосуэ в тревоге поглядел на Санчо. Юноша не обратил на это внимания, он был слишком занят оценкой того эффекта, который произвели на Кастро эти слова. Старый трактирщик не шевельнул и мускулом.

— Когда мы покончим с этим делом, мы дадим тебе столько денег, что ты сможешь завести хоть десять таких погребов, еще лучше, — убеждал его Санчо.

— Покойники не платят долгов, — возразил Кастро.

— Никто из нас не собирается умирать.

Кастро моргнул при виде такой наглой уверенности Санчо. Он сжал кулак и поднес его к лицу с угрожающим видом, Хосуэ сделал шаг вперед, чтобы его схватить, но Санчо жестом

его остановил. Трактирщик вскинул руку, чтобы нанести удар, но заметив, что юноша даже не отклонился, опустил ее.

— Если ты хочешь, чтобы я вас принял, ты должен извиниться, — настаивал трактирщик.

— Ты избил меня до полусмерти за какие-то жалкие пятнадцать мараведи, Кастро.

— А ты погубил вина на целую сотню эскудо.

— Те побои заслуживали, чтобы ты получил урок.

— Ученикам необходима дисциплина!

— В таком случае, мы можем примириться.

Трактирщик покачал головой.

Я почти два года пил дрянное пойло, вспоминая те прекрасные вина, которые ты превратил в грязь, мерзавец, — Кастро изобразил грустную улыбку, больше похожую на гримасу. — Временами я мечтал о том, что лучше бы ты воткнул в меня тот нож, что оставил у тюфяка.

Он развернулся, собираясь подняться по лестнице, но его остановил голос Закариаса.

— Кастро, советую тебе принять предложение мальчишки. Или у тебя есть лучшие варианты?

— Ты же сам знаешь, что нет, слепой. Удача повернулась ко мне спиной.

— А я всегда говорю: если удача повернулась спиной, хватай ее за задницу!

Кастро запрокинул голову и сухо расхохотался, разрядив этим напряженную атмосферу. Он взглянул на Санчо, протянувшего ему руку, подошел к нему и крепко ее пожал. Это было удивительное мгновение.

— На сей раз ты уж лучше не разлей мое вино, парень.

В ту же ночь Санчо и Хосуэ ненадолго вышли, оставив слепого в "Красном петухе". Тот робко запротестовал, но слишком устал, чтобы последовать за ними. Двое друзей вернулись через несколько часов. Они преподали чистый и бескровный урок парочке фальшивых монахов, которые вечером попрошайничали на улицах. Санчо позаботился о том, чтобы не причинить им вреда, и оставил ясное доказательство своих намерений. Он улыбнулся, представляя, что почувствует Мониподио, прочитав этот исписанный большими буквами клочок бумаги.

В следующие дни они работали без устали. Дневное время Санчо и Хосуэ посвящали уборке замусоренной таверны. Это оказалось гораздо более сложной задачей, чем они представляли, в особенности учитывая, что ночью они едва имели время на отдых. Но через три дня им удалось привести первый этаж в приличный вид, вычистив его и поставив на место столов походные кровати.

Поскольку Санчо и Хосуэ хотели остаться незамеченными, необходимыми покупками занялся Кастро, эту задачу он выполнил с удивительной скоростью. С заполненной заново кладовой, с новым земляным полом в таверне и с перспективой через несколько месяцев вернуть к жизни свое предприятие, настроение Кастро резко переменялось. Цвет его лица потерял трупный оттенок, что помогло Санчо избавиться от чувства вины. Кастро разговаривал громким голосом и двигался быстро, словно человек, очнувшийся от дурного сна и пытающийся прогнать кошмары. Он занялся готовкой и, похоже, не успел потерять этот навык. Хотя поначалу он не хотел делить плиту с Хосуэ, негр тут же показал ему, что был рожден, чтобы превращать продукты во вкуснейшие блюда, и между ними зародились некие узы.

— Черт побери, парень. У тебя золотые руки, — только лишь и сказал Кастро. Хосуэ кивнул. Через несколько дней оба превосходно сработались.

Но самое главное заключалось в том, что слепой обещал пополнить отряд Санчо еще двумя членами. Закариас представил их спустя три дня после нападения на дом Сундучника.

Они явились, когда Санчо только что проснулся, приближалось время обеда. Когда он подошел, оба медленно поднялись — молодые, смуглые, ростом на ладонь ниже Санчо, они были похожи друг на друга, как две капли воды. Оба были босиком и очень бедно одеты.

— Это Матео и Маркос, — сказал Закариас, указывая на близнецов, которые учтиво кивнули в ответ. — Оба превосходно владеют ножом и умеют держать язык за зубами.

Санчо пристально поглядел им в глаза.

— Надеюсь, Закариас предупредил вас, что я не хочу никого убивать?

— Да, предупредил, хоть я и не могу понять, почему, — сказал правый из близнецов, оказавшийся Маркосом; в скором времени Санчо научился отличать его от брата по шраму на подбородке. — У нас к нему тоже имеется свой счет. Вот только что это за месть — без кровопролития?

— И что же Мониподио вам сделал?

— Убил нашего отца, — ответил Матео. — Много лет назад. Наш отец был одним из его телохранителей. Мы так и не узнали, почему Мониподио его убил.

Маркос опять перебил брата. Похоже, такова была их манера разговаривать, словно каждый заранее знал, что скажет другой.

— Мы лишь знаем, что ему перерезали глотку, хотя нам не особенно это и важно. Мы выросли на мельнице, под присмотром тети. Всю жизнь мы ждали, когда наступит этот миг, чтобы вернуть подлецу то, что он сделал нашему отцу.

Санчо потер глаза, поскольку до сих пор не отошел от сна и пребывал в плохом расположении духа, толком не выспавшись. Эти молодые люди выглядели решительными и имели вполне справедливые причины для того, что задумали. Санчо нахмурился, осознав, что они, видимо, на пару лет старше него, однако он обращается с ними, как с детьми.

— Полагаю, вы в курсе, что ваш отец был головорезом и убийцей, — заявил он, пытаясь их спровоцировать.

Близнецы бросили на него яростный взгляд, но промолчали.

— Хотите стать такими же, как отец? Это возможно. Тогда, скорее всего, и закончите как он — мертвыми и брошенными в канаве. К такому пути ведет кровопролитие. Однако если вы достаточно умны и присоединитесь к нам, то сможете отомстить. Не так, как мечтали, но обещаю, что вы будете удовлетворены, — произнес Санчо с загадочной улыбкой.

— Почему ты не хочешь, чтобы мы его убили?

— Потому что это моя банда, и правила здесь мои. А уж согласны вы подчиняться им или нет — вам решать.

Оба окинули его понимающими взглядами, и Маркос продолжил:

— Хорошо, будь по-твоему.

— Вот и отлично. Покажите, что вы умеете.

Близнецы вытащили пару огромных навах длиной с подметку башмака и открыли их с металлическим лязгом. Они стали наматывать круги, нанося друг другу совсем не притворные порезы. Один вырвал клочок из рубаки Матео, а тот, в свою очередь, стукнул брата локтем в лицо. Несмотря на силу удара — на скуле Маркоса тут же начал наливаться синяк

— тот не дрогнул и немедленно бросился в новую атаку, от которой Матео едва уклонился.

Движения обоих были столь же синхронны, как и их разговор, и такие же незамысловатые. Санчо прежде никогда не оценивал других фехтовальщиков, но хладнокровие, с которым близнецы обращались с ножами, было знаком, что они знали свое дело, как говаривал маэстро Дрейер. Санчо понял, что близнецы были прирожденными бойцами, вероятно, унаследовав эту черту от отца. Если бы они не выросли на мельнице, если бы отец обучил их военному делу, то они стали бы грозными фехтовальщиками. Но тогда у Санчо не оказалось бы двух людей, необходимых для осуществления его рискованных планов.

"Конечно, если я заставлю их подчиняться приказам".

— Довольно, ребята.

Оба замерли, тяжело дыша.

— А теперь я объясню, как мы отомстим за вашего отца.

Вернувшись в дом Монардеса, Клара испытала странное чувство. Никогда прежде ей не доводилось бывать в доме, который принадлежал бы лишь ей одной.

Официально дом еще ей не принадлежал, поскольку завещание должны были утвердить лишь через несколько дней, но она отказалась от предложения адвоката ночевать в его доме, пока всё не будет улажено. Хотя тот казался честным человеком, Клара уже достаточно настрадалась с Варгасом. С этого мгновения она никому не позволит к себе прикоснуться.

В тот день, когда умер лекарь, Клара не знала, кому оставить ключ от главной двери, но не осмелилась взять его с собой, и потому спрятала его в трещине в стене сада, прикрыв палой листвой.

Первым делом она побежала в сад, боясь увидеть, что с ним произошло. Некоторые растения не пережили жару этой недели, сморщились и увяли. Клара несколько часов изо всех сил боролась за их жизнь, наполняя канавы и систему орошения, таская из колодца ведро за ведром и отрезая засохшие стебли. Многие растения она спасла, но другим помогать было уже поздно. Самой болезненной потерей стала редкая и незаменимая касения, семена которой прибыли в Севилью из Азии, присланные одним знакомым старого лекаря.

Стоя в саду на коленях с покрытым землей лицом и засушенным растением в руках, она горько разрыдалась. Клара поняла, что плакала не только по растению, но и по себе.

"Что будет со мной? — думала Клара. — Как я смогу со всем этим справиться в одиночку?"

Она спрашивала себя, не совершила ли глупость, может, адвокат был прав, когда советовал ей остаться в доме Варгаса, где у нее была постель и пища. Ей просто нужно было раздвинуть ноги. В этом не было ничего такого уж кошмарного, это делали многие женщины. Она никогда не соберет деньги, которые Варгас требовал за ее освобождение. Только навлечет на свою голову неприятности, после чего придется униженной и голодной вернуться к хозяину.

Но не это раздирала душу Клары. Она боялась отказаться от своего намерения чего-то добиться в жизни, стать не такой, как все. Ей хотелось самой принимать решения. И она не может отступить.

"Как бы ни был труден путь, он ведет к свободе".

В ту ночь она так и не смогла лечь в спальне Монардеса. В комнате еще стоял едкий и горький запах покойника, и Кларе пришлось открыть все окна, чтобы спальня хорошо проветрилась. Другой кровати в доме не было, но сейчас это не имело значения. Ночь выдалась ясной и теплой. Клара расстелила в саду коврик и уснула на нем, закутавшись в аромат пряных растений, под пологом звездного неба.

В следующие дни она развела бурную деятельность. В доме не было еды, но Монардес хранил мешочек с горстью дукатов под плитой пола в своей спальне. Клара взяла часть денег, чтобы наполнить кладовку, но как бы она ни экономила, этого едва хватило бы на пару месяцев. А кроме того, ей предстояло много других расходов, если она хотела поддерживать предприятие на плаву. Ей нужно как можно быстрее начать зарабатывать.

Прежде всего нужно было изменить внешний вид лаборатории. Хотя она была весьма

удобной, из-за того, что Монардес хранил там основную часть инструментов, помещение приобрело мрачный вид. Для лекаря это было вполне приемлемым и даже желательным, но Клара не обманывалась относительно того, что скажут люди, если обнаружат ее среди реторт и колб. Она прекрасно помнила предупреждение Монардеса про инквизицию. Клара устроила лабораторию в комнате, которая раньше иногда служила кухней, со столом гораздо меньшего размера, который подошел не хуже, чем большой, стоило только всё как следует организовать.

Этот огромный стол стал одной из главных проблем. Клара не могла поставить его в нужное положение, так что после многократных бесплодных попыток, потная и усталая, она обратилась к плотнику. Она заплатила ему два реала, чтобы разделил стол надвое и приделал дополнительные ножки.

— Я не уверен, что ты хочешь именно этого, голубушка, — со снисходительной улыбкой сказал плотник. — Было бы преступлением губить такую превосходную мебель. Вот если бы ты заплатила на парочку реалов больше...

Эти слова привели Клару в ярость. Ну почему все кругом думают, что знают всё лучше нее?

— Либо вы сделаете, как я говорю, либо я поищу другого плотника, — решительно остановила она его речь.

После этого мужчина и парой слов с ней не обмолвился, но Клара должна была признать, что он сделал всё на славу. Одну половину стола она вытащила в сад, поставив под выступом крыши. Там он пригодился бы для рассады особенно привередливых растений в маленьких горшочках или для черенкования. Так ей не придется столько раз нагибаться.

Вторую половину она передвинула поближе к двери, вместо прилавка. Высокий и очень широкий стол было нелегко перепрыгнуть или обойти, так что он служил защитой от того, кто войдет в лавку с дурными намерениями.

Именно таков был план Клары. Лекарь всегда держал дверь закрытой и не впускал никого без тщательного осмотра клиента. Он не давал советов или снадобий, если не знал, кто их просит, а в особенности, что сможет заплатить. Клара же, напротив, хотела сделать открытую лавку, куда мог зайти любой, как к мяснику или булочнику. Монардес предложил ей стать аптекаршей, так она и собиралась поступить. Прежде всего лавка должна приобрести респектабельный вид.

Клара открыла окна, впустив в помещение свет, подмела пол и всё вычистила, потом накрыла прилавок новой тканью синего цвета, на которую потратила приличную часть оставшихся денег. По углам стола она поставила банки с самыми распространенными травами, чтобы легко можно было до них дотянуться, и в пределах досягаемости положила нож, чтобы защититься от воров. Она написала большими буквами список с ценами на снадобья и прикрепила его к стене на уровне глаз клиентов.

И когда наконец все было готово... никто так и не появился.

Первые дни после открытия аптеки были мучительными. Открытые двери означали, что Клара должна бросить все дела, если кто-нибудь появится, так что она не могла работать в саду. Эти задачи она оставляла на раннее утро или поздний вечер, но, с другой стороны, это всё равно было самое лучшее время для полива, чтобы солнце не обожгло листья растений. Скучая, девушка сидела у прилавка с книгой в руке, на которую едва обращала внимание. Она не сводила глаз с освещенного прямоугольника двери, где видела проходящих мимо людей. Некоторые любопытные бросали взгляд внутрь, но не более.

Клара заказала другому плотнику — не столь разговорчивому, как первый — вывеску с надписью "Аптека" в рамке из веточек укропа в качестве опознавательного знака. Однако за целую неделю единственным человеком, посетившим ее аптеку, был адвокат дель Валье, который принес документы. Он спросил за свои услуги один эскудо, и девушка, весьма смущенная, вынуждена была попросить его об отсрочке.

— Вы даже не представляете, как мне жаль... После того, что вы для меня сделали...

Дель Валье казался немного раздраженным тем, что ему пришлось потратить этот эскудо из собственного кармана, но благородным жестом попытался это скрыть.

— Не стоит беспокойства, после рассчитаемся. Лучше расскажи, как идут дела?

— В том-то вся и проблема, дон Мануэль, что совсем не идут. Если так и дальше пойдет, я просто умру с голоду.

Старый адвокат пожал плечами и галантно приподнял шляпу.

— Вот увидишь, всё наладится. Это вопрос времени, люди узнают о твоей аптеке. Первые клиенты — самые сложные, с ними ты должна обращаться самым лучшим образом, потому что они расскажут о тебе остальным.

Визит адвоката не слишком облегчил тревогу Клары. Наоборот, разговор с единственным человеком за несколько дней лишь усилил ее чувство одиночества. Она поняла, что осталась совершенно одна.

Под влиянием порыва Клара вышла на улицу. Ей нужно было с кем-нибудь поговорить, чтобы избавиться от этого тревожного чувства. Она прошла мимо прилегающих лавок, поприветствовав нескольких человек, которых знала в лицо, но ни разу не перебрасывалась и парой слов, и заметила, что некоторые отвели взгляд, что ее удивило. Никто не поприветствовал ее в ответ.

Чем дальше она шла, тем больше недоумевала, глядя, как при виде ее мрачнеют лица прохожих. Она заглянула в пекарню, хотя сегодня ей вовсе не нужен был хлеб. На днях она купила несколько буханок, и они теперь хранились у нее в шкафу, завернутые в полотно. Так что хлебом она была обеспечена на целую неделю, и в пекарню зашла лишь для того, чтобы хоть немного развеять охватившую ее тревогу.

За прилавком стоял человек, которого Клара посчитала хозяином. Когда она сказала, что хочет купить хлеба, он вручил ей небольшой, еще горячий хлебец. Корочка слегка хрустела, хлебец источал такой аппетитный и мягкий запах, что у девушки забурчало в животе.

— Шестнадцать мараведи, — сказал пекарь.

— Как дорого, — ахнула она, пораженная. С тех пор, как она приходила в последний раз, цена выросла на целых четыре мараведи.

— Пшеницы нигде не достать, — пожал плечами пекарь. — Скоро мне придется подмешивать в тесто отруби.

Клара полезла в сумку, делая вид, будто ищет деньги, и при этом набираясь мужества, чтобы начать разговор, ради которого, собственно, она сюда и пришла. Несмотря на то, что она и прежде каждый день ходила по этой улице, делая покупки по поручению лекаря, по складу своего характера она была отнюдь не склонна болтать с каждым встречным. И тех, кто плохо ее знал, она и в самом деле могла оттолкнуть своим мнимым высокомерием. И сейчас она задавалась вопросом: не по этой ли причине люди ее избегают? Но если это и в самом деле так, то почему же они раньше вели себя иначе?

— Меня зовут Клара, я живу в старом доме Монардеса. Видите ли, я держу аптеку, и для

начала...

— Я знаю, кто ты такая, — оборвал пекарь. — Но меня это не касается. Здесь никто никогда и ничем не болеет.

Он сгрел в кулак медяки, которые Клара выложила на прилавок, и демонстративно отвернулся.

— Но...

— Никому здесь не нужны твои травы! — крикнул изнутри пекарь. — Убирайся!

Клара стояла в полном замешательстве, чувствуя себя униженной до глубины души. Она беспомощно огляделась вокруг в поисках человека, который мог бы ей объяснить, что же происходит. В дальнем углу какая-то женщина средних лет месила на прилавке тесто. Ее руки были запорошены мукой. Каждый раз, когда она бросала ком теста на доски прилавка, вверх поднималось облако мучной пыли, которая оседала на лице женщины, делая ее похожей на привидение. Только черные глаза оставались живыми на ее мертвенно-белом лице, прожигая насквозь, точно угли. Кларе показалось, что эта женщина кого-то ей напоминает.

— Люди нынче ходят к аптекарю на улице Кровельщиков, — пробормотала она сквозь зубы, словно боялась, как бы хозяин потом не устроил ей взбучку за то, что говорила с Кларой.

— Но это же на другом конце города!

— В городе не так много мест, где можно купить лекарства.

— Но они могли бы их купить у меня.

— Никто и близко не подойдет к твоей аптеке. Люди боятся. На днях в нашем квартале появился некто и пригрозил, что выколет глаза первому человеку, кто купит у тебя хоть что-нибудь.

Клара была прямо-таки ошарашена, услышав эти слова. На ум ей пришел лишь один человек: кто еще мог бы оказаться способен на подобную дикость?

— Это был такой здоровенный белобрысый тип? — спросила она. — С длинными усами и огромной шпагой?

— Да, он самый. И он еще говорил с фламандским акцентом.

Гроот. Если он был здесь — значит, его прислал Варгас. Этот негодяй не собирается оставлять ее в покое.

— Не может быть, — прошептала Клара.

— Кроме того, многие люди и так не пошли бы в твою аптеку, даже если бы им никто не угрожал. Просто потому, что ты женщина.

Девушка подняла голову и посмотрела на булочницу. Она никак не могла поверить в то, что только что услышала. Да, она знала, что подобное мнение весьма распространено среди мужчин, но ведь женщины обычно друг друга поддерживают. А потому холодное презрение, с которым булочница бросила ей в лицо эти слова, ранило ее до глубины души — ранило так больно, что она готова была перепрыгнуть через прилавок и вцепиться ей в волосы. В то же время, она вдруг увидела в глазах этой женщины что-то очень знакомое. Это были глаза человека, изрядно побитого жизнью и растерявшего все свои иллюзии. Такие люди обожают изливать горечь собственных разочарований на тех, кто моложе. Несомненно и то, что необычайная красота Клары тоже сыграла свою роль, вызвав у этой женщины приступ черной зависти.

— Вы тоже женщина, — только и смогла ответить Клара.

— Но моим хлебом в любом случае нельзя отравиться. А вот насчет твоих трав я не поручусь. Откуда мне знать, что ты мне дала: тысячелистник или кассию? А раз так, то я не желаю, чтобы из-за твоей ошибки пострадали мои дети. Мужчины в таких вопросах более надежны.

И тут Клара наконец поняла, кого ей напомнил озлобленный взгляд булочницы. Собственную мать.

Она вышла из пекарни без единого слова, проглотив свою ярость, и вернулась в шумную толпу на улице, когда уже занимался вечер. Дни стали прохладней, возвестив о медленном и тихом приближении севильской осени.

Клара была в такой ярости, что даже не узнавала двигающихся навстречу людей, не замечала, куда идет. Когда до нее дошло, что она всё еще сжимает в руке злополучный хлебец, ей стало настолько противно, что она отшвырнула его прочь. Правда, она тут же пожалела об этом, однако было уже поздно. Из-за груды разбитых ящиков выскочил какой-то полуголый мальчишка и набросился на хлеб. Он уже собирался затолкать его в рот, когда из-за тех же ящиков выскочил другой мальчишка и ударил его кулаком по носу. Первый мальчик громко заревел, кровь закапала на хлеб, но драчун не побрезговал даже этим, выхватив еду у него из рук. Тут из-за ящиков выскочили еще несколько мальчишек и принялись остервенело драться за несчастный хлебец. В мгновение ока они сожрали его без остатка, а первому малышу достались лишь упавшие на землю жалкие крохи. Кровь по-прежнему капала у него из носа, а сам он жалобно плакал.

— Эй, мальчик, поди-ка сюда! — окликнула его Клара.

Мальчик взглянул на Клару испуганными глазами и уже готов был убежать, но девушка успела схватить его за руку. Она всегда носила с собой в сумке кусок белого полотна — на тот случай, если вдруг понадобится что-нибудь завернуть. Теперь она достала это полотно, чтобы утереть кровь из разбитого носа мальчишки. Заодно она на всякий случай потрогала пальцами его переносицу: по крайней мере, перелома не было.

— Запрокинь голову назад, — велела она. — Вот так. А теперь подожди, сейчас кровь остановится.

Остальные дети спрятались в ближайшем переулке, едва завидев ее издали. Клара внимательно оглядела мальчика. На вид ему было не более семи или восьми лет. У него были большие миндалевидные глаза, а сам он был настолько худеньким, что можно было пересчитать все косточки.

— Когда ты ел в последний раз? — спросила Клара.

— Вчера, — ответил мальчик, пожав плечами. — Нам повезло найти картофельные очистки.

— Это были твои друзья? — снова спросила она.

— Да. Мы пришли сюда, чтобы понюхать, как пахнет хлебом. Я уже могу идти?

Тяжело вздохнув, Клара запустила руку в сумку и вынула последний серебряный реал. Это было всё, что у нее оставалось от запасов Монардеса.

— Погоди. Видишь монету?

Мальчик кивнул, не в силах оторвать глаз от монетки.

— Так вот, я хочу, чтобы ты пошел в пекарню и купил буханку хлеба. Один Бог ведает, сколько она сейчас стоит. Так вот, съешь ее сам, а если останутся деньги, спрячь их, а завтра купи себе еще хлеба. Ты меня понял?

Мальчик, не веря своим глазам, крепко сжал в руке серебряный реал и бросился к

пекарне, даже не оглянувшись и не сказав спасибо.

Нет, Клара отнюдь не обольщалась. Она понимала, что ее благодеяние, скорее всего, окажется бессмысленным. Едва ли этот ребенок переживет зиму, но теперь, по крайней мере, ей не придется виновато отводить глаза, глядя на этих мальчишек. С каждым днем всё больше и больше детей оказывалось на улицах, вынужденные попрошайничать после смерти родителей.

Она поняла, что дети прятались у пекарни, просто чтобы обмануть свои желудки запахом свежее испеченного хлеба. Ярость, с которой они дрались за кусок хлеба, ее ошеломила. Это была настоящая нужда людей, которые не имели совершенно ничего. Клару вдруг молнией пронзила мысль, что она может закончить так же, как эти ребяташки, если не добьется того, чтобы в аптеку начали приходить клиенты.

Либо она будет голодать, либо придется вернуться к Варгасу.

Никогда в жизни ей еще не было так страшно, никогда она не чувствовала себя такой беспомощной.

На следующий день Клару посетили два человека.

Каждому из них предстояло навсегда изменить ее жизнь, вот только она об этом пока не знала. Обоих этих людей она менее всего ожидала увидеть в своей аптеке. Первый гость пришел ближе к вечеру, когда Клара уже собиралась закрыть аптеку и заняться садом, которым пренебрегала уже второй день. Она читала "Анатомию человека" итальянца Ачиллини в вольном переводе на кастильский. Монардес в свое время пытался обучать ее латыни и арабскому языку, на которых была написана большая часть медицинских трактатов, но особых способностей к языкам у нее не обнаружилось. Лекарь приходил в отчаяние, глядя, как Клара, знающая на память более полусотни рецептов, не может затвердить всего-то три латинских склонения.

К счастью, самые важные книги можно было найти и на испанском, и Монардесу удалось разыскать и купить некоторые из них. Таким образом, Клара, избавленная от языкового барьера, могла их читать и перечитывать десятки раз. Этот трактат по анатомии был одним из ее любимых. Она была настолько поглощена чтением, что даже не заметила, как кто-то вошел в аптеку, пока гостя не заговорила.

— Могу тебя заверить, что сей предмет весьма редко достигает таких размеров.

Клара подняла глаза от книги. Она была открыта как раз на той странице, где помещалась иллюстрация, на которой во всех подробностях был изображен человеческий пенис в состоянии покоя и в состоянии эрекции. Иллюстрации сопровождались текстом, повествующим о том, как вышеназванный орган переходит из одного состояния в другое; описания подтверждались теориями самых разных светил науки — от Аристотеля до Авиценны. Однако ни один из них не смог бы объяснить, почему Клара так покраснела, поспешно захлопнув книгу и поднимаясь навстречу гостю.

Солнечный свет из выходящего на улицу окна оставил лицо гостя в тени, и Кларе сперва показалось, что перед ней, очевидно, булочница, поскольку лицо женщины было осыпано мукой. Однако, приглядевшись, Клара поняла, что ошиблась, и белый порошок, которым было покрыто лицо женщины, лишь казался мукой, а на самом деле это была пудра — особое вещество, при помощи которого женщины наводили красоту. Бледность кожи была главным признаком аристократизма, она говорила о том, что дама не работает в поле, и ее лица не касаются солнечные лучи, в то время как медный загар, как у молодой аптекарши, свидетельствовал о принадлежности к низшему сословию.

Разумеется, эта женщина не имела никакого отношения к аристократии. И, хотя разглядывать человека в упор, безусловно, неучтиво, однако Клара ничего не могла с собой поделать и продолжала пожирать гостью изумленными глазами. Наряд незнакомки был весьма броским, даже кричащим; словно она всеми силами стремилась привлечь к себе внимание. Чего стоило одно лишь темно-зеленое платье, расшитое цветами и с глубоким декольте. От женщины исходил удушающий аромат розовой воды; Клара, правда, не сразу обратила на это внимание, ведь в ее аптеке соперничали друг с другом самые разные запахи. В целом гостя выглядела настолько причудливо, что Клара даже затруднялась определить ее возраст: ей могло быть и двадцать, и сорок лет.

Контраст наряда гости с ее собственным простым темно-коричневым платьем —

единственной одеждой Клары — оказался настолько разительным, что девушка едва справилась с искушением расправить юбку, положив на стол обе руки.

— Ну что, налюбовалась? — спросила незнакомка, скорчив забавную рожицу.

— Простите, сеньора, — потупилась Клара, еще больше смутившись. — По правде сказать, нечасто мне приходится видеть...

— Видеть таких, как я, ты хочешь сказать? — холодно перебила гостья.

— Нет, людей вообще. Возможно, мне не следовало бы этого говорить, но вы — моя первая клиентка за те две недели, как я открыла свою аптеку. Чем могу служить?

От этих слов тон гостьи немного смягчился.

— Ну что ж, в таком случае... Честно говоря, мне нелегко говорить об этом, девочка, хотя всем известно, что Манжетка за словом в карман не лезет.

Клара ответила ей дружелюбной улыбкой. Много раз она видела, как Монардес беседует с пациентами, и поэтому хорошо знала, в чем заключается одна из главных трудностей в работе лекаря. Дело в том, что пациенты далеко не всегда правдиво описывают симптомы болезни: либо потому, что стесняются, либо потому, что и сами подмечают далеко не всё. Например, Монардесу иной раз приходилось задавать пациенту самые разные вопросы, порой весьма щекотливые, чтобы точно определить болезнь, наличие которой он подозревал. В результате больные все больше нервничали, а некоторые даже покидали его дом, яростно хлопнув дверью. Однако гордый лекарь лишь пожимал плечами.

— Это мой дом, и правила здесь мои. Они еще вернуться.

В большинстве случаев так и случалось, но Клара не привыкла к подобной манере поведения. Молодая рабыня, постоянно живущая под гнетом своего положения, как никто другой знала, что слова могут быть столь же болезненными, как нарыв или сломанная кость. Страдания можно облегчить еще и дружелюбием. Когда она поделилась этими мыслями с лекарем, тот раздраженно отправил ее наполнять бадьи водой. Но, видимо, какие-то из ее слов запали лекарю в душу, потому что с тех пор Клара заметила, что он пытается вести себя с пациентами мягче.

— Проходите, садитесь, пожалуйста, — предложила Клара посетительнице.

Та, похоже, поначалу хотела обойти прилавок, но потом передумала. Клара подвинула ей стул и села напротив.

— Мы здесь одни, так что вы можете говорить свободно. Признайтесь, ваша проблема... Скажем так, интимного характера?

— Интимного характера? — повторила та, немного растерявшись. — Да нет, интимного характера скорее мое ремесло, но то, зачем я пришла, не имеет к нему никакого отношения.

Это не особо помогло. Клара пожевала губу, пытаясь найти способ вытянуть что-то из клиентки. Теперь она гораздо лучше понимала Монардеса.

— Мне бы хотелось понять — хотя бы в самых общих чертах — что же привело вас сюда? Например, не могли бы вы мне назвать ваше имя и рассказать, чем вы занимаетесь?

— Меня зовут Лусия, а фамилии у меня нет, поскольку меня подкинули к дверям церкви, но все называют меня Манжетка. А что касается моего ремесла, то об этом не принято говорить в приличном обществе, девочка. Неужели не поняла, разглядывая меня во все глаза, когда я вошла?

— Ну, возможно, вы — знатная дама, а возможно... — неуверенно начала Клара, продолжая при этом внимательно рассматривать гостью. Безвкусное платье, пудра на лице, сомнительное замечание относительно размера пениса, брошенное ею с таким усталым

цинизмом, словно ей на своем веку довелось повидать немало подобных вещей. Клара даже мысленно обругала себя, что не догадалась раньше, ведь все признаки так и лезли в глаза. — Ах, да! — воскликнула она наконец. — Понимаю.

Женщина издала странный звук, нечто среднее между хохотом и удивлением.

— Просто не могу поверить! — воскликнула она. — Право, я недооценила тебя, душенька. Я-то думала, ты такая же надменная стерва, как и все остальные, а ты оказалась невинной, словно птенчик. Только будь осторожна, как бы тебе не вывалиться из гнездышка! Кстати, как ты оказалась в подобном месте? Смотри, не перепутай клещевину с ромашкой!

Она почти повторила слова булочницы, но, как ни странно, Клара не обиделась. Она понимала, что шлюха лишь пытается побороть свое смущение и, возможно, немного оттянуть время, прежде чем рассказать о своей беде. Для женщины ее профессии, у которой совсем не осталось ничего личного, было настоящей отрадой наткнуться на подобное сдержанное поведение.

— Сеньора... — поторопила ее Клара.

— Не называй меня сеньорой, я от этого кажусь себе слишком уж важной. Как тебя зовут?

— Меня зовут Клара. Скажите, что у вас стряслось?

Манжетка наклонилась вперед и прошептала что-то Кларе на ухо, та кивнула в ответ, немного обеспокоенная.

— Когда был последний раз?

— На прошлой неделе, душенька моя. Твердый, как камень, и еле вышел.

— Подождите минутку.

Клара прошла в небольшую лабораторию, смежную с помещением аптеки, и достала жаровню, штатив и ковш. Всё это она установила на письменном столе, затем вскипятила воду и бросила в нее по шепотке снадобий из нескольких банок. Потом сняла смесь с огня и дала настояться, пока смесь не приобрела зеленовато-коричневый цвет. Затем процедила отвар в глиняную чашку и протянула Манжетке, которая всё это время с недоверием за ней наблюдала.

— Что это такое? — спросила она.

— Корень цикория, цветы календулы и толченое семя подорожника. Пейте маленькими глоточками, пока не остыло.

Пока женщина пила горячий отвар, Клара вышла в сад и вскоре вернулась, неся в руках несколько больших широких листьев.

— А это еще что такое? Я что, должна их жевать? Ты считаешь меня коровой?

— Это? Не обращайтесь внимания. Скажите, не могли бы вы остаться здесь еще ненадолго, мне хотелось бы с вами поговорить. По правде сказать, последнее время я чувствую себя такой одинокой.

Манжетка была весьма польщена и с большой охотой поведала Кларе о своей жизни. В том, что не касалось ее болезни, она оказалась весьма красноречивой, рассказав Кларе о своем детстве, проведенном в приюте, откуда она сбежала, когда ей было двенадцать. И пока она рассказывала, Клара разглядела за броским безвкусным нарядом и толстым слоем грима живого человека, она поняла, что всё это — не более чем броня, за которой Манжетка пыталась укрыться, чтобы сохранить остатки достоинства. Ее история, при всей своей трагичности, в эти времена была не столь уж редкой. Несчастливым девушкам, не имевшим ни семьи, ни денег и не сумевшим укрыться за спиной мужа или стенами монастыря, не

оставалось иного пути, кроме того единственного, на который ступила бедная Лусия спустя одиннадцать месяцев после побега из приюта.

— Мне не оставалось ничего другого, иначе я бы просто умерла от голода и холода. Я совсем исхудала, моя душенька, стала тоньше сардинки. И вот однажды вечером я постучалась в дверь веселого дома, и девушки приняли меня. Они ухаживали за мной, пока я не окрепла достаточно, чтобы работать.

— А вам было не страшно? В тот, первый раз...

— Когда мне раздвинули ноги? Было противно: уж больно от того сеньора несло жареным чесноком. Но я не боялась. Невинности я лишилась еще раньше, в приюте. Меня изнасиловал один монах, поэтому я и сбежала. Сама видишь, сколько от этого было проку...

Внезапно она замолчала, ее лицо покраснело. С мгновение она сидела неподвижно, недоумевая, что же с ней происходит и почему ей так плохо.

Потом вдруг схватилась за живот и взглянула на Клару умоляющими глазами.

— Пожалуйста... я... мне нужно... — пробормотала она.

Клара сунула ей в руки листья и указала на дверь, ведущую в сад.

— Можно прямо на землю, ничего страшного. Растения будут вам благодарны.

Манжетка направилась в сад, едва сдерживаясь, чтобы не броситься туда бегом. Уж Клара-то хорошо понимала, чего ей стоит сохранить самообладание.

Женщина вернулась через несколько минут; теперь она казалась совсем другим человеком. Она умылась, удалив почти весь грим — ну разве что осталось совсем чуть-чуть пудры возле ушей и вдоль линии волос. Без пудры она выглядела значительно старше, чем могло показаться вначале. Клара определила, что ей, должно быть, далеко за тридцать, хотя она всё еще была по-настоящему красива.

— Я взяла немножко воды из твоего колодца, чтобы освежиться, — призналась гостья, снова усаживаясь рядом с Кларой. — Надеюсь, ты не возражаешь?

— Напротив, я очень рада, что вы это сделали. Но я хотела бы еще кое-что вам сказать. Видите ли, возможно, ваша проблема не ограничивается одним лишь пищеварением. То есть, возможно, это лишь одна сторона проблемы. Скажите, у вас случаются головные боли?

Клара дала ей чистый платок, и Манжетка еще раз протерла лицо, убирая остатки грима, откинув при этом волосы назад, чтобы не мешали.

— Иногда случаются, особенно по вечерам. Но это, должно быть, от усталости. Поди постой целый день под аркой Макарены, при всём честном народе...

— Возможно, здесь кроется другая причина. А не случается ли такого, что вы никак не можете заснуть?

— Душенька моя, при нашей работе особо не разоспишься. Иной раз пьяные гости засидятся до пяти утра, только их выставишь, а уже пожалуйста тебе — рассвет над Гранадой! Так что редкую ночь мне удастся поспать спокойно.

— Я имею в виду, что вы хотите уснуть, но никак не можете?

— Да, бессонница в последнее время изрядно меня донимает. И с каждым разом я чувствую себя всё более измученной.

— Я думаю, что основная причина вашей проблемы — в той пудре, что вы наносите на лицо и грудь. Дело в том, что в эту пудру добавляют свинец, а он весьма губителен для здоровья.

— Но, душенька моя, сколько женщин пользуются этой пудрой! — воскликнула гостья, недоуменно качая головой.

Клара встала, вышла в заднюю комнату и сняла с полки небольшой томик. Эта книга была написана на латыни, а ее перевода найти не смогли; однако Монардес, бывало, читал ей вслух целые страницы из этой книги, где описывалась какая-нибудь странная, никому не известная болезнь. Клара показала эту книгу Манжетке, надеясь, что та поверит ей на слово, и ей не придется читать вслух: Кларе вовсе не хотелось обнаруживать перед гостьей свое полное невежество в латыни. Теперь она чувствовала себя даже в какой-то степени виноватой в том, что слишком уж дешево достались ей знания старого Монардеса, которым поистине не было цены.

— Эту книгу много веков назад написал один древнеримский солдат, ставший впоследствии лекарем. Помимо всего прочего, в ней рассказывается, как люди отравились свинцом, и первые симптомы отравления были такие же, как у вас. Этот металл содержится в вашей пудре и, чем сильнее вы пудритесь, тем больше яда поступает в ваш организм через кожу. Вы должны немедленно прекратить пользоваться этой пудрой.

— Подумаешь — головные боли! — отмахнулась женщина. — Не так уж это и страшно.

— Но смерть намного страшнее, Лусия. Если вы меня не послушаетесь, то скоро умрете.

Проститутка в глубокой задумчивости опустила голову. Девушка увидела, как внезапно задрожали ее плечи, и поняла, что та плачет, изо всех сил сжимая губы, чтобы Клара этого не заметила. Клара подошла и обняла ее за плечи, чтобы хоть немного утешить. Слезы у несчастной женщины хлынули целым потоком, и несколько минут лились, не переставая. Наконец, Манжетка встала и взяла ее за руку.

— Спасибо. За то, что назвала меня по имени, за то, что заботишься обо мне. Ты не представляешь, душенька, что это такое — быть шлюхой в Севилье. Ты не знаешь, что это такое — стоять на панели, а желторотые мальчишки, у которых даже еще усы не растут, хлещут тебя плеткой, стоит тебе сделать шаг в их сторону. Но самое худшее даже не это, душенька. Хуже всего перемены в тебе самой. Что чувствуешь, когда стоишь в переулке, а какой-нибудь богатый сеньор смотрит на тебя, словно ты кусок мяса, и в конце концов выбирает другую девицу, на десять лет моложе. Вот тогда ты проклянешь самое себя, лишь бы скрыть морщины на лице. Когда уже не помогает ни пудра, ни масла. Если я перестану пользоваться пудрой, то умру еще скорее — умру от голода, душенька моя. Слишком много вокруг пятнадцатилетних девчонок, и неважно, что они в постели немногим лучше ледяных статуй, но зато у них свежие мордашки и крепкие упругие задницы.

Клара не ответила, потому что и не могла возразить против непримиримой реальности, о которой только что поведала Манжетка. Девушка лишь сжала ее руку, пока на лице пациентки не появилась слабая улыбка.

"Моя первая пациентка", — подумала Клара.

— Я приготовлю для вас настой волчьей ягоды от головной боли. И еще то средство, которое давала вам сегодня.

Манжетка обогнула прилавок и осталась с обратной стороны, пока Клара вытаскивала склянки и высыпала травы в бумажные пакетики. Когда всё было готово, женщина потянулась за кошельком и вопросительно посмотрела на Клару.

— Двадцать мараведи — за травы.

— А за твои советы? — Лусия выжидающе приподняла бровь, готовясь услышать цену.

— Я не могу требовать за них платы, — ответила Клара. — Я ведь не врач.

— Я не могу позволить себе услуги врача, душенька. Если бы я обратилась за помощью к священнику, он бы лишь сказал, что мое тело отягощено грехами, и в этом всё дело.

Цирюльник пустил бы мне кровь. И мне страшно подумать, что могло бы случиться, обратись я к другому аптекарю. Не иначе, он дал бы мне тот же самый настой, но не задержал бы меня у себя в доме, развлекая беседой. И тогда бы у меня посреди улицы схватило живот.

Манжетка полезла в кошелек и достала серебряный реал. Это было вдвое больше того, что запросила Клара.

— Столько я беру, когда меня укладывают в постель. Правда, клиентов всё меньше, а половину реала у нас отбирают наши храбрецы-сутенеры. Но черт возьми, неужели твои услуги не стоят по меньшей мере этого? — сказала женщина, мягко положив монету на прилавок.

Клара благодарно улыбнулась. Жест этой женщины был столь великодушным, что Клара не нашлась, что сказать. В тот же миг она позабыла о долгих днях, наполненных одиночеством, и страх, который ощутила при выходе из пекарни накануне днем.

— Заходите, когда вам снова понадобится помощь.

— Подожди немножко. Дело в том, что нас много, и не проходит и дня, чтобы кто-нибудь из нас не захворал. — Женщина с минуту поколебалась, прежде чем продолжить — видимо, боясь отказа. — Мне бы хотелось, чтобы ты навещала нас время от времени. Я, конечно, понимаю, что это не самое подходящее место для порядочной девушки, но по утрам мужчины к нам не заходят, так что...

— С удовольствием, Лусия, — ответила Клара. — Вы мне очень понравились, это правда. И для меня это действительно было бы большим подспорьем. Видите ли, клиенты меня не жалуют, — вздохнула она, кивая в сторону улицы.

— В таком случае, я приду на днях и провожу тебя к нам. Это недалеко, но всё же не дело, чтобы такая конфетка, как ты, шла в "Компас" в одиночку. А сейчас я тебя покину. Уже темнеет, а малышке Манжетке сегодня предстоит немало постельных сражений.

Она направилась к двери, но, едва открыв ее, снова отступила на шаг назад. На пороге возник незнакомый мужчина.

— Так ты говоришь, у тебя нет клиентов? Ну, по крайней мере, один теперь есть, да еще какой красавчик! — женщина улыбнулась и подмигнула новому посетителю, сопроводив улыбку неприличным жестом.

— Сеньора, — поприветствовал ее незнакомец, галантно приподнимая шляпу.

— Приходите в "Компас", ваша честь, и спросите Манжетку, — сказала Лусия. — Вы не пожалеете.

Гость не ответил, лишь молча дожидаясь, пока она выйдет. Уже стемнело, и Клара не могла разглядеть его лица. Тем не менее, ей не давала покоя какая-то смутная тревога. Она разыскала свечу и вставила ее в подсвечник, который держала под прилавком, потому что в аптеке царил полумрак.

— Чем могу служить? — спросила она, пытаясь зажечь свечу.

— Я сам себя обслужу, — ответил незнакомец, закрывая за собой дверь.

Он твердым шагом подошел к прилавку, оперся на него рукой и перемахнул через него одним прыжком, что Кларе казалось невозможным. Когда он приземлился, его сапоги подняли лишь небольшое облачко пыли на земляном полу, а стоя со слегка согнутыми коленями и в элегантной позе, он напоминал дикое животное. На мгновение Клара была настолько заморожена, что даже позабыла про страх. В конце концов ей удалось зажечь свечу. С подсвечником в одной руке и ножом, который она хранила между банками, в

другой, девушка обернулась, чтобы встретиться лицом к лицу с нарушителем спокойствия, опасаясь, что он в любой миг на нее набросится.

Но тот не обращал на Клару ни малейшего внимания и смущенно оглядывался вокруг.

— Проклятье, как здесь всё переменялось.

Он повернулся к девушке и увидел, что она сжимает в руке нож.

— Ни шагу дальше — или я выпущу вам кишки.

— Вы, должно быть, шутите?

Клара пронзительно закричала и бросилась на него с ножом наперевес, но злоумышленник лишь подался в сторону и, заломив ей руку за спину, с легкостью выхватил у нее оружие.

— Это вам не поможет, — сказал он. Затем, не торопясь, подошел к книжному шкафу орехового дерева, где стояли медицинские трактаты, и положил нож на самую верхнюю полку, чтобы Клара не смогла дотянуться, а потом вновь повернулся к девушке.

— Не угодно ли вам одолжить мне свечу?

— Вы хотите меня обокрасть? — спросила она. — Здесь нет ничего ценного.

— Вы дважды неправы, — усмехнулся он. — Во-первых, я пришел сюда не для того, чтобы красть, а лишь затем, чтобы забрать то, что принадлежит мне. А во-вторых, у вас как раз есть нечто весьма ценное — во всяком случае, для меня. Так вы дадите мне свечу, или мне отобрать ее у вас так же, как я только что отобрал нож?

Порядком разозленная Клара уже готова была швырнуть свечу ему в лицо, как вдруг глаза злоумышленника вспыхнули в ее свете зеленым огоньком. Те самые глаза, которые Клара была не в силах забыть.

— Так это вы! Вы — ученик того карлика!

Лицо молодого человека осветилось зловещей улыбкой.

— Ну что ж, по крайней мере, вы помните тех, кого погубили.

Девушка отвела взгляд, полный стыда и чувства вины. То, что произошло в тот далекий день, тяжким пятном легло на ее совесть. Она тогда побежала за стражей, всего лишь подчиняясь приказу Монардеса, а ведь в этом не было такой уж необходимости. Этот парнишка не сделал ничего плохого. Более того, за несколько месяцев до того он даже спас ее — тогда, на рынке, когда она обвинила в убийстве негритенка маркиза де Альхарафе. Сердце подсказывало Кларе, что он не виновен в тех преступлениях, в которых его обвинили, но разум упорно твердил, что, безусловно, виновен, хотя в глубине души она понимала, что просто хочет подавить угрызения совести.

И тут в ней громко заговорила гордость.

— Вы — вор, который вошел в дом моего хозяина с умирающим на руках. Я всего лишь призвала слуг закона, — произнесла она с видимой холодностью.

Насмешливая улыбка злоумышленника слегка дрогнула, словно занавеска в дуновении ветерка, но тут же вернулась на прежнее место.

— Просто удивительно, до чего законопослушной вы сделались, — усмехнулся он. — Как же трепетно вы относитесь к тому же самому закону, который так легко позволяет хозяину убить беглого раба! Когда мы с вами впервые встретились, мне показалось, что вы не очень-то согласны с такими законами.

Этими словами он застал Клару врасплох, она пыталась найти достойный ответ, но так и не смогла. Раздраженно фыркнув, она отошла от юноши и направилась в лабораторию поискать свечу. Вернувшись с более мощной масляной лампой, Клара обнаружила, что

тощий мальчишка, которого вытащили из этого дома, превратился в красивого молодого человека с широкими плечами и длинными и сильными пальцами. Его одежда было дорогой, а на боку он носил простую шпагу, слегка приподнимавшую одежду сзади.

"Только эти зеленые глаза и остались прежними", — подумала Клара, отводя взгляд.

— Может быть, вы скажете наконец, что вам нужно? — спросила она. — Мне пора заняться садом.

— Когда меня схватили стражники, у меня была одна вещица. Прощальный подарок моего учителя. Я боялся, что они у меня ее отнимут, поэтому в разгар потасовки бросился на пол и спрятал эту вещицу за ножкой стола, который раньше стоял вот здесь.

Клара кивнула в ответ.

— Мне кажется, я знаю, что вы ищете.

Она подошла к своему столу и принялась рыться в ящиках, пока не отыскала маленький холщовый мешочек. Открыв его, она извлекла наружу небольшой предмет, который тут же передала незваному гостю. Тот поднес его к свету, и на лице его проступила такая горечь, как если бы он, вернувшись домой через много лет, застал свой родной дом пустым и заброшенным.

Молодой человек сжимал в руке деревянную фигурку — маленькую и, очевидно, незаконченную. Лицо фигурки, вырезанное с большим мастерством, на первый взгляд могло показаться лицом ребенка, однако борода и слишком умудренный взгляд говорили о том, что это человек среднего возраста. Клара догадывалась, что фигурка изображала того самого карлика, что когда-то умер в этой комнате, но всё же не была в этом уверена до конца. Когда Бартоло принесли сюда, лицо его было залито кровью и так распухло от ударов, что трудно было понять, как же он выглядит в своем обычном состоянии.

— Я нашла это в тот день, когда решила поменять обстановку, — сказала Клара. — Я не знала, что это ваше. Но какое-то странное чувство заставило меня сохранить эту фигурку, а не просто выбросить или отдать какому-нибудь малышу на улице.

— Я... спасибо, — сказал юноша, наконец подняв взгляд от фигурки и вонзив его в молодую аптекаршу.

Клара почувствовало, как в груди защемило, и на мгновение затаила дыхание, ожидая следующих слов юноши, которые ее разочаровали.

— Вы... вы теперь живете здесь? Я думал, вы рабыня Варгаса.

— Так и есть, но это не ваше дело, — резко ответила она. Почему-то Клара ожидала чего-то другого.

— Я лучше пойду, — сказал юноша, испугавшись холодности ее тона. Он направился к двери, но на сей раз не перепрыгнул через прилавок, а обошел его. Клара пожалела об этом. Она бы всё отдала, лишь бы еще разок увидеть этот прыжок.

— Да, так лучше. И даже не думайте сюда возвращаться, Санчо из Эсихи.

Санчо задержался у двери и обернулся. На его лице снова играла насмешливая улыбка, когда он прикоснулся к краю шляпы, чтобы попрощаться.

— Не вернусь, Клара, — ответил он. — Никогда, даже через миллионы лет.

Севилья расположена на восточном берегу реки Бетис, а на западном берегу стоит городок под названием Триана. Там проживает всего три тысячи жителей, в то время как Севилья насчитывает добрых сто пятьдесят тысяч. Какому-нибудь наивному путешественнику Триана может показаться обычным тихим захолустным городишком, где можно остановиться и передохнуть, прежде чем решиться ступить на Корабельный мост, внушающий каждому, кто его увидит, невольное чувство благоговения. Да, днем Триана именно такой и кажется; возможно, что именно такой она и останется в памяти наивного путешественника, если только он не свернет с широкого Королевского тракта, ведущего прямо к мосту. Тогда он может и не обратить внимания на мрачные взгляды и угрюмое молчание. Ведь в конце концов, в двух шагах отсюда — Севилья, столица мира, основанная еще великим Геркулесом, готовая предложить всё, чего только душа пожелает.

Однако по ночам иллюзия мира и спокойствия дает трещину. Как на ожившей вдруг картине, с наступлением сумерек обитатели Трианы просыпаются. У них нет защиты стен и кафедрального собора, но им это и не нужно. В Триане не выживет ни один враг, да и не найдет в ней ничего, что стоит покорить.

Самое большое здание в городе — замок инквизиции, толстые стены которого полностью глушат крики неверных. А добрые католики утверждают, что это — возмездие за то зло, что прячется в трущобах Трианы. Бандиты же, со своей стороны, заявляют, что зло, творимое ими, не идет ни в какое сравнение с тем, что вершится за стенами замка. Таким образом те и другие убаюкивают свою совесть, делая прямо противоположные выводы.

Есть в Триане и школа — любимое место уличных кошек, обожающих бродить среди ее развалин. Еще там имеются два пороховых склада, огромные и смертельно опасные, где хранятся сотни бочек лучшей в Европе взрывчатки. Кое-кто утверждает, будто это настоящее безумие — держать порох в жилом районе, ведь это чревато ужасной катастрофой. На что другие отвечают, что, даже если Триана взлетит на воздух — невелика потеря, кроме разве что самого пороха.

А ведь в Триане живут не только бандиты; есть там и ремесленники, и торговцы, которые, впрочем, проклинаят каждую минуту своей жизни и мечтают перебраться на другой берег реки. Есть в Триане и дети — с язвами на коленях, кишащими червями, но при этом даже не перевязанными. А впрочем, о трианцах можно много чего сказать, но надо отдать им должное: к детям они относятся намного лучше, нежели севильты. На западном берегу Бетиса вы не увидите младенца, подкинутого к дверям церкви, а то и просто брошенного на съедение собакам. И, хотя здесь, как и в Севилье, дети тоже страдают от голода и кожных заболеваний, однако никто не ходит голышом.

В основном город застроен одноэтажными лачугами, громоздящимися вдоль узких кривых улочек. Домишки напозаают один на другой, создавая непроходимый лабиринт переулков, тупиков и мертвых петель, из которых невозможно выбраться, если не знать дороги. Случается, что даже местные жители долго блуждают, заплутав в лабиринте переулков. Конечно, ни один альгвасил не сунет туда даже носа.

Ночью Триана превращаются в темные непроходимые джунгли. Сеть узких улиц становится огромной паутиной, в центре которой стоит ничем не примечательный дом, где

живет Мониподио, Король воров. Каждому, кто здесь бывал хоть раз, хорошо известно, что на самом деле его дом состоит из нескольких домов, стоящих вплотную друг к другу; в них были сломаны внутренние перегородки, а также разделяющие их внешние стены, так что теперь объединенный первый этаж этих строений представлял собой огромный зал, где Мониподио установил деревянный трон. Во всей округе не было человека, столь влиятельного. Никто из тех, кто не принадлежал к воровскому братству, не смог бы попасть внутрь.

Каждую ночь Мониподио спускается вниз из своих личных покоев, расположенных на верхнем этаже, и принимает гостей. На этих приемах всегда вдоволь еды, а также вина. Здесь вам и дымящееся жаркое из рубцов и почек, и речные раки, и зайцы, зажаренные на вертеле в одном из трех каминов, и нарезанный крупными кусками поросенок, плавающий в масле. Эти застолья редко включают в себя более сотни человек, но и меньше пятидесяти никогда не набирается. Ночные пиршества начинаются в тот час, когда добропорядочные севильцы ложатся спать у себя дома, накрепко заперев двери. Здесь бандиты хвастаются своими недавними подвигами, разрабатывают планы новых грабежей и подводят итоги.

Когда же наступает час, когда кушанья съедены, ближайшие планы обсуждены до мельчайших подробностей, а все косточки ближних и дальних знакомых многократно перемыты — вот тогда столы и стулья отодвигаются прочь, чтобы освободить место для диких, жутких, отвратительных плясок. Кто-то терзает многострадальную гитару, у которой не хватает струн, другой принимается стучать пустыми раковинами, словно кастаньетами, а третий вовсю трясет пустую бутылку, в которую заранее накидал камешков и обглоданных костей. В центр круга выходят шлюхи и начинают отплясывать чувственное фламенко. Иные даже задирают платье, показывая голый зад или выставляя на всеобщее обозрение грудь, а зрители восторженно ревут, несмотря на то, что многие из них лицезрели этих девиц в еще более откровенном виде. Иные, вконец обезумев, начинают даже завывать, подобно стае волков, что упивается своей безграничной властью над целым лесом. И все собравшиеся в этом доме точно знают, что они-то и есть настоящие хозяева Севильи.

Но вот уже которую неделю здесь не слышно музыки. Не стало и соленых шуток, и вместо похоти в глазах пирующих поселилось глухое угрюмое подозрение. Меньше стало еды, и намного тише звучат теперь голоса бандитов, которые глухо переговариваются друг с другом о том, что давно уже не дает им покоя. Они хорошо помнят, что сделал Мониподио с одним из них, когда тот осмелился спросить у него, что тот намерен делать с Черными Призраками. Пятна его крови до сих пор темнеют на плитах пола.

А вот и он сам — восседает на своем троне, чуть в стороне от общих столов, за которыми расположились подданные. Король едва прикасается к пище, которую предлагают ему наложницы, неотрывно глядя на огонь потерянным взглядом. Глаза его так глубоко ввалились, что глазницы кажутся пустыми. Его фигура настолько неподвижна, что он мог бы показаться мертвым, если бы не побелевшие костяшки пальцев, сжимающие рукоять кинжала. Но он не знает, на кого направить этот кинжал, и это просто убивает Мониподио.

Всё началось после того, как до них дошла весть о смерти Сундучника. Тело скупщика краденого обнаружили на следующее утро двое карманников — из тех, что воровали у ротозеев на площади золотые цепочки и медальоны. Они, как всегда, постучали в дверь, но та оказалась открыта, явив взору воришек картину ночного погрома, и те в ужасе бросились обратно в Триану.

Эта история до крайности разозлила Мониподио, решившего поначалу, что это — дело

рук конкурирующей банды или происки кого-то из его подчиненных. В течение нескольких часов бандит допрашивал обоих карманников, подкрепляя свои вопросы чувствительными ударами, чтобы встрясти из них правду о случившемся, но так и не узнал ничего нового — кроме того, что те и так уже рассказали. Потом устроил взбучку кое-кому из своих людей, но это тоже ничего не дало. Никто ничего не знал.

Конечно, и прежде случалось, что кто-то посягал на авторитет Короля, но для таких ситуаций у него всегда имелось безотказное средство: убивать всех подозрительных, пока не доберется до виновника. Однако на сей раз все оказалось далеко не так просто. Следующей ночью, после того, как ограбили дом Сундучника, кто-то напал на парочку фальшивых монахов. Утром их обнаружили связанными по рукам и ногам возле фонтана, неподалеку от Масляных ворот. Они были раздеты догола, но при этом живы.

Эти мошенники использовали весьма распространенный в те времена трюк. Переодевшись монахами, они по утрам бродили по улицам, обещая молиться за умерших родственников. Иные, особенно те, кто недавно похоронил близких, и впрямь бросали им из окон медяки; зато другие швырялись камнями и выплескивали им на головы содержимое ночных горшков. Но так или иначе, фальшивым монахам всё же удавалось собрать свою долю медяков, и они почти никогда не возвращались домой с пустыми руками. Так бывало всегда — за исключением минувшей ночи, когда, по их словам, из темноты возникли неизвестные злодеи и оглушили обоих ударом по голове. У одного из них на шее болталась табличка, которую тем же утром принес Мониподио один из его телохранителей. Глаза короля налились кровью; хриплым от бешенства голосом он объявил, что каждый, кто посмеет повторить то, что написано на этой табличке, в скором времени окажется на дне реки с вырезанным языком.

Однако следующей ночью произошло не одно, а сразу два нападения. Во-первых, кто-то разгромил мастерскую "апостолов" — подпольных слесарей, изготавливающих отмычки для воров-домушников и ключи, отпирающие замки сундуков и шкапулок. А час спустя какие-то темные личности ворвались в дом, где расположился притон дасиев — похитителей детей, за которых потом требовали выкуп с богатых родителей.

Мониподио допрашивал свидетелей до посинения. Все они описывали злодеев примерно одинаково: люди в черном, возникшие из ниоткуда. Сильные руки, проворные шпаги, клинки у горла жертв. Совершенно безмолвны. И никого не убивают — за исключением Сундучника, хотя похитителям детей они устроили изрядную трепку. Кое-кто утверждал, что злодеев сопровождает громадное двухголовое чудовище, другие говорили, что это обычный негр — правда, огромного роста. И больше — никаких примет, поскольку первое, что делают налетчики — швыряют на пол светильники и гасят свечи ударом ладони. Затем они в полном молчании совершают свое черное дело, а потом исчезают — столь же внезапно, как и появились.

И каждый же раз оставляют табличку с одной и той же фразой:

ГОСПОДСТВУ

МОНИПОДИО

ПРИДЕТ КОНЕЦ

Бандит как мог старался держать это в тайне, но в конце концов о табличке прознали. Люди шептались за его спиной, потому что не могли напрямую попросить о помощи. Отказ Короля признать происходящее перед лицом своих приспешников был дурацкой ошибкой, в результате которой число нападений только увеличилось. Воровское братство окрестило

загадочных незнакомцев Черными Призраками. И как любой кошмар, которому присвоили имя, он начал жить собственной жизнью.

Рассказы о подвигах Черных Призраков передавались из уст в уста даже среди альгвасилов, к которым Мониподио обратился за помощью, ссылаясь на то, что не зря же он отстегивает им еженедельные взятки. Но много ли толку могло быть от людей, привыкших получать деньги всего лишь за то, что смотрят в другую сторону? Так что единственное, что они могли сделать — это разболтать о Черных Призраках судьям, чиновникам и членам городского совета. В скором времени те распространили новости в среде купцов и лавочников, на ступенях собора и на площади Святого Франциска.

Вскоре по всей Севилье разнеслась весть о появлении банды, нападающей на преступников, и только на них. В обществе, которое дышало и двигалось в ритме насилия и страха, которое знало, что смерть может поджидать за любым углом, подобные известия стали главной темой всех разговоров. Каждый севилец знал, что находиться на улице после захода солнца — значит ставить на кон свою жизнь. На заре каждого дня, без исключений, альгвасилы находили десяток трупов. Лишь немногие из умерших оказывались стариками. Когда за пару приличных сапог в кишки могут вонзить стальной клинок, группу искателей справедливости неизбежно будут считать героями.

Слава Черных Призраков всё росла, а нападения между тем продолжались. Парочка "скалолазов" — то есть воров, забирающихся в дома через окна — рассказала о том, как кто-то перерезал веревку, по которой они собирались пробраться в особняк знатного дворянина. Затем шайка грабителей, уже продолбившая отверстие в стене склада, в испуге бросилась наутек, когда сверху на них бесшумно прыгнула черная тень.

Это продолжалось уже более двух недель. Призраки не трогали только карманников и нищих, которые занимались своим делом при свете дня. Но даже им не приходилось ожидать ничего хорошего, когда им было велено явиться на совет в дом Мониподио.

Была пятница, и в этот день Король воров обычно собирал со своих подданных еженедельную десятину. Однако Бермеха — старая ведьма-цыганка, исполнявшая в доме Мониподио обязанности экономки, шепотом сообщила заинтересованным лицам, что выплата десятины временно отменяется. Услышав об этом, многие с облегчением вздохнули, а другие разразились проклятиями. Никому, конечно, не нравилось, что у них отбирают часть их кровного заработка, но при этом многие видели в еженедельной десятине возможность напомнить Королю о его собственных обязанностях перед подданными, а именно — защищать их от всякого рода неприятностей. Но главарь преступного мира хорошо понимал, что рано или поздно обязательно кто-нибудь возмутится, ибо какой прок платить десятину, если Король не в состоянии обеспечить им защиту. Поэтому он временно отменил выплату дани, чтобы оттянуть время и попытаться найти решение, чувствуя при этом, как его сила с каждым днем тает, в то время как растет его страх перед неизвестным врагом, готовым в любую минуту напасть с самой неожиданной стороны. Если бы Король был человеком ироничным, то он мог бы оценить, каково это — отведать собственного лекарства.

Неподвижно восседающий на троне Мониподио ощущал, как на него украдкой бросают взгляды. Хотя никто не осмеливался смотреть ему прямо в глаза, он знал, что рано или поздно найдется кто-нибудь достаточно отчаянный или безумный, чтобы вытащить шпагу и бросить ему вызов. Сначала придется убить одного, а потом и другого. Но что произойдет, если их станет больше? Если против него восстанут собственные телохранители? Конечно,

ему хватало наличных, чтобы им платить, многих бы удивило, узнай они, сколько денег хранится в огромном сундуке, который Мониподио держал у кровати, но для храбрецов и головорезов оплата заключается не только в количестве денег. Гордым и соблюдающим собственный кодекс чести, поведение главаря в последнее время им казалось невыносимым. Хватало и тех, кто говорил, что Призраки гоняются лично за Мониподио.

— Я раскинула карты, сеньор, и увидела вашу судьбу. Вы должны расставить ловушку для ваших врагов, — беззубо прошамкала Бермеха у него над ухом. Зловонное дыхание старухи вызвало у Мониподио мурашки, однако он не сомневался в мудрости ее слов.

Ловушки. Как приманка как для насекомых, которые развешивают по стенам. "Именно это и нужно", — подумал Мониподио, размышляя над тем, что знает о Призраках, а знал он немного. Но кое-что было совершенно ясно: что взялись они откуда-то изнутри организации, потому что оказались слишком хорошо осведомлены о ней.

"Присутствуют ли предатели в этом зале, сидят ли за моим столом, пьют ли мое вино?"

Ни Королю воров, ни его подданным — тем самым, что явились к нему этой ночью и которых он подозревал в совершении всех этих преступлений — даже в голову не приходило, что причиной всех неприятностей является худой и высокий молодой человек, совсем недавно переставший быть ребенком. Молодой человек, который в это время покидал аптеку Клары, тоже не подозревая о затеваемых против него коварных планах. Он был потрясен, что женщина, которую он должен ненавидеть за то, что она выдала его альгвасилам, помнит его имя. Он шел легкой походкой, а сердце было охвачено неведомым прежде огнем, который он не в силах был погасить.

Брат Хуан Хиль пытался быстрым шагом протиснуться по запруженным улицам центра Алжира, спускаясь к докам. Он прихрамывал, потому что его усталое тело страдало от ревматизма, и с каждым шагом котомка на боку болталась вверх и вниз. Он с силой прижимал ее, чтобы она не раскачивалась, потому что внутри было целое состояние. Из-за этого он чувствовал себя некомфортно. Хотя монахи ордена Пресвятой Троицы [\[12\]](#) считались в городе неприкосновенными, в установившейся в последнее время в Алжире атмосфере напряжения можно было ожидать чего угодно.

В городе был страшный голод, каждый день умирало больше сорока человек. Больше всего страдали от голода рабы-христиане, главным образом пленники, которых во время войны захватили турки. Их положение, и в обычное-то время незавидное, в такие дни становилось просто отчаянным. Один из них направился в сторону брата Хуана, за ним по пятам шли дети, кидаясь в него камнями и дерьмом и крича по-испански:

— Дон Хуан не вернется! Ты сдохнешь здесь, христианин! Сдохнешь здесь!

Они имели в виду недавно умершего дона Хуана Австрийского, брата короля Филиппа II, командующего испанским флотом. Турки страстно его ненавидели за поражение, которое он нанес им в битве при Лепанто [\[13\]](#), они еще от него не оправились.

В этом городе рабы мало чем отличались от свободных людей — разве что носили железный браслет на правом запястье. Навстречу монаху шагнул человек с таким браслетом, его голова его была опущена, а в руках он держал охапку поленьев, которые, видимо, нес в дом своего хозяина. По черному одеянию раб сразу узнал в нем монаха и взглянул на него с такой трогательной мольбой в глазах, что у брата Хуана от жалости чуть не разорвалось сердце. Сколько он повидал на своем веку таких взглядов, сколько натруженных рук с черными обломанными ногтями тянулись к подолу его рясы, так и не посмеяв его коснуться, словно не веря своим глазам, что видят его наяву.

Монахи-тринитарики добровольно взвалили на свои плечи нелегкую, но благородную миссию освобождения добрых христиан, попавших в рабство к неверным, и главное поле их деятельности находилось именно в Алжире. Каждую неделю в Испанию отплывал корабль с командой монахов, везущих списки пленных христиан и сумм, которых требуют похитители. Часть денег поступала от семей пленных, которые готовы были по уши залезть в долги, лишь бы спасти своих близких. Другую часть составляли пожертвования со стороны сильных мира сего, которые давали ордену немалые суммы в обмен на то, чтобы монахи неустанно молились о спасении их душ. Монахи с большой охотой принимали эти дары: учитывая неуклонно растущие аппетиты турок, каждый эскудо был на счету.

Но, конечно, денег не хватит, чтобы выкупить всех. Поэтому брат Хуан Хиль лишь виновато отвернулся, когда раб преградил ему путь.

— Падре... Ради всего святого... у меня в Толедо жена и дети... — произнес человек безнадежным тоном.

Брат Хуан ускорил шаг. Ему не хотелось, чтобы этот бедняга тешил себя напрасными надеждами. На своем веку ему довелось выкупить достаточно пленных, чтобы понять: самое страшное — даже не смерть в неволе, как многие по незнанию думают, а именно разбитые надежды. Туркам это было хорошо известно, и они порой даже затевали своего рода

жестокую игру: выбрав кого-нибудь из пленников, вели его в баню, а затем одевали в хорошее платье, сообщая, что он освобожден. Потом вели в порт, откуда он якобы должен был отплыть на родину и, когда он уже готовился сесть на корабль, вновь заковывали в цепи, заявляя, что всё это было лишь шуткой. Разбитые надежды несчастного пленника и выражение отчаяния на его лице вызывали приступ дружного веселого смеха у его мучителей, с нетерпением ожидающих этой минуты. Немногим пленным оказывалось по силам пережить подобную жестокость. Потом их оставляли умирать или бросали в море со скал, окружающих город-крепость.

Но вот раб остался далеко позади, и брат Хуан торопливо произнес слова молитвы о спасении его души. Он уже почти добрался до порта, но времени оставалось совсем немного. Корабль Хасана-паши мог отчалить в любую минуту.

Ему не составило труда найти огромную галерею с красными огнями, пришвартованную у самого края пирса, где глубина была больше. Толпа носильщиков, гадалок и проституток, слонявшихся по всему порту, не смела даже близко подойти к этой галере, вдоль которой стояла цепочка вооруженных янычар. Двое из них, скрестив огромные копья, преградили монаху дорогу. Он наклоном головы поприветствовал турка в белой чалме, по которой в нем можно было узнать капитана. Тот подал своим подчиненным знак, и они мгновенно отступили в сторону, освобождая дорогу брату Хуану, который тут же поднялся на борт корабля.

Надо сказать, что ему весьма непросто было решиться ступить на этот корабль, где было пролито столько христианской крови. Монаху было сорок пять лет; двадцать из них он провел в служении Богу, а последние десять лет — в плаваниях между Испанией и землями неверных. Он был храбрым человеком, но всякий раз, когда он сталкивался с человеческой подлостью, его охватывала дрожь. Сегодня ему уже в шестнадцатый раз предстояло вести переговоры с Хасаном-пашой, а он все никак не мог решить, человек перед ним или дьявол в человеческом обличье.

Каюта Хасана-паши скорее напоминала небольшую, но при этом неприступную крепость. Находясь на борту, Хасан требовал от своих капитанов ничто не оставлять без присмотра. Роскошная каюта внутри сияла полированным деревом, свечи горели, не давая даже тени чада, а дорога к роскошному ложу под балдахином, на котором возлежал правитель Алжира, была застелена ковровой дорожкой. Брат Хуан остановился в нерешительности, не смея ступить на нее пыльными сандалиями. Он поклонился Хасану, стараясь держаться как можно почтительнее, не теряя при этом собственного достоинства. Добиться того и другого одновременно было весьма непросто, и результат получился довольно причудливым.

Хасан как будто даже его не заметил. Он был занят гораздо более важным делом: сортировкой гранатов, корзину с которыми держал перед ним раб. Вынув из корзины очередной плод, Хасан вскрывал его тонким золотым ножиком, пробовал несколько зернышек, а затем клал на блюдо, если гранат был сладким, и выбрасывал за борт те, что ему не нравились. Хасан-паша возлежал посреди шелковых подушек; лицо его как всегда лоснилось, а веки были накрашены киноварью, оттеняющей серые глаза — довольно странное явление для обычного турка, зато вполне типичное для обращенного в ислам христианина, коим и являлся Хасан-паша. Он родился в Генуе тридцать лет назад, а девять лет назад попал в турецкий плен. Согласно традиции, турки предлагали христианам свободу — при условии, что они примут веру Пророка. Среди пленников оказался лишь один

человек, который согласился на такое предательство. Это был молодой артиллерист, и другие христиане посмотрели на него с презрением.

— Не соглашайся, парень, — шепнул ему сосед. — Они сделают тебе обрезание, и даже если ты выживешь, то попадешь напрямиком в ад.

Фабрицио не стал его слушать. Он и прежде всегда держался особняком, не сближался с другими моряками, не пил с ними вина и не горланил хмельных песен, предпочитая читать книги, которые держал в своем заплечном мешке. И теперь многие плевали ему вслед, когда Фабрицио поднялся навстречу турку, снявшему с него цепи.

Очень скоро отступник проявил себя жестоким, честолюбивым и беспощадным человеком. Пользуясь особыми привилегиями, которые турки предоставляли обращенным, он сумел подняться на самую вершину власти, оставив за собой длинную вереницу трупов. И вот прошло девять лет, с тех пор как прежние товарищи плевали ему вслед. Хасан стал кади [\[14\]](#) Алжира, в то время как все те, кого он оставил в том душном застенке, так и умерли в заточении. Причем большинство из них не без помощи самого Хасана, не желавшего, чтобы что-либо связывало его с прошлым. Что поделаешь, членам той команды отчего-то не подвернулся сердобольный монах-тринитарий, вроде того, что теперь почтительно склонялся перед Хасаном-пашой.

— О, мой добрый брат Хуан Хиль, — сказал кади, обратив наконец внимание на посетителя. — Вы пришли, чтобы попрощаться?

— Именно так, ваша милость, — откровенно соврал монах. — Я пришел засвидетельствовать вам свое почтение, прежде чем вы отправитесь в Константинополь. Мне будет вас так не хватать!

Брат Хуан научился у пророка Магомеда одному принципу — что врать врагу не грешно. Хасан-паша был самым презируемым правителем Алжира в истории. Он приказал казнить сотни человек, выжимал из народа все соки и пользовался властью с единственной целью — набить свои сундуки и поднять якорь, чтобы направиться в Константинополь, где на его распушенность и прошлое смотрели сквозь пальцы.

"Как бы далеко ты ни бежал, ад последует за тобой. И рано или поздно тебя настигнет", — подумал брат Хуан.

Хасан, казалось, прочитал его мысли, поскольку окинул его пронизывающим взглядом накрашенных глаз, а потом вновь вернулся к гранатам. Сок стекал по его подбородку и руке. Время от времени он опускал руку, а рядом стоял на коленях чернокожий раб и обсасывал пальцы, пока они не становились чистыми. Мавру было, должно быть, не больше восьми или девяти лет, и брат Хуан ощутил жалость к нему, поскольку знал, какая судьба ждет его каждую ночь в личных покоях кади. Но какой бы ненавистной ни была эта сцена, он не мог ничего сделать для ребенка. Если он и мог кому помочь, так это человеку, которого пришел спасти.

— Ваша милость...

— Вы все еще здесь?

— Только один, последний вопрос, который я хотел бы с вами обсудить. Я слышал, вы собираетесь взять с собой нескольких ваших рабов. Мне хотелось бы выкупить одного из них, прежде чем вы уедете.

— О каком из них вы говорите, брат?

— О доне Иеронимо Палафоксе.

Кади натужно улыбнулся.

— Он уже в трюме. Я собираюсь преподнести его моему султану, это будет чудесный подарок. И чем они больше сопротивляются, тем лучше.

Брату Хуану было хорошо известно, как ненавидит испанцев султан Мурад, внук Сулеймана Великолепного. Он поклялся стереть Испанию с лица земли; ради этого он даже готов был заключить протiwоестественный брак с английской королевой Елизаветой, вызвав скандал на всю Европу. Так что можно было не сомневаться, что, если турецкий корабль увезет Палафокса в Константинополь, его уже ничто не спасет.

— Назовите вашу цену, ваша милость, — сказал он с тяжелым сердцем.

— Тысяча дукатов.

Монах нахмурился, поскольку запрошенная сумма вдвое превышала ту, которой он располагал. Семья Палафокс была совсем небогата и едва смогла наскрести двести дукатов. Какое-то время он пытался торговаться с Хасаном-пашой, но тот упрямо стоял на своем, не желая уступить ни единого мараведи. Брату Хуану и прежде доводилось вести с ним переговоры, и он хорошо знал, как ведет себя кади, если не хочет расставаться с тем или иным своим рабом. К сожалению, судьба молодого аристократа была уже решена, и монаху пришлось с этим смириться.

Следующим по списку шел солдат, уже более пяти лет томившийся в плену в Алжире, чья семья продала единственный клочок земли в Испании, чтобы его спасти. Монах назвал кади имя этого человека.

— Ах, этот! — вспомнил тот. — Признаюсь вам, он превосходный собеседник. Я собирался оставить его себе.

— Быть может, вы измените ваши планы, ваша милость?

— Отличная мысль, мне как раз нужен новый ковер. Шестьсот эскудо.

— Но, ваша честь, это всего лишь простой солдат!

Кади покачал головой.

— У него были найдены рекомендательные письма от самого дона Хуана Австрийского. Должно быть, у него имеются влиятельные друзья. Так что если вы хотите его получить, вам придется заплатить сполна.

Они снова принялись торговаться — на сей раз с переменным успехом. В конце концов Хасану наскучила эта игра, и он назвал окончательную цену.

— Пятьсот эскудо, брат Хуан. Не думаю, что хороший персидский шелк стоит дешевле, — он поднял босые ноги и пошевелил в воздухе пальцами, показывая накрашенные ногти. — И я надеюсь, что вы не станете предлагать мне ковер низкого качества, ведь так?

— Нет, ваша милость, — ответил монах, с наслаждением представив, как эти ноги когда-нибудь пройдутся по раскаленным углям ада.

— Значит, по рукам? — нетерпеливо спросил Хасан.

— Разумеется, ваша милость. Пятьсот эскудо.

Кади хлопнул в ладоши, и двое стражников втокнули в каюту пленного. Он был опутан цепями, руки и ноги закованы в кандалы. У него были длинные волосы и борода, от него за версту несло мочой и потом. Он без сил рухнул на палубу, едва стражники перестали его поддерживать.

— Ну и товар вы пытаетесь мне всучить, ваша милость, — возмутился монах.

— Напротив, вы должны благодарить меня, что я сохранил ваш товар в столь превосходном состоянии. Этот кабальеро четырежды пытался сбежать, причем однажды увел с собой шестьдесят других рабов. Мне давно следовало его повесить, но я отчего-то

питаю непонятную слабость к этому человеку. Так что я считаю, что вполне достаточно отыметь его в задницу, когда он плохо себя ведет, — ответил Хасан, делая особый акцент на последних словах.

Брат Хуан пропустил мимо ушей зловещий комментарий, потому что в отличие от прочих монахов никогда не судил людей за то, что им приходилось делать ради выживания в этом Богом забытом месте. А кроме того, от других пленников он слышал о беспримерной храбрости этого человека. Он пытался любым способом сбежать, ускользая в горы в окрестностях города или украв лодку и направившись в море. Одна из этих попыток привела большую группу христиан к пещере, где они тайно жили как умели, пока предатель из тех же христиан не продал их за кувшин масла.

По турецким законам побег карался смертью, но человек, который сейчас распластался на палубе, выступил вперед и взял на себя всю ответственность, когда стражники кади захватили их в пещере. Этот человек, хотя и скромного происхождения, имел больше прав вернуться в Испанию, чем кто-либо другой.

— Вот, сеньор, — произнес брат Хуан, бросая плату к ногам кади.

— И что мне с этим делать, по-вашему? — спросил Хасан-паша, взглянув на бумаги так, словно монах бросил на его подушку кобру.

— Это расписки генуэзских банков, сеньор. Столь же хороши, как и наличные.

— В Алжире — может быть, монах, но этот корабль считайте, уже в Константинополе. Лучше принесите пятьсот эскудо золотом, не позже чем через час. Мы вот-вот отплываем, — сказал Хасан-паша, отпуская его жестом.

Брату Хуану даже не позволили себе взглянуть на узника, несмотря на то, что тот размахивал руками, пытаясь привлечь внимание. Вскоре на него навалилась чудовищная усталость, подагра терзала его больше, чем обычно. Ему придется подняться обратно к лавкам в высокой части рынка и встретиться с несколькими менялами, потому что вряд ли такое количество эскудо наберется у одного, а за обмен придется заплатить значительный процент, который пробьет большую брешь в его скудных счетах. Потом придется снова спуститься до доков, протискиваясь через потную толпу, и всё это под палящим солнцем и на голодный желудок. И хуже всего, это может оказаться совершенно бесполезным, потому что потребует больше часа.

"Надеюсь, что ты стоишь всех этих усилий, сынок", — подумал монах, прихрамывая пустившись в путь.

Монаху потребовалось больше двух часов, чтобы вернуться обратно, и он уже отчаялся найти огромную галеру Хасана-паши на том же месте. Настал час прилива, но по какой-то причине корабль стоял на месте, а кади яростно бранил одного из своих капитанов, избивая его сделанной из сандала и бычьего волоса метлой, что служила для избавления от мошкары. Капитан припал к ногам хозяина, и с каждым ударом его голая спина покрывалась выпадающими из метлы волосками. Сцена выглядела бы комично, если бы не резкий финал.

— Уведите его и отрежьте уши, — велел кади одному из своих стражей. — Чтобы в следующий раз не забыл поднять на борт груз, который уже несколько часов как должен был находиться в трюме.

Он повернулся к брату Хуану с бесчеловечной гримасой на лице, которая постепенно сменилась обычным безразличным выражением.

— Вам повезло, монах, — он сделал знак слуге, и тот забрал у брата Хуана тяжелую котомку. — Или повезло вашему новому другу.

Другой стражник освободил пленника от оков и цепей и мягко потянул его за волосы, чтобы поднять на ноги.

— Идти можете? — прошептал узнику монах, протягивая ему руку.

Тот кивнул, но не отказался от предложенной помощи. Взявшись под руки, они спустились с палубы и пересекли пристань, монаху показалось, что этот путь занял вечность. Наконец они добрались до трубы, ведущей от источника ко входу в порт, чистая вода спускалась от ручья за пределами городских стен. Бедняга тут же припал к ней. Он хлебал воду, пока его живот не раздулся, как у жабы, а потом опустил под воду голову, как будто ему не хватало той воды, что он выпил.

— Какой сегодня день? — наконец спросил он монаха, когда к нему вновь вернулись силы. И через мгновение зарыдал, не в состоянии остановиться.

— 19 сентября 1580 года.

— Святые небеса, — произнес солдат, вытирая слезы. — Девять месяцев в этом застенке. Без света, с наперстком воды в день. Благослови вас Господь, падре.

— Запомните этот день навсегда, друг мой. И уж постарайтесь, чтобы ваша дальнейшая жизнь этого стоила, — ответил брат Хуан.

Мигель де Сервантес кивнул и дал ему торжественную клятву.

Через десять лет бывший военный, превратившийся теперь в королевского комиссара по закупкам продовольствия, снова встретился с битвой жизни со смертью, хотя природа ее на сей раз была иной. Враги преследовали его с обоих флангов, имели лучшее оружие и бесстрашно наступали.

Мигель не вышел бы из этой комнаты живым и невредимым, если бы в это мгновение не появился высокий и худощавый юноша с пронзительными зелеными глазами, с ног до головы одетый в черное. Он сел рядом и сказал...

— Сдайте мне карты, окажите любезность.

Игрок взял колоду и разложил на столе, чтобы лучше перетасовать, одновременно с этим без утайки рассматривая Санчо. Юноша улыбнулся с притворно невинным видом. Он вошел в картежный притон без шпаги, как было принято, и из-за жары быстро расстался с хубоном, повесив его на спинку стула. Он также вытащил оттуда толстый кошель, у которого чуть не лопались швы, и глаза хозяина заведения загорелись от жадности.

Санчо был прекрасно осведомлен об этом месте и его шести столах для игры, единственный интересующий его стоял в центре, хотя он не впервые находился поблизости от этого заведения. Раньше он следовал сюда за Бартоло во время одной из таинственных прогулок карлика по четвергам, теперь то время казалось Санчо словно принадлежащим другой жизни. Здесь карлик потерял целое состояние, что вызвало события, которые привели Бартоло в могилу, а Санчо на галеры.

Именно здесь находилась штаб-квартира человека, который разрушил их жизнь. Гонсало Рамос по кличке Краплёный — так его окрестили бандиты за крапленые карты, которые он использовал для мухлежа с неосторожными игроками, хотя ни один человек, не принадлежащий к воровскому братству, не смел назвать его так в лицо или перед честными горожанами. Он был человеком невзрачной внешности, не старым и не молодым, не высоким и не низким. Его характер был столь же изменчив, как и игра, и зависел от тех, с кем он имеет дело. Он мог быть веселым и ярким, бросая деньги направо и налево. Мог притвориться осторожным и уважительным, словно не мог потратить ни мараведи, и даже выглядел обиженным, если выигрывал. Или казался обеспокоенным и подавленным, словно капризы судьбы бросали его на маленькой лодчонке по волнам. Всё это были лица одного и того же человека, играющего того персонажа, которого считал подходящим, и именно к встрече с ним приготовился Санчо, слушая рассказы Закариаса.

— Чтобы нанести урон Мониподио, сначала нужно уничтожить Краплёного. Это одна из его главных опор, поскольку он контролирует карточные долги половины Севильи и знает, как добиться расположения любого человека в этом городе. Не в первый раз уже судья заходит в его притон на улице Жасмина, где неожиданно ему приваливает удача, и как раз перед какой-нибудь важной встречей.

"Как мы на него нападём? — спросил Хосуэ.

Санчо покачал головой.

— Это не сработает. Если мы его ограбим, то он просто заработает еще. Нужно ударить в самое больное место. Мы должны показать всем, что он шулер.

"Но тогда тебе придется показать лицо", — запротестовал негр, побоявшись подвергать друга риску.

— Мы всегда можем отправить его на тот свет, — вмешался один из близнецов, но особо не настаивая. Они знали, что подобные предложения всегда отвергаются, хотя не переставали пытаться.

Санчо тщательно обдумал слова Закариаса. По ночам становилось всё сложнее охотиться на приспешников Мониподио, и приближалось время, когда придется столкнуться с ним лицом к лицу, а для этого нужно было еще больше усилить натиск. Это была хорошая

возможность, и стоило ради нее пойти на риск.

Нужно было лишь придумать хороший план.

На Змеиной улице, самой известной в Севилье, можно было найти что угодно, начиная от отличного оружия до ослепительных драгоценностей. Санчо интересовало на Змеиной улице лишь одно — одноэтажное здание, из подвала которого исходил запах угля и смолы. Он вошел внутрь и обнаружил там маленькое помещение с прилавком без продавца, а из подвала слышался грохот. Юноша спустился по лестнице и оказался в центре огромного зала, заполненного машинами, столами и людьми. В дальнем углу комнаты несколько подмастерьев помешивали кипящую в котлах жидкость, а другие что-то толкли в ступках, бросая смесь в варево. В центре несколько человек стояли вокруг ручного пресса, опуская его на тонкие и твердые картонные листы. На столе в сторонке другие люди покрывали картонки слоями лака, а потом резали их на более мелкие прямоугольные части с помощью заточенного штамповочного резца.

В центре этой суеты находилось кривобокое и бесформенное существо, летающее от одного стола к другому с неистощимой энергией. Несмотря на горб и руки разной длины, Пьер Папен обладал привлекательной внешностью и славой хорошего любовника. Хотя родился он в Париже, но столько лет прожил в Севилье, что в три раза чаще говорил "божежмой", чем "мон дьё" и в два раза чаще "пожалста", чем "сильвупле".

Папен был также самым известным с мире изготовителем игральных карт. Испанские, неаполитанские или французские, его колоды продавались по всей Европе. Горбун весьма ловко вел дела, целуя задницы всех европейских монархов, которым посвящал специальные колоды. В них они появлялись в виде тузов и королей, всегда пиковой масти. В отличие от них Папен прекрасно знал, что самой старшей мастью в колоде являются бубны, а игроком он был неплохим.

Хотя его колоды, завернутые в превосходную бумагу с водяными знаками и запечатанные знаменитым красным сургучом Папена, добрались до самых Индий, главным источником его доходов оставалась Севилья. По всему городу было множество игорных притонов, игры организовывали даже просто на улицах, используя деревянный ящик и четыре камня вместо стола. По два эскудо за колоду, эта торговля превратила бы горбуна в человека весьма состоятельного, если бы он не стал жертвой собственного товара.

— Чем могу служить, сеньор? — спросил Пьер Папен, повернувшись к Санчо.

Юноша всё ему объяснил. Поначалу лицо торговца выражало лишь негодование, пока Санчо не упомянул Гонсало Рамоса, Краплёного.

***

— Что такое? Вам не нравится? — усмехнулся игрок, заметив, как Санчо поднял брови при взгляде на карты, которые только что получил.

— Эти карты — грязные и вонючие, — ответил Санчо, брезгуя даже прикоснуться к ним.

Его соседи по столику дружно кивнули головами. Молодой человек сумел подгадать момент, когда в зале находились люди, чье мнение имело немалый вес. Никто из них не представился, но Санчо заранее хорошо прощупал почву и теперь точно знал, кто есть кто.

Например, в эту самую минуту его соседями по столику были чиновник Палаты по делам колоний, переодетый мирянином дьякон и комиссар по закупкам продовольствия. Когда к ним добавились сам шулер и Санчо, вышла полная пятерка — необходимое число для игры в "двадцать одно", в последнее время входившей в Севилье в моду. Эта игра не принадлежала к числу благородных, но подобные соображения не слишком заботили тех, кто регулярно собирался в притоне Краплёного, где пахло сальными свечами и опилками.

Состояние карт всегда принималось во внимание, в особенности когда речь шла о важных клиентах. На столе лежал толстый кошель Санчо, содержимым которого мечтал завладеть шулер, а потому Санчо считался именно таким клиентом. С элегантным жестом Краплёный встал и подошел к расположенному у него за спиной шкафчику. Он вытащил подвешенный на шее ключ и открыл шкафчик настежь, представив на всеобщее обозрение три стопки колод.

Он достал сверху две колоды и продемонстрировал их соседям по столу одну за другой, с печатью Папена наверху. Когда все одобрительно кивнули, игрок сломал печать пальцами, и мелкие кусочки сургуча рассыпались по столу. Краплёный смахнул их тем же движением руки, каким сдавал карты. Он вытащил картонки и начал быстро их тасовать.

— Снимите, — сказал он, протягивая колоду игроку справа — чиновнику Палаты. За ним сидел был комиссар, затем Санчо, а потом дьякон. Последним игроком был сам шулер, поскольку он сдавал. Он раздал каждому по три карты, а еще три положил открытыми на стол.

Семерка червей, валет треф и тройка пик.

Чиновник пристально посмотрел на карты и вытащил бубновую четверку, присоединив ее к семерке и валету.

— Двадцать одно, — сказал он, взяв карты и поместив их рядом со своими.

Краплёный кивнул, дал чиновнику одну карту и положил еще две на стол. Цель игры заключалась в том, чтобы набрать двадцать одно очко, прибавив к своим те карты, что лежали на столе. Картинки стоили десять очков, а туз — одиннадцать. Каждый раз, когда кто-нибудь собирал двадцать одно очко, ему записывался один пункт, или три, если он мог набрать двойное "очко", что случалось очень редко. Самым волнующим мгновением игры было то, когда игрок, только что выкрикнувший "очко", мог поменять свои карты с любыми картами соперников. Таким образом он мог лучше понять ход игры и избавиться от плохих карт — двоек и троек. Картинки и семерки считались самыми ценными.

— Меняю, — объявил чиновник и показал на Санчо.

Юноша отдал ему карты и взял предложенные. До сих пор он проигрывал, потому что ему пришлось отдать две семерки и шестерку, а в обмен он получил пару четверок и пятерку. Когда пришел его черед ходить, у него не оказалось ни одной возможной комбинации, чтобы набрать двадцать одно, так что он пропустил ход. Лишь к третьему кону ему удалось набрать двадцать одно, а к тому времени чиновник и Краплёный имели уже высокий счет. Эта партия закончилась победой чиновника, с которым все расплатились с поистине религиозным рвением.

— Поздравляю, сеньор. На пятой руке был блестящий обмен, — сказал ему дьякон.

— Вы лишили меня парочки валетов, которые стоили мне партии. Хорошее предвидение, — заявил Краплёный.

Это была ложь. Шулер позволил ему выиграть, чтобы втереться в доверие, но Санчо предпочел промолчать.

Девушка с большим декольте принесла им кувшин с вином, которому все обрадовались, потому что из-за жары и напряжения в глотках у всех пересохло. Санчо обратил внимание, что девушка принесла шулеру уже наполненный стакан, и предположил, что вино у него было более разбавленным, чем у остальных.

— Вы не позволите обменять мой стакан на ваш? — спросил Санчо у шулера, стараясь заставить его понервничать.

— Вам не нравится торское вино, друг мой? — осведомился шурин.

— Напротив, оно превосходно.

— Для моих гостей — всё самое лучшее.

— Но дело в том, что, на мой вкус, оно всё же слишком крепкое. Мне бы не хотелось ударить в грязь лицом. Это было бы очень стыдно, вы не находите?

— Я мог бы разбавить его для вас, — ответил тот, знаками подзывая служанку.

Остальные сочли это предложение разумным и попросили того же. Шулер стиснул зубы и окинул Санчо странным взглядом, но ничего не сказал.

Настала очередь чиновника сдавать, и эту партию без труда выиграл Санчо. Как и в прошлый раз, Краплёный несколько раз набрал очко, преподнеся Санчо победу на блюдечке.

— Я мог бы поклясться, что у вас было два туза, когда я собрал трефы, — сказал ему Санчо, пока шулер забирал выигрыш.

— Вы ошибаетесь, — серьезно отозвался Краплёный. — В таком случае я бы набрал двойное очко.

— Да, — засмеялся Санчо, — вот дурная моя голова. Прошу прощения.

— Думаю, всему виной ваша неопытность, это из-за нее вы ошиблись.

— Возможно, другим тоже надоели эти трюки.

По притону пробежал ропот, воздух вокруг стола словно сгустился. Это было оскорбительное предположение, но сделанное настолько открыто, что могло означать что угодно. За спиной Санчо послышалось какое-то движение, он мог бы поклясться, что Краплёный подал неуловимый сигнал. В это мгновение он порадовался, что все вокруг не были вооружены, по крайней мере, в теории. Местные головорезы могли и припрятать где-нибудь нож. Как те два, что Санчо вложил в свои сапоги. Он спрашивал себя, не будет ли уже поздно их вытаскивать, когда дело пойдет слишком далеко и кто-нибудь попытается проткнуть его в спину.

— Лучше продолжим, — сказал шулер.

Если сдающий проигрывал, он имел возможность поставить побольше эскудо, чтобы отыграться. Ставки, как и жара с напряжением, всё росли и росли. Краплёный взял инициативу на себя и начал загонять в угол более слабых противников. Вскоре на кону стояло уже десять эскудо, и для дьякона это оказалось слишком много, он извинился и поднялся из-за стола. Но не ушел, как и чиновник Палаты по делам колоний, оставшийся без денег. Оба присоединились к кружку зрителей вокруг стола.

Вокруг каждого картежного стола в любой точке земного шара собираются такие группы. Те, у кого не имеется состояния, которое можно растратить, или те, кто имеет голову, чтобы этого не делать, наслаждаются зрелищем, глядя на тех, кто может себе позволить потерять деньги или не может себя контролировать. А когда происходят столь напряженные партии, как та, что шла сейчас, зрители следят за каждым движением с нескрываемым интересом, задерживая дыхание с каждым броском карты, касающейся кожаной поверхности. Наблюдатели заглядывают через плечо игрокам — эту технику с

незапамятных времен использовал Краплёный, чтобы получить преимущество над соперниками. Его сообщники смотрели чужие карты и передавали их с помощью сложной системы знаков и жестов. В игре вроде "очка", где можно было поменяться с соперником картами, это становилось неоспоримым преимуществом.

— Кажется, нас осталось только трое, сеньоры. Не желаете ли передохнуть? — спросил шулер.

— Я в полном порядке, — заверил комиссар. — Если молодой человек не возражает, мы можем продолжить.

— Похоже, сегодня вам сопутствует удача, сеньор.

— Посмотрим, куда она нас заведет, — ответил комиссар с мрачным тоном человека, который много раз находил в кастрюле кошку вместо зайца. — Терпение и тасуйте колоду.

Игра продолжалась, и, похоже, мрачные предчувствия комиссара начали сбываться. Через час из пятидесяти эскудо он потерял больше тридцати. Санчо игра тоже стоила много крови, но для него она оказалась не столь катастрофической, как для соперника. Шулер дал ему выиграть ровно столько, чтобы тот поверил, что сможет всё возместить, но до этого было ой как далеко. К тому же деньги, на которые играл Санчо, он отобрал у головорезов Мониподио, а эскудо, которые комиссар терял, как каштан теряет листья в октябре, имели совсем другое происхождение.

— Боюсь, я уже опустошил свой кошелек, — пробормотал комиссар, поднимаясь из-за стола и безнадежно разводя руками. Лицо его стало совершенно серым.

— Но вы же знаете, для вас здесь всегда есть кредит, — широко улыбаясь, возразил шулер. — Я с радостью одолжу вам двести эскудо. Кто знает, что может произойти за четыре кона?

Комиссар мгновение поколебался, не покидая своего места. Карты и золотые монеты призывали его вернуться за стол для последнего сражения. Однако его долги и так уже были довольно велики. В течение нескольких секунд внутренней борьбы он молчал.

— Но я...

— Сеньор, я совсем вас не знаю, но вы принесли мне удачу, — вмешался Санчо. — Если вы не возражаете, я мог бы сделать ставку за вас. Я чувствую, что она будет удачной.

Шулер и комиссар одновременно повернулись к Санчо с одинаково удивленным выражением на лице, хотя Краплёный быстро сменил его на бешенство. Он раздул ноздри и засопел, потому что наслаждался той властью, которую игра давала ему над людьми. В особенности когда те унижались и попадали в ловушку, подписывая долговые расписки, которые накапливались у него в шкафу. Санчо только что лишил его этого удовольствия, и картежник с трудом овладел собой.

— Нет, я не могу, — запротестовал комиссар, который на самом деле был бы рад согласиться и лишь прикидывал, как бы сделать это, не потеряв лица.

— Прошу вас. Лишь один кон. Если мы проиграем, то разделим проигрыш.

— Согласен, — объявил наконец комиссар.

Санчо улыбнулся и подвинул к центру стола две стопки монет. Краплёный одарил его натянутой улыбкой и раздал карты, посчитав, что этот кон станет последним. Он ошибался.

Комиссар с легкостью выиграл кон с помощью карт, которые отдал ему Санчо, а потом и еще раз. В следующей раздаче произошло то же самое, а потом еще десять раз подряд. Шулер сидел с пунцовым от ярости лицом, но так и не мог толком узнать карты соперников, потому что Санчо прятал свои и постоянно играл в пользу комиссара. Тот получал двадцать

одно почти каждый кон со всё возрастающим изумлением. Краплёный попытался отыграться, но каждый раз, когда получал хорошие карты, не мог ими воспользоваться, потому что комиссар их забирал. По его лицу стекали крупные капли пота, пока он в отчаянии смотрел, как комиссар не только вернул проигрыш, но и удвоил ту сумму, с которой пришел.

— Пожалуй, вы были правы, сеньор, — сказал Санчо, повернувшись к шулеру. — Моему другу сегодня несказанно везет.

— Я запрещаю вам играть в моем заведении, — ответил тот, скрестив на груди руки.

Воцарилась полная тишина. Публика поняла, что игра Санчо нанесла Краплёному серьезный удар, но играть таким образом было разрешено правилами. Это было глупо, но не являлось мотивом для исключения из игры, в особенности если учесть, что Санчо потерял значительную сумму.

— Можете объяснить, почему?

— Потому что вы мухлюете.

Все затаили дыхание. Услышав эти слова, комиссар нахмурился, положил руки на стол и окинул Краплёного ледяным взглядом. Обвинять Санчо в мухлеже означало обвинять и его самого, потому что именно он выигрывал все последние партии.

— Надеюсь, сеньор, вы можете подтвердить эти обвинения. Для вашего же блага.

Картежник стукнул кулаком по столу, и водопад золотых монет со звоном рассыпался по скатерти.

— В том-то и проблема. Я не могу этого сделать. Но клянусь жизнью, удача этого юнца явно неестественная. Он каждый раз точно знает мои карты.

Санчо глубоко вздохнул и широко ему улыбнулся. Всю игру он дожидался этого мгновения.

— Что ж, боюсь, что это правда. Я действительно мухлевал.

Послышался ропот удивления, и один из местных головорезов, стоящий у двери, подбежал к столу, но до того, как он набросился на Санчо, тот поднял руку.

— Но это не должно вас удивлять, маэсе Краплёный. В конце концов, всю партию я пользовался вашими методами.

Шулер вытаращил глаза, но тут же изобразил негодование и презрение.

— Да как ты смеешь? Тебе осталось несколько минут жизни, щенок. Взять его!

Головорез попытался дотянуться до Санчо, но публика закрыла стол.

— Погодите, — раздался чей-то голос. — Что это за маэсе Краплёный?

— Да, и что это за методы?

— Пусть объяснит!

— Кончайте болтать!

— Всё очень просто, сеньоры. Дело в том, что дон Гонсало Рамос, хозяин этого заведения — чистой воды мошенник, который все эти годы морочил вам голову, подсовывая крапленые карты.

— Это ложь! — выкрикнул шулер.

— Присмотритесь повнимательнее, и вы увидите, что это правда, сеньоры, — сказал Санчо, взяв несколько карт и бросив их на стол рубашкой вверх. — Вот, посмотрите: здесь, на углу карты — значок. Он почти незаметен, однако, если приглядеться, то можно разобрать некие буквы. Вот, взгляните, здесь явственно просматриваются цифра 7 и буква Ч. А теперь перевернем карту, — он перевернул карту рубашкой вверх, и все увидели, что это

семерка червей.

— 1Т, — указал он на другую карту.

Это оказался туз треф.

— 12П.

Карта оказалась королем пик.

— 11Б.

Карта оказалась бубновым валетом.

— Он подменил колоду! Это не моя! — возмутился Краплёный, не в силах скрыть своей ярости. Все глаза были устремлены на него. Он вскочил и, расталкивая посетителей, бросился к шкафчику, где хранились колоды карт, и долго сражался с замком, пытаясь открыть дверцу. Санчо даже прикусил губу, стараясь сдержать улыбку. Уж кому, как не ему было знать, что замок тугой, ведь сегодня утром он лично в этом убедился, забравшись в дом, когда все еще спали. Он хотел даже капнуть в него чуточку масла, но побоялся, что Краплёный может это заметить.

— Вот мои карты. Они совершенно новые, чистые, Папен их только что отпечатал. Видите?

С этими словами он выложил на стол обе колоды, сломал на одной из них восковую печать и разорвал бумагу. Колода рассыпалась, несколько карт упало на пол, но большая часть осталась на столе.

Все они лежали рубашками вверх.

— Это невозможно! — прошептал шулер, белый, как полотно. Быть уличенным в мошенничестве в присутствии тридцати самых важных и влиятельных людей города — это был худший из его ночных кошмаров.

— Мой друг, печатник Папен, уже давно подозревал, что кто-то подделывает его карты. И это именно он направил меня сюда, чтобы разоблачить обманщика, от козней которого вы все страдаете столько лет. Если вы внимательно присмотритесь к подлинной печати Папена, то увидите, что его знак — королевская лилия — имеет три лепестка, а не четыре, как у сеньора Рамоса. Думаю, что лучшее доказательство его мошенничества трудно даже представить.

— Это невозможно, — повторил Краплёный, снова опустившись на стул и не сводя глаз с меченых карт. Публика начала возбужденно кричать, а вышибалам у двери пришлось подбежать к столу и окружить своего хозяина, чтобы его защитить. Все собравшиеся так или иначе теряли в этом притоне деньги, и вскоре Краплёному пришлось бы давать объяснения мухлежу, который он даже не совершал. В этом городе с ним было покончено.

Санчо воскресил в памяти отчаянное выражение лица шулера, наслаждаясь зрелищем падения человека, который причинил столько зла Бартоло. Осознание того, что этот мерзавец, наживший состояние на несчастьях и слабости других, получил по заслугам, наполнило Санчо злорадством.

— Взбодритесь, сеньор, — произнес Санчо, вставая на ноги и надевая хубон. — В конечном счете никогда не знаешь, что принесут карты.

Он протянул руку к центру стола и взмахнул ей над картами, вытащил одну из них указательным пальцем и положил ее перед шулером. Тот медленно поднял карту и перевернул. Это была не простая карта из колоды. На ней имелась лишь одна фраза:

ГОСПОДСТВУ
МОНИПОДИО

ПРИДЕТ КОНЕЦ

И в эту минуту шулер всё понял.

— Это он! Один из "Призраков"! — крикнул он своим бандитам, указывая на Санчо, который уже покидал игорный дом, не оглядываясь. — Хватайте его!

Но его крики потонули в общем гвалте, полном негодования, а головорезы были слишком заняты тем, чтобы не подпустить к хозяину посетителей, что так и рвались сломать стул о его голову.

— Сеньор! Одну минутку!

Санчо никем не остановленный удалялся от притона и надевал хубон, когда из-за спины его окликнули. Он попытался оторваться от преследователя, не привлекая внимания, но в конце концов тот настиг его через пару кварталов, у подножия фонаря, освещавшего вход на Рисовую площадь. Когда кто-то потянул его за руку, он обернулся.

— Я так вас и не поблагодарил.

Это был комиссар, запыхавшийся после бега за Санчо.

— Не стоит благодарностей.

— Мне бы хотелось всё же узнать ваше имя.

Молодой человек было заколебался, но в глазах комиссара мелькнуло нечто, что заставило Санчо ему поверить.

— Меня зовут Санчо из Эсихи.

— Вы, должно быть, потеряли здесь много денег.

Молодой человек пожал плечами.

— Это всего лишь кусочки металла, которые служат определенной цели.

— Вы и впрямь необыкновенная личность, — удивился комиссар. После неловкого молчания Санчо решил заговорить. Он показал на парализованную левую руку собеседника.

— Что с вами стряслось?

Комиссар, казалось, на мгновение смутился, словно даже простое упоминание о ранении перенесло его куда-то далеко.

— Это результат трех ударов, которые я получил при Лепанто. В самой знаменитой битве столетия. И если окажете мне любезность и выпьете со мной стаканчик, то я с удовольствием расскажу вам о том, что произошло.

— Возможно, в другой раз, сеньор.

Санчо наконец надел хубон. При этом он повернулся к комиссару правым боком, и тот пристально уставился на его шею и уродливые шрамы размером с монету, отметины от чумы, которые ни с чем не спутать. Во время игры Санчо сидел справа от комиссара, и тот не видел шрамов.

— Простите, что спрашиваю, но вы сирота? — поинтересовался комиссар.

Во второй раз этой ночью Санчо поколебался, прежде чем открыть подобные сведения, но в этом человеке было нечто, казавшееся ему знакомым. Он опять по непонятным причинам ему доверился.

— Я вырос на постоялом дворе, но когда мать умерла, меня привезли в севильский приют.

Он никогда не рассказывал эту историю, поскольку ненавидел, когда его жалели. Но он и вообразить не мог, что кто-нибудь, услышав такое, захохочет, как это сделал комиссар. Санчо напрягся и сжал кулаки, решив, что тот над ним насмехается, но тут же увидел, что в глазах комиссара нет жестокости.

— Ох, простите меня, дорогой друг Санчо. Я просто вспомнил одно вложение, которое сделал много лет назад. Шесть эскудо. Вы знаете, какие доходы оно принесло?

Санчо удивленно посмотрел на него и ничего не ответил. Он и понятия не имел, о чем говорит этот человек, да и не мог представить, поскольку ушел из приюта не попрощавшись, и брат Лоренсо так и не сказал ему, кто привез туда Санчо. Такие откровения монах приберегал до последнего дня пребывания каждого мальчика.

— Ой, не обращайтесь внимания на чепуху, которую несет старый солдат, — сказал комиссар, заметив, какой эффект его слова произвели на юношу. — Я получил слишком много ударов по шлему. В общем, меня зовут Мигель де Сервантес, королевский комиссар по закупкам. Если когда-нибудь у вас найдется время, чтобы выпить по стаканчику, или я могу быть вам чем-то полезен, приходите на постоянный двор Томаса Гутьерреса.

Санчо попрощался с этим странным человеком, ошибочно посчитав, что больше никогда в жизни с ним не встретится.

Она всё никак не решалась войти.

Деревянные двери были обиты железом, двустворчатые, чтобы могла проехать большая карета, а сбоку вход поменьше. Там имелась караульная будка с парой альгвасилов, которые с иронией поинтересовались, не вооружена ли она. Перед ними на длинном деревянном бруске на стене висел десяток шпаг, принадлежащих клиентам борделя.

— Не обращай на них внимания, душенька моя, — сказала Манжетка. — И не пугайся. Здесь тебе ничего не угрожает.

Ступив за порог, Клара поразилась увиденной картиной. Она ожидала найти темную и грязную пещеру, однако ничего подобного здесь не было. Более всего увиденное напоминало небольшую деревню, обнесенную высокой стеной. Здесь были две длинные узкие улицы, образованные рядами маленьких домиков, стоящих вплотную друг к другу; все они были немногим больше той будки, что Клара заметила у входа. Улицы были немощеные, однако без отбросов и мусорных куч по углам, которые были самым обычным явлением в других местах Севильи. Здесь же везде было чисто и веяло обманчивым покоем. Фасады домов даже украшали горшки с цветами или базиликом, призванным отпугивать комаров. Свободное пространство между стенами домов было кое-где засажено капустой.

— Не ожидала, а? — спросила проститутка, увидев растерянность на лице девушки.

Манжетка провела ее по борделю, в дальнем углу которого имелась дверца в форме подковы, соединяющая два боковых прохода. На дверях были прибиты небольшие таблички с именами девушек, работающих внутри. Некоторые сопровождались весьма нескромными рисунками, детально показывающими специализацию дома. Когда они проходили мимо домов, то слышали стоны и крики, иногда совершенно непристойные.

— Ты только послушай, что они кричат! — поморщилась Манжетка. — Но что поделаешь: многих кабальеро это возбуждает.

Сексуального опыта у Клары не было вовсе — если не считать того вполне естественного любопытства, с которым она изучала собственное тело, а это, разумеется, было весьма немного. После прочтения рыцарских романов, в которых отношения между мужчинами и женщинами рассматривались с чисто платонической стороны и до секса никогда не доходило, она представляла себе любовь как непрерывную цепь бесконечных разочарований или смутное томление, что охватывало всё ее тело в иные ночи. Так что ей трудно было смотреть на всё происходящее вокруг, как на нечто естественное, как это делала Манжетка, а некоторые сцены заставили ее просто онеметь. Тем не менее, Клара старалась прислушиваться к ее словам, чтобы узнать как можно больше о той жизни, что проходила за стенами борделя.

С величайшим удивлением она узнала, что каждый из этих домиков сдается проститутке в аренду, причем имена владельцев тщательно скрывают, так что всех их можно назвать одним общим именем: дон Никто. Более половины этих домиков принадлежали церквям, монастырям, а то и самому архиепископу. Остальными владели дворяне или богатые купцы. Клара подумала, не является ли Варгас одним из владельцев этих домиков, однако спросить так и не решилась, опасаясь, как бы ее имя не связали с ним.

— Каждый год, на Страстной неделе, нас всех загоняют в собор и заставляют слушать

проповедь, в надежде, что среди нас найдутся такие, что осознают всю порочность своего ремесла и откажутся от него, как будто мы можем заработать на хлеб другим способом! Тех немногих дурочек, что на это соглашались, запирают в монастыри и сажают на хлеб и на воду до конца дней, а всем остальным запрещают выходить в город до самого Святого Воскресенья, как будто в другие дни заниматься этим делом грехом не является. А священники еще и норовят повысить арендную плату, которую с нас и так дерут прямо-таки безбожно. Вот уж, право, худших лицемеров, чем это племя, свет не видывал — уж поверь мне, душенька моя!

Прогулка по обоим улицам заняла меньше времени, чем оскорбления, которыми Манжетка осыпала домовладельцев. В конце концов они зашли в ее собственный домик, довольно просто обставленный. Соломенный тюфяк, сундук и стул, а в другом конце — очаг, куда едва помещалась пара поленьев. У окна при входе рос одинокий куст герани — единственное красочное пятно. Растение перекосилось в левую сторону в борьбе за большее количество солнечных лучей. Кларе оно показалось похожим на стоящую рядом женщину, которая тоже редко выходила из тени.

— Вот это и есть "Компас", по крайней мере, так он выглядит днем. Когда приходит ночь и клиенты нагружаются вином, тут становится более шумно. Тогда же появляются сутенеры и бандиты, которых воровское братство приставило к каждой из нас под видом защитников, а на самом деле они просто напиваются и ставят больше синяков, чем кто-либо другой. А когда наступает рассвет, они оставляют нас без гроша в кармане и с больной спиной, душенька моя. Но так всегда было и будет.

В это мгновение девушку охватил порыв жалости к Манжетке. Уж насколько жизнь жестока обошлась с Кларой, ведь несправедливо расти с клеймом раба с самого рождения, но Манжетке пришлось еще хуже. Вот настоящая несправедливость — родиться на свет с куском плоти между ногами, который приносит облегчение мужчинам. Женщины, хоть и не рожденные рабынями, оставались для своих родителей предметом торговли и не имели иного почтенного будущего, кроме как выйти замуж или поступить в монастырь. Во всех остальных случаях было гарантировано падение в бездну. И места вроде "Компаса" не были конечной точкой этого падения. Она наступала позже, когда морщины приговаривали этих женщин к голоду, безумию и смерти.

— Ну так что, ты готова познакомиться с нашими девочками? — спросила Манжетка.

Клара серьезно кивнула. Ей очень хотелось хоть чем-то помочь этим женщинам изменить свою жизнь — насколько это возможно. Она одернула платье и пригладила волосы, стараясь придать своему облику как можно больше солидности.

— Пойдем. Долорес, я привела аптекаршу, — окликнула Манжетка девушку, попавшуюся им на пути.

Всё утро девушки заведения стояли в очереди, чтобы продемонстрировать свои недуги и поговорить о симптомах, и все эти случаи свидетельствовали об условиях, в которых эти несчастные зарабатывали себе на жизнь. У многих были раны по всему телу, фингалы под глазами или выбитые сутенерами зубы — те никогда не были довольны платой за "защиту".

Другие жаловались на более привычные недомогания — такие, как простуда, расстройство желудка, головные боли или бессонницу, которой страдали здесь многие. Встречались также вши и гниды, которых столь легко было подцепить в подобном месте, несмотря на то, что большинство девушек брили лобки во избежание подобных неприятностей. Клара прописала им настой ивовой коры, валериану, жимолость и

всевозможные припарки. Она даже захватила с собой мешочек с травами, которые использовала чаще всего. Манжетка заверила, что на следующий день зайдет в аптеку и заберет остальные травы. Дело в том, что далеко не всем девушкам было позволено выходить за пределы квартала, а многие из них годами не покидали "Компаса", поскольку им запрещено было заниматься своим ремеслом за его пределами.

Клара опасалась столкнуться с более серьезными заболеваниями, например, с сифилисом, чьи жуткие симптомы однажды видела в доме Монардеса. Понимая, в каком месте предстоит очутиться, почти весь предыдущий день Клара посвятила изучению подробностей первых признаков этой болезни. Правда, это всё равно было довольно бессмысленно, поскольку лечению болезнь не подлежала и часто оказывалась смертельной, но по крайней мере Клара могла помочь сдержать ее развитие. К счастью, в этом году таких случаев было мало.

Однако произошло нечто другое, но столь же неизбежное.

— Здесь есть одна девочка, которой очень нужна твоя помощь, но она не может встать с постели, душенька моя.

— Проводи меня к ней.

Она проследовала за Манжеткой на другую улицу — к домику, где жила больная. Когда они наконец туда добрались, то обнаружили перед дверью целую кучу народа.

— Что случилось? — спросила Клара.

— Пришел лекарь, — прошептала одна из женщин. — Он там, внутри.

Манжетка вздохнула.

— Он должен был прийти как раз сегодня. Этот трухлявый гриб таскается сюда каждые две недели, заставляет нас расставлять ноги и всё такое. Его присылают городские власти, чтобы убедиться, что у нас нет ни вшей, ни блох. А когда он закончит, всегда выбирает себе девочку и тащит ее в койку, — невозмутимо объяснила она Кларе.

Та толкнула дверь и увидела лекаря, стоявшего на коленях возле одной из девушек, от которой требовал, чтобы она помочилась в баночку. Затем он возбужденно задвигал челюстью, рассматривая жидкость на свет. И вдруг сделал глоток — к ужасу столпившихся у дверей женщин.

— Именно то, что я и думал, — изрек лекарь, потный старик самого неприятного вида, отличительной чертой которого был распухший красный нос с выступающими прожилками. — У этой женщины — определенно миазмы. Рекомендую пустить ей кровь, чтобы привести в порядок соотношение жидкостей в организме.

Клара взглянула на лежавшую на кровати девушку и поразилась, увидев, что это почти ребенок, никак не больше четырнадцати лет, хотя в этом и не было ничего странного. Единственные требования, предъявляемые к поступающим в "Компас" девушкам, заключались в том, чтобы им уже исполнилось двенадцать и чтобы их не звали Мариями. Если в веселом доме имелось свободное место и если эти незамысловатые условия были соблюдены, работа девушке была гарантирована. Так в свое время произошло и с Манжеткой, и эта бедная девушка, лежавшая на кровати, тоже не стала исключением.

Видя, как лекарь достает ланцеты и тазик, Клара даже закусил губу от тревоги. Девушка и так была бледна, как смерть, и кровопускание никак не могло пойти ей на пользу. Но она не решалась спорить с лекарем у всех на глазах, ибо понимала, что ей это дорого обойдется. Монардес неоднократно ее об этом предупреждал, но он же предупреждал и насчет кровопусканий, которые считал не то что бесполезными, а прямо-таки вредными для

здоровья. Она стояла, пытаясь решить эту мучительную дилемму, пока не увидела, как лекарь поднес острый ланцет к тонкой и бледной руке девушки.

В это мгновение она уже не могла сдержаться и потеряла всякую осторожность. Клара приблизилась к постели и встала на колени рядом с девушкой, помешав движениям лекаря.

— Что вы делаете? — сердито запротестовал старик, поднимаясь на ноги.

Клара не обратила на него ни малейшего внимания и положила ладонь девушке на лоб. Кожа у нее была сухая, но, похоже, жара не было. Больная смотрела на нее измученным и стеклянным взглядом.

— Как тебя зовут?

— Хуани, — ответила та угасающим голосом.

— Ты можешь рассказать, что с тобой случилось?

— Это началось сегодня утром... Меня всё время рвало. А потом я упала в обморок возле двери, а потом мне стало еще хуже. Меня всё время тошнит.

— Тебе хочется пить?

— Очень хочется, но я не стану пить, потому что не хочу, чтобы меня снова вырвало. Вот уж мерзкое ощущение... — сказала она, натягивая на себя простыню.

Клара отметила ее сухую кожу и потрескавшиеся губы и поняла, что столь неприятные симптомы были следствием обезвоживания организма. Клара осторожно потянула на себя простыню. Девушка была совершенно обнажена, а ее соски распухли и затвердели. Клара слегка коснулась их пальцами, и пациентка протестующе застонала. Затем она бережно накрыла девушку простыней.

— Тебе всегда больно, когда тебя за них трогают? — спросила Клара.

Девушка покачала головой и уже открыла рот, чтобы ответить, однако лекарь ее опередил.

— Что вы можете в этом понимать, сеньора? — спросил он. — Будьте любезны удалиться. Эта женщина нуждается в моей помощи.

Клара поднялась во весь рост. Она была не слишком высокой, но всё равно оказалась на целую ладонь выше лекаря.

— Сеньор, при всём к вам уважении, я отнюдь не уверена, что...

— Вы здесь новенькая, ведь так? — оборвал ее старик, бросив похотливый взгляд. Клара сдержала порыв поправить платье, потому что лекарь буквально раздевал ее взглядом. — Я вас еще не осматривал. Не волнуйтесь, сегодня вами займемся. Думаю, мы оставим это под конец, чтобы убедиться, что беспокоиться не о чем.

— Она не шлюха, доктор. Она — аптекарша, и пришла сюда, чтобы помочь нам, — сказала Манжетка, вошедшая в дом следом за Кларой.

Услышав эти слова, лекарь застыл.

— Ну надо же, оказывается, это одна из тех толстых теток, что продают снадобья в Ла-Ферии. Даже и представить себе такого не мог. В любом случае, отойдите в сторонку, я должен заняться этой женщиной.

Клара подавила желание наброситься на лекаря и вlepить ему пощечину, ей завладели страх и неуверенность. Этот человек собирался причинить девушке вред, а учитывая ее слабость, мог и убить, и никто не осудит его за это преступление. Клара отчаянно пыталась найти нужные слова, но понимала, что это не в ее власти. Если бы на ее руке не было браслета рабыни, если бы она не была женщиной, возможно, этот глупец и обратил бы на нее внимание. В это мгновение она почувствовала, как дешево достались ей знания,

овладение которыми у Монардеса заняло многие десятилетия, и что она так и не сможет этими знаниями воспользоваться.

Манжетка сделала шаг вперед и дернула лекаря за рукав. Он повернулся к ней, изрядно раздраженный.

— Минуточку! — вмещалась она. — Вы ведь никогда не интересовались ничем, кроме того, что находится ниже пупка и выше колен, ведь так? С чего вас вдруг так заинтересовала эта девочка?

Настала напряженная тишина, и вскоре проститутка расставила всё на свои места.

— Теперь я поняла. Вы ведь знали, что придет аптекарша, да? Вам это сказали стражники на воротах. И вы сразу же решили показать, что знаете больше, чем кто-либо другой, так ведь? Или я вру, по-вашему?

Старик искоса взглянул на проститутку, но не отвернулся от Клары.

— Эти обвинения просто нелепы. А вы отойдите, — заявил он, хотя уже не столь твердым тоном, как раньше.

— Нет, доктор. Нет у этой женщины никаких миазмов, и если бы вы были чуточку внимательнее, вы бы, несомненно, это поняли, — Клара не в силах была сдержать своего гнева, хоть и понимала, что ведет себя, по меньшей мере, неразумно.

— Да неужели? — усмехнулся старик. — И в каком таком университете вы всё это изучали, скажите на милость?

— А мне и не нужно учиться в университете и изучать какую-то там философию. Вполне достаточно просто иметь глаза, чтобы понять, что бедная девочка беременна.

Лекарь втянул голову в плечи, словно получил пощечину, и по-настоящему испугался, увидев, каким взглядом уставились на него женщины. Он поспешно пробормотал какие-то извинения, так же поспешно собрал в котомку свои вещи и удалился. Клара снова повернулась к девушке, которая, услышав свой диагноз, горько зарыдала.

— Принесите чистой воды, — попросила Клара. Ей передали миску и помогли приподнять девушку, осторожно держа ее за шею. Та сначала стиснула зубы, но потом одолела страх и с жадностью начала пить. Во рту у бедняжки, должно быть, совершенно пересохло, подумала Клара. Неудивительно, что ей было так плохо. Она нежно погладила девушку по голове, и на этот жест юная проститутка отреагировала взглядом, полным как признательности, так и удивления. Наверняка в подобном месте она не слишком часто видела проявления заботы.

— Не волнуйся за нее, душенька моя. Иногда такое случается. Но мы никогда не оставляем наших в беде — ведь правда, девочки?

Хор голосов со стороны двери поддержал эти слова, и девушка наконец-то успокоилась. Через некоторое время она заснула, а Манжетка попросила Клару в свой дом, за оплатой.

— Я должна быть на своем посту, когда явятся городские чиновники, — сказала она. — Они топают прямо в "Компас", как бык на матадора. Я была бы рада проводить тебя до аптеки, душенька, но боюсь, что тогда не успею вернуться.

Клара начала было ее убеждать, что в этом нет никакой необходимости, что по дороге с ней ничего не случится — и вдруг застыла на месте, оцепенев от ужаса, когда из-за поворота вынырнула хорошо знакомая фигура. К ним приближался не кто иной, как Гроот — в расстегнутой сорочке, полы которой плескались на ветру. Свой хубон он снял и перекинул через плечо. Он шел, глядя под ноги, так что Клару даже не заметил.

— Спрячь меня, Лусия, прошу тебя! — умоляюще шепнула она, пытаясь укрыться за

спиной у Манжетки.

— Что? Но что случилось? — удивилась та, пока не заметила человека, которого Клара пыталась избежать. Ее почти всегда улыбающееся лицо исказила гримаса. Не раздумывая, она быстро открыла ближайшую дверь и втиснулась внутрь. К сожалению, комната была занята, и лежащая на постели девушка издала крик, скорее изумленный, чем испуганный, а ее спутник, растянувшийся сверху, пораженно на них посмотрел.

— Продолжайте, продолжайте, ваша милость, это новенькая, я ввожу ее в курс дела, — объяснила Манжетка, сделав знак рукой, чтобы кавалер продолжил свое занятие.

Приободренный этими словами и желая послужить примером для новенькой, клиент начал смелые толчки. Клара смущенно отвела взгляд и задержала дыхание, пока Манжетка не высунула голову в дверь и не убедилась, что путь свободен. Ее дом был следующим, и там она вложила Кларе в руки заработанные за этот день деньги.

— Шесть реалов серебром. Ты бы заработала больше, если бы обслуживала каждую по отдельности, но не все могут платить одинаково.

— Это больше, чем я ожидала, большое спасибо, — рассеянно ответила Клара. Она еще думала о той встрече, которой только что с трудом избежала. Пришел ли сюда Гроот, чтобы угрожать ее новым клиенткам, как держал в страхе всех соседей по кварталу? Нет, тут же сказала себе она, это просто безумие. Судя по выражению его лица, фламандец явился сюда совсем по другому поводу.

— Кстати говоря, откуда ты знаешь эту скотину? — спросила Манжетка, словно прочитав ее мысли.

— Он служит у моего хозяина, и мне он совершенно точно не друг, — объяснила Клара, после чего пересказала с самого начала свою историю.

— Тут дело нечисто, точно тебе говорю, — заверила Манжетка. — Он идет не со всякой девушкой, а лишь с теми, что позволяют по-всякому себя истязать. Синяки и ссадины, которые ты видела у наших девочек — это его работа.

— И тебя он тоже...? — ахнула Клара.

— Я никогда не могла дать того, что ему нужно. И дело тут не только в побоях, но и в этих утомительных разговорах, которые он обожает вести. Когда он начинает рассказывать, как сам всего достиг, и хвастаться своими бесконечными подвигами — прямо-таки взвоешь и поневоле подумаешь: лучше бы уж избил... А сейчас он всю похвалится, что он, дескать, настоящий хозяин севильской пшеницы, и стоит ему только захотеть... Короче говоря, полный бред.

Клара кивнула, не придав этим словам особого значения. В соседнем домике всё нарастал шум, да так что разговаривать стало тяжело. Вскоре Клара поняла, что Манжетка уже некоторое время пытается ее о чем-то спросить.

— Прости, я не услышала, что ты сказала?

— Ты ведь девственница, не так ли, душенька моя?

Клара кивнула. Она заметила, что задержала дыхание и покраснела, и не только из-за смущения. Каким-то образом царившие в этом месте свободные нравы запали ей в душу, и этого она совершенно не могла понять. Она чувствовала себя преданной собственным телом, всё это должно было вызвать у нее отвращение, но она ощущала совсем другое.

— Но, голубушка, этого просто не может быть. Тебя уже давно должны были распечатать.

Клара сначала не поняла, что значит "распечатать", пока Манжетка не пояснила свои

слова красноречивым жестом. Клара в ответ покачала головой.

— Но, душенька моя, с этим надо что-то делать, ты ведь уже большая девочка. Сколько тебе лет?

Она встала и опустилась на колени перед Кларой, которая по-прежнему сидела на стуле.

— Скоро будет девятнадцать, — ответила Клара, и голос ее прозвучал так хрипло, что она сама с трудом его узнала.

— Что ж, ты поймешь, что себя лишаешь, душенька моя, — сказал Манжетка, понизив голос до шепота и взяв Клару за руку. — Мне приходится к этому постоянно прибегать, потому что в меня вошло столько сабель, что ножны стали широковаты. А те щеголи, что сюда таскаются, считают себя геркулесами, а сами скороспелы, словно зайцы, и вялые, как вареная свекла.

Произнося эти слова, она опустила кларину руку под платье. Сначала девушка этому сопротивлялась, но потом сдалась и расслабилась. Опытные пальцы проститутки научили пальцы Клары, как осторожно раздвинуть плоть, найти внутри влагу и воссоздать ее в нужном месте. Через пару минут Клара издала приглушенный стон, а по ее телу прокатилась волна удовольствия, от корней волос до кончиков пальцев, а по затылку пробежали мурашки.

— Я... я не знала, что это бывает так, — тяжело дыша, пробормотала она.

Манжетка рассмеялась и ласково похлопала ее ладонью по спине.

— Теперь ты понимаешь, почему все сходят из-за этого с ума, правда? Ладно, по крайней мере, знаешь, чего ожидать, когда будешь с мужчиной. А теперь иди, мне нужно зарабатывать свой хлеб.

Дело плохо пахло с самого начала.

Санчо понимал, какую совершил ошибку, избив похитителей детей. Обычно вылазки против воровского братства, за исключением гибели Сундучника, заканчивались бескровно. Но здесь его охватил праведный гнев и желание во что бы то ни стало проучить этих кровопийц, что наживаются на горе несчастных родителей. С одним из этих подонков, про которого Закариас говорил, будто в ожидании выкупа он еще и растлеивает маленьких девочек, Санчо обошелся особенно жестоко — безо всякого сострадания сломал ему пальцы, изо всех сил борясь с искушением выпустить негодяю кишки.

Конечно, это было глупо, поскольку таким образом Санчо невольно помог Мониподио вычислить его слабое место, помог понять, что именно взбесило его до такой степени, что он потерял над собой контроль. И теперь король воров получил прямо идеальную возможность расставить им ловушку.

Да, от этой истории весьма скверно пахло на много лиг вокруг. Вчера среди жуликов и карманников не говорили ни о чем другом, как о похищении дочери одного французского купца. Кто-то из тех же карманников — под большим, конечно, секретом, проговорился, где держат похищенную девочку.

Санчо вместе с друзьями клюнули на эту приманку, как полные идиоты. Ибо, когда они ворвались в означенный дом, никакой девочки там и в помине не было, зато их поджидали с полдюжины вооруженных до зубов бандитов Мониподио. К сожалению, им даже не пришлось в голову связать одно с другим — до той самой минуты, когда близнецы, уложив на пол шестерых врагов, тяжело дыша, привалились к стене. Даже в потемках можно было различить, как светятся их белозубые улыбки.

— Это ловушка, Санчо, — сказал Маркос, сплюнув сквозь зубы.

Хосуэ сделал какой-то жест, и Санчо кивнул в ответ, поняв, что его друг хочет сказать. Черный гигант определенно беспокоился. Несмотря на то, что негр никогда не принимал участия в схватках, он, тем не менее, оказывал неоценимую помощь, взламывая замки и карауля пленников. Одним своим видом он повергал врагов в такой трепет, что те сами бросали оружие, прежде чем Санчо успевал обнажить шпагу.

— Мы продолжим свое дело. Какими-то они слабаками оказались. Если они и правда рассчитывали, что мы явимся, то приготовили бы для нас еще что-нибудь, — сказал юноша, подойдя к двери и бросил взгляд на улицу. Похоже, снаружи никого не было, но наверняка он не мог сказать, как и не решался высунуть голову — слишком рискованно. — Выйдем через заднюю дверь, — предложил он, направившись к двери, выходящей в узкий переулок, а тот, в свою очередь, соединялся с центральными улицами квартала Ла-Ферия, где было просто оторваться от преследования. Если бы он был один, то сбежал бы по крышам, но ни Хосуэ, ни близнецы не могли использовать этот путь.

К несчастью, как и подозревал Санчо, в переулке засел второй отряд. Четверо навалились на них у самой двери, а еще две тени мелькнули с противоположной стороны переулочка. На сей раз Санчо сам выбирал поле битвы. Хотя их превосходили числом, переулок был таким узким, что их не могли окружить.

— Мы возьмем двоих, — заявил Матео, чертыхнувшись. В его голосе не было ни тени

страха. В отличие от Санчо, у которого перед схваткой всегда дрожали колени, для близнецов в этом заключалась вся жизнь. Шестеро бандитов с обнаженными шпагами приближались к ним по узкому переулку с влажными стенами, освещенному лишь лунным светом, так что большая часть оставалась в тени. Для близнецов это был просто рай.

— Займитесь теми двумя. Защитите Хосуэ.

— Четверо для тебя одного? Рехнулся? — возмутился Маркос, пытаясь занять место Санчо.

"Похоже на то", — подумал Санчо, который с неизбежностью вспомнил слова Дрейера о том, как фехтовальщик становится легендарным — когда совершает подобные глупости:

"Надеюсь, что тебя никто помнить не будет".

— Делайте, что велено! — буркнул он, отталкивая близнецов в противоположную сторону. Хосуэ остался в центре, как лишний свидетель резни, которая сейчас произойдет.

С первым из тех, с кем Санчо пришлось сразиться, он испробовал свое чувство стали — бандит нацелил острие шпаги так низко, что Санчо в мгновение ока мог пронзить бы его насквозь. Но потом он оказался бы во власти остальных. Таковую дуэль стоило вести хладнокровно, как смертельно опасную партию в шахматы, в которой он представлял собой последнюю фигуру.

Головорез шагнул вперед и оказался прямо перед шпагой Санчо. Тот мягко опустил руку, оставляя между ними промежуток — трюк, который противник принял за неопытность. Он бросился вперед, но тут же обнаружил, что Санчо находится не там, где он воображал. Вжавшийся в стену юноша сделал два шага вперед, вонзив бандиту нож меж ребер. Одновременно с этим другой рукой он атаковал второго врага, который не ожидал такого скорого нападения и оказался совершенно неподготовленным. Выпад лишь чуть-чуть не достал до шеи, поскольку противник уклонился, но шпага скользнула по щеке, срезав половину уха и оставив на лице ужасную отметину. Головорез упал, вопя от боли. Санчо пнул его по физиономии, и тот потерял сознание.

"Похоже, что я был прав, маэстро Дрейер. Лезвие клинка тоже делает свое дело", — подумал Санчо, удивившись, что в пылу сражения способен так связно мыслить. Время, казалось, потекло медленней, и он смог поразмыслить о создавшемся положении. Двое выбыли, остались еще двое.

Санчо глубоко вздохнул, пытаясь не думать о кинжале, торчащем из груди умирающего головореза у его правой ноги. Он мог бы с тем же успехом лежать и в Индиях. Если Санчо попытается забрать кинжал, то он покойник.

— За ним, Зоркий. Вперед!

При одном звуке этого имени по спине Санчо пробежал холодок. Он чувствовал, как волосы встают дыбом на затылке от страха и гнева, и изо всех сил стиснул зубы, чтобы не закричать. Перед ним предстали два человека, которых он ненавидел сильнее всех на свете — пожалуй, даже сильнее, чем самого Мониподио. Зоркий и Железнодорожный, телохранители Короля воров. Безжалостные убийцы. Самые опасные выродки во всей Севилье — те, что до смерти забили Бартоло, пока как Санчо слушал из-за стены его крики, не в силах ничем помочь.

Зоркий уже занес ногу, чтобы перешагнуть через раненого, однако Санчо был к этому готов. На совести этого негодяя было больше убийств, чем зубов во рту; свет не видывал более хитрого и жестокого мерзавца. Он прищурился, глядя в сторону, чтобы обмануть противника и заставить его отвлечься. Конечно, в такой темноте это мало чем могло помочь,

но это была лишь одна из тысячи уловок, в которых он поднаторел в предыдущих схватках.

Едва шпаги скрестились, Санчо ощутил необъяснимый прилив сил. Клинок Зоркого нервно подрагивал, как если бы его владелец ежесекундно собирался нанести удар, но всякий раз передумывал. Санчо знал, что лучший способ справиться с любым противником — оставаться невозмутимым, как скала, и терпеливо выжидать. Санчо постарался отключиться от схватки, что разгорелась у него за спиной, где уже вовсю звенела сталь и слышалось резкое дыхание противников. Он постарался забыть обо всем, что происходит вокруг, всё внимание сосредоточив на распределение веса своего тела, направляя всю силу в область бедер, чтобы, когда Зоркий решит напасть, тело как бы непроизвольно проделало всё само. Наконец, косоглазый сделал короткий выпад, затем еще один, Санчо почти не сдвинулся с места, лишь слегка наклонив шпагу в оборонительную позицию и заблокировав атаку, едва та началась. Зоркий же, со своей стороны, сделал самую типичную ошибку, которую совершают все нетерпеливые идиоты.

"Два выпада из третьей позиции, затем один — из пятой, а потом снова — в третью. Комбинация, знакомая всем бандитам самого низкого пошиба, с которой начинают обучение мастера-недоучки в разных сомнительных школах фехтования. В любой схватке они всегда ее используют", — вспомнились Санчо слова Дрейера..

Теперь Санчо имел возможность воочию убедиться в правдивости слов кузнеца. Два выпада последовали сразу же, затем короткий шаг назад, потом — попытка укола в почку и, наконец, возвращение в третью позицию, чтобы из нее пронзить Санчо легкие и затем бросить его наземь, с пузырящейся алой пеной на губах. Одна-единственная смертоносная комбинация, которая никогда прежде его не подводила, Зоркий был настолько в себе уверен, что неосторожно открыл правый бок. Никким образом он не ожидал, что Санчо предугадает эту комбинацию и с легкостью отобьет все удары, полагаясь на выучку Дрейера и собственные инстинкты.

Санчо дважды отбил атаки с третьей позиции и с легкостью отвел укол с пятой, а потом присел на колено в том месте, где только что находилась шпага Зоркого, в то время как его собственная двинулась вперед, найдя незащищенное пространство у груди головореза. С отвратительным хрустом шпага проткнула Зоркого. Кожаные доспехи с тонкими стальными пластинами, которые он носил под сорочкой, много раз спасавшие шкуру бандита, на сей раз, когда наложились друг на друга собственное движение головореза и сила Санчо, оказались бесполезны. Тело Зоркого по инерции насадилось на шпагу, пока эфес не коснулся груди. На его лице отразилось бесконечное изумление, с этим самым выражением его и нашли альгвасилы на следующее утро.

На Санчо этого не увидел, потому что головорез был слишком тяжелым и придавил юношу к земле. Шпага Дрейера так и застряла в теле, и юноше пришлось выдернуть клинок из рук Зоркого. Железнурукый уже надвигался, в такой же степени, как и его товарищ, удивленный столь неблагоприятным исходом схватки. Возможно, если бы именно он атаковал Санчо третьим вместо косоглазого, всё было бы уже кончено. Если бы сейчас на мостовой переулка покоился Железнурукый, то Зоркий бежал бы по направлению к Триане как ошпаренный. Но случилось наоборот, а Железнурукый не отличался сообразительностью. При виде гибели Зоркого им овладела ярость, он бросался в атаку за атакой, не переставая, без какого-либо порядка и стратегии, размахивая шпагой так, что ее острие высекало искры из каменных стен.

Немного сбитый с толку накатившей на него лавиной и действующий медленнее из-за

тяжелой шпаги Зоркого, Санчо как мог защищался от натиска Железнорукого. Бандит выиграл немало схваток благодаря своей силе дикаря и страху, который он внушал соперникам. Санчо едва отбил выпад из четвертой позиции, направленный прямо ему в сердце, и в результате шпага скользнула по его левой руке. Он вскрикнул от боли, и это придало Желернорукому еще больше сил.

Санчо отвлекся и, сделав шаг назад, споткнулся о тело первого убитого головореза и упал. Он лежал животом кверху, как черепаха, и на мгновение подумал, что ему настал конец. Темнота стала чуть менее плотной, и он четко разглядел триумфальное выражение лица Железнорукого, который поднял шпагу с намерением нанести решающий удар. Санчо поднял руку, понимая, что ему не хватит времени, чтобы добраться до брюха бандита, прежде чем тот нанесет собственный удар, но по крайней мере, он умрет сражаясь. И в этот миг, до того, как переулочек вновь погрузился в полную тьму и время потекло с нормальной скоростью, он увидел, что шпага Железнорукого так и не нанесла удар, поскольку ее задержала огромная черная рука. Он увидел, как его собственный клинок вонзился в кишки головореза, тот выпустил шпагу и сделал несколько шагов назад, пытаясь сбежать, но лишь растянулся у входа в переулочек, то ли без сознания, то ли мертвым.

С помощью Хосуэ Санчо поднялся на ноги. В этого мгновение он променял бы поездку в Индии, о которой мечтал всю жизнь, на несколько лучей света, чтобы поговорить со своим другом и никто его не услышал. Чтобы поблагодарить его как следует за то, что принял участие в этом походе и спас Санчо жизнь. Но, может, оно было и к лучшему, потому что Хосуэ всегда клялся, что когда придет час, своим телом закроет Санчо, чтобы никто не причинил ему вреда, а именно это и произошло. Так что Санчо ограничился тем, что с нежностью сжал плечо друга, а негр ответил ему тем же.

Близнецы тоже разделались с обоими противниками, так что Санчо вытащил в темноте свое оружие, и они побыстрее убрались с этого места, опасаясь нового нападения. Через пятнадцать минут они остановились у входа на площадь герцога Медины. Санчо прислонился к стене, голова у него кружилась, и лишь тогда осознал, что левый рукав пропитался кровью из раны на руке.

Он запрокинул голову, глядя в безоблачное небо, жадно впитывая каждый глоток воздуха, остро ощущая теплое дуновение ночи, неотрывно глядя на россыпь влажных пятен, покрывавших оштукатуренную стену перед глазами. Только что исполнилось одно из самых заветных его желаний, что привязывали его к этому миру, заставляли цепляться за жизнь в те страшные дни, когда он стонал под ударами хлыста надсмотрщика на галере. Два подонка исчезли с лица земли, но теперь он почему-то не чувствовал ни радости, ни умиротворения.

Его окружала гнетущая тишина, которая напомнила ему о тщетности бытия и о том, что жизнь вокруг будет всё так же продолжаться много веков спустя после того, как он умрет и будет предан земле. Так же будут квакать в фонтане лягушки, даже если он истечет кровью в этом переулочке. Это внезапное откровение словно ледяными тисками сжало его сердце. На какой-то миг ему даже подумалось: а может, и правда есть там, за чертой, иная жизнь, а если есть, то, быть может, его ждут по ту сторону мать и Бартоло. Внезапная тяжесть одиночества навалилась на него, словно огромная каменная плита.

— Значит, так. Вы все сейчас идете в "Красного петуха", а я отправляюсь лечиться, — объявил он, указывая на свою руку и не решаясь поднять глаза, чтобы друзья не догадались об охвативших его чувствах.

Хосуэ было запротестовал, сказав, что с такой пустяковой раной он и сам может

справиться, но Санчо уже скрылся за поворотом.

Он проник в аптеку со стороны сада, перепрыгнув через изгородь. При этом он старался быть очень осторожным, чтобы случайно не повредить какое-нибудь растение. Потом он запоздало сообразил, что спокойно мог бы войти через заднюю калитку, но что сделано — то сделано. Уже поднимаясь по ступенькам крыльца, он услышал знакомый голос:

— Я вижу, у вас вошло в привычку врываться в мой дом, Санчо из Эсихи.

Она сидела на садовой скамейке, наблюдая за ним. Санчо был крайне удивлен, увидев ее здесь: что могло заставить ее бодрствовать в столь поздний час? Поневоле подумалось, что она ждала именно его. А еще вдруг вспомнилось, что, не вмешайся Хосуэ в последнее мгновение, он бы никогда больше ее не увидел.

— Мне нужна ваша помощь, — сказал он, с трудом поднимая раненую руку. Кровь, окрасившая его ладонь, казалась черной в свете луны, но Клара сразу поняла, что это именно кровь, а не что-либо другое, и без долгих разговоров провела его в дом.

— Снимите хубон и рубашку, — строго приказала она.

Санчо безропотно повиновался, сбросив одежду на пол, чтобы не запачкать кровью ткань, покрывающую стол. Клара велела ему сесть на кушетку, а сама тем временем достала всё необходимое для очистки ран: бутылку с уксусом и банку с мазью, состав которой Санчо так и не смог определить. Когда Клара поднесла к его ране смоченную в уксусе тряпицу, Санчо поморщился от резкого запаха, затем невольно вздрогнул, почувствовав жжение, но именно это ощущение странным образом его успокоило. Боль заставила его вновь почувствовать себя живым.

— Даже интересно, во что вы снова вляпались? — усмехнулась она, вдевая нитку в иголку, чтобы наложить швы. Рана была длиной в добрую ладонь и тянулась вдоль руки Санчо от плеча до локтя.

— Сегодня ночью я прикончил двух негодяев, которые убили моего друга, — глухо ответил Санчо.

Он даже не дернулся, когда игла вонзилась в тело.

— Ну и как? Теперь вы довольны, утолив свою жажду мести? — спросила Клара. В ее голосе не было даже тени осуждения или порицания, хотя, возможно, Санчо это лишь показалось. В то же время, в ее голосе прозвучало что-то еще, и он не мог понять, что же это.

— Это были всего лишь два бандита. А я даже не имел возможности назвать им свое имя и имя того человека, за которого... Короче, я сделал то, что сделал. Я даже не имел возможности заставить их посмотреть в лицо своим преступлениям, чтобы они знали, почему умирают.

— Смерть всегда бесполезна, — заключила она, и снова в ее голосе не прозвучало ни тени упрека.

Санчо ничего не ответил, и Клара продолжала зашивать рану в полном молчании. Глаза Клары встретились с его глазами. Они были невозможно яркими, эти глаза, и настоящими, как ничто другое в этом мире. В них она увидела и страх, и желание, и надежду. Губы ее приоткрылись в легкой задумчивости, и Санчо поцеловал их с самой отчаянной страстью, на какую только был способен. Клара слегка оттолкнула его, но, как оказалось, лишь для того, чтобы расстегнуть пояс своего платья. Потом она легким движением сбросила его с плеч, и платье упало к ее ногам.

Молодой человек смотрел на обнаженную Клару, чувствуя, как тает лед, сковавший его сердце, и как оно начинает бешено колотиться. Он стоял, не в силах отвести взгляда от ее

стройных ног, от темного треугольника между бедер, от скульптурных линий ее груди. В какой-то миг он хотел поведать ей о том, как уже однажды тайком наблюдал, как она, полубнаженная, моется над колодцем, и как потом это воспоминание стало единственной его отрадой в те страшные дни, проведенные на галере. Но, едва прильнув к этому прекрасному телу, он понял, что не сможет сказать ни слова. А когда она обняла его с такой же страстью, оказалось, что никакие слова и не нужны.

Он притянул Клару к себе и обнял ее, нежно поглаживая чистую и прекрасную кожу на ее левой руке. Потом их губы снова слились, и всё остальное исчезло в страстном порыве.

— Всё золото мира не стоит того, чтобы ввязываться в это безумие, — сказал Матео, выглядящий испуганным, впервые с тех пор, как Санчо с ним познакомился.

— Тихо, — цыкнул на него возглавлявший процессию Закариас. — Здесь и стены имеют уши.

— Мы не можем показывать слабость. Войдите туда твердым шагом, не таращите ни на кого глаза и не делайте резких движений. Сегодня мы все получим то, что ищем, — сказал Санчо, уже в который раз повторяя инструкции слепого.

Близнецы погрузились в напряженное молчание, держась позади Закариаса. Несколько минут назад они пересекли Корабельный мост, и слепой повел их по лабиринту переулков Трианы в сторону того места в Севилье, куда им не особо хотелось идти по своей воле. Напряжение было почти осязаемым, но несмотря ни на что Санчо считал, что принял верное решение.

Прошло несколько недель со времен засады Зоркого и Железнорукого. Осень уже принесла вниз по реке серые тучи и ветреные дни с градом, предвещая раннюю зиму. Черные Призраки не прекращали преследование воровского братства, но с каждым днем у них оставалось всё меньше работы. Смерть двух самых опасных наемных убийц города накрыла всю бандитскую структуру огромной волной страха. Эхо этих событий отдавалось даже среди честных людей, который отпраздновали его с нездоровой радостью.

В результате вся противозаконная деятельность прекратилась. Поскольку сократились поставки краденого товара, блошинный рынок перестал существовать, вся его деятельность свелась к паре полупустых лотков. Карточные долги не выплачивались, больше на дверях любовников не прибивали рога, больше никого не убивали за долги. В ночь Всех Святых 1590 года, впервые за столетие, альгвасилы не нашли на севильских улицах ни одного трупа.

Присутствие Черных Призраков полностью остановило преступную деятельность, но остались люди, которые были готовы на всё, чтобы ее возобновить, даже в обход Мониподио. Распространились слухи, которые вскоре дошли до ушей Закариаса.

— Ступай, поговори с ними, — приказал Санчо.

И вот через несколько дней они впятером оказались здесь. Близнецы были одеты в такие же черные костюмы, как и Санчо, их заказали у Фансона специально для этого вечера. А Хосуэ, несмотря на все возражения, согласился взять оружие, после того как Санчо пообещал, что ему не придется им воспользоваться. Они купили у старьевщика два огромных боевых топора, проржавевших и почти бесполезных. Но после полировки и правки на ремне негр повесил их на спину, и топоры придали Хосуэ устрашающий вид.

Закариас остановился на узкой улице, совершенно идентичной тем, по которым они только что прошли. Санчо слишком поздно сообразил, что если что-то случится со слепым и им придется спасаться бегством, то обратной дороги им не найти. Он тряхнул головой, пытаясь об этом не думать. У него и так было предостаточно причин для беспокойства.

— Это здесь, — объявил слепой, тщательно ощупав дверь. Она открылась без стука, как если бы их уже ждали. Открыл ее мужчина средних лет с козлиной бородкой.

— Он только что спустился, — прошептал он.

Проходя мимо этого человека, Санчо внезапно ощутил на себе его пристальный взгляд и

задумался, не мог ли видеть его раньше. Но тут же снова заставил себя сосредоточиться. Все, кто находился в этом доме, его ненавидели, и он ничего бы не приобрел, думая о каждом из них в отдельности. Если в течение ближайшего часа он хочет остаться в живых, то должен рассматривать членов воровского братства как единый организм.

Они вошли в дом, следуя за Закариасом и Козлиной Бородкой. Узкий коридор вел в своего рода прихожую, где находился еще один человек — куда как более грозного вида, чем тот, кто открыл им дверь. Незнакомец велел им остановиться и подождать, а сам принялся о чем-то шутиться с Козлиной Бородкой, временами бросая на незваных гостей весьма недружелюбные взгляды. В конце концов он вновь повернулся к гостям.

— Можете войти, — сказал Козлиная Бородка. — Аккуратнее, слепой. Если я почую какой-нибудь подвох...

— Мы лишь хотим для всех добра, друг мой, — ответил Закариас, пытаясь казаться спокойным.

Двери в дом воровского братства отворились, и Призраки вошли в огромный зал. Все разговоры мигом прекратились, и сотня лиц обернулась в их сторону. На многих застыло удивление, а на других — ожидание.

— Что здесь происходит? — спросил чей-то грубый голос.

Члены братства расступились, и между ними образовался прямой проход, в конце которого стоял тот самый крепкий мужчина с волосатой грудью и густой бородой, которого помнил Санчо. Он был без шляпы, но с пояса свисала кривой ятаган. Король увидел Закариаса, и по его лицу пробежала тень подозрения. Потом он взглянул на его спутников, которые уже шли прямо к нему, и тут же понял, кто они такие. Его рот скривился в жестокой усмешке.

Санчо остановился в нескольких шагах от трона. Люди обступили его кругом.

— Маэсе Мониподио?

— Ну надо же, наконец-то мы узнали, кто такие Черные Призраки, — саркастически произнес бандит. — И в самом неожиданном месте. Интересно, кто же их впустил. Конечно, когда я вижу, с кем они явились, нетрудно связать концы с концами.

Послышались возгласы удивления и звон вынимаемого из ножен оружия. Санчо ощутил всю собранную здесь ненависть, которая накрыла его словно одеялом. Это был решающий момент.

— Вам известно гораздо меньше, чем вы воображаете.

Мониподио приблизился, глядя прямо в глаза. Санчо спрашивал себя, узнаёт ли он его, но бандит не показывал никаких признаков этого.

— Может, и так, но когда мы с вами покончим, когда вы оставите нас в покое, у нас будут более интересные дела, чем слушать ваши рассказы.

Он поднял руку, чтобы приказать их схватить, но Санчо обернулся и обратился к толпе. Его мягкий голос звенел с металлическими нотками, в полной противоположности с тоном Мониподио.

— Мы пришли сюда по доброй воле, чтобы подать прошение братству воров. Выполните наши условия, и ваша жизнь снова вернется в нормальное русло.

— А если я не соглашусь? — спросил Мониподио, усмехаясь.

— Вы считаете, что мы настолько глупы, чтобы явиться сюда полным составом? Или вы и в самом деле верите, что из-за каких-то пяти человек, один из которых — слепой, столь мощное братство, как ваше, оцепенело от ужаса? О, нет, Призраков на самом деле гораздо

больше, чем вы здесь видите. И если хоть один волос упадет с моей головы или с головы кого-нибудь из моих людей — в скором времени не поздоровится ни вам, ни вашим семьям. Итак, раздумывать больше нечего. Мы устроим на вас охоту и поймаем каждого, словно ночные хищники, что таятся в темноте.

— Он просто брехун, — заявил Мониподио. — Взять их!

Но телохранители бандита не сдвинулись с места. Вместо этого Козлиная Бородка сделал шаг вперед и задал вопрос, который заранее согласовал с Закариасом.

— Итак, что за прошение вы принесли?

— Черные Призраки созданы в память обо всех тех жизнях, которые погубил этот человек, — с этими словами он поднял руку и указал на Мониподио. — В память обо всех тех, кто по его приказу был утоплен в реке за долги. Обо всех тех, кого он продал за пару мараведи. Обо всех тех, кому он перерезал глотку лишь оттого, что ему показалось, будто несчастный утаивает от него часть десятины, — здесь Санчо сделал паузу и снова опустил руку. — Поэтому мы требуем голову Мониподио. Когда мы ее получим, Призраки исчезнут.

Бандит лишь фыркнул, от души развеселившись.

— Ты, наглый щенок, да как ты смеешь стоять в моем доме и требовать моей головы? Перед лицом моих братьев, кого я кормлю и защищаю? Да ты выжил из ума.

— Один человек однажды сказал мне, что предпочитает правосудие альгвасилов защите Мониподио. Возможно, вы выясните, что здесь есть люди, которые думают так же.

— Ха! Что скажете? Он прав? Этот парень может войти сюда и...?

Король воров обернулся, и не договорил фразу, потому что его взгляд наткнулся на взгляды подданных. Многие отводили глаза, но другие смотрели на него с укоризной. Ни единого человека в этом зале не связывало с Мониподио ничего, кроме страха и покорности. Куда бы он ни посмотрел, Мониподио видел, как из уст в уста передаются секреты и требования. И никто из присутствующих не ответил на его вопросы.

Оставшись в полном одиночестве, Мониподио попытался снова принять гордый вид. Он приоткрыл губы в натужной улыбке и кивнул.

— Ох, Закариас, похоже, что я больше слеп, чем ты.

— Что посеешь, то и пожнешь, сеньор, — ответил тот, пожав плечами.

— Будь вы все прокляты, насрать мне на вас! — рявкнул бандит, вынимая ятаган. — Но без борьбы я не сдамся, щенок. Нет уж, да поможет мне Господь. Давай сразимся один на один, если не трусишь!

Матео и Маркос одновременно сделали шаг вперед, однако Санчо остановил их предупреждающим жестом.

— Предоставьте это мне.

Мониподио встал в позицию для схватки и начал наматывать круги вокруг Санчо, пока на приличном расстоянии. Санчо бесстрастно за ним наблюдал со скрещенными на груди руками.

— Это будешь ты, паренек? Я думал, первым станет негр. Но смотри-ка, я пока разогреваю клинок.

— Надеюсь, ты окажешься в драке получше, чем два твоих пса, которых я убил пару недель назад в переулке Анимас. Даже моргнуть не успел, — произнес Санчо, медленно вынимая шпагу, как будто со скуки.

Мониподио остановился, недоверчиво прищурившись. Мальчишка не мог этого сделать, по крайней мере, один. Наверняка их было много.

— Ты лжешь.

— Думайте что хотите.

Бандит сглотнул, лишившись изрядной доли самоуверенности. Должно быть, он пытался убедить самого себя, что юноша врет. Или выжидающие взгляды мятежных подданных заставили его сделать шаг вперед. Он вошел в пределы досягаемости клинка Санчо, ятаган в его руке подрагивал, и бросился в неуклюжую атаку. Санчо понял, что Мониподио, приказавший убить сотни человек, давно уже потерял навык, как делать это самостоятельно.

Он отбил выпад из четвертой позиции, первой и шестой, и Мониподио даже и не приблизился к тому, чтобы его ранить. Бандит сделал обманный шаг назад, открыв дыру в защите, но вместо того, чтобы проткнуть его, Санчо шагнул вперед и ударил его в живот ребром левой руки. Эта рисовка едва не обошлась ему слишком дорого, потому что Мониподио, повинувшись инстинкту, выбросил вперед клинок, прежде чем согнуться пополам, и шпага прошла совсем рядом с шеей Санчо.

По толпе прошел ропот, когда Мониподио упал, и это была не жалость. Члены братства, казалось, позабыли о том, что Призраки преследовали их многие месяцы. По сравнению с установленной Мониподио атмосферой страха это казалось им освобождением.

Восстановив дыхание, бандит обнажил гнилые зубы и снова бросился на Санчо. Его робкие движения стали более уверенными благодаря ярости и унижению, и юноше пришлось потрудиться, чтобы с ними справиться. Мониподио решил снова перейти в наступление. Санчо заблокировал серию ударов и когда заметил, что Мониподио запыхался, бросился в собственную атаку. Четвертая позиция, первая и, наконец, когда Мониподио отбил удар из восьмой, полностью вытянув руку, Санчо воспользовался кривизной клинка бандита. Острие шпаги Санчо пронзило предплечье Мониподио, и тот заревел и непроизвольно выпустил оружие.

Санчо ногой отбросил клинок в сторону Хосуэ.

— Шпагу мне! Тысячу эскудо за шпагу! — в отчаянии закричал Мониподио.

Санчо приставил острие клинка к его шее.

— На колени!

— Ты заплатишь за это, щенок! Ты очень дорого за это заплатишь! — голос Короля воров, обычно рокотающий, подобно грому, наводя ужас на всех, кто его слышал, теперь прозвучал беспомощно и пискляво.

— Пришло время платить по счетам. На колени! Я не стану повторять дважды.

Мониподио огляделся по сторонам, ища поддержки и не находя ее. Дрожа от страха и бессильной ярости, он опустился на колени. Санчо с удивлением увидел, как в глазах самого грозного в этом городе человека выступили слезы, которых он не мог скрыть, как ни кусал губы, стараясь сохранить лицо. Но Санчо испытывал лишь презрение к этому паразиту, который привык пить кровь тех, кто слабее, а теперь беспомощно плакал у его ног, и по лицу его катились крупные капли пота. На мгновение Санчо охватило неодолимое желание перерезать ему глотку, чтобы это чудовище больше не топтало землю, ему пришлось даже вонзить ногти в ладони, чтобы сдержаться.

— Маэсе Мониподио, — продолжал Санчо. — Призраки всех тех, кого вы погубили, требуют вашей головы. Мой брат желает отсечь ее своим боевым топором.

Хосуэ даже не шевельнулся, но Мониподио, лишь взглянув на огромного негра, задрожал всем телом.

— Но вы еще можете спасти свою жизнь, если расскажете о ваших преступлениях, — заявил он, повысив голос, а потом схватил его за плечо и прошептал на ухо: — Ну и что вы чувствуете, стоя на коленях, такой беззащитный? Именно таков был рост моего учителя, которого вы приказали убить.

— Так ты мальчишка Бартоло!

— Карточный долг тут был ни при чем. Срок его еще не истек. Зоркий и Железнодорожный искали папку, где хранились некие документы. Кому принадлежали эти бумаги, Мониподио? Кто заплатил вам за убийство человека, который их похитил?

— Я не намерен с тобой об этом говорить.

— В таком случае, пеняйте на себя.

Он махнул рукой Хосуэ, и тот выступил вперед. Санчо задержал дыхание, потому что его друг не причинил бы Мониподио вреда, так что он ждал, что бандит ему подчинится, иначе обман не замедлит раскрыться.

— Хорошо! Это был один купец, очень богатый купец! В этой папке были очень важные документы...

Услышав эти слова, Санчо, утратив остатки благоразумия, с силой рванул бандита за волосы.

— Назови его имя! — потребовал он.

— Варгас! Франсиско Варгас! — выкрикнул тот.

У Санчо комок встал в горле. Он набросился на Мониподио, который рухнул навзничь, как мешок с камнями.

Бандит оперся на руку и с трудом приподнялся, как любой немолодой человек, некоторое время простоявший на коленях. Он ощутил, как в него впились множество взглядов. То, что он только что сделал, назвав имя человека, нанявшего его для убийства, было самой большой подлостью для бандита вроде него. Низость поражения и слезы перед лицом неминуемой смерти по сравнению с этим были ерундой.

— Можете убираться, маэсе Мониподио. Из Севильи. Навсегда.

Бандит не поднимал глаз от пола. Полностью поверженный, он не мог посмотреть на Санчо. Однако он отважился на последний трюк.

— Хорошо, я уйду. Только соберу свои вещи.

Санчо покачал головой.

— Нет уж, уходите, в чем есть. Вы не возьмете с собой ни единого мараведи из тех денег, которые люди платили вам за то, чтобы вы их охраняли, а вы этого не сделали.

Мониподио дернулся, как будто ему вlepили пощечину. Он открыл было рот, чтобы что-то ответить, но тут же его закрыл. Все силы его покинули, он стал похож на тряпичную куклу, из которой вытряхнули половину песка через дырку в боку. Он повернулся, чтобы уйти, но все-таки посмотрел напоследок на Санчо. В его глазах читалось непонимание и изумление, словно он так и не понял, каким образом смог потерять свое королевство за одно мгновение.

— И всё это... всё это — из-за того карлика?

— Этот карлик был моим другом. Только вам все равно не понять, что такое дружба.

Свергнутый король направился к двери, а все его бывшие подданные провожали его взглядами. Санчо мотнул головой близнецам, и те побежали по лестнице на верхний этаж, воспользовавшись тем, что все отвлеклись на уходящего Мониподио. Некоторые члены братства направились вслед за ним, и Санчо задавался вопросом, сможет ли бандит

выбраться из Трианы живым. Он сильно в этом сомневался.

Он вздрогнул от какого-то шуршания под ногами. К нему приблизился Закариас и прошептал на ухо поздравление.

— Поздравляю, мой мальчик. А теперь подумай хорошенько о том, что ты им сейчас скажешь. Если сумеешь найти верные слова, ты станешь новым Королем, и никто не посмеет встать у нас на пути.

— Спокойно, Закариас. Я знаю, что делать.

Слепой, ликуя, похлопал его по спине. Санчо набрал в легкие как можно больше воздуха, прежде чем начать говорить.

— Севильские воры, я — один из вас!

В толпе послышался изумленный шепот, оскорбления и возмущенные выкрики, но остальные заставили товарищей замолчать. То, что только что произошло, внушило им уважение к Санчо, и юноша заметил, что теперь взгляды уже не были враждебными.

— Я родился вдали от этого города, но вырос здесь, сиротой. С карликом Бартоло выучился воровскому ремеслу. Я знаю, как срезать кошельки, проникать в дома и метить карты. Со шпагой я тоже умею управляться, — Санчо по-прежнему держал шпагу в руке и сделал ей движение, заслужившее одобрение публики. — Как в этом мог убедиться ваш Король.

Воры заулыбались. Санчо слегка поклонился, пораженный человеческим непостоянством. Он вложил шпагу в ножны и сделал примирительный жест.

— Я — один из вас и победил вашего Короля в честной схватке. По законам нашего братства я теперь — ваш новый король.

— Сначала мы должны проголосовать! — возразил кто-то.

— Нет!

— Человек вроде него не может стать Королем!

Кто-то еще возмущался со сжатыми кулаками и красным от гнева лицом.

— Конечно, любой из вас может оспорить мою корону в дуэли на шпагах. Желаю ему удачи, которой не обладали Зоркий, Железнодорожник и Мониподио. Есть желающие?

Он засунул большие пальцы в разрезы хубона и поглядел вокруг с вызовом. Возмущенные голоса притихли, кулаки разомкнулись, а руки опустились. Воцарилась напряженная и вязкая тишина, атмосфера стала как только что разлитое масло.

— Я вижу, вы все согласны. Таким образом, я мог бы стать Королем, если бы захотел... — он сделал паузу, чтобы убедиться, что все его слушают. — Но я не хочу. На протяжении долгих лет вы кормили этих паразитов, которые наживались на каждом вашем выстреле, каждой краже, каждой вылазке. А взамен не давали ничего кроме призрачных обещаний защищать вас от альгвасилов.

Напряженное молчание продлилось еще мгновение, воры удивленно переглядывались, пока не взорвалась фонтаном шепота. Закариас подошел к Санчо и взял его под руку.

— Черт возьми, парень, ты хоть соображаешь, что делаешь? — донеслось до ушей молодого человека.

— То, что будет справедливо для всех.

— Но я не для этого тебе помогал.

— А я сверг Короля не для того, чтобы занять его место. А теперь отпусти меня, — сказал он, решительно вырываясь из рук слепого.

Краем глаза он заметил, как близнецы сделали ему знак из коридора, ведущего в покои

Мониподио, и незаметно кивнул, прежде чем продолжить свою речь.

— Когда вы решили служить Мониподио, а не королю Филиппу, вы лишь променяли одно ярмо на другое. Вы могли бы пахать землю или заниматься ремеслом, однако выбрали нечто совершенно иное. Вместо этого вы точно так же гнули спину, чтобы кормить другого короля. Быть может, еще не поздно одуматься и пойти иным путем. Итак, я возвращаю вам сокровища Мониподио и свободу. Отныне его двора больше не существует!

Он поднял руки, что послужило сигналом для близнецов. Они стояли наверху, в коридоре, куда подтащили сундук, в котором Мониподио хранил всё, что накопил за многие годы своей власти. Закариас описал им сундук и очень точно указал, как его вскрыть, используя стальные отмычки, скрытые у них под одеждой. Санчо спрашивал себя, сколько часов Закариас, пользуясь отсутствием своего начальника, гладил этот сундук, мечтая завладеть его содержимым. Или заменить жестокого Мониподио человеком, которым он сумел бы управлять, каким мог бы стать, по его представлениям, Санчо.

Близнецы, увидев сигнал, запустили руки в сундук и начали горстями разбрасывать сверху золотые и серебряные монеты, прямо в огромный зал внизу, на изумленное воровское братство. Там было столько, что понадобилось немало времени, чтобы опустошить сундук, раскидывая монеты во все стороны. По счастью, Матео обнаружил внутри сундука золотое блюдо и с его помощью ускорил процесс.

Санчо с улыбкой наблюдал, как толпа ринулась собирать золото, расталкивая друг друга и дерясь за каждую монету, совершенно позабыв про Призраков. По его телу разлилось торжество. Всего за одну ночь он покончил с Мониподио и вернул этим людям свободу. Возможно, это и отбросы общества. Некоторые, несомненно, просто мусор, но другие — всего лишь несчастные и обездоленные люди. Скорее всего, за несколько дней они потратят внезапно приобретенное состояние на вино и женщин и снова возвратятся к жалкому существованию. А может, воспользуются им, чтобы создать свое будущее, кто знает? В любом случае, сейчас у них есть то, чего они никогда не имели, о чем будут вспоминать каждый день до конца своих дней.

Возможность.

Санчо велел своим людям пробираться к выходу. Все они двинулись следом за слепым. Охваченный торжеством по поводу своей победы, Санчо не придавал значения мрачному выражению на лице Закариаса.

А ему стоило бы побеспокоиться.

Кошмар Варгаса всегда начинался одинаково, в то мгновение, когда он понимал, что лошадиное копыто вот-вот размозжит голову его брата. Но в эту ночь всё было по-другому.

На сей раз герцог был не верхом, а пешим, в виде чудовища. Варгас склонился над распластанным на земле братом, призывая его в отчаянии. Но ни единого звука не вырвалось из его уст. Во сне никто не может кричать, в особенности с кинжалом в глотке.

Когда Варгас подбежал к лежащему на земле телу, он понял, что это не его брат, а он сам. Он попытался бежать, но его руки были слишком слабы, чтобы противостоять огромной силе чудовища.

Вскоре Варгас открыл глаза, он уже не спал, но всё равно находился в западне. Чудовище предстало перед ним во плоти. Железная рука придавила его к матрасу, а лезвие ножа упиралось в шею. В этот ужасающий и полный отчаяния миг Варгас спрашивал себя, то ли его кошмары перешли на новый уровень, то ли нечто из мира жутких снов пришло за ним наяву.

Тогда он заглянул чудовищу в глаза. В тусклом свете очага он увидел в них зеленые огоньки. В это мгновение странной близости они были совсем рядом, словно любовники в разгар страсти. Каждый узнал в глазах другого второй экземпляр того же животного, запертого в слишком тесной клетке.

— Так просто было бы вас убить, — прошептало чудовище. — Всего лишь нажать на нож, и вы истечете кровью. Для меня это было бы столь же просто, как для вас — приказать убить карлика Бартоло.

Варгас вспомнил паренька, который два года назад украл у него папку с документами на ступенях собора, хотя не мог узнать его в этой темной и угрожающей фигуре.

— Но я этого не сделаю. Вместо этого я вас уничтожу перед лицом всего города. Превращу в вонючего нищего с гнойными язвами. Это будет справедливо.

Купец собрался было что-то произнести, возможно, мольбу сохранить ему жизнь, но его терзала уязвленная гордость, и он придал лицу каменное выражение.

Чудовище улыбнулось и исчезло.

Варгас преодолел страх и похромал к открытому окну. Оно находилось очень высоко, залезть через него не было никакой возможности. При свете дня он поймет, что чудовище спустилось с крыши. Моток веревки на подоконнике даст ему знать, что чудовище — всего лишь человек, а значит, тоже смертен. Заря вернет ему желание сражаться.

Но пока Варгас, сжавшись в комок, думал лишь о демонах.

За три ночи до того, как Санчо вырвал Варгаса из его сна, баржа "Повуа-де-Варсин" проплывала неподалеку от Илья-де-ла Барреты. Капитан, уставший от долгого плавания, решил вздремнуть. Море было беспокойным, а небо заложило тучами, но корабль, хотя и старой постройки, без особых трудностей сопротивлялся натиску волн. Штурман знал эти воды, поскольку много раз плавал здесь с грузом зерна в направлении Севильи, хотя никогда еще в это время года.

"Повуа-де-Варсин" стояла в Опорто, а ее команда наслаждалась заслуженным отдыхом, когда владелец получил срочную депешу от испанской короны, что в Андалусии страшная бескормица, и ей грозит голод. Король Филипп настоятельно просил выслать несколько судов, нагруженных пшеницей, но судовладельцу с большим трудом удалось снарядить лишь одно, да и то неполное. Вся остальная Европа тоже страдала от неурожая, а если к этому добавить пресловутую прожорливость испанского флота, то можно ли удивляться, что хлеба на континенте почти не осталось? Пару недель назад опустошили амбары в Антверпене, этот груз, по всей видимости, был последним в Старом Свете.

Капитан спустился с кормы. Когда он открывал ведущую в каюту дверь, его окутала вспышка белого света, и словно гигантская рука отбросила к переборке. Он вернулся на палубу, и как раз вовремя, чтобы увидеть, как грот рухнул на двух матросов. Хруст ломающихся костей был ужасающим, но у капитана не было времени, чтобы об этом задуматься.

— Молния, сеньор! В нас ударила молния!

Грот яростно пылал, только что поднявшийся ветер раздувал огонь. Вторая вспышка высветила испуганные лица команды.

— К помпам! Хватайте ведра! Мы должны любой ценой погасить огонь, если не хотим погибнуть!

Моряки бросились выполнять приказы капитана. Часть матросов встала в цепь, а остальные отчаянно пытались спустить остальные паруса. Капитан охрип, выкрикивая приказы, и сам вскарабкался по вантам, подавая пример матросам. Ветер усиливался, вода перехлестывала через палубу, угрожая смыть капитана.

"Только бы огонь не распространился по вантам. Боже, прошу тебя лишь об этом!" — молился капитан.

Но Всемогуший, видимо, был занят чем-то другим, потому что молитва капитана пропала втуне. Языки пламени заиграли и на соседних парусах. По горящим канатам огонь быстро перекинулся на бизань, которая тоже не была поднята. Без половины связывающих его канатов парус сорвался и рухнул на левый борт. Наполнившись ураганным ветром под неестественным углом, парус опасно накренил судно.

— Рубите канаты! Рубите канаты, или мы потонем!

Один из моряков взял топор и направился к бизани, но так и не добрался до цели. Раздался оглушительный треск, и капитан окунулся головой в воду. Барахтаясь на волнах рядом с судном, капитан слишком поздно сообразил, что шторм вытолкнул баржу на рифы у Илья-де-ла-Барреты. Он в последний раз вспомнил жену и детей и погрузился в черную бездну.

Известия о крушении "Повуа-де-Варсин" дошли до Севильи лишь через неделю. Об утонувших в разгар ночи в португальских водах моряках поведал один из выживших, добравшись до Аямонте, и эту новость передали королевским чиновникам. Когда алькальд открыл письмо, сообщающее о произошедшем, по его спине пробежал холодок. Этот груз был последней надеждой доставить в Севилью пшеницу до наступления зимы. Других путей не осталось, да и времени тоже. А для города со ста пятьюдесятью тысячами душ, две трети которых кормились одной буханкой хлеба в день, это был страшный удар.

К чести городских старейшин, необходимо сказать, что многие из них сделали всё, что было в их силах, чтобы хоть как-то облегчить это бедствие. Они вели переговоры с мясниками и рыбаками, выискивали способы, чтобы снизить цены на товары и сделать их более доступными, всеми способами пытались увеличить приток продовольствия в город и даже попросили кредит у всемогущей Палаты по делам колоний, чтобы пополнить опустевшую городскую казну.

Все эти меры были, конечно же, бесполезны. Люди менее честные воспользовались знанием о грозящем Севилье недостатке хлеба, придержав припасы, сговорившись о ценах с основными поставщиками и, с конечным итоге, наполнили свои карманы со всей возможной скоростью.

К 1 декабря 1590 года в городе работали лишь три пекарни. К середине месяца в Севилье невозможно было найти буханки хлеба. Рожь, ячмень и отруби тоже кончились, и единственной доступной едой остался черный крошащийся хлеб из желудевой муки и древесной коры. Однако в канун Рождества невозможно было найти даже столь жалкой пищи. Епископ, служивший мессу в кафедральном соборе, самолично попросил Бога свергнуть в ад проклятых англичан, ведь именно они, как всем известно, были повинны в этом страшном голоде. Ведь именно эти проклятые еретики сожгли запасы хлеба, которым город должен был питаться всю зиму, напомнил епископ в своей проповеди.

Цены на всё, что хоть сколько-нибудь годилось в пищу, в мгновение ока взлетели на такую высоту, что мало нашлось бы в городе людей, которые могли себе позволить такую роскошь. Основным продуктом питания ремесленников и торговцев стала репа, а когда закончилась и она, людям пришлось жевать траву и коренья. На берегах реки теперь нередко можно было встретить горожан, дерущихся из-за какой-нибудь жалкой рыбешки, которую с большим трудом удалось поймать: рыба в реке тоже почти исчезла. теперь севильцы ели даже осетровую икру, которую в лучшие времена даже в рот не брали, отдавая свиньям. Даже кошки и собаки исчезли с улиц: их переловили отчаявшиеся горожане, которым нечем было кормить своих детей. Город заполнили целые полчища крыс. Ходили слухи, что в трущобах Ла-Ферии и Кармоны бесследно исчезают дети-сироты.

Пока нищета продвигалась семимильными шагами, а голод начал собирать первые жертвы, Франсиско де Варгас стоял у окна в хорошо нагретой комнате. Через несколько недель отчаяние глав города станет столь огромным, что они примут предложение Варгаса и купят пшеницу в десять раз дороже ее стоимости. Но оставалась лишь одна тень, мешающая ему наслаждаться неизбежным триумфом. Время от времени он непроизвольно поглаживал подоконник, словно пальцы не давали ему о ней забыть.

Он был настолько погружен в свои мысли, что не заметил, как в комнату вошла Каталина и приблизилась к нему.

— Хозяин, вас хочет видеть один человек. Он утверждает, что пришел по важному делу, которое может вас заинтересовать.

— Гони его в шею! Сегодня я не желаю никого видеть.

Экономка лишь усмехнулась в ответ.

— Я с огромным удовольствием сделаю это, хозяин. Этот человек очень странный. Он утверждает, что мог бы избавить вас от ночного гостя. Он точно сумасшедший.

Варгас повернулся и в изумлении уставился на старую рабыню.

— Что ты сказала? А ну повтори! — потребовал он, хватая Каталину за руку.

— Да ничего такого... Это просто нищий оборванец, к тому же слепой. Мне больно!

— Скажи ему, Каталина, пусть поднимется. Но сначала скажи де Грооту, чтобы пришел сюда.

Экономка вырвалась из хватки Варгаса и вышла, испуганная и потирая руку, а купец почувствовал, как улыбка медленно расползается по его лицу.

Санчо заерзал на скамье. Вот уже две недели он не выходил из "Красного петуха", и напряжение, вызванное вынужденным бездельем, не давало ему покоя. Тот вечер, когда он навестил Варгаса, был его последним счастливым вечером, хоть он тогда и рисковал не на шутку. Ведь его могли схватить еще на улице, когда он лез в окно, не говоря уже о том, как трудно оказалось проникнуть в спальню купца.

Когда он рассказал Кларе о том, что совершил, они долго спорили, потому что девушка не могла понять его побудительных мотивов. Она разъярилась, что Санчо приставил Варгасу нож к горлу, хотя и ненавидела этого человека почти столь же сильно, как и он. Они расстались в ссоре и с тех пор не виделись. Санчо решил, что со временем всё утихомирится, и он сможет поговорить с Кларой о своих чувствах. Перед этой умной девушкой с непростым характером Санчо совершенно терялся, да и со своими друзьями он посоветоваться не мог — в любовных делах они были столь же неопытны.

Завершив дело с гильдией воров, Санчо предложил компаньонам забрать свою долю добычи и расстаться. В отличие от мести Мониподио, ни близнецы, ни Закариас не имели ничего против Варгаса. Эта новая задача была опасной и малоприятной, и, вероятно, не сулила таких же барышей. Все решили остаться с Санчо, даже слепой, с которого в последние дни слетела угрюмость, и он поклялся в вечной преданности Санчо.

— А когда ты восстановишь баланс справедливости, мы займемся более плодотворными делами, правда, парень?

Жалобный голос Закариаса напомнил ему Бартоло, когда тот умолял Санчо остаться с ним в Севилье. Санчо тогда ему сказал, что собирается осуществить свою давнюю мечту: отправиться в Индии и там разбогатеть, чем разбил карлику сердце. Теперь он не хотел, чтобы такое вновь повторилось, и поэтому отчаянно лгал. Он говорил своим друзьям, что когда всё закончится, сколотит такую банду, какой еще не бывало в этом городе.

— О нас заговорит весь город! Да что там город — весь мир!

Они выпили за это, подняв стаканы, даже Кастро в конце концов оказался отличным товарищем. Для Санчо это вино отдавало горьким привкусом лжи, поскольку он собирался оставить им свою часть добычи и отправиться на первый же отплывающий галеон. Он просил Хосуэ уехать вместе с ним, как и Клару. Хотя они отказались, он всё равно решил ехать. Больше всего его мятежное сердце жаждало покорить Новый Свет.

Однако сначала нужно было покончить с Варгасом. Удивление, с которым он услышал это имя, превратилось в убеждение, чем больше он об этом думал. Каким-то образом его жизнь связывала с жизнью купца невидимая нить, с того самого мгновения, когда Санчо случайно опрокинул ящик с золотом и украл одну монету, за что де Гроот бросился его преследовать. С тех пор прошло больше трех лет, но Санчо казалось, будто минуло несколько жизней.

Так же долго тянулось время в последние несколько дней. Он вошел в дом Варгаса с отвагой и высокомерием невежды. Он угрожал уничтожить его, пытаясь вселить страх в его сердце, но то были лишь пустые угрозы. В отличие от Мониподио, у Варгаса не было уязвимых мест. Его предприятия выглядели вполне законными, торговля велась при свете дня. Вдобавок, по словам тех, с кем говорил Санчо, притворившись представителем

иностранный компании, Варгас, похоже, почти ушел со сцены. Он посещал мессу и ступени собора, но лишь наблюдая со стороны. Он по-прежнему обладал важными сведениями, так что многие пытались перемолвиться с ним словечком, но, похоже, ничем конкретным он не занимался.

— Говорят, что он торгует пшеницей. Какой пшеницей, Бог мой, если ее нет? — сказал Санчо один из тех, с кем он болтал в таверне неподалеку от собора и чей язык развязался после третьего кувшина вина.

Нападение на Варгаса казалось невыполнимой задачей. Закариас предложил свои услуги, чтобы собрать для Санчо информацию, и тот с радостью согласился, когда выяснил, что у Альгвасилов имеется довольно точное его описание, без сомнения, предоставленное Варгасом. Санчо проклинал хорошую память торговца и пожалел (не в последний раз), что нарушил принципы Бартоло, приставив нож к горлу Варгаса, когда предоставилась возможность.

"Вот бы сейчас оказаться в саду у Клары, вместо того, чтобы торчать здесь", — подумал Санчо, тяжело вздыхая.

— Что с тобой случилось? — спросил Маркос. — Ты сегодня весь день пыхтишь.

— Всю последнюю неделю, если быть точным, — ехидно поправил его брат.

Санчо бросил в него лежащим на столе огрызком яблока, и Матео легко увернулся.

"Сдается мне, ты думаешь о ней", — высказал свое предположение Хосуэ.

— Что сказал этот негр? — спросил Маркос.

— Он сказал, что вы — два сопливых педераста, — перевел Санчо, не желая говорить правду.

Хосуэ затряс головой, притворяясь напуганным, а близнецы в шутку на него набросились.

— Ты просто проголодался, парень. Это от голода ты так вздыхаешь, уж я-то знаю.

— Кстати, когда мы будем ужинать? — осведомился Матео, вдыхая аппетитный запах похлебки, которую Кастро помешивал на огне.

— Прямо сейчас. Я хотел дождаться Закариаса, но этот старый слепой крот всё где-то бродит, так что мы выпьем этот кувшинчик вина без...

Договорить он не успел: последние слова поглотил внезапный грохот. Дверь, ведущая на улицу, неожиданно рухнула на пол, вырванная из петель, а в ее проеме появились силуэты двоих мужчин, держащих в руках тяжелые железные прутья с крюками на концах. Они тут же отступили, а их место, как по волшебству, заняли двое других, вооруженных мушкетами.

— Ложись! — внезапно крикнул Санчо, бросаясь на пол.

Послышались выстрелы, вслед за ними раздался крик. Первый выстрел разбил кувшин с вином, который Кастро всё еще держал в руках. Трактирщик в растерянности глядел на оставшуюся у него в руке глиняную ручку кувшина, а по его груди расплывалось огромное красное пятно.

— Я...

Не успев договорить, он рухнул замертво. Санчо забрался под стол, потянув за собой Хосуэ и Маркоса, лежавших на полу рядом с ним.

— Наверх! Все наверх!

Вместо того, чтобы бежать за ним к лестнице, Хосуэ обеими руками поднял стол и взгромоздил его на грудь в виде щита, преградив вход. И вовремя, потому что в дерево вонзились две новые пули.

— Наверх, я сказал! — повторил Санчо.

— Матео! Матео! Нет!

Крик Маркоса прокатился эхом по всему трактиру, и Санчо краем глаза заметил, что его вызвало. Матео растянулся на полу с пулей в голове. Маркос хотел снова спуститься с лестницы, но Санчо схватил его за шиворот и втолкнул в коридор верхнего этажа. Хосуэ последовал за ним, по-прежнему со столом в руках. Здесь не было двери, но Хосуэ втолкнул стол в коридор, перегородив его.

— Что ты натворил! Его убили! Дай мне спуститься, сволочь! — кричал Маркос, совершенно обезумев. Он рыдал, лицо его было бледным, а вздувшиеся вены на висках были похожи на линии на карте.

— Слушай меня! — обратился к нему Санчо, удерживая Маркоса, чтобы он не бросился на импровизированную баррикаду, которую только что соорудил Хосуэ. — Если спустишься, то тебя убьют, и нас тоже. Если хочешь разделаться с тем, кто убил твоего брата, то должен остаться в живых!

Маркос накрыл голову руками, в отчаянии вырывая волосы. Он несколько раз стукнул кулаком о стену, так что костяшки пальцев закровоточили.

Санчо попытался не обращать на него внимания. Хотя в животе у него стоял тугий узел страха, он пытался найти в себе то ледяное спокойствие, которое так ценил в нем Дрейер. Это стоило огромного усилия воли. С другой стороны стола послышались крики стражников, наполнивших таверну и собиравшихся атаковать верхний этаж. Через несколько минут они будут здесь, хлипкий стол, к которому Хосуэ прижимался всем телом, долго не выдержит.

Санчо мерил шагами коридор, чувствуя себя загнанным в ловушку, быстро оглядываясь в поисках того, что могло бы пригодиться. Здесь не было тяжелой мебели, чтобы укрепить баррикаду. Единственным выходом, через который они могли бы вырваться, было оконце в дальней комнате, выходящее на крышу соседнего дома, а оттуда они могли бы сбежать по переулкам, ведущим к крепостным стенам. Но окно было слишком узким. Санчо сомневался, что даже Маркосу удастся через него протиснуться, не говоря уже о Хосуэ.

— Сеньор! Мы нашли золото! Много золота!

— К черту золото! Готовьте таран, чтобы проломить эту баррикаду!

Санчо молча выругался. Им стоило хранить добычу в другом месте. Теперь всё заграбастает алыгвасил, а им останутся лишь монеты, что имелись при себе, это если они отсюда выберутся. Он беспокойно кусал губы, когда его отвлекла пара голосов. Первый говорил обычным тоном, и Санчо не мог разобрать слов, но голос невозможно было спутать. Желчь предательства разлилась по телу, а легкие раздулись от ярости.

— Закариас.

Уже успокоившийся Маркос, который сидел, прислонившись к стене и молча смотрел на Санчо, снова вскочил на ноги.

— О, этот слепой сын шлюхи! Это он нас предал...

Но именно второй голос заставил Санчо подскочить. Он был неприятным и тяжелым, с раскатистым "р".

— Гроот! Гроот здесь!

— Кто это?

— Нас пришли не арестовать, Маркос. Это казнь. Если мы отсюда не выберемся, то будем мертвы, даже "Отче наш" прочитать не успеем.

Санчо снова принялся вышагивать по коридору, кусая пальцы и пытаясь поразмыслить. Вскоре он вернулся к Маркосу и взял его под руку.

— Бочка! Бочка, которую мы нашли вместе с отмычками... Ты еще говорил, что она может нам пригодиться. Где она?

— Бочка... в средней комнате. Ты что, из ума выжил?

Санчо не ответил. Он направился в среднюю комнату и тут же понял, почему ее не заметил. Ночевавшие там Матео и Маркос накрыли бочку куском ткани и использовали вместо стола. Санчо сорвал ткань. Бочка едва доходила ему до колен и была наполовину пуста. Этого должно хватить.

— Помоги мне!

С другой стороны баррикады слышались удары. Хосуэ выдержал первый натиск, даже не шелохнувшись, но было ясно, что дерево долго не продержится. Санчо увидел страх в глазах друга и жестом, который не заметил Маркос, велел ему успокоиться. Он побежал в дальнюю комнату и поставил бочку у окна.

— Вытащи из тюфяка охапку соломы и запали ее, — велел он Маркосу.

Тот несколько мгновений возился с трупом, но находился в таком напряжении, что ему понадобилось несколько попыток, прежде чем он передал Санчо импровизированный факел.

— Тебе руку оторвет, — в ужасе произнес Маркос.

— Иди к Хосуэ, а потом бегите в первую комнату, когда я скажу. И заткните уши!

— Но они же ворвутся!

— Делай, что я сказал!

Маркос подчинился. Санчо держал горячий пучок соломы в одной руке, а другой открывал отверстие в бочке, помогая кинжалом. Оттуда потекла тонкая черная струйка, скапливаясь на полу.

Он услышал в коридоре треск и понял, что стол больше не выдержит.

— Они вот-вот войдут! — донесся до него крик Маркоса.

— Сейчас! — ответил Санчо.

Он побежал к двери и оттуда бросил охапку горячей соломы на растекшийся по полу порох, а потом ринулся к своим товарищам в первую комнату. Без удерживающего ее Хосуэ баррикада тут же подалась, и два человека ворвались в коридор с мушкетами наготове.

Санчо задержал дыхание. Он даже не убедился, загорелся ли порох, прежде чем убежать. Стражники появились в дверях, и мгновение ошарашенно взирали на троицу, растянувшуюся на полу, заткнув уши.

В этот миг пороховая бочка взорвалась.

Впечатление было такое, словно по коридору пронесся ураган. Двоих мужчин отбросило прочь от дверей, и всё вокруг заволочло черным дымом. Санчо крикнул своим товарищам, чтобы вставали, но внезапно обнаружил, что не слышит собственного голоса. Все трое бросились в заднюю комнату, в стене которой — там, где прежде помещалось окошко — теперь зияла огромная дыра. Крыша была сплошь засыпана остатками стены. Они двигались по ней с величайшей осторожностью, боясь поскользнуться — хотя, к счастью, до земли было не слишком далеко. Санчо спрыгнул первым и помог Хосуэ. После этого они вдвоем протянули руки Маркосу.

— Прыгай, мы тебя подхватим!

Мгновение парнишка колебался; однако, когда он всё же решился прыгнуть, раздался новый мушкетный выстрел. Лицо Маркоса исказила боль, его тело застыло в воздухе под

неестественным углом, а потом рухнуло вниз. Хосуэ и Санчо подхватили его на лету, не позволив удариться головой о мощеную мостовую. Негр прижал к груди его голову и обеспокоенно взглянул на друга.

"Он дышит, но очень слабо", — сказал он.

— Мы выберемся отсюда, Маркос. Вот увидишь, — сказал Санчо, сжав его руку.

Хосуэ подхватил Маркоса на руки и бросился бежать следом за Санчо. Несколько раз они меняли направление, слыша крики за спиной, улицы здесь были слишком широкими, а благодатные сумерки еще не наступили. Денег у них не было, единственное прибежище было обнаружено, и все ищейки в городе рыскали по улицам, чтобы их найти и убить. И негде скрыться от них, да еще и с раненым на руках.

"Осталось только одно место, где я могу укрыться. Вот только имею ли я право подвергать ее новой опасности?" — думал Санчо, борясь с самим собой.

Они ускорили шаг, в отчаянии слыша, как всё сильнее дрожит мостовая под сапогами преследователей.

Едва Клара открыла дверь, по спине ее побежали мурашки, и не только от холодного ветра, который ворвался в аптеку вместе с Санчо и его друзьями.

— Закрывай скорее. За нами гонятся, — еле выговорил Санчо, тяжело дыша.

— И ты привел их сюда? — прошептала Клара, не в силах поверить в происходящее.

Он почувствовала, как внутри нарастает негодование. Когда Санчо пришел к ней с ранением в руку и с такой выжженной и пустой душой, словно оставленная на солнце чашка, Клара открыла ему душу и отдала тело. Юноша остался с ней на всю ночь. Они не могли заснуть до самой зари, открывая друг другу всё тело и душу, то, что они не осмеливались открыть никому больше. Санчо возвращался к ней каждый день, хотя иногда оставался лишь на несколько минут.

Никогда прежде Клара не чувствовала в своем теле такой легкости, как в эти дни; казалось, она парила, словно на крыльях, не касаясь ногами земли, с нетерпением ожидая каждой новой встречи. Она верила, что нашла наконец того единственного человека, с которым может говорить обо всем на свете, который поймет, насколько важно для Клары ее дело и свобода, которой она во что бы то ни стало решила добиться. А потом они глупо поссорились, когда Санчо рассказал, что хочет разделиться с Варгасом.

Она не могла понять, почему так разозлилась. Варгас, может, и был ее отцом, но для Клары это ничего не значило. Он также был человеком, которых хотел над ней надругаться и покончить с ее предприятием, но и не это на нее повлияло. Позже, когда Санчо уже ушел, Клара поняла, что если что-то случится с Варгасом до того, как она выкупит свою свободу, то всё пойдет прахом. У юной аптекарши тоже были счеты к этому человеку, она хотела кинуть ему в лицо деньги за свою вольную грамоту. Она была уверена, что сможет этого добиться собственными силами.

Внезапно она поняла и еще одну вещь: что по уши влюбилась в Санчо. Это новое чувство оказалось настолько сильным, что перед ним блекли все те безумные страсти, о которых она читала в рыцарских романах, таких любимых ею в те времена, когда она жила в доме Варгаса. Клара жаждала обладать им снова и снова, она обожала каждую черточку его природы. Как он закусывал губу, когда о чем-то напряженно думал. Как напрягались его бицепсы — точно тугие струны под бронзовой кожей. Как он обдавал ее шею своим жарким дыханием, когда они занимались любовью.

И в то же время она ненавидела его — за то, что он с такой легкостью овладел ее думами, навсегда лишив свободы. Ненавидела за ту бесцеремонность, с которой он вторгся в ее маленький цветущий мирок, вытоптав его своими грубыми сапогами. С его появлением вся ее жизнь смешалась, и она сама теперь не в силах была в ней разобраться. Порой ей хотелось его задушить.

И вот теперь он стоял посреди ее аптеки, в компании огромного негра, на руке которого повис умирающий.

— У меня не было выбора. Мне больше некуда было идти, — сказал Санчо, стгорая от стыда, что подверг ее опасности.

Клара подошла к Санчо и влепила ему пощечину — да такую, что у нее от удара онемела рука, а его щека стала красной, как мак. После этого, прежде чем он успел

оправиться от потрясения, поцеловала его с такой же страстью, с какой перед этим ударила.

— Несите его туда, — распорядилась затем Клара, когда наконец-то отпустила Санчо. — Куда его ранили?

— Выстрелом в спину. Матео и Кастро погибли. Закариас нас предал.

Клара кивнула, хотя в это мгновение мысленно блуждала где-то далеко. Ее думы занимало только то, как помочь раненому. Его положили на кровать девушки лицом вниз, и Клара велела Санчо снять с него рубаху, а сама тем временем готовила необходимые инструменты. Санчо без всяких церемоний разрезал рубаху, обнажив залитую темной и липкой кровью спину. Клара аккуратно вылила на кожу воду из миски, не беспокоясь о том, что на простыни потекли розовые ручейки, и стала видна рана — маленькое отверстие у правой лопатки.

Клара встревоженно нахмурилась. Она знала, что нужно вытащить пулю, потому что иначе больной не поправится. Но процесс извлечения пули быть до крайности болезненным и чудовищно ее пугал. Сделав глубокий вздох, она заставила себя взять в руки ланцет и надрезать рану, расширив ее. Потом она погрузила в горячую плоть пальцы, почувствовав позыв к рвоте, и стиснула челюсти. Она нащупала что-то твердое и неровное и смогла за несколько попыток вытащить пулю.

— Подай мне нож, он лежит на жаровне.

Раненый, который почти не шевелился и лишь едва дышал, дернулся, когда Клара приложила лезвие раскаленного ножа к краю раны. Она быстро и сильно надавила, раздался треск, и воздух наполнил мерзкий запах горелой плоти.

— Теперь он должен дышать, — сказала Клара, вытирая руки тряпкой.

Она подняла взгляд, натолкнувшись на немой вопрос в глазах Санчо.

— Если он переживет эту ночь, то, скорее всего, останется в живых. Но больше мы ничего не сможем для него сделать, — сказала девушка после долгих раздумий. На нее навалилась усталость.

Санчо хотел было что-то ответить, но ему помешал бесцеремонный стук в дверь.

— Это альгвасилы. Мы выйдем через сад, — сказал он, с ужасом представив судьбу Клары, если их застанут внутри.

— Сидите тихо, не высовывайтесь. Предоставьте это мне.

Аптекарьша закрыла дверь спальни, взяла свечу и направилась к входной двери, которая по-прежнему сотрясалась под градом ударов.

— Откройте, именем короля! Дорогу правосудию!

Клара нахмурилась, прежде чем как открыть дверь, чтобы создать у альгвасилов впечатление, будто только что встала. Притворяться встревоженной ей не пришлось. Она отперла задвижки и встретилась взглядом с высоким мужчиной в широкополой шляпе.

— Что вам угодно?

— Мы ищем преступников, сеньора. Это очень опасные типы, которые сбежали от облавы.

— Здесь никого нет, сеньор альгвасил.

— Отойдите, сеньора. Мы должны осмотреть дом.

Клара задержала дыхание, пытаясь найти предлог, чтобы не впустить в дом этого человека.

— Я дома одна, это будет неприлично, альгвасил. Возвращайтесь завтра с утра, и сможете обыскать, что хотите.

В голосе альгвасила зазвучал металл.

— Сеньора, это мой долг. А ваш долг — оказывать правосудию всяческое содействие.

Имейте в виду, я не стану повторять дважды. Отойдите в сторону.

Тут же в голове Клары мелькнуло воспоминание. Она на рынке, на площади Святого Франциска. Мертвый мальчик на мостовой. А над ним — высокий альгвасил с большими усами.

Она подняла свечу, высветив лицо стоящего перед ней человека, как и свое собственное. Альгвасил заморгал от яркого света. Когда его глаза привыкли, обветренное лицо мужчины прочертили морщинки, и Клара поняла, что он тоже ее узнал. В тот день на рынке альгвасил поступил против своей совести под давлением маркиза де Монтемайора. Похоже, альгвасил тоже этого не забыл, потому что он пристыженно потупил глаза.

— Так это вы!

Она молча кивнула.

— И теперь вы аптекарша, — сказал альгвасил, махнув рукой в сторону вывески над дверью. За его спиной бежала группа стражников с факелами, послышался стук в другие двери.

— Лекарь, которому я служила, умер и оставил мне свой дом. Можете приходить в любой время и испробовать мои снадобья, только делайте это в пристойные часы, — объяснила Клара, делая над собой усилие, чтобы голос не дрожал.

— В моей работе не существует расписания, в особенности когда мы разыскиваем преступников.

— Что это за преступники? — спросила Клара.

— Самые опасные, каких только можно вообразить. Банда под названием Черные Призраки.

— До меня дошли слухи о какой-то новой банде, что решила свергнуть тиранию Мониподио. Может быть, они и не так уж плохи, как вы считаете.

— Не мне об этом судить.

— Я уже поняла. Всегда нужно в точности исполнять приказы, правильно?

При этих словах альгвасил застыл, прекрасно понимая, что они значат. Ему тоже не хотелось оставлять безнаказанным убийцу того мальчика. Он задумчиво покачал головой, а потом улыбнулся из-под огромных усов, снял перчатку и поднес руку к лицу девушки. Та замерла от страха, решив, что мужчина собирается ее ударить, но альгвасил лишь нежно прикоснулся большим пальцем к ее левой щеке.

— У вас на лице кровь, сеньора.

Клара оцепенела, не зная, что и сказать. Но альгвасил молча вышел за дверь, закрыв ее снаружи.

— Эй, вы! — донесся из-за двери его голос. — Здесь никого нет! Идемте на соседнюю улицу!

Клара опустила задвижки и прислонилась к двери, выдохнув весь воздух из легких, всё еще в ужасе от того, что чуть не разразилась катастрофа.

Прошло девять дней.

В первую ночь Маркос метался в лихорадке и без конца звал Матео, который, как ему казалось, стоял в изножье его кровати. Санчо всю ночь просидел рядом с ним, держа за руку и отирая испарину влажной тряпкой.

— Я хочу быть с тобой, братишка, — снова и снова повторял Маркос.

— Ты встретишься с ним. Обещаю, что ты с ним встретишься, — отвечал Санчо с дрожью в голосе.

К утру Маркос погрузился в тяжелый сон. Хосуэ и Санчо, сменяя друг друга, дежурили у его постели, но, несмотря на все их усилия, к утру пятого дня он испустил последний вздох. В глубине сада они вырыли для него могилу, и Санчо пролил над ней горькие слезы бессильной ярости. Матео и Маркос были славными ребятами и жестоки лишь с теми, кто по-настоящему этого заслуживал. Никогда и никого они не обидели безвинно, Санчо знал это точно.

"Ему бы хотелось, чтобы его брата похоронили рядом", — сказал Хосуэ.

"Завтра мы отправимся на поиски тела Матео", — ответил Санчо — также на языке жестов. Ему совсем не хотелось, чтобы Клара узнала, чем они собираются заняться.

Это была опасная и неприятная работа. Им было известно, что Матео похоронили в общей могиле неподалеку от Кладбищенских ворот, за городской стеной. Потребовалось немало времени, чтобы отыскать тело и перенести его в сад Клары, и немало денег, чтобы подкупить стражу, которая иначе ни за что не позволила бы его забрать. Но так или иначе, дело было сделано. Когда Клара всё же об этом узнала, она лишь молча кивнула. Она еще сердилась на Санчо, и отношения между ними оставались прохладными.

— Мне очень жаль, что всё так случилось, — сказал Санчо, которому хотел извиниться, а от этого он всегда чувствовал себя отвратительно.

— Не стоит сожалений, — ответила она. — Извинения ничего не изменят.

— Чего же ты хочешь, в таком случае?

— Я хочу, чтобы ты меня любил.

— Но я уже люблю тебя, Клара.

— Любишь, когда тебе это удобно. Предпочитаешь свое прошлое и своих призраков вместо ожидающего нас будущего.

Санчо сжимал и разжимал кулаки. Он кипел от возмущения, потому что она заставляла его сделать выбор между собой и долгом.

— Кто для тебя этот человек? Этот паразит, разрушивший столько жизней? — Санчо взял Клару за руки. — Ты сама погружала эти пальцы в раны, которые причинил Франсиско де Варгас!

Клара хотела было ответить, но в последний момент передумала, и Санчо ощутил, словно между ними возникла преграда.

— Не могу сказать тебе, почему. Но я не хочу, чтобы ты его убивал, — только и ответила она.

— Я тоже не собираюсь этого делать. Мне достаточно было бы лишь свергнуть его с пьедестала. Вот только не знаю, каким образом смогу это сделать.

Клара мгновение поколебалась, не решаясь открыть Сачно то, что ей известно. Но под конец вздохнула.

— Думаю, что я смогла бы помочь тебе в этом.

Санчо отправился вместе с Кларой в "Компас", завернувшись в старые одеяния Монардеса, чтобы его не узнала стража у ворот, но они даже не взглянули на него. Для них он просто был очередным посетителем борделя.

Когда они вошли, аптекарша перехватила несколько взглядов, которые бросали на молодого вора шляхи, и впервые в жизни почувствовала укол ревности. Но Санчо слишком поглотила та возможность, о которой намекнула Клара, так что он не замечал ничего вокруг. Они немного поговорили с Манжеткой, к разговору также присоединились несколько девушек, которым довелось иметь дело с Гроотом. Обрывочные рассказы шлях сложились перед ними в мозаику. Из страха и жалоб на жестокость фламандца они извлекли ключ для нападения на Варгаса, хотя многих частей еще не хватало.

В полном молчании они вернулись в дом Клары. Девушка чего-то хотела от Санчо, но сама не понимала, чего именно, а он пытался побороть беспорядочные сердечные порывы.

— Клара... — произнес наконец Санчо, нарушив молчание.

— Прошу, не говори ничего. Ты уже получил всё, что хотел. И возможно, то, что ты сделал, даже к лучшему, — призналась Клара. — Если Гроот действительно проговорился, и Варгас припрятал зерно, то он несет ответственность за разразившийся в городе голод. Делай, что должен.

Санчо кивнул и поцеловал ее, хотя Клара отвернулась и вышла в сад, откуда не появилась, чтобы попрощаться, когда Санчо с Хосуэ часом спустя ушли.

"Она тебя любит", — сказал негр, когда они вышли на улицу.

— Я знаю. Вот только не знаю, достоин ли я ее любви.

"Когда на лошади сидят двое, только один из них впереди".

— Какого дьявола ты хочешь этим сказать?

"Поймешь, когда будешь ехать спереди".

Санчо эти слова заинтриговали, и его раздражало, что друг не может выразиться яснее, но он провел рядом с Хосуэ слишком много времени, чтобы с легкостью отмести его таинственные сравнения. Негр был гораздо мудрее, чем казался с виду. В любом случае, сейчас у Санчо не было времени, чтобы задумываться над его словами.

— Сначала нам нужно найти постоянный двор, где мы могли бы остановиться. Тогда я расскажу, что мы будем делать.

Он облегченно вздохнул, когда они оказались в четырех стенах, потому что в этот день впервые вышли на улицу при дневном свете. Хотя со дня нападения на "Красного петуха" прошло уже больше недели, Санчо был уверен, что их ищут. Они избегали главных улиц и патрулей стражи, со всей осторожностью пытаясь найти место, где могли бы поселиться.

В тот же вечер Санчо начал следить за домом Варгаса. Несколько дней он провел в бесконечном ожидании, но в конце концов вычислил часы прихода и ухода де Гроота. Фламандец всегда уходил пешком, за исключением понедельника и четверга, когда он верхом на лошади отправлялся к воротам Кордовы. Санчо с легкостью провожал его до ворот, поскольку верховая езда по узким улицам Севильи не гарантировала скорости, скорее наоборот. Для того, кто привык перемещаться между домами со скоростью свистящего в деревьях ветра, следовать за Гроотом было сродни детской игре. Совсем другое дело, когда копыта лошади фламандца касались пыльного Королевского тракта, и Гроот пришпоривал

коня, словно вся его жизнь зависела от этого. Там за ним невозможно было проследить.

В следующий понедельник Санчо не стал дожидаться фламандца возле дома Варгаса, а спрятался позади часовни святой Хусты, легонько похлопывая по шее стоящего рядом коня. Этого коня он украл тем же утром, и животное еще не успело к нему привыкнуть. Санчо надеялся, что сможет вернуть его еще до захода солнца, поскольку вылазки Гроота никогда не были слишком долгими.

Следить за фламандцем на открытой местности оказалось задачей куда более сложной, чем он себе представлял. Несколько раз он чуть не потерял его из вида, особенно когда тот свернул с дороги рядом с сосновым бором и какими-то обугленными остатками строения. Санчо понял, что это, вероятно, сожженный амбар, о котором ходили разговоры в Севилье. Говорили, что виноваты в том английские лазутчики, что еще больше разъярило горожан. Ничто не могло заставить их так возненавидеть голод, как осознание, что причиной ему являются англичане.

Поравнявшись со сгоревшим амбаром, Гроот придержал лошадь и слегка повернул голову. Санчо на мгновение испугался, что фламандец его обнаружил, но потом ему пришло в голову кое-что другое. Он находился слишком далеко, чтобы разглядеть лицо капитана, но что-то в поведении Гроота заставило его подумать, что тот получает удовольствие от созерцания этих руин. Удовлетворенная гордость.

"Так это сделали они! Это они подожгли амбар".

Он чуть не потерял фламандца из вида, когда тот свернул на едва заметную тропу среди деревьев и спешил, держа лошадь в поводу. Санчо понял, что он близок к цели. В этом уединенном месте он не рискнул следовать за Гроотом верхом, раз тот двигался так медленно, потому что он наверняка услышит топот копыт и с большого расстояния.

Санчо кусал губу, пытаясь сосредоточиться. Если капитан пересечет лесок и снова сядет на коня, пустив его в галоп, то на этом преследование закончится. В конце концов Санчо всё-таки решил спешиться. Он привязал лошадь к дереву за выступом скал, так что если де Гроот проедет здесь раньше, то не сможет ее заметить. Он положил перед лошадью немного сена, чтобы она не заржала.

— Надеюсь, со мной ничего не случится, друг мой. А то мне бы не хотелось, чтобы ты окончил свою жизнь в волчьем желудке.

Животное довольно фыркнуло, и Санчо побежал вверх по тропе в направлении соснового бора, где скрылся Гроот. В эти мгновения он вспомнил ежедневные пробежки к тополиной роще, которые совершал каждое утро от дома Дрейера, и пожалел, что в последние месяцы не делал подобным упражнений. Его ноги поначалу запротестовали, но потом он автоматически перешел на широкий шаг, к которому привык в доме кузнеца. Он следовал по тропке в лесу, широкой, но едва заметной под опавшими листьями, и смутно чувствовал — что-то здесь не так. А потом он это увидел и удивленно замер.

"Листья! Ну конечно же! Какой же я дурак, что раньше не догадался".

Дорогу покрывали листья, а не сосновые иголки, которых просто было недостаточно, чтобы спрятать широкие колеи. Это были старые коричневые листья акации и дуба, привезенные из какого-то другого леса и специально рассыпанные здесь.

"Кто-то очень старается что-то спрятать, — подумал он. — И это находится в конце дороги".

Дрожь земли, а потом топот копыт предупредили его, что приближается наездник. Санчо бросился наземь между деревьями, и как раз вовремя, потому что через секунду из-за

деревьев выскочила лошадь де Гроота, возвращающегося в Севилью. Санчо некоторое время лежал, пока не удостоверился, что звук замер вдали, а потом снова пошел вверх по тропе.

Добравшись до старой лесопилки, он изумленно застыл. Строение было огромным и стояло в низине, так что не было видно со стороны Королевского тракта. Судя по обветшалому состоянию, она уже много лет как бездействовала, хотя в свое время это предприятие, должно быть, поставляло в Севилью огромные количества древесины. С тех пор, как ее забросили, вокруг поднялся сосновый бор, скрыв ее из вида.

И спрятана там была не только эта лесопилка. Ее двери и окна были плотно закрыты, и Санчо пришлось взбираться по стенке строения, очень осторожно, чтобы не наткнуться на ржавый гвоздь, что означало бы верную смерть. На борту "Сан-Тельмо" он видел к чему это приводит, как выгибается спина и больной испускает дух в страшных мучениях.

На крыше он сумел найти плохо пригнанные доски и сдвинул их на достаточное расстояние, чтобы просунуть голову. Не успели его глаза привыкнуть к темноте, как что-то черное и мерзкое прикоснулось к лицу. Санчо развернулся, выхватив кинжал, но почувствовал себя глупо, когда оказалось, что это лишь маленькая летучая мышь, испугавшаяся яркого света и улетевшая в лес.

Он снова заглянул внутрь, и в конце концов удостоверился в том, что и так уже подозревал. Под этой крышей Варгас прятал секрет, из-за которого умирала от голода Севилья.

Тысячи мешков пшеницы! Этого хватило бы, чтобы прокормить весь город в течение нескольких месяцев.

Он вернулся в Севилью, погруженный в мрачные мысли. Если он объявит о том, что видел на том складе, альгвасилы реквизируют товар и продадут по справедливой цене, что подкосит Варгаса. Возможно. Или, может быть, он подкупит членов городского совета и судей, чтобы замолчать происшествие и любыми способами сохранить зерно. К сожалению, Санчо не мог предугадать, чем всё это закончится. В таком случае купец не отправится в тюрьму, а может притвориться, что он тут не при чем или отделаться штрафом. Подобные ему люди никогда не попадают на галеры.

Санчо крутил в руках поводья, заразив своим беспокойством и лошадь, которая ускорила шаг. Ему нужно придумать другое решение. Благодаря которому Варгас будет выглядеть в глазах всего города чудовищем. И причем быстро, потому что каждый день, пока эти мешки не находились в распоряжении жителей города, приносил еще больше смертей.

Но как Санчо не напрягал мозги, он так и не смог ничего придумать. Он въехал в город через ворота Святого Хуана и спешил неподалеку от того места, где украл лошадь, хлопнув ее по крупу. Ведомое инстинктом животное поскакало к своему стойлу.

"Вот бы моя жизнь была такой же простой, как твоя, дружище. Если бы меня вели в поводу, как солдата".

Последнее слово на несколько мгновений застряло в его мыслях. И тогда Санчо понял, что один его знакомый может помочь в этом деле.

Постоялый двор Томаса Гутьерреса выглядел элегантно и находился рядом с королевским дворцом. Ничего похожего на лачугу в квартале Ла-Ферия, где им с Хосуэ приходилось прятаться. Здесь были большие и просторные комнаты и целая армия горничных сновала туда-сюда со швабрами и горами белья. Не было необходимости спрашивать про Мигеля де Сервантеса, потому что комиссар по закупкам сидел в кресте у камина в главном зале, погруженный в чтение. Он поднял взгляд от страниц и приблизился к

молодому человеку с искренней улыбкой.

— Дружище Санчо! Садитесь, прошу вас, — он махнул рукой одной из служанок, и та тут же принесла кувшин вина. — Пришли сыграть в карты? Коли так, то должен предупредить, что не собираюсь с вами состязаться. Уверяю, что научился на собственных ошибках.

Санчо налил себе вина и залпом опустошил стакан. После долгого дня, проведенного верхом, и пробежки по лесу, его мучила жажда, и он дрожал от холода, но пил он скорее для того, чтобы собраться с духом. Опустошив стакан, он излил всё накопившееся на душе. Он рассказал комиссару всё без утайки. Каждый этап своей жизни за последние годы, решения, которые он принимал, и события, в которых участвовал. Лицо Мигеля посуровело, когда Санчо рассказывал о своей воровской жизни, но он посочувствовал юноше, когда тот поведал о жизни на галере. Возможно, Мигель прошел через что-то подобное, хотя тот и не сделал за весь рассказ ни единого комментария.

Санчо говорил больше часа, и финал посвятил заговору Варгаса с зерном и плану, как вывести купца на чистую воду и вернуть пшеницу городу.

Когда он закончил, то выжидающе посмотрел на комиссара, пытаясь вычислить мысли собеседника.

— У вас была нелегкая жизнь, дружище Санчо. Я всегда придерживался мнения, что каждый — кузнец своего счастья. Но никогда под руками не оказывается нужного инструмента, а иногда приходится вырывать его зубами. Не бойтесь, я вас не осуждаю, это не мое дело, оно касается лишь Господа.

— Значит, вы мне поможете?

Тот задумался.

— То, о чем вы мне рассказали, очень серьезно, Санчо. Мой долг как комиссара — рассказать об этом.

— Ну что ж, — печально изрек молодой человек, поднимаясь. — Теперь я вижу, что совершил ошибку, обратившись к вам.

Однако Мигель не позволил ему уйти, удержав за плечо.

— Нет, прошу вас. Сядьте. Я разделяю ваше беспокойство, что если донести на Варгаса, это ни к чему не приведет. Думаю, что ваш план, хотя и рискованный, но лучше, чем другой исход. Однако есть одна вещь, которую вы не предусмотрели: нам нужен человек, который сделает предложение. И это не может быть любой человек с улицы.

Санчо не ответил. Он смотрел вверх и вправо, через голову Мигеля. Тот обернулся, заинтригованный, чтобы узнать, на что с таким интересом смотрит юноша.

У камина висел огромный деревянный щит, нечто вроде доски объявлений. Там были тарифы на постой, королевские указы и объявления о потерянных предметах с обещанием вознаграждения. Но не это заинтересовало Санчо. На углу неподалеку от них афиша объявляла о представлении в местном театре. Санчо на обратил внимание ни на название спектакля, ни на адрес заведения. Лишь единственная строчка притягивала его взгляд. Иностранное имя одного из актеров, игравшего самую несущественную роль в труппе.

— Я думаю, дон Мигель, что нашел идеального человека для этой задачи.

Напустив на себя надменный и презрительный вид, Гильермо де Шекспир ожидал за дверью Варгаса. Он понимал, что купец нарочно заставляет его ждать, чтобы подчеркнуть собственное могущество и зависимое положение Гильермо, однако именно к этому Санчо его и готовил.

Когда неделю назад молодой человек подкараулил его на выходе из театра, англичанин его не узнал. Тем не менее, он охотно принял его приглашение распить кувшинчик вина. И лишь когда служанка принесла напиток — лучшее вино из Торо — память англичанина вернула его на три года назад, в трактир, где он тогда жил, и где по его вине жестоко избили этого мальчика.

— Сансо! — воскликнул Гильермо на ломаном испанском, ставя на стол пустой стакан. — Вот теперь я вас вспомнил.

— Но так и не научились выговаривать мое имя, — ответил молодой человек по-английски.

От этих слов глаза Гильермо загорелись. У него было не много возможностей поговорить на родном языке.

— Ах, Сансо. Новый язык в старых устах — плохая комбинация. Но расскажите мне, расскажите о своей жизни. Только говорите потише. В нынешние времена лучше не говорить по-английски в открытую.

Хотя они сидели в углу пустой таверны, Санчо прислушался к этому совету.

— Вы до сих пор притворяетесь ирландцем?

— Хотя мне это с трудом дается, но да. Я боюсь за свою жизнь. Но и на родину вернуться не могу, как бы я этого ни хотел. С тех пор как Филипп ведет войну с Елизаветой, из Севильи к моим островам не ходят корабли.

— Вы могли бы отправиться в Нормандию.

— Для этого у меня не хватит денег. Моя единственная надежда — найти доброго английского капитана, который захочет вернуть соотечественника на родину. Боюсь, что мне придется подождать.

Гильермо поведал, как трудно ему пришлось в эти годы, со всей обычной страстью и цветистостью, которые наполняли его рассказы. Он преподавал в нескольких домах английский молодым дворянам и торговцам, эта работа выводила его из себя, но давала средства на скудное существование. Бывали дни, когда ему приходилось прокрадываться на кухни, чтобы стащить какую-нибудь еду. Когда он больше не мог выносить дерзости избалованных мальчишек, то сменил плохо оплачиваемую профессию учителя на еще более нищенскую профессию актера. Учтывая его плохой кастильский, он мог рассчитывать лишь на вторые роли без слов.

— Я изображал стражника, священника и камень. И дерево, будь оно проклято. Клянусь, что если однажды напишу приличную комедию, то в ней не будет ни единого дерева.

— Вы всё еще пишете, Гильермо?

Пальцы англичанина, как и тогда, были испачканы чернилами. Но в голосе его прозвучало разочарование, а вокруг глаз собрались морщинки.

— Немного, — ответил он. — Но я так и не написал ничего стоящего. Зато извел целые горы бумаги, которая оказалась бы куда как полезнее в качестве растопки. В конце концов я попросту сжег всё, что написал.

Теперь настала очередь Санчо рассказать свою историю. По сравнению с рассказом Гильермо, это было сухое и аскетичное повествование, на которое понадобилось вполонину меньше времени. Но когда он закончил, Гильермо вытаращил на него глаза.

— Значит, вы стали вором.

— Как Робин Гуд. Я решил, что тоже смогу удрать из нищеты таверны и сделать себе имя, грабя богачей, чтобы отдавать всё беднякам. Каким же я был дураком.

— Это была всего лишь сказка, — прошептал Гильермо.

Санчо не ответил. Англичанин с виноватым видом спросил, может ли что-нибудь для него сделать.

— Конечно, можете, дон Гильермо. Вы можете сыграть лучшую в жизни роль. А взамен я верну вас на родину.

При этих словах с лица Гильермо тут же слетело виноватое и удрученное выражение, словно с порывом ветра.

— И где будет происходить представление?

Сценой, объяснил ему Санчо, будет кабинет Варгаса, куда как раз вошел Гильермо в сопровождении капитана де Гроота. По сравнению с прохладой двора, эта комната напоминала печку. Хотя англичанин и рад был оказаться в тепле, но тут же вспотел.

"Я не должен вытирать верхнюю губу и лоб. Избегать любого прикосновения", — напомнил себе Гильермо.

Он приблизился к Варгасу, который недоверчиво его рассматривал, сидя за письменным столом. Гильермо опустил голову, напряженно застыв, и протянул купцу свои верительные грамоты. Варгас даже не шевельнулся, чтобы их взять, к гостю подошел Гроот, взял бумаги и вручил их своему господину. Тот окинул бумаги беглым взглядом, ни единый мускул на его лице не дрогнул.

"Они настоящие. Всё по-настоящему, как будет настоящим нож, который воткнут мне в брюхо, если я не сыграю как следует", — заставил себя подумать Гильермо, пытаюсь отвлечься от мысли о том, что два дня назад на этих фальшивых грамотах еще не высохли чернила. Они стоили целого состояния, которое Санчо пришлось собрать, срезая кошельки на площади Святого Франциска. И это ему не нравилось, с каждым разом он всё больше ненавидел воровство.

— Меня зовут Франсиско де Вимполе, и я... — заговорил Гильермо на своем ломаном кастильском наречии.

— Я знаю ваш язык, сеньор де Вимполе, — ответил по-английски Варгас. Голос его звучал твердо и властно, и Гильермо сразу понял, какой это жестокий и безжалостный человек.

— Меня это радует, сеньор. Это значительно облегчает мою задачу, — ответил актер с таким апломбом, какой только был возможен в этом языке.

Варгас приподнял край исписанной мелким бисером бумаги. Часом раньше Гильермо вручил ее в запечатанном виде одному из слуг.

— Не знаю, что это за задача, Вимполе. Это сообщение намеренно составлено так, что ничего не понять. С таким же успехом вы могли бы написать здесь рецепт каши. Даже ваше присутствие в этом городе — это измена.

— Так же, как сжигание амбаров без пшеницы и обвинение в этом моей страны, сеньор Варгас? — спросил Гильермо, пытаясь придать тону сарказм.

Реакция на его ужасающие слова была тройной. Варгас напряг плечи и сжал кулаки, Гроот сделал шаг вперед, а испуганное кряхтение в дальнем углу кабинета открыло присутствие за ширмой еще одного человека.

— Выходите, Мальфини. Раз уж вы сами себя выдали, то сможете и посмотреть, как Гроот разделается с этим англичанином, — сказал Варгас сквозь зубы.

Гильермо расхохотался. Если бы это было театральное представление, публика бы содрогнулась, настолько естественной получилась эта демонстрация презрения. В кабинете же она, по крайней мере, смогла остановить Гроота, который растерянно смотрел на своего господина. Находящийся за ширмой человек — , жирный, с неряшливой и похотливой внешностью — покинул свое убежище и глядел на разыгравшуюся сцену с открытым ртом.

— Сожалею, если мои слова показались вам слишком неприятными, сеньор Варгас. Я только хотел разъяснить, что предательство — это лишь вопрос точки зрения. Для англичан я патриот, а вы... что ж, у вас есть деньги. А с сегодняшнего дня будет гораздо больше денег.

Варгас посмотрел на Гроота, который отступил на два шага назад.

— Продолжайте.

— Я хочу купить вашу пшеницу.

— У меня нет никакой пшеницы.

— Да полно, сеньор, не отпирайтесь. Севилья наводнена нашими шпионами. Мне прекрасно известно, что вы прячете на старой лесопилке. А поскольку это известно не мне одному, то я надеюсь выйти отсюда живым и невредимым, независимо от того, сможем мы с вами договориться или нет. Надеюсь, мы поняли друг друга?

Лишь немногие позволяли себе разговаривать с Варгасом в таком тоне. Купец был полон гнева и медлил с ответом. Гильермо почувствовал, что Варгас спрашивает себя, каким образом его раскрыли, хотя этого он рассказывать не собирался.

— Хорошо, — медленно ответил Варгас. — Мы поняли друг друга.

— Что ж, в таком случае позвольте мне исполнить поручение ее величества королевы Елизаветы, — при упоминании королевы англичанин гордо выпрямил шею, что было не вполне притворным. — Мы хотим купить вашу пшеницу.

— И какова же ваша цена?

— Миллион эскудо.

Мальфини жадно засопел. Даже Варгас, привыкший при любых переговорах сохранять каменное лицо, почувствовал легкую дрожь в верхней губе.

— Если я продам вам пшеницу, Севилья вымрет от голода, — прохрипел купец.

— Именно этого и хочет Англия, сеньор Варгас. Нам нужна разделенная Испания, чтобы разделаться с ней, как вы, наверное, уже догадались. Нам не нужна еще одна Армада, направленная к нашим берегам. В следующий раз у нее может и получиться.

— Вы хоть понимаете, чего вы от меня требуете?

— Говорят, вы родились бедняком, сеньор Варгас. И разбогатели. По моему опыту, ни один честный человек не способен это сделать. Так что вы примете предложение.

— Вы просто наглый ублюдок, Вимполе.

Если Варгас ожидал, что это заденет посетителя, то этого не добился. Гильермо мудро проигнорировал этот комментарий, ясно дав понять, насколько неуместным считает мнение Варгаса.

— Как пожелаете. Но я наглый ублюдок с пшеницей?

Купец потупил взор. Когда он снова поднял глаза, из них исчез страх, словно он принял решение и понимает последствия своих действий.

— Согласен.

— Ну что ж, отлично, сеньор Варгас. В таком случае, вот мои условия.

В следующие дни Гильермо пропал из вида. Следуя указаниям Санчо, он не вернулся в театр и не показывался на улицах, чтобы снизить риск неожиданного столкновения с Варгасом.

Неделю спустя, накануне согласованной с купцом даты, англичанин проснулся на закате, с похмельной головой и слипающимися веками. Санчо регулярно снабжал его вином, что сказалось на нем плохо. Как всегда после избыточных возлияний, он клялся, что никогда больше не будет пить, хотя не в состоянии был сдержать это обещание. Гильермо внутренне ощущал неутолимую потребность, которая сжирала его внутренности, как дикий зверь, в особенности проявляясь в те минуты, когда он сочинял один из своих сонетов. Если слова не складывались или Гильермо не считал их достойными, клыки этого зверя вгрызались в его печень. Гильермо знал единственный способ погасить его ярость — утопить зверя.

В такие минуты он вспоминал своих детей, хотя и пытался не думать о них, чтобы не ощущать еще большего груза одиночества. Когда он покинул Англию в 1588 году, старшей, Сюзанне, было пять лет, а близнецам Хамнету и Джудит — три. Уже много месяцев он не зарабатывал достаточно денег, чтобы отсылать их домой, и спрашивал себя, как они там. Его жена была слишком эгоистична и глупа, чтобы научиться писать или еще каким-то образом отправить ему весточку. В который раз в жизни он пожалел о том, что обрюхатил женщину на восемь лет старше, на которой его принудили жениться. Он едва ее выносил и отправился от нее подальше в поисках своей судьбы, что было для него единственным выходом.

Движимый желанием преуспеть в театре, он присоединился к труппе бродячих комедиантов, отправившись в двухгодичное турне по континенту, посещая такие места, о которых он раньше и не слыхивал — Верону, Венецию или Севилью. Актерские способности Гильермо были неплохими, и этим он пытался компенсировать свои попытки постоянно импровизировать по ходу спектакля. К тому же он обладал большим талантом, чем товарищи по труппе. Это время от времени вызывало стычки и споры, которые вывели из терпения директора театра, а в результате он выгнал Гильермо. Кончилось тем, что актеру пришлось жить в потрепанной дыре под названием "Красный петух", проклиная судьбу и застряв из-за войны в Испании с постоянным ветром в карманах.

Образ бездонного кошелька вдохновил его на первый куплет сонета, но к тому времени он уже находился перед дверьми постоялого двора Томаса Гутьерреса. Смущаясь от элегантности здания, он зашел с осторожностью, слишком остро чувствуя, что его плундры в паре мест заштопаны, а пожелтевшие манжеты сорочки — в чернильных пятнах.

— Маэсе Гильермо!

Санчо ждал в дверях и провел его в маленький, но уютный зал, который хозяин постоялого двора предоставил в их распоряжение. Там стоял низкий стол, окруженный скамьей и двумя стульями. На одном из них сидел худощавый мужчина с крючковатым носом, который тут же встал.

— Дон Мигель де Сервантес, позвольте представить вам дона Гильермо де Шекспира.

Ужин прошел в кропотливых попытках понять друг друга — Гильермо боролся со своим плохим испанским, а Мигель делал удивленное лицо, когда актер произносил слова на

собственном языке. Комиссар знал по-английски лишь ругательства и воинские команды. Но с помощью Санчо они поняли друг друга.

Когда юноша представил их друг другу, Мигель осмотрел Гильермо с головы до пят своим прямым и колким взглядом, таким же аскетичным, как и его собственное тело, не скрывая неприязни к врагу короля. Гильермо тут же это заметил, но попытался сгладить впечатление, выявив то, что было между ними общего. Трудно было найти двух более отличающихся людей, поскольку на фоне кастильской строгости комиссара Гильермо отличался чувственным и непостоянным характером.

— Я понимаю ваше предубеждение в отношении меня, дон Мигель, — сказал Гильермо, отодвигая тарелку, в которой остался лишь рыбий хребет. — Но от всего сердца уверяю вас, что меня совершенно не заботят споры между нашими королями. Англичане или испанцы, хозяева или слуги... жизнь — это лишь театр, друг мой.

Комиссар захлопал глазами, удивившись, что англичанин начал с подобной мысли, но тут же понял, какого рода человек сидит напротив. Оба разделяли то, чем обладают лишь немногие: способность заглянуть внутрь, разглядеть спрятанную под видимой формой сущность.

— Так значит, вы поэт, дон Гильермо. Или вы будете утверждать, что так запачкались при написании деловых писем? — спросил Мигель, указывая на чернильные пятна на манжетах англичанина.

— Да, вы правы. Признаюсь, — он приподнял один из рукавов, уже не стесняясь своей бедности. — Из этой материи и сотканы наши грёзы.

Когда Санчо переводил последнюю фразу англичанина, он не смог сдержать язвительной усмешки.

— Не соглашусь с нашим гостем, комиссар. Единственная материя грёз — вот это, — заявил юноша, потрянув кошельком на поясе, чтобы зазвенели монеты.

— А я не согласен с вами обоими. Материя наших грёз — это надежда, без нее мы бессильны.

— Надежда? — переспросил Гильермо. — Надежда на что?

— На свободу, — хором откликнулись Санчо и Мигель.

Гильермо покачал головой.

— Людям нравятся стены. Жить запертыми внутри удобных предрассудков. Бог, король и родина. Они готовы убить, лишь бы им не указали на ошибки.

Воцарилось неловкое молчание, наполненное неприятной и трезвой ясностью. Мгновение все трое не знали, что сказать. Двое были врагами, потому что так решили их короли и епископы. Третий был вором, беглым каторжником, человеком, поправшим все законы.

— Не стоит это обсуждать, — прервал тишину Мигель, поднимая брови. — В конце концов, мы всего лишь люди, столь же эфемерные как пуканье монашки.

Гильермо громко расхохотался.

— Что вас так развеселило? — поинтересовался комиссар.

— Ничего особенного, друг мой Мигель. Просто вы, очевидно, никогда не бывали в монастыре. Иначе бы вы знали, что пуканье монашки можно назвать каким угодно, только не эфемерным.

Тут расхохотались все, и в это мгновение эти такие разные мужчины стали друзьями. Разговор продлился до самой зари. Санчо, изнуренный после долгого дня, растянулся на

скамье и уснул.

Мигель махнул рукой в сторону плаща, которым укрылся юноша, оттуда доносилось тихое похрапывание.

— Вы ведь познакомились, когда он был еще мальчишкой, да, дон Гильермо? Как это произошло?

Англичанин, на сей раз помогая себе жестами и на латыни, которой оба немного владели, смог объясниться.

— Хороший парень, с добрым сердцем. Но с плохой судьбой.

Комиссар кивнул, словно услышав старую песню, слова которой помнил наизусть.

— Я спрашиваю себя, как же он превратился в вора.

— Боюсь, что в этом частично виноват я, — ответил Гильермо, неловко заерзав.

Он рассказал о том, что случилось в тот день, когда он выпил дорогое вино и Кастро избил Санчо. Как он его лечил и рассказывал истории, пока тот лежал. И как легенда о Робине Гуде глубоко повлияла на мальчика.

— Полагаю, что хорошая история может изменить и более безмятежного человека, — сказал англичанин, осушив кувшин и с недовольным видом поставив его на стол. Разносчики трактира уже давно пошли спать. Сегодня он больше вина не получит.

Когда он снова повернулся к комиссару, то заметил, что тот уставился в стену и его мысли находятся где-то очень далеко. Он что-то бормотал сквозь зубы, Гильермо не мог разобрать. Он понял лишь слово "мельницы", которое для него ничего не значило.

— Это не вы превратили его в вора, — произнес через некоторое время Мигель. — Он носил это в себе, сам того не осознавая.

— Боюсь, однако, что я послужил причиной, которая это разбудила. И заставила его мстить. Мечь — самая изменная и бессмысленная из страстей.

Мигель улыбнулся.

— Мечь. Любопытно, дон Гильермо, как раз недавно я услышал трагическую историю датского принца, который жил четыре столетия назад...

Туман висел над рекой; его седые пряди напоздали на берег, окутывая Ареналь. Корабли, качаемые приливом, казались погруженными в море облаков. На краю пирса стояли два человека, поеживаясь от холода и сырости.

— Уже пробило два, — сказал Гильермо. — И по-прежнему ни души.

Санчо плотнее закутался в плащ. Они ждали уже больше часа, и нервы его были на пределе от страха и напряжения.

— Придет, не беспокойтесь. Можете не сомневаться, что всё это время он дожидался в какой-нибудь таверне поблизости, пока Гроот со своими головорезами рыскали вокруг, дабы убедиться, что это не ловушка.

Англичанин потопал ногами по дощатому настилу пирса, и у Санчо защемило сердце. Ему вспомнился тот далекий день накануне гибели Бартоло, когда они с карликом, стоя в ожидании у дверей дома Мальфини, так же топали ногами, стараясь согреться. Два дня спустя Бартоло был мертв, а сам он сидел в тюрьме, дожидаясь отправки на галеры.

"Надеюсь, что сейчас эта история закончится лучше, чем в тот раз", — подумал молодой человек, подышав на руки, чтобы отогнать как холод, так и дурные предчувствия.

Туман впереди окрасился в оранжевый свет, а затем из него вынырнули четыре призрачные фигуры, пробиравшиеся вдоль пирса. Впереди шел Гроот, в его поднятой руке качался фонарь. Лица их были закрыты плащами, но молодой человек сразу узнал хромающую походку Варгаса и тучную фигуру Мальфини. Последний из четверых был ему незнаком.

— А что если они узнают, кто вы такой? — спросил Гильермо испуганным шепотом.

— Вот это будет совсем нехорошо. Тихо, они уже здесь.

Гроот остановился в нескольких шагах от них. Варгас стоял с ним рядом, грозно глядя на Гильермо.

— Вы опоздали, — заметил англичанин, стараясь взять себя в руки. Однако Санчо, стоявший чуть позади, заметил, что рука Гильермо слегка дрожит.

Купец притворился, будто не услышал замечания.

— И кто же ваш спутник? — спросил он.

— Всего лишь телохранитель. Вы же не рассчитывали, что я буду ждать вас в такой дыре, да еще и впотьмах, совершенно один?

Гроот приблизил фонарь, осветив лицо Санчо. Тот даже не попытался отвернуться, лишь зажмурил глаза, ослепленный ярким светом. С минуту Варгас изучал его лицо. Минута показалась Санчо вечностью.

— Вы принесли оплату?

Молодой человек облегченно вздохнул. Лицо его было покрыто особым составом, имитирующим старые шрамы, а большие усы, приклеенные с помощью рыбьего клея, делали его совершенно неузнаваемым. Уроки Бартоло сослужили ему хорошую службу — по крайней мере, ночью. Санчо крепче стиснул рукоять псаги. Он был готов к тому, что может случиться в любую минуту, и понимал, что помощи ждать не приходится.

— Здесь всё, как мы договаривались, — ответил Гильермо, передавая кожаную папку Мальфини, который тут же ушел вперед, чтобы просмотреть ее содержимое. Какое-то время

банкир изучал документы при свете фонаря, затем повернулся к Варгасу и прошептал ему что-то на ухо. Купец подал Грооту какой-то знак, который Санчо не смог истолковать.

Молодой человек снова ощутил, как у него от страха сводит живот. Он был уверен, что их разоблачили. Видимо, писарь, который готовил поддельные платежные документы, наделал кучу ошибок, на которые обычный человек не обратит внимания, но тот, кто привык иметь дело с подобными бумагами ежедневно, заметит их обязательно.

Гроот сделал шаг вперед и снова поднял фонарь.

— Следуйте за нами.

Потом фламандец двинулся вперед по пирсу, по пути встретившись глазами с Гильермо. Возможно, их заманивали в ловушку, но они ничего не могли с этим поделать. В любом из сотен стоявших в Аренале кораблей могла скрываться группа головорезов, готовых кинуться на них. Если бы остались в живых близнецы, но они могли бы вместо Санчо осмотреть окрестности. Но теперь юноша остался один, и ему оставалось только доверить комиссару. Он пытался не думать о дюжине вероятностей, что всё пойдет наперекосяк, и сосредоточился на фламандце.

Гроот остановился где-то на середине пирса — перед ничем не примечательным галеоном, каких рядом стоял десяток. Многие подобные суда вставали на якорь в Севилье, чтобы переждать зимние месяцы, когда погода не располагала к дальним путешествиям. Вскоре фонарь высветил название судна — бронзовые буквы, прибитые на носу. "Богоматерь Хенильская". Какая чудовищная насмешка — прочитать имя святой покровительницы своего народа на борту галеона, собирающегося увезти из Севильи зерно, в котором она так нуждалась. Но еще большая горечь охватила сердце Санчо, когда он прочитал под названием судна имя его владельца и своего врага.

— Вимполе, вот этот корабль, как мы и договаривались. На той неделе он отчалил, как только Пьер-Луиджи Фортикьяри и банк Орсо подтвердят ваши платежные документы.

— Всё, как мы и договаривались.

— Этот человек — портовый инспектор. Он проследит, чтобы судно благополучно отчалило и чтобы никто его не проверял. В декларации написано, что оно везет в Нормандию железную руду. Груз мы упаковали в бочки, как и было условлено.

Гильермо нетерпеливо кивнул.

— Могу я взглянуть на груз?

Варгас оглянулся по сторонам, а потом тихо свистнул — сначала один длинный свисток, а потом три коротких. С безлюдной палубы на пирс с треском упали сходни, похожие на темный язык. Тени спустивших их моряков тонули в темноте. Санчо задавался вопросом, сколько человек на борту, а также где, черт возьми, комиссар? Он уже знает, где судно. Может, ждет сигнала?

— Можете подняться наверх, Вимполе. Но ваш телохранитель пусть останется здесь.

Англичанин бросил на Санчо тревожный взгляд, который не укрылся от внимания Варгаса.

— Не извольте беспокоиться, — сказал он. — Вы здесь среди друзей, которые будут вести себя с вами так же честно, как вы честны по отношению к нам.

Гильермо слегка поморщился и уже поставил ногу на сходни, когда Варгас продолжил свою речь:

— Но мне бы хотелось знать, как именно вы связаны с банком Орсо.

Англичанин повернулся к нему.

— Я не занимался платежом, маэсе Варгас. И никак не связан с банком.

— Ну что ж, могу в это поверить, однако есть в этих бумагах еще одна маленькая странность. Вот посмотрите, они подписаны неким Пьером-Луиджи Фортикьяри, который действительно является представителем этого банка. И его подпись, безусловно, подлинная.

Санчо беспокойно заерзал, мысленно оценивая дистанцию, отделявшую его от Гроота. Ему придется преодолеть расстояние в несколько метров, если он хочет защитить Гильермо от шага фламандца, вздумай тот напасть на него. Впервые за долгие годы он прошептал молитву, чтобы их усилия не были напрасными. Пятьдесят эскудо, в которые им обошлось изготовление этих подделок, напряжение, когда они отлавливали по тавернам недовольных банковских клерков, выискивая среди них того единственного, способного помочь им изготовить фальшивую бумагу, которая будет служить лишь в течение нескольких минут. И всё могло пойти насмарку, если Гильермо сейчас ошибется.

— Разумеется, она подлинная! Или вы думаете, Варгас, что мы водим вас за нос? Кем же вы, в таком случае, считаете посланника Ее величества?

Возмущение англичанина закончилось на жалкой визгливой ноте, раскатившись по всему пустынному Ареналю и замерев лишь у подножия городских стен.

— Когда я был маленьким и бродил по улицам этого города в поисках пропитания, в Севилье жил один человек, который частенько заманивал в свой дом детишек, — сказал Варгас. — Он клал у себя в прихожей свежий горячий хлеб и выжидал, когда какой-нибудь мальчуган подойдет поближе, привлеченный запахом. Так вот, благодаря этому человеку я навсегда запомнил, что если что-либо слишком заманчиво пахнет и кажется легко достижимым — скорее всего, это ловушка. Гроот!

Фламандец выхватил шпагу. Санчо сделал то же самое. Однако ни один из них не тронулся с места, хотя Гроот стоял к Гильермо гораздо ближе.

— Что вы себе позволяете?

— Это я должен спросить у вас, Вимполе. Вот объясните мне, как мог Фортикьяри подписать эти бумаги три недели назад, если мои осведомители сообщили, что он уже месяц как мертв?

"Вот дерьмо", — подумал Санчо, бросаясь вперед. Мальфини вскрикнул и отскочил с его пути, но портовый инспектор пытался его задержать, как раз пока Санчо вытаскивал из ножен на поясе кинжал. Хотя он без труда мог бы убить инспектора, юноша решил освободиться от него, ударив кулаком в живот и столкнув в щель между галеоном и пирсом. Инспектор шлепнулся в воду.

— Не двигаться! — заявил Гроот, резко заломив Гильермо руку и прижав к его шее острие шпаги. — Бросайте оружие, или ваш хозяин умрет.

Санчо опустил ворот плаща и снял шляпу, сделав шаг к фонарю, который фламандец держал в левой руке.

— Боюсь, что вы неверно оценили ситуацию, капитан. Этот несчастный — всего лишь актер, — сказал Санчо, глядя при этом на Варгаса.

— Это вы! — при звуках этого голоса купец невольно отступил назад, сам не свой от ужаса.

— Я говорил, что уничтожу вас, Варгас. Перед лицом всего города.

И тут с южного конца пирса послышались крики:

— Стойте! Именем закона! Стойте, именем короля!

Альгвасилы уже бежали к ним со шпагами и факелами в руках, возглавляемые

Сервантесом.

— Они уже идут, Варгас, — с усмешкой сказал Санчо. — Они уже знают, кто ты такой. Они знают, что ты предал свою страну и свой народ.

— Проклятый сын шлюхи! Это же не настоящий английский шпион!

— Но он им станет, если Гроот его прикончит. Трупы не имеют привычки разговаривать.

Мгновение Варгас колебался, но в конце концов вынужден был признать, что Санчо прав.

— Отпустите его, капитан, — сказал он ледяным тоном.

— Но, сеньор... — запротестовал фламандец.

— Делайте, что я сказал. Идем отсюда!

Гроот отошел в сторону, но Санчо сделал два шага вперед, оказавшись в зоне досягаемости его шпаги. Лишь Гильермо мешал тому, чтобы две шпаги скрестились. Капитан, увидев, что альгвасилы всё ближе, толкнул англичанина на Санчо и бросился бежать вслед за Варгасом, ковылявшим в северную часть Аренала.

— С вами всё в порядке? — спросил молодой человек, помогая актеру подняться.

У Гильермо дрожали ноги, лицо его было мертвенно-бледным, но он всё же постарался улыбнуться.

— Да, всё хорошо. Только не дайте им сбежать.

Санчо оглянулся и увидел, как Мальфини пытается пробраться через груды сваленных между Ареналем и пирсом вершей. Подойдя к нему, он дернул банкира за плащ. Толстяк рухнул навзничь, как поваленное дерево, и распластался на земле, уткнувшись носом в кончик шпаги Санчо.

— Я бы посоветовал вам остаться здесь, Мальфини, и сдать в руки правосудия. Потому что альгвасилы будут к вам более снисходительны, чем я. Вы меня поняли?

Тучный генуэзец кивнул. Санчо бросился вслед за убегающими вдоль пирса. Принимая во внимание хромоту Варгаса, он бы догнал их в два счета, если бы не лошади, привязанные к деревянному столбу. Лошадей было три, и Варгас с помощью Гроота как раз взбирался на самую маленькую из них, когда из тумана появился Санчо. Фламандец выругался и шлепнул лошадь по крупу, она тут же пустилась вскачь. Затем Гроот с непередаваемым хладнокровием взобрался в седло самого высокого из животных, после чего внезапно вонзил острие шпаги в глаз последней лошади. Несчастное животное, смертельно раненное, рухнуло к ногам Санчо, едва не придавив его своим телом.

Не теряя времени, он обогнул труп животного и побежал. Капитан получил огромное преимущество, но ему еще предстояло проехать по тому месту, где лошадь не могла нестись со всей скоростью. Варгас добрался до Корабельного моста и спорил с ночными стражниками. Преодолев половину расстояния, Санчо увидел, как с Варгасом поравнялся Гроот, спрыгнул с лошади и проткнул шпагой первого стражника. Второй пытался обороняться, но фламандцу он был не соперником, и через несколько мгновений пал замертво.

С горящими легкими и бьющимся, как барабан, сердцем Санчо добрался до моста. Тем временем Варгас спешил, взял животных под уздцы и осторожно повел их через мост, который опасно качался над грозно ревущей Бетис.

Прямо на пути у Санчо, прикрывая побег хозяина, в ожидании застыл Гроот.

После погони Санчо едва мог дышать, ему понадобилось несколько секунд, чтобы

восстановить дыхание, положив руки на колени. Гроот злобно усмехнулся и сделал несколько шагов по мосту, воспользовавшись тем, что преследователь остановился. Назад он не оглядывался. Шаги Санчо по хлипкой деревянной поверхности дадут понять, что юноша снова бросился в погоню.

"Если им удастся перебраться на другую сторону, они поскачут галопом — и всё, их не догнать, — подумал Санчо. — У Варгаса наверняка есть где-то деньги, припрятанные на черный день. Они уедут из Севильи, и никто их никогда не найдет".

Он снова встал и вступил на мост. Он не видел воду, полностью скрытую туманом, протянувшим свои щупальца к опорам моста и скрыв их из вида. Где-то впереди беспокойно ржала лошадь Варгаса.

Фламандец тем временем развернулся навстречу Санчо. Он стоял в ожидании, широко расставив прямые ноги — довольно странная поза для фехтовальщика. Никогда Санчо прежде не встречал ни такой стойки, ни такого оружия, как у Гроота. В тусклом свете фонарей, горевших у въезда на мост, огромная шпага капитана казалась еще больше и еще более грозной, клинок был весьма необычной формы: у самого острия гораздо шире, чем посередине.

Клинки дважды скрестились, и Санчо показалось, будто его клинок натолкнулся на стену. Гроот обладал колоссальной силой, которой, впрочем, не уступало его мастерство. Санчо применил все свои лучшие комбинации — и все они оказались бесполезны. Он вынужден был признать, что мастерство капитана значительно превышает его собственное. Да, несомненно, что занятая фламандцем позиция для любого другого оказалась бы фатальной, но Гроот был достаточно силен и искусен, чтобы не пропустить Санчо на мост. А между тем, лошадь Варгаса уже почти достигла противоположного берега.

— Ну, что скажешь, *smeerlap* ^[15]? — усмехнулся Гроот. — Я вижу, тебя так и не научили пользоваться этим вертелом, что ты держишь в руке?

Разъяренный Санчо бросился на Гроота с четвертой позиции, но фламандец оказался более проворным и шагнул вперед, переместив вес тела на другую ногу и бросившись в контратаку. Санчо отбил два выпада, но последний, направленный в лицо, вынудил его повернуться вокруг своей оси. Его левая нога на секунду зависла в воздухе, а Гроот снова ринулся в атаку.

С криком отчаяния молодой человек упал вниз, и его поглотила ледяная вода.

Течение было таким сильным, а одежда Санчо стала такой тяжелой, что его протащило несколько минут, пока он, наконец, смог грести в нужном направлении. Учитывая туман и темноту, он лишь по чистой случайности разглядел огни, всегда горящие в Золотой башне. Санчо снова сбился с курса, но течение за башней резко поворачивало на восток, так что Санчо смог остановиться, полностью вымотавшись, окоченев и дрожа от ярости.

Здесь густо заросшие берега реки круто вздымались. Когда Санчо смог наконец выбраться из воды, оказалось, что он так устал, что не может сделать ни шагу. Каждый мускул прямо умолял его лечь на землю и уснуть, но Санчо понимал, что если он это сделает, то не доживет до рассвета. Он должен был заставить себя двигаться.

Ветер хлестал его по щекам, трепал мокрую одежду, заставляя стучать зубами от холода. У него не было ни кремня, ни огнива, чтобы развести огонь и согреться, а городские ворота в это время суток были наглухо закрыты. Он не рискнул снова сунуться на пирс, где сейчас наверняка было полно стражи. Любой тут же его узнает, а Санчо не сомневался, что его ищут. Согласно первоначальному плану, он должен был скрыться при появлении комиссара, ведь приговор к каторге на галерах по-прежнему оставался в силе, теперь еще и отягощенный побегом. К тому же, кто знает, какие обвинения выдвинул против него Варгас и что наплел стражникам Закариас. Слепого необходимо было проучить, и не стоило откладывать это дело так надолго. Но не сегодня. В эту ночь он далеко не сдвинется.

Он пересек каменный мост через Тагарете, которая впадала в Бетис у подножия Золотой башни, а затем, держась городской стены, добрался до верфи, а там уж было рукой подать до заветного лаза, ведущего в тайное убежище Бартоло. Когда он нащупал острые края заветного камня, за которым располагался вход, оказалось, что окоченевшие пальцы совершенно его не слушаются. Он несколько раз потер друг о друга ладони, чтобы вернуть пальцам чувствительность. Лишь после этого ему удалось извлечь камень из ниши и проникнуть внутрь через открывшийся узкий проход. Он даже не подумал о том, чтобы вернуть камень на место. В эти минуты он способен был думать лишь о кремне и огниве, которые могли бы спасти ему жизнь.

Самым трудным и мучительным оказалось развести огонь — негнушимися руками, в непроглядной темноте берлоги. Ничего труднее Санчо в жизни не доводилось совершать. Он совершенно потерял счет времени, когда, наконец, ему удалось высечь крошечную искру, упавшую на горстку сухой соломы — единственное имевшееся здесь топливо, которое могло теперь спасти его от холода и потоков ледяной воды, которые по-прежнему лились с одежды. Прошел час или три, Санчо не мог сказать точно. Когда солома наконец занялась и Санчо удалось развести небольшой огонек, он долго держал возле него заочневшие руки, пока они не согрелись достаточно, чтобы к ним вернулась чувствительность и он снова мог шевелить пальцами. Тогда он побросал в огонь весь хлам, способный гореть, какой только нашелся в убежище; после этого разделся догола и лег на кровать, накрывшись кипевшим клопами одеялом, и забылся лихорадочным, беспокойным сном, полным кошмаров.

Когда он проснулся, оказалось, что одежда уже высохла. Он подобрался поближе к огню и медленно оделся, чувствуя себя по-прежнему измученным, ощущая тупую боль в мышцах. Лоб его был еще горячим, но всё же не таким раскаленным, как минувшей ночью.

Когда он покинул убежище, перевалило далеко за полдень. Он направился на постоянный двор, где дожидался Хосуэ, куда ему пришлось добираться через всю Севилью, и на каждом углу ему попадались целые толпы людей, горячо обсуждавших утреннее происшествие в порту. В воздухе, словно ядовитый дым, повисла ненависть. Санчо улыбнулся. Да, Варгас сумел избежать заслуженной кары, но, как бы то ни было, его репутация навсегда погибла. Он никогда не сможет сюда вернуться.

И теперь, в кои-то веки, он наконец-то сможет отдохнуть. Наконец-то сможет побыть самим собой.

К заходу солнца он наконец добрался до постоянного двора. И каково же было его удивление, когда кроме Хосуэ он обнаружил в комнате Мигеля. Оба они наперегонки бросились его обнимать.

— Ради Бога, дайте мне что-нибудь поесть, — взмолился Санчо. — Я уже и не помню, когда ел в последний раз.

"Ты ужасно выглядишь, — сказал Хосуэ. — Вид у тебя такой, как будто тебя прожевала и выплюнула коза".

Санчо устало рассмеялся, а затем умял изрядный кусок сыра, миску горячего супа и выпил кувшин вина, которое комиссар принес из ближайшей харчевни.

— Ваш друг портовый инспектор сумел выбраться из воды, хоть и со сломанной рукой, а Мальфини со страху наложил в штаны. Они стали главной нашей добычей за вчерашний день, потому что с команды корабля взять особо нечего, за исключением, конечно, пшеницы.

— Она была на корабле?

— Вся, до последнего зернышка. Ее уже перевозят в амбары на улице Менестрелей, откуда она начнет поступать в городские пекарни — причем по разумным ценам, какими они были несколько месяцев назад. Завтра в Севилье снова будет хлеб, Санчо. И все это благодаря вам. Я лично прослежу, чтобы это дошло до ушей короля Филиппа.

— Нет, это благодаря вам раскрыли весь этот заговор, Мигель, — возразил Санчо. — Это пойдет на пользу вашей карьере. Но мне бы не хотелось, чтобы стало известно о моем участии в этом деле.

— Но это могло бы восстановить ваше доброе имя и избавить от ссылки на галеры.

— Там, куда я направляюсь, это не имеет никакого значения, комиссар. И остается риск, что всё пойдет не так, и я снова окажусь запертым, как сардины в бочке, благодаря какому-нибудь приятелю Варгаса, который тоже пострадал по моей вине. Это меня тоже не прельщает. Так что пусть всё останется как есть.

— Ну что ж, как хотите, — ответил Мигель, который, казалось, был весьма огорчен таким решением.

— А что будет с Варгасом?

— Ему придется отвечать перед законом — если, конечно, мы сможем его найти. Скорее всего, мы никогда больше о нем не услышим. Здесь его не ждет ничего, кроме виселицы — а быть может, и чего похуже. И это не говоря уже о том, что произошло у него в доме сегодня утром.

Услышав эти слова, Санчо отбросил ложку и схватил комиссара за руку.

— О чем вы говорите? — встревожился Санчо.

— Этого следовало ожидать, мой мальчик. Когда разнеслись слухи о том, что сделал Варгас, в его дом ворвалась озверевшая толпа. Они разграбили дом, разбили в щепы всю

мебель, а потом подожгли. Некоторые из его слуг убиты.

— Кто именно? Там были женщины?

— Не знаю. Да что с вами такое, черт побери?

Даже не попрощавшись, Санчо бросился к аптеке Клары. Нет, не может быть, чтобы она там оказалась, она уже давно даже близко не подходила к этому дому, но всё же... Что если она вдруг решила навестить свою мать именно в этот злосчастный день? А если до нее дошли слухи о нападении на дом Варгаса, и она бросилась туда, чтобы убедиться, что с матерью все в порядке? Пусть даже лично ей никто не желал зла, но в толпе ее могли просто раздавить насмерть.

Охваченный паникой, он перемахнул через изгородь, напрямик бросился через сад и с криком ворвался в дом, где его встретило одно лишь эхо пустых комнат.

А на столе, пригвожденный Клариным любимым ножом, которым она защищалась от незваных гостей, лежал лист бумаги с аккуратно выведенными буквами. Санчо перечитывал их снова и снова, не веря собственным глазам, чувствуя, как его сердце захлестывает удушливая волна гнева.

В дверь постучали. Побледневший молодой человек пошел открывать. За дверью стояли комиссар и Хосуэ.

"Я знал, что найду тебя здесь", — сказал негр.

— Что случилось?

Санчо показал им бумагу.

— Это Варгас. Он похитил Клару.

Не было никакого смысла сетовать, но когда Санчо размышлял о том, что произошло в последние несколько дней, его охватывало отчаяние.

"Без слепого здесь не обошлось", — сказал Хосуэ, нахмурившись. Негр старался не показывать своего гнева, но по его похолодевшему взгляду Санчо понял, что Хосуэ по-настоящему привязался к Кларе. Всё то время, что они провели в ее аптеке после смерти близнецов, Клара была добра к нему, и у них даже появились какие-то секреты от Санчо. Например, она освоила язык жестов, изобретенный ими во время пребывания на галере, и Хосуэ был весьма эти доволен.

— Закариас ничего не знал о ней, — возразил Санчо.

"Мы все о ней знали. В тот день, когда тебя ранили и ты отправился к ней, близнецы следовали за тобой до самого ее дома. Они нам сказали, куда ты пошел. А потом ты стал бывать там каждый день — так что нетрудно было догадаться, что она — твоя женщина", — ответил Хосуэ.

Санчо проклинал себя за то, что бы настолько глуп, решив, будто сможет держать в секрете свои отношения с Кларой, и еще глупее, если думал, что она в безопасности. Если бы он разобрался с Закариасом сразу после его предательства — возможно, Варгас ничего не узнал бы об их отношениях. Судя по тому, что девушка рассказала Санчо про купца, тот наверняка ждал подходящего случая, чтобы расквитаться с Кларой. Должно быть, он уже увез ее далеко отсюда, попытавшись с ее помощью возместить долг, а потом уже наброситься на Санчо.

"Она возражала против атаки на Варгаса, — сказал Хосуэ, словно прочитав его мысли. — Она хотела сама всё уладить".

Юноша неохотно кивнул. Хотя его друг и был прав, сейчас это не никак не могло облегчить его гнев. Он рухнул на стул Клары у прилавка.

— Могу я взглянуть на записку, Санчо? — спросил Мигель.

Молодой человек протянул ему бумагу с дырой посередине, оставленной острием ножа. Мигель внимательно ее прочитал, задумчиво вертя в руке.

"Могу тебя поздравить: ты исполнил, что обещал. А я обещаю тебе вот что: если не принесешь на скотобойню двадцать тысяч эскудо в воскресенье после обеда, я убью эту шлюху.

В."

— Не иначе как он поверил рассказам о Черных Призраках, самых дерзких ворах Севильи, — сказал Мигель. — Эти истории гуляют по улицам, переходят из уст в уста, и в конце концов начинают жить своей собственной жизнью.

— А может, этот шлюхин сын просто хочет сделать мне больно.

— Сегодня понедельник. У нас всего шесть дней, чтобы собрать деньги.

Молодой человек безнадежно вздохнул.

— Вы не понимаете, никто не сможет украсть столько денег. Она погибла!

Комиссар схватил его за хубон и приподнял, заставив посмотреть в глаза.

— Послушай меня, мальчик мой. Всю свою жизнь, всю жизнь! Ты сталкивался с невозможным. Ты выжил после чумы, выжил на улицах Севильи, выжил после затрещин

хозяина и ударов надсмотрщика. Выжил в кораблекрушении, сверг Короля воров. Самой судьбой тебе было предначертано умереть, но ты раз за разом ее обманывал.

Мигель на мгновение замолчал, раздумывая над тайной, которую хранил с того дня, как столкнулся с Санчо в притоне Краплёного. Он сжал губы, глубоко вздохнул и наконец решился ее открыть.

— Я вытащил тебя с того горящего постоянного двора не для того, чтобы посмотреть, как ты сдался, даже не попробовав.

Санчо открыл рот от изумления.

— Так это были вы! Я это знал! Знал, что где-то вас видел! Вы положили меня на лошадь и... — Санчо умолк, пытаясь разогнать покрывающий воспоминания туман.

— ... и привез тебя в Севилью, где заплатил шесть золотых эскудо брату Лоренсо за твое содержание. Так что не заставляй меня пожалеть об этом.

Санчо в свою очередь схватил Мигеля за грудки, его подавленность превратилась в ярость.

— Думаете, я ее брошу? Я пойду на скотобойню и умру за нее! — вскричал он. — Но не говорите, что я должен найти этот выкуп, потому что это невозможно!

— Нет ничего невозможного.

Они отпустили друг друга, и Санчо снова упал на стул, закрыв лицо руками и пытаясь поразмыслить.

— В этом городе есть только одно место, где можно найти столько денег... — произнес Санчо, подняв через некоторое время голову. — Но туда нельзя проникнуть.

Комиссар кивнул с серьезным видом. Он догадался, о каком месте говорит Санчо.

— Это всего лишь здание. С большим количеством замков, со стражей, но... что это за вор, боящийся какого-то здания?

Во вторник комиссар наведалься в назначенное для встречи место.

Мигель пять раз сумел сбежать в Алжире от турков. Он был человеком с острым, как лезвие шпаги, умом, хотя предпочитал молчать, чем показывать свой ум на публике. Он видел детали там, где другие видели лишь поверхность, и это превратило его в идеальную фигуру для того, чтобы познакомиться с местом встречи. Это будет его единственная роль в деле, в этом Санчо был непреклонен.

— Вы человек чести, Мигель, — сказал он. — Настоящий кабальеро. Я не могу втягивать вас в это.

— Сынок, я не могу представить более благородной миссии, чем помощь женщине, попавшей в беду.

Но он принял условия Санчо, поскольку в глубине души до чертиков боялся снова потерять свободу. А именно таким и будет результат этого предприятия, в этом Мигель не сомневался, проведя некоторое время внутри Монетного двора.

Несколько раз он прошел мимо, раздумывая, пропустят ли его внутрь. Монетный двор отделяли от остального мира толстые створки окованных железом ворот. Он находился на площади Мастера Родриго, между Угольными воротами и воротами Херес, и представлял собой целый комплекс окруженных стеной строений, над которыми царила Серебряная башня. Монетный двор располагался у городской стены, в самом углу, представляя собой огромную длинную шпору, на острие которой помещалась Золотая башня — бесспорный символ могущества Испанской империи.

"Если иссякнет поток желтого металла из Индии, — подумал Мигель, — всё это

великолепие пойдет прахом".

Но, как бы то ни было, денег пока хватало — уж, во всяком случае, на то, чтобы платить стражникам у ворот и возводить великолепные здания — такие, как те, что составляли этот комплекс. Строительство было завершено три года назад, тогда же образовалась площадь под названием "площадь Бригадиров", вокруг которой, собственно, и вертелась вся жизнь работников Монетного двора.

Поскольку Мигель был одет в лучший свой костюм, ни у кого не возникло сомнений в том, что это, очевидно, один из тех чиновников, что частенько сюда наведывались. Так что никто не обратил на него особого внимания; обитатели Двора были слишком заняты своими делами, снуя туда-сюда, словно трудолюбивые муравьи. Они таскали мешки, промывали руду, точили инструменты или мирно завтракали, сидя на солнышке.

Мигель присел на край фонтана в центре площади и принялся разглядывать ряд обрамлявших ее небольших лавчонок. Здесь продавали и одежду, и снедь, и даже четки с распятиями. Над лавчонками помещались жилища рабочих и лавочников. В целом Монетный двор более всего напоминал небольшую крепость, жители которой могли и вовсе не покидать ее пределы, разве что для посещения мессы.

"Филипп, безусловно, умный человек, — подумал Мигель. — Понимает, что его могущество зависит от этих людей, вот и окружил их всеми мыслимыми удобствами, каждое из которых при этом отметил своим профилем".

И действительно, значок с королевским профилем на щите красовался здесь повсюду — на дверях, на вывесках и даже, как с удивлением отметил Мигель, на рукоятках рабочих инструментов. И в самом деле, трудно найти лучший способ завоевать лояльность этих людей, которые способствуют укреплению его власти каждой унцией металла, превращенной в монету.

"Да и силой сюда никто не войдет, только не через эти огромные ворота в слепом углу площади, где их так легко оборонять. И через высоченные стены не перелезешь. А потом придется пройти к восточной стороне, туда, где хранится золото, пробираясь по лабиринту строений и ворот. Это будет нелегко".

Последнюю задачу ему удалось решить. На другом конце площади стоял довольно приметный дом — без вывески, зато с толстыми дверями, время от времени двери открывались, впуская внутрь человека, толкавшего перед собой нагруженную тачку, содержимое которой было покрыто черной тканью. Мигель резонно предположил, что это здание — и есть сокровищница, и его охватило уныние. Сооружение выглядело поистине неприступным. У входа стояла стража, очевидно, ни на минуту не покидавшая своего поста — как, впрочем, и та, что стояла у выхода на улицу.

Весьма этим расстроенный, он отправился перекусить в маленькую таверну, которая помещалась в одном из домов на западной стороне площади. Таверна была совсем крошечной, чуть побольше чулана. Разносчик налил ему в глиняную миску похлебку и протер ложку полотенцем, висевшим у него на шее, прежде чем опустить ее в миску Мигеля.

Несмотря на то, что Мигель заглянул сюда больше из чувства долга и желания разузнать как можно больше об этом месте, он всё же он не мог не согласиться, что мясное рагу и вправду удалось. Сочащиеся жиром рубцы и острые колбаски сразу подняли ему настроение после холодного промозглого утра.

— Вы пришли за сентенами? — спросил трактирщик.

Мигель оторвался от миски и взглянул на трактирщика. Тот, казалось, просто скучал и

потому не прочь был почесать языком, так что ничего подозрительного в его вопросе не было. Мигель решил поддержать разговор: глядишь, да и получится что-нибудь разузнать.

— Ну, разумеется. Личный заказ Его величества. Только меня просили никому об этом не рассказывать.

— Ах, добрый человек, мы здесь все — одна большая семья. Так что никакие секреты на Монетном дворе долго не держатся. Наш новый чеканщик по приказу Филиппа как раз сделал новые формы, по которым теперь начали чеканить сентены. Довольно странный он тип, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Вы полагаете, из-за него могут возникнуть проблемы?

— Нет, не думаю. Он очень застенчивый, сторонится других людей. Никогда не покидает своей мастерской, даже обед ему носит ученик, — ответил трактирщик и тут же понизив голос, доверительно прошептал: — И еду он всегда берет у меня, а не в другой таверне, которую держит Хименес. Вы, должно быть, впервые на Монетном дворе, и потому не знаете, какие помои там подают...

Мигель улыбнулся.

— Понятно. Ну что ж, благодарю за предупреждение, буду иметь в виду. И где, вы говорите, я могу найти этого мастера чеканщика?

— Вверх по лестнице, что на восточной стороне, как раз под галереей. Второй этаж, последняя дверь в самом конце коридора. Не бойтесь, не заблудитесь, сразу найдете по запаху серы. Он — единственный мастер, который делает формы по-старинке, другие мастера давно уже не используют серу.

— А вы, я погляжу, всё знаете о производстве форм для чеканки.

— Как я могу не знать, сеньор, если все мои клиенты только об этом и говорят! Ну, бывайте здоровы!

Мигель уже направился было к выходу, но затем, передумав, вернулся и схватил лежащий на столе кусочек хлеба.

— Потом съем, — улыбнулся он.

Трактирщик посмотрел на него с легким недовольством, и Мигель подумал, что тот, видимо, собирался бросить хлеб в котел с похлебкой для густоты.

— Я так и понял, сеньор, — сказал трактирщик. Заходите еще!

Комиссар вышел на улицу и рассеянно зашагал по направлению к площади. Подойдя к рудопромывочной, что находилась рядом со стеной, он перепрыгнул через канаву с нечистотами. Кусочек хлеба из его руки выпал и унесся вниз по течению.

— Могу я вам чем-нибудь помочь? — спросил один из рабочих, не понимая, почему это вдруг Мигель так уставился в желоб.

— Нет, сеньор, большое спасибо. Я уже и сам справился, — ответил Мигель, глядя, как кусочек хлеба исчезает сквозь отверстие в стене.

Санчо дрожал от холода. Он прекрасно знал, что ждет его в ближайшие минуты — объятия ледяной воды, тысячи морозных игл, пронзающих тело, неподъемная тяжесть в руках и ногах, страх, неодолимое желание бросить всё к чертовой матери. Два дня назад он всего этого хлебнул сполна, и теперь отнюдь не испытывал желания повторить.

Однако другого выбора не было.

"Ты не молишься, Санчо?" — спросил Хосуэ.

Молодой человек покачал головой.

— Боюсь, что ни один бог не захочет помочь нам в этом деле, как ни молись.

Хосуэ одарил его одной из своих улыбок, которые означали понимание и сострадание.

Вопреки привычке, Санчо был не в настроении, чтобы тоже ответить улыбкой.

Всё это было настоящим безумием; именно так и сказал ему комиссар.

— Кусочек хлеба? Вы это серьезно, дон Мигель? И каким же образом он поможет нам проникнуть внутрь?

— Спокойно, мальчик мой. Дело в том, что в алжирской тюрьме я познакомился с одним подрывником, который рассказал мне много интересного о воде и ее маленьких фокусах. Именно эти знания и помогли мне сбежать в первый раз. Мы тогда смогли добраться до порта, где нас ожидала лодка. К сожалению, там же нас ожидали и тюремщики.

— Дон Мигель...

— Кусок хлеба утянуло за решетку, а значит, над водой достаточно свободного пространства, чтобы дышать.

План был прост. Найти, в каком месте сточная канава впадает в Тагарете, проползти по трубе под стеной и таким образом пробраться на площадь.

Однако, как часто случается, этот план, казавшийся поначалу даже слишком простым, на поверку оказался практически невыполнимым. Найти место, где стоки Монетного двора впадали в речку — всё равно, что искать иголку в стоге сена. К тому же, в этом месте к городской стене вплотную подступал густой кустарник, а поверху каждые полчаса прогуливались стражники. Так что поиски сточного отверстия превратились в игру в прятки, доставившую им немало неудобств.

В конце концов, они всё же отыскали сток. Он был забран решеткой, ржавые прутья которой не выдержали натиска толстых напильников, приобретенных у кузнеца на улице Оружия. Но дальше все оказалось намного сложнее. Диаметр трубы был настолько огромным, что Хосуэ мог стоять в ней во весь рост, даже не наклоняясь. Вода в ней доходила негру до широкой груди — бурая и издающая резкий противный запах. Через небольшую лужицу вода переливалась в реку, когда работали насосы рудопромывочной, однако изрядная часть химических и органических остатков оседала на дне и стенах трубы. Воздух внутри был смрадным и затхлым — даже хуже, чем в трюме "Сан-Тельмо", где они с Хосуэ провели самые ужасные дни своей жизни.

В этом зловонии они провели три ночи.

Противоположный конец трубы был забран еще одной решеткой, справиться с которой оказалось гораздо сложнее. Нижняя ее часть находилась глубоко под водой, а потому

перепилить ее было бы просто невозможно. А значит, оставался единственный выход: раздевшись догола, забраться в воду и перепилить верхнюю часть решетки. Как раз в этом месте уровень воды в трубе был особенно высок: здесь она доходила Санчо до подбородка. Ко всему прочему, прутья этой решетки были намного толще, к тому же друзья не могли рисковать, пользуясь большой пилой: ведь ее скрежет был бы слышен на площади.

Им пришлось работать напильниками медленно и урывками. И при этом — погруженными в ледяную воду в разгар зимы, даже не обладая уверенностью, что Хосуэ сможет согнуть три металлических прута, когда придет время. Каждый час они на несколько минут выбирались из трубы, вытирались и заворачивались в сухие одеяла в попытке согреться, мечтая о невозможном здесь костре.

Менее сильные и не столь привыкшие к трудностям люди давно бы отступили. Сколько раз за эти три ночи Санчо, прикрыв измученные глаза, мечтал умереть. Однако, стоило его векам сомкнуться, как перед глазами вставало лицо Клары, и он снова бросался в бой с тремя своими железными недругами, столь толстыми, что он не мог даже обхватить их пальцами.

Первым поддался напильнику прут Хосуэ, когда Санчо оставалось еще пропилить металл с ноготь толщиной. Они обмазали надрез грязью, чтобы работники Монетного двора ничего не заметили, и продолжили свое дело, уже гораздо бодрее.

Ночью с четверга на пятницу напильники Санчо и Хосуэ встретились посередине прута с глухим скрипом.

— Уходим отсюда, — прошептал Санчо. — Завтра вернемся.

Следующей ночью, отдохнув и набравшись сил, оба проникли в трубу. Впереди шел Хосуэ, а Санчо нес свою одежду и другие необходимые вещи в узелке на голове, чтобы не замочить.

Хосуэ добрался до первого прута, обхватил его обеими руками и с силой дернул. Прут не сдвинулся с места. Хосуэ попробовал снова, вложив все силы могучего тела и упершись ногами в стены. Наконец, ему удалось согнуть прут, и он приналег всем телом, чтобы выгнуть его вверх. В полной тишине, прерываемой лишь журчанием воды и топотом крыс и прочих мерзких тварей, негр повторил эту операцию еще два раза.

Когда проход был открыт, Хосуэ обернулся к другу.

— Будь осторожен.

— Я подам тебе знак, когда буду готов. Через две смены караула. Если я не появлюсь, уходи. Хорошо?

— Да, — соврал Хосуэ.

Санчо протиснулся через решетку, ощутив холод площади. Воздух щипал кожу, пока он вытирался принесенным покрывалом. Он некоторое время постоял, завернувшись в него, прижавшись к рудомойке, в очередной раз перебирая в уме план, который Мигель нарисовал на листке бумаги.

Сначала лестница.

Он надел сорочку, хубон и черные толстые плундры, согревающие ноги. Сапог он не взял, потому что те, что сшил Фансон, остались на дне реки, когда де Гроот сбросил его в воду, как и плащ. Иначе бы он точно пошел ко дну, а у него не было ни времени, ни денег, чтобы купить новые. Вокруг пояса он намотал длинную веревку.

Он вылез за рудопромывочной, оставшись в тени, которую отбрасывала стена в лунном свете. Стражники, стоящие у ворот сокровищницы, выглядели бодрыми и

сосредоточенными, а Санчо пришлось пройти меньше чем в тридцати метрах от них. Он двигался как можно медленнее, каждый раз, когда караульные смотрели в его направлении, сердце у него замирало. К счастью, перед ними стояла небольшая жаровня, немного ограничивающая угол зрения.

Когда Санчо добрался до лестницы, он подумал о еще одной проблеме. А что если в это время будет происходить смена караула? Он может столкнуться с ними в коридорах, и это положит конец всей аванюре. Санчо снова попытался выкинуть из головы эти глупости — он ведь знал, на что идет. Учитывая, как мало Санчо знал об этом месте, выйти отсюда живым будет чистой удачей. Он сунул руку в один из карманов хубона, прикоснувшись кончиками пальцев к деревянной статуэтке, что дал ему Бартоло перед смертью. Это был единственный талисман, которому он верил.

И вот она — последняя дверь, ведущая на второй этаж.

Коридоры этого этажа были узкими, с балконом, выходящим на улицу, ни на одной двери не было вывески. Санчо шел согнувшись и подальше от балюстрады, его тревожил лунный свет, заливавший коридор. В какое-то мгновение он спросил себя, а что если трактирщик, с которым разговаривал комиссар, ошибочно указал расположение главного помещения чеканки, или Мигель неправильно его понял.

Добравшись до нужной двери, Санчо обнаружил, что она закрыта решеткой. Он достал из тайного кармана отмычки и некоторое время возился с ними, проклиная близость реки, из-за которой металл уже начал ржаветь, несмотря на то, что здание построили всего три или четыре года назад. С тихим скрипом, который Санчо показался жутким шумом, дверь открылась.

Помещение было громадным и заполнено скамьями и инструментами, которых Санчо в жизни своей не видел. В глубине находилось именно то, что он искал: вделанный в стену сейф, где мастер-чеканщик хранил плоды своих трудов.

— Он никогда не покидает эту комнату, — сказал трактирщик. — Там он занят чеканкой сентенов, самых ценных монет христианского мира. Каждая стоит сотню эскудо, и лишь самые знатные люди могут увидеть их хоть раз в жизни.

Осторожно, пытаясь ничего не сдвинуть и не смахнуть на пол какой-либо из инструментов, Санчо подошел к сейфу. Но тройной замок не поддался его усилиям, Санчо только лишь сломал одну из отмычек. Осознавая, что время на исходе и Хосуэ всё больше беспокоится, юноша понял, что есть только один способ открыть этот сейф.

Он прошел через мастерскую, в глубине которой помещалась дверь, ведущая в спальню. Открыв ее, Санчо сразу понял, почему мастер-чеканщик никогда не покидал своей комнаты.

В огромной кровати лежали двое: светловолосый парнишка и зрелый мужчина со спутанными, давно не мытыми седыми волосами. Оба были совершенно нагими, и старший страстно обнимал младшего.

Одним рывком Санчо сдернул с них одеяло и приставил острие кинжала к груди ученика. Оба тут же проснулись; старик вскрикнул, но Санчо жестом велел ему замолчать.

— Это вы — мастер-чеканщик?

— Чего вы от меня хотите?

— Собственно говоря, вопрос в том, чего хотите вы. Итак, у вас есть два варианта. Первый: я сейчас убью вашего мальчишку, привяжу вас к его трупу, да так и оставлю — голыми и в одной постели, а завтра вы предстанете перед судом инквизиции. Устраивает вас такой вариант?

На лице старика отразился такой ужас, что Санчо почувствовал к нему жалость. Но увы, у него не было времени на проявления чувств. Блондин, в свою очередь, притих, как кролик перед удавом, не спуская глаз с кинжала, прижатого к его груди.

— Второй вариант: вы открываете сейф, а я связываю вас каждого по отдельности и оставляю каждого в своей комнате. Мне кажется, такой вариант намного предпочтительнее, или я не прав?

Только теперь старик сумел набраться мужества, чтобы заговорить.

— Сейф пуст, — сказал он.

— Допустим, но тогда вам тем более не составит труда его открыть, ведь так?

С гримасой отчаяния на лице старик поднял голову. Не отводя кинжала от ученика, Санчо приказал чеканщику крепко завязать рот платком и лечь на пол. Потом он велел блондину одеться и связал его простынями.

— Вы можете сказать, что нас было шестеро или даже семеро. Тогда ваша честь не пострадает. Кстати, где то место, где вы якобы спите?

Блондин мотнул головой в сторону мастерской, и Санчо велел старику отвести его в другую комнату. Из страха потерять любовника мастер-чеканщик вел себя покорно, хотя когда тот улегся на кровать, на которой никогда не спал, подальше от острия ножа Санчо, его поведение стало более враждебным. Он с ненавистью смотрел на налетчика и наверняка осыпал бы его оскорблениями, не будь его рот завязан.

— Открывайте сейф.

Чеканщик оглянулся вокруг в поисках предмета, который мог бы послужить оружием. Он был крепким мужчиной, и если бы смог дотянуться до какого-нибудь шила, то наверняка поранил бы Санчо, а то и еще хуже — вынудил бы его пойти на убийство.

— Я ведь могу вернуться к вашему любовнику и порезать его на кусочки. Нож такой острый, что ему даже больно не будет. Вы этого хотите?

В конце концов, чеканщик сдался. Встав на колени, он снял с шеи связку ключей и открыл сейф, слегка повернув ручку. Дверца приоткрылась, и Санчо наклонился, чтобы заглянуть внутрь. Там лежала папка с бумагами, а также каменные формы для монет разных стран и два больших кожаных мешка.

— Доставайте, — велел Санчо.

Чеканщик покачал головой и молча развел руками. Санчо понял, что ему не по силам поднять эти мешки, они слишком тяжелые. Тогда он отправил чеканщика обратно в спальню, где крепко связал простынями. Старик наградил его ненавидящим взглядом.

— Сидите тихо, и всё будет хорошо.

Вернувшись к сейфу, Санчо приподнял один из мешков. Тот и вправду оказался невероятно тяжелым, так что у него не осталось другого выхода, как развязать его и отсчитать нужное количество монет. При помощи ножа он разрезал веревки одного из мешков и повалил его на бок, чтобы высыпалось содержимое. Золотой поток хлынул на каменный пол. Санчо так и ахнул, потом наклонился и взял в руки одну из монет. Она была очень большой, диаметром с апельсин, и очень тяжелой. На одной ее стороне было искусно выгравирован профиль короля, на другой — его герб. При мысли о том, что он держит в руках, по телу Санчо пробежали мурашки.

Он отсчитал двести монет, которые разложил на столе в двадцать столбиков. Покончив с этим, он взял один сентен и подошел к юному блондину, который лежал на кровати, связанный по рукам и ногам.

— Видишь это? — спросил он, опускаясь рядом на корточки. Тот кивнул. — Не спускай с него глаз.

Санчо отошел к стене и засунул сентен в щель между камнями, достаточно глубоко, чтобы его не было заметно.

— Когда тебя обнаружит стража, не вынимай его, потому что тебя обыщут. Подожди пару дней. А потом найти другую работу.

Без большей части содержимого мешок из сейфа стал уже не таким тяжелым. Но всё равно Санчо пришлось приложить усилия, чтобы его поднять и опустошить перед тем, как водрузить на стол. Он сделал то же самое с другим мешком, пока всё помещение не потонуло в золоте.

Скорее, скорее.

Санчо был уверен, что время, которое он назначил для Хосуэ, уже вышло. Распределив двести монет по двум мешкам, он проделал в их верхней части дырки кинжалом, протянул через отверстия веревку и перекинул через плечо — один мешок спереди, а другой сзади. Но всё равно вес был чудовищный. Санчо подсчитал, что там три четверти его собственного веса. На обратном пути он с трудом передвигал ноги, тяжело дыша, а веревки впивались ему в плечо.

И вот последнее препятствие — стена.

Он старался ступать как можно тише, но каждый его шаг все равно сопровождался звоном монет, пусть и очень слабым. Вернуться тем же путем, каким пришел, не наделав при этом шума, было совершенно невозможно. А значит, оставался единственный выход: подняться на верхний этаж, который примыкал к стене. Проблема заключалась в том, что часть стены, соединяющую Золотую башню с королевским дворцом, неустанно патрулировали стражники.

Подъем по лестнице оказался настоящей пыткой. Санчо добрался до нижней части стены по крытой галерее, где располагались жилища работников, кровь стучала у него в висках. Ему понадобилось гораздо больше времени, чем он рассчитывал, он был уверен, что прошло уже больше трех смен караула. Проблема заключалась в том, что у Санчо не было ни малейшего представления, когда произошла последняя и хватит ли ему времени на спуск до прибытия следующих стражников.

Добравшись до стены, он сбросил с плеча мешки и несколько мгновений восстанавливал дыхание. Нормальная циркуляция крови в голове восстановилась, и он ощутил необыкновенную легкость и эйфорию. Больше тянуть было нельзя — времени совсем не осталось. Санчо одним прыжком оказался на стене. Он уселся между двумя зубцами, держа в руках один из мешков, и опустил его в пустоту, разматывая привязанную к поясу веревку. Спустив мешок, он заметил, что веревка порвала хубон — после этой ночи его уже больше нельзя будет надеть. Но не было времени об этом задумываться.

В этом месте высота стены вшестеро превышала его рост. Когда, по его подсчетам, мешок опустился почти до самой земли, Санчо принялся раскачивать его на веревке из стороны в сторону, в надежде, что это заметит Хосуэ.

"А вдруг его там нет? — в страхе подумал Санчо. — Что если он испугался и ушел, или просто послушался моего приказа и ушел после второй смены караула?"

Впрочем, охватившие его сомнения тут же развеялись, когда веревка, на которой висел тяжелый мешок, словно по волшебству сделалась необычайно легкой. Санчо поднял веревку вверх, привязал к ней второй мешок и повторил ту же операцию. Он успел спустить мешок

на половину высоты, когда неподалеку послышались голоса.

— Говорю тебе, ты непременно должен ее испробовать. Я не знаю другой такой женщины!

Стражники поворачивали за угол, направляясь к тому месту, где находился Санчо, с аркебузами на плечах и беспечно болтая. У Санчо уже не было времени спустить мешок, но и веревку он не мог выпустить из рук, потому что в таком случае не смог бы спуститься сам. В отчаянии Санчо бросился обратно к проходу, соединявшемуся со зданием, и пригнулся. К руке его был примотан конец веревки, а оставшаяся часть натянулась на полу, когда он прислонился спиной к камням.

"Хоть бы они ее не задели, — думал Санчо. — Хоть бы не увидели. Хоть бы прошли поскорее... Хоть бы им не пришлось в голову завернуть в караулку и выпить стаканчик вина. О Боже, как же больно!"

— Из всех смугляночек в "Компасе" мне нравится только Бабища.

— Просто жуткая кличка.

— И сама она тоже страшна, как черт. Но ты бы видел, что она вытворяет своим язычком...

Один из стражников остановился, носок его сапога замер, едва не коснувшись веревки, пока он расписывал своему приятелю подробности таланта Бабищи, подкрепляя свой рассказ выразительными жестами. Приятель рассмеялся в ответ.

Санчо затаился так близко от них, что стражники могли бы к нему прикоснуться, казалось, туго натянутая веревка вот-вот оторвет ему руку. От боли он даже прикусил губу — да с такой силой, что по подбородку потекла струйка крови. Он готов был на всё, лишь бы не думать об оттягивающей руку веревке.

Нога стражника передвинулась еще ближе к веревке; теперь она почти касалась ее. Стражник даже задел ее носком сапога, лишь чудом не обратив внимания.

Наконец, оба двинулись своей дорогой.

Когда голоса затихли вдали, Санчо поднялся на ноги и размотал веревку до конца. Его левая рука совершенно онемела в самый неподходящий момент: ведь ему еще надо было спуститься вниз по стене. Он привязал веревку к одному из зубцов, обмотав другой ее конец вокруг талии и перебросил через плечо. Санчо уже многократно это проделывал, но никогда ему не доводилось пользоваться лишь одной рукой. Спуск по стене стоил ему огромных усилий, пару раз нога соскользнула, и он ударился головой о стену. Когда у самой земли его подхватили надежные руки Хосуэ и они вдвоем направились к спрятанной неподалеку лодке, Санчо едва дышал, но душа его пела от дикого восторга.

"Ну что ж, кое-чего мы все-таки добились. Мы сделали то, что до сих пор никому не удавалось, и теперь у нас есть деньги".

Теперь у Клары был шанс.

Ветер свистел между скал, пока они добирались до вершины горы.

Прошло почти шесть месяцев с тех пор, как он покинул Кастильеху-де-ла-Куэста, за это время ни кузница, ни ее окрестности совершенно не изменились, но в его жизни за это время произошло столько событий, что Санчо казалось, будто всё это принадлежит далекому прошлому.

Однако уже на половине пути вверх они почуяли неладное. Даже Хосуэ, как ни был озабочен необходимостью усмирить свою слишком горячую лошадь, обратил внимание, что из трубы горна не поднимается дым. А ведь заря уже окрасила небо на востоке, и по дороге поползли длинные тени людей и животных. Санчо прекрасно помнил, что в этот час Дрейер уже давно был на ногах, и удары его молота разносились по всей округе.

Они привязали своих лошадей к железному кольцу возле двери. Обе они были тяжело нагружены, поскольку помимо всадников везли увесистые кожаные мешки. Хосуэ тронул Санчо за плечо и указал на что-то за его спиной.

— Смотри — растет, — сказал он с улыбкой.

Персиковая косточка, посаженная Хосуэ полтора года назад, и в самом деле дала росток, который, вопреки всем невзгодам, выжил и превратился в красивое деревце выше его ростом. Это зрелище глубоко тронуло Санчо.

— Пошли внутрь.

— Иди один, — сказал Хосуэ.

Санчо понял, что негру хочется ненадолго остаться одному и еще немного полюбоваться своим деревцем, что так глубоко запало ему в сердце. Так что Санчо не стал с ним спорить и отправился в дом Дрейера, снедаемый тревогой: вдруг кузнец заболел, а то и вовсе умер?

Верным оказалось первое предположение.

Он застал Дрейера лежащим в постели, бледного и изможденного. Он беспрестанно кашлял, а в комнате было холодно, потому что огонь в камине не горел. Лоб кузнеца был горячим, губы пересохли.

Кузнец, казалось, не сразу его узнал. Мгновение он глядел на него, затем, отхлебнув глоток воды из кружки, откашлялся и вдруг назвал его по имени. В следующую минуту он даже попытался сесть в постели.

— Санчо, сынок! Что ты здесь делаешь?

— Нам нужно где-то укрыться до завтра, маэстро.

— Ты попал в беду?

— Надеюсь, не в такую серьезную, чтобы мы не смогли с ней справиться, — ответил Санчо, не желая расстраивать учителя. — Вы отдохайте, мы с Хосуэ о вас позаботимся.

Видимо, кузнец был болен уже давно, поскольку его кладовка почти опустела. Санчо подумал, какими же бездушными людьми должны быть его соседи, если могли бросить старика в беде. Потом он вспомнил о том страшном голоде, который случился этой зимой, и решил, что, наверное, даже к лучшему, что соседи забыли про кузнеца. Учитывая, как ослабел из-за болезни Дрейер, какой-нибудь подонок запросто мог решиться убить его и ограбить. Ведь одно только оружие, что хранилось у него в тренировочном зале, стоит целое

состояние.

Кузнец задремал, и Санчо с Хосуэ наконец-то смогли отдохнуть после тяжелой ночи. Негр проснулся чуть раньше, чтобы развести огонь в очаге и наполнить углями жаровню. Когда Санчо проснулся, уже перевалило за полдень. Он тут же отправился в деревню, где купил у крестьян свежих яиц, вина, молока и откормленную курицу. За всё это он заплатил последними деньгами, что оставались у него в кармане. В любом случае, завтра эти деньги ему уже не понадобятся.

Они наелись до отвала. Когда Дрейер проснулся, ему дали куриного бульона, и он даже решился съесть немного мяса. Выглядел он хоть и неважно, но всё же намного лучше, чем утром.

— Что с вами случилось, маэстро? — спросил Санчо. — Как давно вы болеете?

— Это началось в конце осени. Сначала я стал замечать кровь у себя в моче, а потом у меня пропал аппетит, и я стал худеть.

— Вы обращались к лекарю?

Дрейер печально улыбнулся в ответ.

— Какой в этом смысл, парень? Мне уже немало лет, силы мои на исходе, по сути дела, от меня остался лишь пепел. Я стар, и ничто больше не держит меня в этом мире. Я не идиот, парень. Я прекрасно знаю, что со мной происходит, и что от моей болезни нет лекарства.

Санчо молча кивнул, не зная, что и ответить. Дрейер не покончил с собой, узнав о гибели сына, лишь потому, что они с Хосуэ вошли в его жизнь. Но теперь смерть все-таки пришла за ним, и он встречает ее с радостью.

— Так что у тебя случилось, парень? — спросил Дрейер. — В какую заваруху ты опять вляпался?

Присев на край постели, молодой человек рассказал без утайки, что с ним произошло с тех пор, как он покинул эти места. Кузнец одобрительно кивал, улыбаясь. Санчо даже показалось, что тот ему немного завидует.

— Итак, вы пришли сюда, чтобы скрыться на какое-то время? — сказал он наконец.

— Не только для этого. Человек, который одержал надо мной верх... он слишком силен, маэстро. Завтра я должен буду снова с ним встретиться, и не думаю, что мне удастся с ним справиться.

— Постараюсь тебе помочь. Опиши мне этого Гроота как можно подробнее.

— Светловолосый фламандец с маленькой бородкой. Почти такой же высокий, как Хосуэ. Просто зверюга. Когда мы с ним сражались на мосту, он встал в какую-то странную позицию, с ногами параллельно телу. Но самое странное — это его клинок. Он длинный и тяжелый, очень необычной формы: возле самого острия расширяется... Маэстро, что с вами?

Лицо Дрейера внезапно исказилось. Рот его открылся, глаза вылезли из орбит. Он попытался было встать, но силы совсем покинули его после столь долгого пребывания в постели.

— Что с вами? — в испуге спросил Санчо, хватая Дрейера за плечо, чтобы тот не упал.

— Шкатулка... Видишь вон ту шкатулку?... — прохрипел кузнец, указывая в дальний угол комнаты.

Санчо открыл шкатулку. Внутри лежал какой-то предмет, завернутый в темно-коричневую ткань. Он передал сверток Дрейеру, и тот медленно развернул материю. Внутри оказался кусок стального клинка.

— У него такая же шпага, Санчо? Такая же, как эта?

Молодой человек кивнул, недоумевая, с чего кузнец вдруг так разволновался. А тот вновь откинулся на подушки, совершенно опустошенный после пережитого волнения. Сначала он даже не мог говорить, а когда ему это всё же удалось, голос его зазвучал тихо и приглушенно.

— Это весьма необычная шпага. Я не знаю, что за мастер ее делал, но у нее совершенно особый клинок. Он не сбалансирован и смертельно опасен. Необходимо обладать поистине огромной силой, чтобы с ним совладать. Нет ничего страшнее, чем когда таким клинком наносят удар в лицо, который итальянцы называют "страмаццоне".

— Вы знаете этого человека, маэстро?

— Раньше он не был де Гроотом, а носил имя де Йонг. Да, я хорошо его знаю. Этот человек разрушил мою жизнь.

Лишь теперь Санчо разглядел, что платок, который сначала показался ему коричневым, изначально был белым, а коричневым его сделала засохшая кровь.

— Маэстро...

Но Дрейер уже не слушал его. Вся боль, что долгие годы копилась в его душе, теперь изливалась наружу, облаченная в слова, словно потоки дождя из темного облака горечи.

— Мою жену звали Аника. Ее брат-близнец был одним из лучших моих учеников, о таких говорят: быстрая шпага и холодный ум. Он был немного похож на тебя, такой же задира и лоботряс. И вот однажды он бросил вызов другому ученику нашей школы. Это был парень с фермы — этакий здоровенный детина гигантского роста. Так вот, мой шурина решил вызвать его на поединок. В те времена в Роттердаме подобные вещи были обычным явлением. Этот обычай был не так и плох, он заставлял нашу молодежь держать себя в форме. Конечно, время от времени некоторые из них гибли, но это не так и важно, ведь правда? Зато он позволял воспитывать превосходных фехтовальщиков.

После этих слов кузнец надолго замолчал. Он сидел, прикрыв глаза, и Санчо уже было решил, что он задремал, но тут Дрейер заговорил вновь. Слезы покатались по его щекам.

— Мой шурина вызвал его, не побеспокоившись о том, чтобы посетить его тренировки и изучить манеру фехтования. Он думал, что какая-то деревенщина ему не соперник. А я, да простит меня Господь, впал в грех гордыни. Решил, что это окажется плевым делом. Но деревенщина его уничтожил. Пробил его оборону, оскорбляя его и дразня.

— Smerlaap, — сказал Санчо, вспомнив то странное слово, которое Гроот выплюнул ему в лицо тогда на пирсе.

— Это слово означает грязную тряпку, мусор. Они оба не придерживались правил дуэли. Она должна была длиться лишь до первой крови, но деревенщина не пожелал этим довольствоваться, и мой шурина тоже. Я попытался вмешаться, когда шурина уже получил смертельный удар. Шпага деревенщины сломалась пополам. То, что ты видишь — половинка клинка, которая осталась в теле моего шурина.

Дрейер снова замолчал.

— Через месяц моя жена покончила с собой.

Санчо в ужасе вздрогнул.

— Они были очень близки, — прошептал Дрейер. — Она всегда была склонна к меланхолии, а после рождения сына ее чувствительность еще больше обострилась. Она обвиняла меня в смерти своего брата, а потом решила наказать таким образом.

Они оба погрузились в молчание. Где-то в глубине дома открылось окно, и холодный

воздух ворвался в комнату, пробуждая призраков.

— Помогите мне расправиться с ним, маэстро Дрейер, — хриплым голосом попросил Санчо.

Дрейер сел в постели и позвал Хосуэ. Когда тот пришел, кузнец что-то прошептал ему на ухо. Негр вышел и вскоре вернулся, неся в руках шпагу. Это была рапира с витой гардой, похожая на ту, какую носил Санчо, разве что похуже качеством. Молодой человек хорошо помнил эту шпагу: он столько раз тренировался именно с ней.

— Возьми ее в левую руку, парень. И обнажи другую шпагу.

Санчо недоуменно повиновался. Никогда прежде не доводилось ему держать в левой руке столь тяжелое оружие, и теперь ему никак не удавалось привести свое тело в равновесие. Дрейер показал ему, как поставить ноги в нужную позицию, и напомнил о некоторых защитных блоках, которым прежде обучал Санчо. Левую шпагу нужно было держать перед собой, параллельно земле, слегка согнув при этом руку. Правой же при этом следовало находиться сзади и несколько ниже.

— Этот стиль называется флорентийским, Санчо. Он дает твоему оружию гораздо большие возможности, большую маневренность и радиус действия. Но при этом он и очень опасен, причем как для противника, так и для тебя самого. И он потребует от тебя немалых усилий. Концентрация должна быть безупречной; малейшая ошибка при использовании этой техники может стоить тебе жизни. А сейчас ты должен сделать вот что...

Перед самым рассветом Санчо обмотал цепью тело Хосуэ и накрепко закрепил один его конец вокруг ноги негра. Другой конец цепи Санчо присоединил к каминной решетке.

Он был уже у самого выхода, когда Хосуэ вдруг проснулся, почувствовав непривычную тяжесть на ноге. Это был самый худший из его кошмаров, и Санчо не решался посмотреть в глаза другу, зная, что это разобьет ему сердце.

— Я должен был это сделать, Хосуэ, — сказал он. — Если ты пойдешь со мной, они тебя убьют.

— Я хочу умереть с тобой, если такова моя судьба, — ответил негр, яростно рванув цепь. Но та оказалась слишком прочной даже для него.

— Рядом с тобой на полу лежит напильник, — сказал Санчо. Ключ от твоих оков — на наковальне в кузнице. Если я не вернусь, воспользуйся вольной, которая лежит у тебя в подсумке, и постарайся найти хорошую работу.

— Подожди... Подожди...

— Прощай, друг. Прощай, брат.

Санчо закрыл за собой дверь, стараясь не обращать внимания на жалобные вздохи гиганта. Снова и снова он пытался убедить себя, что так будет лучше для его друга, но всё равно чувствовал себя грязным предателем.

У дверей, где были привязаны лошади, его ожидал величайший из сюрпризов. Оба коня были оседланы, а на одном из них восседал кузнец. Он был одет в кожаный колет и боевые перчатки, а на боку висела шпага. За эти месяцы кузнец сильно похудел, и одежда сидела на нем несколько мешковато, но седые волосы сияли благородным серебром в лучах восходящего солнца, а лицо было спокойным и решительным.

— В дорогу, мальчик мой!

Санчо молча сглотнул. Застывший в горле ком, который он впервые почувствовал, когда ему пришлось приковать Хосуэ к каминной решетке, теперь стал еще больше и тяжелее. Этому истощенному, смертельно больному человеку едва хватало сил, чтобы удержаться в седле, не говоря уже о том, чтобы ехать на ту встречу, на которую они торопились этим утром. Но кто он такой, чтобы указывать человеку, как он должен умереть? Дрейер сам сделал выбор, и Санчо должен с уважением отнестись к его решению.

Он вдел ногу в стремя и грациозно вскочил в седло.

— Мы отправляемся в монастырь Святой Троицы. Там нас ждет друг.

Однако, когда они добрались до монастыря, оказалось, что у ворот их ждет не один, а сразу двое добрых знакомых.

— Добрый день, мой юный друг, — сказал Гильермо.

Санчо взглянул на комиссара, чуть приподняв бровь.

— А он что здесь делает?

— Он настаивал на том, чтобы прийти, — пожал плечами Сервантес.

— Я и сам могу за себя сказать, дон Мигель. Я вас в это втянул, Сансо, еще несколько лет назад. Вполне справедливо будет, если я и вытащу.

— Вот ведь проклятый чокнутый англичанин. Вы же погибнете!

— Трусы умирают много раз, мальчик мой. А храбрецы — лишь один, — самоуверенно

заявил Гильермо.

Санчо покачал головой.

— Вы ведь долго репетировали эту фразу, да?

— Всю ночь, — признался англичанин.

— Но мы здесь не в театре, маэсе Гильермо. И шпаги здесь отнюдь не из дерева.

— Как и моя, — ответил он, показывая на висящую на поясе рапиру. Не похоже, чтобы ее когда-нибудь вынимали из ножен.

— Но вы же не умеете фехтовать!

— Зато я могу притвориться, будто умею. Ведь я актер, вы не забыли?

Санчо раздраженно фыркнул.

— Держитесь за моей спиной, черт бы вас подрал. Мир не может себе позволить потерять ни единого поэта, даже такого дрянного как вы.

Затем он представил своих друзей Дрейеру, который поприветствовал их, подняв руку к полям воображаемой шляпы, которую в действительности никогда не носил.

Когда церковный колокол провозгласил, что до полудня осталось пятнадцать минут, они тронулись в путь.

Они миновали Кармонский акведук, снабжавший питьевой водой большую часть города. Когда они проехали под его каменными арками, их взору открылась громада скотобойни. Это было уродливое, покрытое пятнами сырости трехэтажное строение. Теперь Санчо понял, почему Варгас выбрал для встречи именно это место. Из верхних окон вся округа была видна, как на ладони, и любой подъезжающий был замечен издалека.

Тем более, в воскресенье, когда скотобойня пустела. Это место по праву считалось одним из опаснейших в Севилье. Преступный мир глубоко пустил здесь свои корни, и многие тамошние мясники прежде служили в армии, резать им доводилось не только бычьи или свиные глотки, но и другие, куда более нежные. А уж если кому требовалось избавиться от неудобного человека, то лучшее место трудно было найти. Скотобойня располагалась за пределами городским стен, на пустыре — идеальное место.

И если бы вместо них в поле зрения появились четверо стражников, Варгас тут же убил бы Клару, вскочил в седло и умчался на юг. Мысль о том, что Клара по-прежнему во власти этих бессердечных негодяев, заставила Санчо пришпорить коня. Последние метры лошади проскакали бешеным галопом, и пена капала с их морд.

Вонь встретила их издалека. Это была невыносимая смесь гниющей плоти, грязи и крови.

"Должно быть, летом здесь просто ужасно, — подумал Санчо и тут же содрогнулся, когда до него вдруг дошло, что он может попросту не дожить до лета. — Вот черт, а ведь я, возможно, в последний раз вдыхаю свежий воздух", — при этой мысли он глубоко вдохнул полной грудью.

С громким скрипом ворота медленно распахнулись, словно скотобойня открыла свою огромную пасть. Однако никто не вышел им навстречу.

— Вперед, — сказал Санчо.

Ворота были такой ширины, что в них запросто могли бы въехать сразу две телеги, так что четыре коня, круп к крупу, миновали их без помех, пока всадники тревожно озирались по сторонам.

Они оказались в огромном пустом помещении с земляным полом. Он был едва различим, так въелась в него за долгие десятилетия засохшая кровь и ошметки

внутренностей. Повсюду свисали цепи с крюками; большинство из них были пустыми, но на некоторых висели ободранные туши, дожидаясь понедельника, когда явятся мясники и займутся их разделкой. По углам валялись кишки и требуха, сваленные в зловонные кучи. По сравнению с тошнотворной вонью бледнели даже воспоминания о смраде в трюме "Сан-Тельмо". Санчо с ужасом обнаружил, что полуразложившиеся останки, которые он сначала принял за коровью тушу, в действительности принадлежали совсем иному существу, которое он никак не ожидал здесь увидеть. Раздетый догола, с неестественно вывернутой головой, на одном из крюков висел труп Закариаса.

А с третьего этажа, высунувшись в проем в перилах, через который в коптильню поднимали туши и крупные куски мяса, на них смотрел Франсиско Варгас. Трудно было узнать в этом человеке богатого купца, стоявшего на самых верхних ступенях собора. Сейчас на нем была грязная рубашка, волосы давно не мыты, а глаза покраснели.

— Кого я вижу! Маэсе Вимполе, какая честь! И наш друг Санчо, этот милый мальчик, который осмелился бросить мне вызов, тоже здесь! Какой приятный сюрприз! Да еще и друзей с собой привели.

— Где Клара? — спросил Санчо, изо всех сил стараясь казаться спокойным.

Купец подал кому-то знак, и сверху послышалась приглушенная возня. Потом Санчо услышал, как девушка что-то крикнула, но не смог разобрать слов.

— Отпустите ее, и я дам вам то, о чем вы просили.

— Молодой человек, вы полагаете, что я совсем идиот? Ну что ж, показывайте, что вы для меня украли. Посмотрим, такой ли вы непревзойденный вор, как говорил Закариас.

Санчо спешил, взял мешки с деньгами и сделал несколько шагов вперед — чуть дальше того места, где остались лошади. Здесь лежал огромный точильный камень, о который, как Санчо догадывался, убийцы точили свои смертоносные орудия. Теперь на этот камень Санчо бросил мешки, и от звона монет содрогнулось всё здание — сверху донизу.

— Двадцать тысяч эскудо.

Купец смотрел на него, не веря своим глазам. Когда он оставил Санчо записку, то ни единой минуты не верил, что тот сможет раздобыть такую сумму. Всё, чего он на самом деле хотел — это заставить его страдать, а заодно вытянуть из него столько денег, сколько Санчо может достать.

Молодой человек выхватил шпагу и, отступив назад, проткнул ею оба мешка. Они лопнули, словно перезрелые гранаты, и золото хлынуло наружу.

— Здесь двести сентенов. Украдены с Монетного двора две ночи назад. А теперь верните мне Клару.

Купец стоял, пораженный увиденным. Затем, нахмурившись, покачал головой.

— Ах, ну почему я не встретил вас раньше, чем тот карлик, память которого вы так чтите... Право, жалко губить такой талант. Гроот!

На втором этаже показался фламандец, держа в руках мушкет, направленный на Санчо. Молодой человек, готовый к такому повороту, тут же бросился на землю. Однако в последнюю секунду Гроот передумал и выстрелил в лошадей. Пуля сразила одну из них, остальные в испуге встали на дыбы, сбросив наземь Гильермо и Дрейера. Лишь один комиссар сумел удержаться в седле, но тут же спешил, торопясь укрыться от пуль. Все четверо спрятались у боковой стены, где пули Гроота никак не могли их достать.

— У них больше нет огнестрельного оружия, — заверил Мигель. — В противном случае нас бы давно уже не было в живых. Расстрелять нас сверху — плевое дело.

— В таком случае, чего они хотят? — спросил Санчо.

— Во-первых, отрезать нас от лошадей, а во-вторых, друг от друга. Не сомневаюсь, что их здесь гораздо больше, остальные прячутся наверху, — тихо ответил Дрейер. Выглядел он ужасно.

— Вы с Гильермо оставайтесь здесь. А мы с комиссаром поднимемся наверх.

— Нет, мой мальчик. Они могут прятаться и внизу. Так что мы пойдем вместе, — сказал Мигель.

Сверху послышался ехидный голос Варгаса.

— Старик, калека, идиот и мальчишка! И это всё ваше войско? Ну что ж, достаньте меня, если сможете!

— Скорее, к лестнице! — прошептал Санчо.

Они осторожно поднялись на второй этаж. Деревянная лестница была узкой и скрипела под их шагами. Санчо высунул голову и тут же убрал ее обратно, за мгновение до того, как перила разлетелись от выстрела. Ему в лицо полетели щепки и кусочки штукатурки.

— На той стороне здания есть еще одна лестница, она ведет на третий этаж, — хрипло прошептал Санчо Мигелю.

— Мы должны любой ценой добраться до них. Кстати, сколько их там?

— Не знаю, мне некогда было разглядывать, — с усмешкой ответил Санчо.

Комиссар высунул в отверстие свой крючковатый нос. Вместо цепей и крючьев, какие в изобилии имелись на первом этаже, здесь стояли разделочные столы. Вонь здесь была даже еще сильнее, чем внизу, судя по всему, именно отсюда она и исходила.

— Фламандец в углу, караулит нас со своим мушкетом, — сказал Мигель. Это старый мушкет, не думаю, что он так уж опасен — во всяком случае, если он не выстрелит в упор. Идемте наверх!

Санчо не был в этом так уверен, учитывая причиненные мушкетом разрушения, но выбежал наверх и пригнулся за одним из столов. Выстрела так и не последовало. Вместо этого появился смуглый низкорослый мужчина со шпагой и кинжалом. Он бросился на Санчо, и тому пришлось покинуть свою позицию и скрестить с головорезом шпаги. Шум за спиной подсказал ему, что приближается еще один враг. Повинуясь инстинкту, он отшатнулся в сторону и едва разминулся с направленной ему в бок шпагой. Он не видел нападавшего, поскольку его слепило проникающее через окна в потолке солнце, при этом в тени, как он предполагал, таились враги. Головорез перед ним на мгновение отвлекся, но потом снова начал на него насакивать, так что Санчо пришлось оголить оборону на фланге.

— Давайте ему поможем! — крикнул Мигель. Остальная часть отряда высунулась из лестничного проема, скрестив шпаги с противниками, которых Санчо не видел. Он спрашивал себя, сколько их может быть, и хватит ли их скудных сил, чтобы склонить чашу весов в свою сторону.

Враг, с которым он бился, был отличным фехтовальщиком. Его стиль был сухим и грубоватым, и Санчо противопоставил этому отточенную технику и хитрость. Громила не обладал таким же чувством стали, как Санчо, и предпочитал кружить вокруг него, прижимая к столу, за которым юноша прятался секунду назад. Он хотел загнать Санчо в угол, а потом пойти в атаку, целясь в ноги, и этот удар будет сложно отразить. Но юноша предвидел этот маневр, и когда его бедра коснулись дерева, сделал две быстрые комбинации и отскочил в сторону. Шпага головореза, направленная ему в ногу, вонзилась в ножку стола и застряла. Только это и нужно было Санчо, чтобы перерезать ему глотку. Бандит рухнул, сжимая в руке

шпагу.

За спиной послышалось какое-то движение, и Санчо обернулся с поднятой шпагой. Но тут же опустил ее, увидев, кто это. За ним находились Мигель и Гильермо, попавшие в затруднительное положение с тремя противниками. Англичанин оборонялся, как умел, а комиссару едва удавалось защищать обоих. Из ран на его плече и лбу сочилась кровь, он явно не мог бы сопротивляться слишком долго.

Санчо вскочил на стол, находящийся слева от него, пробежал по нему и спрыгнул за спиной у двоих головорезов. Один обернулся, и как раз вовремя, чтобы острие шпаги Санчо вонзилось ему в брюхо. Другой испугался и смог проскользнуть под столом, а потом побежал к лестнице. Мигель повернулся к Гильермо, который отчаянно отбивался от медлительного толстяка с красным носом. Головорез был явно в подпитии, возможно, лишь это сохранило жизнь англичанину, который несмотря на все усилия с каждым разом отходил всё дальше под натиском противника. К своему неудовольствию, он понял, что в реальной жизни шпага противника предназначена не для того, чтобы стучать по твоей, производя как можно больше шума, а лишь для того, чтобы перерезать глотки.

Комиссар ничем не мог помочь Гильермо, потому что из тени выскочил другой человек и напал на него самого. В ту же секунду сверху донесся чей-то полный боли вопль. Санчо вздрогнул, узнав голос Клары.

— Черт побери, парень! — крикнул Мигель. — Беги скорее, спасай ее!

Теперь их опять разделял стол. Санчо посмотрел через плечо в сторону ведущей на третий этаж лестницы. Путь был свободен. Он не мог больше ждать, но и оставить друзей в таком положении тоже не мог. Посмотрев под ноги, Санчо обнаружил деревянное ведро с металлическим ободом. Он схватил его и кинул в голову пьяного головореза. Раздался сухой треск, и тот рухнул прямо на шпагу Гильермо, потянув его за собой на пол. В уверенности, что Мигель сможет справиться в одиночку, Санчо бросился к цели.

Он не успел добраться до лестницы, когда на освещенном пятачке прямо перед ним разыгралась сцена, достойная пера Данте. Безоружный Дрейер стоял на коленях, снизу вверх взирая на Гроота. Фламандец, стоя возле него, не спеша наносил ему своей шпагой легкие порезы, хорошо заметные на обеих руках и на боку. Санчо понял, что кузнец нарочно отстал от остальных, чтобы посмотреть в лицо человеку, который разрушил его счастливую жизнь. Видимо, он забыл о том, что едва может даже передвигаться, не говоря уже о том, чтобы противостоять опаснейшему из убийц Севильи. И теперь Гроот играл с ним, как кошка с мышкой — беспомощной, окровавленной мышкой, охваченной бессильной яростью. Взгляд маленьких порослячьих глазок делал это жуткое лицо еще отвратительнее.

Фламандец что-то процедил на своем наречии, Дрейер ответил на том же языке. Должно быть, его ответ фламандцу не слишком понравился, и он тут же нанес кузнецу еще одну рану — на этот раз под левым глазом. Не в силах больше наблюдать за этой резней, Санчо шагнул вперед, войдя в последний круг света возле самой лестницы и показавшись на глаза врагу.

— Явился, не запылится! — воскликнул фламандец, перейдя на кастильское наречие. — Так это твой ученик, Дрейер? В таком случае, тебе известно, что я делаю с твоими щенками.

— А тебя, капитан, я вижу, так ничему жизнь и не научила? Или тебе снова в рожу дерьмом запустить? Слава Богу, его здесь хватает, — с издевкой ответил Санчо. Он хотел сполна отплатить фламандцу за все страдания своего учителя.

Глаза Гроота широко распахнулись, когда он вспомнил дерзкого мальчишку, убежавшего от него с золотой монетой в руке. То давнее оскорбление так и не изгладилось из его памяти. Кровь Гроота вскипела от ярости, и он бросился на Санчо. Но прежде, чем вонзить в него лезвие шпаги, он вдруг остановился, и лицо его озарилось зловещей улыбкой.

Он сделал шаг назад и поднял шпагу.

— Я не прочь был бы доставить себе удовольствие, убив еще одного твоего щенка у тебя на глазах, Дрейер. Но вдруг произойдет немыслимое...

И сделав выпад, он одним ударом проткнул Дрейеру трахею. Кузнец захрипел и рухнул. Он умер еще до того, как коснулся пола.

Санчо, которого капитан хотел спровоцировать, пришлось сдержаться, чтобы не перепрыгнуть через труп своего учителя и не вцепиться Грооту в глотку. Блеск в глазах фламандца подсказал ему, что именно этого тот и ожидает.

— Я убью тебя, — сказал Санчо, вынимая из ножен вторую шпагу, которую носил на поясе.

Он стал во флорентийскую позицию, нацелив оба клинка Грооту в лицо. Тот растерянно моргнул.

— Так ты и есть та самая уличная крыса? Теперь я понимаю, как тебе удалось пробраться на Монетный двор.

Он сделал шаг вправо в поисках мертвой зоны Санчо.

— Для крестьянина с наполненной опилками башкой ты слишком много болтаешь, — сказал юноша, тоже шагнув вправо.

Они стали кружить у тела Дрейера. Подметки их сапог оставляли на полу кровавые следы, они ставили ноги осторожно в поисках твердой точки опоры, в готовности в любую секунду броситься вперед. На сей раз первым атаковал Гроот, он сделал быстрый выпад немного в сторону, и Санчо отразил его одной рукой, а клинок в другой в это время описал круг прямо перед лицом капитана, которому пришлось откинуть голову, поскольку острие оказалось в ладони от его носа.

Они сделали еще один круг, и Санчо пытался забыть о вони, усталости, страхе и ненависти и думать только о прямых и крученых ударах, углах, под которыми делать выпад, расстояниях и комбинациях.

"Шестая позиция слева, скрестить шпаги в седьмой справа, удержать и снова попытаться войти в шестую", — думал он. И его тело автоматически выполнило этот маневр. Шаг вперед, выпад в правое плечо противника, который тот отразил, потом они сцепились шпагами, и Санчо попытался снова встать в изначальную позицию. Но к сожалению, де Гроот обладал чудовищной силой, и удержать его шпагу было невозможно, так что фламандец отразил финальную часть атаки Санчо, словно встретил на своем пути хрупкую веточку.

"Я его не одолею. Не смогу".

Но эта атака, видимо, встревожила капитана, поскольку он ответил на нее серией ударов, которые Санчо едва смог отразить. Каждый раз, когда сталь смыкалась, рука юноши содрогалась до самых плеч, он буквально ощущал треск суставов от невероятных усилий, словно пытается остановить брыкающегося мула картонным клинком.

— Ну, что скажешь, *smeerlap*? — усмехнулся Гроот.

Оба тяжело дышали, но Санчо не обманывался на счет противника. Мышцы его левой руки, сухожилия кисти, даже зубы давали ему понять, что второй такой атаки он не

выдержит. Еще один выпад, и оборона Санчо дрогнет. И тогда шпага де Гроота войдет ему меж ребер.

Должно быть, фламандец это почувствовал, потому что сделал шаг вперед и нанес один из своих излюбленных ударов в левый бок Санчо, который едва смог его отвести. Гроот собрался с силами, развернулся и снова атаковал, так что его длинная шпага обрушилась на голову Санчо, как дубина. Перед неминуемым ударом юноша успел упасть на колени и скрестить оба своих клинка над головой, задержав шпагу противника. Фламандец улыбнулся, увидев, что теперь Санчо полностью в его власти, и изо всех сил надавил, в то время как молодой человек всё больше сгибался.

— Хочешь меня проткнуть? Что ж, попробуй, сукин ты сын!

Санчо рывком выдернул левую шпагу. Пораженный Гроот не смог удержать свою, и она соскользнула по наклонной плоскости второго клинка Санчо. Широкое острие отскочило от эфеса, спускаясь ниже, пока не нашло брешь в обороне Санчо.

Долго не раздумывая, Гроот яростно воткнул шпагу в правую руку Санчо и радостно взревел, однако крик радости превратился в вопль боли. Не понимая, что произошло, фламандец посмотрел вниз.

Левая шпага Санчо погрузилась ему меж ребер на целую ладонь.

— Не может быть... — пробормотал Гроот, а потом рухнул прямо на Санчо.

Тот вскрикнул, когда на него навалилась вся громадная туша Гроота, пригвоздив руку с вонзенной в нее шпагой к полу. Он услышал треск и ощутил чудовищную боль, даже большую, чем при самом ранении, но не выпустил из рук оружия. Вместо этого он несколько раз провернул шпагу, не сводя глаз с лица Гроота. Они были так близко, что их дыхание смешалось.

— Вы друг друга стоите. Креольская шляха и уличная крыса, — сказал фламандец, выплевывая кровавую пену — верный признак того, что конец его близок. — Ну как, понравилось тебе ее трахать? Не сомневайся, уж мы-то делали это всю неделю.

Юноша уперся каблуками в пол и из всех сил рванулся наверх, еще больше погрузив шпагу в грудь де Гроота. Тот отхаркнул черной сгусток крови, и глаза его погасли. С невероятными усилиями Санчо вылез из-под громадного тела и начал подъем на последний пролет лестницы.

Добравшись до последнего этажа, он почувствовал, что вот-вот потеряет сознание. Рана в правой руке чудовищно болела, а левой он едва мог пошевелить после того, как Гроот рухнул на него всем весом. Он так и не смог вытащить шпагу из-под тела Гроота и оставил ее там, а другую едва удерживал в руке.

Варгас стоял наверху и глядел на него — весь белый, с перекошенным от ярости лицом. Рядом с ним была Клара, изо рта у нее всё еще торчал кляп. Варгас перебросил тело девушки через перила и теперь удерживал ее за платье. Босые ноги Клары повисли над пустотой.

— Стоит мне разжать пальцы — и она умрет.

— Вы умрете первым, если посмеете разжать пальцы.

Купец громко расхохотался.

— Хотите сказать, что я поверю, будто вы оставите меня в живых, если я ее отпущу?

— Думайте, что хотите. Но клянусь небом над головой, если вы ее сбросите, я выпущу вам кишки еще до того, как она упадет.

Варгас наблюдал за приближением Санчо с такой яростью, что тот не мог предсказать, как поступит купец. От напряжения у него дрожали плечи, он стиснул зубы с безжалостной

гримасой. В конце концов он с воплем дернул Клару за платье и бросил ее на пол, к деревянным перилам. Девушка осталась лежать, всхлипывая.

Санчо нагнулся к ней и вытащил кляп. Клара закашлялась и прильнула к его груди.

— Успокойся. Всё будет хорошо. Теперь мы вместе, и больше нас никто никогда не разлучит. Я тебе обещаю.

Варгас отошел от проема в перилах. На мгновение он бросил взгляд на свою шпагу, а потом на Санчо, стоящего на коленях рядом с Кларой, прикидывая свои шансы.

— Даже не думайте об этом, — сказал Санчо, пытаясь скрыть под улыбкой, что сейчас не смог бы отбить выпад и пятилетнего ребенка.

Варгас тоже улыбнулся. Это была вымученная гримаса с мертвым и пустым взглядом.

— Вы думаете, что победили, да? Та, кого вы любите — моя дочь, Санчо. Вы еще вспомните об этом, когда она родит вам сына. Вот увидите, у него будет мое лицо.

— Не знаю, смогу ли отличить ваше лицо от моего. В конце концов, мы оба — уличные крысы.

Санчо предвидел нападение гораздо раньше, чем оно произошло. Глядя на ноги Варгаса, развернувшиеся в его сторону. По его глазам, которые широко открылись перед атакой. По положению шпаги, которая нацелилась на Санчо, пока купец преодолевал те три шага, что их разделяли. Но хоть он и предвидел нападение, руки не слушались. У него оставалась лишь одна возможность.

Когда шпага устремилась к нему, Санчо поднырнул под нее, а потом поднялся и плечом ударил старика в грудь. Тот отшатнулся к перилам и замахал руками, отчаянно пытаясь сохранить равновесие. На мгновение он его нашел, но вес купца оказался непомерным для прогнившей древесины, и она треснула. Варгас исчез в пустоте.

Санчо перегнулся над перилами и увидел, что Варгас распластался внизу, как сломанная кукла. С жутким хрустом он ударился головой о точильный камень. Безжизненные глаза купца по-прежнему были полны печали, а кровь и мозги выплеснулись на монеты и камень, и растекались по полу, где валялась трубка и кишки.

Так сбился кошмарный сон Варгаса.

Колокольный звон начался мощно и чисто, чтобы затем превратиться в быстрый, пронзительный и радостный перезвон. Этот звук ни с чем не спутаешь.

Колокола собора возвестили о том, что 23 апреля 1591 года прибыл флот из Индии. В Аренале как всегда царил праздничная и радостная атмосфера. В этот год из-за голода, от которого Севилья так страдала зимой, людей просто переполняло веселье. Они пили вино прямо из бочонков, которые прикатили с собой, распевали песни, восхваляли Господа и молились об успехе экспедиции. Шлюхи и воры тоже выручили неплохие деньжата.

В центре веселой суматохи прощались четверо. Пятого, англичанина, который отправился на родину на французском корабле через Нормандию, они проводили неделю назад. Он уехал с полными денег карманами и в прекрасном расположении духа. Когда Санчо вытащил его из-под трупа головореза, залитого кровью и кишками, англичанин поклялся святым Георгием, что если выпутается из этой истории, то больше никогда не станет пить. И с того дня и правда не брат в рот вина. Он проводил дни, погружившись в свои бумаги, и что-то писал, заявив, что, вернувшись в Лондон, попробует поставить несколько пьес, которые пришли ему в голову. Он также много времени провел наедине с комиссаром, они рассказывали друг другу разные истории и болтали о людях.

Санчо и Хосуэ использовали это время с большой пользой для себя. Они перевезли в кузницу Дрейера седельные сумки, полные золотых сентенов, и туда же доставили тело кузнеца. Они похоронили его возле кузницы, чтобы он мог каждый день встречать восход солнца, как и при жизни. Над могилой водрузили крест, откованный из лучшей стали — того же металла, из которого была сделана душа этого человека, давшего Санчо так много.

Ковка креста стала для Санчо настоящим вызовом и хорошей тренировкой перед новой задачей. Украденные монеты были слишком заметными. Король Филипп ограничил их оборот, используя их лишь в платежах монархам и самым знатным персонам. Да и стоимость их была слишком высока, чтобы потратить эти деньги как обычно. Если Санчо попробовал бы ими воспользоваться, альгвасилы тут же схватили бы его на площади Святого Франциска, он не успел бы и "Отче наш" прочитать.

Перековка золота в маленькие слитки оказалась гораздо более сложной задачей, чем он воображал. Хотя Санчо много раз видел, как работает Дрейер, и даже иногда помогал ему по мелочам, кузнец не обучил его секретам мастерства, ограничившись лишь уроками фехтования. А прочие секреты он унес с собой в могилу, поскольку тайны кузнечного искусства не записывал, но Санчо видел достаточно, чтобы попробовать. Добиться нужной температуры, чтобы расплавить золото, было просто. Он наблюдал, как королевский эскудо исчезает в оранжевом пламени, и это принесло юноше определенное удовлетворение. Гораздо сложнее оказалось залить расплавленный металл в формы и добиться одинаковой формы. Ему понадобилось несколько дней, в память о которых остались многочисленные шрамы на предплечьях, потому что в отличие от стали в золоте появлялись пузырьки, которые в результате образовывали совершенно неожиданные формы. Но Санчо добился своего.

Первый же ювелир, к которому он обратился, лишь нахмурился при виде этих бесформенных слитков подозрительного вида, слишком похожих на рукоять шпаги.

— Вывозить золото из Индии и плавить его самостоятельно — противозаконно, — сказал он, глядя на Санчо поверх очков.

— Это часть золотого канделябра, который завещал мне отец, — ответил Санчо. — Мне пришлось его расплавить — иначе я бы его просто не донес, он слишком тяжелый. Но если вас это не интересует... — он сгреб золотые слитки с прилавка.

— Я не говорил, что меня это не интересует, — поспешно заверил тот, хватая его за руку. — Давайте обсудим цену.

Этот трюк Санчо повторял многократно с разными ювелирами, и в итоге сумел выручить несколько тысяч эскудо. Это было намного меньше, чем стоили монеты, но получить больше, не покидая пределов Испании, было бы всё равно невозможно. Наверное, какой-нибудь флорентийский или генуэзский банкир согласился бы принять сентены, не задавая при этом лишних вопросов, но Санчо не мог рисковать, пускаясь в столь далекое путешествие. А кроме того, деньги ему были нужны именно сейчас, и как можно скорее.

Большую их часть он погрузил в котомку и отнес в то место, где никогда не был счастлив. Подъем по монастырской стене с таким грузом был трудным и опасным. Забравшись ночью через окно в келью брата Лоренсо, он положил котомку с деньгами ему на стол. Как раз закончилась всенощная, во время которой Лоренсо всегда находился в часовне вместе с другими монахами. Едва Санчо собирался уже перелезть обратно через подоконник, как услышал знакомый голос:

— Здесь нечего красть, парень.

— Теперь есть что, — ответил тот, хватаясь за веревку, по которой только что поднялся.

— Подожди, Санчо!

Тот удивленно застыл.

— Вы меня узнали?

Монах поднялся и зажег свечу.

— Я всегда знал, что ты вернешься, мой мальчик, но всё же полагал, что войдешь ты через дверь. Что это? — спросил он, указывая на мешок, который теперь лежал у него на столе.

— Это зависит от вас, падре, — ответил Санчо.

Рука брата Лоренсо коснулась мешка. В его глазах вспыхнуло изумление, когда костлявые пальцы нащупали знакомые очертания.

— Не понимаю... — пробормотал он.

— Я хочу сказать, что содержимое этого мешка может быть плодом греха и результатом грабежа, а может стать хлебом для детей-сирот, которого им хватит на долгие годы. Повторяю, это зависит от вас.

Старик с грустью посмотрел на Санчо.

— Почему ты явился в такой час?

— А сейчас я не понимаю вас, падре.

— Ты мог бы прийти во время службы. И обнаружил бы мою пустую келью. Ты же знаешь наш распорядок, ведь ты долго здесь жил.

Санчо замолчал, поскольку монах был прав. Он ждал этой встречи, обдумывая, что скажет, и что ему ответят. И честно говоря, немного побаивался встречи с монахом.

— Ведь ты пришел, чтобы бросить эти деньги мне в лицо, мой мальчик. Чтобы припереть меня к стене, чтобы соблазнить, как Сатана искушал Иисуса в пустыне. Чтобы заставить меня выбирать.

Молодой человек пожал плечами. Это было действительно так.

— И что же? — спросил он.

— Да благословит тебя Бог, мальчик.

Глаза Санчо широко раскрылись. Такого он никак не ожидал.

— Но...

— Ты знаешь, сколько наших детей умерло во время голода? — спросил монах. — И сколько маленьких могил нам пришлось вырыть в этой промерзлой земле? Бог показал мне, как я ошибался. Настоящим грехом было бы отказаться от твоей помощи из гордыни или высокомерия, мой мальчик. Надеюсь, Христос простит меня, но мне бы хотелось, чтобы все твои грехи остались в прошлом.

Санчо улыбнулся, сел на подоконник и обхватил ногами веревку.

— Прощайте, падре, — ответил он и начал спускаться вниз.

Он успел спуститься на половину высоты, когда монах выглянул в окно.

— Подожди! — на голой шее старика дергался костлявый кадык, когда он напряг голос, чтобы Санчо услышал его слова в ледяном ночном ветре. — Ты хочешь узнать, кто привез тебя сюда?

— В этом нет необходимости! — прокричал Санчо в ответ. — Я уже его знаю, и он сказал мне, что эти шесть эскудо были лучшим вложением в его жизни.

Монах одобрительно улыбнулся и снова вернулся в помещение. Глядя на огромный мешок на столе, он не мог с этим не согласиться.

***

Четверо на пирсе распили последний кувшин вина в ближайшем трактире. Багаж их был скуден, потому что они собирались создать свою жизнь с чистого листа по другую сторону океана. Хосуэ нес свою одежду и несколько книг, поскольку Санчо учил его читать. Сам Санчо взял свое оружие и остатки денег, которые добыл, продав золотые слитки. Этого количества было достаточно, чтобы пуститься в любую авантюру.

Клара везла с собой два огромных сундука, набитых медицинскими трактатами и всевозможными лекарствами, с которыми она собиралась начать свое дело на новом месте. Ничто больше не держало девушку в Севилье. Она пролила много слез, когда узнала о смерти Каталины, но всё же меньше, чем при прощании с девушками из "Компаса". Неделю назад Хуани, та юная проститутка, с которой Клара познакомилась в первый свой визит, родила сына. Теперь Хуани была вне себя от горя, что Клара уезжает, и та ее понимала. Но теперь перед молодой аптекаршей открывалась дверь в новую жизнь, и она была счастлива. Мечта ее матери о возвращении на родину и ее собственная мечта о свободе теперь сбывались, слившись воедино.

В глазах Мигеля де Сервантеса стояла печаль. Он поцеловал Клару. В последние месяцы, узнав ее лучше, он проникся к ней глубочайшим уважением. Затем пожал руку Хосуэ, который в ответ стиснул его ладонь с такой силой, что едва не раздавил. И, наконец, обратился к Санчо.

— Вы многому научили меня, друг мой. В ту ночь, когда мы расставили ловушку для

Варгаса, Гильермо рассказал мне, как вы стали вором.

Даже проведя столько времени бок о бок с комиссаром, Санчо не мог не покраснеть, вспомнив о том, как в ту ночь разбивал бочки с вином, как будто они были его главными врагами.

— Это достойная сожалений история.

— Но в его устах она прозвучала блистательно. Быть может, когда-нибудь она ляжет в основу книги, и вы станете ее главным героем.

Санчо покачал головой.

— Да Бог с вами, дон Мигель! Какой из меня герой? Я обычный человек с добрым сердцем.

Мигель посмотрел на него серьезным взглядом, а затем оба расхохотались и заключили друг друга в объятия.

— Спасибо, мой мальчик.

— Я рад, что для вас это хотя бы послужит основой для хорошего рассказа.

Комиссар на мгновение отвернулся и часто заморгал, как будто что-то попало ему в глаз, а потом откашлялся и спросил:

— Ну так что же, Санчо? Вы наконец поняли, из какой материи сотканы наши грёзы?

— Маэсе Гильермо считал, что из чернил, которыми он записывает свои истории. Я думал, что из золота, ведь это оно дает средства для воплощения в жизнь наших планов. А вы полагали, что они полны надежды, которая вдохновляет нас на их воплощение.

Санчо обернулся к Кларе, которая ответила ему мягкой и обольстительной улыбкой и ясным, как утренний воздух, взглядом. Когда Санчо вновь обратился к Мигелю, юноша словно витал уже где-то в тысяче миль отсюда.

— И что же? Каков ваш ответ?

— А почему не всё вместе, дон Мигель? — ответил Санчо, отвернувшись на миг, чтобы поцеловать руку Клары. — Почему бы нет?

Мигель еще долго стоял на севильском причале, созерцая, как галеон плывет вниз по Бетис. По доскам, где они только что прощались, ветер гнал черный, как полночь, волосок Клары, и он же толкал в сторону Нового Света королевский флот. Мигеля охватила странная меланхолия, ему хотелось занять место юноши, которого он спас от смерти и которому был обязан собственной жизнью. Теперь он будет так по нему скучать. Когда за поворотом реки скрылся последний парус, комиссар наконец-то позволил скатиться слезе, оставившей на его худом и загорелом лице блестящий след.

"Золото, чернила и надежда. Неплохая комбинация, — подумал Мигель, ведя лошадь под уздцы сквозь толпу. Он пересек Корабельный мост, забрался в седло и пришпорил коня к новой цели. — Совсем неплохая".

Копыта лошади подняли на дороге клубы пыли. А когда они рассеялись, дорога была пуста.

Язык жестов, с помощью которого общаются Санчо и Хосуэ, хотя и кажется на удивление современным для описываемой эпохи, на самом деле таковым не является. Происхождение языка жестов восходит к незапамятным временам, можно сказать, что он столь же древний, как и сама речь. Существуют упоминания о его использовании в время многих исторических событий, хотя впервые полностью этот способ был задокументирован как способ обучения глухих арагонцем Хуаном де Пабло Бонетом (1573–1633), современником наших героев.

Другой выдающейся фигурой из того же столетия, что и Санчо, был Хоачим Мейер, чья биография послужила основой для моего вымышленного героя — маэстро Дрейера. В его трактате о фехтовании, напечатанном в 1600 году, были описаны многие технические аспекты этого искусства.

Что касается Николаса де Монардеса, то в реальной жизни он имел мало общего с персонажем романа. Монардес был одним из величайших медиков испанской эпохи Возрождения, если не главным из них, хотя в действительности больше походил на Франсиско де Варгаса и вдохновил на создание этого персонажа. Монардес был ловким торговцем и стал мультимиллионером, занимаясь перевозкой товаров из Америки, которые затем продавал в Севилье и других городах Европы. Известно, что его состояние достигало двадцати семи миллионов мараведи. Для этого романа он превратился в более плохого торговца, но лучшего медика, но при прочтении его трактатов мы можем узнать, что он был сторонником теории "четырёх жидкостей", которая совершенно не нравилась в романе учителю Клары.

Для романиста реальная жизнь слишком запутана и грязна. Монардес был известным автором книг своей эпохи и великим медиком, но также и работником, продающим живой товар в Америку. Его рабам выжигалась на щеке буква М, являвшаяся его торговой маркой. В романе для благозвучности все его плохие черты приписаны Варгасу, не случайно оба героя играют по отношению к Кларе отцовскую роль.

Возможно, читателю судьба нашей юной героини покажется слишком надуманной. Часть ее приключений навеяна невероятной историей Элены Сеспедес, освобожденной рабыни, которая работала костоправом, выдавая себя за мужчину. К сожалению, история Элены закончилась довольно печально — ее убила инквизиция.

Умению Клары читать и писать также не стоит удивляться. Не так уж редко дамы обучали своих рабов, если сами были грамотными. И вполне логично, что она увлеклась рыцарскими романами, которые в те времена были бестселлерами и бульварным чтивом. Люди обсуждали их у цирюльника и на рыночных площадях, а поведение персонажей копировали, как сегодня копируют рок-звезд или футболистов. Неудивительно, что королевским указом в 1531 году запрещалось экспортировать в Америку "романы с пустыми и невежественными историями, такие как об Амадисе и другие того же качества". Снобы жаловались, что "девчушки едва научатся ходить, как уже носят какую-нибудь "Диану" в

кармане", и это говорит нам о том, что механизмы создания идиологов в XXI веке те же, что были пятьсот лет назад — слава, красота, поверхностность и секс.

Сентены действительно существовали, именно такие, как описано в романе, хотя я немного искажил историю, поместив их в более раннюю эпоху. Это обдуманное решение, поскольку первый король, который их отчеканил, это Филипп III, а не его отец. Сегодня сентены крайне редки, единственная монета из двух огромных мешков, которые Санчо с Хосуэ украли на Монетном дворе, стоит примерно миллион евро. Не могу даже представить, сколько переплавил Санчо в кузнице Дрейера.

Мигель де Сервантес Сааведра, королевский комиссар по поставкам в описываемую эпоху, а чуть позже — всемирно признанный писатель, провел тот период своей жизни в Севилье, занимаясь закупками зерна. Он также впутался в неприятности из-за карточной игры и имел проблемы с законом, перед тем как написал бессмертный роман, источником вдохновения для которого (кто знает?) мог бы частично послужить благородный и бесстрашный вор по имени Санчо из Эсихи. Часть, посвященную его выкупу из алжирского плена, как и фигуру монаха Хуана Хиля, я постарался как можно точнее приблизить к реальности.

Уильям Шекспир, "бродяга, актер и поэт", а позже — тоже небезызвестный драматург, фигура столь же изменчивая и страстная, как и его пьесы. Относительно многих аспектов его жизни сложно узнать правду, в особенности о "неизвестных годах" (1587–1592), в которые неслучайно и происходят события "Легенды о воре". Шекспир в те годы мог находиться где угодно, и возможность, что его наследие происходит из самого большого и важного города XVI века, не так уж невероятна, как может показаться.

Меня всегда завораживало, что эти два самых величайших писателя в истории умерли 23 апреля 1616 года, в этот день сегодня отмечается день книги. Оба имели и еще одну общую черту — похоже, обессмертившее их вдохновение они получили в одно и то же время. До "неизвестных лет" Шекспира никто не знал. До севильского периода жизни Сервантес был малоизвестным автором. На вероятности, что они познакомились, и два гигантских разума взаимно разожгли друг в друге литературный огонь, я и воздвиг этот приключенческий роман. И тот, и другой ссылаются на одни и те же исторические события, иногда очень завуалированно, и читателю было бы интересно все их разгадать.

Взаимное влияние Шекспира и Сервантеса и правда существовало. Прочитав перевод "Дон Кихота", англичанин написал комедию "Карденио" с персонажем, носящим имя, похожее на имя героя Сервантеса. К сожалению, эта пьеса была утеряна при пожаре, и до нас дошли лишь ссылки на споры о ней. Чтобы узнать больше об обоих гениях, я рекомендую биографии, написанные Мигелем Фернандесом Альваресом — "Сервантес, взгляд историка" и "Мастодонт Шекспир", издательство Harold Bloom.

Кстати, мы позаимствовали у маэсе Гильермо его замысловатый почерк, которым написано название каждой части. А название этого романа — из одной из его пьес, которую он написал "из того же вещества, что и наши сны". Это "Буря", а стих, которым начинается последний акт, прекрасно подходит для прощания.

Просперо

Окончен праздник. В этом представлении

Актерами, сказал я, были духи.

И в воздухе, и в воздухе прозрачном,

Свершив свой труд, растаяли они.

Вот так, подобно призракам без плоти,
Когда-нибудь растают, словно дым,
И тучами увенчанные горы,
И горделивые дворцы и храмы,
И даже весь — о да, весь шар земной.
И как от этих бестелесных масок,
От них не сохранится и следа.
Мы созданы из вещества того же,
Что наши сны. И сном окружена
Вся наша маленькая жизнь. [\[16\]](#)

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Благодарности

Благодарю Антонию Керриган и ее команду: Лолу, Виктора, Хильде и Тоню. Вы лучшие.

Манеля Лоурейро, писателя и друга. Мануэля Соутиньо, друга и читателя. Я так многим обязан обоим, что и за несколько жизней не смогу с ними расплатиться. С вашим умом и чувством юмора я не смог бы закончить этот роман, да и весь мир был бы необитаемым местом.

Ицхака Фрескора, человека, способного восстать из пепла.

Маноло и Аврору, принимавших нас в своем доме, когда мы удалялись, чтобы заняться писательством в Орегонском лесу.

Хуану Хосе Гинесу и Альфреду Конде, двум добрым друзьям, которые читали рукопись и сделали ценные исправления.

Всю команду издательства "Планета": Марселу Серрас, Пури Пласу, Анхелеса Агилеру Серхи Альвареса и потрясающую группу, которая помогала вложить эту книгу в ваши руки.

Пабло Нуньеса, который заполнил рукопись заметками на полях.

Сесара и Амалию, которые помогали в самом важном.

Катуксу, потому что это центр моего существования, Анхелу и Хави, которые подтолкнули меня к личной зрелости.

И тебя, читатель, за то, что сделал мои произведения успешными в сорока странах, сердечно благодарю тебя и обнимаю. И последняя просьба: если знаешь хорошую историю, то напиши мне о ней.

---

notes

Хиральдильо — так называют в народе бронзовую скульптуру, венчающую колокольню собора Святой Марии в Севилье.

Мараведи — серебряная или медная испанская монета. Два медных мараведи равнялись одному серебряному.

Мориски — мусульмане Аль-Андалуса, официально (как правило, насильно) принявшие христианство, а также их потомки.

Хубон — верхняя часть мужского костюма с высоким стоячим воротником, украшенным по краю белым рюшем.

Плундры — короткие, мешковатые мужские брюки из ткани или бархата, с вертикальными прорезями, показывающими подкладку, поэтому их также называли штанами с начинкой.

Буква S, оплетающая гвоздь, символизирует смерть Иисуса на кресте, и таким образом все носящие эту эмблему являются такими же рабами, как и он сам. По-испански раб — esclavo, т. е. S и гвоздь.

Гаррота — испанское орудие казни через удушение.

Вара — испанская мера длины, равная 83,5 см.

И видел я выходящих из уст дракона и из уст зверя и из уст лжепророка трех духов нечистых, подобных жабам. (Библия. Откровение Иоанна Богослова, 16:13)

Терция — тактическая единица Испанской Империи в европейских сражениях в XVI–XVII веках. В терции были представлены пикинеры, мечники и аркебузиры и/или мушкетёры. В теории в составе терции должно было находиться 3000 солдат, хотя на практике зачастую было меньше половины этого числа. Испанские терции были первыми в Европе тактическими единицами, где личный состав был представлен добровольцами-профессионалами, вместо наёмников, которые составляли большинство европейских армий того времени.

Амадис Гальский — герой средневековых испанских романов об Амадисе, созданных Гарси Родригесом де Монтальво.

Тринитарии («Орден Пресвятой Троицы», лат. *Ordo Sanctissimae Trinitatis*) — католический нищенствующий монашеский орден, основан в 1198 году французским богословом Жаном де Мата и пустынником Феликсом де Валуа (Валезий) для выкупа пленных христиан из мусульманского плена. Девизом ордена стала фраза *Gloria Tibi Trinitas et captivis libertas* (Слава тебе, Троица, а пленным — свобода).

Битва при Лепанто 1571 года, или Третья битва при Лепанто — морское сражение, произошедшее 7 октября 1571 года в Патрасском заливе у мыса Скрофа между флотами Священной лиги и Османской империи. Битва при Лепанто стала крупнейшим морским сражением XVI века, доказавшим европейцам, что непобедимых доселе турок можно одолеть.

Кади — судья шариатского суда.

Smeerlap (голланд.) — сви́ня.

Перевод М. Донского.